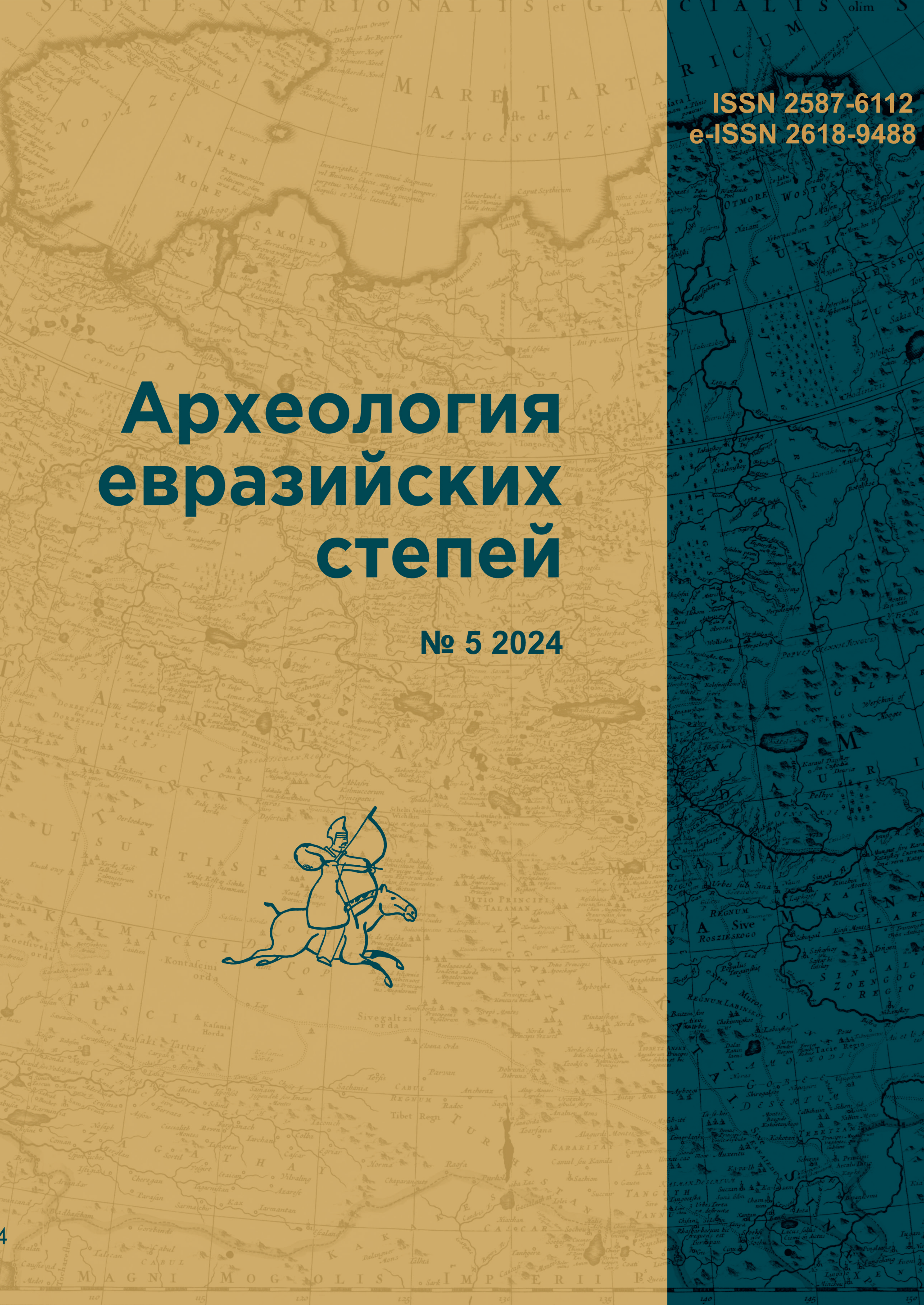

ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

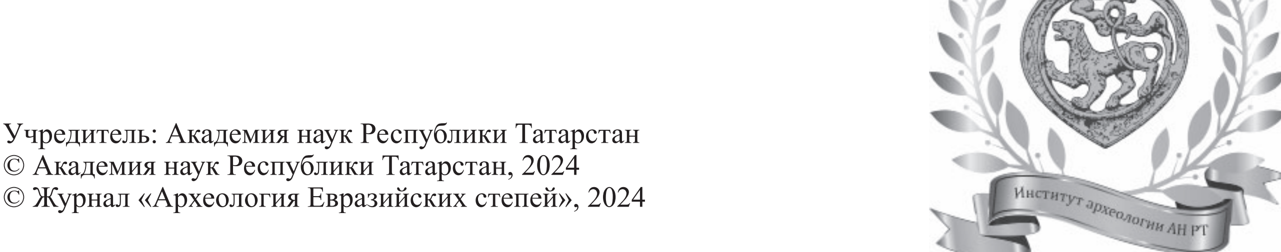
Археология евразийских степей

№ 5 2024

ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ
№ 5 2024

Журнал основан в мае 2017 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–79080
от 28 августа 2020 г. выдано Роскомнадзором
Адрес редакции, издателя:
420012, г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Телефон: (843)236-55-42
Адрес учредителя:
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20
E–mail: archeostepps@gmail.com
https://www.evrazstep.ru
Индекс ПП754, электронный каталог печатных изданий
«Почта России»
Выходит 6 раз в год

Учредитель: Академия наук Республики Татарстан

ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

ARKHEOLOGIIA EVRAZIISKIKH STEPEI
ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES
No 5 2024

Editorial Office Address:
Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation
Telephone: (843)236-55-42
E-mail: archeostepps@gmail.com
https://www.evrazstep.ru

СОДЕРЖАНИЕ

История и культура народов степной Евразии: традиции и взаимодействие*

Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве**

---

* *Материалы Международной конференции «История и культура народов степной Евразии: традиции и взаимодействие»*

** *Материалы Юбилейной X научной конференции "Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве", посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова.*

CONTENT

History and culture of peoples Steppe Eurasia: traditions and interaction

The Dialogue of Urban and Steppe Cultures in the Eurasian Space

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА НАРОДОВ СТЕПНОЙ ЕВРАЗИИ: ТРАДИЦИИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.5.8.20

РЕКОНСТРУКЦИЯ ГОЛОВНОГО УБОРА И ДАТИРОВКА АРТЕФАКТОВ ИЗ КУРГАНА №4 МОГИЛЬНИКА ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ ХАНХАРИНСКИЙ ДОЛ (АЛТАЙ)

©2024 г. П.К. Дашковский

В статье представлены результаты изучения вторичного погребения в кургане №4 могильника Ханхаринский дол, который расположен в Краснощековском районе Алтайского края (Северо-Западный Алтай). В кургане внутри деревянной конструкции в виде рамы, перекрытой плахами, обнаружены костные останки женщины в возрасте 35-50 лет с частично нарушенным анатомическим порядком. Женщина была ориентирована головой на восток. Проведен морфологический и сравнительно-исторический анализ сопроводительного инвентаря. На основе анализа погребального инвентаря и результатов радиоуглеродного датирования установлено, что указанные курган относятся к IV-III вв. до н.э. Особое внимание уделено реконструкции женского головного убора, который был украшен аппликациями из золотой фольги. В верхней части убора зафиксирована аппликация в виде орла, который символизировал верхний мир в мифологической картине мира индоиранских народов, в т.ч. и «пазырыкцев». Приведены аналогии головного убора из других погребений пазырыкской культуры Алтая. В кургане зафиксированы сопроводительные захоронение лошади, что дополнительно указывает на социальный статус погребенных людей.

Ключевые слова: пазырыкская культура, Алтай, скифская эпоха, погребальный инвентарь, головной убор

RECONSTRUCTION OF A HEADDRESS AND DATING OF ARTIFACTS FROM BARROW NO. 4 OF THE PAZYRYK CULTURE KHANKHARINSKIY DOL BURIAL GROUND (ALTAI)

P.K. Dashkovsky

The article presents the results of a study of a secondary burial at the barrow No. 4 of the Khankharinsky Dol burial ground, which is located in the Krasnoshchyokovo district of the Altai Krai (Northwestern Altai). At the barrow, inside a wooden structure in the form of a frame, covered with blocks, the bone remains of a woman aged 35-50 years with a partially disrupted anatomical order were discovered. The woman was oriented with her head to the east. A morphological and comparative-historical analysis of the accompaniments was made. Based on the analysis of burial goods and the results of radiocarbon dating, it was established that these barrows date back to the IV-III centuries BC. Special attention is paid to the reconstruction of the female headdress, which was decorated with gold foil applications. At the top of the headdress there is an applique in the shape of an eagle, which symbolized the upper world in the mythological picture of the world of the Indo-Iranian peoples, including and "Pazyryk people". Analogies of headdresses from other burials of the Pazyryk culture of Altai are given. An accompanying burial of a horse was recorded at the barrow, which additionally indicates the social status of the buried persons.

Keywords: Pazyryk culture, Altai, Scythian era, burial set, headdress

Введение

Могильник Ханхаринский дол является одним из наиболее крупных памятников пазырыкской культуры на Алтае, исследование которого ведется уже более 20 лет Краснощековской археологической экспедиций Алтайского государственного университета под руководством автора статьи. Данный памятник входит в состав Чинетинского археологического микрорайона, расположенного в окрестностях с. Чинета Краснощековского района Алтайского края (Северо-Западный Алтай) (Дашковский, 2023). Некрополь выявлен в восточной части второй надпойменной

Рис. 1. Месторасположение могильника Ханхаринский дол.
Fig. 1. Location of the Khankharinsky Dol burial ground.

террасы на левом берегу р. Иня (левый приток Чарыша) в 1–1,5 км к ЮВ от с. Чинета (рис. 1).

На указанном могильнике раскопано более 40 курганов, которые относятся к разным периодам скифо-сакской эпохи. В данной работе представлены некоторые предварительные итоги изучения кургана № 4 могильника Ханхаринский дол, который относится к пазырыкской культуре Алтая. Особенностью данного кургана, кроме состава погребального инвентаря, включающего разнообразные артефакты, включая головной убор, является то, что само погребение носило вторичный характер. Такая особенность погребального обряда не является частной для кочевников Алтая, поэтому остановимся на ее характеристике.

Описание вторичного погребения

Курган № 4 зафиксирован в центральной части некрополя (рис. 2; 3).

Диаметр насыпи, сложенной из камней в 1–2 слоя, составлял 11 м. Высота сооружения была 0,1–0,3 м. В центре кургана прослеживался участок без камней, являющийся результатом просада насыпи в могильную яму. По периметру кургана зафиксирована кольцевая каменная выкладка (крепида). Под наброской обнаружена могила, имеющая размеры 3,35×2,45×2,3 м (рис. 4).

Могильная яма оказалась ориентирована длинной осью по линии ЮВ–СЗ. Внутри нее вдоль северной, южной и восточной стенок на глубине 1,68 м выявлены деревянные плахи от продольного перекрытия, которые, вероятно, были уложены на каркас в виде рамы. В могиле обнаружены костные останки женщины в возрасте 35–50 лет с частично нарушенным анатомическим порядком. Скелет оказался почти полным, хотя при этом череп не сочленялся с костями туловища. Анатомическая целостность позвоночного столба в поясничной части была нарушена, крестец отсутствовал, а также не зафиксировано сочленения в тазобедренных и плечевых суставах. Многие кости скелета, в том числе череп, имеют обширные резаные повреждения. Расположение этих повреждений свидетельствует в пользу того, что нарушение анатомических связей между отдельными элементами скелета в какой-то мере было связано с препарацией тела покойника. Несмотря на отсутствие связок и суставов, скреплявших туловище и конечности, взаимное расположение этих частей тела, а также головы, судя по положению костей, было близко к естественному. По-видимому, должна была существовать какая-то искусственная оболочка (одежда или специальное покрытие), которая не позволяла разрозненным частям скелета полностью развалиться и утратить «форму тела». Костные останки были ориентированы головой на В. Около черепа обнаружено большое скопление сажи, скорее всего это остатки парика, и множество фрагментов золотой фольги. Золотая фольга встречалась также в области грудной клетки.

Вдоль северной стенки могилы находилось сопроводительное захоронение лошади,

Рис. 2. Расположение кургана №4 в курганной цепочке.
Fig. 2. Location of barrow No. 4 in the barrow chain.

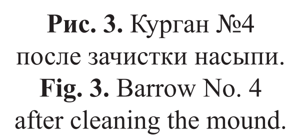

Рис. 3. Курган №4 после зачистки насыпи.
Fig. 3. Barrow No. 4 after cleaning the mound.

которая была уложена на живот с подогнутыми ногами и ориентирована головой на юго-восток. В погребении обнаружены миниатюрное бронзовое зеркало, железные удила и нож, фрагменты золотой фольги, керамический кувшин, а также ритуальная пища – кости барана.

Следует отметить, что в последние годы среди исследователей наблюдается повышенный интерес к погребениям с нарушенной анатомической целостностью, а также к постпогребальным ритуалам, которые были достаточно широко представлены у разных народов, в т. ч. и у кочевников степной полосы Евразии (Зайцева, 2005; Очир-Горяева, 2018). Анализу особенностей вторичных погребений из могильника Ханкаринский дол будет посвящена отдельная публикация. В данном случае отметим только, что указанное погребение не содержало никаких признаков ограбления или осквернения. Зафиксированные особенности расположения костей позволили сделать вывод о том, что захоронение было совершено через более или менее длительный промежуток времени после смерти, когда тело покойника частично или почти полностью разложилось.

Несмотря на то, что наличие вторичных погребений на могильниках скифской эпохи Горного Алтая не является широко распространенным явлением, тем не менее встречается. В частности, такие объекты были обнаружены в некоторый районах Горного Алтая, в частности на могильник Верх-Еланда-2 (Степанова, Неверов, 1994, с. 13, 19, рис. 7: 2; с. 21, рис. 10: 2), хотя первоначально данному

Рис. 4. Погребение в кургане №4.
Fig. 4. Burial of the barrow No. 4.

явлению не придали большого значения. Более пристальное внимание данной особенности погребальной обрядности древних кочевников уделил А.П. Бородовский после исследования погребений на некрополях Барангол-2, 4, Чултуков Лог 1, 2, на территории которых, наряду с обычными захоронениями, зафиксирован целый ряд вторичных – курганы № 1–4 (Бородовский, 2000, с. 204–205, рис. 1: 3, 7, 11, 12; Бородовский, Бородовская, 2013, с. 44–51).

Отмеченная практика обращения с телами покойников на могильнике Ханхаринский дол (Дашковский, Тишкин, Тур, 2005) находит также определенные аналогии в Минусинской котловине (Murphy, 2004, с. 122–132) и Туве (Мандельштам, 1983, с. 27; 1992, с. 181). По мнению Э.М. Мерфи, практика вторичных погребений в скифское время на территории Евразии, вероятнее всего, связывается с сезонными миграциями и необходимостью хоронить покойников на родовых кладбищах (Murphy, 2004, с. 122–132). Действительно, у кочевников Центральной Азии, как в эпоху поздней древности, так и Средневековье, широко была распространена практика погребать умерших в определенное время года – обычно ранней весной или осенью. Выявленная закономерность сезонности погребений у номадов горных районов Алтая в пазырыкское время объясняется как палеодемографическими процессами, так и определенными мировоззренческими представлениями (Полосьмак, 2001, с. 238–255; Тишкин, Дашковский, 2003, с. 136–144, 253–254).

Анализ погребального инвентаря и датировка

Погребальный инвентарь из погребения достаточно разнообразный и включает в себя бронзовые миниатюрное зеркало (рис. 5: 1), железный нож (рис. 5: 22), железные удила (рис. 5: 21), керамический сосуд, две железные заколки с навершием, покрытым золотой фольгой (рис. 5: 17, 18). Указанные категории предметов имеют устойчивые аналогии среди памятников пазырыкской культуры, исследованных в разных районах Алтая (Кубарев, 1987; 1991; 1992; Кирюшин, Степанова. 2004; Дашковский, 2023; Суразаков, 1989; Могильников, 1983а; 1983б; и др.). Кроме того, в кургане № 4 обнаружен женский головной убор, украшенный аппликациями из золотой фольги, который будет рассмотрен ниже (рис. 5: 2–16; 6, 7).

В данном случае отдельно остановимся на такой категории инвентаря, как зеркала. Зеркало из кургана № 4 представляло собой изделие округлой формы диаметром 4,6 см с ручкой слегка подтрапециевидной формы длиной 2,7 см, шириной 2–2,2 см (рис. 5: 1).

Проблемой типологии зеркал из курганов скифской эпохи Горного Алтая занимались разные исследователи (Суразаков, 1989, с. 77–79, Кубарев, 1987, с. 90–91; 1991; с. 97–99; Кирюшин, Степанова, 2004, с. 218–219; и др.). Не останавливаясь подробно на всех подходах, отметим только такие важные при классификации морфологические признаки, как диаметр диска и форма ручки изделия при ее наличии. В данном случае экземпляр из

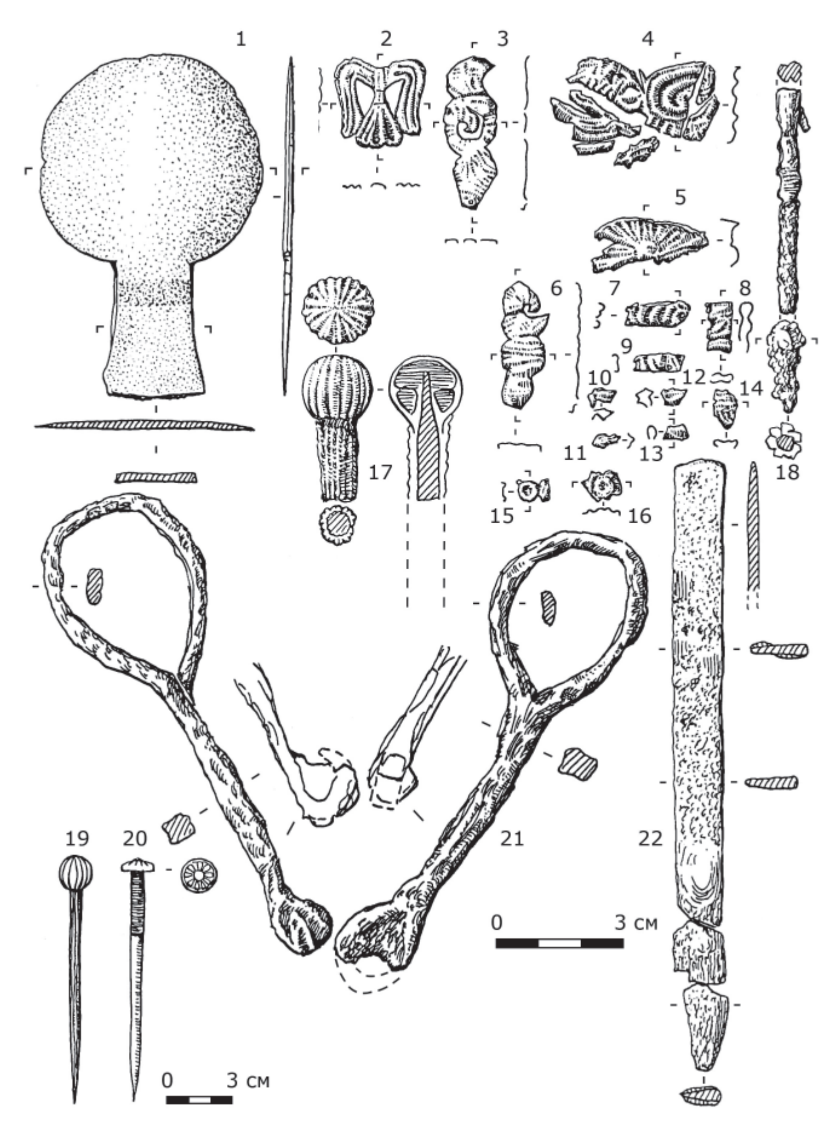

Рис. 5. Инвентарь из кургана №4. 1 – бронзовое зеркало; 2 – аппликация из золотой фольги в виде орла; 3, 6 – аппликации из золотой фольги; 4-5, 7-16 – фрагменты золотой фольги; 17-18 – железная заколка с навершием из золотой фольги; 19-20 – реконструкция железных заколок; 21 – железные удила; 22 – железный нож.

Fig. 5. Finds of the barrow No. 4. 1 – bronze mirror; 2 – application made of gold foil in the shape of an eagle; 3, 6 – applications made of gold foil; 4-5, 7-16 – fragments of gold foil; 17-18 – an iron hair slide with a gold foil top; 19-20 – reconstruction of iron hair slides; 21 – iron bits; 22 – iron knife.

кургана № 4 типологически можно отнести к односоставным изделиям, к типу № 1 по классификации Ю.Ф. Кирюшина и Н.Ф. Степановой (2004, с. 78–79). Рассматриваемый экземпляр из кургана № 4 в большей степени тоже тяготеет к подтрапециевидной форме.

Аналогичного типа изделия известны в кургане № 11 могильника Верх-Еланда 2, кургане № 4 могильника Юстыд XII, кургане № 1 могильника Джолин II и др. (Кирюшин, Степанова, 2004, с. 79, рис. 218: 6, 15; Кубарев, 1991, табл. XXI: *4–5*; LXXI: *1*; и др.).

В хронологическом отношении зеркала с короткой боковой подпрямоугольной ручкой датируются V–IV, IV или IV–III вв. до н. э., в то время как изделия с округлой или овальной петлей известны преимущественно из курганов конца VI–V или V–IV вв. до н. э. (Кирюшин, Степанова. 2004, с. 82). Для зеркал с короткой трапециевидной рукояткой на данном этапе более устойчивой закономерности пока не прослеживается, но в целом они встречаются в основном в памятниках V–III и IV–III вв. до н. э. В данном случае рассмо-

тренный экземпляр можно отнести к периоду IV – начала III вв. до н. э. Следует также отметить, что зеркала с короткой боковой ручкой известны в синхронных памятниках и на соседних территориях, в частности в Туве (Грач, 1980, с. 174, 204), Монголии (Новгородова, 1989, с. 266–268, 285; и др.), Хакасско-Минусинской котловине (Мартынов, 1979, с. 55; Членова, 1967, с. 88, табл. 21: 16), Казахстане (Акишев, Кушаев, 1963, табл. XI: 34, 37; Хабдулина, 1994, с. 59), в Забайкалье (Диков, 1958, таб. 1: 12). Широкий ареал распространения медалевидных зеркал с выступающей короткой или удлиненной ручкой позволил сделать предположение об их центральноазиатском происхождении (Кубарев, 1991, с 100).

Учитывая морфологические признаки и не совсем качественное изготовление зеркала из кургана № 4 могильника Ханхаринский дол, можно предположить, что оно изготавливалось специально для погребения и даже особо не обрабатывалось после отливки. Такая практика изготовления предметов, в т. ч. зеркал, именно для погребений была широко распространена у носителей пазырыкской культурной традиции на Алтае (Кирюшин, Степанова. 2004, с. 82; Кубарев, 1987; 1992). Этот вывод подтверждается как анализом всей совокупности зеркал из курганов пазырыкской культуры Алтая, так и находкой в парных погребениях, например в кургане № 4 могильника Юстыд XII, одинаковых миниатюрных зеркал, отлитых в одной форме (Кубарев, 1991, с. 105, рис. 25: 7, 8, табл. XXI: 4, 5).

Другая категория вещей представлена женскими заколками, которых, вероятно, в кургане № 4 могильника Ханхаринский дол было две (рис. 5: 17–20). Рассматриваемые железные заколки имели навершия, покрытые золотой фольгой. Длина сохранившейся части первой заколки всего 3,3 см, хотя изначально изделие достигало в длину около 10 см. Диаметр ее шаровидного дольчатого навершия составлял 1,7 см. Вторая железная заколка имела длину сохранившейся части 7,5 см. Вверху изделия зафиксировано небольшое гвоздевидное навершие диаметром 0,8 см, покрытое золотой фольгой и украшенное дольчатым орнаментом.

Заколки с аналогичной шаровидной формой и дольчатым орнаментом навершия обнаружены в курганах № 9 могильника Юстыд XIII (Кубарев, 1991, с. 111, табл. LXII: 5), в курганах № 3 и 9 могильника Малталу IV (Кубарев, 1992, с. 94–95, рис. XLII: 8; XLIX: 5), в кургане № 15 могильника Ханхаринский дол (Дашковский, Усова, 2011). Необходимо отметить, что железные, а также бронзовые заколки с различными типами наверший встречаются не очень часто в погребениях кочевников скифской эпохи Горного Алтая. Вероятно, более широко были распространены деревянные шпильки, но они редко сохраняются (Кубарев, 1991, с. 111; 1992, с. 93–95; и др.). По подсчетам исследователей, на начало XXI в. их было известно около 50 таких предметов (Кирюшин, Степанова, 2004, с. 86). С учетом раскопок курганов пазырыкской культуры за последние двадцать лет на могильниках Ханкаринский дол, Чинета-II и других памятниках Алтая количество таких изделий составляет не менее 60 экземпляров.

Близкого шаровидного типа заколки известны и в памятниках каменской культуры Алтая, в частности в кургане № 12 (могила 8), № 15 (могила 3) могильника Новотроицкое-I (Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 215, рис. 15: 15, с. 224, рис. 24: 2; Могильников, 1997, с. 77–78, рис. 57: 1–2), в кургане № 19 (могила 15) могильника Рогозиха-I (Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 24, рис. 42: 3; рис. 53: 5), курган № 1 (могила 2) могильника Иня-3 (Горбунов, Тишкин, Фролов, Дашковский, 2011, с. 103, рис. 1: 1–2) и др.

По мнению исследователей, железные заколки с шаровидным навершием достаточно часто встречаются на территории степной полосы Евразии (Кирюшин, Степанова, 2004, с. 90). При этом больше всего таких изделий, шаровидные навершия которых покрыты золотой фольгой, известно в Верхнем Приобье. На указанной территории они появились в конце V – IV вв. до н. э. и продолжали существовать вплоть до II в. до н. э. (Могильников, 1997, с. 78). В то же время в некоторых районах Алтая, в частности в районе Средней Катуни, железные заколки с шаровидной головкой появляются несколько ранее – в VI–V вв. до н. э. (Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 85). С учетом имеющихся аналогий, а также других предметов вещевого комплекса заколки из кургана № 4 могильника Ханхаринский дол можно датировать IV–III вв. до н. э.

Из предметов снаряжения лошади в кургане № 4 могильника Ханхаринский дол выявлены железные удила (рис. 5: 21). Они были пред-

ставлены комплектом двусоставных с однокольчатым окончанием звеньев. Длина одного звена 11,8 см, а второго – 12,5 см. Внешний диаметр кольцевого окончания слегка вытянутой формы 3,75 см и 3,5 см соответственно. Удила с такими особенностями достаточно в большом количестве известны на памятниках пазырыкской культуры из разных районов Алтая, в т. ч. и в северо-западной его части (Кубарев, Шульга, 2007, с. 270, рис. 4: 11–18; Шульга, 2015, с. 93–97; Кирюшин, Степанова. 2004, с. 45–46; Дашковский, 2023; Кубарев, 1991, с. 42–44; и др.). На территории горных районов Алтая указанного типа железные удила появляются с VI в. до н. э. и продолжают функционировать на протяжении всего периода существования пазырыкской культуры (Шульга, 2015, с. 96; Суразаков, 1989, с. 25; Кубарев, 1992, с. 32; и др.).

Среди бытовых орудий труда в кургане № 4 могильника Ханхаринский дол был обнаружен железный пластинчатый нож (рис. 5: 22). Бронзовые или железные ножи встречаются вместе с остатками ритуальной пищей (кости барана, реже лошади) почти в каждом, за редким исключением, погребении пазырыкской культуры. По своим морфологическим признакам железный нож из рассматриваемого кургана могильника Ханхаринский дол может быть отнесен к прямым пластинчатым ножам без выделенной ручки и наверший. Длина ножа из кургана № 4 составляла 12,7 см, а ширина 1,1 см. Ножи с отмеченными морфологическими характеристиками имели значительное распространение в течение всего периода существования пазырыкской культуры (Суразаков, 1989, с. 16–23; Кирюшин, Степанова, 2004, с. 72–76; Кубарев, 1987, с. 52–54; 1991, с. 69–70; 1992, с. 53–54; и др.). Керамическая посуда, обнаруженная в кургане № 4 могильника Ханхаринский дол, также имеет широкие аналогии в памятниках пазырыкской культуры Алтая, выступая одним из обязательных атрибутов погребальной обрядности кочевников (Кубарев, 1987; 1991; 1992; Суразаков, 1989; Кирюшин, Степанова, 2004; и др.).

Таким образом, анализ различных категорий погребального инвентаря позволяет отнести курган № 4 могильника Ханхаринский дол к пазырыкской культуре и датировать в пределах IV–III вв. до н. э. Археологическое датирование в целом нивелируется с результатами радиоуглеродного анализа образцов, полученных для кургана № 4 могильника Ханхаринский дол (Тишкин, Дашковский, 2007; Дашковский, Тишкин, 2015; и др.).

Реконструкция головного убора

В процессе изучения курганов скифо-сакского периода на некрополе Ханхаринский дол обнаружено несколько женских и мужских головных уборов, из которых опубликован только экземпляр, обнаруженный в кургане № 15 (Дашковский, Усова, 2011). Он представлял собой головной убор – парик, навершие которого, судя по сохранившейся черной краске, могло быть изготовлено из войлока, обтянутого в нижней части шерстяной тканью. На убор-парик вертикально в ряд нашивались аппликации, которые крепились с помощью отверстий, расположенных на них. Палочка-каркас с зооморфной фигуркой наверху с головного убора из кургана № 15 могильника Ханхаринский дол проходила через весь головной убор, что делало его устойчивым при ходьбе. Кроме этого, вся конструкция головного убора из кургана № 15 могильника Ханхаринский дол держалась благодаря нескольким шпилькам, которые закрепляли парик на затылке и по бокам головы. Подобного типа головные уборы были встречены также в кургане № 34 могильника Чинета-II, расположенного в одной долине с некрополем Ханхаринский дол (Дашковский, 2021), а также в кургане № 1 могильника Ак-Алаха-3 (Полосьмак, 2001).

Головной убор из кургана № 4 могильника Ханхаринский дол принципиально отличался от вышеуказанных изделий. Он представлял собой женский островерхой формы колпак высотой до 50 см, который был сшит, вероятно, из двух симметричных половинок войлока, с небольшими полями. В верхней части убор был украшен аппликацией в виде фигурки орла, голова которого была отломана (рис. 6: 2). По нижней части убор был украшен фигурными вытянутыми аппликациями в виде асимметричного листка с вырезанной на наружной поверхности запятой, две из которых сохранились относительно хорошо (рис. 6: 1, 2). Такой головной убор надевался поверх парика, который, судя по пятну черной краски под черепом, также был у погребенной женщины (рис. 7).

Подобного типа головные уборы выявлены при исследовании некоторых других памят-

Рис. 6. Аппликации из золотой фольги.
Fig. 6. Gold foil applications.

ников пазырыкской культуры. В частности, аналогичный убор обнаружен при раскопках кургана № 1 могильника Ак-Алаха-3 (Полосьмак, 2001, с. 74–75). При этом данный экземпляр не был декорирован никакими аппликациями. Другим примером может являться головной убор из женского погребения в кургане № 19 могильника Юстыд-XII (Кубарев В.Д., 1991, табл. XLV: 14). Он был декорирован птицевидными бляшками с бронзовой основой, покрытыми золотой фольгой и нашитыми вертикальным рядом на головной убор из темно-красного войлока. Кроме того, на данном головном уборе также отмечены три крупные нашивные аппликации (Кубарев В.Д., 1991, табл. XV: 15–17), которые по форме очень близки аналогичным изделиям из кургана № 4 могильника Ханхаринский дол.

Особого внимания заслуживает аппликация в виде фигурки орла. Он изображен с расправленными и обнаруженными крыльями. Голова птицы, вероятно, была повернута в сторону, но она не сохранилась. В определенной степени стилистически близкие изображения орлов рассматриваемому экземпляру обнаружены в Первом Туэктинском кургане (Руденко, 1960, с. 286, рис. 145: 1; табл. XCVII: 1–3). В качестве декоративного элемента головных уборов изображения орлов в сильно стилизованной или более реалистичной манере встречены в курганах № 18 и 19 могильника Юстыд-II (Кубарев В.Д., 1991, Табл. XLIII: 6–7; Табл. XLV.-14), также встречено на мужских головных уборах из кургана № 1 могильника Ак-Алаха-I (Полосьмак, 2001: рис. 16: б; 157, реконструкция IV), кургане № 26 могильника Барбугазы-1 (Кубарев, 1992: табл. XXXI: 9–1), в кургане № 22 могильника Усть-Теплая (Грушин, Степанова, Фрибус, 2023, рис. 6). Кроме того, известны находки объемных фигурок орлов, изготовленных из дерева, которые использовались как навершие головного убора. Такие предметы выявлены, например, в кургане № 2 могильника Уландрык IV (Кубарев, 1987, с. 276, табл. LXXV: 33), в кургане № 8 могильника Юстыд-II (Кубарев, 1991: табл. XXVII: 33). Следует отметить, что если выявлены две или несколько фигурок орлов в виде аппликаций, то они, как правило, нашивались в ряд на головной убор. А если была одна фигурка орла в виде аппликации или в форме объемного деревянного изделия, то ее помещали в верхнюю часть убора.

Птица в мифологической картине мира выступала как универсальный символ верхнего мира (Топоров, 2010, с. 210–262). В индоевропейской мифологической традиции орел всегда находился на вершине Мирового древа (Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 538), т. е. выступал символом верхней части мироздания. Образ орла занимал важное место в мировоззрении индоиранских народов. Орлы были связаны с солнцем и его движением по небосклону. При этом они могли отождествляться с другим солярным животным –

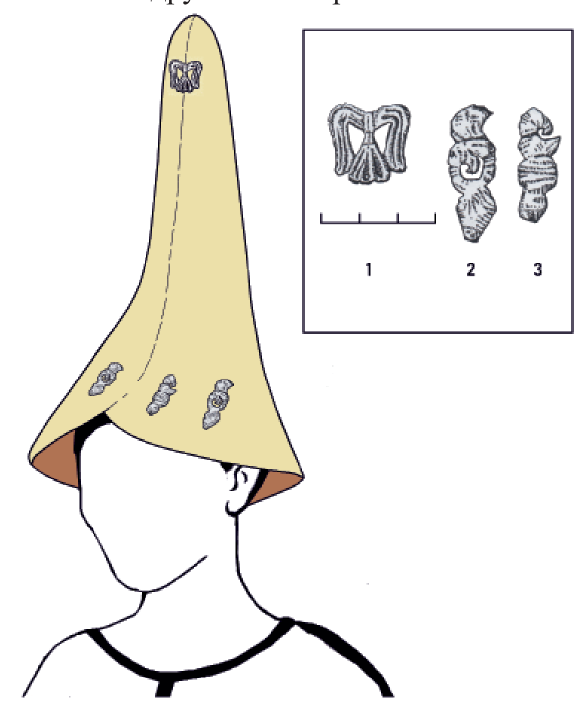

Рис. 7. Реконструкция женского головного убора.
Fig. 7. Reconstruction of a female headdress.

конем (Кузьмина, 1977, с. 101–102). Примечательно, что в Ригведе часто упоминается, что в солнечную колесницу часто запряжены не только кони, но и орлы. В частности, в Ригведе указывается, что: «Да привезут Вас Ашвины, орлы, запряженные в колесницу, быстрые птицы» (Ригведа, 1972, с. 330). Орел также выступал символом царской власти. Так, в Месопотамии начиная с III тыс. до н. э. он выступал как династийная эмблема. Позднее через посредничество Ассирии в этом же значении он распространился у ираноязычных народов. Наиболее наглядно орел символизировал царскую власть на штандартах, колесницах и одежде правителей Ахеменидской империи. Орел в индоиранской мифологии являлся воплощением фарна – символом божественной силы и счастья, а также существом, которое принесло людям священное растение хаому (сому) (Кузьмина, 2015, с. 58–59). Орел также являлся составной частью т. н. «сенгерова колеса» – символа вечного круговорота солнц в виде голов коня и орла (в других случаях грифона). Этот изобразительный мотив было широко распространен у народов степной полосы Евразии в скифосакскую эпоху (Кубарев, 1991, с. 154). Кроме того, некоторые исследователи высказывали предположение, что орел мог быть воплощением иранских богов Митры и Веретрагны (Акишев, 1984, с. 42; Кузьмина, 2015, с. 59).

Вероятно, у «пазырыкцев» Алтая семантика образа орла в целом соответствовала индоиранской идеологии, поэтому он выступал символом солнца, верхнего мира, где располагалось верховное божество, а также подчеркивалась его роль в культе плодородия (Кубарев, 1991, с. 155). В этой связи вполне понятно расположение фигурки орла на головном уборе их кургана № 4 могильника Ханхаринский дол, который в данном случае как раз выступал символом верхнего мира.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование показало, что в кургане № 4 могильника Ханхаринский дол обнаружено женское погребение вторичного характера. Сравнительно-исторический подход позволил отнести раскопанный курган к пазырыкской культуре и датировать в пределах IV–III вв. до н. э. Основная причина появления практики вторичных погребений у кочевников Горного Алтая в скифское время, вероятно, связана с палеодемографическими процессами, сезонными перекочевками и традицией хоронить умерших на родовых кладбищах, что имело и определенное мировоззренческое обоснование. Наличие сопроводительного захоронения лошади в женском погребении дополнительно подчеркивало его статус. В процессе исследования зафиксированы остатки головного убора, тщательное изучение которых позволило провести его реконструкцию. Сравнительно-исторический подход позволил также привести аналогии ему, а также аппликациям из золотой фольги, которые располагались на самом изделии, из других памятников пазырыкской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Акишев А.К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата: Наука, 1984. 176 с.

Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата: Наука, 1963. 298 с.

Бородовский А.П. Вторичные погребения эпохи раннего железа на Нижней Катуни (по материалам Барангольского некрополя) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XI / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. Барнаул: Алт. ун-т, 2000. С. 197–200.

Бородовский А.П., Бородовская Е.П. Археологические памятники горной долины нижней Катуни в эпоху палеометалла. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013. 220 с.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и пракультуры. Т. I-II. Тбилиси: изд-во Тбио. Ун-та, 1984. 1328 с.

Горбунов В.В., Тишкин А.А., Фролов Я.В., Дашковский П.К. Аварийные раскопки на курганном могильнике Иня-3 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XII / Отв. ред. Л.А. Никитина. Барнаул: Азбука, 2001. С. 101–104.

Грач А.Д. Древние кочевники в Центре Азии. М.: Наука, 1980. 256 с.

Грушин С.П., Степанова Е.В., Фрибус А.В. Пазырыкский головной убор из могильника Усть-Тёплая (Северный Алтай) // Записки ИИМК РАН. Вып. 29 / Гл. ред. В.А. Лапшин. СПб: ИИМК РАН, 2023. С. 156–165.

Дашковский П.К. Комплексная хронология и социальная интерпретация кургана № 34 пазырыкской культуры из могильника Чинета-II (Алтай) // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 69. С. 17–25.

Дашковский П.К. Чинетинский археологический микрорайон на Алтае: краткий путеводитель / Этнокультурные и религиоведческие исследования в Евразии. Вып. 6. Барнаул: АлтГУ, 2023. 72 с.

Дашковский П.К., Тишкин А.А. Новые данные по радиоуглеродному датированию кургана № 5 могильника Ханкаринский дол (Алтай) // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований сборник статей, посвященный 70-летию профессора Ю.Ф. Кирюшина / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ, 2015. С. 119–125.

Дашковский П.К., Тишкин А.А., Тур С.С. Вторичные погребения в курганах скифского времени на памятнике Ханкаринский дол // Западная и Южная Сибирь в древности / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ, 2005. С. 62–68.

Дашковский П.К., Усова И.А. Погребение пазырыкской культуры на могильнике Ханкаринский дол (Северо-Западный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 3 (47). С. 78–84.

Диков Н.Н. Бронзовый век Забайкалья. Новосибирск: СО АН СССР, 1958. 106 с.

Зайцева О.В. Погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка: методика исследования и возможности интерпретации. Автореф. дисс. … канд. истор. наук. Новосибирск, 2005. 28 с.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни Барнаул: АлтГУ, 2004. 292 с.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул: АлтГУ, 2003. 234 с.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 302 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.

Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск: Наука, 1992. 220 с.

Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007. 282 с.

Кузьмина Е.Е. Конь в искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы / Отв. ред. А.И. Тереножкин. К.: Наукова думка, 1977. С. 96–119.

Кузьмина Е.Е. Искусство и мифы бактрийцев и скифов: В стране Кавата и Афрасиаба. М.: КРАСАНД, 2015. 152 с.

Мандельштам А.М. Исследования на могильном поле Аймырлыг (Некоторые итоги и перспективы) // Древние культуры евразийских степей / Отв. ред. В.М. Массон. Л.: Наука, 1983. С. 25–33.

Мандельштам А.М. Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. П.Г. Гайдуков. М.: Наука, 1992. С. 178–196.

Мартынова А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск: Наука, 1979. 208 с.

Могильников В.А. Курганы Кызыл-Джар I, VIII – памятники пазырыкской культуры Алтая // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая / Гл. ред. Н. С. Модоров. Горно-Алтайск: ГАНИИЯЛ, 1983а. С. 3–39.

Могильников В.А. Курганы Кызыл-Джар II–V и некоторые вопросы состава населения Алтая во второй половине I тыс. до н.э. // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая / Гл. ред. Н. С. Модоров. Горно-Алтайск: ГАНИИЯЛ, 1983б. С. 40–71.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М.: Наука, 1997. 195 с.

Новгородова Э.А. Древняя Монголия. М.: Наука, 1989. 384 с.

Очир-Горяева М.А. Следы постпогребальных обрядов в курганах скифской эпохи степей Евразии // Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления / Труды ИИМК РАН. Т. 46 / Отв. ред. Е.В. Носов. СПб: ИИМК РАН, 2016. С. 113–128.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2001. 336с.

Ригведа. Избранные гимны / Пер Т.А. Елизаренковой. М.: Наука, 1972. 418 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л.: Наука, 1960. 360 с.

Степанова Н.Ф., Неверов С.В. Курганный могильник Верх-Еланда-2 // Археология Горного Алтая / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 11–24.

Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа: Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск: ГАНИИЯЛ, 1989. 165 с. 49 ил.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: Алт. ун-т, 2003. 430с.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Результаты радиоуглеродного датирования памятников пазырыкской культуры Ханкаринский Дол и Яломан-III // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях / Ред. Г.И. Зайцева, М.А. Кулькова. СПб.: ИИМК РАН. 2007. С. 291–299.

Топоров В.Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. Т. I. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. 448 с.

Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади в Горном Алтае и Верхнем Приобье. Ч. II (VI–III вв. до н.э.). Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015б. 322 с.

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул: АлтГУ, 2009. 329 с.

Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-I на левобережье Оби. Барнаул: АлтГУ, 2005. 204 с.

Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы: Ракурс, 1994. 170 с.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 300 с.

Murphy E.M. Secondary burial practices in Iron Age Tuva, South Siberia // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 3 / Ред. М.Б. Медникова. М.: Наука, 2004. С. 122–132.

Информация об авторе:

Дашковский Петр Константинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой и лабораторией, Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия); dashkovskiy@fpn-asu.ru

REFERENCES

Akishev, A. K. 1984. *Iskusstvo i mifologiia sakov (Art and Mythology of the Saka)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).

Akishev, K. A., Kushaev, G. A. 1963. *Drevnyaya kul'tura sakov i usuney doliny reki Ili (Ancient culture of the Sakas and Wusuns of the Ili River basin).* Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).

Borodovsky, A. P. 2000. In Kiryushin, Yu. F., Tishkin, A. A. (eds.). *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaya (Preservation and study of the cultural heritage of Altai)* XI. Barnaul: Altai State University, 197–200 (in Russian).

Borodovsky, A. P., Borodovskaya, E. P. 2013. *Arkheologicheskie pamyatniki gornoy doliny nizhney Katuni v epokhu paleometalla (Archaeological sites of the Lower Katun mountain valley in the Palaeometal epoch).* Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).

Gamkrelidze, T.V., Ivanov, V.V. 1984. *Indoevropeyskiy yazyk i indoevropeytsy: Rekonstruktsiya i istoriko-tipologicheskiy analiz prayazyka i prakul'tury (Indo-European language and Indo-Europeans: Reconstruction and historical and typological analysis of the proto-language and proto-culture).* Vol. I–II. Tbilisi: Tbilisi State University (in Russian).

Gorbunov, V. V., Tishkin, A. A., Frolov, Ya. V., Dashkovskiy, P. K. 2001. In Nikitina, L. A. (ed.). *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediia Altaiskogo kraia (Preservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai)* 12. Barnaul: Altai State University Publ., 101–104 (in Russian).

Grach, A. D. 1980. *Drevnie kochevniki v Tsentre Azii (Ancient nomads in the Center of Asia)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Grushin, S. P., Stepanova, E. V., Fribus, A. V. 2023. In Lapshin, V. A. (ed.). *Zapiski Instituta istorii material'noi kul'tury (Transactions of the Institute for the History of Material Culture)* (29). Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 156–165 (in Russian).

Dashkovskiy, P. K. 2021. In *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia (Bulletin of the Tomsk State University: History)* 69, 17–25 (in Russian).

Dashkovskiy, P. K. 2023. *Chinetinskiy arkheologicheskiy mikrorayon na Altae: kratkiy putevoditel' (Chinetinsky archaeological microdistrict in Altai: a short guide).* Series: Etnokul'turnye i religiovedcheskie issledovaniya v Evrazii (Ethnocultural and religious studies in Eurasia) 6. Barnaul: Altai State University (in Russian).

Dashkovskiy, P. K., Tishkin, A. A. 2015. In Tishkin, A. A. (ed.). *Arkheologiya Zapadnoy Sibiri i Altaya: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniy: Sb. statey, posvyashhenniy 70-letiyu professora Yu.F. Kiryushina (Archaeology of Western Siberia and the Altai Mountains: Interdisciplinary Research Experience: Collection of Articles Dedicated to the 70th Anniversary of Professor Yu.F. Kiryunin).* Barnaul: Altai State University, 119–125 (in Russian).

Dashkovskiy, P. K., Tishkin, A. A., Tur, S. S. 2005. In Tishkin, A. A. (ed.). *Zapadnaia i Iuzhnaia Sibir' v drevnosti (Western and Southern Siberia in Antiquity).* Barnaul: Altai State University, 62–68 (in Russian).

Dashkovskiy, P. K., Usova, I. A. 2011. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 47 (3), 78–84 (in Russian).

Dikov, N. N. 1958. *Bronzovyy vek Zabaykal'ya (The Bronze Age of Transbaikalia).* Novosibirsk: SB of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

Zaitseva, O. V. 2005. *Pogrebeniya s narushennoy anatomicheskoy tselostnost'yu kostyaka: metodika issledovaniya i vozmozhnosti interpretatsii (Burials with broken anatomical integrity of the skeleton: research methodology and interpretation possibilities).* Thesis of Diss. of Candidate of of Historical Sciences. Novosibirsk (in Russian).

Kiriushin, Yu. F., Stepanova, N. F. 2004. *Skifskaia epokha Gornogo Altaia. Ch. III: Pogrebal'nye kompleksy skifskogo vremeni Srednei Katuni (Scythian Epoch of Mountain Altai. Part III: Burial Scythian Complexes on the Middle Katun River*). Barnaul: Altai State University Publ. (in Russian).

Kiriushin, Yu. F., Stepanova, N. F., Tishkin, A. A. 2003. *Skifskaia epokha Gornogo Altaia. Ch. II: Pogrebal'no-pominal'nye kompleksy pazyrykskoi kul'tury (Scythian Epoch of Mountain Altay. Part II: Burial And Memorial Complexes of Pazyryk Culture).* Barnaul: Altai State University Publ. (in Russian).

Kubarev, V. D. 1987. *Kurgany Ulandryka (Barrows of Ulandryk).* Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kubarev, V. D. 1991. Kurgany Yustyda (*Barrows of Yustyd).* Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kubarev, V. D. 1992. *Kurgany Sailiugema (Barrows of Sailugem).* Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kubarev, V. D., Shulga, P. I. 2007. *Pazyrykskaia kul'tura (kurgany Chui i Ursula) (Pazyryk Culture (Chui and Ursula Burial Mounds).* Barnaul: Altai State University Publ. (in Russian).

Kuzmina, E. E. 1973. In Terenozhkin, A. I. (ed.). S*kifskie drevnosti (Scythian Antiquities).* Kiev: "Naukova dumka" Publ., 96–119 (in Russian).

Kuzmina, E. E. 2015. *Iskusstvo i mify baktriytsev i skifov: V strane Kavata i Afrasiaba (Art and myths of the Bactrians and Scythians: In the country of Kavata and Afrasiaba).* Moscow: "KRASAND" Publ. (in Russian).

Mandelshtam, A. M. 1983. In Masson, V. M. (ed.). *Drevnie kultury evraziiskih stepei (Ancient Cultures of Eurasian Steppes).* Leningrad: "Nauka" Publ., 25–33 (in Russian).

Mandelshtam, A. M. 1992. Gaidukov, P. G. (ed.). *Stepnaia polosa Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia (The Steppe Belt of the Asian Part of USSR in the Scythian and Sarmatian Time)*. Moscow: "Nauka" Publ., 178–196. (in Russian).

Martynova, A. I. 1979. *Lesostepnaya tagarskaya kul'tura (Forest-steppe Tagar culture).* Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Mogil'nikov, V. A. 1983b. In Modorov, N. S. (ed.). *Voprosy arkheologii i etnografii Gornogo Altaya (Issues of archaeology and ethnography of the Altai).* Gorno-Altaisk: GANIIYAL, Publ., 3–39 (in Russian).

Mogil'nikov, V. A. 1983b. In Modorov, N. S. (ed.). *Voprosy arkheologii i etnografii Gornogo Altaya (Issues of archaeology and ethnography of the Altai)* Gorno-Altaisk: GANIIYAL, Publ., 40–71 (in Russian).

Mogil'nikov, V. A. 1997. *Naselenie Verkhnego Priob'ya v seredine – vtoroy polovine I tysyacheletiya do n.e. (Issues of archaeology and ethnography of the Altai)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Novgorodova, E. A. 1989. *Drevnyaya Mongoliya (Ancient Mongolia).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Ochir-Goryaeva, M. A. 2016. In Nosov, E. V. (ed.). *Drevnie nekropoli i poseleniya: postpogrebal'nye ritualy, simvolicheskie zakhoroneniya i ogrableniya (Ancient necropolises and settlements: post-burial rituals, symbolic burials and plunders).* Series: Trudy Instituta istorii material'noy kul'tury RAN (Proceedings of the

Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences XLVI. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 113–128 (in Russian).

Polos'mak, N.V., 2001. *Vsadniki Ukoka (Riders in Ukok)*. Novosibirsk: "INFOLIO-Press" Publ. (in Russian).

Rigveda. 1972. *Izbrannye gimny (Selected hymns).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Rudenko, S. I. 1960. *Kul'tura naseleniia Tsentral'nogo Altaia v skifskoe vremia (Culture of the Population of Gorny Altai in the Scythian Time)*. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Stepanova, N. F., Neverov, S. V. 1994. In Kiriushin Yu. F. (ed.). *Arkheologiia Gornogo Altaia (Archaeology of mountain Alatai)*. Barnaul: Altai University Publ., 11–24 (in Russian).

Surazakov, A. S. 1989. *Gornyy Altay i ego severnye predgor'ya v epokhu rannego zheleza: Problemy khronologii i kul'turnogo razgranicheniya (Altai Mountains and its northern foothills in the Early Iron Age: Issies of chronology and cultural differentiation).* Gorno-Altaisk (in Russian).

Tishkin, A. A., Dashkovskiy, P. K. 2003. *Sotsial'naya struktura i sistema mirovozzreniy naseleniya Altaya skifskoy epokhi (The social structure and system of worldviews of the Altai population of the Scythian epoch).* Barnaul: Altai State University (in Russian).

Tishkin, A. A., Dashkovskiy, P. K. 2007. In Zaytseva, G. I., Kul'kova, M. A. (eds.). *Radiouglerod v arkheologicheskikh i paleoekologicheskikh issledovaniyakh (Radiocarbon in Archaeology and Palaeoecology: Past, Present, Future)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 291–299 (in Russian).

Toporov, V. N. 2010. *Mirovoe derevo: Universal'nye znakovye kompleksy (The World Tree: Universal significant complexes)* 1. Moscow: "Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi" Publ. (in Russian).

Shulga, P. I. 2015. *Snariazhenie verkhovoi loshadi v Gornom Altae i Verkhnem Priob'e. Ch. II (VI–III vv. do n.e.). (Saddle Horse Gear in Mountain Altai and Upper Ob Area. Part II (6th – 3rd centuries B.C.).* Novosibirsk: Novosibirsk State University Publ. (in Russian).

Shulga, P. I., Usmansky, A. P., Mogilnikov, V. A. 2009. *Novotroitskiy nekropol' (Novotroitskoye necropolis).* Barnaul: Altai State University (in Russian).

Usmansky, A. P., Shamshin, A. B., Shulga, P. I. 2005. Mogil'nik skifskogo vremeni Rogozikha-I na levoberezh'e Obi *(Rogoziha-I burial ground of the Scythian period on the left bank of the Ob River).* Barnaul: Altai State University (in Russian).

Khabdulina, M. K. 1994. *Stepnoe Priishim'e v epokhu rannego zheleza (Steppe Ishim River Area in the Early Iron Age).* Almaty: "Rakurs" Publ. (in Russian).

Chlenova, N. L. 1967. *Proiskhozhdenie i ranniaiaistoriia plemen tagarskoi kul'tury (The Origin and Early History of the Tagar Culture Tribes)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Murphy, E. M. 2004. In Mednikova, M. B. (ed.). *OPUS: Mezhdistsiplinarnye issledovaniia v arkheologii (OPUS: Interdisciplinary Investigation in Archaeology*) 3. Moscow: "Nauka" Publ., 122–132 (in English).

About the Author:

Dashkovskiy Petr K. Doctor of Historical Sciences. Altai State University. Lenin Ave 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; dashkovskiy@fpn-asu.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2024 г.
Статья принята к публикации 01.10.2024 г.

УДК 623.11 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.5.21.30

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КРЕПОСТНЫХ СООРУЖЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ В X–XIII ВВ.

©2024 г. А.М. Губайдуллин

Крепостные сооружения в Древнем мире и в Средние века служили обороне городов и многих других населенных пунктов. Начиная с X века, на территории, как всей Европы, так и ее восточной части началось своеобразное возрождение оборонительной науки, пришедшей в упадок после античных времен. Укрепления городов и замков показывали не только уровень развития военного дела, но и уровень развития государств и народов их создавших. В свою очередь, они влияли также и на структуру поселений, их планировку и др. В общем ряду объектов фортификации крепостные сооружения Волжской Булгарии в домонгольское время являются показателем высоких достижений в инженерном деле. Используя навыки знаний в этой области, полученные еще в ранний период истории, булгарам удалось создать свою собственную школу в области строительства оборонительных конструкций из дерева и грунта. Начиная с создания довольно простых крепостных сооружений, на территории Булгарского государства в X–XIII веках происходит эволюция их защитных типов. Если в начале развития они представляли собой оборонительные рвы и стены из вертикальных бревен, то уже в XII веке появляются крепостные стены, составленные из деревянных срубов с боевой площадкой в верхней части. Также в это время возникает целый комплекс мероприятий по обороне территории Волжской Булгарии. Таким образом, своего наивысшего уровня фортификационная наука булгар достигает уже в предмонгольский период истории.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, Волжская Булгария, крепостные сооружения, возникновение и развитие.

EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF FORTIFICATIONS IN THE VOLGA BOLGARIA IN THE X–XIII CENTURIES

A.M. Gubaidullin

Fortifications in the Ancient World and in the Middle Ages served for the defense of cities and many other settlements. Since the XX century, a kind of revival of defensive science began on the territory of both the whole of Europe and its eastern part, which fell into decline after ancient times. Fortifications of cities and castles showed not only the level of military development, but also the level of development of the states and peoples who created them. In turn, they also influenced the structure of settlements, their planning, etc. In the general range of fortification objects, the fortresses of Volga Bolgaria in the pre-Mongol period are an indicator of high achievements in engineering. Using the skills of knowledge in this field acquired in the early period of history, the Bolgars managed to create their own school in the field of construction of defensive structures made of wood and earth. Starting with the creation of fairly simple fortifications, the evolution of their protective types took place on the territory of the Bolgar state in the X–XIII centuries. If at the beginning of their development they were defensive moats and walls made of vertical logs, then in the XII century there are fortress walls made up of wooden logs with a fighting platform in the upper part appeared. Also at this time, there is a whole range of measures for the defense of the territory of Volga Bolgaria. Thus, the Bolgar fortification science reaches its highest level already in the pre-Mongol period of history.

Keywords: archaeology, Middle Volga region, Volga Bolgaria, fortifications, origin and development.

Фортификация, являясь наукой о строительстве и обороне крепостных сооружений, представляла собой важный элемент, который служил обороне различных городских поселений и областей государств в течение многих веков. Это прослеживается с глубокой Древности и до Новейшего времени включительно. Несомненно, и в эпоху средневековья способы защиты городов и замков находились на высоком уровне, изначально уступая,

пожалуй, лишь Древнему миру. Постепенное развитие фортификации достигло своих высот только к XIV–XV вв.

Одним из главных составляющих архитектуры средневековых городов были, несомненно, их укрепления, включавшие в себя также и дополнительные оборонительные сооружения. Конкретно данные элементы, во многом, показывали уровень формирования различных народов, государственных образований и вообще государств. Сама структура городов, ее архитектурный облик, являлись отражением уровня возможной угрозы для их существования. Это могло свидетельствовать и о сложности в политических отношениях внутри самих государств. Наряду с этим, отражало и достижения военно-инженерной мысли конкретного периода времени.

Крепостные сооружения государства Волжская Булгария, существовавшие с X по XIII вв., также являются показателем их высокого уровня, что видно на фоне общего развития военного дела не только государств Восточной Европы, но и всей Евразии в целом. Важными звеньями, которые связывали данные территории, были взаимовлияния народов и их традиции. Не смотря на общие тенденции, военно-инженерное дело Волжской Булгарии обладало и целым рядом особенностей. Они обуславливались не только историческими традициями, но также изменениями военного дела и его военной практикой.

Дошедшие до нашего времени оборонительные линии средневековых поселений уже около двух веков обращают внимание различных исследователей. За это время было накоплено большое количество различного рода данных, касающихся рассматриваемой темы. Был проведен целый ряд масштабных археологических исследований, которые позволили скопить важный материал по отдельным вопросам военно-оборонительного дела Булгарского государства домонгольского времени. Сюда, в первую очередь, входят вопросы, касающиеся поиска истоков булгарской науки об укреплениях. Таким образом, важно постараться их рассмотреть.

Ранее существовала полемика, касающаяся возможного влияния военной науки на булгар в период их ранней истории. Различными исследователями выдвигались противоположные точки зрения. Например, некоторые археологи говорили о влиянии древнерусского государства (Смирнов, 1950), государства Византия (Федоров–Давыдов, 1962, с. 63–64), раннесредневековой именьковской (позднегородецкой) культуры (Каховский, Смирнов, 1972, с. 17). Данные гипотезы базировались на отрицании военно-инженерных знаний среди племен булгар, а также на мысли о позднем влиянии других народов. Необходимо заметить – знания и умение в возведении оборонительных сооружений невозможно просто заимствовать. Для всего этого нужна имеющаяся основа, причем сформированная за последующий период времени.

Объединение племен ранних булгар считается одним из народов, имевших навыки в земледелии, ремесленном производстве, а также в раннем градостроительстве. Основание всего этого находится еще в древности. Оно может ассоциироваться еще с протобулгарским историческим периодом. Здесь нужно отметить Хроники Захария Ритора, которые относятся к 1-ой пол. VI в. В них приводится описание различных земель, а также народов их населяющих: «Базгун земля со [своим] языком, которая примыкает и простирается до Каспийских ворот и моря, находящихся в пределах гуннских. За воротами [живут] бургары со [своим] языком, народ языческий и варварский; у них есть города…, у них 5 городов» (Пигулевская, 2000, с. 568). Питер Голден также указывал об имеющихся знаниях у булгар, которые были перенесены ими из областей Казахстана и Западной Сибири. По его мнению: «Организованная городская жизнь была также отличительным признаком булгарских племен». Далее, ссылаясь на сообщения ранних хронистов Псевдо-Захария Ритора и Феофилакта Симокатты, исследователь привел сведения о существовавших у булгарских племен городов Бургар и Баката (Golden, 1981, c. 46). У других ученых-исследователей также указывается на то, что прототюрки, в племенное объединение которых входили и протобулгары, обживают Северное Приаралье не позже начала н.э., где они подверглись значительному влиянию полуоседлого государства Кангюй (Смагулов, Павленко, 1998, с. 146–147). На территории этой державы имеются десятки не только селищ, но и городищ принадлежавшие скотоводческому и земледельческому населению (Смагулов, Павленко, 1998, с.

145). В связи с этим, племена протобулгар (носителей огурско-праболгарской группы прототюркских языков) нельзя отнести, как считал А.Х. Халиков (Халиков, 1989, с. 55), к обычным кочевникам. И вообще, в научной литературе последнего времени пересмотрена точка зрения о «кочевой стихии». Все больше имеется археологических свидетельств, говорящих о некоторой оседлости у многих кочевников древности. Имеются сведения и о стационарных поселениях, в число которых входили и укрепленные валами, рвами и стенами (Кызласов, 1998, с. 47–64; Кызласов 2023, с. 29–42; Talleev, 2024).

Сыграл существенную роль в этом и опыт, перенятый в те времена у племен хунну, одного из значительно развитых племенных объединений, в большой степени влиявших на окружавшие многочисленные народы. Как считает Л.Р. Кызласов, задолго до переселения на запад, хунну «...вели комплексное скотоводческо-земледельческое хозяйство, развивая при этом горное дело, металлургию и другие ремесла» (Кызласов, 1984, с. 11). По его сведениям: «...известно свыше 10 гуннских городков, укрепленных глинобитными стенами, валами, рвами и палисадами» (Кызласов, 1984, с. 11). Одним из примеров этому служит известный памятник – Иволгинское городище на территории Забайкалья. По расположению на ровной местности, оно имеет подпрямоугольную форму. Только с восточной стороны городище примыкает к обрыву речной поймы, с трех других же оно защищено оборонительным поясом, «состоявшим из четырех валов и трех рвов…общей шириной 35–38 м» (Давыдова, 1985, с. 10). Основываясь на описании, предположительно в верхней части оборонительных насыпей в древности проходила ограда, состоявшая из вертикальных деревянных бревен (Давыдова, 1985, с. 12–13). Довольно похожи на него по расположению на местности, планировочным особенностям и линиям обороны ряд булгарских городищ домонгольского периода времени. Это памятники, основанные не позже 1-ой пол. X в. – Нижнекачеевское, Коминтерновское II, Гусихинское и некоторые другие укрепленные поселения. Также на хуннских городищах на территории Южной Сибири возводились и валы, состоявшие из земли и глины. Здесь же на Алтае использовались в строительстве оборонительных сооружений деревянные конструкции. Все они относятся к технологиям, применявшимся в Южной Сибири в виде стен с забутовкой из земли (Тулуш, 2014, с. 477–480) Все это также имеет параллели с дерево-земляными сооружениями волжских булгар.

Как в древности, так и раннем средневековье в лесостепном Алтае имели распространение городища с применением в оборонительных сооружениях дерева и земли. Кроме основных линий обороны имело распространение на укрепленных поселениях эскарпирование краев террас и мысов. Использовались и сложные системы проездов в линии валов и рвов (Кунгуров, 2012, с. 137–140). Это было зафиксировано также и на средневековых поселениях Среднего Поволжья. А на территории Дунайской Болгарии со временем появления здесь раннебулгарских племен в VII в., более ранние традиции строительства стен из камня и кирпича были заменены на оборонительные конструкции из дерева и земли. Например, в городе Плиске ранние стены «внутреннего города» состояли из земляного вала, включая внутреннюю деревянную «арматуру» и двойную крепостную ограду из дерева (Рашев, 2007, с. 104, 105; Георгиев, 2014, с. 202–206).

В конце III – нач. IV вв. на территории Приаралья возникло гуннское племенное объединение, в которое вошли и протобулгары. Исследователями отмечались здесь «…небольшие укрепленные поселения с сырцовой архитектурой», относящиеся к каунчинской археологической культуры (Смагулов, Павленко, 1998, с. 149). Некоторые аналогии им были выявлены во время археологических раскопок на Валынском городище («Муромском городке»), расположенном на Самарской луке. Здесь самая ранняя линия обороны состояла из рва и остатков двух глинобитных стенок (Матвеева, Кочкина, 1998, с. 23). Возможно, похожий тип крепостных стен является аналогией выявленным во время археологических раскопок в Плиске в Дунайской Болгарии. На территории которой во внутренней части укрепленного поселения (т.н. «Деревянной крепости») фиксировались следы от остатков двойной полой деревянной стены, имевшей облицовку из глины или кирпича–сырца (Георгиев, 2014, с. 207). Налицо некоторая схожесть, конечно учитывая хронологическую разницу в хронологии этих укрепленных поселений, т.е. VIII и X вв.

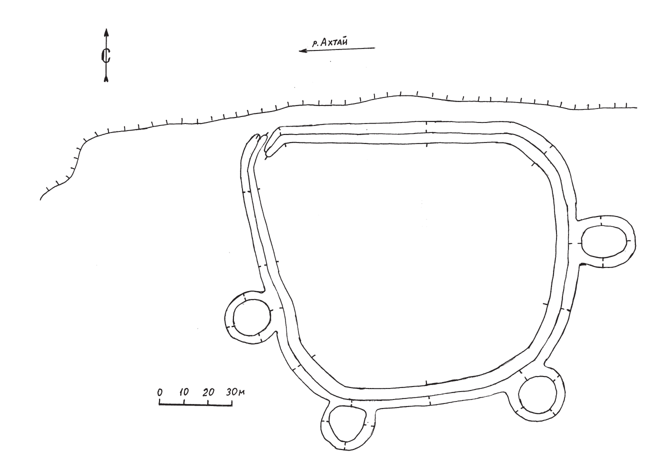

Рис. 1. План «Девичьего городка».
Fig. 1. Plan of the "Devichy gorodok".

Не исключено, что существовало и влияние среднеазиатских государств, что касается особенностей в планировке укрепленных поселений. Сюда можно причислить укрепленные поселения, имевшими оборонительные линии, концентрическими вписанными поясами, разделявшими площадь памятников на т.н. «внутренний» и «внешний город». К ним можно отнести некоторые раннесредневековые городища-города на территории Маргианы и Хорезма (Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии, 1985, с. 378; Буниятов, 1986, с. 101). Имеется ряд городищ со сложной внутренней структурой, расположенных на территории Казахстана (Археологическая карта Казахстана, 1960). Также и Билярское городище («Великий город»), расположенное в регионе Закамье, имеет сходный тип. Сюда же относятся и города Плиска и Преслав в Дунайской Болгарии. К среднеазиатскому типу планировки можно отнести и некоторые булгарские городища в плане расположения цитадели, встроенной в систему линий обороны, где она находится на углу одной из сторон поселения. Здесь сразу отмечается Богдашкинское городище, расположенное в регионе Предволжье, в правобережья р. Волги.

Следующий тип памятников Волжской Булгарии имел выступы, напоминающие круглые «бастионы», встроенные в систему оборонительной линии. Аналогии ему известны на территории Ферганской области и датирующиеся I–IV вв. Они отличаются от укрепленных поселений Поволжья только материалом, из которого возведены их стены, сложенные из кирпича–сырца (Древнейшие государства…, 1985, с. 439). Нам известно только одно булгарское городище, которое относится к данной группе, это т.н. «Девичий городок» (рис. 1). Не исключен здесь факт использования строительных принципов в обороне кирпичных крепостей и перенесение их на конструкции из дерева и земли. Вряд ли это особенно влияло на их функциональное предназначение, состоящее в создание узлов обороны, вынесении стрельбы в напольную сторону и фланкировании основной линии валов. Имелись и другие элементы в фортификации Волжской Булгарии с ранними среднеазиатскими аналогиями. Восточная наука строительства крепостных сооружений влияла также как на Центральную, так и на Западную Европу. Однако это произошло значительно позднее, только после Крестовых походов на Ближний Восток. Так для крестоносцев являлись примерами крепостные постройки городов Сирии и сам город Константинополь с концентрическими оборонительными линиями (Томпсон, 2011, с. 200, 305, 307).

Одним из очень важных и значимых объектов в системе любых оборонительных сооружений, несомненно, на протяжении многих веков были проездные ворота. Не случайно, что их всегда старались как можно более обезопасить от штурма. Не являлась исключением и булгарская фортификационная наука. Более ранние аналогии системам проездов на городищах Волжской Булгарии прослеживаются на территории Средней Азии. Так, например, известны поселения булгар, на которых линия крепостной стены при въезде на площадку городища, устраивалась в виде заходящих друг за друга отрезков, т.е. как бы внахлест. Сам же подъездной путь шел «…с левой стороны, ибо раз это будет достигнуто, тогда правый бок у подступающих, т.е. именно тот, который не будет у них прикрыт щитом, окажется в непосредственной близости к стене» (Витрувий, 1936, с. 35). В качестве примеров такого устройства могут служить некоторые городища Хорезма с их предвратными оборонительными системами (Древнейшие государства…, 1985, с. 444).

Традиции позднеантичного мира, несомненно, также оказывали влияние на раннебулгарские племена, происходившее во время существования государства Великая Болгария–Magna Bulgaria, которая находилась в VII в. в Северном Причерноморье и Север-

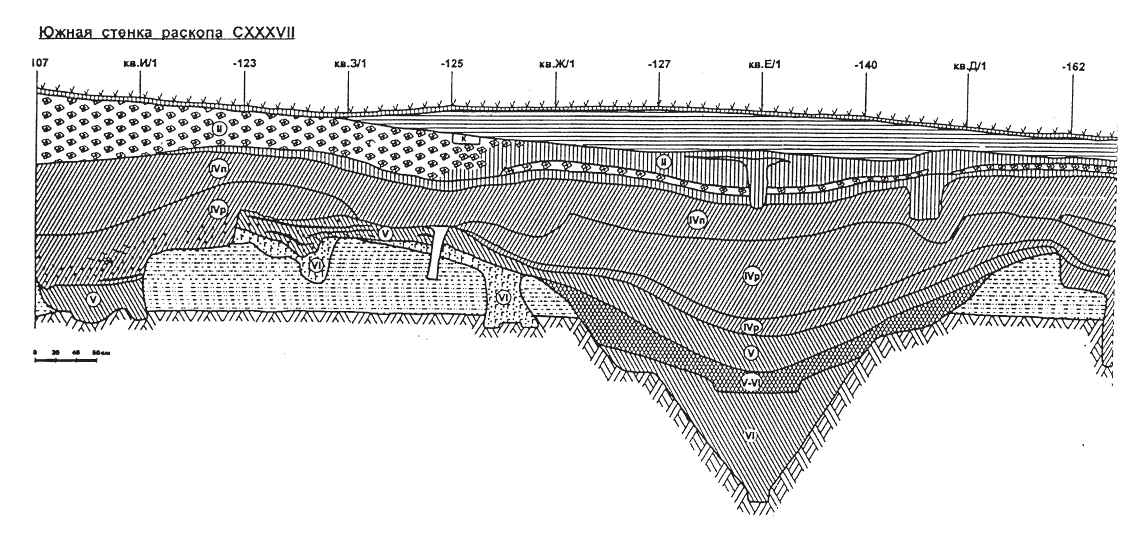

Рис. 2. Тип треугольного рва. Болгарское городище X в.
Fig. 2. Type of triangular moat. Bolgar settlement of the X century

ном Приазовье. Здесь нужно отметить конфигурацию оборонительных сооружений укрепленных поселений Волжской Булгарии. Они всегда строились в виде ломаной линии, которая состояла из исходящих и входящих углов. Такое устройство крепостных стен позволяло обстреливать напольную сторону более эффективно, а также держать ее под постоянным наблюдением в период осады. Этот тип конфигурации оборонительных линий использовался для замены (или дополнения) крепостных башен, чьи функции он значительно заменял, причем при меньших финансовых и трудовых затратах. Такой тип крепостных стен, например, фиксируется в первые века н.э. на территории Ольвийского государства на его укрепленных поселениях(Буйских, 1981, с. 24). Однако, аналогии этому имеются и на территории Западной Сибири. Например в лесостепи в Притоболье, где некоторые городища раннего железного века имеют в системе валов ярко выраженные изломы (Иванова, Батанина, 1993, с. 3). Все же, такое устройство линий обороны значительно более характерно для Ближнего Востока эпохи древности и Средних веков (Герни, 1986, с. 101). Предположительно, здесь можно говорить скорее о влиянии на сибирские памятники среднеазиатских государств, близко расположенных географически. Тем более несомненно влияние их на окружающие народы в плане культуры и мн. др.

Нельзя обойти вниманием и такой важный элемент для обороны, как крепостные рвы, имевших одну из главных оборонительных функций в истории фортификации. Грунт при их устройстве шел на возведение оборонительных валов, а также часто служил в качестве внутренней забутовки для крепостных стен. Наиболее известны крепостные рвы трапециевидной или треугольной в профиле формы, где второй применялся наиболее часто. Существовали и их комбинации на одном укрепленном поселении. На булгарских городищах IX–X в. применялся треугольный ров, часто с дренажной канавкой (рис. 2). Он фиксируется еще на памятниках салтово-маяцкой культуры, являющейся одним из истоков раннебулгарской культуры (Кравченко, 2020, рис. 62, 72, 77-78). По-видимому, его заимствование произошло у позднеантичных городищ, расположенных в Северном Причерноморье, где он был представлен в треугольника с относительно одинаковыми отлогостями[1], а также и с применением дренажной канавки (Буйских, 1991, рис. 35-2) (рис. 3).

Необходимо также отметить и технику каменной кладки, известной булгарам еще со времен салтово-маяцкой культуры. В этом плане следует отметить крепостную стену Древнейшей Казани. Ранние аналогичные ей укрепления хорошо известны на салтово-маяцких городищах территории Подонья и Таврики (Баранов, 1990, с. 55–62). Для них наиболее характерны крепостные стены панцирного типа без использования фундамента. Подобная техника кладки стен применялась и в ранней Дунайской Болгарии (Выжарова, 1987, с. 109), что нехарактерно было для византийской военно-инженерной

Рис. 3. Вал и ров с дренажной канавкой.
Fig. 3. Rampart and moat with drainage ditch.

науки. Сам способ утрамбовывания оборонительных насыпей являлся важной частностью, который производился при использовании вбитых деревянных кольев. Во время археологических исследований это было выявлено, например, раскопках оборонительного вала на Старокуйбышевском (Кураловском) городище (Измайлов, Губайдуллин, 1992, с. 115), «Девичьего городка» (Старостин, 1985, с. 37) и мн. др. Этот прием был известен и в Первом Болгарском царстве, где при устройстве фундаментов употреблялись деревянные сваи (Харбова, 1981, с. 107).

Вообще же, нужно констатировать факт раннего применения многорядных линий обороны именно в Южной Сибири, а также в салтово-маяцкой культуре, где они широко использовались, что затем было распространено впоследствии на территории Волжской Булгарии в домонгольский период, учитывая что «…сооружение трех валов с напольной стороны особенность, не свойственная русским городищам и…известная строителям салтовских крепостей» (Плетнева, Макарова, 1965, с. 60).

Для наилучшей защиты и обороны городищ в Волжской Булгарии использовались также и различного рода дополнительные сооружения и укрепления. Их истоки происходят еще с территории Подонья. Они предназначались для защиты сторон местности, доступной для нападения противника. По мнению ученых–исследователей, их «…хорошо знали и пользовались им строители салтовских крепостей VIII–IX вв. Они познакомились с ним на бывших скифских городищах, для которых этот прием был характерен» (Плетнева, Макарова, 1965, с 56, 60). К ним причисляются устройство эскарпов на пологих склонах террас и мысов, а также создание здесь дополнительных рвов. Еще одним типом укреплений и получившим распространение в оборонительной науке волжских булгар являлось создание дополнительных отрезков валов, предназначенных для наилучшей защиты городищ от нападения. Мы видим не только пример тщательного выбора удобной для проживания местности и размещения на ней поселений, но и дополнительное изменение ее рельефа, необходимое для возможной обороны городищ.

Таким образом, приведенные свидетельств и факты говорят в пользу «восточного» влияния на ранних булгар во многих сферах культуры, которая включает также фортификационную науку. В связи с этим, подтверждается мнение А.Х. Халикова по булгарским укрепленным поселениям, имеющим корни своего происхождения как на территории Южной Сибири, Средней Азии, так и в Дунайской Болгарии. Затем они сформировались в салтово-маяцкой культуре и после были развиты в домонгольский период истории Волжской Булгарии (Халиков, 1976, с. 38–39; Халиков, 1973, с. 93).

По материалам археологических исследований на территории Булгарского государства наиболее ранние типы крепостных сооружений в X в. представлены оборонительными линиями, состоявших из рвов, частоколов, а также столбовых конструкций (рис. 4). В некоторых случаях они дополнялись незначительными земляными насыпями. В своем развитии и постепенной эволюции, строительство крепостных элементов на городищах Волжской Булгарии усовершенствовалось в сторону их усложнения как по размерам, так и по оборонительным возможностям. В XI–XII вв. появляются уже укрепленные поселения с более сложными конструкциями, с применением дерева и грунта. Линии обороны городищ имеют ломаные формы, а иногда и круглые выступы в виде башнеобразных конструкций. Эта эволюция наглядно прослеживается на домонгольских булгарских памятниках фортификации. Начиная с оборонительных стен, представлявших собой

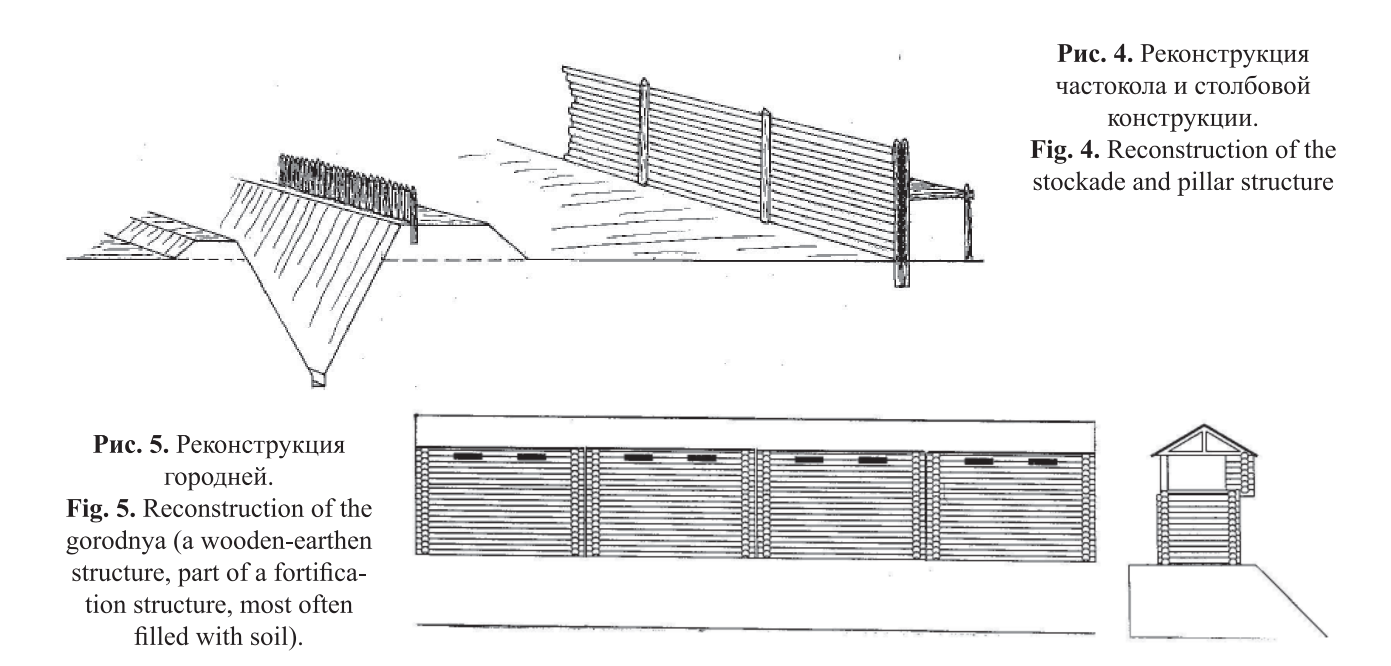

Рис. 4. Реконструкция частокола и столбовой конструкции.
Fig. 4. Reconstruction of the stockade and pillar structure

Рис. 5. Реконструкция городней.
Fig. 5. Reconstruction of the gorodnya (a wooden-earthen structure, part of a fortification structure, most often filled with soil).

тыновые ограды в X–XI вв., в Булгарском государстве начинают возводиться различные типы столбовых конструкций[2]. Уже в XII в. конструкции стен становятся наиболее сложными в виде срубов–городней[3] (рис. 5). Самые же ранние оборонительные стены в виде тына применялись также и в последующие времена. Все могло зависеть и от статуса городища, и от его роли в обороне территории, и его расположении на местности.

Своего высокого расцвета булгарская военно-инженерная наука достигла во 2-ой пол. XII – нач. XIII вв. Свидетельством этого являются оборонительные линии многих булгарских городищ. Например можно отметить укрепления Билярского, Суварского и Староматакского городищ, древнейшей Казани, а также и многих других памятников. На это были различные причины, как политические, так и военные. Государство булгар в данный период времени противостояло различным вторжениям. Передовая булгарская фортификация была одним из главных факторов, позволивших поначалу противостоять монгольским войскам вплоть до осени 1236 г. Возможно, что этому содействовало и размещение своеобразной сети различного типа городищ, располагавшихся на территории Волжской Булгарии в домонгольское время.

Хорошо укрепленные булгарские городища в X–XIII вв. несли в себе основу в виде достижений в фортификации, во многом заимствованной на раннем этапе у многих народов. Не смотря на это, все же высокий уровень достигнутого развития в различных областях культуры, позволил булгарам в создании собственной школы военно-инженерного дела. Наглядным свидетельством этому предстают перед нами валы и рвы, которые «…до сего дня стоят в твердости непоколебимой» (Рычков, 1770, с. 25).

Примечания:

[1] Отлогости – наклонные плоскости, ограничивающие вал и ров.

[2] Столбовые конструкции – крепостные ограды, составленные из горизонтально уложенных бревен, связанных через определенное расстояние вертикально стоящими бревнами.

[3] Городни – крепостная стена из деревянных срубов, поставленных впритык друг к другу.

ЛИТЕРАТУРА

Археологическая карта Казахстана / Отв. ред. Е.И. Агеева, К.А. Акишев. Алма-Ата: АН Казахской ССР, 1960. 488 с.

Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). Киев: Наукова думка, 1990. 168 с.

Буйских С.Б. Фортификация Ольвийского государства (первые века нашей эры). Киев: Наукова думка, 1991. 160 с.

Буниятов З.М. Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов (1097–1231). М.: Наука, 1986. 248 с.

Витрувий Марк Поллион. Об архитектуре. Десять книг / Под ред. А.В. Мишулина. Л.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1936. 344 с.

Выжарова Ж.Н. Древнеславянские поселения (селища, городища и городища-крепости) на территории Болгарии // Труды V международного конгресса славянской археологии. Т. I. Вып. 1 / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1987. С. 105–117.

Георгиев П. Плиска в VIII веке: проблемы и достижения // Поволжская археология. 2014. № 3 (9). С. 194–221.

Герни О.Р. Хетты / Отв. ред. В.Г. Ардзинба. М.: Наука, 1987. 240 с.

Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. Л.: ЛГУ, 1985. 112 с.

Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии // Археология СССР / Отв. ред. Г.А. Кошеленко. М.: Наука, 1985. 496 с.

Иванова Н.О., Батанина И.М. Павлиново городище – памятник раннего железного века лесостепного Притоболья // Кочевники урало-казахстанских степей / Отв. ред. А.Д. Таиров. Екатеринбург: Наука, 1993. С. 102–121.

Измайлов И.Л., Губайдуллин А.М. Укрепления Старокуйбышевского (Кураловского) городища // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ КНЦ РАН, 1992. С. 79–89.

Каховский В.Ф., Смирнов А.П. Хулаш // Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья / Ред. А.А. Прохорова. Чебоксары: Чувашский научно-исследовательский институт литературы, истории и языка, 1972. С. 3–73.

Кравченко Э.Е. Сидоровский археологический комплекс на р. Северский Донец / Археология Евразийских степей. 2020. №4. 344 с.

Кунгуров А.Л. Особенности древних и средневековых фортификационных сооружений лесостепного Алтая // История и культура средневековых народов степной Евразии: материалы II Международного конгресса средневековой археологии Евразийских степей / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ, 2012. С. 137–140.

Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. М.: Высшая школа, 1984. 167 с.

Кызласов Л.Р. Города гуннов // ТА. 1998. № 2 (3). С. 47–64.

Матвеева Г.И., Кочкина А.Ф. Муромский городок. Археологические памятники Самарской области. Самара: СамВен, 1998. 48 с.

Пигулевская Н.В. Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 762 с.

Плетнева С.А., Макарова Т.И. Южное городище у с. Витачева // КСИА. Вып. 104 / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: Наука, 1965. С. 54–61.

Рашев Р. Праболгары на юго-западной окраине евразийской степи // Средневековая археология Евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Междунар. конгресса. Т. I / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2007. С. 104–117.

Рычков Н.[П.] Журнал или дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 году. СПб.: Изд-во Импер. Акад. наук, 1770. 189 с.

Смагулов Е.А., Павленко Ю.В. Гунны на пути в Европу // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2 / Отв. ред. З. Самашев. Алматы; М.: Гылым, 1998. С. 142–151.

Смирнов А.П. Исследование городища и могильника золотоордынской эпохи у села Б.Тояба Чувашской АССР // Уч. зап. ЧувНИИЯЛИЭ. Вып. IV / Отв. ред. В.Д. Дмитриев.. Чебоксары: ЧувНИИЯЛИЭ, 1950. С. 82–95.

Старостин П.Н. Об остатках башен "Девичьего городка" // Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. С. 34–41.

Томпсон А.Г. Английский замок. Средневековая оборонительная архитектура / Пер. с англ. А.Л. Андреева. М.: ЗАО Центрполиграф, 2011. 414 с.

Тулуш Д.К. Фортификационные сооружения Южной Сибири (общие и особенные черты) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. III / Ред. А.Г. Ситдиков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 477–480.

Федоров-Давыдов Г.А. Тигашевское городище // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 4. / МИА. № 111. Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1962. С. 49–89.

Халиков А.Х. О столице домонгольской Булгарии // СА. 1973. № 3. С. 83–89.

Халиков А.Х. История изучения Билярского городища и его историческая топография // Исследования Великого города / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1976. С. 5–56.

Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. Казань: Татар. кн. изд-во, 1989. 222 с.

Харбова М.А. Отбранителни съоржения в българското средневековие. София: Техника, 1981. 211 с.

Golden P. Khazar studies: An Historic-Philological inquire into the Origins of the Khazars. Vol. 1–2. Budapest, 1980.

Taleev Dokei A. 2024. Sacred space of the Jochid Ulus: Saraychik and Barchikent // Qazaq Historical Review. 2024. №2 (1), 48–59. DOI: htt ps://doi.org/10.69567/3007-0236.2024.1.48.59

Информация об авторе:

Губайдуллин Айрат Маратович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Халикова АНРТ (г. Казань, Россия); airg_g@mail.ru

REFERENCES

Ageeva, E. I., Akishev, K. A. (eds.). 1960. *Arkheologicheskaya karta Kazakhstana (Archaeological map of Kazakhstan)*. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR (in Russian).

Baranov, I. A. 1990. *Tavrika v epokhu rannego srednevekov'ia (saltovo-maiatskaia kul'tura) (Tauris in the Early Middle Ages (Saltovo-Mayaki Culture)).* Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).

Buiskikh, S. B. 1991. *Fortifikatsiia Ol’viiskogo gosudarstva (pervye veka nashei ery) (Fortification of the Olbian State: First Centuries AD)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).

Buniyatov, Z. M. 1986. *Gosudarstvo Khorezmshakhov-Anushteginidov (1097–1231) (The state of the Khwarazmshahs - Anushteginids (1097-1231))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Vitruvii 1936. *Desyat' knig ob arkhitekture. T. I (Ten Books on Architecture)*. Moscow: “Vsesoyuznaya Akademiya arkhitektury” Publ. (in Russian).

Vyzharova, Zh. N. 1987. In Sedov, V. V. (ed.) *Trudy V mezhdunarodnogo kongressa slavyanskoy arkheologii (Proceedings of the V International Congress of Slavic Archaeology).* Vol. I (1). Moscow: “Nauka” Publ., 105–117 (in Russian).

Georgiev, P.. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 9 (3), 194–221 (in Russian).

Genri, O. R. 1987. *Khetty (The Hittites).* Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Davydova, A. V. 1985. *Ivolginskiy kompleks (gorodishhe i mogil'nik) – pamyatnik khunnu v Zabaykal'e (Ivolginsky Complex (Settlement and Burial Ground) – a Monument to the Xiongnu in Transbaikalia).* Leningrad: Leningrad State University (in Russian).

Koshelemko, G. A. 1985. (ed.). *Drevneyshie gosudarstva Kavkaza i Sredney Azii (The oldest states of the Caucasus and Central Asia).* Series: Arkheologiya SSSR (Archaeology of the USSR). Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Ivanova, N. O., Batanina, I. M. 1993. In Tairov, A. D. (ed.). *Kochevniki Uralo-Kazakhstanskikh stepei (Nomads of the Ural-Kazakhstan steppes)* Ekaterinburg: “Nauka” Publ., 102–121 (in Russian).

Izmailov, I. L., Gubaidullin, A. M. 1992. In Starostin, P. N. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki zony vodokhranilishch Volgo-Kamskogo kaskada (Archaeological Sites in the Area of Water Reservoirs in the Volga-Kama Cascade)*. Kazan: Russian Academy of Sciences, Kazan Scientific Center, G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, 79–89 (in Russian).

Kakhovskii, V. F., Smirnov, A. P., 1972. In Prokhorova, V. A. (ed.). *Gorodishche Khulash i pamyatniki srednevekov'ya Chuvashskogo Povolzh'ya (Khulash Fortified Settlement and the Medieval Sites in the Chuvash Volga Region).* Cheboksary: Chuvash Institute of Language, Literature, History, and Economy affiliated to the Council of Ministers of Chuvashian ASSR, 3–73 (in Russian).

Kravchenko, E. E. 2020. *Sidorovskii arkheologicheskii kompleks na r. Severskii Donets (Sidorovsky Archaeological Complex on the Seversky Donets River)* Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 4 (in Russian).

Kungurov, A. L. 2012. In Tishkin, A. A. (ed.). *Istoriia i kul'tura srednevekovykh narodov stepnoi Evrazii (History and Culture of Medieval Peoples of Steppe Eurasia)*. Barnaul: Altai State University, 137–140 (in Russian).

Kyzlasov, L. R. 1984. *Istoriya Yuzhnoy Sibiri v srednie veka (The History of Southern Siberia in the Middle Ages).* Moscow: "Vysshaya shkola" Publ. (in Russian).

Kyzlasov, L. R. 1998. In *Tatarskaia arkheologiia (Tatar Archaeology)* 3 (2), 47–64 (in Russian).

Matveeva, G. I., Kochkina, A. F. 1998. *Muromskiy gorodok. Arkheologicheskie pamyatniki Samarskoy oblasti (Murom town. Archaeological sites of the Samara region).* Samara: "SanVen" Publ. (in Russian).

Pigulevskaya. N. V. 2000. *Siriyskaya srednevekovaya istoriografiya. Issledovaniya i perevody (Syrian medieval historiography. Research and translations).* Saint Petersburg: "Dmitriy Bulanin" Publ. (in Russian).

Pletneva, S. A., Makarova, T. I. 1965. In Passek, T. S. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 104. Moscow: "Nauka" Publ., 54–61 (in Russian).

Rashev, P. 2007. In Khuzin, F. Sh., Sitdikov, A. G. (eds.). *Srednevekovaia arkheologiia evraziiskikh stepei (Medieval Archaeology of the Eurasian Steppes)* I. Series: Arkheologiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes) 1. Kazan: Institute for History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 104–117 (in Russian).

Rychkov, N. P. 1770. *Zhurnal ili dnevnye zapiski puteshestviya po raznym provintsiyam Rossiyskogo gosudarstva, 1769 i 1770 godu (Journal or daily travel notes in different provinces of the Russian state, 1769 and 1770).* Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Smagulov, E. A., Pavlenko, Yu. V. 2011. In Samashev, Z. (ed.). *Voprosy arkheologii Kazakhstana (Issues of the Archaeology of Kazakhstan)* 2. Almaty, 142–151 (in Russian).

Smirnov, A. P. 1950. In Dmitriev, V. D. (ed.). *Uchenye zapiski ChuvNIIYaLIE (Scientific Bulletin of the Chuvashia Research Institute of Language, Literature, History, and Economy*) 4. Cheboksary, 82–95 (in Russian)

Starostin, P. N. 1985. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Voenno-oboronitel'noe delo domongol'skoi Bulgarii (Military and Defence Systems in pre-Mongol Volga Bulgaria)*. Kazan: Institute of Language, Literature, and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 34–41 (in Russian).

Thompson, A. Hamilton. 2011. *Angliyskiy zamok. Srednevekovaya oboronitel'naya arkhitektura (The English Castle. An Acccount of its Development as a Military Structure).* Moscow: "Tsentrpoligraf" Publ. (in Russian).

Tulush, D. K. 2014. In Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevianko A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russia Archaeological Congress in Kazan)* III. Kazan: "Otechestvo" Publ., 477–480 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1962. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* 4. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the USSR Archaeology) 111. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 49–89. (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1976. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 83–89 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1976. In Sedov, V. V. (ed.). *Issledovaniia Velikogo goroda (Studies of the Great City)*. Moscow: "Nauka" Publ., 5–56 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1989. In *Problemi na prabălgarskata istoriya i kultura (Issues of Pre-Bulgarian History and Culture).* Shumen; Sofiia: "BAN" Publ., 55–65 (in Russian).

Kharbova, M. A. 1981. *Otbranitelni s"orzheniya v b"lgarskoto srednevekovie (A defensive structure in the Bulgarian Middle Ages).* Sofia: "Tekhnika" Publ. (in Bulgarian).

Golden, P. 1980. *Khazar studies: An Historic-Philological inquire into the Origins of the Khazars.* Vol. 1–2.Budapest.

Taleev Dokei A. 2024. In *Qazaq Historical Review*. 2 (1), 48–59. DOI: htt ps://doi.org/10.69567/3007-0236.2024.1.48.59 (in English).

About the Author:

Gubaidullin Airat M., Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; airg_g@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2024 г.
Статья принята к публикации 01.10.2024 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.5.31.47

ГОРОДИЩЕ КЕН-БУЛУН (ЧУЙСКАЯ ДОЛИНА, КЫРГЫЗСТАН): ИССЛЕДОВАНИЯ 2022 ГОДА[1]

©2024 г. В.А. Кольченко, Д.К. Тулуш, А.Г. Ситдиков

В 2022 г. в Чуйской долине Кыргызстана были начаты исследования городища Кен-Булун. Они проводились на двух раскопах. На обоих выявлены остатки строений из сырцового кирпича, которые вскрыты по 1-му строительному горизонту с сохранностью стен в 0,3-0,5 м. Раскоп 1 поставлен на выделяемой по топографии постройке в центральных развалинах памятника. Вскрытые слои затронули два последних периода функционирования объекта в начале 2-го тыс. н.э. Раскоп 2 расположен вблизи центральных развалин городища. Его исследования позволили выявить помещения различного назначения, остатки крупных печей, а также определить наличие как минимум двух периодов застройки. По полученным материалам верхний из них датируется сер. XI – нач. XII вв. В границы раскопа попали как жилые, так и производственные помещения, что повышает значимость проведенных исследований. Собранная коллекция артефактов включает в себя находки из камня, железа, бронзы, стекла, но большинство из них керамические. Среди последних, помимо обычных, – селадоновые, кашинные и с глазурью. Также собрана коллекция монет, давшая основания к датировке.

Ключевые слова: Средняя Азия, Притяньшанье, средние века, городская культура, археологические раскопки, жилые и производственные строения.

KEN-BULUN SETTLEMENT (CHUH VALLEY, KYRGYZSTAN): STUDIES IN 2022[2]

V.A. Kolchenko, D.K. Tulush, A.G. Sitdikov

In 2022, studies of the Ken-Bulun settlement began in the Chuy Valley of Kyrgyzstan. They were carried out at two excavations. The remains of mud brick buildings were found on both sites, which were opened along the 1st construction horizon while retaining walls 0.3-0.5 meters thick. Excavation 1 was laid on a topographically identified building in the central ruins of the monument. The revealed layers belong the last two periods of the settlement functioning at the beginning of the 2nd millennium AD. Excavation 2 is located near the central ruins of the settlement. Its research made it possible to identify premises for various purposes, the remains of large furnaces, as well as to determine the presence of at least two periods of construction. According to the materials obtained, the upper one is dated from the middle of the XI – beginning of the XII century. The boundaries of the excavations included both residential and industrial premises, which increase the importance of the study. The collected artifacts are finds made of stone, iron, bronze, glass, but most of them are ceramic. Among the latter, in addition to the usual ones, are celadon, kashin and glazed. There is also a collection of coins, which gave grounds for dating.

Keywords: Central Asia, Tian Shan region, Middle Ages, urban culture, archaeological excavations, residential and industrial buildings.

В 2022 г. в рамках совместного проекта Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан и Института истории, археологии и этнографии им. Б. Джамгерчинова Национальной Академии наук Кыргызской Республики были начаты раскопочные исследования городища Кен-Булун в Чуйской долине[1], сведения о котором появились лишь в середине XX в. (Труды, 1950) и не отражены даже в картографических материалах путешественников и географов (Кенжеахмет, 2023; Рассказов, 2023).

Городище Кен-Булун расположено в Иссык-Атинском районе Чуйской области, в 40 км к востоку от г. Бишкек на землях

[1] Статья подготовлена в рамках гранта МИЦАИ №22/2022 «Средневековые города на трансконтинентальных торговых маршрутах Евразии: урбанистические центры Чуйской долины и Среднего Поволжья».

[2] This article was prepared under IICAS grant No. 22/2022 “Medieval cities on transcontinental trade routes of Eurasia: urban centers of the Chuy Valley and Middle Volga region”.

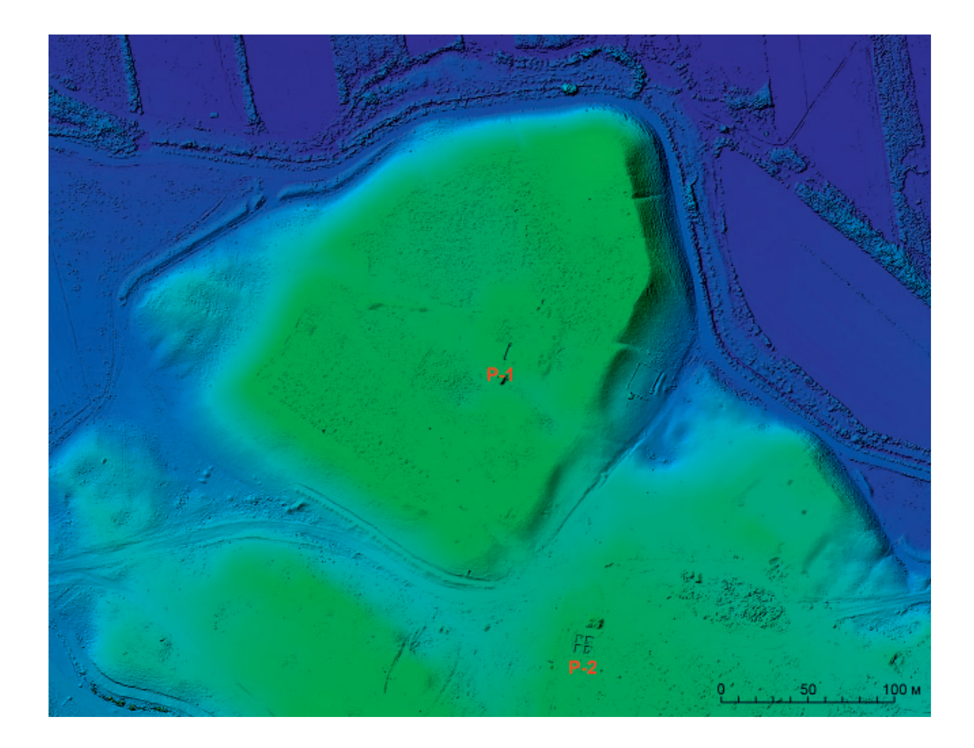

Рис. 1. Городище Кен-Булун (3D-модель) с обозначением мест раскопов 1 и 2
Fig. 1. Ken-Bulun settlement (3D model) with the designation of excavation sites 1 and 2

Кен-Булунского айыльного аймака (сельского округа) в 600–700 м к югу от с. Чолпон. Некоторая информация о топографии и историографии городища была опубликована ранее (Кольченко и др., 2022, с. 41–43). Она показывает слабую изученность этого памятника археологии, и, в частности, отсутствие раскопочных данных о мощности культурных наслоений, их стратиграфии и хронологии. Исходя из этого, при формулировании целей и задач проекта намечены стационарные исследования двух участков в разных структурных частях городища (рис. 1) с последующим их сопоставлением для изучения динамики развития средневекового города.

Раскоп 1

Раскоп 1, размерами 10×2 м, был поставлен в середине центральных развалин городища (шахристана), на рельефно выраженной почти квадратной постройке размерами 25-30×30-35 м с уплощённым понижением в середине. Она ориентирована сторонами по странам света (по магнитному северу и с отклонением в 15-20° от географического севера). Своей южной стороной объект выходит к небольшой ложбине, идущей от западного края городища, скрывающей, надо полагать, улицу. В 2021 г. он был обследован геофизическим (магнитометрическим) методом, и постановка раскопа учитывала его результат (Кольченко и др., 2022, с. 52, рис. 10: 1-4).

Раскоп перерезает южную границу постройки – стену с прилегающими помещениями – примерно в середине.

Первоначально по всей площади раскопа был снят дерновый слой мощностью до 10 см, содержащий корни травы и регулярно промокающий от осадков, что изменило его структуру. Затем, выводя раскоп в горизонтальную плоскость, в середине западного борта была снята часть холмика. Было выяснено, что он сформировался как выброс из ямы, вероятно оставленной «чёрными копателями» много лет назад в южной части площади раскопа в месте понижения. Выбросы имеют резко отличающуюся от остальных участков вскрытия более плотную структуру белёсого цвета. На противоположном восточном борту такого характера отложений не зафиксировано. Этот слой получил полевое обозначение Слой 1. Его мощность – до 40 см. Находок в нём не было.

При снятии следующего стратиграфического Слоя 2, мощностью до 30-40 см, попадались мелкие фрагменты керамики, в том числе глазурованной, и обломки жжёных кирпичей, а также целая полуциркульная черепица или лоток водостока (рис. 3: 1).

Дальнейшие расчистки позволили выявить в центральной части структурированный завал сырцового кирпича, обозначенный как Слой 3. Завал располагался вдоль западно-

Рис. 2. Городище Кен-Булун, раскоп 1. Ректифицированные орто-фотопланы и профили бортов. *1 – Фото-план по уровню верха расчистки слоя 3; 2 – фото-план по уровню полов 1-го строительного горизонта; 3 – фото-план по уровню верха расчистки слоя 4 (под полом; стр. горизонт 2); 4 – западный борт раскопа; 5 – восточный борт раскопа*

Fig. 2. Ken-Bulun settlement, excavation site 1. Rectified orthophoto maps and side profiles. 1 – photo map for the level of the top of the cleaning of layer 3; 2 - photo map for the floor level of the 1st building horizon; 3 – photo map for the level of the top of the clearing of layer 4 (under the floor; building horizon 2); 4 – the western side of the excavation; 5 – the eastern side of the excavation

го борта раскопа. Кирпичи выходили вверх своими узкими длинными гранями и были ориентированы по длине раскопа. При горизонтальной зачистке было расчищено 8-9 рядов, простирающихся на 4 м в длину. Они зафиксированы толщиной в 1-2 кирпича, т.е. мощность слоя составила 20-40 см (рис. 2: 1).

Вдоль северного борта кирпичного завала не было, но были расчищены остатки стены из сырцового кирпича в относительно рыхлом заполнении. Стена шла вдоль северного борта, почти параллельно ему, и продолжается в восточном и западном направлении. Стена была сложена в два кирпича, размерами 46-48×22-23×8-9 см с раствором между кирпичами около 1 см. По уровню расчистки кирпичи располагались ложком, её толщина составила 1 м, сохранилась в высоту до 6 рядов, т.е. на 0,7 м. Ниже идёт неструктурированный завал, маркирующий переход ко 2-му строительному горизонту.

В южной части раскопа также была выявлена мощная стена, параллельная северной. Её южная грань сохранилась плохо и пока нельзя считать, что она достоверно установлена; стена как бы ступенями по слоям кирпича увеличивает толщину к низу. Если по верху её фиксации она отстояла от южного борта на 1,2 м, то внизу – на 0,7-0,8 м. Северная грань, расположенная в 2,3 м от южного борта раскопа, определяется хорошо. Кирпичи расположены так же, как и в северной стене

Рис. 3. Городище Кен-Булун, раскоп 1. Некоторые находки: 1 – Черепица/лоток водостока; 2 – Кувшин с крестообразной фигурой на ручке; 3– керамика неглазурованная; 4-6 – керамика глазурованная; 7-8 – селадоны; 9 – кашин;10 – бронзовая стенка соединительной муфты; 11 – стекло

Fig. 3 Ken-Bulun settlement, excavation site 1. Certain finds: 1 – Tile /flume; 2 – A jug with a cruciform figure on the handle; 3– unglazed ceramics; 4-6 – glazed ceramics; 7-8 – celadons; 9 – kashin;10 – bronze wall of the coupling; 11 – glass

– ложком. Таким образом, по верху сохранности её толщина 1,1 м, а внизу – до 1,5 м. По южному фасу, в отличие от северной стены, она прослежена на всю глубину вскрытия, т.е. функционировала в 1 и 2 строительных горизонтах.

Между северной и южной стенами, перпендикулярно им, примерно по середине, зафиксирована ещё одна стена, идущая с тем же небольшим отклонением от направления бортов раскопа. Она также сложена из сырцового кирпича 46-48×22-23×8-9 см, но толщиной в один кирпич; стена плохо сохранилась, и её восточная грань устанавливается не твёрдо. В северной части на расстоянии около 1 м она прослежена условно, что связано, возможно, с наличием здесь прохода. Южный торец примыкает к южной внешней стене, но не имеет перевязки с ней.

Пространство к западу от стены С-Ю является частью **Помещения 1** (далее – *пом.*). Его вскрытые размеры – 4,4×0,8-1,0 м, и оно уходит в западный борт раскопа. Конструкций в раскопанной части не зафиксировано, но расчищен упомянутый выше структурированный кирпичный завал. Вероятно, этот завал является упавшей частью стены С-Ю – совпадают направление кирпичей и их размер, а начало завала – прямо у грани стены[2]. Стена сохранилась на два ряда от уровня пола 1-го строительного горизонта. Пол, расчищенный после разбора завала кирпича, располагался в 1,3 м от верхней точки раскопа. Он выполнен из плотной глины с толщиной намазки около 1 см. В срезе он более светлого оттенка и плотнее, чем подстилающее и перекрывающее заполнение (рис. 2: 2, 4).

К востоку от стены С-Ю, перпендикулярно ей, и примерно посередине раскопа (в 5,1 м от северного борта и в 4,1 м – от южного) – сырцовая стена, сложенная в два кирпича, т.е. шириной 0,8-0,9 м, делящая восточную часть

на два пространства. Как было выяснено при финальных вертикальных зачистках восточного борта раскопок, эта стена начиналась практически под дерновым слоем, т.е. у борта раскопа было срезано три ряда кирпичей. Пространство к северу от нее обозначили как пом. 2, а к югу – пом. 3.

Помещение 2 было вскрыто на участке, размерами 4×0,2-0,5 м; его восточная часть осталась не раскопанной, уходя в борт. В 0,75 м от ЮЗ угла помещения, у западной стены расположен открытый сверху тандыр, сохранившийся на 0,4-0,45 м; его диаметр в основании в 0,6 м; он плавно сужается и на уровне сохранности его диаметр 0,4 м. Стенки в трещинах и держатся за счёт грунтового заполнения, оставленного в 2022 г. без разбора. Непосредственно у тандыра с южной стороны был зафиксирован вертикально стоящий жжёный кирпич (стенка/облицовка?), а к югу от кирпича – рыхлое золистое заполнение.

В 0,8 м к северу от тандыра на границе слоёв 2 и 3 была зафиксирована группа жжёных кирпичей. После их удаления и расчистки напластований выявили относительно ровную поверхности пола. На ней в 0,5 м от южной внешней стены были расчищены горизонтально лежащие сырцовые кирпичи, как позже выяснилось – от нижележащей срезанной по этому уровню стены 2-го строительного горизонта (см. ниже). Южнее этой кладки плоскость пола просела, что чётко видно в борту раскопа.

Помещение 3 было вскрыто на участке, размерами 1,7×0,5 м; восточная часть осталась не раскопанной, уходя в борт. Вдоль южной стены помещения был отгороженный кирпичной кладкой в один кирпич участок. Вероятно, это суфа (или ларь около тандыра) шириной (внутри) в 0,5 м и, судя по расчищенной сохранности и вертикальной зачистке борта, высотой в три кирпича. За этой стенкой-перегородкой в углу зафиксирован кувшин с пробитым дном и частично утраченной горловиной (рис. 3: 2). Внутри кувшина среди глиняного заполнения находилась бронзовая трубка длиной 10 см и диаметром 3-4 см, сделанная из завальцованной пластины. При разборе глины, забившейся в трубке, найдены фрагмент железного ножа (?), небольшие обрывок ткани (вероятно шерсть с саржевым плетением) и, возможно, кожи, а также несколько зёрен/косточек растений. Кувшин стоял, заполняя практически всё пространство, ручкой в северную сторону, т.е. в сторону помещения. Он декорирован штампом-пунсоном: вокруг основания ручки нанесено два ряда окружностей, от которых начинается крестообразное изображение на вертикальной части ручки. Верхняя часть ручки утрачена, и неизвестно, как фигура оканчивалась. Грунт из заполнения кувшина взят для палеоботанического анализа.

На пространстве между южными бортом раскопа и стеной стратиграфическая ситуация аналогичная вышеописанной. Вскрытие здесь осуществлено на глубину 1,1 м от верха раскопа южного борта. Верхние 10–15 см – дерновый слой. Ниже, до отметки 0,5 м от поверхности – напластования слоя 2, достаточно рыхлого по своей структуре. Он оканчивается относительно ровной и горизонтальной поверхностью, особенно отчётливо видной на восточном борту раскопа. Далее 0,2–0,35 м – кирпичный завал слоя 3. Примечательно, что в нём кирпичи находятся в вертикальном состоянии, т.е. на узком ребре, но они разнонаправленные. Кажется, среди них есть квадратные, размером 25×25 см. Примечательно, что поверхность этого плотного кирпичного слоя в вертикальной зачистке на южном борту имеет заметное ниспадение от западного угла к востоку. Ниже идут напластования слоя 4, принадлежащего 2-му строительному горизонту, вскрытые на 0,1-0,2 м.

2-ой строительный горизонт

В процессе раскопок для понимания стратиграфии наслоений мы опускались вдоль южной стороны северной стены небольшой траншеей в 0,5-0,7 м шириной. Оказалось, что стена поставлена на завале. Слой траншеи, вскрытый вниз на 0,5 м от уровня пола, был обозначен как слой 4. Факт возведения внешней стены на завале стал основанием для выделения 2-го строительного горизонта.

После расчистки пола 1-го горизонта в пом. 1, этот пол был снят. Под ним, как и в траншее у северной стены, оказался плотный завал не структурированного кирпича. Стена между помещениями 1 и 2/3 оказалась также поставленной на завале, а южная стена – уходящей вниз, т.е. она существовала во 2-м строительном горизонте. Слой 4 под полом помещения 1 был снят на 0,15-0,2 м.

В северной части пом. 1, как раз по южному борту разведочной траншеи, была выявлена широтно ориентированная стена 2-го горизонта. Её ширина – 0,9 м; техника исполнения осталась не выявленной. На северной поверхности стены (южная фактически пока не вскрывалась) сохранилась штукатурки из тонко отмученной глины более светлого оттенка, чем тело самой стены. Факт ее сохранности может быть аргументом в предположении о целенаправленном срезе стены для расширения помещения, когда нижележащее помещение долгое время не стояло с открытой для осадков и ветра стеной; возможно, в этом строении по 2-му строительному горизонту имеется ещё одна стена, расположенная севернее, или эта часть строения на момент перестройки сохраняла навесы вдоль своей северной стены. Новая северная стена для 1-го строительного горизонта отодвинута на 0,5 м севернее стены 2-го строительного горизонта.

* * *

Подводя итоги описаний исследований на Раскопе 1 в 2022 г. можно констатировать, что на небольшой площади в 20 м^2 были вскрыты части трёх помещений строительного горизонта 1 и обозначена сохранность северной стены строительного горизонта 2, в то время как внешний южный фас строения на обоих строительных горизонтах остаётся единым (и сильно повреждённым). Стены горизонта 1 сохранились всего на 3-4 ряда, но около них лежат упавшие части. Это даёт основание предполагать о единовременном разрушении строения (по верхнему горизонту). Его причина – природное стихийное бедствие (землетрясение) или разрушение завоевателями – остаётся без достаточной аргументации для артикуляции.

Практически все собранные на раскопе керамические находки относятся к 1-му строительному горизонту. В ходе раскопок они не дифференцировались по помещениям. Это уже упоминаемая целая узкая сероглиняная черепица/лоток (рис. 3: 1) и 29 учтённых фрагментов. Все фрагменты небольшого размера, за исключением фрагмента стенки котла (рис. 3: 3). В том числе найдены три фрагмента глазурованных изделий открытых форм (чаши-кесе) с зелёной и белой поверхностью (рис. 7: 4-6), два фрагмента селадоновых сосудов и одной закраины от кашинной (рис. 7: 7-9). Также найдены единичные изделия из металла, камня и стекла (рис. 7: 10-11), относящиеся к 1-му строительному горизонту.

Среди находок из слоя есть три монетных кружка: один из них найден к югу от внешней южной стены, а два других – в центральной части раскопа. По определению А.М. Камышева они являются караханидскими монетами, чеканеными в сер. XI в., и продолжавшими использоваться в начале XII в. (Камышев, Кольченко, 2023, №№ 14, 17, 18).

Раскоп 2.

Раскоп 2 находится в 50 м к юго-востоку от центральных развалин (шахристана), на месте выявления геофизическими исследованиями 2021 г. наиболее мощных аномалий в грунте (Кольченко и др., 2022, с. 51-52, рис. 10, *1,5-7*). Он был поставлен наверху большой плоской площадки у края значительного и резкого понижения с западной стороны, отделяющего её от центральных развалин (шахристана). Раскоп ориентирован сторонами по странам света (с небольшим отклонением), размерами 10×10 м, разбит поперечными бровками шириной по 0,5 м на четыре квадрата[3].

По имеющимся данным, полученным через опрос местного населения и анализ аэроснимков прошлого века, выбранная для раскопа плоская площадка была нивелирована под пашню и несколько лет распахивалась, но последние 3-5 лет распашка не проводилась.

Исследования велись по отдельным квадратам. В процессе было выявлено несколько остатков стен, высотой до 0,3 м, образующих помещения. Стены ориентированы под углом ~40/50° к бортам раскопа и перпендикулярны друг другу. Ряд помещений выделяется уверенно, а часть названа условно из-за плохой сохранности стен, особенностей раскопа и незавершённости работ.

В 2022 г. Раскоп-2 вскрыт на глубину от 0,3 до 0,7 м. Стратиграфия напластований во всех квадратах примерно одинаковая. Она достаточно хорошо просматривается на бортах и бровках раскопа. Мощность **дернового слоя** – 0,05-0,1 м; его нижняя граница в целом проходит горизонтально. **Слой 1**, связанный, вероятно, с глубиной распашки в ~0,2-0,25 м, доходит до верха сохранности стен. Он менее ровный – с просадами в нижележащие помещения. Слой глинистый, с включением небольшого количества артефактов. Далее идёт **слой 2**, мощностью до 0,3 м, связанный

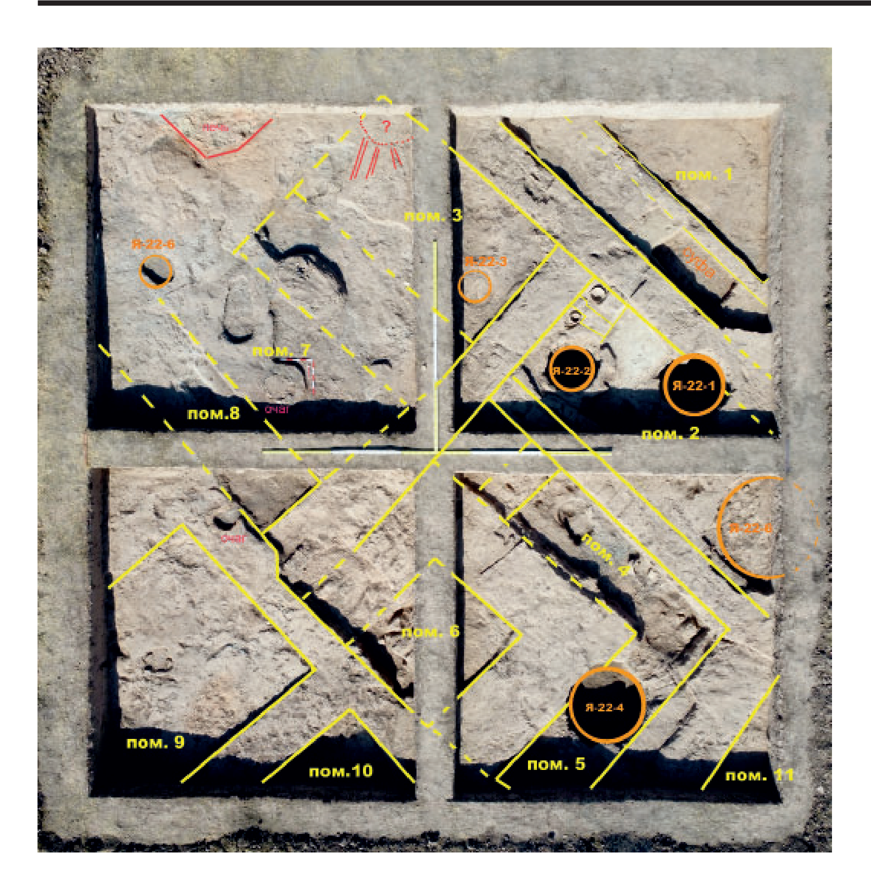

Рис. 4. Городище Кен-Булун, раскоп 2. Фото-план на конец исследований 2022 г. с обозначением помещений и других конструкций

Fig. 4. Ken-Bulun settlement, excavation 2. Photo map for the end of the 2022 research with the designation of premises and other structures

с выявленными строительными конструкциями (стенами) и заполнением между ними; в ряде помещений зафиксированы глинобитные полы, являющиеся границей слоя (и строительного горизонта?).

В СВ углу квадрата 4 и раскопа в целом была выявлена часть **помещения 1** (рис. 4). Его ЮЗ стена проходит с СЗ на ЮВ, деля квадрат примерно пополам. Она сложена из сырцового кирпича, размерами 36-37×17-18×8 см, и сохранилась на 3 ряда, что составляет 0,3 м. Ширина стены – 0,6-0,65 м (1,5 кирпича), а длина не менее 5,1 м. В 0,9 м к СВ от неё выявлена параллельная стенка, толщиной в 0,2-0,25 м, т.е. в 0,5 кирпича. Она была выявлена по уровню своей сохранности на 0,1 м ниже основной стены. Часть пространства между стенами, длиной 1,2 м, была расчищена на 0,15-0,2 м до выявления горизонтальной, хорошо утрамбованной поверхности, интерпретируемой нами как пол. К северо-востоку от тонкой стены поверхность тоже расчистилась относительно горизонтально, но с худшим качеством. Тонкую стенку воспринимаем как стенку невысокой суфы, идущей вдоль основной стены; её горизонтальная поверхность не сохранилась. В самом СВ углу был расчищен более плотный участок, который, возможно, является частью СВ стены помещения. Если мы правы в предположении, то ширина пом. 1 – 2 м, из которых половину занимает суфа. СЗ и ЮВ стены пом. 1 остались вне раскопа, ввиду чего длина помещения не была установлена. Проходов в раскопанной части выявлено не было.

В слое 2, ещё до чёткого появления стен и выделения помещений, в СВ углу раскопа, т.е. в выделенном позже пом. 1, при горизонтальной зачистке были выявлены серо-голубые пятна. В ходе расчистки было выяснено, что это упавшие кирпичи, лежащие однонаправленно и выходящие узким ребром на поверхность. Было прослежено 3-4 ряда кирпичей, в каждом из которых зафиксировано по 2-4 кирпича. Очевидно, что это единовременно упавшая часть какой-то стены.

Помещение 2 расположено к ЮЗ от пом. 1, имея с ним общую стену. Выходя из угла кв. 4 к ней под прямым углом подходит СЗ стена. Она такой же такой же ширины и конструкции. Средняя часть ЮЗ стены пом. 2 осталась не раскопанной, находясь в бровке между квадратами 4 и 2. Её южная часть, находящаяся в кв. 2, даёт кладку в 1,5 кирпича (0,6-0,7 м): СВ грань, выходящая в пом. 2, выложена ложком, а противоположная – тычком. Западная

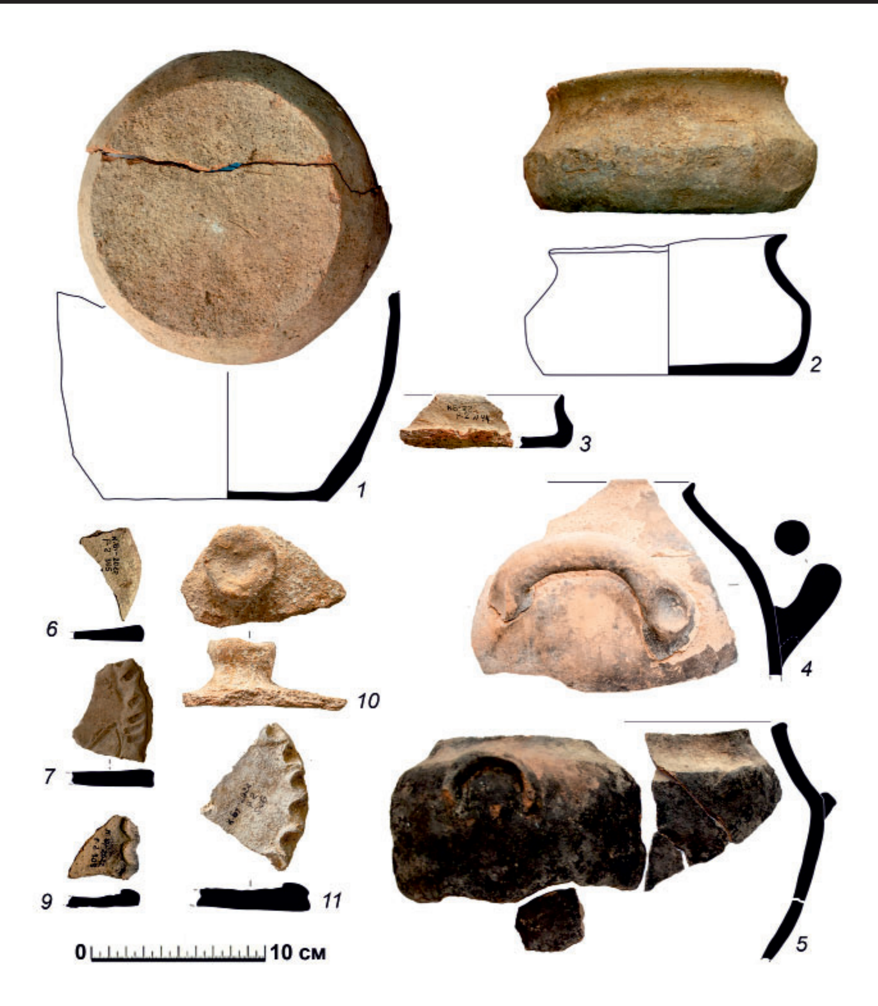

Рис. 5. Городище Кен-Булун, раскоп 2. Пом. 2. Некоторые керамические находки
Fig. 5. Ken-Bulun settlement, excavation 2. Premise 2. Samples of ceramic finds

часть этой стены кажется разваливающейся – крайние кирпичи верхнего ряда, выходящие в пом. 2 ложком, отходят на 5-7 см от основного тела стены. ЮВ стена не выявлена; она находится за пределами раскопа. В раскопанной части помещения проходов не выявлено. Ширина пом. 2 – 1,5 м, длина – не менее 5 м.

В северном углу пом. 2 расчищено пространство ларя-суфы (внутренние размеры 30×30 см), отгороженное стенками в 0,5 кирпича. В нём было выявлено дно достаточно крупного кувшина (?) (рис. 5: 1), зафиксированного по уровню сохранности стен. За ЮЗ стенкой ларя-суфы у СЗ стены помещения обнаружен другой сосуд – приземистый и лепной (чаша/миска?) (рис. 5: 2). Вероятно, он стоял на суфе, продолжавшей ларь, внешняя стенка которой почти полностью разрушена пробитой сверху ямой Я-22-02 (см. ниже).

За ЮВ стенкой углового ларя-суфы, вдоль стены помещения зафиксирован участок (~0,5×0,5 м) с зеленоватым рассыпчатым/порошкообразным грунтом. Две его другие границы аморфны: с одной стороны участок доходил до Я-22-02, а с другой – почти до Я-22-01. Грунт лежал на полу. Его мощность – до 0,1 м. Вероятно, он мог иметь некоторое технологическое значение.

В ЮВ углу кв. 4 в пом. 2 была зафиксирована и раскопана яма **Я-22-01**. Её наличие предполагалось ещё до раскопок, так как в этом месте было значимое проседание грунта. Яма немного прорезает СВ стену помещения. Диаметр её верха по уровню сохранности/фиксации D=0,8-1,0 м. На уровне дернового слоя и слоя 1 она имеет аморфные размытые очертания. Лишь внизу слоя 1 её контур приобрёл чёткие границы и был зафиксирован. На 0,1-0,15 м ниже от уровня фиксации яма имела вертикальные хорошо читаемые стенки, а ниже – стенки стали аморфными, но резко расширяющимися (кроме СВ стороны, где прорезана стена). На глубине 0,4 м от уровня фиксации были расчищены горизонтально расположенные венчик хума и жжёный кирпич/плитка (30×23×3 см), который закры-

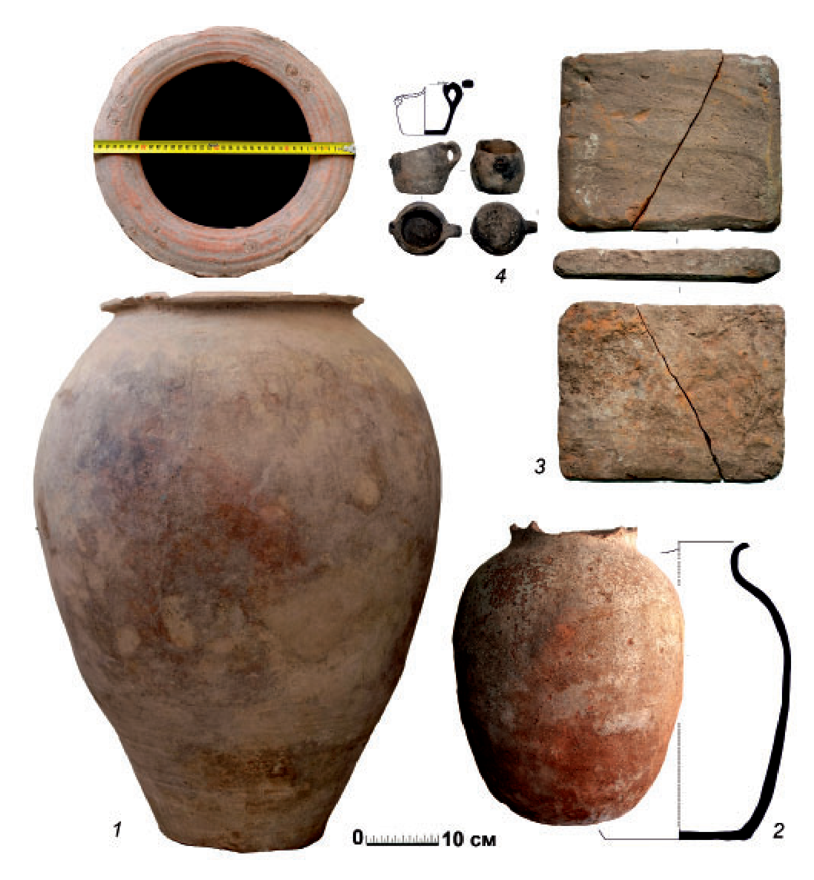

Рис. 6. Городище Кен-Булун, раскоп 2. Яма Я-22-01. Полный комплекс керамики
Fig. 6. Ken-Bulun settlement, excavation site 2. Pit Я-22-01. The whole complex of ceramics

вал устье крупного сосуда-корчаги, фактически пустого внутри (рис. 6: 2-3). Дальнейшая расчистка показала, что венчик принадлежит целому хуму (рис. 6: 1), входящему нижней частью (~10-15 см) в плотный грунт с горизонтальной поверхностью (полочки-суфы пола лежащего ниже строительного горизонта (?)). Корчага стояла над рыхлым заполнением. После расчистки хум был извлечён. Оказалось, что к ЮВ от него стоит ещё один хум, соприкасавшийся с извлечённым стенкой. В 2022 г. он был оставлен на месте без дальнейшей расчистки. Примечательно, что кроме двух вышеназванных сосудов в яме Я-22-01 найден лишь лепной небольшой сосудик с носиком (поилка?) (рис. 6: 4); фрагментированной керамики не было. В яме также найдено лезвие садового выгнутого ножа (рис. 7: 1). Прорезание ямой стены говорит о том, что она была сооружена, когда остатки стен помещения были уже не видны на поверхности.

В том же пом. 2 была выявлена и раскопана ещё одна яма – **Я-22-02**. Она располагается в западной части помещения, и, вероятно, разрушила стенку суфы вдоль его СЗ стены. Диаметр ямы по уровню фиксации – D=0,8 м. Первые 0,15-0,2 м стенки ямы шли вертикально, а следующие 0,15-0,2 м плавно выгибались во внутрь, уменьшая диаметр до 0,6 м. Кажется, это был переход ко дну ямы. Но затем она получила продолжение к низу с новым расширением диаметра. Заполнение было сверху глинистым, а ниже – с большим количеством примесей золы, но без находок. Единственным исключением стало распределительное кольцо от конской уздечки (рис. 7: 2). На глубине 0,7 м от поверхности рыхлое заполнение сменилось плотным и однородным массивом глины, и лишь вдоль стенок на 3-7 см сохранился рыхлый золистый грунт. На этом разбор ямы в 2022 г. был остановлен. Вероятно, выявленный глиняный массив является дном ямы, которое просело в нижележащий рыхлый грунт. Разрушение ямой стенки суфы указывает на её сооружение после прекращения функционирования пом. 2.

В ЮВ углу пом. 2 оконтурена половина ямы **Я-22-5**, второй половиной уходящей в борт. В отчётном году она не вскрывалась.

Вдоль южного борта квадрата 4 на пространстве между ямами Я-22-1 и Я-22-2 было найдено несколько крупных фрагментов

Рис. 7. Городище Кен-Булун, раскоп 2. Металлические находки:
1 – Я-22-1; 2 – Я-22-2; 3-7 – пом. 2; 8 – пом. 4; 9 – пом. 8; 1-8 – железо; 9 – бронза
Fig. 7. Ken-Bulun settlement, excavation site 2. Metal finds: 1 Я-22-1; 2 Я-22-2; 3-7 – premises 2; 8 – premise 4; 9 – premise 8; 1-8 – iron; 9 – bronze

керамики, в том числе от сковороды, нескольких котлов и крышек (рис. 5: 3-11). Горизонтальная поверхность этого участка не является чёткой и ровной, как можно было ожидать от расчистки пола. Возможно, это ещё одна-две ямы или иные конструкции, о которых можно будет судить после дальнейших раскопок.

На пространстве пом. 2 было найдено несколько железных изделий: два ножа (почти целый и фрагмент), небольшой гвоздь с широкой круглой шляпкой, панцирная пластина (?) и изящная прямоугольная ременная рамка с мысиком (рис. 7: 3-6).

Помещение 3 расположено к СЗ от пом. 2 и к ЮЗ от пом. 1. В кв. 4 от пом. 3 вошли части (?) северо-восточной и юго-восточной стен длиной 2,0 и 2,1 м соответственно. В расположенном за бровкой кв. 3 стены достоверно расчистить не удалось. В предполагаемом северном углу помещения в горизонтальной расчистке в 0,3 м ниже современной дневной поверхности была выявлена половина округлой конструкции (D=0,8-0,9 м) из плотной однородной глины, уходящей второй половиной в северный борт раскопа. Вблизи восточного угла пом. 3 в финальной горизонтальной зачистке 2022 г. была расчищена яма **Я-22-03**, диаметром D=0,5-0,6 м. Она не вскрывалась в отчётном году. Её оформление позволяют предполагать, что это именно устье ямы с небольшим намазанным бортиком по периметру, а не уровень сохранности, как отмечено для других ям раскопа, и опущена она с пола помещения, т.е., вероятно, при его функционировании.

Помещение 4, названное так условно, расположено к ЮЗ от пом. 2 за общей с ним стеной. Противоположная стена пом. 4 отстоит на 1,1 м, задавая ширину помещения; она читается неуверенно и нельзя исключать, что это плотный массив хорошо промоченной в момент попадания в слой глины. В СЗ части пом. 4 замыкает кирпичная стенка, уровень сохранности которой ниже сохранности общей стены пом. 2/4 на 2 ряда кладки и соответствует уровню суфы в пом. 2. С ЮВ пом. 4 переходит без каких-либо конструкций в условно выделенное пом. 5, расположенное перпендикулярно к нему. Чётко читаемого пола выявлено не было. Установленные размеры условного пом. 4 – 2,5×1,1 м – вынуждают сомневаться в интерпретации раскопанного пространства как помещения.

В нижнем слое пом. 4 были выявлены развалы хумной и другой фрагментированной керамики и фрагмент железной пластины (панцирная? лезвие ножа?) (рис. 7: 7).

Помещение 5 выделяется также условно, прежде всего, из-за своих нефункциональных размеров. Оно вытянутое по линии СВ-ЮЗ.

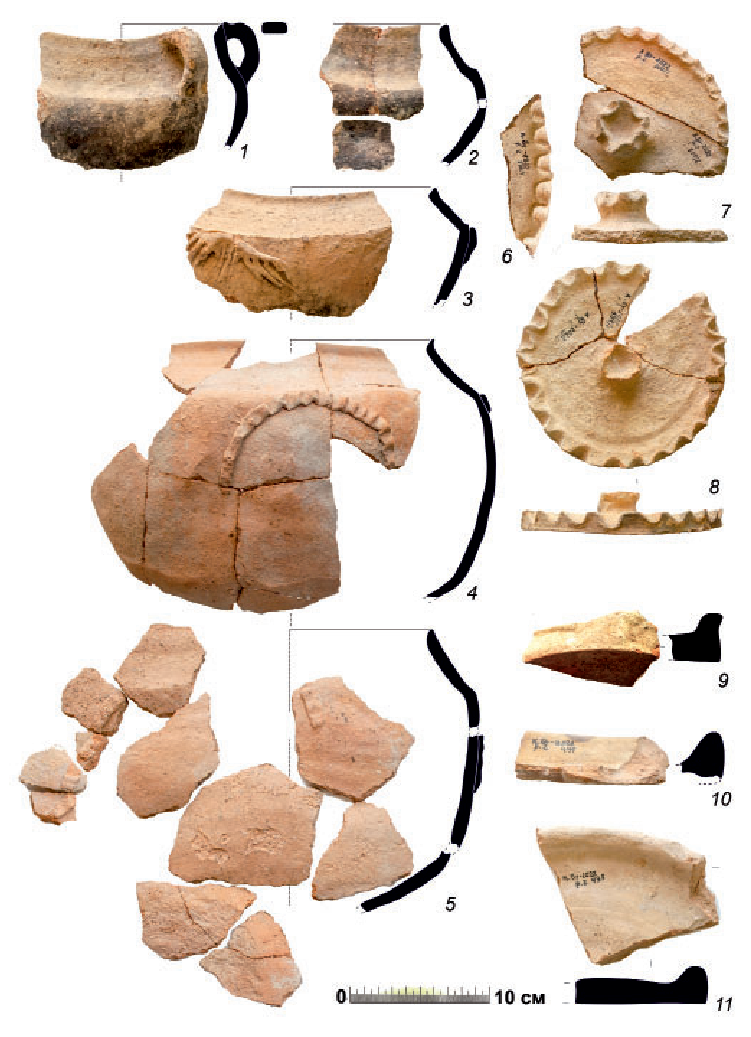

Рис. 8. Городище Кен-Булун, раскоп 2. Пом. 5. Некоторые керамические находки
Fig. 8. Ken-Bulun settlement, excavation 2. Premise 5. Samples of ceramic finds

Его размеры 1,1×2,8-4,0 м. СВ стеной является стена пом. 2, вдоль которой пом. 5 сообщается с пом. 4. ЮВ стена кирпичная, толщиной 1,1 м; её вертикальная грань плохо сохранилась, но на горизонтальной поверхности хорошо прослеживается кирпичная кладка. За этой стеной остаётся небольшое пространство в углу раскопа, обозначенное как пом. 11. С ЮЗ пом. 5, кажется, уходит в борт раскопа; возможно, в ЮЗ углу расчистился кирпич ЮЗ стены, уходя большей частью в борт. СЗ стена определяется неуверенно; она похожа на ЮЗ стену пом. 4, с которой сопрягается. Проходов не выявлено за исключением одного – в пом. 4; условные помещения 4 и 5 образуют достаточно однородное пространство Г-образной формы с хорошими стенами с одной стороны и плохо выделяемыми – с другой.

Заполнение на всём пространстве помещения рыхлое, золистое. Чётко читаемого пола выявлено не было. В заполнении и на полу была собрана коллекция фрагментированной керамики (часть из которой восстанавливается до археологически целых форм), прежде всего кухонного назначения (рис. 8).

Примерно посредине пом. 5 была выявлена яма **Я-22-4** с диаметром верха сохранности 1,15 м. К низу яма расширяется. Она была вскрыта на 0,6 м, не дойдя до дна. Яма содержит золистое рыхлое заполнение. В ней найдены многочисленные фрагменты керамики, преимущественно котлов и горшков и чашка (кружка) с расширяющимися к верху прямыми стенками с петельчатой ручкой (рис. 9). Также в яме найдено биконическое прясло.

Помещение 6 расположено к З от пом. 4 и 5 и отделено от них стенами толщиной в 1,1-1,3 м и длиной 1,6 и 1,8 м. Они были вскрыты всего на 0,1 м от верха своей сохранности и не доведены до пола. Впрочем, стены плохо выявляются и в реальности могут оказаться

Рис. 9. Городище Кен-Булун, раскоп 2. Яма Я-22-4. Некоторые керамические находки
Fig. 9. Ken-Bulun settlement, excavation site 2. Pit Я-22-4. Samples of ceramic finds

тоньше. Западные части обеих стен входят в бровку между кв. 1 и 2. СЗ и ЮЗ стены помещения имеют толщину 0,55-0,65 м, т.е. сложены в 1,5 кирпича. У останца СЗ стены расчищен структурированный кирпичный завал от, вероятно, упавшей части этой стены. Завал прослежен на 1,1 м в длину и 0,7 в ширину; кирпичи выходят своими торцевыми частями. Вероятно, выход из помещения, шириной 1,0 м, был скользящим вдоль ЮЗ стены на СЗ. Размеры этого помещения – 1,8×2,6 м. В нём найдено много фрагментированной керамики и один почти целый сосуд.

Анализ полученных результатов позволяет предполагать, что условно выделяемые пом. 4, 5 и пом. 6 являются одним целым, в котором пом. 4 и 5 являлись суфами; в таком случае размер этого помещения – 3,8×3,3 м. Дальнейшие раскопки позволят проверить это предположение.

В западной части раскопа помещения выделены условно, в том числе потому, что разбор слоя 3 здесь только начат.

Пространство к ЮЗ от пом. 6 обозначено как пом. 9 и 10.

Помещение 9 условно выделено к ЮЗ от пом. 6 в углу раскопа. В слое 2 здесь была отмечена площадь пережога глины до крошева из мелких комочков в обрамлении золистых отложений. Слой 2 продолжается вниз на 30 см, до итогового уровня вскрытия в 2022 г. В нем также зафиксировано много кусков битого сырцового кирпича. К юго-востоку от пятен с крошевом пережога была начата расчистка плотного однородного массива; вероятно, это ЮВ сырцовая стена пом. 9, которая, впрочем, расчищается не вполне уверенно, и её подлинность потребует проверки при дальнейших раскопках. Противоположная ей СЗ стена помещения также проблемна. Длина СВ стены помещения, кажется, целиком вошедшей в раскоп, – 2,4 м; СЗ стены, уходящей в западный борт, – 1,4 м; ЮВ стены, входящей в южный борт, – 2,4 м; ЮЗ стена осталась целиком вне границ раскопа. Почти в центре пом. 9 расчисткой было намечено небольшое округлое углубление диаметром в 0,5 м, в верхнем слое которого отмечены крупные кости животных.

Помещение 10 расположено ближе к середине южного борта раскопа, в 2,4 м от его ЮЗ угла. Оно входит в раскоп своим северным углом. СВ (общая с пом. 6) и СЗ (общая с пом. 9) стены прослежены на 1,5 м, и уходят в борт

раскопа. Они прослежены неуверенно, всего на 0,1 м вглубь. Их толщина – 0,55-0,65 м. Других конструкций не выявлено. Заполнение глинистое, плотное, пересохшее.

Помещение 7. В СЗ части раскопа стратиграфическая ситуация несколько иная. После снятия дернового слоя (5-10 см) и следующего за ним слоя 1 в горизонтальной зачистке стали проступать пятна зольных заполнений, пережжённого прокала, ямки и горизонтальные монолитные поверхности без чётких контуров; хорошо выраженных остатков стен не выявлено. В ходе раскопок пространство между пом. 3, 6 и 9 было обозначено как условное пом. 7[4], с СЗ стороны которого стена даже предположительно не найдена (лишь плотный глинистый массив с аморфным контуром), а с СВ, где расположено пом. 3, она очень условна. Впрочем, в этой части раскопки остановлены на уровне 0,2-0,4 м от поверхности; возможно, стены будут выявлены при дальнейших исследованиях. На площади пом. 7 собрана значительная коллекция фрагментированной керамики (рис. 10), бронзовый перстень с утраченной вставкой камня/пасты и лопнувшей дужкой (рис. 7: 9) и две монеты (караханидский фельс и местное подражание монете «кайюань тунбао»[5]).

В ходе расчистки поверхности стены между пом. 7 и 9 до уровня поверхности её сохранности непосредственно на ней был расчищен округлый напольный очаг с устьем-разрывом на северо-восток, т.е. в пом. 7. Этот факт свидетельствует, что поверхность сохранности этой стены, идущей с СЗ на ЮВ, как и прилегающего пространства, некоторое время стояли открытыми, являясь свидетельствами последнего этапа использования этого пространства, носящего (с рядом оговорок) спорадический характер.

Вероятно с этого же уровня спорадического обживания была опущена яма, получившая обозначение **Я-22-06,** которая обозначена снятием в ней верхнего рыхлого слоя на 10 см. Яма расположена к СЗ от пом. 7. Её диаметр по верху D=0,5 м.

Одним из пятен чистой золой является вытянутое пространство у середины западного борта раскопа, размерами 1,1×0,8 м. После расчистки его на глубину 10-15 см нижняя часть стала более глинистой, с кусками глины и комочками пережжённой глины. В ходе дальнейших расчисток каких-либо осязаемых границ у него выявлено не было.

К СВ от него было расчищено основание округлого очага, диаметром D=0,4 м, выложенное по окружности некрупными камнями. Он поставлен на относительно плотном глинистом основании (поверхности стены?). По нашим полевым наблюдениям для средневековых городов Чуйской долины такая конструкция очага с использованием камня не типична. Возможно, зафиксированный очаг связан с номадическими кратковременными присутствиями на руинах строений.

Ещё одно большое зольное пятно было расчищено у западного угла пом. 3. А к СЗ от него расчищен срез конструкции с вертикальными тонкими стенками высокотемпературного прокала оранжевого цвета, частично уходящими под северный борт раскопа. Вычленяемое стенками в раскопе пространство (1,1×1,2 м) также состоит из пережжённого материала, возможно – из разрушающегося обожженного кирпича, и скопления золы в западной части. Данная прямоугольная (?) конструкция интерпретируется нами как **обжигательная печь**, расчищенная по верху своей сохранности. Вокруг её обожжённых стенок зафиксированы очень плотные глинистые отложения; возможно, это сырцовый кожух печи. Планируется, что этот объект станет одним из основных при продолжении раскопок.

Вблизи печи (но не внутри) собрано некоторое количество фрагментов керамики, а в СЗ углу раскопа был раздавленный лепной кувшин.

* * *

Суммируя данные по итогам работ на Раскопе 2 в 2022 г., ещё раз отметим что на всей площади раскопа стратиграфическая ситуация близкая, если не одинаковая. Верхние 5-10 см – дерновый слой с многочисленными корнями травянистой растительности, очень плотный от пересушки (по погодным условиям). Ниже идёт слой 1, мощностью до 20 см: достаточно однородный и также очень плотный от пересушки. Корней в нём уже нет, но встречено относительно много фрагментированной керамики. Вероятно, он сформировался в результате распашки, полива и трамбовки машинами в ходе сбора урожая. На уровне 25-35 см от поверхности стали проступать стены, ставшие верхней кромкой

Рис. 10. Городище Кен-Булун, раскоп 2. Пом. 7. Некоторые керамические находки
Fig. 10. Ken-Bulun settlement, excavation site 2. Premise 7. Samples of ceramic finds

для слоя 2. Стены оказались ориентированными по диагонали раскопа, хотя его западный борт параллелен резкому скату площадки, на которой расположен раскоп, от чего ожидалось иное их расположение. Характер конструкции стен не всегда определяется. В ряде случаев, как у пом. 2, они однозначно сложены из сырцового кирпича. Их толщина достигает 1,2 м, что составляет 2,5 кирпича. Стены сохранились в высоту на 0,5-2,5 ряда кирпичей, что составляет от 7 до 25 см. К этим стенам приурочен глиняный пол, наиболее достоверно расчищенный в западной части пом. 2 и в суфе пом. 1. Кажется, он не был толстым и многократно намазываемым, о чём свидетельствует его плохая сохранность, особенно в пом. 4 и 5. Ниже отмеченного пола стратиграфическая ситуация пока непонятная, так как углубления ниже него фрагментарные, небольшие по площади и глубине. По данным зачистки стенок ям можно предполагать, что часть стен продолжается ниже (СВ стена в пом. 2), но некоторые стены, кажется, повисают на завале. При подтверждении этого предварительного наблюдения можно говорить о завершении строительного горизонта 1 на уровне выше отмеченного пола.

Анализ конфигурации выявленных конструкций свидетельствует, что в восточной половине раскопа вскрыты остатки жилых помещений. Здесь мы имеем достаточно чётко читаемые стены между помещениями и остатки посуды на полах, в том числе – в специально отгороженных для этого пространствах. В западной половине раскопа, напротив, стены выявлены весьма условно, но характер заполнения с хорошо читаемыми зольными линзами, участками с высокотемпературным пережогом грунта показывают, что здесь могут быть производственные площади с печами. Заметим, что производственных объектов в Кыргызстане вскрыто не много и нет хорошо документированных и опубликованных (Труды, 1950, с. 94-95).

Нахождение на поверхности стен двух очагов, поврежденность в пом. 2 стены ямой Я-22-01 и стенки суфы ямой Я-22-02 свидетельствуют в пользу того, что после прекращения функционирования вскрытых конструкций здесь продолжалась спорадическая (?) жизнь (*строительный горизонт 0*).

В самом начале работ на Раскопе 2 при снятии дернового слоя была найдена крупная бипирамидальная 7-гранная бусина из красного камня (сердолик – ?). Она немно-

го ассиметрична, а отверстие для нанизывания просверлено со смещением от центра и несколько наклонно; на гранях имеются небольшие выщерблины. Данная находка примечательна, но не может быть напрямую связана с функционированием нижележащих строений.

В ходе раскопок было отобрано 663 фрагмента и целых керамических неглазурованных изделий. Прежде всего, отбирались все фрагменты, дающие представление о форме изделия – закраины, донца, ручки и пр. Но также были взяты боковины сосудов либо для характеристики технологии производства, либо из-за того, что они могут соединяться с другими фрагментами, как извлечёнными в этом году, так и в будущем, к примеру – из ямы Я-22-04, раскопки которой не завершены. Подавляющее их число относится к изделиям кухонного назначения – котлы, горшки, крышки.

Среди керамических находок было небольшое количество глазурованной – 26 фрагментов. Она собрана преимущественно в слое 1, ещё до выделения помещений, но были фрагменты в помещениях и яме. Глазурованные фрагменты небольшие, не дающие представление о форме сосудов. Лишь часть из них может быть определена – закраины, стенки и донца изделий открытых форм (чаш-кесе) и стенки сосуда закрытой формы (кувшин?). Они имеют белую и разных оттенков зелёную монохромную поверхность; найдено также по одному фрагменту с коричневой и чёрной поверхностью; в трёх случаях есть следы декора – размытого у закраины и вихревых розеток на дне. Заметим, цвет глазури с разных сторон не всегда совпадает, а на ряде фрагментов глазурирована только одна сторона. Отдельно стоит выделить нахождение фрагмента селадона и четырёх мелких фрагментов кашина, что свидетельствует о наличии импортных изделий.

Развёрнутый анализ керамики – задача будущего, после завершения раскопок. Но первые наброски к этому были сделаны в докладе на VII Международной Нижневолжской археологической конференции (г. Астрахань) в октябре 2023 г. (Куклина и др., 2023), а о технологических её особенностях подготовлена отдельная статья (Куклина, Кольченко, 2024).

Среди находок сезона есть 11 монет. Из них 3 монеты – литые, с отверстием в центре: мелкая тюргешская (2-я пол. VIII в.), анэпиграфичная карлукская (?) (нач. IX в.) и местное подражание китайской монете «кай-юань тун-бао» (IX – нач. X вв.). Ещё 8 практически нечитабельных дирхамов, целых и фрагментов, в том числе с пробитым в середине отверстием. Наиболее примечательна из них группа дирхамов, найденная на полах пом. 2. Для одной монеты по сохранившимся обрывкам надписи и дизайна было возможно более точное определение: дирхам династии Караханидов чекана Барсхана 448 г.х. (1056 г.). По мнению А.М. Камышева все найденные дирхамы чеканены в сер. XI в. и продолжали использоваться до нач. XII в. (Камышев, Кольченко, 2023, №№ 5, 10, 11, 14, 17-19, 22-28, 39-41).

Совокупный анализ фактов, в том числе нумизматические и керамические находки, позволяет считать, что в 2022 г. на Раскопе 2 были вскрыты конструкции, существовавшие в сер. XI – нач. XII вв.

* * *

Начатые в 2022 г. на городище Кен-Булун планомерные раскопки двух объектов в разных структурных частях привели к интересным и многообещающим результатам. На обоих объектах выявлены остатки строений из сырцового кирпича, которые вскрывались по 1-му строительному горизонту с сохранностью стен в 0,3-0,5 м. Площадь раскопов покрывает объекты не полностью, а лишь на незначительной части. Для Раскопа-1 мы понимаем, что он перерезает примерно на 15-25% объект, имеющий, судя по топографии и магнитосъёмке, относительно симметричную планировку. Но ширина раскопа-траншеи не позволяет понять размеры строительных модулей-помещений, что важно для понимания его функционала и архитектурно-строительных особенностей. Ввиду этого он будет расширен до 100-150 м^2. Для Раскопа-2 оснований понимать полный размер исследуемого объекта не существует. Но очевидно, что Раскоп-2 включает жилое и производственное пространства. При этом попадающие в раскоп части 4-6 помещений разного назначения позволяют получить достаточное для целей исследования представление по строительной культуре, а в другой части необходимо будет расширяться для полного включения произ-

водственной конструкции (печи?) в границы раскопок.

По предварительным данным, основанным, прежде всего, на нумизматических находках, вскрытые верхние слои относятся примерно к одному времени – сер. XI – нач. XII вв. Однако такую датировку необходимо верифицировать на других материалах – сопоставлении керамических комплексов и других артефактов, а также естественно-научных анализах. Но в 2022 г. объём находок, особенно на Раскопе-1, был недостаточным для таких сравнений.

Примечания:

[1] В исследованиях принимали участие А.Т. Сулайманова и Т.В. Воробьёва (ИИАЭ НАН КР), А.У. Урбушев и А.А. Куклина (ИА АН РТ), а также студенты КНУ им. Ж.Баласагына, жители гг. Бишкек и Кант.

[2] Один из авторов – Д.К. Тулуш – допускает возможность интерпретировать завал как целенаправленный заклад.

[3] Нумерация квадратов следующая: квадрат (кв.) 1 – юго-западный, кв. 2 – юго-восточный, кв. 3 – северо-западный, кв. 4 – северо-восточный.

[4] При раскопках здесь также выделялось пом. 8, но исследования этого не подтвердили. Ввиду этого пом. 8 выпало из общей номенклатуры помещений.

[5] Определения А.М Камышева. См.: Камышев, Кольченко, 2023, №№ 5 и 19.

ЛИТЕРАТУРА

Камышев А.М., Кольченко В.А. Монеты с городища Кен-Булун в Кыргызстане (из раскопок 2022–2023 гг. и случайных находок прежних лет) // Поволжская археология. 2023. № 4 (46). С. 173–186.

Кенжеахмет Н. Европейские карты Казахской степи и Центральной Азии // Qazaq Historical Review. 2023. No 1 (1). С. 56–121.

Кольченко В.А. Сводный отчёт об экспертизах осваиваемых и трансформируемых территорий на наличие объектов историко-культурного наследия, проведённых в 2020 г. Бишкек, 2021. 246 с. / Археологический архив ИИАЭ НАН КР.

Кольченко В.А., Бездудный В.Г., Тулуш Д.К., Ситдиков А.Г. Геофизические исследования средневековых городов Чуйской долины в 2021 г. // Археология Евразийских степей. 2022. № 6. С. 37–58.

Кольченко В.А., Торгоев А.И. Отчёт об исследованиях на городище Кен-Булун (Чуйская область, Иссык-Атинский район) в 2017 году. Бишкек, 2018 / Археологический архив ИИАЭ НАН КР.

Куклина А.А., Кольченко В.А. Итоги исследования массовой керамики с раскопов 2022 г. на средневековом городище Кен-Булун (Чуйская долина, Кыргызстан) // Поволжская археология. 2024. № 2 (48). С. 26–42.

Куклина А.А., Кольченко В.А., Тулуш Д. О керамике из раскопок на городище Кен-Булун в Чуйской долине Кыргызстана // Сборник материалов VII Всероссийской Нижневолжской археологической конференции (Астрахань, 02–04 октября 2023 г.) / сост. и отв.ред. Д. В. Васильев. Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2023. С. 117–122.

Рассказов С. В. «Степь кочующих киргиз-кайсаков»: казахская степь на российских картах XVIII – начала XIX века и раннемодерная картография как источник для изучения географических представлений о Цен-тральной и Северной Азии // Qazaq Historical Review. 2023. No 1 (1). С. 122–139.

Труды Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина / МИА. №14 / ред., сост. А.Н. Бернштам. М.-Л.: АН СССР, 1950. 249 с.

Информация об авторах:

Кольченко Валерий Анатольевич, научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова Национальной академии наук Кыргызской Республики (г. Бишкек, Кыргызская Республика); archak@gmail.com

Тулуш Демир Константинович, кандидат исторических наук, заведующий отделом, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); главный специалист, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (г. Кызыл, Россия); demirtdk@mail.ru

Ситдиков Айрат Габитович, доктор исторических наук, академик АН РТ, декан, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); директор, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

REFERENCES

Kamyshev, A. M., Kolchenko, V. A. 2023 In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 46 (4), 173–186 (in Russian).

Kenzheakhmet, N. 2023. In *Qazaq Historical Review*, 1 (1), 56–121 (in Russian).

Kolchenko, V. A. 2021. *Svodnyy otchet ob ekspertizakh osvaivaemykh i transformiruemykh territoriy na nalichie ob"ektov istoriko-kul'turnogo naslediya, provedennykh v 2020 g. (Summary report on expert examinations of developed and transformed territories for the presence of historical and cultural heritage objects, conducted in 2020)*. Bishkek. Archaeological Archive of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic (in Russian).

Kolchenko, V. A., Bezdudny, V. G., Tulush, D. K., Sidikov, A. G. 2022. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 37–58 (in Russian).

Kolchenko, V. A., Torgoev, A. I. 2018. *Otchet ob issledovaniyakh na gorodishche Ken-Bulun (Chuyskaya oblast', Issyk-Atinskiy rayon) v 2017 godu (Research report on the Ken-Bulun settlement (Chuy region, Issyk-Ata district) in 2017).* Bishkek. Archaeological Archive of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic (in Russian).

Kuklina, A. A., Kolchenko, V. A. 2024 In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 48 (2), 26–42 (in Russian).

Kuklina, A. A., Kolchenko, V. A., Tulush, D. K. 2023. In Vasiliev, D. V. (ed.). *Sbornik materialov VII Vserossiyskoy Nizhnevolzhskoy arkheologicheskoy konferentsii (Astrakhan', 02–04 oktyabrya 2023 g.) (Collected materials of the VII All-Russian Lower Volga Archaeological Conference (Astrakhan, October 02-04, 2023)).* Astrakhan: "Sorokin Roman Vasil'evich" Publ., 117–122 (in Russian).

Rasskasov, S. V. 2023. *In Qazaq Historical Review*, 1 (1), 122–139 (in Russian).

Bernshtam, A. N. (ed.). *Trudy Semirechenskoy arkheologicheskoy ekspeditsii. Chuyskaya dolina (Proceedings of the Semirechye archaeological expedition. Chuy Valley).* Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology)* 14. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

About the Authors:

Kolchenko Valerii A. Institute of History, Archaeology and Ethnology named after B.J. Jamgerchinov, National Academy of Sciences of Republic of Kyrgyzstan. Chui Avenue, 265a, Bishkek, the Republic of Kyrgyzstan; archak@gmail.com

Tulush Demir K., Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; Tuvan Institute for Humanitarian and Applied Socio-Economic Research.Kochetova Str., 4, Kyzyl, 667000, the Republic of Tuva, Russian Federation; demirtdk@mail.ru

Sitdikov Airat G. Academician of the Tatarstan Academy of Sciences. Doctor of Historical Sciences. Head of department, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2024 г.
Статья принята к публикации 01.10.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.5.48.59

ЧТО КОЧЕВНИКИ ЗАИМСТВОВАЛИ У ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ И НАОБОРОТ: ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

©2024 г. В.А. Иванов

В настоящей статье проверяется гипотеза о возможном прямом взаимодействии оседлых племен лесного Поволжья и Предуралья – мордвы, марийцев и финно-пермяков – предков удмуртов с кочевниками степной полосы региона – печенегами, огузами и кипчаками/половцами – в X–XIV вв. С одной стороны известно, что Волжская Болгария, начиная с XI в., выступала как транслятор импульса в развитие материальной культуры оседлых и (это менее известно) кочевых племен региона. С другой стороны можно допустить, что кочевники и оседлое население могли контактировать напрямую, поскольку в материальной культуре тех и других присутствуют общие компоненты. В этом плане особенно интересными являются X-XI вв., когда Волжская Болгария в своем экономическом развитии ещё не достигла уровня ареалообразующего фактора в регионе. Однако результаты сравнительно-статистического анализа комплексов материальной культуры оседлых и кочевых племен Поволжья и Предуралья полностью разрушают эту концепцию. Это лишний раз подтверждает идею о том, что мир кочевников и мир оседлых лесных племен – это две совершенно разных ментальности, культурная связь между которыми невозможна.

Ключевые слова: мордва, марийцы, финно-пермяки, печенеги, огузы, кипчаки/половцы, торговые связи.

WHAT NOMADS BORROWED FROM THE SEDENTARY POPULATION AND VICE VERSA: BASED ON ARCHAEOLOGICAL MATERIALS OF THE VOLGA-URALS

V.A. Ivanov

This article tests the hypothesis about the possible direct interaction of the sedentry tribes of the forest Volga region and Cis-Urals - the Mordvins, Mari and Finno-Permyaks - the ancestors of the Udmurts with the nomads of the steppe zone of the region - the Pechenegs, Oguzes and Kipchaks / Polovtsians - in the X-XIV centuries. On the one hand, it is known that Volga Bolgaria, starting from the 11th century, acted as a transmitter of the impulse for the development of the material culture of settled and (it is less known) nomadic tribes in the region. On the other hand, it can be assumed that nomads and settled populations could have direct contact, since the material culture of both has common components. In this regard, the X-XI centuries are of special interest, when Volga Bolgaria in its economic development had not yet reached the level of an area-forming factor in the region. However, the results of a comparative and statistical analysis of the material culture complexes of settled and nomadic tribes in the Volga and Cis-Ural regions completely destroy this concept. This once again proves the idea that the world of nomads and the world of settled forest tribes are two completely different mentalities, the cultural connection between which is impossible.

Keywords: Mordvins, Mari, Finno-Permyaks, Pechenegs, Oghuzes, Kipchaks/ Polovtsians, trade relations

Вопрос о взаимодействии кочевого и оседлого миров на всем протяжении их истории в дискуссионном плане не стоит. Никто из исследователей не сомневается в том, что оба эти мира постоянно контактировали между собой, поскольку, во-первых, «интересы степняков были обращены главным образом на своих оседлых соседей, с которых они получали земледельческую и ремесленную продукцию» (Крадин, 1992, с.163), и во-вторых, «номадам нужна пища земледельцев, богатая протеином, они нуждались в изделиях ремесленников, шелке и оружии, в изысканных украшениях для своих вождей, их жен и наложниц. Все это можно было получить мирной торговлей с земледельцами или войной. Кочевники использовали и тот, и другой способы» (Крадин, 2020, с. 102).

В приведенных цитатах, на мой взгляд, исчерпывающе обозначены причины и харак-

тер взаимодействия кочевников с оседлым миром. Правда, в исследованиях, из которых они взяты, речь идет об отношениях кочевых обществ Восточной и Центральной Азии с оседло-земледельческими цивилизациями этих регионов. Но были ещё кочевники центра Степной Евразии (или востока Восточной Европы), И они также могли контактировать с оседлым населением, не относящимся к категории оседло-земледельческих цивилизаций. Речь идет об оседлых племенах – финских, финно-пермских и угорских – лесного Волго-Камья и Предуралья.

То, что они имели торговые (а некоторые исследователи полагают, что и военные) контакты с кочевниками Восточноевропейских степей в трудах современных исследователей Волго-Уральского региона, хотя подробно не обосновывается, но a priori подразумевается. Я не буду здесь касаться периода середины – второй половины I тыс. н.э. (эпоха Великого переселения народов и её продолжение), когда лесостепные и лесные территории Волго-Камья и Предуралья являлись ареной активных миграционных и этнокультурных процессов, в которых кочевники Евразийской степи играли немаловажную роль. Ограничусь временем X-XIV вв., когда в степях Волго-Уралья последовательно сменяли друг друга печенеги, огузы, и кипчаки/половцы. А в регионе Волго-Уралья, начиная с X в., возрастает, по сравнению с предшествующим временем, товарообмен между странами ислама и Европейским миром. Главным транзитным пунктом этого обмена становится молодое государство Волжская Булгария (Кирпичников, 2001, с. 27; Петрухин, с. 158-159). Она же – Булгария – начинает выступать и как генератор культурных импульсов для народов региона (Белавин, 2000, с. 104-106; Крыласова, 2001, с. 208; Никитина, 2002, с. 149-151; Никитина, 2023, р. 174-175; Иванова, 2022, с. 664-666).

Существует мнение, имеющее выраженный дискурсивный характер[1], о том, что кочевники могли тоже выступать посредниками в товарообмене между южными торгово-ремесленными центрами и населением лесной полосы Евразии. Насколько оно соответствует реальности, можно было бы судить, во-первых, по сведениям средневековых нарративов, во-вторых, по результатам сопоставления археологического материала из соответствующих памятников. Например, те же самые украшения и элементы убранства костюма (пояса), если они попадали в лес при посредстве кочевников, должны быть в равной степени широко представлены и у тех, и у других.

Восточные авторы IX-XII вв. – Масуди, Бакри, Хордадбех, Ибн Русте, Ибн Фадлан, Гарнати – перечисляют ассортимент товаров, которые русские (норманнские), булгарские, хорасанские купцы вывозили из «северных стран» и от буртасов (мордвы). Это пушнина, мед, рыба и рыбий клей и даже бивни мамонта и древесина березы, из которой изготавливались древки стрел (Хвольсон, 1869, с. 21, ; Куник, 1903, с. 129; Заходер, 1962, с. 242; Монгайт, Большаков, 1971). Что они ввозили, об этом нарративисты умалчивают.

Впрочем, ал-Гарнати сообщает, что одним из товаров, ввозимых в «страну Йура и Вису» (лесное Прикамье) из стран ислама, были клинки мечей (сабель) (Монгайт, Большаков, 1971, с. 17). И действительно, в комплексах X-XI вв. могильников родановской культуры – Агафоновский I, Баяновский, Плотниковский, Огурдино, Рождественский, Степаново Плотбище, Плёс и др. – найдены 47 сабель или их фрагментов (Данич, 2022).

Примечательно, что кочевники в контексте торговых связей оседлого населения Волго-Камья с южными странами не упоминаются вообще. Более того, А.А.Куник полагал, что «смертельный удар этой торговле был нанесен притекавшими все в большем количестве к Волге и в Западную Азию второстепенными тюркскими ордами[2],...» (Куник, 1903, с. 125, прим. 1).

Попытка выяснить на археологическом материале, влияли ли кочевники на формирование набора украшений и костюмного убранства у оседлых племен Волго-Камья и наоборот не увенчалась успехом: ассортимент украшений и костюмного убранства у кочевых и оседлых племен лесного Волго-Камья и степного Предуралья был разным (Иванов, Крыласова, 2006).

Вместе с тем отмечено, что в материальной культуре оседлого – мордва, марийцы, финно-пермяки (чепецкая и родановская культуры) – и кочевого (огузы, печенеги, кипчаки/половцы) населения рассматриваемого региона присутствуют весьма схожие вещи. Особенно выделяются довольно многочисленные элементы

Рис. 1. Похожие элементы материальной культуры финнов, финно-пермяков и кочевников (печенегов, огузов, кипчаков/половцев) Волго-Уралья X–XII вв. 1 – поясные пряжки; 2 – поясные накладки; 3 – наконечники ремня; 4 – удила; 5 – стремена; 6 – копье (пика); 7 – костяные накладки лука; 8 – топор.
Fig. 1. Similar elements of material culture of Finns, Finno-Permyaks and nomads (Pechenegs, Oghuzes, Kipchaks/Polovtsians) of the Volga-Ural region of the X–XII centuries. 1 – belt buckles; 2 – belt mounts; 3 – belt endpiece; 4 – bridles; 5 – stirrups; 6 - spear (pike); 7 – bone plates of a bow; 8 – axe.

поясного декора – пряжки, накладки, наконечники ремней из погребальных комплексов X-XII или первой половины XIII вв. (рис. 1).

Однако считать, что поясная гарнитура попадала к оседлым племенам Волго-Камья и Предуралья от кочевников или при их участии не приходится. Во-первых, сравнительная статистика встречаемости поясной гарнитуры в погребениях огузов, печенегов и кипчаков/половцев и у мордвы, марийцев и прикамских финно-пермяков (чепецкая, родановская культуры) обнаруживает следующие результаты. У кочевников частота встречаемости предметов этой категории материальной культуры – целый поясной набор, отдельные накладки, наконечники ремня и пряжки – составляет 19,5% от 961 погребения[3]. Тогда как в могильниках оседлых племен (а это более 2000 погребений) одни только полные пояса с разными дополнительными привесками встречены в 25% погребений. Причем – женских.

Во вторых, у оседлых племен региона в рассматриваемое время складывается собственное ювелирное ремесло (Крыласова и др., 2019; Никитина, Ефремова, 2011; 2012). А на Родановом городище, например, обнаружена целая мастерская по производству поясной гарнитуры. Причем, специализированная на массовое производство: «технологические операции, связанные с литьем поясной гарнитуры в рассматриваемой мастерской, были направлены на получение больших серий изделий. Мастерская выпускала продукцию на основе копирования изделий местного и импортного происхождения» (Крыласова и др., 2019, с. 71).

Рассматривать кочевников в качестве «импортеров» поясной гарнитуры оседлым племенам Волго-Уралья тоже невероятно. В том числе и потому, что на ближайших к региону степных территориях нам известны только те кочевнические погребения, в которых найдены отдельные детали поясов (рис. 2). Поэтому наиболее реально освещающим данную ситуацию представляется мнение тех исследователей, которые рассматривают Волжскую Болгарию, как импортера поясной гарнитуры или её образцов для обитателей Волго-Камских лесов (Белавин, 2000, с. 104-110; Акилбаев, 2016).

Однако, существуют ещё и такие категории материальной культуры, как оружие и конское снаряжение, в развитии которых кочевники всегда лидировали. Следовательно, **можно предположить**, что какие-то образцы наиболее эффективного оружия могли быть заимствованы оседлым населением у кочевников. Но какие?

В условиях леса и лесостепи наиболее эффективной является тактика обороны в укреплениях – городищах (здесь лук и стрелы – самое универсальное оружие – оказывается и самым эффективным) или бой в пешем строю копьем, топором, - тоже универсальные виды оружия – булавой/кистенем, кинжалом[4] и, конечно, тяжелым мечом.

Наиболее приближенной к реальности семиотика предметов вооружения может быть представлена только в контексте закрытых погребальных комплексов. Поэтому для сравнения мною были использованы данные по 419 погребениям огузов, печенегов и кипча-

Таблица 1. Частота встречаемости оружия и конского снаряжения в погребениях кочевников и оседлых племен Волго-Камья X–XII вв. (в %%)

Table 1. The frequency of occurrence of weapons and horse equipment in the burials of nomads and settled tribes of the Volga-Kama region of the X–XII centuries (in %%)

Оружие	Оседлые	Кочевники
Наконечники стрел железные	60,5	75,0
Наконечники стрел костяные	2,2	3,8
Накладки лука	0	36,5
Колчан (накладки, петли, детали каркаса)	2,8	31,5
Сабля	1,4	46,7
Копье, пика	19,7	7,1
Топор	59,4	1,9
Кинжал	2,6	0
Удила	8,4	91,4
Стремена	2,4	89,7
Седло	0	17,0
Всего погребений:	496	419

ков/половцев из степей Восточной Европы, содержащие предметы вооружения, и по 496 погребениям финнов и финно-пермяков Волго-Камья X-XII вв. из могильников, перечисленных выше. Результаты этой сравнительной статистики приведены в табл. 1.

Данные этой таблицы показывают, что набор вооружения (т.н. «паноплия») у этих племен был разным, хотя и состоял из схожих элементов. Какие из этих видов оружия могли быть предметом торгового обмена между кочевниками и оседлыми племенами? Ясно, что не наконечники стрел, примерно одинаково часто встречающиеся в погребениях тех и других. Стрелы и, соответственно, лук – тоже универсальное оружие – были в равной степени характерны для вооружения и степных всадников, и лесных пехотинцев. Правда, конструкции луков были явно различными: в отличие от кочевников, в комплексах лесных племен совершенно отсутствуют костяные накладки на лук, усиливавшие дальнобойность и убойную силу этого оружия.

Точно так же в воинских захоронениях лесных племен отсутствуют берестяные колчаны, широко представленные у кочевников. Хотя какие-то колчаны у лесовиков, безусловно, были. На что указывают находки, правда, очень редкие, колчанных крючков и металлических деталей от каркаса, возможно, кожаного колчана (табл. 1).

Железные наконечники стрел и у тех, и у других, довольно однотипные: черешковые, плоские с ромбическим или треугольным пером (рис. 1). Т.н. «бронебойные» наконечники – граненые с массивным пером – очень редки. Искать какую-то обменную связь между стрелами кочевников и оседлых племен Волго-Камья – занятие бесполезное. Исследователи финно-угорского оружия в регионе, отмечают самую широкую географию распространения аналогичных наконечников по всей территории Восточной Европы (Святкин, 2002, с. 12-23; Крыласова, 2019; Данич, 2011).

Сказанное относится и к топорам, в погребениях оседлых племен Волго-Камья встречающихся столь же часто[5]. Среди общей массы топоров исследователи выделяют особую группу боевых топоров-чеканов. Аналогии им тоже известны широко. Но, как считают исследователи, самые ранние их образцы в регионе появились в VIII-IX вв. благодаря аланам, а затем местное население освоило и их собственное производство (Святкин, 2001, с. 38; Данич, 2015, с. 74). В погребениях кочевников подобные топоры большая редкость (табл. 1).

Копье – третий по частоте встречаемости у лесных племен Волго-Камья вид оружия. У кочевников они тоже встречаются, заметно реже (табл.1). По форме пера делятся на несколько типов, из которых, в контексте заданной темы, нас интересуют граненые наконечники-пики и «шипастые» наконечники. Пика – это типичное оружие конного воина, предназначенное для нанесения таранного удара по защищенному доспехом противнику. Чаще всего это был разовый удар, поскольку вытаскивать пику из тела врага на полном скаку было просто невозможно[6]. Эффективность этого оружия, очевидно, и способствовала тому, что оно было воспринято и лесовиками – прирожденными копейщиками. Не исключено, что заимствовано и у кочевников, хотя география распространения в Восточной Европе была обширной.

«Шипастые» наконечники, по мнению одних исследователей были типично охотничьим оружием (А.Н.Кирпичников), что, в принципе, вполне логично для лесного населения Волго-Камья. С другой стороны, они

Рис. 2. Карта памятников X-XII вв. в Волго-Камье, содержащие аналогичные образцы материальной культуры – поясная гарнитура, вооружение и конское снаряжение. 1 – Бакалинские курганы; 2 – Кушулевский могильник; 3 – Танкеевский мог; 4 – Тетюшское гор.; 5 – Усть-Кишертский мог.; 6 – Биляр; 7 – Измерское пос.; 8 – Ябалаклинское сел.; 9 – Старо-Куйбышквское пос.; 10 – Семеновское пос.; 11 – Золотаревское пос.; 12 – Муромское гор.; 13 – Крюково-Кужновский мог.; 14 – Армиевский мог.; 15 – Елизавет-Михайловский мог.; 16 – Красный Восток мог.; 17 – Журавский II мог.; 18 – Старо-Бадиковский мог.; 19 – Подболотьевский; 20 – Александровские кург.; 21 – Погровские кург.; 22 – Алебастровая гора кург.; 23 – Буранный кург.; 24 – Увак кург.; 25 – Рубежинский кург.; 26 – Челкар кург.; 27 – Новоузенский кург.; 28 – у гор. Саратова кург.; 29 – Жититамакские кург.; 30 – Свинуха (Лесное) кург.; 31 – Никольевский кург.; 32 – Букановский кург.; 33 – Глазуновский кург.; 34 – Высокая гора кург.; 35 – Кураевский сад кург.; 36 – Кос-Оба кург.; 37 – Кара-Оба (Джангала) кург.; 38 – Черная Падина кург.; 39 – Фриденберг кург.; 40 – Быковский кург.; 41 – Верхнепогромный кург.; 42 – Верхн. Балыклей кург.; 43 – Волжский кург.; 44 – Восточн. Маныч кург.; 45 – Джангар кург.; 46 – Заплавное кург.; 47 – Иловатка кург.; 48 – Молчановка кург.; 49 – Новоузенск кург.; 50 – Ченин кург.; 51 – Черноярский кург.; 52 – Элистинский кург.; 53 – Кара-Су кург.; 54 – Сор-Айдин (Нов. Казанка); 55 – Ак-Булак кург.; 56 – Бахтияровские кург.; 57 – Волжский I кург.; 58 – Калиновский кург.; 59 – Киляковка кург.; 60 – Колобовка кург.; 61 – Кривая Лука кург.; 62 – Кулешовский кург.; 63 – Досанг кург.; 64 – Пчельник кург.; 65 – Чограй кург.; 66 – Старица кург.; 67 – Лебедевка кург.; 68 – Илецкая защита кург.; 69 – Нижняя Стрелка мог.; 70 – Веселовский мог.; 71 – Черемисское кладбище мог.; 72 – Юмский мог.; 73 – Дубовский мог.; 74 – Русенихинский мог.; 75 – Кузьминский мог.

Fig. 2. Map of monuments of the X-XII centuries in the Volga-Kamye, containing similar samples of material culture – belt set, weapons and horse equipment. 1 – Bakalinsky mounds; 2 – Kushulevsky burial ground; 3 – Tankeevka burial ground; 4 – Tetyushskoye settlement; 5 – Ust-Kishertsky burial ground; 6 – Bilyar; 7 – Izmeri settlement; 8 – Yabalaklinskoye settlement; 9 – Staro-Kuibyshkvskoye settlement; 10 – Semenovskoye settlement; 11 – Zolotarevskoye settlement; 12 – Muromskoe settlement; 13 – Kryukovo-Kuzhnovsky burial ground; 14 – Armievska burial ground; 15 – Elizabeth-Mikhailovsky burial ground; 16 – Krasny Vostok burial ground; 17 – Zhuravsky II burial ground; 18 – Staro-Badikov burial ground; 19 – Podbolotyevsky; 20 – Alexandrovskiye mounds; 21 – Pogrovskie mounds; 22 – Alebastrovaya Gora mound; 23 – Buranny mound; 24 – Uvak mound; 25 – Rubezhinsky mound; 26 – Chelkar mound; 27 – Novouzensky mound; 28 – near Saratov city mound; 29 – Zhitamakskiye mound; 30 – Svinukha (Lesnoye) mound; 31 – Nikolevsky mound; 32 – Bukanovsky mound; 33 – Glazunovsky mound; 34 –Visokaya Gora mound; 35 – Kuraevsky Sad mound; 36 – Kos-Oba mound; 37 – Kara-Oba (Dzhangala) mound; 38 – Chyornaya Padina mound; 39 – Frydenberg mound; 40 – Bykovsky mound; 41 – Verkhnepogromny mound; 42 – Verkhn. Balykley mound; 43 – Volzhsky mound; 44 – Vostochn. Manych Mound; 45 – Dzhangar mound; 46 – Zaplavnoye mound; 47 – Ilovatka mound; 48 – Molchanovka mound; 49 – Novouzensk mound.; 50 – Chenin mound; 51 – Chernoyarsky mound; 52 – Elistinsky mound; 53 – Kara-Su mound; 54 – Sor-Aydin (Nov. Kazanka); 55 – Ak-Bulak mound; 56 – Bakhtiyarovskie mounds; 57 – Volzhsky I mound; 58 – Kalinovsky mound; 59 – Kilyakovka mound; 60 – Kolobovka mound; 61 – Krivaya Luka mound; 62 – Kuleshovsky mound; 63 – Dosang mound; 64 – Pchelnik mound; 65 – Chogray mound; 66 – Staritsa Mound; 67 – Lebedevka mound; 68 – Iletskaya zashchita mound; 69 – Nizhnyaya Strelka burial ground; 70 – Veselovsky burial ground; 71 – Cheremisskoye kladbishche burial ground; 72 – Yumsky burial ground; 73 – Dubovsky burial ground; 74 – Rusenikhino burial ground; 75 – Kuzminsky burial ground.

могли использоваться и в военном деле как метательные копья-сулицы (Крыласова, 2019, с. 208). Они также хорошо известны на Руси и в Волжской Болгарии.

Двулезвийные мечи и навершия булав (оружие, заведомо импортное) также в единичных экземплярах известны на рассматриваемой территории. Но найдены они были случайно, вне погребальных комплексов и даже не на поселениях, поэтому заключение А.В.Данича о популярности булав, как относительно простого и дешевого оружия, и о возрастании их роли в XII-XIII вв. (Данич, 2012, с. 347-348) «повисает в воздухе» поскольку археологическим материалом не подтверждается. Во-первых, не такими уж простыми в изготовлении (значит не такими уж дешевыми) были сложные по форме навершия этих булав (Данич, 2012, рис. 1).

Во-вторых, все три известные в регионе навершия булав были, как сказано выше, найдены случайно. Поэтому, как, откуда, от кого и зачем они попали в леса Прикамья, сказать трудно.

Предметы конского снаряжения – удила и гораздо реже стремена (табл. 1) – найдены в основном у мордвы и финно-пермяков лесного Прикамья. В марийских погребениях они единичны. Типологически все эти предметы аналогичны кочевническим удилам и стременам. Можно ли считать их предметами прямого заимствования? Может быть и да. Хотя аналогичные удила и стремена в гораздо больших количествах известны не только у кочевников, но и на Руси. Поэтому вполне логично мнение С.В.Святкина о том, что разнообразие стремян, найденных, например, в погребениях мордвы, «которые использовались разными народами, проживавшими на территории Восточной Европы в эпоху средневековья, говорит о наличии развитых торговых и военных связей мордвы с древнерусскими княжествами и волжскими булгарами» (Святки, 2001, с. 69).

Гораздо более выразительным свидетельством того, что мордва заимствовала у кочевников конскую узду[7], является находка конского оголовья огузского типа, украшенного накладками и бляхой-решмой, из могильника Пятница VII (погр.1) (Святкин, 2001, с. 69-70). Но для рассматриваемой территории и рассматриваемого круга памятников это единственная находка.

И наконец, сабли. То, что они заведомо широко представлены в кочевнических погребениях, в этом нет ничего удивительного (табл. 1). И то, что они представлены только в отдельных погребениях волго-камских оседлых племен, тоже нет ничего удивительного: сабля оружие отнюдь не лесного воина[8]. Большинство сабель из рассматриваемых погребений с оружием было найдено в погребениях Мордвы (буртасов). Тем не менее, сообщение ал-Гарнати о том, что в северные леса клинки поступали из стран ислама, может быть применено и к ним. Тем более, что в X-XII вв. Волжская Болгария уже тоже являлась страной ислама.

И в заключение обратимся к периоду Золотой Орды. Материальная культура золотоордынских кочевников, по мнению исследователей социально-экономической и социально-политической истории этого государства, являлась частью т.н. «имперской культуры» Золотой Орды. Её составляющими элементами, являлись, кроме урбанистической восточной культуры, несколько категорий вещей, принесенных монголами с востока и в XIII–XIV вв. получивших широкое распространение среди кочевников Восточной Европы. К ним относятся: серьги-подвески в виде знака вопроса, бронзовые зеркала с орнаментированной тыльной поверхностью, железные плоские наконечники стрел-срезней, костяные орнаментированные накладки на колчан, головной убор бокка (Исхаков, Измайлов, 2007, с. 107) (рис. 3). Ареал их распространение жёстко коррелируется с ареалом кочевнических курганов XIII-XIV вв. в степях Волго-Уралья (рис. 4). А в памятниках мордвы, марийцев и удмуртов этого времени они вообще отсутствуют. Хотя фрагменты золотоордынской кашинной керамики на некоторых поселениях лесной полосы Волго-Уралья присутствуют. Естественно, как продукт торгового обмена. Но кочевники такой керамики, как известно, не производили.

Итак, какие из всего сказанного выше **можно сделать выводы**? Первый – археологический материал никакой информации о **прямых торговых контактах** оседлых финских, финно-пермских племен Волго-Камья с кочевниками в X-XIV вв. **не дает**. И вообще, создается впечатление, что в подобных контактах ни у тех, ни у других не было нужды. И действительно, что мог дать кочев-

Рис. 3. Элементы «имперской культуры» Золотой Орды XIII-XIV вв. 1-7 – наконечники стрел-срезни; 8-10 – берестяные колчаны; 11-13 – костяные накладки колчана; 14-21 – серьги; 22-23 – реконструкция головного убора – бокка; 24-25 – детали бокка; 26-29 – бронзовые зеркала.

Fig. 3. Elements of the Golden Horde "imperial culture" of the XIII-XIV centuries. 1-7 – heads of cutting arrows; 8-10 – birch bark quivers; 11-13 – bone plate of the quiver; 14-21 – earrings; 22-23 – reconstruction of the headdress – Gugu hat; 24-25 – details of the Gugu hat; 26-29 – bronze mirrors.

ник оседлому лесовику? Скот – в лесу он был не нужен. Дорогие ткани и украшения – ткани кочевники сами получали от заезжих купцов и вряд ли были настроены перепродавать их ещё кому-то, а семантика кочевнических украшений была непонятна лесному человеку и наоборот.

Что касается поясной гарнитуры, то, во-первых, её элементы, аналогичные (и даже идентичные) по форме и декору финским, финно-пермским и кочевническим известны в погребальных и поселенческих памятниках волжских болгар. Что позволяет присоединиться к мнению исследователей (А.М.Белавин, Н.Б.Крыласова, Т.Б.Никитина и др.), считающих Волжскую Болгарию центром производства и распространения этих вещей в регионе.

Во-вторых, как было сказано выше, прикамские финно-пермяки и сами освоили производство поясной гарнитуры в своих литейных мастерских. Так что кочевники Волго-Уральских степей в данном контексте сами выступали не более чем потребители этих изделий и, вероятнее всего – от волжских болгар[9]

Оружие – кочевническая «паноплия» - это вооружение конного воина, привыкшего действовать на открытых степных пространствах. Лесовику его оружие не нужно. Поэтому все предметы вооружения, указывающие на вероятное степное влияние, в лесной «паноплии» занимали очень незначительное место и имели, вероятнее всего, социально-статусный характер[10].

Вывод второй – лесные охотники Волго-Камья снабжали кочевников (кочевую знать) пушниной. О чем, например, прямо сообщает В.Рубрук: «из Руссии, из Мокселя (Maxel)[11], из великой Булгарии и Паскатира, то есть великой Венгрии[12], из Керкиса[13] (все эти страны лежат к северу и полны лесов) и из многих других стран с северной стороны, которые им («татарам» - *авт.*) повинуются, им привозят дорогие меха разного рода, которых я никогда не видал в наших странах и в которые они одеваются зимою» (Путешествие…, 1957, с. 98). Здесь обращает на себя внимание фраза **о северных странах, которые повинуются татарам.** Если учесть, что путешествие В.Рубрука состоялось в 1253-1255 гг., ясно, что Русские княжества, Волжская Болгария, Мордва и племена Предуралья уже находились под властью монголов. То есть, меха в степь (а также, может быть, и те товары, о которых сообщал ал-Гарнати: рыбий клей, древки для стрел) поступали уже в виде дани через чиновников баскаков и даруг.

А в более раннее, домонгольское время поступление мехов к степной знати осуществлялось через купцов. Волжские болгары, например, для скупки товара, в первую очередь пушного у охотников лесного Прикамья в X-XII вв. построили торгово-ремесленный форпост – город Афкула (Рождественское городище) (Белавин, Крыласова, 2008).

Вывод третий (основной) – **оседлые лесные племена и степные кочевники Волго-Уралья не имели непосредственных**

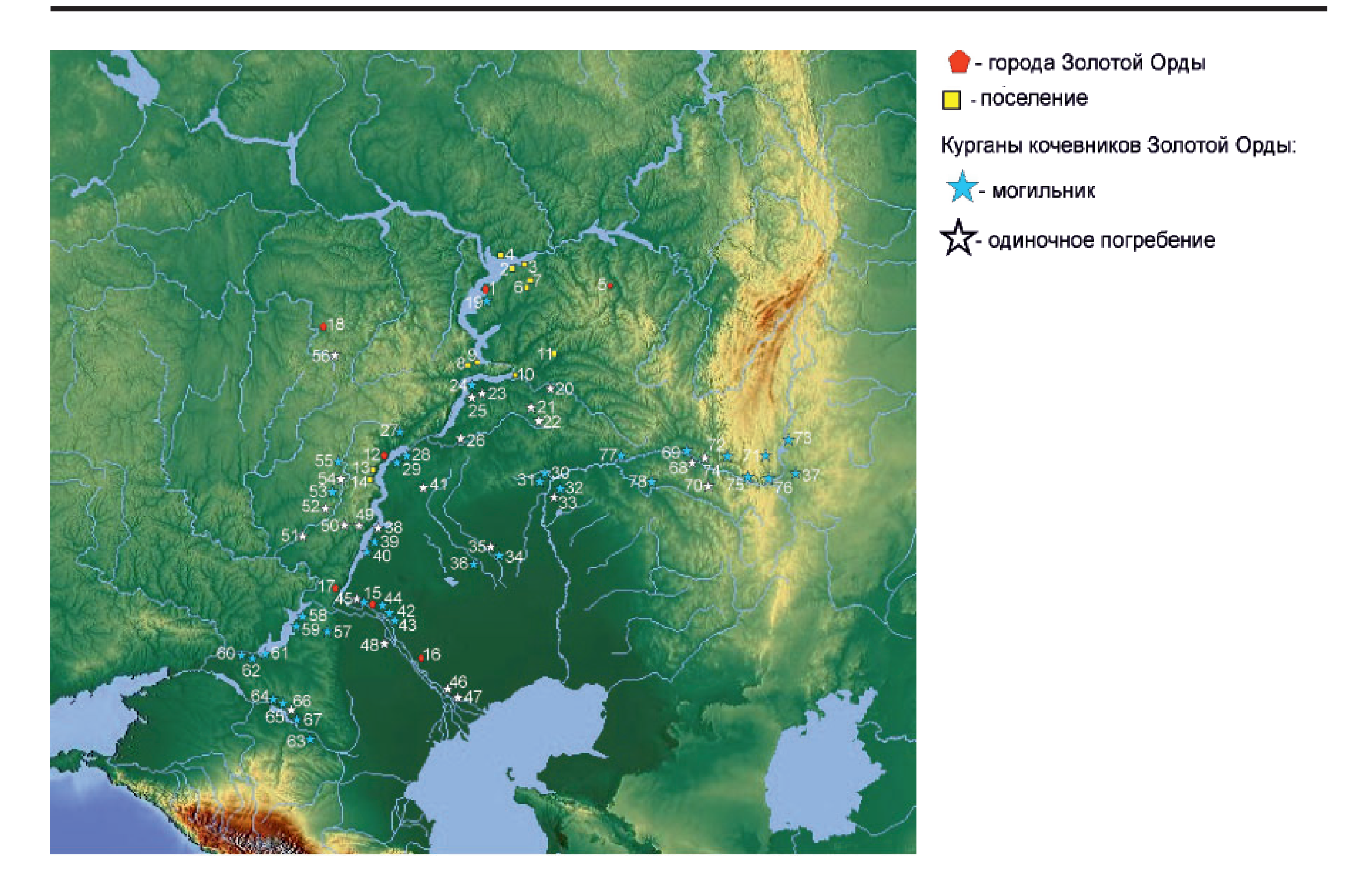

Рис. 4. Карта распространения элементов «имперской культуры» Золотой Орды в Волго-Уралье.
1 – Болгар; 2 – Песчаный остров; 3 – Посадки; 4 – Лаишево; 5 – Байряки-Тамакский; 6 – Билярское; 7 – Торецкое; 8 – Губино; 9 – Шигонское I; 10 – Постников враг; 11 – Сухореченское; 12 – Увек; 13 – Хмелевское; 14 – Широкий буерак; 15 – Царевское; 16 – Селитренное; 17 – Бельджамен; 18 – Мохши; 19 – Балымерский; 20 – Гвардейцы; 21 – Новопавловский; 22 – Свх. им. Луначарского; 23 – Кировский; 24 – Александровский; 25 – Абашевский; 26 – Пугачев; 27 – Усть-Курдюм; 28 – Покровск; 29 – Зауморье; 30 – Алебастрово; 31 – Мамбеталы; 32 – Жаман-Каргала; 33 – Челкар; 34 – Джангала (Кара-Оба); 35 – Джангала; 36 – Мокринский; 37 – у пос. Большевик; 38 – Бережновский; 39 – Бережновский I; 40 – Бережновский II; 41 – Блюменфельд; 42 – Колобовка; 43 – Маляевка; 44 - Бахтияровский; 45 – Заяры; 46 – Золотушинское; 47 – Маячный Бугор; 48 – Барановский; 49 – Камышинское; 50 – Иловля; 51 – Гусевское; 52 – Слобода Рудня; 53 – Лесное; 54 – Петровск; 55 – Аткарский; 56 – Рамзай; 57 – Цаган-Усн; 58 – Нагавский; 59 – хут. Веселый; 60 – Семенкин; 61 – Первомайский VII; 62 – Вербовый лог VIII; 63 – Гува; 64 – Архаринский; 65 – Адрын; 66 – Джангар; 67 – Лола; 68 = Буранчи; 69 – Пчельник; 70 – Алабайтал; 71 – Ишкуловский; 72 – Тлявгуловский; 73 – Покровский; 74 – Новочеркасский VII; 75 – Хабарный; 76 – Ново-Кумакский; 77 – 2-я верста Илецкой защиты; 78 – Линевский.

Fig. 4. Map of the distribution of elements of the Golden Horde "imperial culture" in the Volga-Urals.
1 – Bolgar; 2 – Peschanyy ostrov; 3 – Posadki; 4 – Laishevo; 5 – Bayryaki-Tamakskiy; 6 – Bilyarskoye; 7 – Toretskoye; 8 – Gubino; 9 – Shigonskoye I; 10 – Postnikov vrag; 11 – Sukhorechenskoye; 12 – Uvek; 13 – Khmelevskoye; 14 – Shirokiy buyerak; 15 – Tsarevskoye; 16 – Selitrennoye; 17 – Beldzhamen; 18 – Mokhshi; 19 – Balymerskiy; 20 – Gvardeytsy; 21 – Novopavlovskiy; 22 – Svkh. im. Lunacharskogo; 23 – Kirovskiy; 24 – Aleksandrovskiy; 25 – Abashevskiy; 26 – Pugachev; 27 – Ust-Kurdyum; 28 – Pokrovsk; 29 – Zaumorye; 30 – Alebastrovo; 31 – Mambetaly; 32 – Zhaman-Kargala; 33 – Chelkar; 34 – Dzhangala (Kara-Oba); 35 – Dzhangala; 36 – Mokrinskiy; 37 – near settlement of Bolshevik; 38 – Berezhnovskiy; 39 – Berezhnovskiy I; 40 – Berezhnovskiy II; 41 – Blyumenfeld; 42 – Kolobovka; 43 – Malyayevka; 44 - Bakhtiyarovskiy; 45 – Zayary; 46 – Zolotushinskoye; 47 – Mayachnyy Bugor; 48 – Baranovskiy; 49 – Kamyshinskoye; 50 – Ilovlya; 51 – Gusevskoye; 52 – Sloboda Rudnya; 53 – Lesnoye; 54 – Petrovsk; 55 – Atkarskiy; 56 – Ramzay; 57 – Tsagan-Usn; 58 – Nagavskiy; 59 – khut. Veselyy; 60 – Semenkin; 61 – Pervomayskiy VII; 62 – Verbovyy log VIII; 63 – Guva; 64 – Arkharinskiy; 65 – Adryn; 66 – Dzhangar; 67 – Lola; 68 = Buranchi; 69 – Pchelnik; 70 – Alabaytal; 71 – Ishkulovskiy; 72 – Tlyavgulovskiy; 73 – Pokrovskiy; 74 – Novo-cherkasskiy VII; 75 – Khabarnyy; 76 – Novo-Kumakskiy; 77 – 2-ya versta Iletskoy zashchity; 78 – Linevskiy.

контактов между собой. Ни письменные источники, ни археологический материал не дают нам указаний на подобные контакты. Географическая удаленность (рис. 2 и 4), а главное – гомогенность двух ментальностей (в чем-то даже полярных друг другу) отнюдь не способствовали их сближению и взаимному интересу друг к другу. Одним словом: два разных мира, две разных культуры «и вместе им не сойтись».

Примечания:

[1] То есть, его невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть.

[2] Кого он считал «первостепенными» автор не указывает.

[3] Причем, выявленных не только в степях Волго-Уралья, но и далее на запад до Дуная.

[4] Но это уже оружие поединка и повсеместно встречающиеся в погребениях хозяйственные ножи таким оружием вряд ли могли быть.

[5] Практически в каждом погребении со стрелами присутствует топор.

[6] В таком качестве пики находились на вооружении российской (и не только) кавалерии ещё в начале XX в.

[7] Что, впрочем, вполне могло быть и военным трофеем.

[8] Двадцать погребений с саблями из Бояновского могильника здесь не учитываются, так как этот могильник, по определению А.В.Данича, датируется VIII-X вв. (Данич, 2022). А поскольку памятник пока не опубликован полностью, установить, какая его часть относится к X в., а какая к более раннему периоду (венгерскому), не представляется возможным.

[9] Кстати, можно указать, что поясные наборы и детали гарнитуры у печенегов и огузов чаще встречаются в погребениях, расположенных именно в Поволжье.

[10] Показательный пример – результаты технико-технологического анализа сабель из Бояновского могильника показывают, что по качеству металла, из которого были изготовлены клинки, они вообще были непригодны к бою (Данич, 2022, с. 128-130).

[11] Мордва.

[12] Лесное и лесостепной Предуралье.

[13] Енисейские кыргызы.

ЛИТЕРАТУРА

Акилбаев А.В. Вятско-Ветлужское междуречье в системе влияния Волжской Булгарии // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание): Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции / Отв. ред. Е.М. Черных. Ижевск: Удмуртский университет, 2016. С. 275–277.

Белавин А.М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: ПГПУ, 2000. 200 с.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т., 2008. 603 с.

Данич А.В. Типология бронебойных наконечников стрел Пермского Предуралья // Труды КАЭЭ. Вып. VII / Под ред. А.М. Белавина. Пермь: ПГГПУ, 2011. С. 98–115.

Данич А.В. Дополнительные виды вооружения Пермского Предуралья (булавы, кистени, дубины) // Труды КАЭЭ. Вып. VIII / Под ред. А.М. Белавина. Пермь: ПГГПУ, 2012. С. 345–350.

Данич А.В. Классификация средневековых топоров Пермского Предуралья // Труды КАЭЭ. Вып. 10. / Отв. ред. Н.Б. Крыласова. Пермь: ПГГПУ, 2015. С. 71–124.

Данич А.В. Наконечники копий на территории Пермского Приуралья // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2019. Вып. 3.С. 20–43.

Данич А.В. Сабли Пермского Предуралья. // Военная археология. Вып. 7 / Отв. ред. О.В. Двуреченский. М.; Тула: ИА РАН, Куликово поле, 2022. С. 118–161.

Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 1. Горган и Поволжье в IX–X вв. М.: Восточная литература, 1962. 281 с.

Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Взаимодействие леса и степи Урало-Поволжья в эпоху средневековья (по материалам костюма). Пермь: Пермский филиал Института истории и археологии УрО РАН, 2006. 162 с.

Иванова М.Г. Памятники бассейна р. Чепца // Средние века (VIII – начало XIII вв.). Волжская Болгария. Финно-угорский мир. Кочевники Восточной Европы / Археология Волго-Уралья. Т. 5 / под общ. Ред. А.Г.Ситдиков, отв.ред. Ф.Ш. Хузин, Т.Б. Никитина. Казань: АН РТ, 2022. С. 650–667.

Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). Казань: Школа, 2007. 356 с.

Кирпичников А. Великий Волжский путь, его историческое и международное значение // Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола «Великий Волжский путь» международного научного семинара «Историко-культурное наследие Великого Волжского пути» (Казань, 28-29 августа 2000 г.) / Отв. ред. Ф.Ш.Хузин. Казань: Мастер Лайн, 2001. С. 9–35.

Крадин Н.Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток: Дальнаука, 1992. 240 с.

Крадин Н.Н. Кочевники и всемирная история. СПб.: Издательство Олега Абышко№, 2020. 416 с.

Крыласова Н.Б. История прикамского костюма. Костюм средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь: ПГПУ, 2001. 260 с.

Крыласова Н.Б. Комплекс вооружения финно-угорского Рождественского могильника в Пермском крае // Земля наша велика и обильна. Сборник статей, посвященный 90-летию А.Н.Кирпичникова / Отв. ред. С.В. Белецкий. СПб.: Невская типография, 2019. С. 201–214.

Крыласова Н.Б., Подосёнова Ю.А., Сарапулов А.Н. Производство элементов поясной гарнитуры в эпоху средневековья (по материалам раскопок Роданова городища в 2018 г.) // Вестник Пермского университета. История. 2019. Вып. 1 (44). С. 56–72.

Куник А.А. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Часть 2. СПб., 1903. 207 с.

Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2002. 432 с.

Никитина Т.Б. Поясные наборы населения Ветлужско-Вятского междуречья IX-XI вв. / Tatyjana Bagisevna Nyikitina. Veretes övek a Vetluga-Vjatka-folyòköz 9-11. századi régészeti hagyatékábán. / Magyar fordítás és szerkesztés Turk Attila – Jancsik Balázs. Budapest, 2023. 227 p.

Никитина Т.Б., Ефремова Д.Ю. Захоронения с орудиями литья («литейщиц») в марийских могильниках IX-XI вв. // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II / Ред. Н.А. Макаров, Е.Н. Носов. СПб.; М.; Великий Новгород: ИА РАН, 2011. С. 77–79.

Никитина Т.Б., Ефремова Д.Ю. Женщины-«литейщицы» из марийских захоронений X-XI вв. как носители этнической традиции // Труды КАЭЭ. Вып. VIII / Под ред. А.М. Белавина. Пермь: ПГГПУ, 2012. С. 336–344.

Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / Публ. и комент. О.Г. Большакова, А.Л. Монгайта. М.: Наука. 1971. 134 с.

Петрухин В. Русь, Хазария и водные пути Восточной Европы // Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола «Великий Волжский путь» международного научного семинара «Историко-культурное наследие Великого Волжского пути» (Казань, 28-29 августа 2000 г.) / Отв. ред. Ф.Ш.Хузин. Казань: Мастер Лайн, 2001. С. 153–163.

Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Ред., вступ. ст. и прим. Н.П. Шастиной. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1957. 270 с.

Хвольсон Д.А. Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда бен Омар ибн-Даста. СПб., 1869. 199 с.

Информация об авторе:

Иванов Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); ivanov-sanych@inbox.ru

REFERENCES

Akilbaev, A. V. 2016. In Chernykh, E. M. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Urala: ot pervykh otkrytii k fundamental'nomu nauchnomu znaniiu (XX Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie): Materialy Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoi konferentsii (Archeological heritage of the Urals: from the first discoveries to fundamental scientific knowledge (XX Ural archeological meeting): The materials of all-Russia (with international participation) scientific conference).* Izhevsk: Udmurtia University, 275–277 (in Russian).

Belavin, A. M. 2000. *Kamskii torgovyi put'. Srednevekovoe Predural'e v ego ekonomicheskikh I etnokul'turnykh sviaziakh (Kama Trade Route: Medieval Cis-Urals in its Economic and Cultural Relations).* Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).

Belavin, A. M., Krylasova, N. B. 2008. *Drevniaia Afkula: arkheologicheskii kompleks u s. Rozhdestvensk (Ancient Afkula: the Archaeological Complex near the Rozhdestvensk Village)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).

Danich, A. V. 2011. In Krylasova, N. B. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition of the Perm State Humanitarian Pedagogical University)* 7. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 98–115 (in Russian).

Danich, A. V. 2012. In Krylasova, N. B. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition of the Perm State Humanitarian Pedagogical University)* 10. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 345–350 (in Russian).

Danich, A. V. 2015. In Krylasova, N. B. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition of the Perm State Humanitarian Pedagogical University)*. Perm: 10. Perm:

Danich, A. V. 2019. In *Vestnik Muzeia arkheologii i etnografii Permskogo Predural'ia (Bulletin of the Museum of Archaeology and Ethnography of the Perm Cis-Urals)* III, 20–43 (in Russian).

Danich, A. V. 2022. In Dvurechensky, O.V. (ed.). *Voennaia arkheologiia. (Military Archaeology*) 7. Moscow; Tula: Institute of Archeology of RAS, "Kulikovo pole" Publ., 118–161 (in Russian).

Zakhoder, B. N. *Kaspiyskiy svod svedeniy o Vostochnoy Evrope. T. 1. Gorgan i Povolzh'e v IX–X vv. (The Caspian Corpus of Information on Eastern Europe. Vol. 1. Gorgan and the Volga Region in 9th – 10th cc.)* Moscow: "Vostochnaya literatura" Publ. (in Russian).

Ivanov, V. A., Krylasova, N. B. 2006. *Vzaimodeistvie lesa i stepi Uralo-Povolzh'ia v epokhu srednevekov'ia (po materialam kostiuma)). (Interaction of the Forest and Steppe of the Ural–Volga Region in the Middle Ages (Based on Costume Materials)).* Perm (in Russian).

Ivanova, M. G. 2022. In Sitdikov, A. G., Khuzin, F. Sh., Nikitina, T. B. (eds.). *Srednie veka (VIII – nachalo XIII vv.). Volzhskaya Bolgariya. Finno-ugorskiy mir. Kochevniki Vostochnoy Evropy (Middle Ages (VIII – beginning of the XIII centuries). Volga Bolgaria. Finno-Ugric world. Turkic-speaking nomads)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 5. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 650–667 (in Russian).

Iskhakov, D. M., Izmaylov, I. L. 2007. *Etnopoliticheskaya istoriya tatar (III – seredina XVI vv.) (Ethnopolitical history of the Tatars (3rd – mid-16th centuries)).* Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).

Kirpichnikov, A. 2001. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Velikii Volzhskii put' (The Great Volga Route)*. Kazan: "Master Lain" Publ., 9–35 (in Russian).

Kradin, N. N. 1992. *Kochevye obshchestva (problemy formatsionnoy kharakteristiki) (Nomadic societies (issues of formational characteristics)).* Vladivostok: "Dalnauka" Publ. (in Russian)..

Kradin, N. N. 2020. *Kochevniki i vsemirnaya istoriya (Nomads and world history).* Saint Petersburg: "Oleg Abyshko Publishing House No" Publ. (in Russian).

Krylasova, N. B. 2001. *Istoriia prikamskogo kostiuma. Kostium srednevekovogo naseleniia Permskogo Predural'ia (History of the Kama River Region Costume. Medieval Costume of the Perm' Cis-Urals Population)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).

Krylasova, N. B. 2019. *Zemlya nasha velika i obil'na. Sbornik statey, posvyashchennyy 90-letiyu A.N.Kirpichnikova (Our land is vast and plentiful. Collected article,s dedicated to the 90th anniversary of A.N. Kirpichnikov).* Saint Petersburg: "Nevskaya tipografiya" Publ., 201–214 (in Russian).

Krylasova, N. B., Podosenova, Yu. A., Sarapulov, A. N. 2019. In *Vestnik Permskogo Universiteta (Bulletin of Perm University)* 44 (1), 56–72 (in Russian).

Kunik, A. A. 1903. *Izvestiya al-Bekri i drugikh avtorov o Rusi i slavyanakh (Reports by al-Bekri and other authors about Rus and the Slavs).* Part 2. Saint Petersburg (in Russian).

Nikitina, T. B. 2002. *Mariitsy v epokhu srednevekov'ia (po arkheologicheskim materialam) (Mari People in the Middle Ages (by archaeological materials))*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature and History (in Russian).

Nikitina, T. B. 2023. *Poyasnye nabory naseleniya Vetluzhsko-Vyatskogo mezhdurech'ya IX-XI vv. (Belt sets of the population of the Vetluzh-Vyatka interfluve of the 9th-11th centuries).* Budapest (in Russian, in Hungarian).

Nikitina, T. B., Efremova, D. Yu. 2011. In Makarov, N. A., Nosov, E. N. (eds.). *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda (Proceedings of the 3rd (19th) All-Russia Archaeological Congress)* II. Saint Petersburg; Moscow; Veliky Novgorod: Institute for Archaeology, Russian Academy of Sciences, 77–79 (in Russian).

Nikitina, T. B., Efremova, D. Yu. 2012. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* VIII. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 336–344 (in Russian).

In Bol'shakov, O. G., Mongait, A. L. 1971. *Puteshestvie Abu Khamida al-Garnati v Vostochnuiu i Tsentral'nuiu Evropu (1131–1153 gg.) (The Journey of Abu Hamid al-Gharnati in Eastern and Central Europe (1131–1153)).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

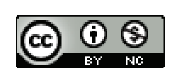
Petrukhin, V. 2001. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Velikii Volzhskii put' (The Great Volga Route)*. Kazan: "Master Lain" Publ., 153–163 (in Russian).

Shasina, N. P. (ed.). 1957. *Puteshestvie v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka (The Journey of Plano Carpini and William of Rubruk to the Eastern Parts)*. Moscow: "Geografgiz" Publ. (in Russian).

Khvolson, D. A. 1869. *Izvestiya o khazarakh, burtasakh, bolgarakh, mad'yarakh, slavyanakh i rusakh Abu-Ali Akhmeda ben Omar ibn-Dasta (Reports about the Khazars, Burtases, Bolgars, Magyars, Slavs and Russes by Abu Ali Ahmed ben Omar ibn Dast).* Saint Petersburg (in Russian).

About the Author:

Ivanov Vladimir A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov., str. 30, Kazan, 420012, Russian Federation; ivanov-sanych@inbox.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2024 г.
Статья принята к публикации 01.10.2024 г.

УДК 902 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.5.60.67

КРЫМ В XIII-XV ВЕКАХ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОБЫТИЙ В ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

©2024 г. В.Л. Мыц

События XIII–XV вв. нашли отражение в культурных напластованиях архитектурно-археологических комплексов городов, крепостей, сельских поселений, монастырей, храмов, некрополей Крыма. Разнообразие находок свидетельствует о широких торгово-экономических связях. Обширна география найденных в Крыму артефактов: они происходят из Китая на востоке и Пиренейского полуострова на западе; Великого Новгорода на севере и городов Малой Азии, Сирии, Палестины, Египта на юге. С конца XVIII в. исследователями изданы работы, освещающие разносторонние аспекты средневековой археологии и истории Крыма. Несмотря на приоритетность городской проблематики (раскопкам подвергались города Крым/Солхат, Каффа, Сугдея, Воспоро, Херсон, Чембало, Эски-Кермен, Мангуп/Феодоро, Кырк-Ер и др.), отсутствуют современные публикации, посвящённые их комплексному изучению. Остаются не локализованными два городских центра – Дорос и Фуллы. В подавляющем большинстве случаев учёные избегают издания стратиграфии памятников, что делает невнятной их историческую периодизацию и топографию. По этой же причине ещё более размытую картину представляет историко-археологическая характеристика поселений, сторожевых крепостей, замков, монастырей, церквей и некрополей.

Ключевые слова: Крым/Солхат, Каффа, Сугдея, Воспоро, Херсон, Чембало, Эски-Кермен, Мангуп/Феодоро, Кырк-Ер.

CRIMEA IN THE XIII-XV CENTURIES: ISSUES OF INTERPRETATION OF EVENTS IN HISTORY AND ARCHAEOLOGY

V.L. Myts

The events of the XIII–XV centuries were reflected in the cultural strata of architectural and archaeological complexes of cities, fortresses, rural settlements, monasteries, temples, necropolises of the Crimea. The variety of finds indicates broad trade and economic ties. The geography of artifacts found in Crimea is extensive: they originate from China in the east and the Iberian Peninsula in the west; Veliky Novgorod in the north and cities of Anatolia, Syria, Palestine, Egypt in the south. Since the end of the XVIII century, researchers have published works covering diverse aspects of medieval archaeology and the history of the Crimea. Despite the priority of urban issues (the cities of Crimea/Solkhat, Kaffa, Sugdea, Vosporo, Kherson, Chembalo, Eski-Kermen, Mangup/Feodoro, Kyrk-Er, etc. were excavated), there are no modern sites dedicated to their comprehensive study. Two urban centers, Doros and Fulli, remain not localized. In the vast majority of cases, scientists avoid publishing the stratigraphy of the sites, which makes their historical periodization and topography unclear. For the same reason, the historical and archaeological characteristics of settlements, defensive fortresses, castles, monasteries, churches and necropolises present an even more fuzzy picture.

Keywords: Crimea/Solkhat, Kaffa, Sugdea, Vosporo, Kherson, Chembalo, Eski-Kermen, Mangup/Feodoro, Kyrk-Er.

События XIII–XV вв. нашли отражение в культурных напластованиях архитектурно-археологических комплексов городов, крепостей, сельских поселений, монастырей, храмов, некрополей Крыма. Разнообразие находок свидетельствует о широких торгово-экономических связях населения полуострова. Обширна и география найденных в Крыму артефактов: они происходят из Китая на востоке и Пиренейского полуострова на западе; Великого Новгорода на севере и городов Малой Азии, Сирии, Палестины, Египта на юге (Мыц, 2023а).

Начиная с конца XVIII в. исследователями различных научных центров изданы работы, освещающие разносторонние аспекты средневековой археологии и истории Крыма (Мыц, 2023б, с. 7–10). Однако учёные редко

обращались к освещению проблем, которые не удаётся решить до настоящего времени.

Например, в приоритетной проблематике, касающейся изучения средневековых городов полуострова, остаётся нерешённой локализация двух пунктов, упоминаемых письменными источниками: Дороса и Фулл, являвшихся православными епископальными центрами. И если Дорос в основном пытаются разместить в Юго-Западном Крыму, где находились византийские крепости: в Каламите, Эски-Кермене и Мангупе, то число мест локализации Фулл уже достигло двух десятков и покрывает всю горную часть Таврики (Якобсон, 1959, с. 108–113; Сорочан, 2002, с. 71–79). Относительно недавно появилась перспективная концепция С.Г.Бочарова опирающаяся на положение, что «селения восточной части северного склона Главной гряды Крымских гор маркируют земли бывшей Фульской епархии» (Бочаров, 2020, с. 160), которая теперь нуждается в проверке путем археологических исследований и картографировании православных памятников данного района Таврики.

Несмотря на продолжительное архитектурно-археологическое изучение городов, к настоящему времени отсутствуют современные монографические работы, посвящённые средневековому Херсонесу, Эски-Кермену, Мангупу (Феодоро), Сугдее, Каффе, Воспоро и др. Только в 2016 г. А.Г.Герцен и Ю.М.Могаричев опубликовали монографию по истории Кырк-Ера (Чуфут-Кале) (Герцен, Могаричев, 2016). Все же имеющиеся итоговые работы носят обзорный и научно-популярный характер или посвящены отдельным периодам истории городов или некоторым их аспектам. В качестве примера приведу вышедшую в прошлом году монографию В.Е.Науменко о раскопках дворца 1425–1475 гг. в городе Феодоро (Науменко, 2023).

Археологический контекст Крымского полуострова XIII в. значительно отличается от всех периодов его средневековой истории. Ни одно другое столетие не оставило такого числа закрытых комплексов связанных с драматическими событиями, как это столетие (Мыц, 2015б, с. 389–400; 2016, с. 69–106; Кузенков, Могаричев, 2024,с. 214–224). После катастрофы XIII в. территории некоторых византийских городов (Херсона, Эски-Кермена, Феодоро, Сциварина, Тепе-Кермена, Баклы и др.) оказались полностью или частично заброшенными и жизнь на них более не возобновлялась. Историки и археологи на протяжении многих лет пытались установить абсолютные даты произошедших в Таврике драматических событий XIII в., связывая их с данными письменных источников. Но до настоящего времени ими не получены ясные ответы на время и причины катастрофических пожаров, открываемых раскопками на изучаемых памятниках.

В связи с этим дискуссионными остаются датировки гибели памятников Крыма в XIII в. Например, в современной историографии предлагаются семь вариантов датировок гибели поздневизантийского Херсона в XIII в.: 1) 1223 г. (Богданова Н.М., Рабиновиц А., Седикова Л.В., Хеннеберг Р.); 2) конец 30-х гг. (1239 г.) (Е.Ю.Гончаров); 3) 1250-1260-х гг. (А.В.Сазанов); 4) 1260-е гг. (Н.А. Алексеенко); 5) 70-е гг. (Ю.П.Калашник, С.Г.Рыжов, Л.А.Голофаст, В.Л.Мыц); 6) 1270–90-гг. (А.И.Айбабин)[1]; 7) конец 1290-х (1292 г. или 1299-1300 гг.) – А.И.Романчук.

Недостатками каждой из предложенных дат являются то, что, исследователями используется только доступный им археологический материал (в основном это керамика и находки монет). При этом находки не стратифицированы (стратиграфия не представлена в публикациях вообще или подаётся схематично и искажённо) (Ушаков, Байбуртский, 2022, с. 265, рис. 1, Д; Цымбал, 2024, с. 283–294). Авторами привлекается ограниченное число (в основном 1-2) письменных источника, которые лишены внятного исторического анализа (Могаричев, 2014, с. 66). Крайне редко или вообще не привлекается идентичный материал из других памятников Крыма. И главное - ни разу и ни одним из исследователей не издан полностью ни один стратифицированный закрытый комплекс XIII в.

Ещё в конце XVIII в. Адамом Нарушевичем (1733–1796) (Нарушевич, 1788, с. 96–97) был поставлен вопрос об оседании татар на завоёванных землях после первых двух появлений в Крыму (1223 и 1237 гг.)[2]. Надо признать, что до настоящего времени у археологов нет убедительного ответа на этот вопрос. Начало изучения золотордынских поселений было положено в 1920-х гг.(Акчокраклы, 1927, с. 5–17). Особенно важные материалы получены при изучении поселения Отузы (н.Щебетовка), где раскопками 1926 г. откры-

ты надгробия с эпитафиями, указывавшими на высокий статус погребённых, принадлежавших к сельджукской мусульманской общине, переселившейся в Крым из Малой Азии (Бочаров, 2015, с. 93).

Как показывают современные исследования, в экономическую инфраструктуру Солхата/Крыма, как городского центра, органично вплеталась его сельскохозяйственная округа (Сейдалиев, 2020, с. 219–226). Некоторые поселения частично исследованы Старокрымской экспедицией Государственного Эрмитажа. Интересные материалы получены в ходе раскопок 1998-2000 гг. поселения Кринички-II (исследовано 375 кв.м), расположенного в 4 км к северу от Солхата/Кырыма. Здесь открыты жилые и хозяйственные комплексы второй половины XIII - конца XV вв. (Крамаровский, Гукин, 2002, с.178, 179). В 2001–2008 гг. изучалось ремесленное поселение и некрополь – Бокаташ-II. Это поселение, площадью 2,2 га, расположено в 1,4 км к юго-востоку от средневекового города. Представляло собой специализированный гончарный центр, обеспечивавший городской рынок кухонной и столовой глазурованной посудой (Сейдалиев, 2020,с.219-226). При этом исследователи отмечают поступление керамических изделий из мастерских Солхата в другие золотоордынские города не только Крыма (Чембало, Луста, Херсон, Сугдея, Каффа, но и Приазовья (Азак, Тамань) (Масловский, 2017, с. 455–490).

К настоящему времени в радиусе 30 км от Солхата выявлено более 20 сельскохозяйственных поселений, располагавшихся на расстоянии 1,5–4,5 км друг от друга. Они формировались в единый очаг Юго-Восточного Крыма на границе со степью. Ещё два очага золотоордынских поселений выявлены в Центральном Крыму (район Карасу-Базара и Ак-Мечети) (Кирилко, Бочаров, Ситдиков, 2012,с.53-54) и Юго-Западном Крыму (поселение Эски-Юрт-Кырк-Азизлер и др.), ориентированные на Кырк-Йер (Герцен, Могаричев, 1993, с. 39–58; Карлов, 2012, с. 35–77; Волошинов и др., 2019, с. 211–238).

Отдельную группу Юго-Восточного Крыма составляли поселения, располагавшиеся вдоль границы с территориями, перешедшими под контроль генуэзской Каффы: Байбуга, Эрико (Аклелез), Кошка-Чокрак, Узун-Сырт (Султановка), Бораколь, Армутлук (Кош), Курбан-Кая (Отузы-3) (Бочаров, 2011, с. 138). Причём все эти поселения размещались вдоль средневековых дорог (Бочаров, Яворская, 2022, с. 228–235). Жители сельских поселений исповедывали ислам или придерживались православия (Орлов, 1979, с. 114–129). Современные исследования позволяют прийти к заключению, что сельскохозяйственные округи возникают вместе с золотоордынскими городами, увеличиваются по мере их расцвета и их деятельность затухает при угасании активной городской жизни (Бочаров, Яворская, 2022, с. 230).

В недавнее время строительство дороги «Таврида» стимулировало изучение широкими площадями золотоордынских сельских поселений XIII–XV вв. Например, если на поселении Чокрак-Найман-I (Коваль, 2019, с. 87–96) встречены только отдельные находки XIV в., то на поселении Су-Баш-I выявлен некрополь, на котором изучено 1005 погребений второй половины XIII–XVII вв. и на площади 17000 кв.м раскопано 150 жилых и хозяйственных построек (Мастыкова и др., 2019, с. 97–116). На поселении Жемчужина-I (площадь раскопа 8190 кв.м) выявлены золотоордынские строения с печами-тандырами XIV в. (Хохлов, Мельников, 2019, с. 71–86).

Археологическими раскопками установлен производственный характер специализации золотоордынских поселений (Недашковский, 2009, с. 268–277). Археоботанические исследования на этих памятниках не проводились, но изучение археозоологического материала с некоторых поселений (Жемчужина-I, Кринички-II, Су-Баш-I, Кырк-Азизлер, Р – III) позволили установить, что их обитателями в основном производились мясные продукты (Яворская, 2020, с. 171–181). При этом доминировала говядина (более 80%, а иногда достигает 82-89%). Затем следует баранина, составляющая от 5,8 до 8% потребляемого мяса. Конина даёт на памятниках разные показатели – от 2,6% до 10,3%. Минимальное число указывает на редкое использование в пищу свинины – 0,04-0,08%. Доминирование воспроизводсва крупного рогатого скота жителями сельских поселений исследователи объясняют большими объёмами экспорта бычьих шкур, отмечаемыми документами латинской морской торговли (Бочаров, Яворская, 2022, с. 231–232)[3]. Набор артефактов, полученных в ходе археологических исследований, показывает, что сельское население Крымского

улуса участвовало как во внутреннем обмене произведёнными продуктами и ремесленными изделиями, так и в международной торговле (Недашковский, 2009, с. 277–287).

Археологические исследования дают возможность признать, что в конце XIV в. происходит снижение числа ордынских поселений округи Солхата, а это указывает на переживаемый городом упадок. Поселения Кринички–II, Чокрак-Найман-I, Жемчужина-I, в конце XIV в. прекращают своё существование и только поселение Су-Баш-I продолжает функционировать в XV в. (Бочаров, Яворская, 2022, с. 229–230).

Хорошо известно, что Войны Тохтамыша с Тимуром имели трагические последствия для Золотой Орды. В крымской археологии длительное время господствовало ошибочное мнение, что войска Тимура в 1395 г. вторглись на полуостров и разрушили крупнейшие города полуострова: Солхат, Каффу, Судак, Мангуп, Херсон и др. (Мыц, 2015a, с. 93–117). При этом исследователи не обращали внимание на то, что после поражения 15 апреля 1395 г. через Днепр переправляются и бегут в Добруджу крымские орды Таш-Тимура и Актау. В этом побеге и скрывается причина не состоявшегося в 1395 г. *Крымского похода* Тимура. Подтверждает это и отсутствие следов разгрома 1395 г. крымских городов: Солхата, Каффы, Солдайи, Феодоро, Херсона, Алушты. В 1402 г. Тимур подготовил очередной поход на Золотую Орду, намереваясь проникнуть в Крым, захватить Солхат и Каффу. Об этом свидетельствует переписка 1401/02 г. Тимура с Баязидом I (Миргалеев, 2015, с. 299–303). Его войска были сосредоточены у Дербента. Однако известие о захвате турками-османами Кемахи, вынудило Тимура изменить направление похода и нанести удар по Анатолии (Карпов, 2020, с. 40). На актуальность данной темы указывает вышедшая в 2023 г. монография В.Е. Науменко об исследовании дворца Мангупа. Автор продолжает настаивать на том, что город пострадал в начале 1390-х гг. от погрома (Науменко, 2023, с. 465).

Остаётся не решённым вопрос о вассальной зависимости Крымского ханства от Османской империи, т.к. до настоящего времени не обнаружены подтверждающие этот статус Крыма документы. И.В.Зайцевым (Зайцев, 2010, с. 288–299) было высказано суждение, что с точки зрения исламской теории власти крымские ханы являлись независимыми и суверенными монархами. Поэтому считаю, что более корректным будет определять характер отношений двух держав на протяжении 1475–1774 гг., как ***политическое партнёрство***, в котором Османская империя играла роль ***старшего партнёра,*** а Крымское ханство – ***младшего*** (Мыц, 2023, с. 29).

Приведённые краткие примеры показывают, что учёные редко обращаются к разработке проблем, которые не удалось решить до настоящего времени. При очевидной приоритетности городской проблематики (большими площадями раскопкам подвергались города Крым/Солхат, Каффа, Сугдея, Воспоро, Херсон, Чембало, Эски-Кермен, Мангуп/Феодоро, Кырк-Ер и др.), практически отсутствуют современные монографические публикации, посвящённые их комплексному изучению. Остаются убедительно не локализованными два городских центра – Дорос и Фуллы. В подавляющем большинстве случаев учёные избегают издания закрытых комплексов и стратиграфии исследуемых ими памятников, что делает невнятной их историческую периодизацию и топографию[4]. По этой же причине ещё более размытую картину представляет историко-археологическая характеристика поселений, сторожевых крепостей, замков, монастырей, церквей и некрополей.

Примечания:

[1] А.И.Айбабин, со ссылкой на А.Л.Якобсона (Якобсон, 1964,с.83), пишет: «Полагают, что многие города и поселения Юго-Западного Крыма были разрушены в результате набега войск Ногая в 1299 г.». По поводу судьбы Херсона в XIII в. исследователь не может прийти к однозначному заключению: «В 1270-е годы, либо в 1299 г. практически все городские кварталы погибли от пожара, очевидно вызванного одним из татарских набегов. Херсон как город перестал существовать. В XIV в. лишь рядом с портом восстанавливаются некоторые усадьбы» (Айбабин,2003,с.81).

[2]«Неизвестно нам, оставили Татары при первом и втором нападении своём на Европу, какие-нибудь селения единоплемен[ников] своих в нынешней Малой Татарии и в Крыму» (Нарушевич, 1788, с.96-97).

[3]Латинские документы свидетельствуют, что генуэзцы вывозили невыделанные (не дублёные) шкуры (corii

de sale bobum, coria cruda). Причём активный экспорт этого товара был начат уже в 80-е гг. XIII в. Например, в 1289 г. из Каффы в Геную единовременно вывезена партия шкур весом в 6 т. (Старокадомская, 1974,с.167).

[4]Даже среди новых и внешне эффектно изданных монографических работ реальная стратиграфия, полученная в ходе полевых исследований, заменена на глухое монолитное и красочное изображение слоёв, которые призваны отделять друг от друга разные исторические периоды (Науменко, 2023, рис.70, А-А1; 76; 82;93;98 и др.). Эту принципиальную в информационном плане разницу ясно демонстрируют представленные в данной публикации фотографии стратиграфических разрезов (Науменко, 2023, рис.73; 77; 78; 100,1).

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А.И. Крым в X – первой половине XIII века // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука, 2003. С. 68–145.

Акчокраклы О.-Н.А. Старокрымские и оттузские надписи XIII-XV веков // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии (ИТОИАЭ). Т. 1(58). / Отв. ред. Н.Л. Эрнст. Симферополь, 1927. С. 5–17.

Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV-XV веков (Кампанья Каффы) // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова (Астрахань, 2–6 октября 2011 г.) / Отв.ред. Д.В. Васильев, Ю.А. Зеленеев, А.Г. Ситдиков. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 137–145.

Бочаров С.Г. К вопросу о расположении Фульской епархии в горном Крыму // ВВ. 2020. Т. 104. С. 160–174.

Бочаров С.Г., Яворская Л.В. Сельские поселения Крыма золотоордынского времени: современное состояние изучения // Археология Евразийских степей. 2022. № 4. С. 228–235.

Волошинов А.А., Меньшиков М.Ю., Резниченко И.А., Юнкин Ж.А., Брызгалов В.В. Раскопки мусульманского могильника Кырк-Азизлер в 2008 г. // Крым – Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг. Т. 2 / Отв. ред. С.Ю. Внуков, О.В. Шаров. М.: ИА РАН, 2019. С. 211–237.

Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Кырк-Ер – Чуфут-Кале. Крепость на краю седьмого климата: Исследование. Путеводитель. Альбом. Симферополь: Антиква, 2016. 312 с.

Зайцев И.В. Крымское ханство: вассалитет или независимость? // Османский мир и османистика. Сборник статей к 100-летию со дня рождения А.С. Тверитиновой (1910-1973) / Отв. ред. И.В. Зайцев, С.Ф. Орешкова. М.: ИВ РАН, 2010. С. 288–298.

Карлов С.В. Новые данные о средневековом поселении Эски-Юрт в Бахчисарае // Откровения древнего Солхата / Под ред. А.Г. Герцена. Керчь, 2012. С. 35–77.

Карпов С.П. О разгроме Таны Тамерланом в 1395 г.: событие и его последствия // Поволжская археология. 2020. № 2 (32). С. 38–47.

Кирилко В.П., Бочаров С.Г., Ситдиков А.Г. Исследования Архитектурно-археологической экспедиции Крымского филиала ИА НАНУ в 2012 г. // АДУ 2012 / Ред. Н.О. Гаврілюк. Київ-Луцк: Доля, 2013. С. 53–54.

Коваль В.Ю. Археологические раскопки поселения Чокрак-Нойман I // Крым-Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017-2018 гг. Т.2 / Отв. ред. С.В. Внуков, О.В. Шаров. М.: ИА РАН, 2019. С. 87–96.

Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Золотоордынское поселение Кринички II (Результаты полевых исследований). Раскопки в Старом Крыму в 1998–2000 гг. / Материалы Старокрымской археологической экспедиции. Вып. I. СПб.: ГЭ, 2002. 183 с.

Кузенков П.В., Могаричев Ю.М. Горная Юго-Западная Таврика на начальном этапе золотоордынского периода (по данным нарративных и эпиграфических источников XIII-XIV вв.) // Археология Евразийских степей. 2024. № 2. С. 214–224.

Масловский А.Н. Восточнокрымский поливной импорт в золотоордынском Азаке. Вопросы хронологии // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья в X–XVIII вв. / Под ред. С.Г. Бочарова, В. Франсуа, А.Г. Ситдикова. Казань; Кишинев: Stratum Plus, 2017. С. 455–490.

Мастыкова А.В., Решетова И.К., Чаукин С.Н., Ганичев К.А. Исследования средневекового поселения и могильника Су-Баш-I в Юго-Восточном Крыму // Крым – Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017-2018 гг. Т. 2 / Отв. ред. С.В. Внуков, О.В. Шаров. М.: ИА РАН, 2019. С. 97–116.

Миргалеев И.М. Татары Дешт-и Кыпчака в переписке Аксак Тимура с Баязидом // Золотоордынская цивилизация. 2015. № 8. С. 299–303.

Могаричев Ю.М. Средневековый Крым (VI – середина XIII в.): история, религия, культура. Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. 240 с.

Мыц В.Л. «Крымский поход» Тимура в 1395 г.: историографический конфуз, или археология против историографической традиции // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Казань; Кишинёв: Stratum plus, 2015а. С. 93–117.

Мыц В.Л. Время и причины гибели в XIII веке городов византийской Таврики (историографический аспект проблемы) // Византия в контексте мировой культуры: материалы конференции, посвящённой памяти А.В.Банк (1906-1984) / Труды ГЭ. Т. LXXIV / Ред. В.Н. Залесская и др. СПб.: ГЭ, 2015б. С. 389–400.

Мыц В.Л. Завоевание поздневизантийской Таврики монголами: историко-археологический контекст катастрофы последней четверти XIII века // Stratum Plus. 2016. № 6. С. 69–106.

Мыц В.Л. Крым в XIII-XV веках: историко-археологическое исследование. Автореф. Дисс. … докт. истор. наук, Казань, 2023. 35 с.

Нарушевич А. Таврикия или известия древнейшие и новейшие о состоянии Крыма и его жителях до наших времён. Киев: Типография Академии Киевской, 1788. 172 с.

Науменко В.Е. Дворцовый комплекс Мангупского городища: история изучения, стратиграфия, хронология. Симферополь: Антиква, 2023. 500 с.

Недашковский Л.Ф. Международная и внутренняя торговля // История татар с древнейших времен в семи томах. Том III: Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. / Науч. ред. М.А. Усманов. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 277–287.

Орлов Р.С. Из истории сельского населения Керченского полуострова в XIII–XIV вв. // Памятники древних культур Северного Причерноморья / Отв. ред. В.Д. Баран. Киев: Наукова думка, 1979. С. 114–129.

Сейдалиев Э.И. Сельские памятники округи Золотоордынского Солхата: материалы к археологической карте Юго-Восточного Крыма // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис / XII Международный Византийский Семинар (Севастополь-Балаклава, 25-29 мая 2020 г.). Материалы научной конференции / Отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь: Колорит, 2020. С. 219–226.

Сорочан С.Б. «Зачарованный клад». Ещё раз о локализации Фулл // АДСВ. Вып. 33 / Ред. В.П. Степаненко и др. Екатеринбург: Уральский университет, 2002. С. 71–79.

Старокадомская М.К. Солхат и Каффа в XIII-XV вв. // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма / Отв. ред. С.Н. Бибиков. Киев: Наукова думка, 1974. С. 162–173.

Ушаков С.В., Байбуртский А.М. Средневековый Херсонес во второй половине XIII в.: город, посёлок, торговый пункт? // Археология Евразийских степей. 2020. № 4. С. 264–273.

Хохлов А.Н., Мелькова В.Р. Исследования золотоордынского поселения Жемчужина в Юго-Восточном Крыму // Крым – Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017-2018 гг. Т.2 / Отв. ред. С.В. Внуков, О.В. Шаров. М.: ИА РАН, 2019. С. 71–86.

Яворская Л.В. Археологические исследования поселения Жемчужина – I и вопросы экономики Юго-Восточного Крыма в золотоордынский период // Поволжская археология. 2020. №2 (32). С. 171–181.

Якобсон А.Л. К вопросу о локализации средневекового города Фуллы // СА. Т. XXIX–XXX / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: АН СССР, 1959. С. 108–113.

Якобсон А.Л. Средневековый Крым. Очерки истории материальной культуры. М.; Л.: Наука, 1964. 232 с.

Информация об авторе

Мыц Виктор Леонидович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Государственный Эрмитаж (г.Санкт-Петербург, Россия); vic.mytz@yandex.ru

REFERENCES

Aibabin, A. I. 2003. In Makarova, T. I., Pletneva, S. A. (eds.). *Arkheologiya. Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ya: IV–XIII veka (Archaeology. Crimea, North-Eastern Black Sea Region and Trans-Caucasia in the Middle Ages. 4th –13th Centuries)*. Series: Archaeology. Moscow: “Nauka” Publ., 68–145 (in Russian).

Akchokrakly, O. [-N.A.]. 1927. In Ernst, N. L. (ed.). *Izvestiya Tavricheskogo obshhestva istorii, arkheologii i etnografii (Proceedings of the Taurida Society for History, Archaeology, and Ethnograph)* 2(59). Simferopol, 5–17 (in Russian).

Bocharov, S. G. 2011. In Vasiliev, D. V., Zeleneev, Yu. A., Sitdikov, A. G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve (Dialog of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory).* Kazan; Astrakhan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani of the Tatarstan Academy of Sciences, 137–145.

Bocharov, S. G. 2020. In *Vizantiyskiy Vremennik (Byzantine Yearbook)* (104), 160–174 (in Russian).

Bocharov, S. G., Yavorskaya, L. V. M. 2022. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 228–235 (in Russian).

Voloshinov, A. A., Menshikov, M. Yu., Reznichenko, I. A., Yunkin, Zh. A., Bryzgalov, V. V. 2019. In Vnukov, S. V., Sharov, O. V. (eds.). *Krym – Tavrida. Arheologicheskie issledovaniya v Krymu v 2017−2018 gg. (Crimea−Tavrida. Archaeological studies in the Crimea in 2017−2018).* II. Moscow: Institute of Archaeology, RAS, 211–237 (in Russian).

Herzen, A. G., Mogarichev. Yu. M. 2016. *Kyrk-Er – Chufut-Kale. Krepost na kraiu sedmogo klimata: Issledovanie. Putevoditel. Albom* (*Qirq Yer – Chufut-Kale. Fortress at the edge of the seventh climate: Research work. Guide. Album*). Simferopol: “Antikva” Publ. (in Russian).

Zaitsev, I. V. 2010. In Zaitsev, I. V., Oreshkova, S. F. (eds.). *Osmanskiy mir i osmanistika. Sbornik statey k 100-letiyu so dnya rozhdeniya A.S. Tveritinovoy (1910-1973) (The Ottoman World and Ottoman Studies. Collected articles, dedicated to the 100th anniversary of the birth of A.S.Tveritinova (1910-1973)).* Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 288–298. (in Russian).

Karlov, S. V. 2012. In Herzen, A. G. (ed.). *Otkrovenie drevnego Solkhata (Revelations of the Ancient Solkhat)*. Kerch, 35–77 (in Russian).

Karpov, S. P. 2020. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 32 (2), 38–47 (in Russian).

Kirilko, V. P., Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. 2013. In Gavrilyuk, N. A. (ed.). *Arkheologichni doslidzhennia v Ukraïni 2013 roku (Archaeological Researches in Ukraine of 2003–2004*). Kiev; Lutsk: “Dolya” Publ., 353–54 (in Russian).

Koval, V. Yu. 2019. In Vnukov, S. V., Sharov, O. V. (eds.). *Krym – Tavrida. Arheologicheskie issledovaniya v Krymu v 2017−2018 gg. (Crimea−Tavrida. Archaeological studies in the Crimea in 2017−2018).* II. Moscow: Institute of Archaeology, RAS, 87–96 (in Russian).

Kramarovskii, M. G., Gukin, V. D. 2002 *Zolotoordynskoe poselenie Krinichki II (Rezul'taty polevykh issledovaniy). Raskopki v Starom Krymu v 1998–2000 gg. (Golden Horde Krinichki II settlement. Materials of the Staryi Krym archaeological expedition. Excavations in staryi Krym in 1998–2000. (Results of field research).* Series: Materialy Starokrymskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Materials of the Staryi Krym archaeological expedition) 1. Saint Petersburg: State Hermitage Museum (in Russian).

Kuzenkov, P. V., Mogarichev, Yu. M. 2024. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 214–224 (in Russian).

Maslovsky, A. N. 2017. In Bocharov, S. G., Francois, V., Sitdikov, A. G. (eds.). *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia v X–XVIII vv. (Glazed Ceramics of the Mediterranean and Black Sea in 10th-18th Centuries)*. Kazan; Kishinev: “Stratum plus” Publ., 455–490 (in Russian).

Mastykova, A. V., Reshetova, I. K., Chaukin, S. N., Ganichev, K. A. 2019. In Vnukov, S. V., Sharov, O. V. (eds.). *Krym – Tavrida. Arheologicheskie issledovaniya v Krymu v 2017−2018 gg. (Crimea−Tavrida. Archaeological studies in the Crimea in 2017−2018).* II. Moscow: Institute of Archaeology, RAS, 97–116 (in Russian).

Mirgaleev, I. M. 2015. In *Zolotoordynskaya tsivilizatsiia (The Golden Horde civilization)* (8), 299–303 (in Russian).

Mogarichev, Yu. M. 2014. *Srednevekoviy Krym (VI – seredina XIII v.): istoriya, religiya, kul'tura (Medieval Crimea (6th - mid-13th cc.): History, Religion and Culture)*. Simferopol: “Biznes-Inform” Publ. (in Russian).

Myts, V. L. 2015. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)*. Kazan; Simferopol; Kishinev: “Stratum Plus” Publ., 93–117 (in Russian).

Myts, V. L. 2015. In Zalesskaya, V. N. et al. (eds.). Vizantiya v kontekste mirovoy kul'tury: materialy konferentsii, posvyashchennoy pamyati A.V.Bank (1906-1984) (*Byzantium Within The Context Of The World Culture: materials of the conference dedicated to the memory of A.V.Bank (1906-1984)).* Series: Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Transactions of the State Hermitage Museum) LXXIV. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 389–400 (in Russian).

Myts, V. L. 2016. In *Stratum Plus* (6), 69–106 (in Russian).

Myts, V. L. 2023. *Krym v XIII-XV vekakh: istoriko-arkheologicheskoe issledovanie (Crimea in the XIII-XV centuries: historical and archaeological research).* Thesis of Diss. of Doctor of Historical Sciences. Kazan (in Russian).

Narushevich A. 1788. *Tavrikiya ili izvestiya drevneyshie i noveyshie o sostoyanii Kryma i ego zhitelyakh do nashikh vremen (Tavrikia or the oldest and newest information about the state of the Crimea and its inhabitants to the present).* Kiev: Printing House of the Kiev Academy. (in Russian).

Naumenko, V. E. 2023. *Dvortsovyy kompleks Mangupskogo gorodishcha: istoriya izucheniya, stratigrafiya, khronologiya (The palace complex of Mangup-Kale: history of study, stratigraphy, chronology).* Simferopol: “Antikva” Publ. (in Russian).

Nedashkovsky, L. F. 2009. In Usmanov, M. A. (ed.). *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh. Tom III: Ulus Dzhuchi (Zolotaia Orda). XIII – seredina XV (History of the Tatars since Ancient Times in seven volumes. Volume 3: The Ulus of Jochi (the Golden Horde). 13th – mid. 15th cc.).* Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 277–287 (in Russian).

Orlov, R. S. 1979. In Baran, V. D. (ed.). *Pamiatniki drevnikh kul'tur Severnogo Prichernomor'ia (Monuments of Ancient Cultures of Northern Pontic Region)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ., 114–129 (in Russian).

Seidaliev, E. I. 2020. In Alekseenko, N. A. (ed.). *Khersonos femata: imperiia i polis. Materialy nauchnoi konferentsii (Χερσωνοσ Θεματα: Empire And Policy)* XII. Simferopol: “Kolorut” Publ., 219–226 (in Russian).

Sorochan, S. B. 2002. In Stepanenko, V. P. et al. (eds.). *Antichnaya drevnost' i srednie veka (Antichnaya drevnost' i srednie veka)* 33. Yekaterinburg: Ural State University, 71–79 (in Russian).

Starokadomskaya, M. K. 1974. In Bibikov, S. N. (ed.). In *Feodal'naya Tavrika. Materialy po istorii i arkheologii Kryma (Feudal Taurika. Materials on the history and archaeology of Crimea)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ., 162–173 (in Russian).

Ushakov, S. V., Baiburtsky, A. M. 2020. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 264–273 (in Russian).

Khokhlov, A. N., Melnikova, V. R. 2019. In Vnukov, S. V., Sharov, O. V. (eds.). *Krym – Tavrida. Arheologicheskie issledovaniya v Krymu v 2017−2018 gg. (Crimea−Tavrida. Archaeological studies in the Crimea in 2017−2018).* II. Moscow: Institute of Archaeology, RAS, 71–86 (in Russian).

Yavorskaya, L. V. 2020. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 32 (2), 171–181 (in Russian).

Yakobson, A. L. 1959. In Rybakov, B. A. (ed.). *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* XXIX–XXX. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 108–113 (in Russian).

Yakobson, A. L. 1964. *Srednevekovyj Krym. Ocherki istorii i istorii material'noj kul'tury (The Medieval Crimea. Essays on the History and History of material culture.).* Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

About the Author:

Mytz Viktor L., Doctor of Historical Sciences, State Hermitage. Dvortsovaya Naberezhnaya (Embankment), 34, Saint Petersburg, 190 000, Russian Federation; vic.mytz@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2024 г.
Статья принята к публикации 01.10.2024 г.

УДК 94:393(470.47)(517) https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.5.68.79

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ РОССИЙСКИХ КАЛМЫКОВ И ОЙРАТОВ ЗАРУБЕЖЬЯ В XVII-XXI ВВ.[1]

©2024 г. П.М. Кольцов, Н. Ганбат, С.А. Умгаев, К.П. Кольцова

Статья посвящена общему и различному в погребальном обряде калмыков и ойратов зарубежья с XVII по XXI вв. Тема важна в контексте вопроса о калмыцкой и ойратской идентичности. Калмыки прошли длительный исторический путь вдали от общности ойратских народов, соответственно вопрос о сравнении погребального обряда относится ещё и к проблеме трансформации этнической культуры. *Материалы и методы.* Статья основана на историко-этнографическом методе, который заключается в анализе информации о погребальном обряде, используя данные исторических источников, археологии, собственного наблюдения. В статье используются материалы путешественников и исследователей калмыцкого и ойрат-монгольского погребального обряда. *Результаты.* В статье рассматриваются погребальные ритуалы калмыков и ойратов зарубежья, с учётом существующей вариативности. Дополняют анализ материалы американских калмыков, погребальный обряд которых также имеет свою особенность. Известно, что у ойратов было множество видов захоронений: в земле, в огне, в воздухе, в воде, варианты оставления тела. Изменения хозяйственного уклада в значительной степени повлияли на процесс трансформации погребальной обрядности. В частности, в XXI в. у калмыков осталось только земляное захоронение и, как более редкий вариант, кремация. *Выводы.* В целом, погребальный обряд калмыков и ойратов зарубежья сохранил свои принципиальные символические элементы, такие как: подготовка тела покойного; его вынос; обряды, сопровождающие захоронения – обряд очищения после похорон, соблюдения 49-го траура, важность 7-го дня и т.д. Имеющиеся различия продиктованы тем историческим путём, которые прошли калмыки: отсутствие кремации, детализации ритуалов, более скромная обрядовая система, исчезновение некоторых добуддистских обрядов и т.д.

Ключевые слова: погребальный обряд, калмыки, ойраты, торгуды Монголии, сравнение похоронных обрядов, ингумация, кремация, ойратская идентичность.

COMMON AND SPECIAL IN THE FUNERAL RITE OF RUSSIAN KALMYKS AND OIRATS ABROAD IN THE XVII-XXI CENTURIES[2]

P.M. Koltsov, N. Ganbat, S.A. Umgaev, K.P. Koltsova

The article is devoted to the commonality and peculiarity in funeral rite of the Kalmyks and Oirats abroad from the XVII to the XXI centuries. The topic is important in the context of the question of Kalmyk and Oirat identity. The Kalmyks have passed a long historical way far from the community of the Oirat peoples, so the question of comparing the funeral rite also related to the issues of the transformation of ethnic culture. *Materials and methods*. The article is based on the historical and ethnographic method, which consists in analyzing information about the funeral rite using data from historical sources, archaeology and personal observation. The article uses materials from travelers and researchers of the Kalmyk and Oirat-Mongol funeral rite. *Results.* The article examines the funeral rituals of the Kalmyks and Oirats abroad, taking into account the existing variability. The analysis is supplemented by the materials of the American Kalmyks, whose funeral rite also has its own peculiarity. It is known that the Oirats had many types of burials: in the ground, in fire, in the air, in water and variants of leaving the body. Changes in the economic structure had significantly impact on the process of transformation of funeral rites. In particular, in the XXI century, the Kalmyks had only an earthen burial and, as a rarer option, cremation. *Conclusions.* In general, the funeral rite of the Kalmyks and Oirats

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда No 23-28-10065, https://rscf.ru /23-28-10065/ «Современная структура этнической, религиозной и гражданской идентичности калмыков в ритуальных и коммеморативных практиках».

[2] The research was prepared as a part Russian Science Foundation (РНФ) project No. 23-28-10086 "The city of Saksin – the capital of an unknown country in the Volga Delta (comprehensive archaeological research at the Samosdelka settlement)"

abroad has retained its fundamental symbolic elements, such as: preparation of the body of the deceased; its carrying-out; rituals, accompanying burials – the rite of purification after the funeral, observance of the 49th mourning period, the importance of the 7th day, etc. The existing differences are dictated by the historical way that the Kalmyks passed through: the absence of cremation, detailed rituals, more modest ritual system, the disappearance of some pre-Buddhist rituals, etc.

Keywords: funeral rite, Kalmyks, Oirats, torgouts in Mongolia, comparison of funeral rites, inhumation, cremation, Oirat identity.

Введение

Ойраты, группа западномонгольских племён оказались в раннее Новое время расселёнными на значительном расстоянии друг от друга. В частности, калмыки на протяжении более чем четырёх столетий проживали в отдалении от ареала обитания ойратских племён. Разумеется, калмыки поддерживали какие-то дипломатические, религиозные и внешнеполитические контакты с Азией, в том числе с монгольско-ойратским миром.

В этом контексте актуально рассмотреть погребальные ритуалы калмыков и зарубежных ойрат-монголов, опираясь на этнографические и археологические материалы. Сравнительная характеристика погребальных обрядов позволит выявить общие и региональные различия в представлениях родственных этносов, проследить символичность реальности, рассмотреть направление процессов трансформации погребального ритуала.

Развитие представлений о собственном прошлом, обращение современного общества к проблемам этники и традиционной культуры обосновывает общественную актуальность настоящей работы. Необходимо дать реальную и обоснованную картину о многообразии погребальной калмыцкой обрядности.

2. Материалы и методы

2.1. Материалы. Источниками по истории погребальной обрядности у калмыков были заметки и записки различных путешественников, исследователей и этнологов. Эпизодическое упоминания похоронных обрядов калмыков встречается у И.И. Лепехина (Лепехин, 1822), П. Небольсина, И.А. (Небольсин, 1852, с. 96), Кастанье (Кастанье, 1905, с. 180–186), П.С. Палласа (Паллас, 1773), И.Г. Георги (Георги, 1799), И.А. Житецкого (Житецкий, 1893, 75 с.), Н. Львовского (Львовский, 1894, с. 1–54), Я.П. Дуброва (Дубров, 1898) и других авторов, посещавших калмыцкую степь. В советское время вопросом занялись профессиональные этнографы, в том числе и представители калмыцкого народа. Среди них: У.Д. Душан (Душан, 1929, с. 79–86; Душан, 1973, с. 31–107), Пальмов Н.Н. (Пальмов, 1927), Х.Б. Кануков (Кануков, 1928), Г.С. Лыткин (Лыткин, 1861), Д.А. Павлов (Павлов, 1968, с. 23), В.П. Дарбакова (Дарбакова, 1976, с. 134–138, она же, 1977, с. 92–100), У.Э. Эрдниев (Эрдниев, 1970), Э.П. Бакаева и другие (Бакаева и др., 1988, с. 98–110; Шараева, 2010, с. 45–50; Кольцов и др., 2011, с. 9–16; Кольцов и др., 2017, с. 115–121). В 1988 г. Э.П. Бакаева и Э.-Б. Гучинова издали совместную статью, в которой рассмотрели историографию вопроса и этнографические источники по погребальным обрядам калмыков (Гучинова, 1985, с. 90–97; Бакаева и др., 1988, с. 98–100). В статье они опирались на археологический материал, в частности – на захоронение XVII в., расположенной на территории ойратского монастыря «Семь палат» (Радлов, 1894, с. 53–58).

Это было трупосожжение по буддистскому обряду, который появился у калмыков вместе с религией (Армстронг, 1860, с. 2). Большим подспорьем в изучении погребального обряда ойратов Монголии являются материалы Н. Ганбата, состоящие в основном из полевых наблюдений автора (Н. Ганбат. Погребальный обряд торгуудов)

2.2. Методы исследования. В работе использовались методы – этнографические и исторического анализа. Этнографический метод заключается в сборе информации о жизни этноса, с использованием различных источников, в том числе и полевые наблюдения, использованные авторами. Этнографические данные перекликаются с археологическими источниками, особенно в части погребального обряда, который можно ясно проследить как на этнографическом, так и на археологическом материале.

Результаты

Погребения является важной частью обрядов жизненного цикла. Жизнь человека начинается с его рождения и заканчивается смертью, соответственно два эти важнейших для

общества события сопровождаются ключевыми обрядами: рождения и погребения. Между рождением и смертью располагаются обряды перехода, символизирующие собой смерть и новое рождение, такие как ритуалы инициации, свадебная обрядность и другие. В символическом выражении, обряды жизненного цикла заключают в себе жизнь человека в глазах социума: без проведения обряда рождения человек как бы не появляется на свет, не существует, без погребального обряда он не может умереть.

Глубокий символизм, заключённый в обрядах, заключает в себе ещё и единство жизни коллектива, общества. При всём многообразии индивидуальных путей и жизненных направлений, всё всегда приходит к этим важнейшим путевым точкам, связывающим реальную и символическую реальность.

В целом, похоронная обрядность включает в себя погребальные и поминальные действия, т.е. захоронение тела покойника и дальнейшие действия, которые происходят уже после похорон. В то же время нельзя отделить одно от другого, т.к. всё это в символическом отношении одно действие, призванное отправить человека в иное состояние. Смерть в символическом мире не означает конец, это переход в некое другое состояние, очередной переход. В жизненном цикле человек испытывает множество символических «смертей», к примеру, когда перестаёт быть ребёнком (ребёнок умирает, на его месте рождается новый взрослый человек), женится или выходит замуж и т.д. Соответственно, в погребальной обрядности скрыт смысл и понимание этого перехода. Откуда и куда?

Поэтому в похоронные обряды уже встроена символическая картина мира, представления об устройстве Вселенной, об отношениях между людьми, родичами, богами и т.д. Символическая география перехода повествует нам как об устройстве реальности, в которую покойник переходит, так и об её взаимоотношениях с нашим миром. В погребальном обряде это выражается в различных аспектах ритуала: подготовки тела покойного, выбора места проведения ритуала или захоронения, в сопутствующих действиях, в вещах, которые также совершают переход вместе с покойным и т.д.

Всё это многообразие смыслов, скрытое в обрядах жизненного цикла, объединяет разделяющих общую символическую реальность членов этноса. Сохраняя своё мировоззрение, они сохраняют единство, связь и этническую идентичность, даже находясь на удалении друг от друга.

Отличительной чертой калмыцкого погребального обряда является его разнообразие. В различные исторические эпохи, в различных ситуациях, различные этнические и родовые группы калмыков и ойратов практиковали различные погребальные обряды. Всего существует четыре основных вида погребальных обрядов: захоронение в земле (ингумация), кремация (огненное захоронение), водное захоронение, воздушное захоронение (арангасное) и наземное оставление трупа (Кольцов и др., 2017, с. 115–121). Все эти способы погребального обряда практиковались исторически. Однако, современные способы захоронения сведены к двум: захоронение в земле и кремирование. Другие виды можно считать историческими.

Такое многообразие способов захоронить покойника говорить в первую очередь о наложении различных пластов истории и культуры. Всё это привело к усложнению символической реальности, смешению до-буддистских и буддистских представлений о душе и загробном мире, о перерождении и т.д.

Исторически, ойраты проживали в центральноазиатском регионе, Рашид-ад-дин считал, что Восьмиречье является местом проживания современных ему ойратских племён (Рашид-ад-дин, 1952). Реконструируя представления арабов о мире, можно предположить, что Восьмиречье находится в верховьях реки Енисей, где пересекаются бассейны различных рек (Шишхид-гол, Кызыл-хем и др.) и истоков Енисея (Большой и Малый Енисей). Сейчас это восточная часть Тувы, а также Хубсугульский аймак Монголии. Примечательным природным объектом является окружённая горами Дархатская котловина. Это таёжная зона, покрытая горами, неровностями, холмами, ущельями и долинами (Санчиров, 2009, с. 68–74.).

Исходя из реалий этнического бытия формировался и погребальный обряд: это воздушно-арангасное захоронение, когда покойников хоронили непосредственно на ветках таёжных деревьев или же на специальных деревянных платформах на шестах.

Во времена монгольских завоеваний и Золотой Орды кочевники, в том числе и ойраты,

хоронили покойников земле. Археологические источники указывают на наличие земляных захоронений, сгруппированных в могильники по 2-3 захоронения. Над могильниками сделана каменная насыпь обычно овальной, но иногда круглой формы. Могильную яму иногда обустраивали деревом, плитами, подбивали различными материалами. У ойратов встречалось как простая ингумация, так и захоронение в гробах, сделанных из деревянных досок или представляющих собой деревянные рамы, скреплённые переплетёнными прутьями. Трупоположение на спине, вытянуто, головой на север, но не строго, а с небольшими отклонениями (Лхагвасурен, 1994).

Вещи и пища также часто (но не всегда) присутствовали в могилах.

После принятия буддизма ойратами появляется третий вариант погребальной обрядности – кремация, огненное захоронение. Оно соответствует буддистскому канону, однако, другие типы захоронения также продолжают присутствовать. По всей видимости, буддистские священники определяли обстоятельства, места, время и способ захоронения (Позднеев, 1993, с. 463–474). Известно, что кремация в степных условиях является достаточно проблематичным способом захоронения покойника, так что к нему чаще обращались представители элиты.

Существовавшее у ойратов многообразие погребальных ритуалов в полной мере унаследовали и калмыки: «… покойников своих оставляют они или для истлевания на вольном воздухе, или погружают их в воду, или зарывают в землю, или сжигают. … Над некоторыми покойниками складывают они груды каменьев. В воду опускаются большей частью умершие дети. Погребаемые под каменными грудами или в землю кладутся с оружием. Сожжения удостаиваются тела токмо умерших князей, верховных священнослужителей и почитаемых между ними за святых обоего пола» (Георги, 2005, с. 407–408). И.А. Кастанье замечает: «тогда как у других народов мы иногда встречаем от двух до трех способов погребения, у монголов ламаитов насчитывается их от шести до семи». Он также отмечает, что кремацию использует только элита: «…пепел собирают и сохраняют у себя в урне до тех пор, пока кто-нибудь из них, отправляясь в Тибет, не унесет его вместе с подарками Далай-Ламе». Остальные способы – это простая ингумация без насыпи, оставление на земле (или в естественном углублении), воздушное захоронение в деревьях, водное захоронение в водоёмы. Промежуточным вариантом является захоронение трупа на земле под грудой камней, которые накладывались на него (Кастанье, 1905, с. 180–186).

Подобное многообразие нельзя объяснить произвольностью форм погребального обряда, учитывая его ключевую роль в обрядовой системе общества. Считается, что сохранение родовой и субэтнической идентичности калмыцкого общества, предопределило разнообразие используемых вариантов погребального обряда.

По мере исторического развития, наиболее архаичные формы погребального обряда теряли свою актуальность – это различные формы оставления тела, воздушное и водное захоронение. Огненное захоронение, т.е. кремация, сохраняло свою актуальность благодаря буддистской религии. Интересно, что буддизм в своём традиционно гибком подходе способствовал сохранению у народа различных форм погребального ритуала (Ольденбург, 1991).

Соответственно, на рубеже веков в Калмыкии сохранились только земляное захоронение и кремация. Гражданская война, советская власть, репрессии против религиозных деятелей и депортация калмыцкого народа привели к тому, что из всего многообразия форм погребального обряда сохранилось только земляное захоронение. Обряд кремации фактически исчезает, и в настоящее время используется как экзотический вариант.

Современный обряд похорон у калмыков также обладает своей вариативностью. В частности, существуют различия в традиционном «буддистском» и в собственно калмыцком похоронном обряде. Наблюдаются также региональные особенности. Однако, в целом можно выделить единую структуру современного погребального обряда у калмыков.

Родственники обращаются в хурул для того, чтобы узнать подходящий для проведения погребения дату. В день захоронения копают могилу, однако сами родственники не принимают в этом участия. Хоронят покойника в деревянном гробу в достаточно глубокую могилу прямоугольной формы. Могила как правило ориентирована по линии восток-запад, иногда с подбоем на южной стороне. На восточной стенке могилы часто дела-

ют неглубокую нишу для лампадки. Вынос тела осуществляется в тот же день, до обеда. Покойника выносят ногами вперёд, при этом обосновывают словами: «Чтобы не смог вернуться».

Гроб везут или несут на кладбище, там устанавливают перед ямой на табуретки или подставки. Происходит прощание с покойным, траурный митинг. Затем гроб на полотенцах опускают в могильную яму, помещают наполовину в подбой (если есть), а в нишу помещают зажжённую лампадку.

Участники похоронной процессии трижды обходят могильную яму с гробом, бросают в неё горсть земли. Обход является важной частью как погребального, так и поминального ритуала, т.к. символизирует собой круг – центральный для буддизма символ. После обхода могилу засыпают, над ней насыпают земляной вал, ставят временную тумбу, которую затем заменяют памятной плитой с изображением покойника, датой жизни, иными надписями. На земляной вал с различных сторон устанавливают траурные венки от родственников, друзей, коллег, сослуживцев. Кроме того, на могиле оставляют жёлтые и серебряные монеты, а также пищу. Перед тем, как покинуть кладбище, необходимо разделить с покойником символическую трапезу – попробовать водку и пищу.

Важной частью погребального ритуала является очищение, которое происходит с помощью воды и огня. Руки моют водой с добавлением молока, с мылом, смазывают маслом, а затем окуривают их и подошвы обуви дымом от костра. Родственники также проходят через очищение зерном (чаще это рис), которое освятили в хуруле. «Проводив» покойника, участники церемонии возвращаются снова в мир живых.

Поминальные обряды совершаются на 7-й и 49-й дни. Во время поминок на 7-й день родственники и близкие посещают кладбище, там устраивают поминальный стол, вся посуда и утварь остаётся на кладбище. Затем поминальный стол накрывается в доме покойного или в банкетном зале, где устанавливается портрет покойника.

В погребальной церемонии калмыков, проживающих в США, существуют незначительные различия. После возвращения с погребальной церемонии перед домом стоит сын усопшего и держит кувшин воды и салфетки для символического очищения. Не используются масло и огонь, в отличие от Калмыкии, где необходимо смазать руки маслом и подержать надо открытым огнём. Руки же американские калмыки не моют, а протирают салфетками, воду *аршан* пьют. В дом покойника приглашают священнослужителей (лам), которые проводят ритуалы, используя для этого освящённую воду *аршан* и буддистские колокольчики. Также для очищения используют зерно (чаще рис).

Большое внимание калмыки США уделяют обряду *буин* (поминание души). Этот обряд проводится на 7-й день. Заказывается большая служба, созываются все, кто знал покойника: друзья, коллеги, сослуживцы и т.д.

Российские калмыки напротив считают наиболее важной службу на 49-й день (она называется *хонг таслх* – окончание траура).

Для калмыков США характерен более архаичный ритуал, заключающийся в гендерной сегрегации: женщины сидят за одним столом, мужчины за тремя другими. Мужские столы также расставлены по статусу, с наиболее уважаемыми мужчинами за столом сидят монахи. Пенсионеры сидели за своим столом, а молодёжь (работающие люди) – за своим (Гучинова, 2004).

Ойратская племенная группа Монголии торгуды (торгууды), также сохранила вариативность похоронного обряда. Существует поговорка*: төрөхийг эс тогтоосон хүн үхэхийг тогтоох ёсонгоо* (не пресекший рожденье, не отведает и смерть – *пер. с монг.*). Как и калмыки, ойраты западной Монголии чаще практиковали захоронения в земле в специально отведённом месте, которое выбирали ламы (буддистские священники) или же старейшины (Г. Ням-Очир, 2017). Обычно это было место на возвышенности, проветриваемое и освещаемое.

Хоронили в гробу-колыбели, называемой *ховол*, из дерева. Гроб готовили только после смерти человека. В XII веке на Алтае нашли ойратские захоронения, где покойника похоронили в выдолбленном гробу. Глубокий символизм заключается в том, что человек приходит в жизнь в колыбели и в ней же уходит из неё (Мэнэс, 1986, с. 93–102).

Исходя из этнографических данных, торгуды Монголии использовали такие виды захоронения как оставление покойника (обычно у

подножия горы), ингумация в гробу-ховоле, кремация.

Оставление на земле у торгудов Монголии и Синьцзяна имеет буддистское толкование: плоть покойника отдаётся природе, животным, т.е. отдаёт то, что взято. Чем быстрее съедено тело, тем быстрее душа покойника уходит в иной мир, обретает новую реинкарнацию. Однако, этот обычай, несомненно, относится к добуддистской эпохе, т.к. не соответствует буддистскому канону.

У торгудов Монголии существовало особое отношение к телу покойника. К примеру, если при жизни он обладал сверхъестественными способностями, был «повелителем стихий», шаманом, умел управлять погодой, то такое тело не оставляли на земле, а обязательно либо закапывали в землю, либо подвергали ритуалу кремации. Как раз кремация пришла к ойратам вместе с буддизмом. Особое отношение было также к покойнику-новорождённому, его вещи, всё, что было ему предназначено, клали в мешок, оставляемый в особом месте.

Погребальный ритуал торгудов Монголии также имеет некоторые различия – в частности лама проводил магические ритуалы с зеркалом и золой, которая символизировала дорогу в мир духов. Траур также длился 49 дней, и все дни траура родственники покойника воскуривали на лампадке прожаренную с топлёным маслом муку. Питаясь дымом душа покойника должна была за 49 дней прибыть к хану мира усопших *Элэг номун хаан*.

Важным элементом обряда торгудов Монголии было омовение тела покойного, после чего тело клалось на бок, мужчина на правый, женщина на левый бок. В XX веке осталось только омовение лица, а тело перестали сдвигать с места. В современной Калмыкии же покойник располагался на спине, ритуалу омовения большого значения не придают.

Существовали различные варианты приготовления тела к погребению. Выбиралась позиция ног и рук, тело покрывалась *дэвэл* – верхней одеждой покойного. После всего тело покойного покрывалось специальным одеялом *хонжил,* украшенным буддистскими надписями.

Однако, в Хобуксаре нередко тело покойного располагали лицом вверх в пустой юрте, а после того, как над ним совершили необходимые ритуалы, помещали в гроб. Похожая ситуация происходил и у калмыков, которые после проведения необходимых ритуалов, помещают покойника в гроб лицом вверх. Считается, что кто-то всегда должен сидеть в комнате с покойником, его нельзя оставлять одного.

Большим отличием традиционных ритуалов торгудов Монголии и Калмыкии выступали различия в их хозяйственном быту. Если ещё в XX веке торгуды проводили множество ритуалов, связанных с жилищем – юртой, то седентаризированные калмыки эти обряды не проводили. Так, для ойратов Монголии характерны были манипуляцию с дымником юрту, который держался закрытым до провода покойника в последний путь. Закрытый дымник указывал обществу на то, что в юрте находится покойник.

Существовали и особенности выноса тела из юрты: «… если юрта распологалась по сторонам света на юге, то тело покойного выносили через дверь или через стыки стенки, на месте стыка стенки с дверной рамой разъединяют; если юрта находилась на востоке или на западе, то обычно поднимали стенку юрты и под него выносили тело покойника» (Тангад, 1992, с. 131).

Интересно, что и калмыки, и ойраты Монголии, и американские калмыки – все выносят покойника из жилища вперёд ногами. Торгуды обосновывают это тем, что в жизнь человек приходит вперёд головой, а уходит из жизни он вперёд ногами.

Во время погребения тела у торгудов Монголии важным обрядом является угощение – дайлхан. Во время этого обряда рядом с покойником ставят тарелку, на неё кладут еду: топлёное масло, сладости, варёное мясо. Три раза её проносят над покойником, затем эту еду разделяют участники церемонии. 49 дней эту тарелку не моют.

После погребения тела важным является ритуальное очищение. На обратной дороге важно стряхнуть с себя символическую пыль, поддерживая тем самым символическую границу между мёртвым и живым. Также торгуды Монголии особое внимание уделяют очищению огнём, традиционно это костёр из кизяка или из веток. Затем очищают руки и лицо водой, подкрашенной молоком, смазывают их маслом. Кроме того, используют благовония. Таким образом, можно заметить, что основная канва погребального ритуала совпадает и калмыком, и у ойратов Монголии.

7-й и 49-й день у торгудов Монголии также важные даты. На 49-й день заканчивается траур, однако, если покойник был преклонного возраста, то траур можно снять и 21-й день. Обязательно в эти дни поклоняются огню – это добуддистский мотив.

Поминальная служба проводится на 49-й день, когда родственники, друзья, коллеги и близкие умершего приглашаются в дом для поминального чаепития. В доме проводились различные обряды, центральным являлся обряд освящения огня *гал тахилга*. Он заключался в кормлении огня плиточным чаем, мясом, сладостями. Из масла делали баранью голову, которая смотрела на печь, на огонь.

Самый старший мужчина в семье (имеется в виду возраст) совершал обряд *хурулхи,* который заключался в том, чтобы привлечь в дом благодеяние и изобилие. Он призывал жёлтое солнце, богов и тэнгри, а также и дух усопшего с тем, чтобы он оказал посильную помощь своим близким, которые проводили его в иной мир. Ключевым элементом этого обряда была чаша изобилия *дайлхна аага*, в которую клали угощения и проносили над огнём. При исполнении этого обряда все кричали «хурай хурай хурай» (Личный архив Н. Ганбата).

Этот ритуал, несомненно, имеет добуддистское происхождение. В Калмыкии он практически не используется (возможно, встретить в отдельных торгудских семьях).

С приходом буддизма обязательным элементом обряда стало присутствие буддистского священнослужителя – ламы. Это совпадает у всех ойратов. Лама проводит буддистские ритуал, в частности, ритуал *дором*, который заключается в чтении священной книги и освобождению кармических грехов покойного, что облегчает его загробный путь. Из муки лепится образ, который воплощает негатив, нечистое, плохое, и по завершению ритуала этот образ выбрасывается из жилища. А затем ламу одаривали едой и деньгами, что являлось ритуализированной платой священнослужителю (буддистские ламы живут на подношения верующих).

Кроме этого, важно было присутствие ламы на 7-й день после похорон, и на 14-й день – для совершения обряда омовения, который проводился для родственников. Во время обряда омовения на родственников покойника накладывались табу – нельзя было ничего выносить из дома, делиться едой с посторонними, убивать скот и т.д. Всё это было связано с символическим очищением, разграничением мёртвого и живого. Затем, после обряда, все ограничения снимались, семья, наоборот, стремилась одаривать всех, кто зашёл в гости для выражения соболезнования или для помощи (Личный архив Н. Ганбата).

В целом, мы видим, что совпадающая канва калмыцких и ойрат-монгольских обрядов состоит из двух основных частей: погребения тела и поминального 49-дневного траура. Однако, существуют локальные, родовые различия, как у калмыков, так и у зарубежных ойратов. «Этнографическое исследование традиционных обычаев монголов должно развиваться по меньшей мере в трех направлениях: дифференцировано по локальным этническим группам, путем сравнительного изучения сходных и отличительных черт обычаев монгольских этносов, а также типологического обобщения данных сопоставительного анализа и выявления того ядра обрядовых стереотипов, которые определяют самобытность традиционной культуры монголов...» (Тангад, 1992, с. 131).

Анализируя общее в погребальном обряде калмыков и зарубежных ойратов, необходимо заметить, что сохранилась главная историческая черта погребального обряда монголов – его многообразие. Однако, в XX веке в силу изменения условий жизни всё многообразие погребального обряда свелось к захоронению в землю и к кремации. Это обуславливается изменениями в хозяйственном укладе, переходе от традиционной кочевой культуры к оседлой. Другим фактором являлась этническая консолидация – усиление этнического самосознания, национального чувства, характерное для XX века, привело к некоторой стандартизации обрядов. Эта тенденция коснулась как калмыков, так и зарубежных ойратов Монголии.

Важно отметить, что в рассмотрении погребального ритуала калмыков и зарубежных ойратов чётко видно сохранение основных символических смыслов. Несмотря на то, что в деталях и даже в некоторых второстепенных обрядах погребения различаются, сохраняются основные моменты: подготовка тела, его вынос, погребение, обряд очищения, 49 дней траура, важность 7-го дня.

В погребальном обряде ключевым выступает отделение живого от мёртвого, после проведения погребального ритуала траурная

процессия всегда очищается всеми возможными способами. При этом используются стихии, огонь и вода, а также масло и благовония. В этом обряде видится наложение буддистских представлений на добуддистский языческий субстрат. Характерно обращение к стихиям, ритуалы, не имеющие отношения в буддистской религии, ритуалы обращения не только к душе покойника, но и к духам, местным богам.

Эта символическая линия связывает и сейчас калмыков и зарубежных ойратов, проживающих за многие тысячи километров друг от друга.

Выводы

Если делать заключения о различиях проведённых ритуалов, то необходимо отметить разницу в пройденном калмыками и зарубежными ойратами историческом пути. Самой очевидной разницей будет практически полное отсутствие у современных калмыков кремации. Это связано с советским периодом, во время которого проводились репрессии против священнослужителей. Большой удар по калмыцкой самобытности нанесла депортация калмыцкого народа, которую некоторые приравнивают к этноциду. Пройденный исторический путь привёл к тому, что современные калмыки погребают своим умерших в более-менее однообразном ритуале захоронения без существенной вариативности.

Другим большим различием является наличие у современных торгудов большого количества архаичных, тэнгрианских обрядов, обращение к солнцу, к местным богам, к тэнгри. У калмыков также существует Цаган Аав, местное божество – хозяин местности, покровитель всего живого, однако, он не играет существенной роли в проведении погребального обряда.

Из калмыцкого обряда также исчезла ритуальная наполненность, характерная для зарубежных ойратов. Она заключается в многообразии ритуальных практик, в наполненности обрядов, в наличии множества деталей, вроде подготовки тела покойного, проведения обрядов поклонения огню *гал тахилга,* обряда очищения *хурулхи* и др. Можно предположить, что калмыки потеряли эти обряды из-за их добуддистского характера, т.к. в современной калмыцкой культуре достаточно сложно встретить языческие элементы.

Таким образом, основные символические элементы погребального обряда калмыков и зарубежных ойратов совпадают, что говорит о той глубокой этнический связи и веках общей истории, которую разделяют все ойратские народы. Существующие различия не носят принципиального характера, а продиктованы различиями исторического пути, который прошли калмыки и ойраты зарубежья. Интересно, что существует сходство трансформации погребального ритуала – от исторического многообразия способов захоронения к захоронению в землю как основному способу.

ЛИТЕРАТУРА

Армстронг И.А. Семипалатинские древности. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1860. 31 с.

Бакаева Э.П., Гучинова Э.-Б.М. Погребальный обряд у калмыков в XVII–XX в. // СЭ. 1988. № 4. С. 98–110

Ганбат Н. Личный архив. Этнографические описания, сделанные автором в 2011-2013 гг. в сомоне Булган, Ховд аймака, в Хобуксаре Синьзяня.

Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей / [Иоганн Готлиб, Георги]. СПб., 1799. Т. 4. 385 с.

Гучинова Э-Б. Трансформация погребального обряда калмыков // Проблемы современных этнических процессов в Калмыкии / Ред. А.Г. Митиров, Л.С. Бурчинова, А.Н. Команджаев, В.Э. Очир-Гаряев. Элиста: КНИИИФЭ, 1985. С. 90–97.

Гучинова Э-Б.М. Улица "Kalmuk Road": история, культура и идентичности в калмыцкой общине США. СПб.: Алетейя, 2004. 328 с.

Дарбакова В.П. Старое и новое в семейной обрядности калмыков // Теегин герл. 1976. № 2. С. 134–138.

Дарбакова В.П. Национальные традиции калмыков и формирование современных обычаев и обрядов в Калмыцкой АССР // Ламаизм в Калмыкии / Отв. ред. В. Дарбакова. Элиста: КНИИЯЛИ, 1977. С. 92–100.

Дубров Я. П. Быт калмыков Ставропольской губернии до издания закона 15 марта 1892 года: [Сообщение сделал. в общ. собр. О-ва археологии, истории и этнографии при Имп. Казан. ун-те 28 ноября и 20 дек. 1897 и 27 янв. 1898 г.]. Казань: типо-лит. Имп. ун-та, 1898. - [2], 239 с.

Душан У.Д. О верованиях калмыков в существование души (Этнографические материалы) // Атеист. 1929. № 42. 79–86.

Душан У.Д. Историко-этнографические заметки об Эркетеновском улусе Калмыцкой АССР // Этнографические вести. Вып. 3 / Н.Ш. Ташнинов, А.С. Хартунов Элиста: КНИИЯЛИ, 1973. С. 31–107.

Житецкий И.А. Очерки быта астраханских калмыков: Этнографические наблюдения 1884-1886 гг. / Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Труды Этнографического отдела; Т. 13. Вып. 1; Т. 77. Вып. 1. М.: тип. М.Г. Волчанинова, 1893. [6], II, 75 с.

Кануков Х.Б. Будда-ламаизм и его последствия. Астрахань: Красный калмык, 1928. 94 с.

Кастанье И.А. Погребальные обряды у калмыков и ламаитов вообще // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 14. Оренбург, 1905. С. 178–187.

Кольцов П.М., Кольцова К.П. Трансформация погребального обряда калмыков во времени и пространстве // Вестник Калмыцкого университета. 2011. № 11. С. 9–16.

Кольцов П.М., Кольцова К.П. Погребальный обряд калмыков как отражение их мировоззрения // Роль Букеевской Орды в укреплении дружбы, социально-экономических и культурных связей народов (г. Атырау, 12 мая 2011 г.). Атырау: АГУ, 2011. С. 59–65.

Кольцов П.М., Борликов Г.М., Кольцова К.П. Погребальный обряд калмыков в XVII-XX вв. (по данным археологических и письменных источников) // Научная мысль Кавказа. 2017. № 4. С. 115–121.

Костенков К. И. Статистическо-хозяйственное описание калмыцкой степи Астраханской губернии. СПб.: тип. В. Безобразова и К°, 1868. VIII,175 с.

Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора Академии наук адьюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 г., и 1769 г. Ч. I. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1771. 562 с.

Лхагвасурэн Х. Средневековые потребления монголов (XII–XIV вв.). Автореф. Дисс. ... канд. истор. наук. М.: ИА РАН, 1994. 23 с.

Мефодий (Львовский, Николай Васильевич) Калмыки Большедербетовского улуса Ставропольской. Казань: типо-лит. ун-та, 1893. 119 с.

Лыткин Г.С. Материалы для истории ойратов. Астрахань, 1861.82 с.

Мэнэс Г. О семантике теонима «Ульген» // Археологийн Судал (Археологические исследования). 1986. Т. 11. С. 93–102.

Небольсин П.И. Очерки быта калмыков Хошеутовского улуса. СПб.: Типография Карла Крайя, 1852. 192 с.

Ням-Очир Г. «Газар шинжих ёсон», составитель Г. Ням-Очир // Свод знаний обследования и выбора местности. 2017. Улан-Батор.

Ольденбург С.Ф. Культура Индии. М.: Наука, 1991. 279 с.

Павлов Д.А. О внедрении новых обрядов и праздников в Калмыцкой АССР // Этнографические вести. Вып. I. Элиста: КНИИЯЛИ, 1968. С. 23–47.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. Изд. II. СПб.: Императорская Академия Наук, 1773. 786 с.

Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. 2. XVIII век. Астрахань: Издание Калмыцкого областного Исполнительного Комитета, 1927. 226 с.

Позднеев А.М. Астраханские калмыки и их отношения к России до начала нынешнего столетия // Журнал Министерства народного просвещения. 1886. Ч. 244, март, отд.2. С. 140–170.

Радлов В. Сибирские древности. Т. 1. Вып. 3. СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1894. 168 с. С. 53–58.

Рашид-ад-дин. Сборник летописей. В 4 т. Т. 1/ Пер. с перс. Л.А. Хетагурова. Под ред. А.А. Семеновой. Отв. ред. С.П. Толстов. М.: АН СССР, 1952. 995 с.

Санчиров В. Ойраты – предки калмыков // Сокровища культуры Калмыкии. Наследие народов РФ / сост.: А. М. Тарунов. М.: НИИЦентр, 2009. С. 68–74.

Тангад Д. Заметки о похоронных обычаях в западных районах МНР /перевод с мон., яз. Г.Н. Очировой / Традиционная обрядность монгольских народов. Отв. ред. К.М. Герасимова. Новосибирск: Наука, 1992. С. 127–132

Шараева Т.И. Похоронно-погребальная обрядность у калмыков: подготовка покойного к захоронению // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 2. С. 45–50.

Эрдниев У.Э. Калмыки (конец XIX – начало XX вв.): историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 312 с.

Информация об авторах:

Кольцов Петр Михайлович, доктор исторических наук, профессор, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова (г. Элиста, Россия); Petrkoltsov52@mail.ru

Нямдаг Ганбат, доктор PhD, профессор, Казанский федеральный университет (г. Казань, Россия); chts17@mail.ru

Умгаев Семен Александрович, старший преподаватель, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова (г. Элиста, Россия);

Кольцова Кермен Петровна, кандидат исторических наук, научный, сотрудник, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова (г. Элиста, Россия); carmenring@mail.ru

REFERENCES

Armstrong, I. A. 1860. *Semipalatinskie drevnosti (Semipalatinsk antiquities).* Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Bakaeva, E. P., Guchinova, E.-B. M. 1988. In *Sovetskaia etnografiia (Soviet Ethnography)* 4, 98–110 (in Russian).

Ganbat, N. 2011–2013. *Lichnyy arkhiv. Etnograficheskie opisaniya, sdelannye avtorom v 2011-2013 gg. v somone Bulgan, Khovd aymaka, v Khobuksare Sin'zyanya (Personal archive. Ethnographic descriptions made by the author in 2011-2013 in the sums Bulganof the Khovd aimag, in the Khobuxar of Xinjiang).*

Georgi, I. G. 1799. *Opisanie vsekh obitayushchikh v Rossiyskom gosudarstve narodov ikh zhiteyskikh obryadov, obyknoveniy, odezhd, zhilishch, uprazhneniy, zabav, veroispovedaniy i drugikh dostopamyatnostey (Description of all the peoples living in the Russian state, their everyday rituals, customs, garments, dwellings, exercises, amusements, religions and other memorabilia)* 4. Saint Petersburg (in Russian).

Guchinova, E-B. 1985. In Mitirov, A. G., Burchinova, L.S., Komandzhaev, A. N., Ochir-Garyaev, V. E. (eds.). *Problemy sovremennykh etnicheskikh protsessov v Kalmykii (Issues of modern ethnic processes in Kalmykia).* Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economy at the Council of Ministers of Kalmyk ASSR, 90–97 (in Russian).

Guchinova, E-B. M. 2004. *Ulitsa "Kalmuk Road": istoriya, kul'tura i identichnosti v kalmytskoy obshchine SShA (Kalmuk Road: history, culture and identities in the Kalmyk community of the USA).* Saint Petersburg: “Aleteiia” Publ. (in Russian).

Darbakova, V. P. 1976. In *Telegin gerl – Svet v stepi (Teegin Gerl – Light in the Steppe)* 2, 134–138 (in Russian).

Darbakova, V. P. 1977. In Darbakova, V. (ed.). *Lamaizm v Kalmykii (Lamaism in Kalmykia).* Elista: Kalmyk Scientific Research Institute of Language, Literature and History, 92–100 (in Russian).

Dubrov, Ya. P. 1898. *Byt kalmykov Stavropol'skoy gubernii do izdaniya zakona 15 marta 1892 goda (The life of the Kalmyks of Stavropol province before the publication of the law on March 15, 1892).* Kazan: Typo-Lithography of the Kazan Imperial University (in Russian).

Dushan, U. D. 1929. In *Ateist (Atheist)* 42, 79–86 (in Russian).

Dushan, U. D. 1973. In Tashninov, N. Sh., Khartunov, A. S. (eds.). *Etnograficheskie vesti (Ethnographic news)* 3. Elista: Kalmyk Scientific Research Institute of Language, Literature and History, 31–107 (in Russian).

Zhitetskiy, I. A. 1893. *Ocherki byta astrakhanskikh kalmykov: Etnograficheskie nablyudeniya 1884-1886 gg. (Sketches of the life of the Astrakhan Kalmyks: ethnographic observations of 1884–1886).* Series: Izvestiia Obshchestva liubitelei estestvoznaniia, antropologii i etnografii pri Moskovskom universitete (Bulletin of the Society of Devotees of Natural Science, Anthropology and Ethnography at Moscow University) 77. Moscow: “tip. M.G. Volchaninova” Publ. (in Russian).

Kanukov, Kh. B. 1928. *Budda-lamaizm i ego posledstviya (Tibetan Buddhism and its consequences).* Astrakhan (in Russian).

Kastanye, I. A. 1905. In *Trudy Orenburgskoy uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Orenburg Academic Archival Commission)* 14. Orenburg, 178–187 (in Russian).

Koltsov, P. M., Koltsov, K. P. 2011. In *Vestnik Kalmytskogo universiteta (Bulletin of Kalmyk University)* (11), 9–16 (in Russian).

Koltsov, P. M., Koltsova, K. P. 2011. *Rol' Bukeevskoy Ordy v ukreplenii druzhby, sotsial'no-ekonomicheskikh i kul'turnykh svyazey narodov (g. Atyrau, 12 maya 2011 g.).) (The role of the Bukey Horde in strengthening friendship, socio-economic and cultural ties between peoples (Atyrau, May 12, 2011)).* Atyrau: Atyrau State University, 59–65 (in Russian).

Koltsov, P. M., Borlikov, G. M., Koltsova, K. P. 2017. In *Nauchnaya mysl' Kavkaza (Scientific thought of Caucasus)* 4, 115–121 (in Russian).

Kostenkov, K. I. 1868. *Statistichesko-khozyaystvennoe opisanie kalmytskoy stepi Astrakhanskoy gubernii (Statistical and economic description of the Kalmyk steppe in the Astrakhan Governorate)* VIII. Saint Petersburg: "Printing house V. Bezobrazova i K°" Publ. (in Russian).

Lepekhin, I. I. 1771. *Dnevnye zapiski puteshestviya doktora i Akademii nauk ad'yunkta Ivana Lepekhina po raznym provintsiyam Rossiyskogo gosudarstva v 1768 g., i 1769 g. (Daily notes of the journey of the Doctor and Academy of Sciences associate professor Ivan Lepekhin in different provinces of Russian State in 1768 and 1769).* Part 1. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Lkhagvasuren, KH. 1994. *Srednevekovye potrebleniya mongolov (XII–XIV vv.) (Medieval burials of the Mongols (XII–XIV centuries)).* Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Mefodiy (L'vovskiy, Nikolay Vasil'evich) 1893. *Kalmyki Bol'shederbetovskogo ulusa Stavropol'skoy (The Kalmyks of Bolshederbetovsky ulus of Stavropol Governorate).* Kazan: Typography of the Imperial Kazan University (in Russian).

Lytkin, G. S. 1861. *Materialy dlya istorii oyratov (Materials for the history of the Oirats).* Astrakhan (in Russian).

Menes, G. 1986. In *Arkheologiyn Sudal (Archaeological research).* 11, 93–102 (in Russian).

Nebolsin, P. I. 1852. *Ocherki byta kalmykov Khosheutovskogo ulusa (Essays on the life of the Kalmyks of the Khoshut ulus).* Saint Petersburg: "Tipografiya Karla Krayya" Publ. (in Russian).

Nyam-Ochir, G. 2017. In *Svod znaniy obsledovaniya i vybora mestnosti (Collection of knowledge of the survey and selection of the area).* Ulaanbaatar (in Mongolian).

Oldenburg, S. F. 1991. *Kul'tura Indii (Indian culture).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Pavlov, D. A. 1968. In *Etnograficheskie vesti (Ethnographic news)* 1. Elista: Kalmyk Scientific Research Institute of Language, Literature and History, 23–47 (in Russian).

Pallas, P. S. 1773. *Puteshestvie po raznym provintsiiam Rossiiskoi imperii (Traveling across Various Provinces of the Russian Empire).* Part 1. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Pal'mov, N. N. 1927. *Etyudy po istorii privolzhskikh kalmykov. Ch. 2. XVIII vek (Etudes on the history of the Volga Kalmyks. Part 2. XVIII century).* Astrakhan: Kalmyk Regional Executive Committee (in Russian).

Pozdneev, A. M. 1886. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya (Journal of the Ministry of Public Education)* 244 (2, Mart). Saint Petersburg, 140–170 (in Russian).

Radlov, V. 1894. *Sibirskie drevnosti (Siberian antiquities)* Vol. 1 (3). Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

In Semenova, A. A. (ed.). 1952. *Rashid-ad-Din. Sbornik letopisei (Rashid-al-Din. Collection of Chronicles)* 1. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Sanchirov, V. 2009. In Tarunov, A. M. (comp.). *Sokrovishcha kul'tury Kalmykii. Nasledie narodov RF (Cultural treasures of Kalmykia. The heritage of the peoples of the Russian Federation).* Moscow: "NIITsentr" Publ., 68–74 (in Russian).

Tangat, D. 1992. In Gerasimova, K. M. (ed.). *Traditsionnaya obryadnost' mongol'skikh narodov (The traditional rituals of the Mongolic peoples).* Novosibirsk: "Nauka" Publ127–132 (in Russian).

Sharaeva, T. I. 2010. In *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovanii RAN (Bulletin of Kalmyk Institute for Humanities, Russian Academy of Sciences)* 2, 45–50 (in Russian).

Erdniev, U. E. 1970. *Kalmyki (konets XIX – nachalo XX vv.): istoriko-etnograficheskie ocherki (The Kalmyks (late XIX - early XX cc.): historical and ethnographic sketches).* Elista: "Kalm. kn. izd-vo" Publ. (in Russian).

About the Authors:

Koltsov Petr M., Doctor of Historical Sciences, Professor. Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikova. Pushkina str., 11. Elista, 35800, Russian Federation; Petrkoltsov52@mail.ru

Nyamdag Ganbat, PhD, Professor, Kazan Federal University.Kremlevskaya str., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; chts17@mail.ru

Umgaev Semyon A. Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikova. Pushkina str., 11. Elista, 35800, Russian Federation; sam_umg@yahoo.com

Koltsova Kermen P., Candidate of Historical Sciences, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikova. Pushkina str., 11. Elista, 35800, Russian Federation; carmenring@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2024 г.
Статья принята к публикации 01.10.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902: (571.54 + 571.55 + 517.3) https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.5.80.93

ПОЗДНЕБРОНЗОВЫЙ ОБЛИК КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ СТЕПЕЙ ЮЖНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ, ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ МОНГОЛИИ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

© 2024 г. А.Д. Цыбиктаров

В статье представлено объяснение феномена сохранения комплекса материальной культуры, обряда захоронения, погребальных сооружений позднебронзового времени в культуре населения скифского времени восточной части севера Центральной Азии. Сформулированы причины данного феномена: сложение кочевнической культуры плиточных могил Монголии и Забайкалья в середине II тыс. до н.э. в результате адаптации населения селенгинско-даурской культуры раннебронзового времени к природно-климатическим изменениям в регионе – установлению сухого, теплого климата, перехода от придомного пастушеско-земледельческого хозяйства и оседлого образа жизни к номадному скотоводству и кочевому, полукочевому образу жизни. С этого времени комплекс материальной и духовной культуры (инвентарь, религиозные верования и погребальный обряд) носителей культуры плиточных могил были связаны с номадной экономикой и образом жизни. Хозяйственно-культурный тип кочевого, полукочевого скотоводства у населения культуры плиточных могил продолжал сохраняться в период позднего бронзового века, а затем и в раннем железном веке. Поэтому с началом скифской эпохи здесь не произошло смены археологической культуры. В регионе по-прежнему проживали носители этого культурного образования. Их материальная и духовная культура продолжала сохранять во многом позднебронзовый облик.Они вели прежний номадный образ жизни, продолжали пользоваться инвентарем карасукских типов, придерживаться прежних религиозных верований, хоронить своих умерших сородичей по прежним погребальным обрядам. Некоторые изменения в материальной и духовной культуре не носили принципиального характера и касались лишь некоторых деталей в тех или иных сферах жизнедеятельности кочевников монголо-забайкальских степей.

Ключевые слова: археология, Монголия, Южное Забайкалье, бронзовый, ранний железный века, культура плиточных могил, палеогеография, аридизация, адаптация, трансформация, кочевое скотоводство, традиции.

LATE BRONZE APPEARANCE OF THE CULTURE OF THE POPULATION OF SOUTHERN TRANSBAIKALIA, CENTRAL AND EASTERN MONGOLIA STEPPES IN THE SCYTHIAN PERIOD

A.D. Tsybiktarov

The article presents an explanation of the phenomenon of preservation of a complex of material culture, burial rites, and burial structures of the Late Bronze Age in the culture of the population of the Scythian period in the eastern part of northern Central Asia. The reasons for this phenomenon are formulated: the formation of the nomadic culture of slab burials in Mongolia and Transbaikalia in the middle of the II millennium BC as a result of the adaptation of the population of the Selenga-Dauriya culture of the Early Bronze Age to natural climatic changes in the region - the establishment of a dry, warm climate, the transition from home-based pastoral farming and a sedentary lifestyle to nomadic cattle breeding and a nomadic, semi-nomadic lifestyle. From that time on, the complex of material and spiritual culture (burial goods, religious beliefs and burials rites) of the bearers of the slab burials culture were associated with the nomad economy and way of life. The economic and cultural type of nomadic, semi-nomadic cattle breeding among the population of this culture continued to be preserved during the Late Bronze Age, and then in the Early Iron Age. Therefore, with the beginning of the Scythian era, there was no change in archaeological culture here. The region was still inhabited by bearers of this cultural formation. Their material and spiritual culture continued to largely retain its Late Bronze Age appearance. They led the same nomadic lifestyle, continued to use Karasuk-type objects, adhered to the same religious beliefs and buried their dead according to the same burial rites. Some changes in material and spiritual culture were not of a fundamental nature and concerned only some details in certain spheres of life of the nomads of the Mongolian Trans-Baikal steppes.

Keywords: archaeology, Mongolia, Southern Transbaikalia, BronzeAge, Early Iron Age, slab burials culture, palaeogeography, aridization, adaptation, transformation, migratory habits [nomadic) pastoralism, tradition.

Великий пояс степей Евразии протянулся огромной полосой в широтном направлении от Северного Причерноморья на западе до хребтов Большого Хингана на востоке. В бронзовом и раннем железном веках на его территории сложились и развивались многочисленные археологические культуры. В эпоху бронзы они отличались ярким своеобразием, что собственно и стало основанием для их выделения в самостоятельные культурные образования. Но, вместе с тем, эти археологические культуры в пределах обширных областей внутри зоны евразийских степей характеризовались определенной близостью в облике материальной и духовной культуры. Последнее обстоятельство позволило объединять их в крупные общности периодов раннего, развитого и позднего бронзового века. К их числу относились срубно-андроновская, карасукско-киммерийская общности от Причерноморья на западе до степей Среднего Енисея на востоке. В пределах Юго-Восточного Алтая, Тувы и Западной Монголии располагался мир безинвентарных курганов западной части севера Центральной Азии (культура херексуров), а к востоку от них – обширная область распространения своеобразной культуры плиточных могил восточной части севера этого региона Азии (рис. 1, 2).

В раннем железном веке, в скифское время под воздействием трансформации оседлого земледельческо-скотоводческого хозяйства культур позднебронзового времени в кочевое и полукочевое скотоводство произошла смена материальной и духовной культуры, образа жизни, быта, социальных отношений, общественного строя населения позднебронзовых культур на пространствах степей Евразии. Таким образом, эти изменения носили системный характер и завершились формированием культур скифо-сибирского типа. В результате на обширных от Причерноморья на западе до Ордоса на востоке образовалось скифосибирское культурно-историческое единство. Время его существования охватило период с IX до III вв. до н.э.

Как известно, наиболее яркой особенностью культур скифо-сибирского типа являлась так называемая скифская триада – оружие, конская сбруя специфических форм и звериный стиль в искусстве. К числу культур скифского времени еще с середины 1920-х годов стали относить и культуру плиточных могил Монголии и Южного Забайкалья, которую исследователи, начиная от Г.И. Боровка и Г.П. Сосновского до Н.Н. Дикова и В.В. Волкова, датировали с небольшими нюансами в пределах VIII/VII – III в. до н.э. (Боровко, 1927, с. 55; Сосновский, 1941, с. 308; Диков, 1958, с. 37-42, 53; Волков, 1967, с. 43-44). Следует отметить, что Д. Наваан, Ю.С. Гришин и Н.Л. Членова верхнюю дату культуры или отдельных плиточных могил (далее – ПМ) поднимали до II в. н.э. (Гришин, 1981, с. 124-141, синхронистическая табл. на с. 201; Членова, 1992, с. 249) или более позднего времени, чем только I тыс. до н.э. (Наваан, 1975, с. 149).

Однако если более западные по отношению к культуре плиточных могил археологические культуры раннего железного века все без исключения характеризовались ярко выраженной скифской триадой в облике материальной культуры, то культура плиточных могил в этом отношении на их фоне выглядела, образно выражаясь, своего рода «белой вороной». Раскопки десятков, затем сотен плиточных погребений (в настоящее время количество раскопанных могил составляет не менее 700 памятников) так и не выявили в материальной культуре оставившего их населения какого-либо относительно более или менее ощутимого присутствия в вещевом комплексе предметов, характеризующихся особенностями изделий скифского времени и украшенных в манере скифо-сибирского звериного стиля. Такие находки в ПМ буквально единичны. В целом их количество составляет 17 предметов, они обнаружены в 12 могилах (рис. 3).

Этот инвентарь включает предметы украшения, быта, туалета, культа, орудия труда и оружие: 2 планковидные бляшки с окончаниями в виде головок козлов и лучеобразных фигур, пряжку с рамковидным выступом, медалевидное зеркало (Оловянная, ПМ 3), обоймочки (Усть-Куэнга, ПМ б/н), желобчатую застежку (Ацай II, ПМ 4), бляшку с изображением сцены борьбы двух козлов и какого-то животного, возможно змеи (Ононск, ПМ б/н), планковидную бляшку с окончаниями в виде фигурки свернувшейся в коль-

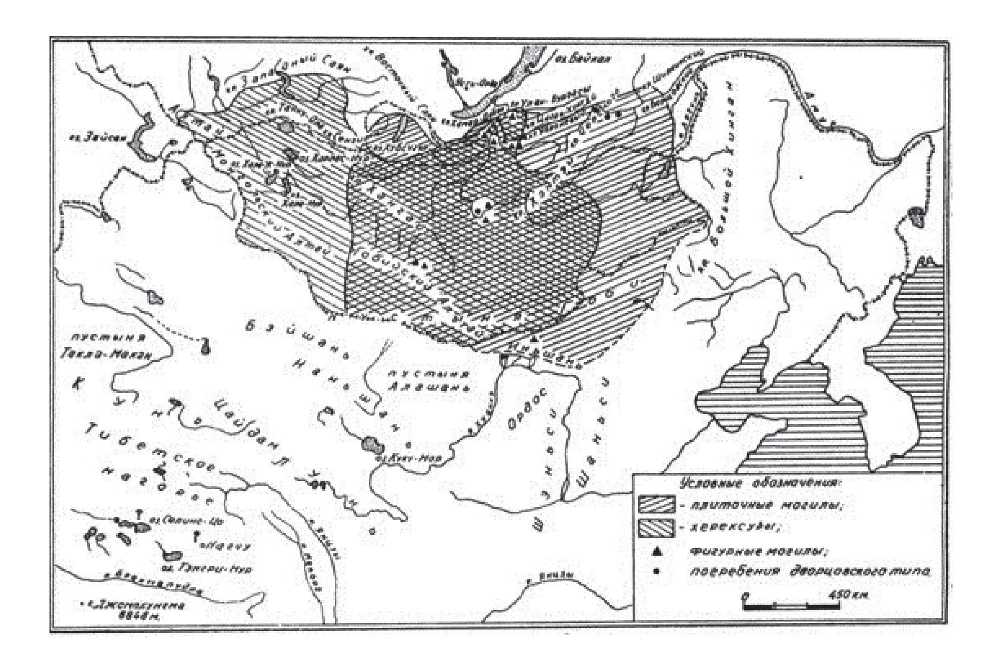

Рис. 1 Карта Центральной Азии с обозначением областей распространения культуры плиточных могил, культуры херексуров, фигурных могил и погребений дворцовского типа.
Fig. 1 Map of Central Asia with the designation of the areas of distribution of the slab burial culture, hereksurs culture, figured burials and burials of the palace-type.

Рис. 2 Плиточная могила. Могильник Тахилгат. Монголия. Центральный аймак. Баян Дэлгэр сомон. МестностьТахилгат.
Fig. 2 The slab burial. Tahilgat burial ground. Mongolia. Central province. Bayandelger sum. TheTahilgat site.

цо пантеры (Хужир II, ПМ 1),обоймочки и нож с навершием в виде рифленного валика (Тапхар, ПМ 61), поддон бронзового котла (Тапхар, ПМ 63), кинжал красноярского типа с навершием в виде фигурки понурого зверя (Саянтуй, ПМ 10), 8 бронзовых крупных трехгранных, трехлопастных наконечников стрел с длинными черешками (Боргой Сельгир, ПМ б/н – 4 наконечника; Бильчир, ПМ 4; Кибалино, ПМ 18; Ацай II, ПМ 7) и 1 крупный бронзовый двухлопастной наконечник стрелы с длинным черешком и прожилкой по центру пера (Боргой Сельгир, ПМ б/н).

Можно назвать еще 3 находки скифо-сибирского типа: 2 бабочковидные бляшки (Ацай II, ПМ 6) и медалевидное зеркало (Саянтуй, ПМ 9). Но они происходят из впускных захоронений V-III вв. до н.э., совершенных в оградках 2 ПМ. Под ними располагались основные захоронения. Впускные захоронения, как и ряд других таких же, имели общие черты: костяки лежали либо в скорченном положении на правом или левом боку, либо на спине с подогнутыми в коленях ногами, т.е. отличались от костяков в ПМ – на спине вытянуто. По инвентарю и радиоуглероду основные погребения в ПМ с впускными захоронениями датируются концом II – началом I тыс. до н.э. (роговой трехдырчатый псалий с отверстиями в разных плоскостях (Сотниково, ПМ 15)) или же раннескифским временем – VIII-VI вв. до н.э. (бронзовый крупный трехлопастной наконечник стрелы с длинным черешком (Ацай II, ПМ 7)), желобчатая костяная застежка (Ацай

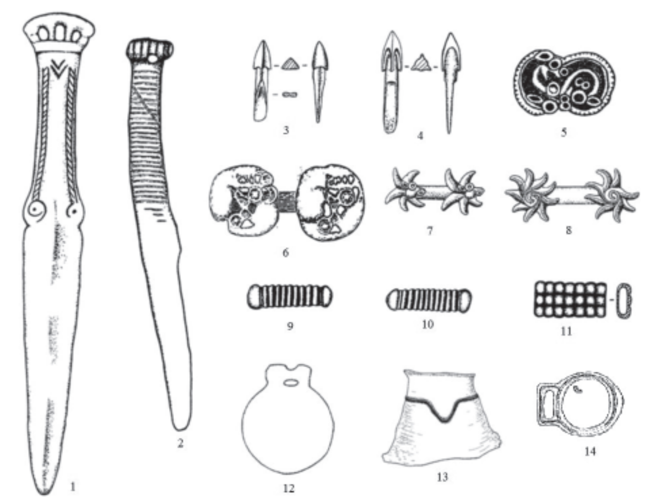

Рис. 3 Инвентарь скифо-сибирского типа из плиточных могил. Масштаб разный. 1 – Саянтуй, ПМ 1; 2 – Тапхар, ПМ 61; 3 –Боргой Сельгир, ПМ б/н; 4 – Кибалино, ПМ 18; 5 – Ононск, ПМ б/н; 6 – Хужир II, ПМ 1; 7, 8, 12 – Оловянная, ПМ 3; 9, 10 – Оловянная, ПМ 2; 11 – Усть-Куэнга, ПМ б/н; 13 – Тапхар, ПМ 63; 14 – Оловянная, ПМ 3.
Fig. 3 Burial goods of the Scythian-Siberian-type from slab burials. The scale is different. 1 – Sayantui, SB 1; 2 – Taphar, SP 61; 3 – Borgoi Selgir, SB without number; 4 – Kibalino, SP 18; 5 – Ononsk, SB without number; 6 – Khuzhir II, SB 1; 7, 8, 12 – Oloviannaia, SB 3; 9, 10 – Oloviannaia, SB 2; 11 – Ust-Kuenga, SB without number; 13 – Taphar, SB 63; 14 – Oloviannaia, SB 3.

II, ПМ 4). Радиоуглеродная дата основного захоронения в ПМ 4 в Ацае II – 700 г. до н.э. (ГИН - 4415).

Повторимся, что перечисленные выше 17 предметов скифо-сибирского типа происходят из 12 захоронений при учтенных автором 542 могилах и раскопанных в целом около 700 могил. Таким образом складывается парадоксальная ситуация – в материальной культуре населения скифского времени практически отсутствуют изделия, изготовленные типологически и украшенные стилистически в традициях этой эпохи.

Такую же ситуацию фиксирует и анализ частоты встречаемости различных категорий инвентаря и других находок в ПМ (табл 1).

В скифское время население евразийских степей от Причерноморья на западе до Ордоса на востоке вступило на новый этап социально-экономического развития. Общественная жизнь характеризовалась сложением строя военной демократии, выделением воинско-

Таблица 1. Сведения о частоте встречаемости различных категорий инвентаря, продуктов горения, охры в плиточных могилах
Table 1. Information on the frequency of occurrence of various categories of burial goods, combustion products, ochre in slab burials

№	Категории инвентаря	Кол-вл ПМ	%
1	Украшения, принадлежности одежды и туалета	129	23,8%
2	Керамика	113	20,8%
3	Орудия труда	39	7,2%
4	Предметы престижности	25	4,6%
5	Предметы вооружения	21	3,8%
6	Принадлежности конской сбруи	4	0,7%
7	Изделия из камня	26	4,8%
8	Продукиы горения	59	10,8%
9	Охра	13	2,4%

Таблица. 2. Статистические данные о снабженности инвентарем погребений культуры плиточных могил и культур андроновского, карасукского времени
Table 2. Statistical data on the goods of the burials of the slab burials culture and cultures of the Andronovo, Karasuk period

№	Категории инвентаря	КПМ	Малые Копены	Тасты-Бутак I	ЕК –II андрон.
1	Украшения, принадлежности одежды и туалета	20,8%	24,2%	33,6%	65,8%
2	Керамика	23,8%	53,0%	82,1%	60,7%
3	Орудия труда	7,2%	11,9%	1,0%	26,5%
4	Предметы престижности	3,8%	0,4%	3,0%	-
5	Предметы вооружения	4,6%	-	-	4,3%

6	Принадлежности конской сбруи	0,7%	-	-	-
7	Продукиы горения	10,8%	1,8%	6,0%	7,0%
8	Охра, камни и глина красного цвета	2,4%	0,1%	-	3,4%
9	Изделия из камня	4,8%	2,2%	-	4,3%

го сословия, резко возросшей ролью войны и военного дела и, в целом, милитаризацией общества. По сведениям А.М. Кулемзина в тагарских могилах Минусинской котловины на баиновском этапе 20% от всех погребенных мужчин сопровождались оружием, а к концу существования тагарской культуры на сарагашенском этапе уже 85-90% (Кулемзин, 1973, с. 24-25; 1980, с. 166). При характеристике вооружения скифов Е.В. Черненко отмечал: «практически нет такого мужского погребения, в составе инвентаря которого не было бы наконечников стрел» (Археология Украинской ССР, 1986, с. 134). К.Ф. Смирнов, А.Д. Грач, Е.В. Черненко, А.М. Кулемзин и др. отмечали, что в скифское время предметы вооружения фиксируются не только в мужских погребениях, но и в женских, подростковых и детских захоронениях (Смирнов, 1964, с. 102, 201, 202, 212; Грач, 1980, с. 56; Кулемзин, 1980, с. 56; Археология Украинской ССР, с. 134). Таким образом, важнейшей особенностью погребального обряда населения евразийских степей скифского времени стало появление представлений о необходимости снабжения погребавшихся людей оружием. Другая важная особенность выразилась в появлении в могилах принадлежностей конской сбруи – псалий, удил, украшений конской узды в составе сопровождающего инвентаря, а иногда и захоронений взнузданных коней или их голов с уздечными наборами. Все эти новации являлись культурно определяющими в облике населения культур скифо-сибирского типа евразийских степей и проявлялись повсеместно с элементами своеобразия в каждом регионе.

Указанные выше эпохальные особенности в составе сопровождающего инвентаря погребений скифского времени практически не нашли своего отражения в погребальном обряде населения культуры ПМ восточной части Великого пояса степей Евразии. Предметы вооружения были найдены лишь в 4,6% погребений из более чем 540 учтенных раскопанных ПМ, принадлежности конской сбруи – лишь в 4 из них, что составляет всего 2,4% (табл. 1). Иными словами, по данному аспекту теперь уже погребального обряда ситуация прослеживается точно такая же, что и по присутствию в ПМ такой новации скифо-сибирской эпохи, как широкое наличие в предметном комплексе культур этого времени изделий, изготовленных и украшенных в манере скифо-сибирского звериного стиля.

Прямо противоположные результаты дает анализ частоты встречаемости различных категорий инвентаря и других находок в ПМ и в погребениях культур развитого и позднего бронзового века восточной части Евразийских степей в пределах Казахстана, Южной и Западной Сибири, как наиболее территориально близких к Монголии и Южному Забайкалью. Поскольку сводных статистических сведений в этом отношении по культурам этих эпох мы не нашли, то для сравнения произвели такие подсчеты по материалам крупных раскопанных могильников этих периодов бронзового века, позволявших получить массовые сведения. По андроновскому времени это алакульский могильник Тасты-Бутак Iв Западном Казахстане, в нем было раскопано 101 погребение (Сорокин, 1962), по карасукскому времени – могильник Малые Копены III в Минусинской котловине, 277 захоронений (Зяблин, 1977) и предкарасукскому времени – Еловский могильник II андроновский в лесостепном Приобье, 117 могил (Матющенко, 1973 а). Большое количество изученных погребений в каждом из них позволяет надеяться на объективность их сведений по «своим периодам», т.е. они были в принципе типичны для «своего времени». Полученные статистические подсчеты приведены в таблице 2.

Сравнительный анализ наличия разных категорий инвентаря из ПМ, с одной стороны, и Малых Копен, Тасты-Бутака, с другой стороны, показал значительную степень близости между ними по частоте присутствия в погребениях украшений, принадлежностей одежды и туалета, орудий труда, предметов престижности. Обращает внимание присутствие в ПМ предметов вооружения (4,6%) и принадлежностей конской сбруи (0,7%) при их отсутствии в Малых Копенах и Тасты-Бутаке. Но это впол-

не объяснимо. 4,6% предметов водружения дали ПМ ацайского этапа VIII-VI вв. до н.э., т.е. раннескифского времени. В более ранних могилах чулутского этапа XIII-VIII вв. до н.э. они отсутствуют. С учетом этого обстоятельства и в этой стороне погребального обряда наблюдается полное совпадение. Вместе с тем многие категории инвентаря из ПМ по своему внешнему виду аналогичны такому же предметному комплексу памятников, особенно карасукского времени, Южной, Западной Сибири и Казахстана: литые бронзовые бляшки-пуговицы, височные кольца в несколько оборотов, ложечковидные подвески, зеркала, ножи с зооморфными навершиями, сердоликовые, пастовые бусы и т.д. (рис. 4).

Возвращаясь к данным таблицы 2, отметим, что в Еловском могильнике II раннем показатели по всем категориям инвентаря по сравнению с остальными резко возрастают и выглядят намного представительнее. Это обстоятельство также будет понятно с учетом того, что алакульские, карасукские и плиточные могилы на древней дневной поверхности были хорошо заметны вследствие их курганного характера и в значительной мере подверглись ограблению/осквернению, что отразилось на сохранности погребального инвентаря. Еловский же могильник является грунтовым. По причине отсутствия внешних признаков над захоронениями лишь немногие его погребения в древности подверглись ограблению. Но, вместе с тем, тенденция в снабженности захоронений разными категориями инвентаря в нем совпадает с той, что наблюдается в карасукских, алакульских и плиточных могилах.

При сравнении ПМ с южно-, западносибирскими и казахстанскими погребениями обращает внимание наличие в них изделий из камня, охры, камней и глины красного цвета, которые отсутствуют в захоронениях Тасты-Бутака, гораздо реже отмечены в Малых Копенах и примерно в одинаковом объеме имеются в Еловском могильнике. Но об этих чертах погребального обряда в ПМ будет сказано позже.

Итак, подводя итоги сравнительному анализу по присутствию предметов скифской триады, некоторым особенностям погребального обряда и снабженности разными категориями инвентаря культуры плиточных могил с аналогичными характеристиками культур развитого-позднего бронзового века и скифского времени евразийских степей можно сделать вывод о том, что она больше сопоставима с первыми, чем с культурами скифо-сибирского типа. С последними наблюдается некоторое сходство только у ПМ ацайского этапа раннескифского времени. Но и у них скифская триада выражена крайне слабо, что нашло отражение в незначительном присутствии в могилах этого времени инвентаря скифо-сибирского типа. По большинству же других параметров: внешнему виду, конструкции надмогильных сооружений, погребальному обряду ПМ ацайского этапа в незначительной мере отличаются от погребений более раннего чулутского этапа времени позднего бронзового века XIII–VIII вв. до н.э. Из приведенных заключений можно сделать вывод о том, что в Южном Забайкалье, Центральной и Восточной Монголии, т.е. на территории распространения культуры плиточных могил, при переходе от эпохи бронзы к скифскому времени не произошло, в отличие от более западных областей Евразийских степей, резкой трансформации облика материальной культуры, погребального обряда и, следует полагать, других сторон жизни и быта древнего населения этой части степной полосы Евразии. Данное наблюдение выглядит своего рода феноменом на фоне культур позднего бронзового и раннего железного веков Великого пояса степей Евразии и, конечно, требует своего объяснения.

На присутствие в ПМ, датировавшихся тогда скифским временем, бронзового инвентаря карасукских типов стали обращать внимание еще с конца 1950-х гг. Для Н.Н. Дикова оно стало основанием для формулировки предположения о том, что самые ранние ПМ тапхарского этапа VII–VI до н.э., по его периодизации, могли появиться в самом конце карасукского времени, VIII в. до н.э. (Диков, 1958, с. 38-40). В.В. Волков и Э.А. Новгородова уже предполагали, что в Монголии имело место длительное переживание карасукских традиций вплоть до V–III вв. до н.э. (Волков, 1981, с. 103–104; 1990, с. 24; Новгородова, 1989, с. 273–274). Более обстоятельно вопрос о переживании бронз карасукских типов в Монголии, Горном Алтае, Забайкалье и Ордосе рассмотрела Н.Л. Членова. Она собрала данные о находках различных категорий инвентаря карасукских типов (оружия,

Рис. 4 Инвентарь позднебронзового типа из плиточных могил чулутского и ацайского этапов. Масштаб разный. 1 – Нерчинский караул, ПМ б/н; 2 – Тэвш уул, фигур. могила 2; 3 – Чулуты, ПМ 2; 4 – Дюрбены, ПМ 2; 5, 16, 21, 22, 26 – Чулуты, ПМ 6; 6 – Тапхар, ПМ 69; 7 – Шаманский камень, ПМ 1; 8 – Барун Кондуй, ПМ 2; 9 – Оловянная, ПМ 2; 10 – Тапхар, ПМ 68; 11 – Убур-Билютай, ПМ 90; 12, 23 – Оловянная, ПМ 3; 13 – Фирсова падь, ПМ 3; 14 – Чулуты, ПМ 8; 15 – Тологой, ПМ 19; 17 – Тапхар, ПМ 5; 18 – Ара-Суджи, ПМ 1; 19 – по: Кириллов И.И., Кириллов О.И., 1985, рис. 2 – *17*, памятник, № могилы дворцовского типа не указан; 20 –Тапхар, ПМ 74; 24 – по: Кириллов И.И., Кириллов О.И., 1985, рис. 4 – *23*, памятник, № ПМ не указаны; 25 – по: Кириллов И.И., Кириллов О.И., 1985, рис. 2 – *33*, памятник, № могилы дворцовского типа не указаны; 27 – Оловянная, ПМ 3; 28 – Буренинский караул, ПМ б/н.

Fig. 4 Burials goods of the Late Bronze Age type from the slab burials of the Chulutsky and Atsaysky stage. The scale is different. 1 – Nerchinsky karaul, Sb without number; 2- Tavsh yyl, figurd burial 2; 3 – Chuluty, SP 2; 4 – Durben, SB 2; 5, 16, 21, 22, 26 – Chuluty, SB 6; 6 – Taphar, SB 69; 7 – Shamansky kamen, SB 1; 8 – Barun Kondui, SB 2; 9 – Oloviannaia, SB 2; 10 – Taphar, SB 68; 11 – Ubur-Bilutai, SB 90; 12, 23 – Oloviannaia, SB 3; 13 – Firsova pad, SB 3; 14 – Chuluty, SB 8; 15 – Tologoi, SB 19; 17 – Taphar, SB 5; 18 – Ara-Sudjii, SB 1; 19 – according to Kirillov I.I., Kirillov O.I., 1985, fig. 2 – *17*, monument, № of the grave of the palace type unindicated; 20 – Taphar, SB 74; 24 – according to Kirillov I.I., Kirillov O.I., 1985, fig. 4 – *23*, monument, №SBis not indicate; 25 – according to Kirillov I.I., Kirillov O.I., 1985, fig. No. 2 – *33*, monument, № burials of palace-type is not indicate; 27 – Oloviannaia, SB 3; 28 – Bureninsky karaul, SB without number.

украшений, предметов туалета и быта) в погребальных комплексах указанных областей азиатских степей, которые датировала в пределах скифского времени (Членова, 1993, с. 31–65), и сделала вывод о двух крупных областях, где, по ее мнению, вещи карасукских типов доживают до V–III вв. до н.э. Западная область охватывала Юго-Восточный Алтай и прилегающую к оз. Убсу-нур часть Западной Монголии. На этой территории вещи карасукских и карасук-тагарских типов встречались, по ее наблюдениям, в памятниках скифского времени достаточно редко. Восточная область включала Забайкалье, Ордос, Внутреннюю Монголию и прилегающие районы Китая. Она отметила, что здесь вещи карасукских типов в памятниках скифской эпохи фиксируются систематически вплоть до III в. до н.э. (Членова, 1993, с. 65). Н.Л. Членова в постановочном плане поставила вопрос о том, что средой, где бронзы карасукских типов продолжали сохраняться, не вытесняясь вещевым комплексом других культур (*вероятно, исследователь имела ввиду скифо-сибирского типа, но не высказалась об этом прямо – А.Ц.)*, являлась культура плиточных могил Забайкалья и Монголии. Она сделала предположение о том, что следствием влияния носителей этой культуры на население сопредельных территорий и стало появление в погребальных комплексах

V–II вв. до н.э. Юго-Восточного Алтая, Западной Монголии, Внутренней Монголии, Ордоса и прилегающих районах бронз карасукских типов (Членова, 1993, с. 65).

Подводя итоги вышеприведенным наработкам следует отметить, что В.В. Волков и Э.А. Новгородова констатировали сам факт присутствия бронз карасукских типов в ПМ и сделали на основании этого вывод только об их переживании на территории Монголии до конца скифской эпохи, а Н.Н. Диков использовал этот факт для удревнения времени появлении ПМ до предскифского времени, конца карасукского времени. Н.Л. Членова не ограничилась констатацией факта и предприняла попытку выяснения причин этого своеобразного явления в памятниках скифского времени восточной части Великого пояса степей Евразии. Однако она сама отметила постановочный характер своей разработки и в заключение статьи отметила, что поднятый ею вопрос прояснится лишь после исследования достаточного количества непотревоженных ПМ в Восточной Монголии (Членова, 1993, с. 65).

Безусловно, предпринятая Н.Л. Членовой разработка выяснения причин длительного переживания бронз карасукских типов в памятниках скифского времени Центральной Азии представляет определенный научный интерес. Со своей стороны отметим, что она исходила из датировки культуры плиточных могил в пределах скифского и хуннского времени, с VIII–VII вв. до н.э. до II в. н.э. (Членова, 1992, с. 249). Вероятно частое присутствие в ПМ этого, по ее мнению, времени их существования бронзового инвентаря карасукских типов при редкости находок скифо-сибирского типа и послужило для нее исходным импульсом для обоснования своего предположения. Однако в конце 1980-х и в 1990-х годах материалы новых раскопок ПМ на территории Забайкалья и Монголии, появившиеся радиоуглеродные даты по этим памятникам, культурно-хронологическая нивелировка особенностей погребального обряда, инвентаря, конструкции ПМ с аналогичными характеристиками археологических культур азиатской части евразийских степей бронзового и раннего железного веков позволили обоснованно удревнить датировку культуры ПМ до карасукского времени, XIII–VIII вв. до н.э. (Цыбиктаров, 1989, с. 11–13; 1998, с. 90–106; Эрдэнэбаатар, 1997, с. 19, 22; 2002, с. 138, 145). Затем создание новой хроностратиграфии бронзового – раннего железного веков Монголии и Южного Забайкалья и использование сведений по палеогеографии голоценового времени этих областей Центральной Азии выявили причины формирования культуры плиточных могил в результате перехода населения степей указанных выше территорий от оседлого земледельческо-скотоводческого хозяйства к кочевому и полукочевому скотоводству и углубить время ее сложения до середины II тыс. до н.э. (Цыбиктаров, 2003, с. 25-26, 33-34). Указанные выше факторы, как оказалось, имеют прямое отношение на феномен так называемого «переживания бронз карасукских типов», и не только, в культуре населения степей Южного Забайкалья, Центральной и Восточной Монголии в скифское время.

По созданной автором концепции бронзового – раннего железного веков Монголии и Южного Забайкалья в эпоху энеолита и ранней бронзы в степной и лесостепной зонах Южного Забайкалья, Центральной и Восточной Монголии в конце III– середине II тыс. до н.э. существовала селенгинско-даурская культура оседлых земледельцев и скотоводов, в палеоэкономике которых определенное значение сохраняли присваивающие отрасли хозяйства (см. Цыбиктаров, 2006, с. 74–101, 149–158). Природная среда их обитания по данным палеогеографии характеризовалась сначала достаточно теплым и влажным климатом, а во второй четверти II тыс. до н.э. началась фаза теплого, но уже сухого климата протяженностью около 300 лет, т.е. до середины II тыс. до н.э. В растительном мире происходило сокращение лесопокрытости в горных районах и ксерофитизация степной экосистемы (Виппер, Дорофеюк, Метельцева, Соколовская, 1989, с. 165; Динесман, Киселева, Князев, 1989, с. 197-200, рис. 1.7; Дорофеюк, 2008, с. 34, 37 – табл. 2). По археологической периодизации бронзового – раннего железного веков Монголии и Южного Забайкалья эта фаза синхронна концу раннего бронзового века.

Установление во второй четверти II тыс. до н.э., т.е. в XVIII-XVI вв. до н.э., сухого и теплого климата ухудшило населению селенгинского-даурской культуры условия для занятия земледелием и присваивающим хозяйством. Посевы не получали в достаточном количестве влаги. В степях и лесостепях уменьшал-

ся травостой, это приводило к сокращению кормовой базы для их фауны и вело к понижению поголовья диких животных, являвшихся объектами охоты. Обмеление рек и озер вело к уменьшению рыбных ресурсов – объектов рыболовства. Такие же негативные явления наблюдались и в собирательстве. Увеличение же площади степей и лесостепей наоборот сопровождалось расширением пастбищных угодий для домашних животных, с которыми, по причине их выпаса людьми, не могли конкурировать дикие животные. Указанные процессы вели к перестройке хозяйственной структуры населения селенгинско-даурской культуры. Постепенно, по мере уменьшения значения земледелия, охоты, рыболовства и собирательства, основой их экономики, по мере становления сухого теплого климата на

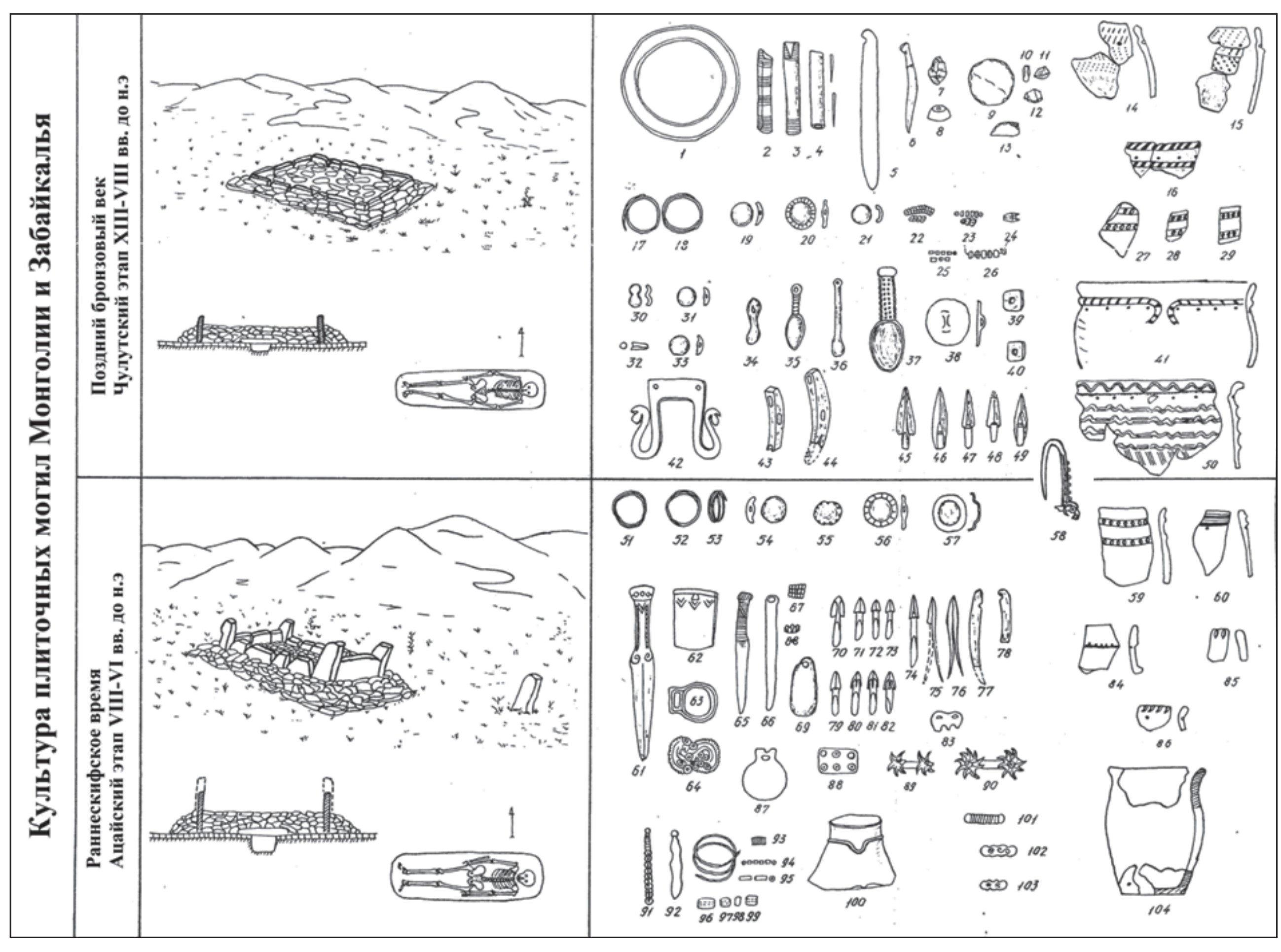

Рис. 5 Хронологическая таблица чулутского (XIII–VIII вв. до н.э.) и ацайского (VIII–VI вв. до н.э.) этапов культуры плиточных могил. ***Чулутский этап.*** 1, 9 – Буренинский караул, ПМ б/н; 2 – Тапхар, ПМ 73; 3 – Тапхар, ПМ 74; 4, 23 – Тологой, ПМ 19; 5 – Ацагат, ПМ б/н; 6 -– Тапхар, ПМ 60; 7, 38 – Шаманский камень, ПМ 1; 8 – Пестерево, ПМ 3; 10 – Пестерево, ПМ 4; 11-км. отметка 6459,5 км., ПМ 7; 12 – Долоод, ПМ 6; 13 – Хоринск, пункт 7, ПМ 3: 14 – Черный камень, ПМ 6; 15 – Чулуты, ПМ 7; 16, 44 – Сотниково, ПМ 15; 17, 18, 35 – Александровский могильник, могила 7 дворцовского типа; 19, 25. 26, 36 - Чулуты, ПМ 6; 20, 42 - Тапхар, ПМ 68; 21, 34 – Тапхар, ПМ 59; 22 – Будалан, ПМ 6; 24, 40 – Чулуты, ПМ 8; 27, 31, 45 – Чулуты, ПМ 5; 28 – Саянтуй, ПМ 13; 29 – Хоринск, пункт 7, ПМ 1; 30 – Ара-Суджи, ПМ 1; 32 – Фирсова падь, ПМ 3; 33 – Еныскей, ПМ 103; 37 - по: Кириллов И.И., Кириллов О.И., 1985, рис. 4 –*23,* памятник, № ПМ не указаны; 39, 49 – Сотниково, ПМ 12; 41 - Верхнекилгантуйский улус, ПМ 43; 43, 50 – Тапхар, ПМ 69; 46, 47 – Убур-Билютай, ПМ 101; 48 – Пестерево, ПМ 2. ***Ацайский этап.*** 51, 69, 83, 92, 95, 101, 102, 103 – Оловянная, ПМ 2; 52, 53, 63, 87, 89, 90, 91 – Оловянная, ПМ 3; 54, 77 – Будун, ПМ 17; 55, 56 – Убур-Билютай, ПМ 99; 57, 71, 84, 85 – Бильчир, ПМ 4; 58 – Тэвш-уул, фигурная могила 2; 59 – Дюрбены, ПМ 2; 60, 68 – Ацай II, ПМ 4; 61, 62 – Саянтуй, ПМ 10; 64 – Ононск, ПМ б/н; 65 – Тапхар, ПМ 61; 66,67 – Усть-Куэнга, ПМ б/н; 70, 72, 73, 79, 82 – Боргой Сельгир, ПМ б/н; 74, 81, 96 – Ацай II, ПМ 7; 75, 76 – Худжиртэ, ПМ 1; 78 – Мандал говь, ПМ 5; 86 – Кибалино, ПМ 16; 88 – Ацай II, ПМ 2; 100 – Тапхар, ПМ 63; 104 – Тапхар, ПМ 66.

Fig. 5 Chronological table of Chulutsky (XIII–VIII centuries BC) and Atsaysky (VIII–VI centuries BC) stages of the slab burials culture. ***Chulutsky stage***. 1, 9 – Bureninsky karaul, SB without number; 2 – Taphar, SB 73; 3 – Taphar, SB 74; 4, 23 – Tologoi, SB 19; 5 – Atsagat, SB without number; 6 – Taphar, SB 60; 7, 38 – Shamansky kamen, SB 1; 8 – Pesterevo, SB 3; 10–Pesterevo, SB 4; 11th km. point 6459.5 km, SB 7; 12 – Dolood, SB 6; 13 – Khorinsk, point 7, SB 3; 14 – Chyorny kamen, SB 6; 15 – Chuluty, SB 7; 16, 44 – Sotnikovo, SB 15; 17, 18, 35 –Alexandrovsky burial ground, burial 7 of the palace-type; 19, 25. 26, 36 – Chuluty, SB 6; 20, 42 – Taphar, SB 68; 21, 34 – Taphar, SB 59; 22 – Budalan, SB 6; 24, 40 - Chuluty, SB 8; 27, 31, 45 – Chuluty, SB 5; 28 - Sayantui, SB 13; 29 – Khorinsk, point 7, SB 1; 30 – Ara-Sudjii, SB 1; 32 – Firsova pad, SB 3; 33 – Enyskey, SB 103; 37 – according to Kirillov I.I., Kirillov O.I., 1985, fig. 4-*23*, monument, № SB unindicated; 39, 49 – Sotnikovo, SB 12; 41 – Verkhnekilgantuysky ulus, SB 43; 43, 50 – Taphar, SB 69; 46, 47-Ubur-Bilutai, SB 101; 48 – Pesterevo, SB 2. ***Atsaysky stage.*** 51, 69, 83, 92, 95, 101, 102, 103 – Oloviannaia, SB 2; 52, 53, 63, 87, 89, 90, 91 – Oloviannaia, SB 3; 54, 77 – Budun, SB 17; 55, 56 – Ubur-Bilutai, SB 99; 57, 71, 84, 85 – Bilchir, SB 4; 58 – Tevsh-uul, figured burial 2; 59 – Durbeny, SB 2; 60, 68 – Atsai II, SB 4; 61, 62 – Sayantui, SB 10; 64 – Ononsk, SB without number; 65 – Taphar, SB 61; 66, 67 – Ust-Kuenga, SB without number; 70, 72, 73, 79, 82 – Borgoi Selgir, SB without number; 74, 81, 96 – Atsai II, SB 7; 75, 76 – Khudjirte, SB 1; 78 – Mandal gov, SB 5; 86 – Kibalino, SB 16; 88 – Atsai II, SB 2; 100 – Taphar, SB 63; 104 – Taphar, SB 66.

протяжении XVIII–XVI вв. до н.э., становилось скотоводство. С установлением сухого и теплого климата к середине II тыс. до н.э. оно приняло кочевой и полукочевой характер, поскольку вследствие уменьшения снежного покрова в зимнее время домашние животные и в это время года могли добывать корм способом тебеневки.

По мере истощения кормовых ресурсов в той или иной местности люди со стадами домашних животных стали переходить на новые пастбища и осуществили переход от оседлого образа жизни к подвижному, а в сфере производящей экономики от оседлого пастушеско-земледельческого хозяйства к кочевому и полукочевому скотоводству. В ходе адаптации к новому образу жизни параллельно происходила и трансформация материальной и духовной культуры. К середине II тыс. до н.э., т.е. к концу теплой, но сухой климатической фазы, завершилось развитие селенгинско-даурской культуры, её сменила кочевническая культура плиточных могил (Цыбиктаров, 2003, с. 14–15, 33–34; 2007; 2018).

Таким образом происхождение культуры ПМ связано с переходом древнего населения степей и лесостепей Монголии и Южного Забайкалья к новому хозяйственному укладу - кочевому и полукочевому скотоводству в середине II тыс. до н.э. Ее носители уже занимались, как показывают материалы раннего керуленско-тологойского этапа среднебронзового (XV–XIII вв. до н.э.)[1] и чулутского этапа позднебронзового (XIII–VIII вв. до н.э.) времени, кочевым и полукочевым скотоводством на протяжении с середины II тыс. до н.э. до начала I тыс. до н.э. Эта форма ведения скотоводческого хозяйства не сменилась у них и на позднем ацайском этапе VIII–VI вв. до н.э. с вступлением в скифскую эпоху по периодизации бронзового и раннего железного веков степной зоны Евразии.

Однако материальная и духовная культура населения культуры плиточных могил, включая инвентарь, религиозные верования и погребальный обряд, еще с середины II тыс. до н.э. напрямую определялись спецификой номадного скотоводства и соответствовавшим такой экономике подвижным образом жизни. С началом скифской эпохи в степях Евразии носители данного культурного образования по-прежнему продолжали заниматься кочевым и полукочевым скотоводством, вести привычный номадный образ жизни. По этой причине они продолжали сохранять свою прежнюю материальную и духовную культуру, оптимально соответствовавших экономике и образу жизни. В результате у них сохранялся инвентарь карасукских типов позднебронзового времени, они продолжали соблюдать прежние религиозные верования, в частности прежний погребальный обряд, совершая захоронения в ПМ. Таким образом, в регионе Центральной, Восточной Монголии и Южного Забайкалья с началом скифской эпохи, в отличие от других областей евразийских степей, не произошло и смены археологической культуры. Здесь по-прежнему продолжали жить потомки населения культуры плиточных могил времени развитого и позднего бронзового века. Их материальная и духовная культура по-прежнему имела во многом позднебронзовый облик. В них, конечно, произошли некоторые изменения. Но они не носили принципиального характера и касались лишь некоторых деталей в

тех или иных сферах жизнедеятельности кочевников монголо-забайкальских степей. Они проявились в сооружении более высоких оград, появлении в ПМ редких находок инвентаря скифо-сибирского типа, предметов вооружения, более частых случаях установления сторожевых камней у оград ПМ и некоторых других особенностях (рис. 5, см. более подробно Цыбиктаров, 1998, с. 121–122).

Примечание:

[1] В обряде захоронения керуленско-тологойского этапа культуры плиточных могил сохранялись некоторые пережиточные черты погребальной обрядности селенгинско-даурской культуры в виде редкой фиксации охры, изделий из камня в могилах. Они нашли отражение в сводных таблицах 1 и 2.

ЛИТЕРАТУРА

Археология Украинской ССР. Т. II. Скифо-сарматская и античная археология / Гл. ред. И. И. Артеменко. Киев: Наукова думка, 1985. 589 с.

Боровка Г.И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. Вып. II. Л.: АН СССР, 1927. С. 43–88.

Виппер П.Б., Дорофеюк Н.И., Метельцева Е.П., Соколовская В.Т. Ландшафтно-климатические изменения в Центральной Монголии в голоцене // Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена / Отв. ред. Н.А. Хотинский. М.: Наука, 1989. С. 160–167.

Волков В.В. Бронзовый и ранний железный века Северной Монголии. Улан-Батор: АН Монголии, 1967. 148 с.

Волков В.В. Оленные камни Монголии. Улан-Батор: АН МНР, 1981. 254 с.

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980. 256 с.

Гришин Ю.С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. М.: Наука, 1981. 204 с.

*Диков Н.*Н. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. 108 с.

Динесман Л.Г., Киселева Н.К., Князев А.В. История степных экосистем Монгольской народной республики / Биологические ресурсы и природные условия Монгольской народной республики. Т. XXXII. М.: Наука, 1989. 215 с.

Дорофеюк Н.И. Реконструкция природных условий Внутренней Азии в позднеледниковье и голоцене (по материалам диатомового и палинологического анализов озерных осадков Монголии). Автореф. дис. … докт. биол. наук. М., 2008. 49 с.

Зяблин Л.П. Карасукский могильник Малые Копены 3. М.: Наука, 1977. 144 с.

Кириллов И.И., Кириллов О.И. Новые данные о культурно-исторических контактах восточно-забайкальских племен в эпоху бронзы. // Древнее Забайкалье и его культурные связи / Отв. ред. П.Б. Коновалов. Новосибирск: Наука, 1985. С. 22–33.

Кулемзин А.М. История вооружения и военного дела племен тагарской культуры. Авторефер. дисс. …. канд. ист. наук. Новосибирск, 1973. 28 с.

Кулемзин А.М. Некоторые факты разложения родовых отношений в древнетагарском обществе // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Материалы I Всесоюзной археологической конференции / Отв. ред. А.И. Мартынов. Кемерово: КемГУ, 1980. С. 164–169.

Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Ч. 3. Андроновская культура на Верхней Оби / Из истории Сибири. Вып. 11. Томск: ТГУ, 1974. 146 с.

Наваан Д. Дорнод Монголийн хурлийн уе. Улаанбаатар, 1975. 200 с.

Новгородова Э.А. Древняя Монголия. М.: Наука, 1989. 383 с.

Смирнов К.Ф Савроматы (ранняя история и культура сарматов). М.: Наука, 1964. 379 с.

Сорокин С.С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане / МИА. № 120. М.; Л.: АН СССР, 1962. 206 с.

Сосновский Г.П. Плиточные могилы Забайкалья // Труды отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Т. I. Л.: ГЭ, 1941. С. 273–309.

Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР / Отв. ред. А.И. Мелюкова. М.: Наука, 1989. 464 с.

Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. 493 с.

Цыбиктаров А.Д. Культура плиточных могил Забайкалья и Монголии. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. М., 1989. 24 с.

Цыбиктаров А.Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ: Бурятский гос. ун-т, 1998. 288 с.

Цыбиктаров А.Д. Центральная Азия в эпоху бронзы и раннего железа (II - первая половина I тыс. до н.э.). Автореф. дисс. … докт. ист. наук. Новосибирск, 2003. 49 с.

Цыбиктаров А.Д. Центральная Азия на заре бронзового века (конец III - первая половина II тыс. до н.э.). Улан-Удэ: Бурятский гос. ун-т, 2006. 236 с.

Цыбиктаров А.Д. Формирование кочевого скотоводства в Центральной Азии в свете данных археологии и палеогеографии Монголии и Южного Забайкалья и его влияние на культурно-историческое развитие населения бронзового века // Этноистория и археология Северной Азии: теория, методология и практика исследования / Отв. ред. А.В. Харинский. Иркутск: Иркутский государственный технический университет, 2007. С. 194–198.

Цыбиктаров А.Д. Скотоводческое хозяйство носителей культуры плиточных могил Центральной Азии // Мультидисциплинарные аспекты изучения древней и средневековой истории / Отв. ред. А.П. Деревянко, М.В. Шуньков. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2018. С. 173–189.

Членова Н.Л. Культура плиточных могил // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. С. 247–354.

Членова Н.Л. О поздней дате карасукских бронз в Монголии, Горном Алтае, Забайкалье и Ордосе // Петербургский археологический вестник. 1993. № 4. С. 31–69.

Эрдэнэбаатар Д. Памятники бронзового и раннего железного веков бассейна р. Селенги. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Улаанбаатар, 1997. 23 с.

Эрдэнэбаатар Д. Монголнутгийндорволжинбулш, хиригсуурийнсоёл. Улаанбаатар: Соембопринтингинг, 2002. 275 с.

Информация об авторе:

Цыбиктаров Александр Дондопович, доктор исторических наук, доцент кафедры Всеобщей и отечественной истории, Бурятский государственный университет (г. Улан-Удэ, Россия); a.d.tsibiktarov@gmail.com

REFERENCES

Artemenko, I. I. 1985. (ed. in-chief). *Arkheologiia Ukrainskoi SSR (Archaeology of the Ukrainian SSR)* 2. Kiev: “Naukova Dumka” Publ.(in Russian).

Borovka, G. I. 1927. In *Severnaya Mongoliya (Northern Mongolia)* 2. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 43–88 (in Russian).

Vipper, P. B., Dorofeyuk, N. I., Meteltseva. E. P., Sokolovskaya, V. T. 1989. In Khotinsky, N. A. (ed.). *Paleoklimaty pozdnelednikov'ya i golotsena (Palaeoclimates of the Late Glacial and Holocene).* Moscow: “Nauka” Publ., 160–167 (in Russian).

Volkov, V. V. 1967. *Bronzovyy i ranniy zheleznyy veka Severnoy Mongolii (Bronze and Early Iron Ages of Northern Mongolia).* Ulaanbaatar: Academy of Sciences of Mongolia (in Russian).

Volkov, V. V. 1981. *Olennye kamni Mongolii (Deer stones of Mongolia).* Ulaanbaatar: Academy of Sciences of Mongolia (in Russian).

Grach, A. D. 1980. *Drevnie kochevniki v tsentre Azii (Ancient nomads in the center of Asia).* Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Grishin, Yu. S. 1981. *Pamyatniki neolita, bronzovogo i rannego zheleznogo vekov lesostepnogo Zabaykal'ya (Neolithic, Bronze and Early Iron Age monuments of forest-steppe Transbaikalia).* Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Dikov, N. N. 1958. *Bronzovyy vek Zabaykal'ya (Bronze Age of Transbaikalia).* Ula-Ude: “Buryat. kn. izd-vo” Publ. (in Russian).

Dinesman, L.G., Kiseleva, N. K., Knyazev, A. V. 1989. *Istoriya stepnykh ekosistem Mongol'skoy narodnoy respubliki (The history of steppe ecosystems of the Mongolian People's Republic).* Series: Biologicheskie

resursy i prirodnye usloviya Mongol'skoy narodnoy respubliki (Biological resources and environmental conditions of the Mongolian People's Republic) 32. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Dorofeyuk, N. I. 2008. *Rekonstruktsiya prirodnykh usloviy Vnutrenney Azii v pozdnelednikov'e i golotsene (po materialam diatomovogo i palinologicheskogo analizov ozernykh osadkov Mongolii) (Reconstruction of the environmental conditions of Inner Asia in the Late Glacial and Holocene (based on the materials of diatoms and palynological analyses of lake sediments of Mongolia)).* Thesis of Diss. of Doctor of Biology Sciences (in Russian).

Zyablin, L. P. 1977. *Karasukskiy mogil'nik Malye Kopeny 3 (Malye Kopeny 3 burial ground of the Karasuk culture).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kirillov, I. I., Kirillov, O. I. 1985. In Konovalov, P. B. (ed.). *Drevnee Zabaykal'e i ego kul'turnye svyazi (Ancient Transbaikalia and its cultural relations).* Novosibirsk: "Nauka" Publ., 22–33 (in Russian).

Kulemzin, A. M. 1973. *Istoriya vooruzheniya i voennogo dela plemen tagarskoy kul'tury (The history of armament and military affairs of the Tagar culture tribes).* Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences (in Russian).

Kulemzin, A. M. 1980. In Martynov, A. I. (ed.). Skifo-sibirskoe kul'turno-istoricheskoe edinstvo (*Scythian-Siberian cultural and historical unity*). Kemerovo: Kemerovo State University, 164–169 (in Russian).

Matyushchenko, V. I. 1974. *Drevnyaya istoriya naseleniya lesnogo i lesostepnogo Priob'ya. Ch. 3. Andronovskaya kul'tura na Verkhney Obi (The ancient history of the population of the forest and forest-steppe Ob region. Part 3. Andronovo culture on the Upper Ob).* Series: Iz istorii Sibiri (From the history of Siberia) 11. Tomsk: Tomsk State University (in Russian).

Navaan, D. 1989. *Dornod Mongolijn hurlijn ue. Ulaanbaatar* (in Mongoliian)..

Novgorodova, E. A. 1989. *Drevnyaya Mongoliya (Ancient Mongolia).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Smirnov, K. F. 1964. *Savromaty. Ranniaia istoriia i kul'tura sarmatov (Sauromatians. Early History and Culture of Sarmatians)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Sorokin, S. S. 1962. *Mogil'nik bronzovoy epokhi Tasty-Butak I v Zapadnom Kazakhstane (The burial ground of the Bronze Age of Tasty-Butak I in Western Kazakhstan).* Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 22. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ. (in Russian).

Sosnovsky, G. P. 1941. In *Trudy Otdela istorii pervobytnoi kul'tury Gosudarstvennogo Ermitazha (Papers of the Department of Primitive Culture of the State Hermitage Museum)* 1. Leningrad, 273–309 (in Russian).

Meliukova, A. I. 1989. (ed.). *Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia (Steppes of the Eurasian Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Period).* Series: Arkheologiya SSSR (Archaeology of the USSR) Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Moshkova, M. G. 1992. (ed.). *Stepnaia polosa Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia (The Steppe Belt of the Asian Part of USSR in the Scythian and Sarmatian Time)*. Series: Archaeology of the USSR. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Tsybiktarov, A. D. 1989. *Kul'tura plitochnykh mogil Zabaykal'ya i Mongolii (Culture of slab burials of Transbaikalia and Mongolia).* Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Moscow. (in Russian).

Tsybiktarov, A. D. 1998. *Kul'tura plitochnykh mogil Mongolii i Zabaykal'ya (Culture of slab burials of Transbaikalia and Mongolia).* Ulan-Ude: Buryat State University (in Russian).

Tsybiktarov, A. D. 2003. *Tsentral'naya Aziya v epokhu bronzy i rannego zheleza (II - pervaya polovina I tys. do n.e.) (Central Asia in the Bronze Age and Early Iron Age (II - the first half of the I millennium BC)).* Thesis of Diss. of Doctor of Historical Sciences. Novosibirsk (in Russian).

Tsybiktarov, A. D. 2006. *Tsentral'naya Aziya na zare bronzovogo veka (konets III - pervaya polovina II tys. do n.e.). (Central Asia at the dawn of the Bronze Age (end of the III - first half of the II millennium BC)).* Ulan-Ude: Buryat State University (in Russian).

Tsybiktarov, A. D. 2007. In Kharinsky, A. V. (ed.). *Etnoistoriya i arkheologiya Severnoy Azii: teoriya, metodologiya i praktika issledovaniya (Ethnic history and archaeology of North Asia: theory, methodology and research).* IIrkutsk: IIrkutsk State Technical University, 194–198 (in Russian).

Tsybiktarov, A. D. 2018. In Derevyanko, A. P., Shunkov, M. V. (eds.). *Mul'tidistsiplinarnye aspekty izucheniya drevney i srednevekovoy istorii (Multidisciplinary aspects of the study of ancient and medieval*

history). Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography, 173–189 (in Russian).

Chlenova, N. L. 1992. In Moshkova, M. G. (ed.). *Stepnaia polosa Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia (The Steppe Belt of the Asian Part of USSR in the Scythian and Sarmatian Time)*. Series: Archaeology of the USSR. Moscow: "Nauka" Publ., 247–354 (in Russian).

Chlenova, N. L. 1993. In *Peterburgskii Arkheologicheskii Vestnik (Peterburg Archaeological Bulletin)* 4, 31–69 (in Russian).

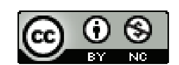
Erdenebaatar D. 1997. *Pamyatniki bronzovogo i rannego zheleznogo vekov basseyna r. Selengi (Monuments of the Bronze and Early Iron Ages of the Selenga River basin).* Thesis of Diss. Of the Candidate of Historical Sciences. Ulaanbaatar (in Russian).

Erdenebaatar, D. 2002. *Mongol nutgijn dorvolzhin bulsh, hirigsuurijn soyol*. Ulaanbaatar: Soemboprintinging.

About the Author:

Tsybiktarov Alexander D. Doctor of historical sciences, the docent, Buryat State University. Smolina street, 24-a, Ulan-Ude, 67000, Russian Federation; a.d.tsibiktarov@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.08.2024 г.
Статья принята к публикации 01.10.2024 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.5.94.103

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ КРЫМА РАН ЗА ПОСЛЕДНИЕ 10 ЛЕТ

© 2024 г. В.В. Майко

В статье коротко охарактеризованы основные направления исследований Института археологии Крыма РАН, связанные с изучением тюркских культур эпохи средневековья, фиксируемых на Крымском полуострове. Хронологические рамки широки и охватывают период праболгарской тюркской салтово-маяцкой культуры (конец VII – начало X в.), время пребывания Таврики в составе улуса Золотой Орды (последняя треть XIII – первая половина XV в.) и материальную культуру Крымского ханства (XV – конец XVIII в.). Во всех этих трех периодах выделены проблемы, связанные с особенностями исторической топографии археологических памятников, составе и функциональном назначении разнообразных построек, специфике набора артефактов, экономическим и торговым связям указанных тюркских культур на территории полуострова. Эти проблемы во многом связаны с влиянием христианской Византийской империи и стран Западной Европы, прежде всего, Генуи. Основываясь на этом, тюркская культура Таврики, особенно в хазарский и золотоордынский периоды, представляла собой уникальный сплав восточных и западных черт и неповторимый религиозный синкретизм и веротерпимость. Они проявились и в исторической топографии, и в архитектуре, и в других составляющих материальной культуры.

Ключевые слова: средневековая Таврика, тюркские культуры VII-XVIII вв., археологическая проблематика, историческая топография, архитектура, материальная культура, христианизация, религиозный синкретизм.

TURKOLOGICAL RESEARCH BY THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY OF CRIMEA OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES OVER THE PAST 10 YEARS

V. V. Maiko

The article briefly describes the main areas of research of the Institute of Archaeology of Crimea RAS related to the study of Turkic cultures of the Middle Ages recorded on the Crimean peninsula. The chronological limits is wide and covers the period of the Proto-Bulgarian Turkic Saltovo-Mayaki culture (late VII - early X century), the time of Taurika's stay in the ulus of the Golden Horde (the last third of the XIII - the first half of the XV century) and the material culture of the Crimean Khanate (XV - late XVIII century). In all these three periods, issues related to the peculiarities of the historical topography of archaeological sites, the composition and functional purpose of various buildings, the specifics of the set of artifacts, the economic and commercial relations of these Turkic states on the territory of the peninsula are highlighted. These issues are largely due to the influence of the Christian Byzantine Empire and the countries of Western Europe, primarily Genoa. Based on this, the Turkic culture of Taurika, especially in the Khazar and Golden Horde periods, was a unique combination of eastern and western features and a unique religious syncretism and tolerance. They manifested themselves in historical topography, architecture, and in other components of material culture.

Keywords: medieval Taurika, Turkic cultures of the VII-XVIII centuries, archaeological issues, historical topography, architecture, material culture, Christianization, religious syncretism.

Изучение тюркских материальных культур эпохи средневековья одно из важнейших направлений исследований Института археологии Крыма РАН на протяжении всей истории его существования. В данной небольшой работе хотелось бы подчеркнуть те проблемы, над которыми работают сотрудники нашего учреждения в течение последнего десятилетия. Хронологические рамки средневековой тюркской проблематики охватывают период с конца VII в., времени проникновения тюркоязычных праболгар на территорию Крымского полуострова и их переход к оседлости и до конца XVIII в., включая проблематику археологии Крымского ханства. Отдельного рассмотрения заслуживают новые погребения печенежского и половецкого времени, а также половецкие культовые комплексы, открытые

за прошедшие 10 лет. Но это тема отдельной масштабной работы.

В настоящий момент надо признать, что тюркская в своей этнической основе праболгарская салтово-маяцкая культура Таврики является, тем не менее, одним из вариантов провинциально-византийской культуры (Майко, 2018, с. 79-87). Это лишний раз подчеркивает этническое разнообразие окраин Византийской империи. Примерно ясны и ее хронологические рамки существования, начинающиеся с последней четверти VII и до начала X в. В работах сотрудников Института была проанализирована история изучения салтово-маяцкой культуры Крыма в XXI веке (Майко, 2018а, с. 589-614), охарактеризованы новые открытые объекты. Полностью опубликованы древности одного из крупных городских центров Сугдеи (Майко, 2020). На основании многолетних масштабных раскопок поселения Белинское на Керченском полуострове и не менее масштабных охранных исследований поселения Отузы-2 в юго-западном Крыму подготовлены обобщающие монографические работы и сельских памятников. Впервые поставлен вопрос о полной каталогизации существующих салтово-маяцких памятников Восточного Крыма (Майко, 2021, с. 243-248). В нескольких работах на основании новых материалов подчёркивался уникальный религиозный синкретизм салтовцев Таврики, ставился вопрос о существовании крымского рунического алфавита, наряду с кубанским и донским (Майко, 2019, с. 101-116). В рамках выполнения гранта РНФ на основании разработанных критериев сделан первый сравнительный анализ салтовских объектов западной, восточной и юго-восточной частей полуострова (Майко и др., 2023, с. 93-98). При этом в качестве главного критерия предложено географическое расположение того или иного объекта в конкретном регионе полуострова и его связь с крупным городским или протогородским центром и торговыми путями. Это диктовало и особенности исторической топографии, и способы ведения хозяйства.

Важнейшим открытием стало обнаружение средневековых курганов с величественными уникальными каменными конструкциями, которые чётко датируются третьей четвертью VIII в. и связываются с кочевой хазарской верхушкой (Колтухов, Майко, 2024). Появились надёжные аргументы для реконструкции взаимоотношений оседлого праболгарского населения салтово-маяцкой культуры и кочевников хазар с одной стороны и Византийской администрацией Херсона с другой.

Намного больше материалов для анализа взаимодействия оседлой городской и кочевнической культур в следующий интересующий нас хронологический период последней четверти XIII – первой половины XIV в., когда происходило формирование крымского улуса Золотоордынского государства. Прекрасные материалы предоставляют раскопки первой столицы крымского ханства – городища Солхат. Они позволяют прийти к справедливому заключению о том, что создание средневекового золотоордынского города в юго-восточном Крыму в полной мере раскрывает взаимное проникновение чуждых элементов оседлости в кочевую культуру. Город же, как ярчайший признак оседлости, в свою очередь, вмещает в себя признаки кочевой культуры Дашт-и-Кипчака (Сейдалиев, 2018, с. 419-422).

На сегодняшний день не вызывает дискуссии положение о том, что стабилизация политической ситуации после образования Крымского улуса Золотой Орды в последней трети XIII в. способствовала возникновению целого ряда сельских поселений на территории пустовавшей в течение трех столетий восточно-крымской степи. Согласно эпиграфическим данным, в части из них, тяготевших к Солхату (Сейдалиев, 2023, с. 137-150), уже в первой четверти XIV в. ощущался процесс мусульманизации. На территории других возникших поселений отмечаются христианские черты и зафиксированы связанные с ними христианские некрополи. Несмотря на разный механизм появления поселений, мирное сосуществование населения подтверждается отсутствием каких-либо следов катаклизмов в стратиграфии напластований.

Важным направлением исследований стал и сравнительный анализ между исторической топографией золотоордынского и византийского городов восточной Таврики, взаимовлияния и отличительные черты. В качестве византийского города была использована средневековая Сугдея, где отмечены фиксируемые на сегодняшний день восточные элементы инфраструктуры, появляющиеся как раз с конца XIII в. (Майко, 2022, с. 31-38).

Отдельным предметом для разнообразных штудий как раз и стали постройки, являв-

шиеся в Солхате и других поселениях полуострова золотоордынского времени кварталообразующими. Эти сооружения (баня в Георгиевской балке, т.н. мечеть хана Узбека, медресе Инджибей Хатун, мечеть Куршун-Джами) анализировались и с археологической, и с архитектурной точки зрения. Последний аспект справедливо рассматривался и как критерий взаимодействия различных архитектурных традиций на территории Таврики (Кирилко, 2023, с. 296-314). Среди них особое внимание уделялось сельджукской Анатолийской традиции (Крамаровский, Сейдалиев, 2022, с. 242-249) и т.н. мавзолеям-дюрбе или башенным мавзолеям.

Среди других элементов городской инфраструктуры золотоордынского города Крыма, такого, как Солхат, традиционно выделялись сохранившиеся элементы фортификации, изучение которых продолжается уже не одно десятилетие (Крамаровский, Сейдалиев, 2020, с. 316-336) и новый крупный некрополь периода возникновения городища (Крамаровский, Сейдалиев, 2022а, с. 198-202).

Не меньше внимания уделялось и сельским поселениям золотоордынского времени в разных частых полуострова, открытым в последние годы благодаря масштабным охранным раскопкам, связанным с хозяйственным освоением Крыма. Это поселения Старый Фонтан и Тобен-Сарай. В истории функционирования второго поселения, помимо золотоордынских, выделяется и этап, связанный с крымским ханством.

Важным направлением исследований стало изучение категорий находок, составляющих своеобразную материальную культуру золотоордынской Таврики. Среди последних, традиционно, первое место принадлежит керамическому комплексу. Анализировались показательные закрытые комплексы Солхата последней трети XIV в. (Сейдалиева, Майко, Сейдалиев, 2022, с. 15-24), вводились в научный оборот коллекции, полученные в ходе довоенных раскопок, публиковались отдельные категории керамических сосудов, таких, как копилки, рассматривались граффити на фрагментах керамических сосудов из раскопок Солхатского городища и арабографичные надписи на амфорах. Специально обобщались данные о византийской тарной посуде, полученной в ходе раскопок Солхата и, конечно же о группе поливной солхатской посуды, которая стала предметом диссертационного исследования Д.Э. Сейдалиевой.

Параллельно велась разработка состава керамического комплекса синхронных христианских поселений южного Крыма (Тесленко, 2018, с. 180-186) и средневековой Сугдеи (Тесленко, Майко, 2020, с. 291-332). В плане сравнительного анализа упомянем и почти полную публикацию зооморфных и антропоморфных изображений на поливной керамике Солхата, Сугдеи и Каффы, показывающую родственные мотивы и специфические характерные черты использованных сосудов. Нельзя не сказать и о такой яркой категории керамического комплекса, как штампованная керамика солхатского и сугдейского производства, подробные каталоги находок которой были введены в научный оборот (Майко, 2022а, с. 415-435). Заслуживает внимания и публикация археологических материалов о начале производства в Сугдее в последней четверти XIII в. местной поливной керамики. Новаторской следует признать и попытку первого рассмотрения археозоологии золотоордынского Солхата. В данном случае в качестве источника была использована строительная керамика (Сейдалиев, Сейдалиева, 2023, с. 167-172).

Можно только приветствовать тщательный подход к обобщению данных об импортных категориях керамического комплекса городища Солхат и поселений его округи, представленных и византийской керамикой, в том числе с монограммами, и кашинными и бордовоглиняными с бирюзовой поливой поволжскими изделиями, и продукцией гончаров Маджара, и китайским селадоном, и штампованной сероглиняной керамикой хорезмийского производства.

За прошедший период сделаны и первые попытки обобщения огромного массива накопленных археологических источников, связанных с другими категориями находок, составляющих материальную культуру Солхата, разнообразных сельских поселений, тяготевших к нему, приморских городов восточного Крыма и связанных с ними поселений. Относительно Солхата, коротко проанализированы бытовые предметы и некоторые типы украшений, зафиксированных при раскопках бани в Георгиевской балке (Майко, 2022б, с. 293-302), детально опубликованы парадные категории украшений, такие, как серьги из мавзолея на окраине городища (Крамаров-

ский, Сейдалиев, 2020а, с. 199-205). Нельзя не упомянуть и начало каталогизации находок на территории полуострова восточного стекла, происходящего из раскопок Солхата, Эски-Кермена, Сугдеи, Мангупа. Совсем недавно завершена кропотливая работа по систематизации предметов, связанных с ткачеством и рукоделием. Основой для этого послужили находки, зафиксированные на плато Эски-Кермен (Хайрединова, 2023, с. 191-195). Они, характерные для крымской Готии, служат основой и для систематизации этих же предметов и в золотоордынских городах.

Третьим хронологическим периодом, на котором хотелось бы остановиться подробнее, является археология крымского ханства, которую логично рассматривать, как одно из направлений османской археологии. Это новое для нашего учреждения направление чрезвычайно активно развивается в последние годы, прежде всего, благодаря масштабным охранным новостроечным работам. Одной из ключевых проблем является механизм перехода к оседлости кочевого населения Крымского ханства, время и причины этого перехода в различных регионах полуострова (Сейдалиев, Кадыров, 2018, с. 415-418). Источниковой базой при этом служат письменные свидетельства, подтверждённые археологическими реалиями.

Второе важное направление – археологическое изучение городской материальной культуры. Наиболее исследованной является, безусловно, Каффа, которая всегда находилась в сфере интересов сотрудников Института. За прошедшие годы был опубликован перечень всех известных на территории города мечетей, число которых доходит до сорока (Бочаров, 2016, с. 120-137), среди которых особо выделена Биюк-Джами, возведённая, возможно, по проекту выдающегося турецкого архитектора Синана (Кирилко, 2023а, с. 196-210). Так же введены в научный оборот материалы масштабных охранных исследований 2016 и 2020 гг. (Майко, 2022в, с. 355-383; Лавров, 2021, с. 165-198), подтвердивших реконструкцию оборонительных сооружений внешнего яруса обороны, предложенную С.Г. Бочаровым. Помимо этого, собрана информация обо всех объектах османского времени исследованных в Судаке и некоторых наиболее сохранившихся объектах османского времени в Гизлёве (Приднев, 2015, с. 437-460).

Пристальное внимание всегда уделялось наиболее значимым архитектурным сооружениям, прежде всего, мечетям. С архитектурной точки зрения, наиболее исследованной является мечеть Шейх-Кой в Симферопольском районе. В настоящий момент можно считать установленным, что она представляет собой постройку османского времени (XVI XVII вв.), при возведении которой вторично использовались архитектурные детали от более раннего, золотоордынского, строения (Кирилко, 2016, с. 138-150). Это вторичное использование архитектурных деталей от построек золотоордынского времени, обычно с сохранением их первоначального назначения, отмечено и в постройках Эскиз-Крыма, Калечь, Чуфут-Кале. Анализировались и т.н. мечеть Менгли-Герая в Салачике (Сейдалиев, 2016, с. 266-270), составлявшая неповторимый ансамбль с другими сооружениями, дюрбе Мухаммед шах Бея в Бахчисарае, окончательно продатированное XVIII в. (Кирилко, 2021, с. 107-120).

Не менее важное направление, которое, по сути дела, зародилось в 2015 г. с началом беспрецедентных по масштабу охранных раскопок по трассам важнейших общегосударственных инфраструктурных проектов, это изучение сельских поселений XVI-XVIII вв. Обобщение всей информации важнейшая задача ближайшего будущего. На сегодняшний же день в достаточно большом перечне опубликованных памятников, есть и те (поселение Батальное и Батальное Западное 1, Кош-Кую, Биели, Аджиэль Южное I) в раскопках которых и введении в научный оборот принимали участие сотрудники Института археологии Крыма РАН. Сказанное справедливо и по отношению к татарским некрополям. Наиболее известный из них Кырк-Азизлер (Кирилко, Пигарёв, 2018, с. 59-60), исследованный в 2017 и 2018 гг. с применением всех возможных современных методик, ещё ожидает полной публикации. Помимо этого, сотрудниками Института опубликован наиболее полный список известных на сегодня мусульманских некрополей Южного берега Крыма (Турова, Манаев, Новиков, 2023, с. 173-185).

Что касается материальной культуры и категорий археологических предметов, наибольшее внимание традиционно уделялось керамическому комплексу. В целом была проанализирована проблема влияния

османского завоевания полуострова на состав керамических комплексов и его характерные отличия от предшествующего времени (Тесленко, Алядинова, 2019, с. 295-320). Были полностью опубликованы импортные категории тарной турецкой посуды, тщательно разобраны коллекции поливной столовой импортной керамики, представленной т.н. толстостенными чашами с бихромной расцветкой, выделены характерные отличия столовой поливной керамики местного производств Каффы и Судака, обобщены испанские и итальянские керамические импорты, начат анализ и типологизация разнообразнейшей коллекции кухонной посуды (Алядинова, Тесленко, Майко, 2015, с. 482-511). Только начато введение в научный оборот бытовых предметов и отдельных категорий украшений. Основой для этого послужил комплекс, полученный при раскопках храма у горы Килиса-Кая (Майко, 2022г, с. 25-26).

Совсем недавно начато и целенаправленное антропологическое изучение крымско-татарского этноса, без которого невозможно аргументированно рассматривать любые теории его происхождения. Активное участие принимают в этом процессе и сотрудники нашего Института (Иванов, Васильев, 2019, с. 243-251).

Отдельным традиционным направлением исследований является джучидская и гиреевская нумизматика. Обратим внимание на работу, связанную с осмыслением эволюции развития и функционирования денежных систем Таврики золотоордынского периода. На основании новых материалов, а, главное, привлечения анализа монет с помощью методов естественных наук (Антипенко и др., 2020, с. 623-630), подтверждены выводы Г.А. Федорова-Давыдова о существовании, как минимум трех крупных общегосударственных реформ, вылившихся в четыре периода обращения разных вариантов монет (Аблаев, 2021, с. 5-9). Основное количество работ было посвящено, все же введению в научный оборот нумизматических комплексов, полученных в ходе раскопок того или иного археологического объекта. Это коллекции монет из раскопок нового мусульманского некрополя на южной окраине городища Солхат, нововыявленного дюрбе у солхатской мечети Куршум-Джами, важные для периодизации культурных напластований этого объекта, храма у горы Килиса-Кая, сельских поселений Старый фонтан и Тобен-Сарай. Рассматривались и редкие категории монетных находок, такие, как анонимные пулы Азака, а также иноземные монеты чеканки Генуи (Майко, 2016, с. 287-299).

Отметим и работы посвященные новым данным по метрологии татаро-генуэзской чеканки Каффы, позволяющие решать многие дискуссионные на протяжении десятилетий вопросы (Майко, 2019а, с. 89-96), а также сопоставлению титулатуры золотоордынских ханов, читаемых на монетах и приводимых в синхронных письменных источниках (Аблаев, 2023, с. 5-8).

Впервые на основании четкого распределения по стратиграфическим горизонтам монет из раскопок бани Солхата, хронологическая разница между которыми была невелика, удалось проследить процентное преобладание тех или иных типов пулов в слоях Солхата на протяжении первых трех четвертей XIV в. Появилась и аргументированная возможность ставить вопрос о времени появления анонимных анэпиграфных медных монет, чеканенных на городище (Майко, Гончаров, 2021, с. 139-148). Безусловный интерес представили и наработки связанные с сопоставлением состава металла джучидских монет и монет бейликов Анатолии, незаменимые при атрибуции типологически очень близких изделий в случае их плохой сохранности (Антипенко, Сейдалиева, Сейдалиев, 2021, с. 19-22). Упомянем и первую публикацию монетных костяных весов из восточной Таврики, происходящих из Сугдеи (Майко, 2023, с. 169-174).

В заключение отметим, что нашим Институтом совместно с Крымским Инженерно-Педагогическим Университетом им. Февзи Якубова и Крымскотатарским музеем культурно-исторического наследия с сентября 2022 г. начато совместное проведение двух конференций «Солхатские чтения. Причерноморье в эпоху глобализации» и «Terra Tatarica: Крым и тюркский мир в эпоху Средневековья и в Новое время». На сегодняшний день состоялись две конференции Terra Tatarica и двое Солхатских чтений. Первая больше направлена на изучение золотоордынской цивилизации, вторая – Крымского ханства, но в целом, они позволяют оперативно вводить в научный оборот новые исследования, связанные с уникальными тюркскими культурами Крыма. Изучение последних активно продолжается и принесёт в ближайшее время ещё не одно открытие.

ЛИТЕРАТУРА

Аблаев Э.Д. Эволюция денежных систем Крыма в золотоордынский период // XXII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Новые открытия, новые проекты / сост.: В.Н. Зинько, В.А. Зинько. Симферополь-Керчь: ИП Кифниди Г.И., 2021. С. 5–9.

Аблаев Э.Д. Титулатура золотоордынских ханов на нумизматических материалах и в письменных источниках // XXIV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологические и письменные источники в исторических реконструкциях / Ред. В.Н. Зинько, В.А. Зинько. Симферополь; Керчь: Соло Рич, 2023. С. 5–8.

Алядинова Д.Ю., Тесленко И.Б., Майко В.В. Керамика из раскопок зольника османского периода в портовой части Сугдеи (по материалам исследований 2010 г.) // Древняя и средневековая Таврика / Археологический альманах. № 33 / Отв. ред. В.В. Майко. Донецк: Донбасс, 2015. С. 482–511.

Антипенко А.В., Ломакин Д.А., Сейдалиева Д.Э., Сейдалиев Э.И. Медные пулы из раскопок городища Солхат по данным рентгенофлуоресцентного анализа // Российские нанотехнологии. 2020. Т. 15. № 5. С. 623–630.

Антипенко А.В., Сейдалиева Д.Э., Сейдалиев Э.И. Сопоставление результатов элементного анализа монетных сплавов государства Джучидов и бейликов Анатолии // Крым: наука, культура, политика. Труды VI всероссийской научно-практической конференции (Феодосия, 14–15 сентября 2021 года). Феодосия, 2021. С. 19–22.

Бочаров С.Г. Мечети города Каффа (Кеффе) в 1370-1779 годах // Поволжская археология. 2016. № 2 (16). С. 120–137.

Иванов А.В., Васильев С.В. Краниологическая характеристика позднесредневековых крымских татар: по материалам некрополя у с. Батальное // Вестник антропологии. 2019. № 4(48). С. 243–251.

Кирилко В.П. Михраб мечети в Шейх-Кой // Поволжская археология. 2016. № 2 (16). С. 138–150.

Кирилко В.П. Хронологические парадоксы дюрбе Мухаммед-Шах-Бея в г. Бахчисарай // Поволжская археология. 2021. № 2 (36). С. 107–120.

Кирилко В.П. Архитектурный аспект взаимодействия культур и цивилизаций в средневековом Крыму // История и археология Крыма. 2023. № 20. С. 296–314.

Кирилко В.П. Разрезы кефенской Биюк Джами // Археология Евразийских степей. 2023а. № 5. С. 196–210.

Кирилко В.П., Пигарёв Е.М. Исследования могильника Кырк-Азизлер в 2017 г. // История и археология Крыма. 2018. Вып. VIII. С. 59–60.

Колтухов С.Г., Майко В.В. Курганы у с. Строгоновка (исследования 2021 г.). Симферополь: ИТ Ариал, 2024. 212 с.

Крамаровский М.Г., Сейдалиев Э.И. Оборонительные сооружения средневекового Солхата (историко-археологический комментарий) // Археология Евразийских степей. 2020. № 6. С. 316–336.

Крамаровский М.Г., Сейдалиев Э.И. Серьги из раскопок нового мавзолея на окраине средневекового Солхата // XXI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Объекты искусства в археологическом контексте / Ред. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Симферополь: Кифниди Г.И., 2020. С. 199–205.

Крамаровский М.Г., Сейдалиев Э.И. Мечеть Куршун-джами (Крым, XIV в.) и сельджукская традиция Анатолии // Археология Евразийских степей. 2022. № 4. С. 242–249.

Крамаровский М.Г., Сейдалиев Э.И. Новый могильник золотоордынского времени на городище Солхата: сакральное и материальное // XXIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период древности и средневековья. Сакральное и материальное / Ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Симферополь-Керчь: Соло-Рич, 2022а. С. 198–202.

Лавров В.В. Разведки у «Башни Константина» в Феодосии // История и археология Крыма. 2021. № 14. С. 165–198.

Майко В.В. Генуэзские и татаро-генуэзские монеты средневекового Солхата // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (МАИЭТ). 2016. Т. XXI. С. 287–299.

Майко В.В. Салтово-маяцкая провинциально-византийская культура Крыма // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23. № 5. С. 79–87.

Майко В.В. История изучения салтово-маяцкой культуры Крыма в XXI веке // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (МАИЭТ). 2018а. Вып. XXIII. С. 589–614.

Майко В.В. К вопросу о существовании крымского рунического алфавита. Источниковая база // Хазарский альманах. Т. 16 / Гл. ред. О.Б. Бубунок. М.: Индрик, 2019. С. 101–116.

Майко В.В. Новые данные по метрологии татаро-генуэзской чеканки Каффы (на примере Кырк-Ерского клада) // ПриPONTийский меняла: деньги местного рынка. VI Международный Нумизматический симпозиум / Отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь: Колорит, 2019а. С. 89–96.

Майко В.В. Сугдея в конце VII – первой половине X века. Симферополь: Колорит, 2020. 312 с.

Майко В.В. К вопросу о реализации проекта каталогизации салтово-маяцких памятников Восточного Крыма // XXII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Новые открытия, новые проекты / Ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Симферополь-Керчь, 2021. С. 243–248.

Майко В.В. К вопросу об исторической топографии Сугдеи Золотоордынского времени // Сборник научных трудов конференции I Солхатские чтения. Причерноморье в эпоху глобализации: Восток и Запад в культуре Крыма / Ред.-сост. Э.И. Сейдалиев, Р.Р. Кадыров. Симферополь: АРИАЛ, 2022. С. 31–38.

Майко В.В. Штампованная керамика средневековой Сугдеи // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (МАИЭТ). 2022а. Вып. XXVI. С. 415–435.

Майко В.В. Штрихи к портрету материальной культуры Солхата (на примере охранных раскопок 2011 г.) // Археология Евразийских степей. 2022б. № 6. С. 293–302.

Майко В.В. Охранные археологические наблюдения в Феодосии в 2016 г. // История и археология Крыма. Т. XVI. 2022в. С. 355–383.

Майко В.В. Материалы эпохи Крымского ханства из раскопок храма у горы Килиса-Кая близ Судака // X Бахчисарайские научные чтения памяти Усеина Боданинского. К 145-летию со дня рождения (Бахчисарай, 2022). С. 25–26.

Майко В.В. Монетные костяные весы из раскопок средневековой Сугдеи // ПриPONTийский меняла: деньги местного рынка. X Международный Нумизматический Симпозиум / Отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь: Ариал, 2023. С. 169–174.

Майко В.В., Гончаров Е.Ю. Нумизматический комплекс из раскопок бани средневекового Солхата // ПриPONTийский меняла: деньги местного рынка. VIII Международный нумизматический симпозиум / Ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь: Ариал, 2021. С. 139–148.

Майко В.В., Зубарев В.Г., Маркова К.О., Могучева М.Р. Салтово-Маяцкие памятники Боспора и Тарханкута. Критерии для сравнительного анализа // Боспорский феномен: quarta pars saeculi. Итоги, проблемы, дискуссии / Ред. В.А. Хршановский и др. СПб.: Чистый лист, 2023. С. 93–98.

Приднев С.В. Исследование остатков фундамента крепостных ворот «Одун базар Капусу» г. Гизлёва (Евпатории) // История и археология Крыма. Вып. II / Отв. ред. В.В. Майко. Севастополь: Колорит, 2015. С. 437–460.

Сейдалиев Э.И. К вопросу о "Мечети Менгли Гирея" в Салачике: источники, перспективы исследования и реставрации // Золотоордынская цивилизация. 2016. № 9. С. 266–270.

Сейдалиев Э.И. Город и традиционная кочевническая культура на примере золотоордынского Солхата по данным археологии // XIX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации / Ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Симферополь, 2018. С. 419–422.

Сейдалиев Э.И. Городище Солхат (XIII-XV вв.) и его округа (проблемы возникновения и взаимодействия) // ΕΤΟΣ ΙΕ ΙΝΔΙΚΤΙΩΝΟΣ Α. ΟΙΚΟΥΜΕΝΗ ΡΩΜΑΙΩΝ. ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ / Отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь: АРИАЛ, 2023. С. 137–150.

Сейдалиев Э.И., Кадыров Р.Р. "От кочевий... К поселениям": О переходе к оседлости традиционного кочевого населения Крымского ханства // XIX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации / Ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Симферополь, 2018. С. 415–418.

Сейдалиев Э.И., Сейдалиева Д.Э. Археозоология золотоордынского Солхата по материалам исследований строительной керамики // TERRA TATARICA: Крым и тюркский мир в эпоху Средневековья и в Новое время / Отв. ред. Э. И. Сейдалиев. Симферополь: Ариал, 2023.С. 167–172.

Сейдалиева Д.Э., Майко В.В., Сейдалиев Э.И. Керамический комплекс Бани средневекового Солхата (по материалам раскопок 2021 г.) // Сборник научных трудов конференции I Солхатские чтения. Причерноморье в эпоху глобализации: Восток и Запад в культуре Крыма / Ред.-сост. Э.И. Сейдалиев, Р.Р. Кадыров. Симферополь: АРИАЛ, 2022. С. 15–24.

Тесленко И.Б. Керамический комплекс поселения золотоордынского времени в долине р. Артек (Крым) // Археология Евразийских степей. 2018. № 4. С. 180–186.

Тесленко И.Б., Алядинова Д.Ю. Влияние османского завоевания 1475 г. на культуру жителей Южного Крыма (по материалам керамических комплексов конца XV–XVI вв.) // Stratum Plus. 2019. № 6. С. 295–320

Тесленко И.Б., Майко В.В. Керамический комплекс позднесредневековых усадеб в портовой части Судака (по материалам раскопа VI, 2006-2010 гг.) // История и археология Крыма. Вып. XII / Отв. ред. В.В. Майко. Симферополь: Института археологии Крыма РАН, 2020. С. 291–332.

Турова Н.П., Манаев А.Ю., Новиков С.А. Мусульманские некрополи Южного берега Крыма // TERRA TATARICA: Крым и тюркский мир в эпоху Средневековья и в Новое время / Отв. ред. Э. И. Сейдалиев. Симферополь: Ариал, 2023.С. 173–185.

Хайрединова Э.А. Предметы для рукоделия XIII-XIV вв. из раскопок на плато Эски-Кермен // TERRA TATARICA: Крым и тюркский мир в эпоху Средневековья и в Новое время / Отв. ред. Э. И. Сейдалиев. Симферополь: Ариал, 2023. С. 191–195.

Информация об авторе:

Майко Вадим Владиславович, доктор исторических наук, директор, Институт археологии Крыма РАН (г. Симферополь, Россия); vadimmaiko1966@mail.ru

REFERENCES

Ablaev, E. D. 2021. In Zinko, V. N. Zinko, E. A. (eds.). *XXII Bosporskie chteniya .Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Novye otkrytiya, novye proekty (22nd Bosporan Readings Cimmerian Bosporus and the World of Barbarians in Antiquity and the Middle Ages. New discoveries, new projects)*. Simferopol; Kerch: “Kifnidi G.I.” Publ., 5–9 (in Russian).

Ablaev, E. D. 2023. In Zinko, V. N., Zinko, E.A. (eds.). *XXIV Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Arkheologicheskie i pis'mennye istochniki v istoricheskikh rekonstruktsiyakh (XXIV Bosporus readings. Bosporus Cimmerian and barbarian world in the period of antiquity and the Middle Ages. Archaeological and written sources in historical reconstructions)*. Simferopol; Kerch: “Solo Rich” Publ., 5–8 (in Russian).

Alyadinova, D. Yu., Teslenko, I. B., Maiko, V. V. 2015. In Maiko, V. V. (ed.). *Drevniaia i srednevekovaia Tavrika (Ancient and Medieval Tauris).* Series: *Arkheologicheskii al'manakh* (*Archaeological almanac*) 33. Donetsk: “Donbass” Publ., 482–511 (in Russian).

Antipenko, A. V., Lomakin, D. A., Seydalieva, D. E., Seydaliev, E. I. 2020. In *Rossiyskie nanotekhnologii (Russian nanotechnology)* Vol. 15, no 5, 623–630 (in Russian).

Antipenko, A. V., Seydalieva, D. E., Seydaliev, E. I. 2021. In Rodionov A. A. (ed.). *Krym: nauka, kul'tura, politika. Trudy VI vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Feodosiya, 14–15 sentyabrya 2021 goda). (Crimea: science, culture, politics. Proceedings of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference. Feodosiya,14–15th September, 2021)*. Feodosiya: Feodosian Museum of Antiquities Publ., 19–22 (in Russian).

Bocharov, S. G. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 16 (2), 120–137 (in Russian).

Ivanov, A. V., Vasiliev, S. V. 2019. In *Vestnik antropologii (Bulletin of Anthropology)* 48 (4), 243–251 (in Russian).

Kirilko, V. P. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 16 (2), 138–150 (in Russian).

Kirilko, V. P. 2021. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 36 (2), 107–120 (in Russian).

Kirilko, V. P. 2023. In *Istoriia i arkheologiia Kryma (History & Archaeology of Crimea)* 20, 296–314 (in Russian).

Kirilko, V. P. 2023. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 196–210 (in Russian).

Kirilko, V. P., Pigarev, E. M. 2018. In *Istoriia i arkheologiia Kryma (History & Archaeology of Crimea)* VIII, 59–60 (in Russian).

Koltukhov, S. G., Maiko, V. V. 2024 *Kurgany u s. Strogonovka (issledovaniya 2021 g.) (Barrows nearby Strogonovka (2021 research))*. Simferopol: "Arial" Publ. (in Russian).

Kramarovsky, M. G., Seydaliev, E. I. 2020. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 316–336 (in Russian).

Kramarovsky, M. G., Seydaliev, E. I. 2020. In Zinko, V. N., Zinko, E. A. (eds.) *XXI Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Ob"ekty iskusstva v arkheologicheskom kontekste (XXI Bosporus Readings. Bosporus Cimmerian and barbarian world in the period of antiquity and the Middle Ages. Objects of art in an archaeological context)*. Simferopol; Kerch: "Kifnidi G.I." Publ., 199–205 (in Russian).

Kramarovsky, M. G., Seydaliev, E. I. 2022. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 242–249 (in Russian).

Kramarovsky, M. G., Seydaliev, E. I. 2022a. In Zinko, V. N., Zinko, E.A. (eds.) *XXIII Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period drevnosti i srednevekov'ya. Sakral'noe i material'noe (XXIII Bosporan Readings. Bosporus Cimmerian and barbarian world during antiquity and the Middle Ages. Sacred and material)*. Simferopol; Kerch: "Solo-Rich" Publ., 198–202 (in Russian).

Lavrov, V. V. 2021. In *Istoriia i arkheologiia Kryma (History & Archaeology of Crimea)* 14, 165–198 (in Russian).

Maiko, V. V. 2016. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* (21), 287–299 (in Russian).

Maiko, V. V. 2018. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 4, Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia (Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations)* 5 (23), 79–87 (in Russian).

Maiko, V. V. 2018. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* (23), 589–614 (in Russian).

Maiko, V. V. 2019. In Bubunok, O. B. (ed.). *Khazarskii al'manakh (Khazar Almanac)* 16. Moscow: "Indrik " Publ., 101–116 (in Russian).

Maiko, V. V. 2019. In Alekseenko, N. A. (ed.). *PriPONTiyskiy menyala: den'gi mestnogo rynka. VI Mezhdunarodnyy Numizmaticheskiy simpozium (VI International Numismatic Symposium «Pontic Money-Changer: Money of the Local Market»)*. Simferopol: "Kolorit" Publ., 89–96 (in Russian).

Maiko, V. V. 2020. *Sugdeya v kontse VII – pervoy polovine Kh veka (Sugdeya at the end of VII - the first half of the X century)*. Simferopol: "Kolorit" Publ. (in Russian).

Maiko, V. V. 2021. In Zinko, V. N. Zinko, E. A. (eds.). *XXII Bosporskie chteniya .Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Novye otkrytiya, novye proekty (22nd Bosporan Readings Cimmerian Bosporus and the World of Barbarians in Antiquity and the Middle Ages. New discoveries, new projects)*. Simferopol, Kerch: "Kerchenskaya gorodskaya tipografiya" Publ, 243–248 (in Russian).

Maiko, V. V., 2022. In Seydaliev, E. I., Kadyrov, D. E. (eds.). *Sbornik nauchnykh trudov konferentsii I Solkhatskie chteniya. Prichernomor'e v epokhu globalizatsii: Vostok i Zapad v kul'ture Kryma (Collected scientific papers of the conference I Solkhat Readings. Black Sea region in the era of globalization: East and West in the culture of Crimea)*. Simferopol: "ARIAL" Publ., 31–38 (in Russian).

Maiko, V. V. 2022. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* (26), 415–435 (in Russian).

Maiko, V. V. 2022. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 293–302 (in Russian).

Maiko, V. V. 2022. In *Istoriia i arkheologiia Kryma (History & Archaeology of Crimea)* XVI, 355–383 (in Russian).

Maiko, V. V. 2022. In *Bakhchisarayskie nauchnye chteniya pamyati Useina Bodaninskogo. K 145-letiyu so dnya rozhdeniya (Bakhchisaray, 2022). (X Bakhchisarai scientific readings in memory of Usein Bodaninsky. To the 145th anniversary of the birth)*. Bakhchisarai, 25–26 (in Russian).

Maiko, V. V. 2023. In Alekseenko N. A. (ed.). *PriPONTiyskiy menyala: den'gi mestnogo rynka. X Mezhdunarodnyy Numizmaticheskiy Simpozium (*X International Numismatic Symposium "Pontic Money-Changer: Money Of The Local Market"*)*. Simferopol: "Arial" Publ., 169–174 (in Russian).

Maiko, V. V., Goncharov, E. Yu. 2021. In Alekseenko N. A. (ed.) *PriPONTiyskiy menyala: den'gi mestnogo rynka. VIII Mezhdunarodnyy numizmaticheskiy simpozium (VIII International Numismatic Symposium "Pontic Money-Changer: Money of the Local Market")*. Simferopol: "Arial" Publ., 139–148 (in Russian).

Maiko, V. V., Zubarev, V. G., Markova, K. O., Mogucheva, M. R. 2023. In Khrshanovsky, V. A. et al. (eds.). *Bosporskii fenomen: quarta pars saeculi. Itogi, problemy, diskussii (The Bosporan Phenomenon: quarta pars saeculi.* Results, problems, discussions*)*. Saint Petersburg: "Chistyy list" Publ., 93–98 (in Russian).

Pridnev, S. V. 2015. In Maiko, V. V. (ed.). *Istoriia i arkheologiia Kryma (History and Archaeology of Crimea)* II. Simferopol: "Kolorit" Publ., 437–460 (in Russian).

Seydaliev, E. I. 2016. In *Zolotoordynskaya tsivilizatsiia (The Golden Horde civilization)* 9, 266–270 (in Russian).

Seydaliev, E. I. 2018. In Zinko, V. N., Zinko, E. A. (eds.). *XIX Bosporskie chteniya «Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Tradicii i innovacii»: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii ((XIX Bosporan Readings «Kimmerian Bosporus and the World of Barbarians in Antiquity and the Middle Ages. Traditions and Innovations»: the materials of International Scholarly Conference).).* Simferopol; Kerch, 419–422 (in Russian).

Seydaliev, E. I. 2023. In Alekseenko, N. A. (ed.). *ΕΤΟΣ ΙΕ ΙΝΔΙΚΤΙΩΝΟΣ Α. ΟΙΚΟΥΜΕΝΗ ΡΩΜΑΙΩΝ. ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ*. Simferopol: "Arial" Publ., 137–150 (in Russian).

Seydaliev, E. I., Kadyrov, R. R. 2018. In Zinko, V. N., Zinko, E. A. (eds.). *XIX Bosporskie chteniya «Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Tradicii i innovacii»: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii ((XIX Bosporan Readings «Kimmerian Bosporus and the World of Barbarians in Antiquity and the Middle Ages. Traditions and Innovations»: the materials of International Scholarly Conference).).* Simferopol; Kerch, 415–418 (in Russian).

Seydaliev, E. I., Seydalieva, D. E. 2023. In Seydaliev, E. I. (ed.). *TERRA TATARICA: Krym i tyurkskiy mir v epokhu Srednevekov'ya i v Novoe vremya (TERRA TATARICA: Crimea and the Turkic world in the Middle Ages and in modern time)*. Simferopol: "Arial" Publ., 167–172 (in Russian).

Seydalieva, D. E., Maiko, V. V., Seydaliev, E. I. 2022. In Seydaliev, E. I., Kadyrov, D. E. (eds.). Sbornik nauchnykh trudov konferentsii I Solkhatskie chteniya. Prichernomor'e v epokhu globalizatsii: Vostok i Zapad v kul'ture Kryma *(Collected scientific papers of the conference I Solkhat Readings. Black Sea region in the era of globalization: East and West in the culture of Crimea)*. Simferopol: "ARIAL" Publ., 15–24 (in Russian).

Teslenko, I. B. 2018. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 180–186 (in Russian).

Teslenko, I. B., Alyadinova, D. Yu. 2019. In *Stratum Plus* (6), 295–320 (in Russian).

Teslenko, I. B., Maiko, V. V. 2020. In Maiko, V. V. (ed.). *Istoriia i arkheologiia Kryma (History & Archaeology of Crimea)* XII. Simferopol: Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, 291–332 (in Russian).

Turova, N. P., Manaev, A. Yu., Novikov, S. A. 2023. In Seydaliev, E. I. (ed.). *TERRA TATARICA: Krym i tyurkskiy mir v epokhu Srednevekov'ya i v Novoe vremya (TERRA TATARICA: Crimea and the Turkic world in the Middle Ages and in modern time)*. Simferopol: "Arial" Publ., 173–185 (in Russian).

Khairedinova, E. A. 2023. In Seydaliev, E. I. (ed.). *TERRA TATARICA: Krym i tyurkskiy mir v epokhu Srednevekov'ya i v Novoe vremya (TERRA TATARICA: Crimea and the Turkic world in the Middle Ages and in modern time)*. Simferopol: "Arial" Publ., 191–195 (in Russian).

About the Author:

Maiko Vadim V. Doctor of Historical Sciences, Director, Institute of Archeology of Crimea, Russian Academy of Sciences. Academician Vernadsky Avenue, 2, Simferopol, 252007, Republic of Crimea, Russian Federation; vadimmaiko1966@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2024 г.
Статья принята к публикации 01.10.2024 г.

УДК 902/904 069.5 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.5.104.110

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО И ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В МУЗЕЯХ-ЗАПОВЕДНИКАХ ХАКАСИИ

©2024 г. Л.В. Еремин

Статья посвящена описанию опыта репрезентации археологического и этнографического наследия на территории Республики Хакасия. После того, как объекты культурного наследия выявлены, исследованы и опубликованы, для основной части из них наступает период забвения, а для некоторых – продолжение «жизни» в качестве объекта музейного показа. В Хакасии за период с 1996 по 2011 год создана сеть археологических музеев из 10 учреждений. В границах 200 гектаров музейных территорий находится более 3 тысяч памятников археологии: курганных могильников, памятников наскального искусства, остатков древних поселений, крепостных сооружений, изваяний. Особенностью культуры народов Хакасии является отсутствие четкой грани между археологическим и этнографическим наследием. Многие памятники археологии, выступавшие в качестве объектов поклонения в глубокой древности, не утратили своего значения и более поздние времена. Поэтому в археологических музеях Хакасии создаются условия для презентации различных форм этнографического и фольклорного наследия: проводятся музейные праздники, создаются юртовые комплексы, разрабатываются экскурсионные и образовательные программы.

Ключевые слова: археология, этнография, Южная Сибирь, Енисей, археологические музеи Хакасии, культурное наследие, музейные праздники, антропогенные ландшафты.

REPRESENTATION OF THE ARCHAEOLOGICAL AND ETHNOGRAPHIC HERITAGE IN THE MUSEUM-RESERVES OF KHAKASSIA

L.V. Eremin

The article is devoted to the description of the experience of the representation of archaeological and ethnographic heritage in the Republic of Khakassia. After the objects of cultural heritage are identified, investigated and published, a period of oblivion begins for the majority of them, and for some – the continuation of "life" as an object of museum display. 10 archaeological museums were established in Khakassia from 1996 to 2011. Within 200 hectares of museum areas there are more than 3 thousand archaeological monuments: barrow fields, rock art monuments, remains of ancient settlements, fortifications, sculptures. The peculiarity of the culture of the peoples of Khakassia is the absence of a clear boundary between archaeological and ethnographic heritage. Many archaeological sites, which acted as objects of worship in ancient times, have not lost their importance in later periods. That is why in archeological museums of Khakassia conditions for presentation of various forms of ethnographic and folklore heritage are created: museum holidays are held, yurt complexes are created, excursion and educational programs are developed.

Keywords: archaeology, ethnography, Southern Siberia, Yenisei, archaeological museums of Khakassia, cultural heritage, museum holidays, anthropogenic landscapes.

Достаточным результатом исследования для археолога является, как правило, научная публикация материалов исследования. Результатом исследования для самого изученного объекта становится либо, ввиду его рекультивации, прекращение прежнего существования, либо, если исследование не привело к изменению современного облика, как это бывает с памятниками наскального искусства, к эпизодическому использованию исследователями в научных целях, либо, в ещё более редких случаях, продолжение «жизни» в качестве объекта музейного показа. И здесь очень многое зависит от тех репрезентативных свойств, которыми обладает объект (Андреев, 2014; Медведь, 2004) и от наличия объективных условий для музеефикации памятников археологии. В практике музейного строительства уже сложились устойчивые критерии, которые позволяют определить, подлежит тот

или иной объект культурного наследия музеефикации или нет. В соответствии с этими критериями, объект (комплекс памятников) должен обладать исторической ценностью, он должен быть экспрессивен, информативен и аттрактивен, а также, доступен для посетителей. Кроме того, одним из существенных факторов, позволяющих музеефикацию археологического объекта, является наличие возможности обеспечения сохранности и организации охраны музеефицированного объекта (Булатов, 1997, с. 109-111).

Сохранением и презентацией культурного наследия на научной основе занимаются, прежде всего, музеи и музеи-заповедники. Причём, музеи-заповедники находятся в более выгодных условиях, поскольку обладают возможностью демонстрировать ансамбли и отдельные объекты культурного наследия в контексте традиционных ландшафтов и в динамическом режиме, помогающем создать для посетителей «эффект присутствия» (Экспозиционная деятельность…, 2022). Достичь атмосферы «погружения» помогают репрезентативные свойства музейных предметов и объектов культурного наследия.

«Репрезентация» в музейной сфере – понятие многозначное. Как правило, под «репрезентацией» понимается представление культурного наследия в экспозиции, основанное на способности предметов либо объектов выступать в качестве символов, отражающих определённую историческую эпоху и формирующих её устойчивый образ (Каулен, Сундиева, Чувилова И.В. и др., 2009, с. 61; Словарь музейных терминов, 2010, с. 168). В контексте заявленной темы, «репрезентация наследия» применяется в значении – показ, демонстрация, использование по-новому не только экспонатов, но и образов нематериального культурного наследия в виде воспроизведения обрядов, реконструкции исторических событий и фольклорных сюжетов. Во всех последующих примерах форм репрезентации, речь будет идти об активном или пассивном восприятии современным человеком культурного наследия предков (Пиков, 2022, с. 174-186).

В период с 1996 года по 2011 в Хакасии было создано 10 археологических музеев, что является своеобразным рекордом темпов музейного строительства в масштабах современной России (Еремин, 2011). В настоящее время сеть музеев-заповедников в Республике Хакасия включает 9 учреждений: 1 – республиканского подчинения, 8 – муниципального, из которых 2 музея-заповедника являются филиалами районных краеведческих музеев (Еремин, 2024, с. 29-32).

Формы и содержание таких музеев разнообразные, но их объединяет то, что в основе музейного собрания находится уникальный археологический комплекс. По содержанию, музеи-заповедники в регионе создавались как археологические, однако, в составе музейного пространства, в музейных экспозициях, в экскурсионных программах и проводимых учреждениями тематических музейных праздниках содержится богатый этнографический материал. Особенностью Хакасии является то, что национальная культура хакасов на протяжении многих веков формировалась в контексте археологических ландшафтов, в обрамлении памятников археологии. Это привело к тому, что отчётливых границ между археологическим и этнографическим наследием не сформировалось. В обрядовой практике хакасов до сих пор сохраняются традиции почитания древних изваяний, нанесение наскальных изображений, как способ оформления мест проведения обрядов, применялся у хакасских шаманов вплоть до 1930-х годов, а курганные поля, состоящие из сотен археологических памятников и сегодня как место проведения массовых праздников, уровня, например, республиканского национального праздника «Тун Пайрам». Эта ситуация нашла отражение и организации деятельности, и в оформлении экспозиционных пространств археологических музеев Хакасии. Демонстрация культурного наследия осуществляется в границах музейных территорий Хакасии на основе единого комплексного подхода. Рассмотрим примеры репрезентации археологического и этнографического наследия.

В Хакасском республиканском национальном музее-заповеднике на первичном учете состоит более 70 археологических комплексов (около 3 тысяч памятников археологии). Музеем-заповедником разработано 10 экскурсионных маршрутов по памятникам археологии, этнографии и природы. Более 200 памятников являются объектами экскурсионного показа. Презентация многих археологических памятников Хакасского музея-заповедника происходит через призму их использования в

настоящей или недавней обрядовой практике, а интерпретация содержания объектов археологии проводится с использованием собранного сотрудниками фольклорного материала. Важной составляющей актуализации археологических данных для посетителей является использование метода реконструкции, например, в случае с объектом поздней бронзы, могильником «Анчыл чон» (15-10 вв. до н.э.) (Bokovenko, 2000). Аскизский район, где расположен Хакасский музей-заповедник, – единственный в Хакасии национальный район, с долей жителей-хакасов – более 50% (Национальный состав…, 2021). Поэтому, популяризация этнографического наследия – часть стратегии деятельности музея. На территории построенного в период 2009-2013 годов этнографического комплекса «Хакасский аал» работают экспозиции, посвящённые традиционным формам хозяйствования, верованиям, этнопедагогике Хакасов, проводятся музейные праздники, связанные с календарными обрядами и народной гастрономией, такие, как республиканский музейный праздник «Алтын Ас».

Основная задача музея-заповедника «Хуртуях тас» – обеспечение сохранности и презентация музейными средствами уникального археологического объекта, изваяния эпохи ранней бронзы Улуг Хуртуях тас (III-II тыс. до н.э.). Этот объект культового поклонения, связан с темами избавления от женских недугов и плодородия, активно используется хакасами в обрядовой практике и в настоящее время. На территории музея-заповедника находится 5 курганов тагарской археологической культуры (1 тыс. до н.э.). Основные темы популяризации музеем-заповедником этнографического наследия – обрядовая культура хакасов, народная гастрономия и традиции семейных отношений (Ерохина, 2020, с. 376-391).

Музей наскального искусства «Хайа хоос» является структурным подразделением музея-заповедника «Хуртуях тас». В фонд музея вошло 93 стелы, на которые в разных техниках нанесено около 1 тысячи изображений, хронологически соотносимых с периодами от эпохи ранней бронзы (III-II тыс. до н.э.) – до начала XX в. В создании экспозиции во второй половине 1980-х годов поучаствовали известные исследователи Дмитрий Глебович Савинов и Борис Николаевич Пяткин. Научное сопровождение деятельности музея осуществляет специалист по наскальному искусству Елена Александровна Миклашевич. Репрезентация археологического наследия в этом музее заключается в создании условий для углублённого знакомства посетителей с сюжетами и культурным значением петроглифов. Достигается это через проведение реставрационных работ, связанных с очищением плоскостей с изображениями от лишайников (Миклашевич, 2014, с. 118), и расширением экскурсионного обслуживания. Этнографический элемент, при этом практически отсутствует. Выражен он только в архитектурной форме служебной юрты и в темах шаманских культов и обрядовых традиций хакасов, иллюстрациями к которым выступают отдельные наскальные изображения.

Музей «Древние курганы Салбыкской степи» состоит из двух экспозиционных площадок: «Большой Салбыкский курган» и «Курган Барсучий лог». В 1954-1956 гг. Сергеем Владимировичем Киселевым был раскопан курган Большой Салбык (Марсадолов, 2010). Объектом музейного показа, по сути, является только каменная конструкция ограды, которая составлена из плит красного песчаника около 2 м в высоту. Форма ограды – квадратная 70 х 70 м. Угловые камни ограды достигают в высоту 6 м и весят 30–50 тонн. Курган «Барсучий лог» был раскопан в 2004–2005 годах Германским археологическим институтом (г. Берлин) и Хакасским государственным университетом им. Н.Ф. Катанова (г. Абакан). До начала раскопок высота насыпи составляла не менее 9 метров, диаметр окружности – 75–77 метров. Конструкция ограды полностью реконструирована и укреплена (Готлиб, Парцингер, Наглер, 2007, с. 40-42).

Из двух площадок музея «Древние курганы Салбыкской степи» экскурсионная деятельность активно ведётся только на Большом Салбыкском кургане. Этнографические объекты в музее не представлены. Сама каменная конструкция Салбыкского кургана и площадка внутри ограды являются местом проведения неоязыческих и неошаманских обрядов. Репрезентация археологического наследия выражена в экскурсионных программах, описывающих погребальную культуру середины 1 тысячелетия до н.э. Интересным опытом репрезентации является создание виртуальной модели кургана, позволяющей

посетителям испытать «эффект погружения» в эпоху и «поучаствовать» в строительстве и «понаблюдать» за ритуальными действиями.

Арбатский музей под открытым небом, расположенный на юге Хакасии, состоит из двух музейных площадок: археологического музея под открытым небом «Малоарбатская писаница» и музея этнографии и быта «Казачья усадьба». На территории музея «Малоарбатская писаница» расположена скала с наскальными рисунками. Высота скалы около 20 метров, ширина – 23 метра. Скальная поверхность дробится на множество отдельно выступающих глыбообразных плоскостей, на которых и находятся петроглифы, нанесённые, преимущественно, охрой. Изображения подразделяются на две группы: антропоморфные личины и тамговидные знаки. Личины были созданы в эпоху бронзы (III-II тыс. до н.э.), тамги – в XVII – XIX вв. Всего на памятнике зафиксировано 81 изображение: 25 – антропоморфных ликов эпохи бронзы; 56 – тамговидных и зооморфных изображений, относящихся к этнографическому периоду (Есин, 2012, с. 67-75; Кызласов, Леонтьев, 1980, с.18, 20). Петроглифы являются объектами экскурсионного показа, репрезентация сотрудниками музея проводится в виде образовательных программ и музейных праздников только отношении этнографии сибирского казачества, в музее «Казачья усадьба».

Еще один музей, расположенный в южной части Хакасии, музей под открытым небом «Усть-Сос», обладает территорией площадью 62 га, на которой расположены памятники наскального искусства, изваяния эпохи бронзы, све, курганные могильники, объекты культового поклонения хакасов. В состав экскурсионных программ включены материалы по наскальному искусству (Миклашевич, 2014, с. 112-113) изваянию эпохи бронзы и енисейской рунической письменности. Однако основной упор в части репрезентации музеем делается на хакасскую культуру, которая передаётся в неотрадиционалистском ключе через обряды почитания окуневского изваяния, проведения музейного праздника «Кун Пазы» и тематических экскурсионных программ по шаманизму и обрядовой культуре хакасов.

Музей-заповедник «Сулеки», расположенный на севере Хакасии, осуществляет экскурсионную деятельность на Сулекской писанице, уникальном памятнике наскального искусства средневековья (Миклашевич, 2013, с. 304-308). Однако тема средневековой истории Кыргызского каганата, с которым хронологически связан памятник, лишь фрагментарно представлена в экскурсионных программах. Основной акцент в репрезентации наследия делается на различные формы этнографического наследия хакасов – на территории музея проводятся фестивали хакасского эпоса «Ночь хайджи», детские Тун Пайрамы и иные мероприятия, посвящённые хакасской народной культуре.

Музей-заповедник «Сундуки» включает обширную территорию природно-исторического комплекса «Первый и Четвёртый Сундуки», на которой находятся как объекты археологии, так и этнографии: курганы, петроглифы, объекты культового поклонения, остатки каменных конструкций крепости-све, площадки для проведения массовых молений. Однако о репрезентации археологического и этнографического наследия можно говорить условно, с учётом того, что генеральной темой музея является – «Сундуки – древняя астрономическая обсерватория», а в основе экскурсионных программ изложение различных наблюдений, гипотез и концепций В.Е. Ларичева, десятки лет изучавшего этот памятник (Ларичев, 1985, с. 37-49; Ларичев, 2009, с. 7-35).

Ширинский археологический парк формально включает в свой состав 7 археологических комплексов: крепость-све Чебаки, палеолитическая стоянка «Малая Сыя», грот Проскурякова в горном массиве Тогызаз, петроглифы озера Тус, Туимский кромлех, каменное изваяние эпохи бронзы «Богиня Умай», пещера Археологическая. В музейной практике эпизодически пока используются только место раскопок Туимского окуневского могильника (Кызласов И., 1989, с 193-212) и грот Проскурякова с петроглифами эпохи бронзы, как часть комплексного визуального маршрута «Тропа Предков».

Филиал Боградского краеведческого музея, музей под открытым небом «Бояры», практически не осуществляет экскурсионной деятельности. Тем не менее, стихийная туристическая деятельность на его территории ведётся. В состав музея включено две площадки: «Большая и Малая Боярские писаницы» и «Грот Двуглазка». Уникальность наскальных рисунков Боярских писаниц заключается в

том, что это самый значительный (более 250 изображений) в Южной Сибири источник информации о древних жилищах (Дэвлет, 1976), а грот Двуглазка – наиболее известная в Сибири стоянка неандертальцев (Абрамова, 1985, с. 92-98).

Более 3 тысяч памятников археологии, расположенных на музейных территориях общей площадью 200 гектар и более 80 музейных сотрудников, вовлечённых в работу по охране, презентации и изучению археологического наследия – это ресурс, которым обладает на сегодня Республика Хакасия.

В Хакасии упомянутыми археологическими комплексами, включёнными в состав уже созданных археологических музеев, проекты музеефикации не исчерпываются. Существуют идеи создания музеев на базе таких уникальных памятников как Уйбатский чаатас, могильник Сафронов, све Оглахты, комплекс Таарпиг, Ошкольская писаница и т.д.

Таким образом, в Республике Хакасия музеефикация и последующая репрезентация археологического и этнографического наследия решает проблемы не только дальнейшего научного освоения уже исследованных археологических комплексов, не только обеспечивает их сохранность и способствует развитию внутреннего туризма, но и, что представляется особенно важным, формирует у людей уважительное отношение к культурному наследию, как таковому. За четверть века с музеефицированными памятниками археологии Хакасско-Минусинскй котловины, в рамках экскурсионной деятельности музеев, познакомилось более миллиона посетителей.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова З.А. Мустьерский грот в Хакасии // КСИА. № 181 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1985. С. 92–98.

Андреев В.М. Интерпретативность археологического наследия и его музейная презентация // Фундаментальные исследования. 2014. № 11 (часть 1). С. 195–200. URL: https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=35503 (дата обращения: 25.03.2024).

Булатов Н.М. Проблемы музеефикации археологических памятников России // Археологический фактор в планировочной организации территории / Отв. ред. Ю.А. Веденин. М.: Институт Наследия, 1997. С. 109–111.

Готлиб А., Парцингер Г., Наглер А. Исследования «царского» кургана Барсучий Лог скифского времени в Южной Сибири // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи / Отв. ред. З. Самашев. Астана: Президентский центр культуры, 2007. С. 40–42.

Дэвлет М.А. Большая Боярская писаница. М.: Наука, 1976. 39 с.

Еремин Л.В. Музеи-заповедники Хакасии. Абакан: Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, 2011. 140 с.

Еремин Л.В. Презентация традиционной культуры в музеях-заповедниках Хакасии // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: тезисы VI Всероссийской научной конференции (Абакан, 23–24 мая 2024 г.) / науч. ред. А.Н. Чугунекова. Абакан: Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, 2024. С. 29–32.

Ерохина Е.А. Кого хранит Великая Богиня: нарративы и практики неотрадиционализма в современных религиозных представлениях тюрков Южной Сибири // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12. № 3. Ч. 2. С. 376–391.

Есин Ю.Н. Малоарбатская писаница: изображения эпохи бронзы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 3. С. 67–75.

Каулен М.Е., Сундиева А.А., Чувилова И.В., Черкаева О.Е., Борисова М.В., Хаханова Л.П., Скрипкина Л.И. Словарь актуальных музейных терминов // Музей. 2009. № 5. С. 47–68.

Кызласов И.Л. Воплощения Вселенной (Археологические памятники как объект палеоастрономии) // Историко-астрономические исследования. Вып. XXI / Отв. ред. А.А. Гурштейн. М.: Наука, 1989. С. 193–212.

Кызласов Л.Р., Леонтьев Н.В. Народные рисунки хакасов. М.: Наука, 1980. 176 с.

Ларичев В.Е. Палеоастрономические аспекты памятников эпохи металла района «Сундуков» // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.Е. Ларичев. Новосибирск: Наука, 1985. С. 37–49.

Ларичев В.Е. Астроархеология: «Сквозь тернии – к звездам!». Начало становления «непопулярной научной традиции» // Астроархеология – естественно-научный инструмент познания протонаук и

астральных религий жречества древних культур Хакасии / Отв. ред. В.Е. Ларичев. Красноярск: Город, 2009. С. 7–35.

Марсадолов Л.С. Большой Салбыкский курган в Хакасии. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2010. 128 с.

Медведь А.Н. Музеефикация памятников археологии в России (прошлое и настоящее). М.: ГНОМ и Д, 2004. 80 с.

Миклашевич Е.А. Музеефикация Сулекской писаницы: возможности реконструкции утраченных и повреждённых композиций // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул, 2013. С. 304–308.

Миклашевич Е.А. Музеефикация памятников наскального искусства в Республике Хакасия // РА. 2014. № 3. С. 111–122.

Национальный состав населения по городским округам, муниципальным районам по Республике Хакасия. URL: https://24.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Таблица%201.(23).xlsx (дата обращения 02.02.2024).

Пиков Н.О. Репрезентация культурного наследия: современные подходы // Северные архивы и экспедиции. 2020. Т. 6. № 1. С. 174–186.

Словарь музейных терминов / Отв. ред. С.А. Архангелов. М.: ГЦМСИР, 2010. 232 с.

Экспозиционная деятельность музеев-заповедников и современные музейные практики: проблемы брендирования территорий: сборник научных статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Науч. ред. А.В. Окороков, ред.-сост. Т. А. Зотова. М.: Институт Наследия, 2022. 292 с. DOI 10.34685/HI.2022.18.44.001.

Bokovenko N., Legrand S. 2000. Das karasukzeitliche Gräberfeld Äncil Con in Chakassien. // Eurasia Antiqua. Band 6. Berlin. s. 209–248.

Информация об авторе:

Еремин Леонид Валентинович, кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе, Музей-заповедник «Шушенское» (пгт Шушенское, Красноярский кр., Россия); leo_eremin@mail.ru

REFERENCES

Abramova, Z. A. 1985. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 181. Moscow: “Nauka” Publ., 92–98 (in Russian).

Andreev, V. M. 2014. In Fundamental'nye issledovaniya (*Fundamental Research)* 11, Part 1, 195–200 Available at: https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=35503 (accessed 25.03.2024) (in Russian).

Bulatov, N. M. 1997. In Vedenin, Yu. A. (ed.). *Arkheologicheskiy faktor v planirovochnoy organizatsii territorii (The archaeological factor in the planning organization of the territory).* Moscow: Russian Heritage Institute, 109–111 (in Russian).

Gottlieb, A., Parzinger, G., Nagler, A. 2007. In Samashev, Z. (ed.). *Nomadi kazakhskikh stepei: etnosotsiokul'turnye protsessy i kontakty v Evrazii skifo-sakskoi epokhi (Nomads of the Kazakh Steppes: Ethnosocial and Cultural Processes and Contacts in Eurasia of the Scythian-Saka Period*

Devlet, M. A. 1976. *Bol'shaya Boyarskaya pisanitsa (Petroglyphs of the Big Boyars).* Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Eremin, L.V. 2011. *Muzei-zapovedniki Khakasii (Museum-reserves of Khakassia)*. Abakan: Khakass State University named after N.F. Katanov (in Russian).

Eremin, L. V. 2024. In Chugunekoa, A. N. (ed.). Sokhranenie i razvitie yazykov i kul'tur korennykh narodov Sibiri *(Presentation of traditional culture in the museums-reserves of Khakassia).* Abakan: Khakass State University named after N. F. Katanov, 29–32 (in Russian).

Erokhina, E. A. 2020. In *Idei i idealy (Ideas and ideals)* Vol. 12, no 3, part 2, 376–391 (in Russian).

Esin, Yu. N. 2012. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* (3), 67–75 (in Russian).

Kaulen, M. E., Sundieva, A. A., Chuvilova, I. V., Cherkaeva, O. E., Borisova, M. B., Khakhanova, L. P., Skripkina, L. I. 2009. In *Muzey (Museum)* 5, 47–68 (in Russian).

Kyzlasov, I. L. 1989. In Gurshtein, A. A. (ed.). *Istoriko-astronomicheskie issledovaniya (Historical and astronomical researches)* XXI. Moscow: "Nauka" Publ., 193–212 (in Russian).

Kyzlasov, L. R., Leontiev, N. V. 1980. *Narodnye risunki khakasov (Khakass folk rock paintings)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Larichev, V. E. 1985. In Derevyanko, A. P., Larichev, V. E. (eds.). *Pamyatniki drevnikh kul'tur Sibiri i Dal'nego Vostoka (Monuments of ancient cultures of Siberia and the Far East)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 37–49 (in Russian).

Larichev, V. E. 2009. In Larichev, V. E. (ed.). Astroarkheologiya – estestvenno-nauchnyy instrument poznaniya protonauk i astral'nykh religiy zhrechestva drevnikh kul'tur Khakasii *(Astroarchaeology – a natural scientific tool for the knowledge of proto-science and astral religions of the priesthood of ancient cultures of Khakassia)*. Krasnoyarsk: "Gorod" Publ., 7–35 (in Russian).

Marsadolov, L.S. 2010. *Bol'shoy Salbykskiy kurgan v Khakasii (Bolshoy Salbyksky barrow in Khakassia)*. Abakan: "Khakasskoe knizhnoe izd-vo" Publ. (in Russian).

Medved, A. N. 2004. *Muzeefikatsiya pamyatnikov arkheologii v Rossii (proshloe i nastoyashchee) (Museumification of archaeological sites in Russia (past and present))*. Moscow: "GNOM i D" Publ. (in Russian).

Miklashevich, E. A. 2013. In Tishkin, A. A. (ed.). *Sovremennye resheniia aktual'nykh problem evraziiskoi arkheologii (Contemporary Solutions to the Current Issues of Eurasian Archaeology)*. Barnaul: Altai State University, 304–308 (in Russian).

Miklashevich, E. A. 2014. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (3), 111–122 (in Russian).

Natsional'nyy sostav naseleniya po gorodskim okrugam, munitsipal'nym rayonam po Respublike Khakasiya (The national composition of the population by urban districts, municipal districts in the Republic of Khakassia). Available at: https://24.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Таблица%201.(23).xlsx (accessed: 02.02.2024).

Pikov, N. O. 2020. In *Severnye arkhivy i ekspeditsii (Northern Archives and Expeditions)* Vol. 6, no 1, 174–186 (in Russian).

Archangelov, S. A. (ed.). 2010. *Slovar' muzeynykh terminov (Dictionary of museum terms)*. Moscow: The State Central Museum of Modern History of Russia (in Russian).

Okorokov, A. V., Zotova, T. A. (eds). 2022. *Ekspozitsionnaya deyatel'nost' muzeev-zapovednikov i sovremennye muzeynye praktiki: problemy brendirovaniya territoriy (The Exhibition Activities Of Museum-Preserves And Contemporary Museum Practices: Problems Of Branding Territories)*. Moscow: Russian Heritage Institute (in Russian).

Bokovenko, N., Legrand, S. 2000. In *Eurasia Antiqua*. Band 6. Berlin, 209–248.

About the Author:

Eremin Leonid V. Candidate of Historical Sciences, Deputy Director for Scientific Work, Shushenskoye Museum-Reserve (662713, Russian Federation, Krasnoyarsk Territory, village. Shushenskoye, Novaya str., 1); leo_eremin@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2024 г.
Статья принята к публикации 01.10.2024 г.

УДК 9 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.5.111.116

ЗАПАДНЫЙ КРАЙ (СИ ЮЙ) В ТРУДАХ Н.Я. БИЧУРИНА (1777–1853)

©2024 г. И.Ф. Попова

Работы выдающегося отечественного ученого Никиты Яковлевича Бичурина (1777–1853) (о. Иакинфа) впервые раскрыли подлинное значение для мировой истории обширного региона Центральной Азии, именовавшегося в китайских источниках Западным краем, и стали основой для его дальнейшего фундаментального научного и практического изучения. Этот регион имел для китайских империй огромное геополитическое значение, и именно туда на протяжении многих столетий был направлен главный вектор внешней политики Китая. Основным трудом Н. Я. Бичурина по исторической географии Западного края стало «Описание Чжуньгарии и Восточного Тюркистана», куда вошли переводы из важнейших китайских источников «Истории Ранней династии Хань», «Записок о виденном и слышанном о Западном крае», а также официального географического свода XVIII в. «Полное описание Великой Цинской империи». Введя в науку большое количество данных по истории, административному управлению и этнографии народов, проживавших на данной территории, о. Иакинф первым провел также сравнительно-лингвистический анализ многих топонимов, привлекая сведения не только на китайском, но и маньчжурском, монгольском, тибетском и уйгурском языках. Вопрос о переиздании переводов и научных работ Н. Я. Бичурина по исторической географии Центральной Азии, снабженных современным научным аппаратом, остается весьма актуальным и в настоящее время. Его решение привлечет внимание исследователей к ряду не получивших должного внимания научных проблем, поднятых Н.Я. Бичуриным, и будет содействовать восстановлению приоритета отечественного востоковедения в целом ряде его отраслей.

Ключевые слова: Н. Я. Бичурин (о. Иакинф), Западный край (Си юй), Восточный Туркестан, «Описание Чжуньгарии и Восточного Тюркистана».

WESTERN REGIONS (XI YU) IN THE WORKS BY N. BICHURIN (1777–1853)

I.F. Popova

The works by the well-known Russian scholar N. Bichurin (1777–1853) (Iakinf) were the first to open the real significance in the world history of the vast geographic area of Central Asia, called Western Regions (*Xi Yu*) in the Chinese sources, and provided a basis for its' further fundamental research and practical study. This region was of a key geopolitical interest for the Chinese empires and was at the main vector line of the external policy of China for many centuries. The major work by N. Bichurin on the historical geography of the Western Regions became "Description of Dzungaria and Western Turkestan", which included translations from the main Chinese sources on the subject, as "History of the Early Han Dynasty", "Record of What One Sees and Hears in the Western Regions", and the official geographic corpus "A Complete Description of the Great Qing Empire". Bichurin introduced for the academic world a lot of data on history, administration and ethnography of the peoples living in the Western Regions and also became the first scholar, who made a comparative linguistic analysis of many toponyms making use of the data not only in Chinese, but also in Manchu, Mongolian, Tibetan and Uighur languages. The necessity to republish with the updated scholarly apparatus the translations and research works by N. Bichurin on historical geography of the Central Asia, remains a topical issue up to our days, as due to this the scientists may focus their attention on the issues, raised by N. Bichurin, which has not received sufficient attention, and will contribute to the restoration of the priority of Russian oriental studies in a number of fields.

Keywords: N. Bichurin (Iakinf), Western Regions (Xi Yu), Eastern Turkestan, "Description of Dzungaria and Eastern Turkestan"

Обширный регион Центральной Азии, именуемый в китайских источниках *Западным краем* (*Си юй*) всегда имел для китайских империй огромное геополитическое значение, и именно туда на протяжении многих столетий был направлен главный вектор внешней политики Китая. В русской и европейской исторической литературе XVIII – начала XIX

вв. это пространство получало разные наименования. На нем выделялись исторические области Кашгарии, Семиречья, Чжунгарии (Джунгарии), Могулистана. В настоящее время географическое понятие Западный край тождественно понятию Восточный Туркестан, укоренившемуся в исторической литературе с XIX в., и обозначает территорию Синьцзян-Уйгурского автономного района Китайской Народной Республики или провинции Синьцзян Цинского Китая (1644–1911), образованной в 1884 г.

Начало научного этапа в изучении Средней и Центральной Азии связано с именем выдающегося отечественного ученого Никиты Яковлевича Бичурина (1777–1853) (о. Иакинфа), чьи работы по исторической географии заложили основу комплексного исследования региона. Его труды увидели свет в то время, когда Россия, значительно расширившая свое влияние на Дальнем Востоке и Тихом океане, начала осознавать подлинное геополитическое значение внутренней Евразии и обращать внимание на необходимость ее всестороннего изучения. Источники на китайском языке, введенные Н. Я. Бичуриным в научный оборот, содержали наиболее раннюю информацию о Тибете, Монголии, Восточном Туркестане и Средней Азии. Благодаря абсолютной точности перевода и локализации географических данных, труды Н. Я. Бичурина не утратили своей актуальности вплоть до настоящего времени и остаются важнейшим источником для исследований по археологии, истории и этнографии древней и средневековой Азии.

Труды по исторической географии, бесспорно, остаются самыми востребованными среди наследия Н. Я. Бичурина как опубликованного, так и неопубликованного, хранящегося в архивах Санкт-Петербурга, Казани, Москвы. Они появились в то время, когда широкая читающая публика в России испытывала огромный интерес к познанию неизведанных пространств Внутренней Азии. 19 августа 1845 г. по высочайшему повелению в Санкт-Петербурге было создано Русское географическое общество. Его «первой задачей» было заявлено собирание и распространение достоверных сведений о России, а «второй важной задачей должно было стать изучение зарубежных стран, в первую очередь сопредельных с Россией Турции, Персии, Китая и т. д.» (цит. по: Матвеева, 2006, с. 128). Необходимость изучения и издания трудов по географии осознавалась в ту пору очень многими людьми.

Работы Н. Я. Бичурина стали одним из необходимых условий для развития регионоведения Центральной Азии как актуального направления отечественной и европейской науки. Известный журналист Н. А. Полевой отмечал, что «превосходно зная историю и географию Средней Азии, о. Иакинф выбирает именно те предметы, которые более всего возбуждают наше любопытство и всего менее нам, европейцам, известны» (цит. по: Скачков, 1977, с. 102). Н. Я. Бичурин сумел выявить в китайских исторических сочинениях большое количество сведений о государствах и народах Азии и предоставить эти сведения в распоряжение исследователей, которым они были недоступны из-за незнания языка.

Главный труд Н.Я. Бичурина по истории и географии Западного края «Описание Чжуньгарии и Восточного Тюркистана в древнем и нынешнем состоянии» стал третьей большой работой, опубликованной о. Иакинфом по возвращении из Китая в 1821 г.; книга увидела свет в 1829 г. До этого в 1828 г. о. Иакинф опубликовал работу «Описание Тибета в нынешнем его состоянии», основанную на комментированном переводе китайского сочинения «Вэйцзан туши» XVIII в. Первая в России книга о Тибете получила высокую оценку и в России, и за рубежом. В ряде российских газет и журналов появились рецензии, отмечавшие ее большое научное значение, а в 1829 г. она была опубликована на французском языке с примечаниями Ю.Клапрота. В 1828 г. вышел также труд Н.Я. Бичурина «Записки о Монголии», представлявший полное, основанное на достоверных китайских источниках описание Монголии. Книга также была сразу переведена на французский язык. Издание работ о Тибете и Монголии сделало имя Н. Я. Бичурина широко известным в России и Западной Европе и стало главным основанием для избрания его 17 декабря 1828 г. членом-корреспондентом Императорской Академии наук.

В «Описание Чжуньгарии и Восточного Тюркистана» вошли переводы из трех важнейших китайских источников: 96-ой главы «Истории династии Ранняя Хань» (*Цянь Хань шу*) «Повествование о Западном крае» (*Си юй чжуань*); «Записок о виденном и слышан-

ном о Западном крае» (*Си юй вэнь цзянь лу*), изданных в 1777 г., а также официального географического свода XVIII в. «Полное описание Великой Цинской империи, изданного по высочайшему повелению» (*Юй чжи Да Цин и тун чжи*). Книга Н. Я. Бичурина была снабжена «Предисловием от переводчика» и топонимическим указателем «Описание древних мест, находящихся в сем переводе, расположенных по алфавиту». Труд о Восточном Туркестане не привлек к себе такого же внимания, как две предыдущие работы Н.Я. Бичурина, ее значение было осознано гораздо позже (Хохлов, 2002, с. 12–15).

Перевод «Повествования о Западном крае», 96-ой главы «Истории Ранней династии Хань», который составил первую часть «Описания Чжуньгарии и Тюркистана», очевидно, был самым ранним источником по истории и географии Западного края. «История династии Ранняя Хань», официальная «стандартная история» (*чжэн ши* 正史) Китая в период Ранней Хань (206–8 гг. до н. э.), была составлена в 58–83 гг. коллективом историков под руководством Бань Гу (32–92). Изложение событий в ней было систематизировано по образцу «Записок историка» (*Ши цзи*) Сыма Цяня (145–86 гг. до н. э.). В соответствии с введенной им структурой, первый раздел династийных историй «Основные записи» (*бэнь цзи*) представлял собой изложение событий политической истории в хронологическом порядке и по периодам царствований. В разделе «Таблицы» (*бяо*) приводилась хронология событий; в «Трактатах» (*чжи*) — сведения о науке и культуре (астрономии, землеустройству, административно-территориальному управлению, литературе, и т. д.). Все династийные истории завершались разделом «Биографии» (*ле чжуань*) с жизнеописаниями видных деятелей, начиная с представителей императорской фамилии и выдающихся сановников, заканчивая бунтовщиками («злодеями»).

В разделе «Биографии» приводились также сведения о соседних государствах и народах, которые либо уже находились в сфере китайского влияния, либо потенциально могли быть в нее вовлечены. Официальная китайская идеология рассматривала вселенское пространство как единое политическое целое во главе с верховным правителем, императором Поднебесной, и поэтому возможности присоединения новых территорий к Китаю теоретически полагались безграничными. Все народы и племена, находившиеся в разной степени удаленности от Китая, рассматривались как реальные, либо потенциальные вассалы Срединного государства, а имперские шаги, направленные на включение новых земель в свою административно-территориальную структуру, китайская государственная доктрина объясняла либо патронажем этнических периферий, либо необходимостью кары за нарушение вассальных обязанностей. Во внешнеполитической идеологии контуры Китая или Срединного государства очерчивались условно как центр, к которому примыкает структурированная периферия или «территория пространства в четырех направлениях» (*сы фан*), заселенного восточными «варварами» *и,* северными *ди,* западными *жун* и южными *мань*. На практике отношения Китая с сопредельными народами редко сводилось к простой дихотомии «цивилизация-варварство», а принимали очень сложные, многообразные формы. Пространство рассматривалось как строго иерархичная и неоднородная структура, и в теории основные функции по его разделению и организации связывались со сверхъестественной индивидуальной добродетельной силой-*дэ* правителя Поднебесной. При этом задача соединения всех частей этого пространства воедино должна была воплощаться в конкретных формах, поддержанных исполнительной властью.

В повествования о ближних и дальних государствах в династийных историях обычно входило: описание столицы (местопребывания) местного правителя; данные о расстоянии до китайской столицы и численности населения и армии, иногда информация исторического и этнографического характера. Все это представляло набор данных практического характера, необходимых для эффективного управления народом или местностью. По такой же схеме в разделе *Си юй чжуань* в «Цянь Хань шу» были описаны 50 государств, соседствовавших с Китаем в период Ранней Хань.

Еще один источник Н. Я. Бичурина для «Описания Чжуньгарии и Восточного Тюркистана» *Си юй вэнь цзянь лу* в начале XIX в. был одним из новейших и наиболее полных описаний Восточного Туркестана. Он пользовался огромной популярностью в Китае и был

неоднократно переиздан, даже под различными названиями (Думан, 1935, с. 25). Впоследствии это сочинение часто использовалось как основа для исследований, пространно цитировалось и во многих отношениях считалось «самым толковым из китайских источников» (Землеведение, 173, с. 384).

Сведения об авторе и дате написания произведения были приведены в предисловии к *Си юй вэнь цзянь лу*: «В правление Цяньлуна, год 42-ой, по общему счислению в год под знаками *дин-ю* (1777), в 12-ом месяце, в 19-ый день, Чунь Юань 椿園, Цишии 七十一 написал это предисловие в кабинете Вернувшегося к четырем вершинам (*Фу сы шань фан*) (*Си юй вэнь цзянь лу*, предисл., с. 2а). У Н. Я. Бичурина, очевидно, были сомнения относительно личности или имени автора *Си юй вэнь цзянь лу*, и в предисловии переводчика к «Описанию Чжуньгарии» он указал, что вторую часть его книги составляет «Описание Западного края», «сочиненное одним маньчжурским чиновником, жившим в Тюркистане по должности» (Описание Чжуньгарии, 1829, с. IV–V). Имя Цишии, на первый взгляд, действительно кажется необычным: в *букв.* переводе оно означает *Семьдесят один* или *Семьдесят первый*. Хотя по маньчжурской традиции его мог дать ребенку дед, которому в год рождения внука исполнился 71 год, и так, скорее всего, и было. В биографических словарях сообщается, что «Чунь Юань — это псевдоним Цишии» (*Чжун вэнь да цыдянь*, т. 5, с. 300), а о Цишии (*Семьдесят первом*) есть небольшие статьи: «Цишии жил при Цин, принадлежал к маньчжурскому корпусу Синего знамени. Псевдоним был у него Чунь Юань. В правление Цянь-луна [удостоился ученой степени] *цзиньши*. Среди его трудов есть *Си юй вэнь цзянь лу*» (*Чжун вэнь да цыдянь*, т. 1, с.155; *Чжунго жэнь мин да цыдянь*, с. 8). Краткость биографий и необычное имя заставили некоторых синологов предположить, что *Цишии* не имя, а возраст, и что подпись в предисловии к *Си юй вэнь цзянь лу* следует понимать как «Чунь Юань, семидесяти одного года» (Думан, 1935, с. 25).

В предисловии к «Описанию Чжуньгарии» год написания *Си юй вэнь цзянь лу* был ошибочно указан как 1773 г. Эта неточность перешла затем во многие работы, хотя Л. И. Думан, описавший в 1935 г. ксилографическое издание источника, обратил на нее внимание (Думан, 1935, с. 25).

Си юй вэнь цзянь лу состоит из 8 глав (цзюаней). Первая и вторая «Краткое описание Новой линии» (две части) представляют собой историческое и географическое описание владений, вошедших в состав Китая в XVIII в.; третья и четвертая «Описание внешних владений» содержат данные о ближайших соседях (одна часть) и некоторых отдаленных землях, включая Россию, Кашмир, Бедахшан и др. (одна часть); в пятой и шестой «История событий на Западных границах» (две части) изложены события недавнего покорения Синьцзяна, седьмая глава «Нравы и обычаи туркестанцев» содержит сведения смешанного, в основном этнографического характера; в восьмой главе «Дорожник Новой линии» приведены таблицы маршрутов Западного края с указанием расстояний.

Ханьский источник *Си юй чжуань* по географии Западного края был переведен Н.Я. Бичуриным полностью. Перевод *Си юй вэнь цзянь лу* сделан с пропусками, в него не вошло большинство разделов о дальних странах, любопытных по содержанию, но не имеющих отношения к изучению Синьцзяна. В целом же русский перевод китайского текста отличался большой точностью. Важно отметить, что в распоряжении Н. Я. Бичурина не было ни одного китайско-русского словаря. Во время работы он имел перед глазами лишь китайский текст и чистый лист бумаги для записи перевода. Позже по своим рабочим материалам он составил несколько словарей[1].

Выдающимся научным результатом Н. Я. Бичурина была локализация многих географических наименований, которые были приведены в переведенных им сочинениях под искаженными названиями. В китайских исторических источниках применительно к другим народам обычно использовалась китайская титулатура, названия государств иногда указывались по собственному или родовому имени местного правителя, иногда фиксировались по-китайски, иногда воспроизводились в соответствии с местным наречием, а иногда на языке третьих народов. Сложность местной топонимики затрудняла работу исследователей региона не только до Н. Я. Бичурина, но и после него. Однако именно о. Иакинф первым провел сравнительно-лингвистический анализ многих топонимов,

привлекая данные не только на китайском, но и маньчжурском, монгольском, тибетском и уйгурском языках.

Н. Я. Бичурина можно считать предтечей актуальной современной дисциплины геополитики, поскольку он осознавал значение взаимозависимости народов и государств и действие исторических факторов в формировании регионально-пространственной картины Средней Азии, Центральной Азии и Дальнего Востока.

В январе 1846 г. по поручению Академии наук Н. Я. Бичурин приступил к созданию труда по истории народов Средней Азии. Он использовал материалы по исторической географии, включая те, что легли в основу его труда **«Описание Чжуньгарии и Восточного Тюркистана».** В результате было создано фундаментальное сочинение в трех томах «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», впервые опубликованное в 1851 г.

Скончался Никита Яковлевич Бичурин в своей келье в Александро-Невской лавре 11 мая 1853 г. и 12 мая был похоронен в ограде лавры. На могиле Н. Я. Бичурина поставлен памятник, на котором написано «Иакинф Бичурин род. 1777, умер 1853 Мая 11 д.» и по-китайски добавлено: «Постоянно прилежно трудился над увековечившими [его] славу историческими трудами».

Помимо своего фундаментального научного значения труды Н. Я. Бичурина несли еще и важную практическую составляющую, став основой для экспедиционного этапа изучения Центральной Азии, начавшегося во второй половине XIX в., когда были организованы «рекогносцировочные» экспедиции Н.М. Пржевальского (1839–1888), Г.Н. Потанина (1835–1920), М. В. Певцова (1843–1902) в Монголию и Китай. Затем последовал ряд археологических и этнографических экспедиций в Восточный Туркестан и Монголию М.М. и Н.М. Березовских, Д.А. Клеменца (1848–1914), В. В. Радлова (1837–1918), С. Е. Малова (1880–1957), П. К. Козлова (1863–1935). Одновременно с отчетами этих экспедиций публиковались или подготавливались к печати «крупные синтезирующие труды» по истории, исторической географии и этнографии Центральной Азии Г. Е. Грумм-Гржимайло, Н.А. Аристова, В.В. Григорьева и др.

Работы Н. Я. Бичурина впервые раскрыли подлинное значение для мировой истории обширного региона Центральной Азии, именовавшегося в китайских источниках *Западным краем,* и стали основой для его дальнейшего фундаментального научного и практического изучения. Вопрос о переиздании переводов и научных работ Н. Я. Бичурина по исторической географии Центральной Азии, снабженных современным научным аппаратом, остается весьма актуальным и в настоящее время. Его решение привлечет внимание исследователей к ряду не получивших должного внимания научных проблем, поднятых Н. Я. Бичуриным, и будет содействовать восстановлению приоритета отечественного востоковедения в целом ряде его отраслей.

Примечание:

[1] Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 22–23, 24–25, 28–29, 30, 36.

ЛИТЕРАТУРА

Думан Л.И. Некоторые китайские источники по изучению Синьцзяна конца XVIII и начала XIX века // Библиография Востока. 1936. Вып. 8–9 (1935). С. 15–40.

Землеведение К. Риттера. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией. Восточный или Китайский Туркестан. Пер. В.В. Григорьева. Вып. II. Дополнения. Отд. I. Историко-географический. СПб: Тип. В. Безобразова, 1873.

Матвеева М. Ф. Исследование Центральной Азии – одна из самых ярких страниц в истории Русского географического общества // Санкт-Петербург – Китай: три века контактов / Отв. ред. А.В. Прохоренко. СПб: Европейский Дом, 2006. С. 125–153.

Описание Чжуньгарии и Восточного Тюркистана в древнем и нынешнем состоянии. Переведено с китайского монахом Иакинфом. Ч. I–II. СПб: Тип. Карла Крайя, 1829.

Си юй вэнь цзянь лу 西域聞見録 (Записки о виденном и слышанном о Западном крае). Сост. Цишии 七十一.

Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М.: Наука, 1977. 512 с.

Хохлов А. Н. Н.Я. Бичурин и его труды о Цинском Китае // Бичурин Н.Я. Статистическое описание Китайской империи. В двух частях. Ч. 1. М.: Восточный Дом, 2002. С. 5–30.

Цянь Хань шу 前漢書 (История ранней династии Хань). Сост. Бань Гу 班固. Шанхай: Чжунхуа шуцзюй 上海: 中華書局, 1937 (Сы бу бэй яо 四部備要. Т. 440–471).

Чжун вэнь да цыдянь 中文大辭典 (Большой словарь китайского языка). Тайбэй, 1976.

Чжунго жэнь мин да цыдянь 中國人名大辭典 (Большой китайский биографический словарь). Шанхай 上海: Commercial Press, 1984.

Информация об авторе:

Попова Ирина Федоровна, доктор исторических наук, член-корреспондент Российской академии наук, Институт восточных рукописей РАН (г. Санкт-Петербург, Россия); irina_f_popova@mail.ru

REFERENCES

Duman, L. I. 1936 In *Bibliografiya Vostoka (Bibliography of the Orient).* Vol. 8–9 (1935), 15–40 (in Russian).

1873. *Zemlevedenie K. Rittera. Geografiya stran Azii, nakhodyaschikhsya v neposredstvennykh snosheniyakh s Rossiei. Vostochny ili Kitaisky Turkestan. Per. V.V. Grigorieva. Vyp. II. Dopolneniya. Otd. I. Istoriko-filologichesky. (Earth Science by C. Ritter. Geography of the Countries of Asia, which are in the Direct Relationship with Russia. Eastern or Chinese Turkestan. Tr. by V.V. Grigoriev. Issue II. Supplement. Part I. History and Philology).* Saint Petersburg: V. Bezobrazov Publ., 1873 (in Russian).

Matveeva, M. F. 2006. In Prokhorenko, A. V. (ed.). *Sankt-Peterburg – Kitay: tri veka kontaktov (Saint Petersburg – China, three centuries of the relationship).*Saint Petersburg: “Evropeyskiy Dom” Publ., 125–153 (in Russian).

Iakinf 1829. (transl.). O*pisanie Chzhun'garii i Vostochnogo Tyurkistana v drevnem i nyneshnem sostoyanii (Description of Dzungaria and Eastern Turkestan).* Part. I–II. Saint-Petersburg:, “Carl Kray” Publ., (in Russian).

Xi yu wen jian lu 西域聞見録 *(Record of What One Sees and Hears in the Western Regions)*. Comp. by Qishiyi 七十一. (in Chinese).

Skachkov, P. E. 1977. *Ocherki istorii russkogo kitaevedeniya (Sketches on the history of the Russian Chinese studies).* Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Khokhlov, A. N. 2002. In In Bichurin, N. Ya. *Statisticheskoe opisanie Kitayskoy imperii (Statistic description of the Chinese Empire).* Part 1. Moscow: “Vostochny Dom” Publ., 5–30 (in Russian).

Qian Han shu 前漢書 *(History of the Early Han Dynasty).* Comp. by Ban Gu 班固. Shanhai, Zhonghua shuju Publ. 上海: 中華書局, 1937 (Si bu bei yao 四部備要. Vol. 440–471) (in Chinese).

Zhong wen da cidian 中文大辭典 *(Unabriged Dictionary of the Chinese Language).* Taipei, 1976 (in Chinese).

Zhongguo ren ming da cidian 中 國人名大辭典*(Unabriged Chinese Biografical Dictionary).* Shanghai 上海, Commercial Press, 1984 (in Chinese).

About the Author:

Popova Irina F., Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences; Institute of Oriental Manuscripts, RAS, Dvortsovaya emb., 18, Saint Petersburg, 191181, Russian Federation; irina_f_popova@mail.ru.

Статья поступила в журнал 01.08.2024 г.
Статья принята к публикации 01.10.2024 г.

УДК 32.322 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.5.117.125

ЕДИНСТВО РАЗНООБРАЗИЯ:КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ И ЯЗЫКОВАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ, МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ В КАЗАНСКОМ ХАНСТВЕ – САМОМ СЕВЕРНОМ ФОРПОСТЕ ИСЛАМСКОГО МИРА XV–XVI ВЕКОВ

© 2024 г. Б.Л. Хамидуллин

В статье представлены результаты многолетних исследований этносоциальной и политической истории Казанского ханства, культуры правящего слоя и податного населения данного средневекового государства. Исторические источники свидетельствуют, что в ханстве, при главенстве ислама и росте его влияния на все сферы жизни страны, существовала полная веротерпимость и языковая толерантность, что было связано с традициями *Хазарского каганата, Волжско-Камской Булгарии, Монгольской империи* и Золотой Орды. Важно также указать достаточно широкую полилингвальность и мультикультурность населения Казанского государства. Отмечаемая многими современными учеными и преподавателями необходимость полилингвизма и мультикультурности в образовательном и коммуникационном пространстве «в эпоху постграмотности», оказывается, уже давно и успешно реализовывалась в разных странах в эпоху средневековья, например в XV–XVI веках в Казанском ханстве.

Ключевые слова: Казанское ханство, исламский мир, мультикультурализм, конфессиональная и языковая толерантность

UNITY OF DIVERSITY: CONFESSIONAL AND LINGUISTIC TOLERANCE, MULTICULTURALISM IN THE KAZAN KHANATE – THE NORTHERNMOST OUTPOST OF THE ISLAMIC WORLD IN THE XV–XVI CENTURIES

B.L. Khamidullin

The article presents the results of many years of research on the ethnosocial and political history of the Kazan Khanate, the culture of the ruling stratum and the taxable population of this medieval state. Historical sources indicate that in the Khanate, with the supremacy of Islam and the growth of its influence on all spheres of life in the country, there was complete religious and linguistic tolerance, which was associated with the traditions of the Khazar Khaganate, Volga-Kama Bolgaria, the Mongol Empire and the Golden Horde. It is also important to point out the rather wide polylingualism and multiculturalism of the population of the Kazan state. The necessity of polylingualism and multiculturalism in educational and communication space "in the era of post-literacy" noted by many modern scientists and teachers, it turns out, has long been successfully realized in different countries in the Middle Ages, for example, in the XV-XVI centuries in the Kazan Khanate.

Keywords: Kazan Khanate, Islamic world, multiculturalism, religious and linguistic tolerance

В результате целого комплекса политических, социально-экономических и природно-климатических причин во второй трети XV века Золотая Орда перестала существовать как единая империя. Это привело к появлению конфедерации татарских государств, продолживших ее традиции (Мухамедьяров, 2008б).

Одной из таких новых держав стало Казанское ханство (1438/1445–1552/1556), чьи государственное устройство и культура базировались на наследии Булгарского улуса/вилайета Золотой Орды и функционировали с серьезными элементами центральноазиатского, ближневосточного, крымско-татарского и ногайского влияния (Худяков, 1923; Мухамедьяров, 2008а, 2012; Хамидуллин, 2008). Как и ранее в Волжско-Камской Булгарии (Белов, Хамидуллин, 2022), государственность ханства практически с первых же лет своего существования имела ярко выраженный мусульманский характер.

Исторические источники свидетельствуют, что уже со второй четверти XIV века в Золотой Орде главенствовал ханафитский

мазхаб суннитского ислама, с активным использованием местных обычаев и юридической практики («гореф-гадат»/«адат»); этот мазхаб позднее был широко распространен в Астраханском, Казанском, Касимовском, Крымском и Тюменском/Сибирском татарских ханствах (Измайлов, Хамидуллин, 2008; Мухамедьяров, 2008а). И здесь везде именно мусульманское духовенство, наряду с ханами-Чингизидами и татарами (которые являлись высшей социальной стратой), определяло общественно-политическую жизнь, так как мусульманско-правовая доктрина всегда относилась к государству как к институту, наделенному одновременно и конфессиональными, и светскими полномочиями. Например, основой судебно-правовой системы Казанского и других татарских государств был шариат, источниками которого являются Коран, сунна пророка Мухаммада, единогласное мнение богословов и правоведов. «Во всех своих поступках и событиях жизни [жители Казанского ханства] обращались к правилам священного шариата. Все свои споры и судебные дела разрешали согласно шариату», – информирует нас одна из татарских летописей (Хамидуллин, 2023, с. 6). Коран, безусловно, являлся главнейшей книгой и, совместно с хадисами, основой жизнедеятельности местного мусульманского сообщества, о чем, в частности, свидетельствуют постоянный летописный сюжет дипломатической культуры татар Казанского ханства – «клятва на Коране», а также «Тафсир Корана», написанный в Казани в 1508 году (Борынгы, 1963, с. 340–341), и «Сборников хадисов», составленный в Казани в 1552 году (Давлетшин, 2009, с. 84).

Мусульманскому духовенству принадлежало почетное место в государственной системе Казанского ханства, а предводитель этого духовенства (верховный сейид, потомок пророка Мухаммада и «Льва Аллаха» – халифа Али ибн Абу Талиба) возглавлял государственный совет (Диван) и, нередко, – «собрание всей земли Казанской» (курултай), активно участвовал в ключевых процессах внутренней и внешней политики страны (Худяков, 1923; Исхаков, 1997). Вполне возможно, что в ханстве даже было особое воинское формирование, подчиненное только лишь верховному сейиду, о чем, например, свидетельствуют некоторые факты биографии верховных сейидов Бураша и Кул-Шерифа (Бахтин, Хамидуллин, 2014, с. 336). Дипломатом Священной Римской империи Сигизмундом фон Герберштейном (1486–1566) предводитель казанского духовенства именовался «верховным жрецом татар» (Герберштейн, 1988, с. 176), русским князем Андреем Курбским (1528–1583) – «великим бискупом» и «великим анарыи, або амиром» (Курбский, 1913, с. 38), а татарским историком и мусульманским богословом Шигабутдином Марджани (1818–1889), со ссылкой на неизвестные нам средневековые источники, – «избранным из благородных» или «руководителем великих» («нәкыйбел-әшраф») (Марджани, 1989, с. 200). М.Г.Худяков отметил следующих верховных сейидов Казани: Бураша (1491–1507), Шах-Хуссеина (1512–1516), Беюргана (1546), Мансура (1546) и Кул-Шерифа (1552). Далее историк указывал: «Глава духовенства считался после хана первым лицом в государстве, и в моменты междуцарствия он, в силу своего высокого положения, обычно становился во главе временного правительства. Перечисленные главы духовенства, кроме последнего – сына Мансура, стояли формально во главе государства, а Бураш и Шах-Хуссеин, кроме того, принимали активное участие в государственной деятельности, совершая поездки в качестве послов за границу, в Москву. Дипломатические поручения, которые они выполняли, требовали от них выдающейся образованности, глубокого ума и широкого опыта» (Хамидуллин, 2023, с. 11).

При описании одной из татарских торжественных церемоний, проходившей около Казани в 1524 году, С.Герберштейн информирует своего читателя, что сейид «пользуется у них такой властью и почетом, что при его приближении даже цари выходят ему навстречу, стоя предлагают ему руку – а он сидит на лошади – и, склонив голову, прикасаются (к его руке); это позволено только царям, герцоги же (и начальники) касаются не руки его, а колен, знатные люди – ступней, а простой народ (плебеи) – только его платья или лошади» (Герберштейн, 1988, с. 176; см. также: Гваньїні , 2007, с. 728).

Если официальная резиденция казанских верховных сейидов находилась где-то внутри казанского кремля, рядом с ханским дворцом, Ханской и Соборной мечетями, то их ближайшей загородной резиденцией явля-

лось селение Кураишево, расположенное на левом берегу протоки Булак напротив Кураишевых и Крымских ворот крепости. В Кураишевой слободе с давних времен функционировали каменная мечеть (названная в честь бека Кутуча; по-русски «Кутучева/Отучева мизгить [мечеть]») (ПСРЛ, 1965, с. 202) и общегородское кладбище, располагались дома мусульманского духовенства и, соответственно, проживало много мусульманских деятелей. В свое время основатель казанской археологической школы Н.Ф.Калинин, памятуя о том, что «Курайш» – это древнейший мекканский род, к которому принадлежал пророк Мухаммад и все праведные халифы, писал, что «Кураиш – аристократический род духовенства, от которого вели свое происхождение главы казанского духовенства» (цит. по: Айдарова-Волкова, 2019, с. 221). Однако источники знают также имя собственное «Кураиш», поэтому вполне возможно, что указанное поселение было названо по имени некоего татарского (?) феодала (?) Кураиша. Есть, например, версия, что данное поселение было подарено ханом Улуг-Мухаммадом служилому беку Кураишу, «отчего и стала она аулом Кураиш» (Хамидуллин, 2023, с. 14). Позднее, с августа 1555 года, Кураишева слобода становится собственностью первого казанского архиепископа Гурия – Архиепископской слободой.

Возможно, самое первое упоминание казанского сейида казанско-ханского периода (если считать годом основания ханства 1438 год) – в информации о событиях первой половины октября 1445 года – мы находим в «Русском временнике», составленном в конце XVII века (Русский временник, 1820, с. 10). В источнике речь идет о некоем Сеид-Асане (сейиде Асане/Хасане/Хусейне?), сопровождавшем в октябре 1445 года из Нижнего Новгорода в Москву освобожденного из татарского плена великого князя Василия II. Не факт, что Сеид-Асан был сейидом, и не факт, что он был казанским сейидом, а тем более верховным. Имена собственно казанских сейидов Тевекеля и Касыма названы в послании 1489 года «царя» Ивана III тюменскому хану Ибаку (Айбаку/Ибрагиму) (Памятники, 1884, с. 84). Итого по информации различных источников мы знаем следующих верховных казанских сейидов: Тевекеля, Касыма, Бораша (Бараша/Бураша), Шаусеина (Шах-Хусаина/Шах-Хуссеина; он под вопросом – был ли именно верховным сейидом?), Буюргана (Абеюргана/Беюргана/Биюргана), Мансура, его сыновей Кул-Мухаммада (Магмеда/Маамета) и Кул-Шерифа (Шарифкола). Самые же последние упоминания в источниках сейидов земель Казанского ханства (Зен-Сеида [Джан сейида] и Усеин-Сеида [Хусаин/Хусейн сейида]) относятся к марту 1553 и февралю 1554 годов (ПСРЛ, 1965, с. 230, 239), незадолго до окончательной гибели этого татарского государства в 1556 году.

Структура духовенства Казанского ханства была достаточно разветвленной. В источниках есть информация о верховных и меньших сейидах, шейхах, хакимах, факыйхах, муллах, имамах, муэдзинах, абызах, хафизах, остазах, шакирдах, дервишах и т.д., осуществлявших богослужение, судопроизводство, чиновничью, в т.ч. дипломатическую, преподавательскую и иную деятельность (Хамидуллин, 2023, с. 15–18).

Правители государства ханы-Чингизиды – а повелителем страны мог быть только потомок Чингиз-хана и только представитель мусульманской конфессии – четко и ясно осознавали и периодически публично подчеркивали свою принадлежность к исламской умме (общине) и мировой мусульманской цивилизации, что, в частности, подтверждало легитимность их власти в глазах местного населения. Об этом говорится во многих татарских устных и письменных дастанах («героических поэмах»), поэтических и прозаических преданиях и баитах-песнях, в которых часто упоминаются «мусульманские ханы Казани» (Насыйри, 1988; Катанов, 1899; Мөнәҗәтләр, 2000; Татарское, 2015, 2019, 2022), об этом свидетельствуют ханские ярлыки, с глубочайшим почтением упоминающие Аллаха и пророка Мухаммада и содержащие в тексте нишана (мяшени, печати) строки из Корана (Мустакимов, 2013), а также погребения казанских ханов на территории Казанского кремля, об этом же информируют многие русские письменные источники. Свидетельствует об этом также поэма «Могжиз-наме» («Книга чудес») Мухаммада-Амина (казанского хана или другого человека?), посвященная пророку Мухаммаду (вернее – его художественно-литературному образу). Одним из косвенных подтверждений этому служит также текст послания хана Тюменского государства

Ибака (Айбака/Ибрагима) великому князю московскому Ивану III (1489 год), в котором сказано: «Яз – бесерменский государь, а ты – христианский государь» (Памятники, 1884, с. 81). Ярким свидетельством этого является и появление у казанских ханов Сахиб-Гирея (казанский хан в 1521–1524, крымский хан в 1532–1551 годах) и Сафа-Гирея (казанский хан в 1524–1531, 1535–1546, 1546–1549 годах) почетного титула «гази», обозначающего «борца за веру», «мусульманина, участвующего в войне за веру», «героя, победителя неверных» (Хамидуллин, 2016).

Татарская знать (точнее – высшее общество государства, не «простолюдины»), что следует из данных многих письменных, археологических и фольклорных источников, также была мусульманской, как и правители страны. Известный казанский поэт и дипломат-переводчик Мухаммадьяр Махмуд-хаджи углы, автор поэм «Тухваи-мардан» («Дар мужей»/«Подарок воинам», 1539) и «Нур ас-судур» («Свет сердец»/«Лучи душ», 1542), многое писал об истории появления и распространении ислама, о жизнедеятельности пророков и халифов, иных популярных личностях исламского мира (Мөхәммәдьяр, 1966). Автором «Шараиг ал-ахкам» («Определения шариата», 1553/1554) и «Сирадж ал-кулуб» («Светоч сердец», 1553/1554) – произведений, целиком пронизанных исламской идеологией и философией, источником которых были Коран, хадисы и шариатские предписания, – был участник переговоров между Казанью и Москвой в 1550-е годы Аднаш-хафиз ибн Мухаммад-хафиз (Марданов, Хадиев, 2013, с. 94). Популярными книгами в среде татарского высшего общества Казанского ханства были «Кысса-и Йусуф» («Сказание о [пророке] Юсуфе», 1233) Кул Гали, «Нахдж ал-фарадис» («Открытая дорога в райские сады», 1357) Махмуда ал-Булгари, сборник баитов «Шагир болгар газыйларе» («Мусульманские воители из Булгара», XIV век), сборник хикаятов «Насихат ас-салихин» («Советы/Наставления праведных»), анонимные «Бадавам» («Постоянно повторяй») и «Кисекбаш китабы» («Книга об отсеченной голове»), и т.п. Татары нередко совершали хадж – паломничество в Мекку, с последующим обретением почетного титула «хаджи» («ази»). Так, мы знаем о поездке в Саудовскую Аравию и Египет «царицы» Нур-Султан (казанская ханша в 1466–1486 годы, крымская – в 1486–1519 годы), ее родственников и приближенных (более 50 человек), о чем она лично сообщала в письме великому князю московскому Ивану III в 1495 году (Бережков, 1897, с. 10–11). В источниках мы часто встречаем имена татар Казанского ханства с прибавкой титула «ази». Во многих татарских исторических эпосах, преданиях, песнях и легендах о Казанском ханстве (например, в дастанах об Амате, о Чуре Нарыкове, в рассказах и песнях об истории Казани и Свияжска, о казанских ханах и ханше Сююмбике, об Иване Грозном и т.д.) постоянно упоминаются «знатные мусульмане Казани», «мусульманское войско», воюющее с «неверными», «мусульманские батыры», «мусульманские ученые» и т.д. и т.п. (Катанов, 1899; Татарское, 2015, с. 48–68). Надо специально отметить, что принадлежность татар Казанского ханства и их предков к мусульманской умме четко и ясно прослеживается во всей совокупности фольклора и литературы татар феодального периода (Рәхим, Газиз, 1925; Татар әдәбияты, 1984).

Философией ислама в той или иной степени проникнуты все разновидности средневекового татарского фольклора. Но в период Казанского ханства в народной среде широкое распространение получили и сугубо религиозные сочинения, чей жанровый состав очень богат – это и часть упомянутых выше преданий и легенд (например, маулиды о «посланнике Аллаха и печати пророков Мухаммаде», кысса о разных известных библейско-коранических персонажах, в частности «Кысса-и Йусуф», «Кыссас ал-анбия» и «Кысса-и Хобби Ходжа», хикаяты и риваяты о «первых праведных халифах», о Мекке и Каабе), это и мунаджаты (например, «Әминә-ханым – Мөхәммәд анасы» о матери пророка, а также многочисленные оды пророку Мухаммаду, о рае и аде, о «сират купере» – мосте над огненной преисподней, о душе, о смерти, об истине), это и сугубо религиозные сказки (например, с ангелами Азраилем и Джабраилем), а также пословицы и поговорки, через которые «простое» население государства (т.н. «кара халык» или «простые земские люди», т.е. «чернь») перенимало основные положения мусульманской доктрины, включая отношение к Всевышнему Творцу (Аллаху) и пророку Мухаммаду, к собственной судьбе, к природе и смыслу «земной власти» и т.д.

Хотя в составе государства имелось и большое количество так называемых «язычников» (мордва-мокша и в т.ч. мордва-каратаи; предки современных башкир, марийцев, удмуртов, чувашей и т.д.) (Хамидуллин, 2002, 2008, 2017а, 2017б), основная масса населения Казанского ханства, включая феодальную знать вышеуказанных народов, также была исламизированной. В русских письменных источниках XV–XVI веков жители Казанского государства именовались «безбожными», «богомерзскими», «нечестивыми», «окаянными», «погаными», «варварами», «агарянами» и «измаильтянами», «срацынами» и «бесерменами». Многочисленные мусульманские кладбища и отдельные погребения («святые места») с надмогильными памятниками с цитатами из Корана на бывшей территории Казанского ханства ясно свидетельствуют о преобладании исламской веры в среде местного населения. По-видимому, из 400–500 тысяч человек, проживавших в Казанском государстве в середине XVI века, как минимум половина являлись мусульманами (Хамидуллин, 2002, 2008, 2017а, 2017б, 2023).

Важно отметить, что в ханстве, при главенстве ислама и росте его влияния на все сферы жизни государства, существовала полная веротерпимость, что было связано с традициями *Хазарского каганата, Волжско-Камской Булгарии, Монгольской империи* и Золотой Орды. В пропаганде взаимоуважения, толерантности и межконфессиональной терпимости особо заметна роль суфийских шейхов. Рядом с посадом Казани находилась армянская слобода, церковь и кладбище, около половины населения государства свободно исповедовало разные виды язычества. По свидетельству многих источников, ислам в иноконфессиональной среде распространялся ненасильственно – в результате усиления этнокультурных контактов. «К язычникам-инородцам мусульмане относились с полной терпимостью и никогда не пытались насильственно обратить их в мусульманство. Проповедь мусульманских миссионеров среди инородцев совершалась мирным путем: суфийские шейхи ходили по деревням и своими проповедями обращали язычников в мусульманство. В знак того, что в Казанском ханстве обращение жителей в мусульманство совершилось мирным путем, мулла во время молитвы (хутбе) в мечетях Казанского края стоит, опираясь на посох странника, а не на меч воина, как в Туркестане, где обращение жителей в мусульманство было совершено огнем и мечом», – писал историк М.Г.Худяков (Худяков, 1923, с. 188). Следует отдельно подчеркнуть, что в ханстве, в результате активизации интенсивности культурного взаимодействия различных этносоциальных групп населения, четко наблюдается начало процесса создания единой этносоциальной общности, прерванное событиями середины XVI века (Хамидуллин, 2017а).

В этом месте необходимо также указать достаточно широкую полилингвальность и мультикультурность населения Казанского государства. Отмечаемая многими современными учеными и преподавателями необходимость полилингвизма и мультикультурности в образовательном и коммуникационном пространстве «в эпоху постграмотности», уже давно и успешно реализовывалась в разных странах в эпоху средневековья, например в XV–XVI веках в Казанском ханстве. Естественно, в первую очередь это касалось наиболее состоятельной и образованной части населения. Различные источники дают нам сведения, что аристократия Казанского государства хорошо знала многие тюркские территориальные диалекты, а также арабский и персидский языки, а «простолюдины» на периферии страны нередко общались на смешанном тюрко-финно-угорском миксе, что автоматически приводило и к мультикультурности местного населения. В качестве примеров можно указать упомянутый выше «Тафсир Корана» (1508), написанный знатоком арабоязычного Корана на старотатарском литературном языке; арабо-татарский словарь (1581) Хаджибайрама ибн Хаджибулата; многочисленные списки произведений центральноазиатских тюркских мыслителей Сулеймана Бакыргани, Ахмеда Ясави, Рабгузи и Маджлиси, персоязычных авторов (например, поэтических духовных маснави, поэм и стихотворений Фирдоуси, Низами, Аттара, Гянджеви, Саади, Хафиза Ширази и Джами) и арабо-персоязычной «Китаб альф лейла ва лейла» («Книги тысячи и одной ночи»), имевших массовое хождение в среде населения Казанского ханства; полиязычные ярлыки ханов (в которых активно использованы тюрко-татарские, персидские, арабские, османские слова и термины), полиязычные

тексты Кул-Шарифа и полиязычные надписи надмогильных камней. О том, что «простолюдины» на периферии страны нередко общались на тюрко-финно-угорском миксе, свидетельствует наличие в государстве мордвы-каратаев (воспринявших татарский язык и некоторое элементы культуры татар, но сохранивших свое мокшанское самосознание) (Хамидуллин, 2002, с. 225) и начало формирования здесь удмуртов-бесерман (части южноудмуртского населения, испытавшей значительную тюркизацию и исламизацию, либо наоборот – части татар, ассимилировавшейся в финно-угроязычной среде) (Хамидуллин, 2002, с. 218–219).

Широкой полилингвальности и мультикультурности населения ханства особо способствовали богатая традиция исламского просвещения (базирующаяся на «гыйлем – стремлении к знанию»), высокоразвитая система мусульманских учебных заведений (мектебов и медресе при всех мечетях страны, в которых обязательно функционировали библиотеки с книгами на разных языках, «секции» декламаторов Корана и каллиграфов и т.д.), большой слой образованных людей (улемов), а также постоянное специальное приглашение казанскими ханами в Казань ученых, поэтов, художников, певцов и музыкантов из различных стран. Дословно следуя известным хадисам пророка Мухаммада («Стремление к знаниям – обязанность каждого мусульманина»; «Постигайте науки с колыбели и до исхода в могилу»; «Того, кто вступил на путь поиска знаний, Аллах наставляет на путь, ведущий в Рай» и др.) в Казанском государстве активно развивались богословие, юриспруденция, делопроизводство, историография, литература и литературоведение, философия, астрономия, архитектура, музыкальное творчество, декоративно-прикладное искусство и т.д. О высокоразвитом делопроизводстве в ханстве свидетельствуют чудом сохранившиеся после событий 1552–1556 годов татарские документы (например, ханские ярлыки), а также дипломатическая переписка ханов (например, с Великим княжеством Литовским) (Пилипчук, 2014). О многочисленности в Казанском ханстве школ и библиотек, ученых и поэтов нам подробно сообщают народные предания, об этом ясно свидетельствуют литературно-исторические произведения Аднаша-хафиза, Гарифбека, Кул-Шерифа, Мухаммадьяра, Мухаммад-Амина и других авторов. Отмечу (вслед за исследователем Г.М.Давлетшиным), что в тот период художественная литература остается самым результативным средством популяризации религиозной и, вообще, любой науки (Давлетшин, 2009, с. 85). Медицинский трактат «Шифа» («Исцеление») с комментариями Мухаммада-Амина ал-Болгари и «Мәҗмәгыл кавагыйд гыйльме хисаб» («Сборник правил науки арифметики») Мухийтдина Мухаммада ибн ал-Хаджи Атмаджи показывают нам высокий уровень развития в государстве различных точных наук, что, в частности, отразилось в высокой градостроительной культуре Казанского ханства, известной нам по информации автора «Казанской истории» и текстов князя Андрея Курбского, а также по изысканиям археологов. И все это в совокупности дало возможность барону Сигизмунду фон Герберштейну написать в «Rerum Moscoviticarum Commentarii» («Записках о московитских делах», 1549), что «эти [казанские] татары – культурнее других, так как они и возделывают поля, и живут в домах, и занимаются разнообразной торговлей, и редко воюют» (Герберштейн, 1988, с. 170 и прим.)…

Как мы видим, ислам проник во все сферы жизнедеятельности правителей, высшего общества и податного населения Казанского ханства, безусловно, оказав огромное влияние на идеологию страны, ее духовное развитие, экономику, быт, этносоциальные процессы, международные связи и т.д. Казанское государство, как и ранее Волжская Булгария, стало главным центром распространения ислама среди народов Среднего Поволжья и Западного Приуралья, «самым северным форпостом» мусульманства, что дает нам полное право считать Казанское государство неотъемлемой частью общемировой исламской цивилизации. При этом в Казанском ханстве имели широкое распространение конфессиональная толерантность, языковое и культурное разнообразие местного как тюркского, так и финно-угорского населения. То есть единство разнообразия и разнообразие единства…

ЛИТЕРАТУРА

Айдарова-Волкова Г.Н. Неизвестные мечети Старо-Татарской слободы второй половины XVI – первой половины XVIII вв. // Историческая этнология. 2019. Т. 4, № 2. С. 219–234.

Бахтин А.Г., Хамидуллин Б.Л. Политическая история Казанского ханства // История татар с древнейших времен. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. / Гл. ред. Р. Хакимов. Казань: ИИ АН РТ, 2014. С. 289–358.

Белов С.Г., Хамидуллин Б.Л. Волжские булгары. Путь к исламу. Казань: ИТЭР АН РТ, 2022. 136 с.

Бережков М.Н. Нур-Салтан, царица крымская (Историко-биографический очерк) // Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии (ИТУАК). 1897. № 27. С. 1–17.

Борынгы татар әдәбияты. Казан: ТКН, 1963. 576 б.

Гваньїні О. Хроніка європейської Сарматії / Пер. з польської о. Ю.Мицика. Київ: Києво-Могилянська академія, 2007. 1006 с.

Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 776 с.

Давлетшин Г.М. О богословии и науке в Казанском ханстве // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 1 / Отв. ред. И.К. Загидуллин. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 84–91.

Измайлов И.Л., Хамидуллин Б.Л. Ислам в Золотой Орде. Казань: ТКИ, 2008. 63 с.

Исхаков Д.М. Сеиды в позднезолотоордынских татарских государствах. Казань: Иман, 1997. 78 с.

Катанов Н.Ф. Исторические песни казанских татар // ИОАИЭ. 1899. Т. 15. Вып. 3. С. 241–360.

Курбский А. История о великом князе Московском (Извлечено из «Сочинений князя Курбскаго»). СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1913. VIII с., 194 стб.

Марданов Р., Хадиев И. Татарская книга = Татар китабы. Казань: ТКИ, 2013. 104 с.

Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар. Казан: ТКН, 1989. 414 б.

Мөнәҗәтләр. Казан: Иман, 2000. 232 б.

Мөхәммәдьяр. Төхфәи мәрдән. Нуры содур. Поэмалар. Казан: ТКН, 1966. 148 б.

Мустакимов И.А. Еще раз о казанском ярлыке Сахиб-Гирея // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 5 / Отв. ред. И.К. Загидуллин. Казань: ИИ АН РТ, 2013. С. 31–47.

Мухамедьяров Ш.Ф. Казанское ханство // Очерки истории исламской цивилизации. Т. 2 / под общ. ред. Ю. М. Кобищанова. М.: Российская политическая энциклопедия, 2008а. С. 123–127.

Мухамедьяров Ш.Ф. Содружество постзолотоордынских татарских исламских государств // Очерки истории исламской цивилизации. Т. 2 / под общ. ред. Ю. М. Кобищанова. М.: Российская политическая энциклопедия, 2008б. С. 119–122.

Мухамедьяров Ш.Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.). Репринтное воспроизведение кандидатской диссертации (Институт истории АН СССР, г. М., 1951). Казань: Ихлас; ИИ АН РТ, 2012. 276 с.

Насыйри К. Фәвакиһел җөләса фил әдәбият. Казан: Имп. Ун-ты тип., 1884. 615 б.

Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с азиатскими народами: Крымом, Казанью, Ногайцами и Турцией, за время Великих Князей Иоанна III и Василия Иоанновича / Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 41. Ч. 1. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1884. XXII, 558 с., 82 стб.

Пилипчук Я.В. Отношения между Великим княжеством Литовским и Казанским ханством (1506–1552) // Золотоордынское обозрение. 2014. № 3. С. 80–102.

ПСРЛ. Т. 13. Патриаршая или Никоновская летопись. М.: Наука, 1965. 532 с.

Рәхим Г., Газиз Г. Татар әдәбияты тарихы. Феодализм дәвере. 2-нче басма. Казан: Татарстан матбугат һәм нәшрият комбинаты, 1925. 316 б.

Русский временник. Ч. 2. М.: Синодальная типография, 1820. 406 с.

Татар әдәбияты тарихы: 6 томда. 1 т. Казан: ТКН, 1984. (Урта гасырлар дәвере). 287 б.

Татарское народное творчество. Т. 5 (Предания и легенды) / сост. С. М. Гилязутдинов. Казань: ТКИ, 2015. 383 с.

Татарское народное творчество. Т. 8 (Дастаны) / Отв. ред. Д.Э. Нигматуллина. Казань: ТКИ, 2019. 471 с.

Татарское народное творчество. Т. 9 (Баиты) / Отв. ред. И.К. Фазлутдинов. Казань: ТКИ, 2022. 479 с.

Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование. Казань: ТКИ, 2002. 335 с.

Хамидуллин Б.Л. Казанское ханство // БРЭ. Т. 12. М.: БРЭ, 2008. С. 402–405.

Хамидуллин Б.Л. Гиреи на казанском престоле: эпоха национального возрождения // Эхо веков = Гасырлар авазы. 2016. № 1/2. С. 3–10.

Хамидуллин Б.Л. Казанское ханство как цельная этнополитическая общность // GLOBAL-Turk. 2017а. № 1/2. С. 172–189.

Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства на страницах западноевропейских нарративных источников XV–XVII вв. // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2017б. № 1/2. С. 50–62.

Хамидуллин Б.Л. Казанское ханство как имманентная часть исламской цивилизации. Казань: ИТЭР АН РТ, 2023. 39 с.

Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. Казань: Фонд ТЯК, 1990, 311 с.

Информация об авторе:

Хамидуллин Булат Лиронович, кандидат исторических наук, зав. центром, Институт Татарской энциклопедии и регионоведения им. М.Х.Хасанова АН РТ (г. Казань, Россия); bulat.antat@mail.ru

REFERENCES

Aidarova-Volkova, G. N. 2019. In *Istoricheskaya etnologiya (Historical ethnology)* 4 (2), 219–234 (in Russian).

Bakhtin, A. G., Khamidullin, B. L. 2014. In Khakimov, R. (ed. in-chief). *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh (History of the Tatars since Ancient Times in seven volumes) 14 Tatarskie gosudarstva XV–XVIII vv. (The Tatar states of the XV–XVIII centuries).* Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 289–358 (in Russian).

Belov, S. G., Khamidullin, B. L. 2022. *Volzhskie bulgary. Put' k islamu (Volga Bolgars. The way to Islam).* Kazan: M. Khasanov Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies (in Russian).

Berezhkov, M. N. 1897. In *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Taurida Learned Archival Commission)* 27, 1–17 (in Russian).

1963. *Boryngy tatar ədəbiyaty (Ancient Tatar literature).* Kazan: “TKN” Publ. (in Tatar).

Gvanyini, O. 2007. *Khronika єvropeys'koї Sarmatiї (Chronicle of European Sarmatia).* Kiev: Kiev -Mohyla Academy (in Ukrainian).

Gerbershtein, S. 2008. *Zapiski o Moskovii (Notes on Muscovy)* I. Moscow: “Pamiatniki istoricheskoi mysli” Publ. (in Russian).

Davletshin, G. M. 2009. In Zagidullin, I. K. (ed.). *Srednevekovye tiurko-tatarskie gosudarstva (Medieval Turkic-Tatar States)* 1. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Tatarstan Academy of Sciences, 84–91 (in Russian).

Izmailov, I. l., Khamidullin, A. M. 2008. *Islam v Zolotoi Orde (Islam in the Golden Horde)*. Kazan: “TKI” Publ. (in Russian).

Iskhakov, D. M. 1997. *Seidy v pozdnezolotoordynskikh tatarskikh gosudarstvakh (Seyids in the late Golden Horde Tatar states).* Kazan: “Iman” Publ. (in Russian).

Katanov, N. F. 1899. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* vol. 15, issue 3, 241–360 (in Russian).

Kurbsky, A. 1913. *Istoriya o velikom knyaze Moskovskom (Izvlecheno iz «Sochineniy knyazya Kurbskago») (History of the Grand Prince of Moscow (Extracted from the "Writings of Prince Kurbsky")).* Saint Petersburg: Aleksandrov, M. A.” Publ. (in Russian).

Mardanov, R., Khadiev, I. 2013. *Tatarskaya kniga (The Tatar Book).* Kazan: “NKN” Publ. (in Russian).

Mardzhani, Sh. 1989. *Mustafad al'-akhbar fi akhvali Kazan' va Bulgar (Sources on the history of Kazan and Bulgaria).* Kazan: “NKN” Publ. (in Tatar).

2000. *Мөнәҗәtlər (Munajats).* Kazan: “Iman” Publ. (in Tatar).

Mukhametd’yar. 1966. *Təkhfəi mərdən. Nury sodur. Poemalar (Tukhfa-i Mardan. Nur-i Sodur. The poems).* Kazan: “NKN” Publ. (in Tatar).

Mustakimov, I. A. 2013. In Zagidullin, I. K. (ed.). *Srednevekovye tiurko-tatarskie gosudarstva (Medieval Turkic-Tatar States)* 5. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Tatarstan Academy of Sciences, 43–52 (in Russian).

Mukhametd'yarov, Sh. F. 2008. In Kobischanova, Yu. M. (ed.). *Ocherki istorii islamskoy tsivilizatsii (Essays on the history of Islamic civilization)* Vol. 2. Moscow: "Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya" Publ., 123–127 (in Russian).

Mukhametd'yarov, Sh. F. 2008. In Kobischanova, Yu. M. (ed.). *Ocherki istorii islamskoy tsivilizatsii (Essays on the history of Islamic civilization)* Vol. 2. Moscow: "Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya" Publ., 119–122 (in Russian).

Mukhametd'yarov, Sh. F. 2021. *Sotsial'no-ekonomicheskiy i gosudarstvennyy stroy Kazanskogo khanstva (XV – pervaya polovina XVI vv.). (The social, economic and state system of the Kazan Khanate (XV – the first half of the XVI century)).* Kazan: "Ikhlas" Publ., Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Nasyiri, K. 1884. *Fəvakihel җәləsa fil ədəbiyat (Fruits for literary conversations)* Kazan: Kazan Imperial University Publ. (in Russian).

1884. *Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy drevney Rossii s derzhavami inostrannymi. Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy Moskovskogo gosudarstva s aziatskimi narodami: Krymom, Kazan'yu, Nogaytsami i Turtsiey, za vremya Velikikh Knyazey Ioanna III i Vasiliya Ioannovicha (Monuments of diplomatic relations between ancient Russia and foreign powers. Monuments of the diplomatic relations of the Moscow state with Asian peoples: Crimea, Kazan, Nogais and Turkey, during the time of Grand Dukes John III and Vasily Ioannovich).* Series: Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva (Collection of the Imperial Russian Historical Society). Vol. 41. Part 1. Saint Petersburg: "Eleonsky, F. & Co" Publ. (in Russian).

Pilipchuk, Ya. V. 2014. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* (3), 80–102 (in Russian).

Patriarshaia ili Nikonovskaia letopis'. 2-ia polovina. Tsarstvennaia kniga (Patriarch's or Nikon Chronicle. The 2nd half. The Regal Book). 1965. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) XIII. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Rakhim, G., Gaziz, G. 1925. *Tatar ədəbiyaty tarikhy. Feodalizm dəvere. 2-nche basma (The history of Tatar literature. The era of feudalism. 2nd edition).* Kazan: "Tatarstan matbugat həm nəshriyat kombinaty Publ. (in Tatar).

1820. *Russkiy vremennik (The Russian vremennik (annals))* Part. 2. Moscow: Synodal Printing House (in Russian).

1984. *Tatar ədəbiyaty tarikhy (The history of Tatar literature)* Vol. 1. Kazan: "TKI" Publ. (in Tatar).

Gilyazutdinov, S. M. 2015. *Tatarskoe narodnoe tvorchestvo. Predaniya i legendy (Tatar Folk Art: Fairy Legends)* 5. Kazan: "TKI" Publ. (in Russian).

Nigmatullina, B. E. 2022. *Tatarskoe narodnoe tvorchestvo. Dastany (Tatar Folk Art: Fairy Dastans)* 8. Kazan: "TKI" Publ. (in Russian).

Fazlutdinov, I. K. 2022. *Tatarskoe narodnoe tvorchestvo. Baity (Tatar Folk Art: Fairy Baits) 9.* Kazan: "TKI" Publ. (in Russian).

Khamidullin, B. L. 2002. *Narody Kazanskogo khanstva: etnosotsiologicheskoe issledovanie (The Peoples of the Kazan Khanate: an ethnic and sociological study)*. Kazan: "TKI" Publ. (in Russian).

Khamidullin, B. L. 2008. In *Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia (Great Russian Encyclopedia*). Vol. 12. Moscow: "Great Russian Encyclopedia" Publ., 402–405 (in Russian).

Khamidullin, B. L. 2016. In *Ekho vekov = Gasırlar avazı (Echo of Centuries)* 1/2, 3–10 (in Russian).

Khamidullin, B. L. 2017. In GLOBAL-Turk. 1/2, 172–189 (in Russian).

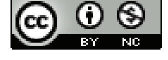
Khamidullin, B. L. 2017. In *Ekho vekov = Gasırlar avazı (Echo of Centuries)* 1/2, 50–62 (in Russian).

Khamidullin, B. L. 2023. *Kazanskoe khanstvo kak immanentnaya chast' islamskoy tsivilizatsii (The Kazan Khanate as an immanent part of Islamic Civilization).* Kazan: M. Khasanov Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies (in Russian).

Khudiakov, M. G. 1990. *Ocherki po istorii Kazanskogo khanstva (Essays on the Kazan Khanate History)*. Kazan: "Fond TIaK" Publ. (in Russian).

About the Author:

Khamidullin Bulat L., Candidate of Historical Sciences, Head the Center, the M.H.Khasanov Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies, Tatarstan the Academy of Sciences. Pushkin., str., 56, Kazan, 420015, Russian Federation; bulat.antat@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2024 г.
Статья принята к публикации 01.10.2024 г.

ДИАЛОГ ГОРОДСКОЙ И СТЕПНОЙ КУЛЬТУР НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.5.126.140

ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЙ ПАМЯТНИКОВ УЛУСА ДЖОЧИ-ХАСАРА И ЕГО ПОТОМКОВ В ЗАБАЙКАЛЬЕ (К 300-ЛЕТИЮ ПЕРВОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК НА ВОСТОК СИБИРИ)

©2024 г. Н.Г. Артемьева

Открытие средневековых памятников в Сибири первой экспедицией императорской Академии наук во главе с Д.Г. Мессершмидтом в этом году исполняется 300 лет. Это явилось началом изучения истории Центральной Азии, связанной с вопросами причин появления и развития древнемонгольских городов в Забайкалье. К решению этих проблем подходили не однократно, и не смотря на большой накопленный научный материал, они до сих пор остаются актуальными. Целью наших исследований является введение в научный оборот новых данных, полученных экспедицией А.Р. Артемьева (1997–2005 гг.) при исследовании памятников улуса Джочи-Хасара и его потомков в Забайкалье. Новая инструментальная съёмка памятника город хана Есунгу с применением данных аэрофотосъемки дала возможность выяснить, что основное городское ядро поселения имеет протяженность с запада на восток около 2,5 км и с севера на юг около 1,5 км. По оставшимся сооружениям была уточнена его планировка. Полученные новые материалы из Хирхиринского городища до сих пор являются самой представительной археологической коллекцией в Центральной Азии, характеризующей уровень развития ремесла, торговли, скотоводства и земледелия монголов, убедительно доказывая переход значительной части населения Восточного Забайкалья в XIII в. к оседлости.

Ключевые слова: археология, Забайкалье, древнемонгольские города, Хирхиринское городище, улуса Джочи-Хасара, планиграфия, жилая архитектура, усадебная застройка, ремесло, скотоводство, земледелие

HISTORY OF DISCOVERY AND STUDY OF THE MONUMENTS OF THE ULUS OF JOCHI-KHASAR AND HIS DESCENDANTS IN TRANSBAIKALIA (TO THE 300TH ANNIVERSARY OF THE FIRST EXPEDITION OF THE IMPERIAL ACADEMY OF SCIENCES TO THE EAST OF SIBERIA)

N.G. Artemieva

The discovery of medieval monuments in Siberia by the first expedition of the Imperial Academy of Sciences headed by D.G. Messerschmidt is 300 this year. This was the beginning of the study of the history of Central Asia, related to the reasons for the appearance and development of ancient Mongolian urban settlements in Transbaikalia. The solution of these problems has been approached more than once, and despite the large accumulated scientific material, they still remain topical. The purpose of our study is to introduce into scientific duscourse new data got by the expedition of A.R. Artemyev (1997-2005) during the study of the monuments of the Ulus of Jochi-Khasar and its descendants in Transbaikalia. A new instrumental survey of the monument to the city of Yesungu Khan using aerial photography data made it possible to find out that the main urban core of the settlement has a length of about 2.5 km from west to east and about 1.5 km from north to south. Its planning was clarified by the preserved structures. The new materials obtained from the Khirkhira settlement are still the most representative archaeological collection in Central Asia, characterizing the level of development of crafts, trade, cattle breeding and agriculture of the Mongols, convincingly proving the transition of a significant part of the population of Eastern Transbaikalia in the XIII century to sedentary life.

Keywords: archaeology, Transbaikalia, ancient Mongolian urban settlements, Khirkhira settlement, Ulus of Jochi-Hasar, planigraphy, residential architecture, manor buildings, craft, cattle breeding, agriculture

В этом году исполняется 300 лет с начала открытия первых памятников оседлых монголов в юго-восточном Забайкалье. Они были обнаружены первой экспедицией императорской Академии наук во главе с Д.Г. Мессершмидтом в августе 1724 г. Находясь на русской службе, доктор медицины Д.Г. Мессершмидт именным императорским указом Петра 1 от 15 ноября 1718 г. был отправлен в Сибирь для изыскания всяких раритетов и аптекарских вещей. Это был новый этап в истории изучения Сибири, в который входили планомерные научные исследования с картографированием и описанием территории. Одним из значимых достижений экспедиции явился первый опыт изучения археологических памятников на территории Западной и Южной Сибири, в том числе Средневековых (Новлянская, 1970; Кызласов, 1962, с. 51). Открытые два поселения на правом берегу р. Барун-Хундуй (Кондуйский городок) и вблизи речки Киркира (Хирхиринский городок) долгие десятилетия не являлись объектами исследований. Лишь в 1889 г. А.К. Кузнецов приступил к раскопкам Кондуйского городка и составил археологическую карту с указанием местоположения, но без описания развалин Хирхиринского городка (Кузнецов, 1925, с. 2547).

К новому направлению в изучении средневековой истории Центральной Азии, связанному с вопросами о причинах появления и развития древнемонгольских городов в Забайкалье советская историческая наука приступила в конце 60-х гг. прошлого века. Экспедиции С.В. Киселева доказали, что в XIII-XIV вв. на территории центральноазиатской периферии существовали городские поселения с особенностями своего развития и исторической преемственностью (Древнемонгольские города, 1965).

В 1957-1958 гг. были проведены раскопки Кондуйского городка площадью 2500 м^2, в которые попали дворец, окруженный флигелями и беседками, датируемый XIV в. (Киселев, 1958, с. 113-119; 1965). Архитектурные особенности дворца и его планиграфия были схожи с дворцом Угэдэя, возведённого по велению великого хана в 1235 г. в столице монгольской империи Кара-Коруме (Минерт 1985, с. 203; 1990, с. 99).

В 1957 г. С.В. Киселёвым были найдены остатки Хирхиринского городка и доказано, что найденная в начале XIX в. каменная стела с надписью «Чингисов камень» была обнаружена именно вблизи этого памятника (Киселев, 1961, с. 103-105; 1965, с. 53-57). В 1959 г. начались исследования Хирхиринского городища. Были раскопаны часть дворца (в центральной, предположительно ханской усадьбе города), сделан разрез восточного вала и рва этой усадьбы, исследовано центральное здание в одной из усадеб в восточной части города, а также «дом кузнеца» на северо-восточной окраине памятника. Эти исследования выявили прекрасную сохранность города, постройки которого были возведены из сырцового кирпича, а крыша дворца украшалась черепицей (Киселев, 1959, с. 109113, рис. 34; 1961; 1965).

Масштабные исследования С.В. Киселевым двух древнемонгольских городов, по разным объективным причинам не получили продолжения в последующие десятилетия. Хотя проблемы возникновения и развития древнемонгольских городов, формирование их городской культуры всегда оставались актуальными вопросами не только в археологии.

А.Р. Артемьев, разрабатывая новую научную программу: "Забайкалье и Приамурье в эпохи Юань, Мин и раннее Новое время (XIII-XVIII вв.)", в 1997 г. возобновляет исследования средневековых памятников в Забайкалье. Полученные новые материалы из Хирхиринского городища до сих пор являются самой представительной археологической коллекцией в Центральной Азии, характеризующей уровень развития ремесла, торговли, скотоводства и земледелия оседлых монголов. При жизни А.Р. Артемьев не успел опубликовать все полученные данные, поэтому целью работы является введение в научный оборот археологического материала, характеризующего уровень развития ремесла, торговли, скотоводства и земледелия оседлых монголов.

Работы на Хирхиринском городище А.Р. Артемьевым проводились в период с 1997 г. по 2005 г. (Артемьев, 1998; 2001; 2003а; 2003б; 2003в; 2003г; 20003д; 2004а; 2004б; 2004б; 2004в; 2005а; 2005б; 2005в). Им доказано, что основное городское ядро памятника, по уточнённым с помощью аэрофотосъёмки данным, имеет протяженность с запада на восток около 2,5 км и с севера на юг около 1,5 км (рис. 1). На территории поселения были выявлены четыре больших группы усадеб, сконцентрированных к северу, от расположенных в одну линию с

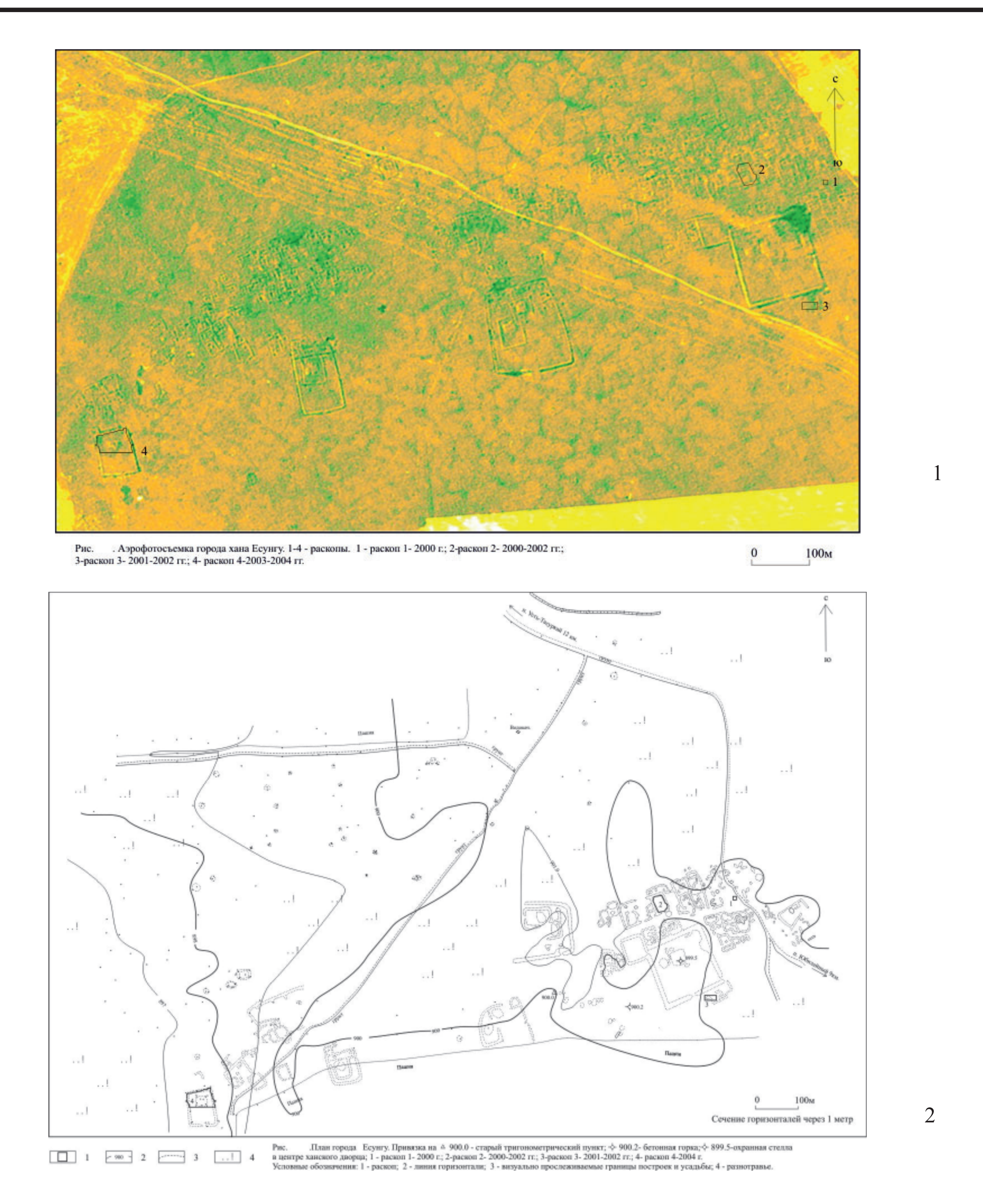

Рис. 1. 1 – Аэрофотосъемка Хирхиринского городища (1 – раскоп 2000 г., 2 – раскоп 2000–2002 г, 3 – раскоп 2002–2002 г., 4 – раскоп 2003–2004 г.); 2 – План Хирхиринского городища (города хана Есунгу) (привязка на □ 9000.0 – старый тригоноетрический пункт; □ 900.2 – бетонная горка; □ 899, 5 – охранная стела в центре ханского дворца; 1раскоп 2000 г., 2раскоп 2000–2002 г, 3раскоп 2002–2002 г., 4раскоп 2003–2004 г.

Fig. 1. 1 – Aerial photography of the Hirkhira settlement (1 –excavation in 2000, 2 – excavations in 2000–2002, 3 – excavations in 2002–2002, 4 –excavations in 2003–2004); 2 –Plan of the Hirhira settlement (the city of Esungu Khan) (reference to 9000.0 – an old trigonoetric point; 900.2 – concrete slide; 899.5 – a guard stele in the center of the Khan's palace; 1 excavation 2000, 2 excavation 2000–2002, 3rd excavation 2002–2002, 4 excavation 2003–2004.

запада на восток, четырёх крупнейших усадеб города. Учитывая датировку усадьбы 1, находящейся к югу от самой восточной (ханской) усадьбы города, временем около середины XIII в. и крайней к западу усадьбы 1330-1420 гг., было сделано предположение, что жители города не перестраивали свои усадьбы и дома, а просто возводили их рядом к западу от уже существовавших, а потом заброшенных. Эти наблюдения дали возможность А.Р. Арте-

мьеву прийти к выводу, что город на какое-то время даже прекращал своё существование, а затем возникал вновь и его городское ядро перемещалось немного западнее. Наиболее значительная группа усадеб расположена к северу, северо-западу и северо-востоку от крупнейшей предположительно ханской усадьбы города в его восточной части. Это прямоугольная в плане усадьба площадью 24000 м^2 окружена примерно 30 усадьбами площадью от 500 до 2000 м^2 (рис. 1). В 0,35 км к западу от этой усадьбы находится другая, почти таких же размеров (22000 м^2), имеющая в плане форму равнобедренной трапеции. Её границы были выявлены и надёжно читались только на аэрофотоснимке. На её территории в северной части были зафиксированы две отдельные внутренние усадьбы, прямоугольные в плане размерами 50х40 м и 40х30 м, на каждой из которых в северной части расположены большие по площади постройки. С севера к этой усадьбе примыкают не более 15 усадеб площадью от 1000 м^2 и менее. Также в 0,3 км к западу от этой усадьбы находится третья усадьба прямоугольная в плане размерами 130х80 м. На территории этой усадьбы находится ещё одна внутренняя усадьба размерами 50х35 м, в северной части которой хорошо видны остатки большой постройки. С севера к этой усадьбе примыкают не менее 20 усадеб размерами от 1500 м^2 и менее. Последняя четвёртая крупная усадьба города расположена в 0,3 км к западу от предыдущей. Она имеет форму правильной трапеции площадью около 5000 м^2. В её северной части хорошо прослеживаются следы постройки, раскопанной А.Р. Артемьевым. К северу от этой усадьбы расположены остатки нескольких усадеб. Ворота во всех четырёх крупных усадьбах находились в середине юго-восточной стороны ограды. Такая планировка города полностью соответствует монгольской традиции, согласно которой пространство к югу от входа в жилище главенствующего лица оставляли свободным (Рубрук, 1957, с. 92). Было отмечено, что между всеми четырьмя «гнёздами» усадеб и к северу от них, прослеживаются остатки многочисленных жилых построек без оград, которые плохо наблюдаются визуально и совсем не видны на аэрофотоснимках.

В 2000-2002 гг. работы были проведены на усадьбе монгольского феодала, площадью 934 м^2, расположенной к северу от центральной усадьбы города (рис. 1: 2). Территория усадьбы была окружена, четырёхугольной в плане оградой, высотой около 0.5 м, сложенной из сырцовых кирпичей. В северной части усадьбы были открыты три примыкающих друг к другу, располагавшихся в одну линию постройки – жилища с канами внутри. Остатки крайней северо-восточной постройки (1) были представлены каменным двухсекционным каном Г-образной формы (рис. 2). В этой постройке были найдены: железное втульчатое долото (рис. 3: 7), большой чугунный сломанный черпак со следами ремонта путём спайки оловянисто-бронзовым сплавом (рис. 5). Рядом с постройкой были обнаружены четыре костяных грузика от ткацкого станка (рис. 3: 20-23; 4: 1).

Наибольший интерес представляли остатки центральной постройки (2), несомненно, являвшейся местом проживания хозяина усадьбы. Её остатки представлены П-образной лежанкой, две длинные стороны которой являются односекционными канами, соединенными лежанкой из сплошного сырцового кирпича (рис. 2). Особый статус этой постройки подчёркивает аккуратно выложенная кладка пола из обожжённых кирпичей «в ёлочку», характерную для китайского домостроительства, сохранившегося до нашего времени (Киселёв, 1961, с. 124-125; 1965, с. 47). Находок в этой постройке, за исключением нескольких мелких фрагментов поливной керамики, не было, но за пределами её северного кана были найдены обломки чугунных котлов и фрагмент верхней части кувшина типа «цычжоу-яо» с коричневой росписью по белому фону (рис. 4: 4), аналогичные которому из Кара-Корума были некогда подробно охарактеризованы Л.А. Евтюховой (Евтюхова, 1959, с. 184, рис. 24; 1965, с. 221-232, рис. 123-127, табл. XVIII).

Остатки постройки 3 были представлены Г-образным каном из каменных плит (рис. 2). Интересной находкой там стал верхняя часть ручного жернова, диаметром 40 см, толщиной 10 см (рис. 2: 5). Промывка слоя у входа в эту постройку позволили Е.Ю. Лебедевой обнаружить в полученной пробе две зерновки проса (Panicum miliaceum) и пять фрагментов (не менее чем от одной зерновки). Эта находка хорошо согласуется с данными «Мэн-да бэй-лу», написанным в 1221 г. южносунским послом Мэн Хуном, согласно которым на

Рис. 2. 1 – Хирхиринское городище. Раскоп 2. Усадьба 1. Постройки 13. Зачистка по материку. Условные обозначения: 1 – находка, 2 – нивелировочная отметка, 3 – кирпич, 4 – кирпич сырцовый, 5 – камень, 6 – бревно; 2 – Усадьба 1. Постройки 1 и 2. Вид с юго-запада; 3 – Усадьба 1. Постройка 2. Вид с северо-востока; 4 – Усадьба 1. Постройка 3. Вид с северо-востока; 5 – Усадьба 1. Жернов (камень).

Fig. 2. 1 Hirkhira settlement. Excavation 2. Homestead 1. Buildings 13. Cleaning on the virgin soil level. Symbols: 1 – find, 2 – leveling mark, 3 – brick, 4 – mud brick, 5 – stone, 6 – log; 2 Homestead 1. Buildings 1 and 2. View from the southwest; 3 Homestead 1. Building 2. View from the northeast; 4 Homestead 1. Building 3. View from the northeast; 5 Homestead 1. Millstone (stone).

территории монгольского государства двух-трёх местах выращивалось клейкое чёрное просо (Мэн-да бэй-лу, 1975, с. 69-70).

Южная незастроенная часть усадьбы использовалась в хозяйственных целях. На её территории открыто несколько ям, заполненных костями животных. Среди находок там особый интерес представляют пять костяных проколок (рис. 3: 14-18; рис. 4: 2), аналогичные которым в Новгороде Л.И. Смирнова не без оснований связала с ткаческим производством (Смирнова, 1999, с. 152-154, рис. 1; 2000, с. 240, рис. 3). Встречено несколько обломков чугунных котлов (рис. 5: 3), костяной наконечник стрелы, целый сосуд типа «цычжоу-яо», покрытый молочно-белой поливой с внешней стороны и коричневой поливой внутри (рис. 4: 3). Ещё один сосуд, покрытый коричневой росписью по белому фону собран частично (рис. 4: 5). Среди керамики преобладали обломки толстостенных сосудов большой размеров типа хумов, покрытых зелёной поливой (рис. 6).

Из остеологического материала (953 костей) 37% принадлежали крупному рогатому скоту, 25,9% лошади, 10,6 мелкому рогатому скоту, 0,5% собаке, 3% верблюду, 0,2% косуле, 0,1% кабану и 0,1% сурку[1]. Анатомический спектр крупного рогатого скота, по мнению Е.А. Антиповой, полностью соответствует «кухонной» модели его использования на усадьбе.

Раскопанная усадьба погибла в огне, о чём свидетельствует слой угля и пепла на её территории, а также трудно смываемый нагар на внешней и внутренней сторонах обломков поливной керамики. Перед этим усадьба, очевидно, подверглась разграблению, поскольку целых вещей там не обнаружено. Просуществовала она недолго, поскольку никаких следов её ремонта или перестройки не прослежено. Данные радиоуглеродного анализа[2] дали две даты: 1. Ле-6574. 710±20 BP (лет т.н.). Интервалы калиброванного календарного возраста: 1272-1282 гг. (1,00) calAD (1σ, 68,2% вероятности), 1265-1288 гг. (1,00) calAD (2σ, 95,4% вероятности); 2. Ле-6576. 880-35 BP (лет т.н.). Интервалы калиброванного календарного возраста: 1040-1090 гг. (0,31) 1120-1220 (0,69) calAD (1σ, 68,2% вероятности), 1040-1230 гг. (1,00) calAD (2σ, 95,4% вероятности). Для точной датировки усадьбы их, естественно, недостаточно.

Рис. 3. Хирхиринское городище. Находки: 1 – замок (железо); 2 – ключ (железо); 3 – крючок (железо); 4 – светец (железо); 5 – игральная бабка (кость); 6 – нож (железо); 7 –долото (железо); 8, 12 – пряслица (камень); 9 – фрагмент втулки ступицы колеса (чугун); 10, 11 – бубенчики (железо), 13 – долото (железо); 14-18 – проколки (кость); 19 – фрагмент удил (железо), 20-23 – грузила (кость).
Fig. 3. Hirkhira settlement. Findings: 1 – lock (iron); 2 – key (iron); 3 –hook (iron); 4 – luchina holder (iron); 5 – knucklebones (dice); 6 – knife (iron); 7 – adze (iron); 8, 12 – spindle whorl (stone); 9 – fragment of wheel hub socket (cast iron); 10, 11 – bells (iron); 13 – adze (iron); 14-18 – punch (bone); 19 – bit fragment (iron); 20-23 – sinkers (bone).

Однако они свидетельствуют о возможной постройке усадьбы в третьей четверти XIII в., что подтверждает общепринятую дату основания города – 1225 г. (так датируется «Чингисов камень»). Вторая линия усадеб к северу от ханского дворца, несомненно, была возведена позже первой линии усадеб (Артемьев, 2001). Здесь следует вспомнить, что при исследованиях ханского дворца С.В. Киселёв пришёл к заключению, что он существовал недолго и

Рис. 4. Хирхиринское городище. 1 Усадьба 1. 1 – грузики от ткацкого стана (кость); 2 –Проколки (кость); 3 –Сосуд типа «цычжоу-яо»; 4 –Усадьба 1. Фрагмент глазурованного сосуда; 5 – Фрагменты стенок глазурованных сосудов.

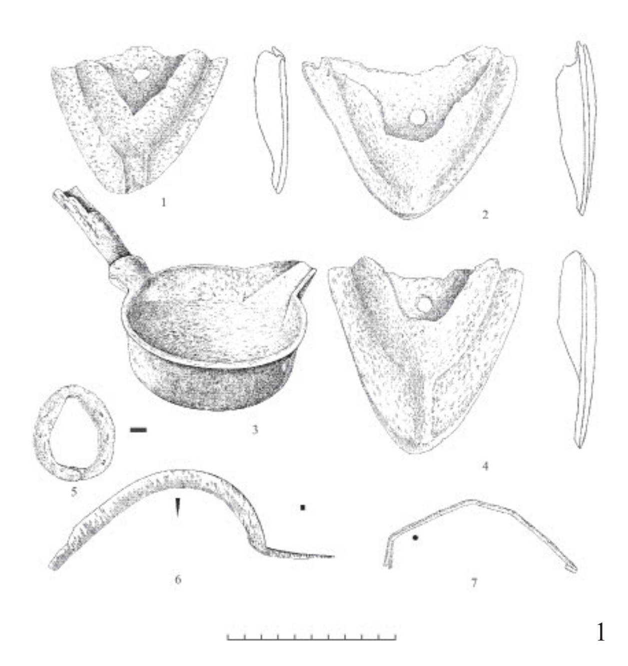
Fig. 4. Hirkhira settlement. 1 Homestead 1. 1 – weights from the loom (bone); 2 –Punch (bone); 3 – Cizhou ware; 4 –Homestead 1. Fragment of a glazed vessel; 5 –Fragments of the walls of glazed vessels.

датировал весь город началом XIII в. (Киселёв, 1961, с. 122; 1965а, с. 49).

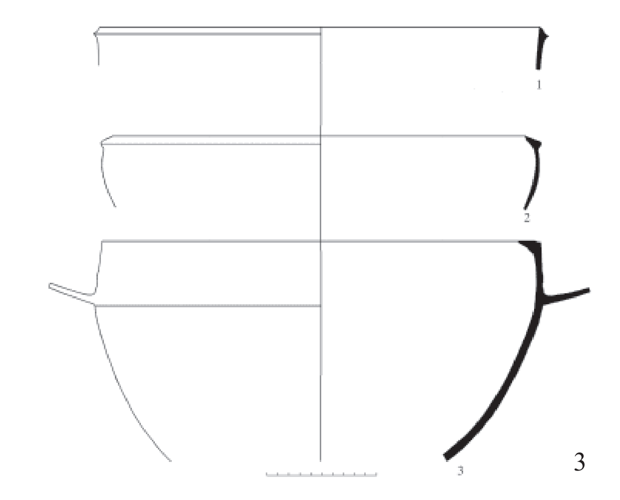
В 2003-2005 гг. А.Р. Артемьев исследовал крупнейшую усадьбу города на его западной окраине, площадь которой составляет около 5000 м^2. В северной части усадьбы на равном расстоянии от её западной и восточной ограды были открыты остатки здания колоннадного типа площадью 261 м^2. Крыши здания опирались на 12 колонн, от основания которых сохранились каменные базы. Эти базы представляли собой необработанные камни размерами от 30х30х10 см до 50х40х15 см. На одной из них первые был зафиксирован след от деревянной колонны диаметром 0,25 м. По расположению колонн можно предположить, что крыша здания колоннадной конструкции была двухъярусной.

Исследователям удалось в деталях проследить остатки каркасно-столбовой конструкции стен в виде остатков трех плах из лиственницы, которые вставлялись в пазы вертикально вкопанных бревен. Нижняя часть стен опиралась на фундамент из необожжённого кирпича. Остатки северной стены представлены остатками плетня длиной 2,2 м в виде вертикально стоящих через 5 см жердей диаметром 2 см на расстоянии 3,8 м. Южная стена прослеживались остатками расплывшихся необожженных кирпичей.

А.Р. Артемьевым эта постройка по назначению была отнесена к административному зданию. Об этом свидетельствует открытый в её западной части примитивный очаг, отопить которым такое здание в зимнее время, чтобы находиться в нём постоянно было невозможно. Там было обнаружено также всего 14 фрагментов керамики, среди которой был обнаружен экземпляр чаши типа цычжоу с полихромной росписью красной и зелёной красками. Ранее

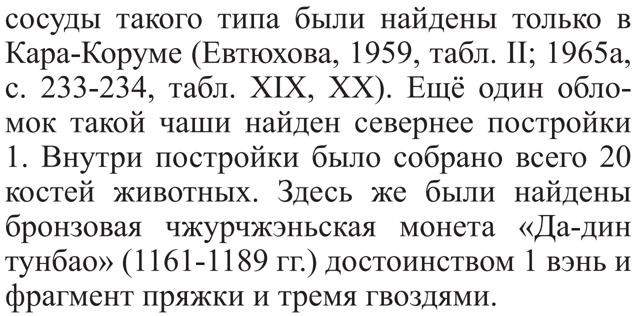

Рис. 5. Хирхиринское городище. 1 Усадьба 1. Находки: 1, 2, 4 – лемихи (чугун), 3 – черпак (железо), 5 – кольцо (железо), 6 – серп (железо); 2 Черпак (железо); 3 Профили чугунных котлов.

Fig. 5. Hirkhira settlement. 1 Homestead 1. Findings: 1, 2, 4 – plowshare (cast iron), 3 – scoop (iron), 5 – ring (iron), 6 – sickle (iron); 2 Scoop (iron); 3 Profiles of cast iron cauldrons.

сосуды такого типа были найдены только в Кара-Коруме (Евтюхова, 1959, табл. II; 1965а, с. 233-234, табл. XIX, XX). Ещё один обломок такой чаши найден севернее постройки 1. Внутри постройки было собрано всего 20 костей животных. Здесь же были найдены бронзовая чжурчжэньская монета «Да-дин тунбао» (1161-1189 гг.) достоинством 1 вэнь и фрагмент пряжки и тремя гвоздями.

В северо-восточном углу усадьбы открыты остатки еще одной постройки (2) с Г-образной формы каном, сделанным из хорошо подобранных плоских камней. Длинное колено имеет протяжённость 3 м и ширину 1 м, а короткое колено длину – 2,6 м и ширину – 1 м. К короткому колену примыкает круглый в плане очаг диаметром 0,5 м оформленный камнями. На территории постройки найдены роговая рукоять шила, бронзовое звено цепи и принадлежность от ткацкого станка.

В двух из 21 образца, полученных методом флотации культурного слоя из различных частей усадьбы были обнаружены соответственно две и одна зерновки проса. В первом образце зафиксированы мелкие карбонизированные фрагменты, которые, по мнению Е.Ю. Лебедевой, могут быть остатками каши, хлеба или какой-то другой пищи, возможно, с добавлением жира.

Комбинированная радиоуглеродная дата этой усадьбы по 10 образцам дерева и угля из раскопок 2003 г. – 1330-1420 гг. Ле-6907-69015, 6917. 561±12BP (лет т. н.). Интервалы калиброванного календарного возраста: 1330AD (35.7%) 1345AD, 1395AD (32.5%) 1410AD calAD (1σ, 68,2% вероятности); 1325AD (46.1%) 1350AD, 1390AD (49,3%) 1420AD calAD (2σ, 95,4% вероятности).

Несколькими экземплярами представлены фрагменты голубых селадоновых чаш и чаш с орнаментом «цек» или «краклэ» в виде трещинок на поверхности глазури. В единичном экземпляре встречены фрагмент кувшина с росписью кобальтом, таким же блеклым, как и на обломках сосудов из Кара-Корума (Евтюхова, 1965а, с. 248-249, табл. XXVIII) и обломок сосуда, орнаментированного белой глазурью на сером фоне, полученной путём выскабливания глазури с полей фона между деталями узора.

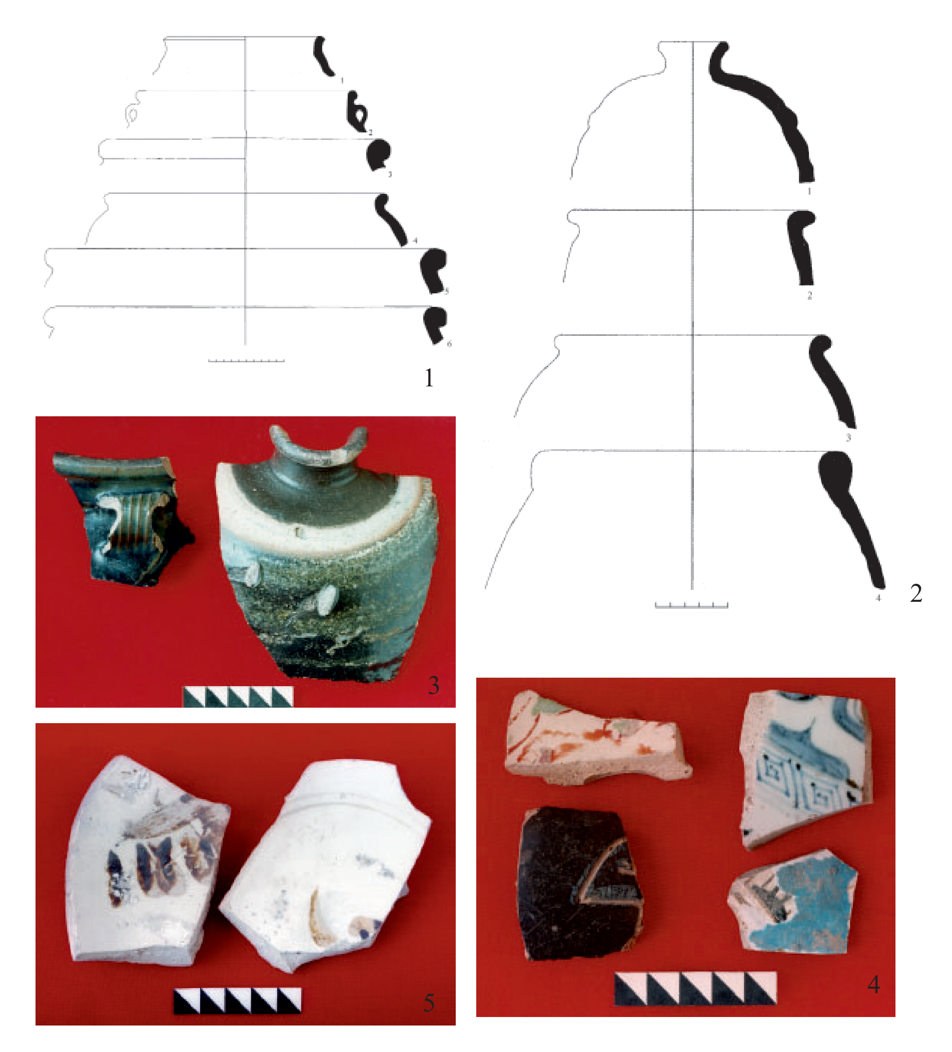

Рис. 6. Хирхиринское городище. 1 Усадьба 1 –Профили сосудов; 2 –Профили венчиков сосудов; 3 – Фрагменты глазурованных сосудов; 4 – Фрагменты стенок глазурованных сосудов; 5 – Фрагменты глазурованных чаш.
Fig. 6. Hirkhira settlement. 1 Homestead 1 – Vessel profiles; 2 –Profiles of vessel rims; 3 –Fragments of glazed vessels; 4 –Fragments of the walls of glazed vessels; 5 –Fragments of glazed bowls.

От въездных ворот ханской усадьбы экспедицией А.Р. Артемьева (раскопа 3 площадью 128 м^2) была открыта свалка строительного мусора, в которой удалось обнаружить несколько обломков и три почти целых концевых диска от нижней черепицы крыши (рис. 7), а также фрагмент концевой части верхней черепицы, соответствующей по диаметру найденным дискам. Два подобных диска в переотложенном состоянии были найдены С.В. Киселёвым в 1959 г. Он счёл их примитивный орнамент характерным для «танской эпохи на Дальнем Востоке, в уйгурских городах на территории Монголии» (Киселёв, 1965а, с. 43, рис. 16). Особенно интересен один из дисков, пока не имеющий аналогий (рис. 7: 2). На нём изображена морда зверя из семейства кошачьих, возможно тигра, о чём свидетельствуют хорошо проработанные справа бороздки, по-видимому, обозначающие усы. Эти концевые диски, за исключением последнего, очень сходны с дисками из Орду-Балыка – уйгурской столицы на р. Орхон 750/751–840 гг. (Киселёв, 1959, с. 166, рис. 6; Худяков, 1990, с. 86, рис. 3: 1, 5). Это дает возможность предположить, что древнемонгольский город был возведён на месте уйгурского города (VIII–IX вв.). Возможно, именно ко времени существования этого города, относится использованный вторично фрагмент доски из лиственницы, найденный в предматериковом слое раскопа 2 на территории усадьбы 1 и датированный в Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН VII-IX вв.: Ле-6162 1260±50 BP (лет т. н.). Интервалы калиброванного календарного возраста: 670-800 гг. (1,00) calAD (1σ, 68,2% вероятности), 660-880 гг. (1,00) calAD (2σ, 95,4% вероятности).

Отмеченный А.Р. Артемьевым более ранний слой на территории Хирхиринского городища, нашел подтверждение при исследовании памятника в 2014 г. (Крадин, 2014). Н.Н. Крадин, по обнаруженным фрагментам сероглиняной керамике, которая им была датирована киданьской, нижние слои памятника отнес к периоду династии Ляо (947-1125 гг.) (Крадин, Бакшеева, Ковычев, 2018).

Из подъёмного материала, собранного на территории Хирхиринского городища, были отмечены три чугунных лемеха от плугов, обломки более десяти втулок от ступицы колеса (рис. 3: 9), днище большой жаровни, многочисленные обломки котлов и два колокольчика (рис. 3: 10, 11); железные серп, несколько ножей (рис. 3: 6), пряжки, замок (рис. 3: 1), ключ с отломанной бородкой (рис. 3: 2), крюк для подвешивания вещей, вбивавшийся в стену (рис. 3: 2), светец (рис. 2: 4), две вилки (рис. 7: 9, 10), несколько звеньев от удил (рис. 3: 19), пробой с кольцом от седла (рис. 7: 11), две пластинки от панциря, наконечник копья, три наконечника стрел и антропоморфную фигурку, фрагмент орнаментированной бронзовой позолоченной накладки на луку седла (рис. 7: 2), пять бронзовых поясных накладок (рис. 7: 1, 3-5, 7), четыре обломка сосудов, костяная рукоять от шила, игральная кость (рис. 3: 5); три половинки каменных пряслиц (рис. 3: 8, 12) и одну заготовку пряслица, а также точильные камни. Большинство этих предметов имеет прямые аналогии среди материалов из раскопок С.В. Киселёва в Кара-Коруме (Киселев, Мерперт, 1965).

Весьма разнообразна коллекция керамического материала. Она представлена уже упоминавшимися выше многочисленными обломками крупных толстостенных сосудов типа хумов покрытых зелёной поливой, нередко с поясами гравированного орнамента в виде плетёнки; фрагментами сероглиняных и красноглиняных сосудов меньших размеров, а также чашами, вазами и горшками типа «цычжоу-яо» из фарфоровидной глины с коричневой подглазурной росписью на белом фоне. Среди последних один обломок вазы из серого теста с коричневой росписью по белому фону, поверх которой нанесена полива бирюзового цвета. В материалах из раскопок Кара-Корума в 1948-1949 гг. такая керамика представлена всего четырьмя фрагментами. По мнению Л.А. Евтюховой вазы с бирюзовой глазурью были редкими и ценными (Евтюхова, 1965, с. 236-237, табл. XXII: 3, 8). В меньшем количестве встречены обломки сосудов хэнаньского типа с поливой коричнево-красного цвета и чёрного цвета. Среди них обломок горшка из желтоватой глины покрытый тёмно-коричневой поливой с вырезанным на ней растительным орнаментом, как на сосудах из Кара-Корума (Евтюхова, 1965, с. 256, табл. XXIX: 2) и несколько фрагментов бутылей.

Несколькими экземплярами представлены фрагменты голубых селадоновых чаш. В единичном экземпляре встречены фрагмент кувшина с росписью кобальтом, таким же блеклым, как и на обломках сосудов из Кара-Корума (Евтюхова, 1965, с. 248-249, табл. XXVIII) и обломок сосуда, орнаментированного белой глазурью на сером фоне, полученной путём выскабливания глазури с полей фона между деталями узора.

В 2002 г. А.Р. Артемьевым было начато изучение топографии Кондуйского городка, расположенного в 60 км к северо-западу от города Есунгу в Борзинском р-не Читинской области. С.В. Киселёв датировал памятник XIV в., но с учетом получения новой верхней даты Хирхиринского городища, было сделано предположение, что Кондуйское городище может также принадлежать улусу потомков Джочи-Хасара. Собранный подъёмный материал с территории этого памятника был представлен фрагментами черепицы и кирпичей, покрытых зелёной и жёлтой поливой, найденными на территории дворца, и скульптурой головы дракона, обломками черепицы с чёрной поливой от одного из флигелей дворца, обломком чаши типа «цычжоу-яо» с коричневой росписью по белому фону, бронзовой орнаментированной накладкой (рис. 7: 12), обломком бронзового котла и чугунным зубилом (рис. 3: 13).

Кроме стационарных раскопок экспедиция А.Р. Артемьева были проведены большие разведочные работы. В 2001 г. найден четвёртый в Восточном Забайкалье после открытых в 1724 г. Д.Г. Мессершмидтом города хана Есунгу, Кондуйского городка и поселения Ноцуй, обнаруженного в 1889 г. А.К. Кирилловым (Кузнецов, 1925, с. 46), памятник оседлой культуры монголов – усадьба дворцового типа в пади Алестуй в 10 км к северу от города Хирхиринского городища. Она представляет собой остатки здания размерами

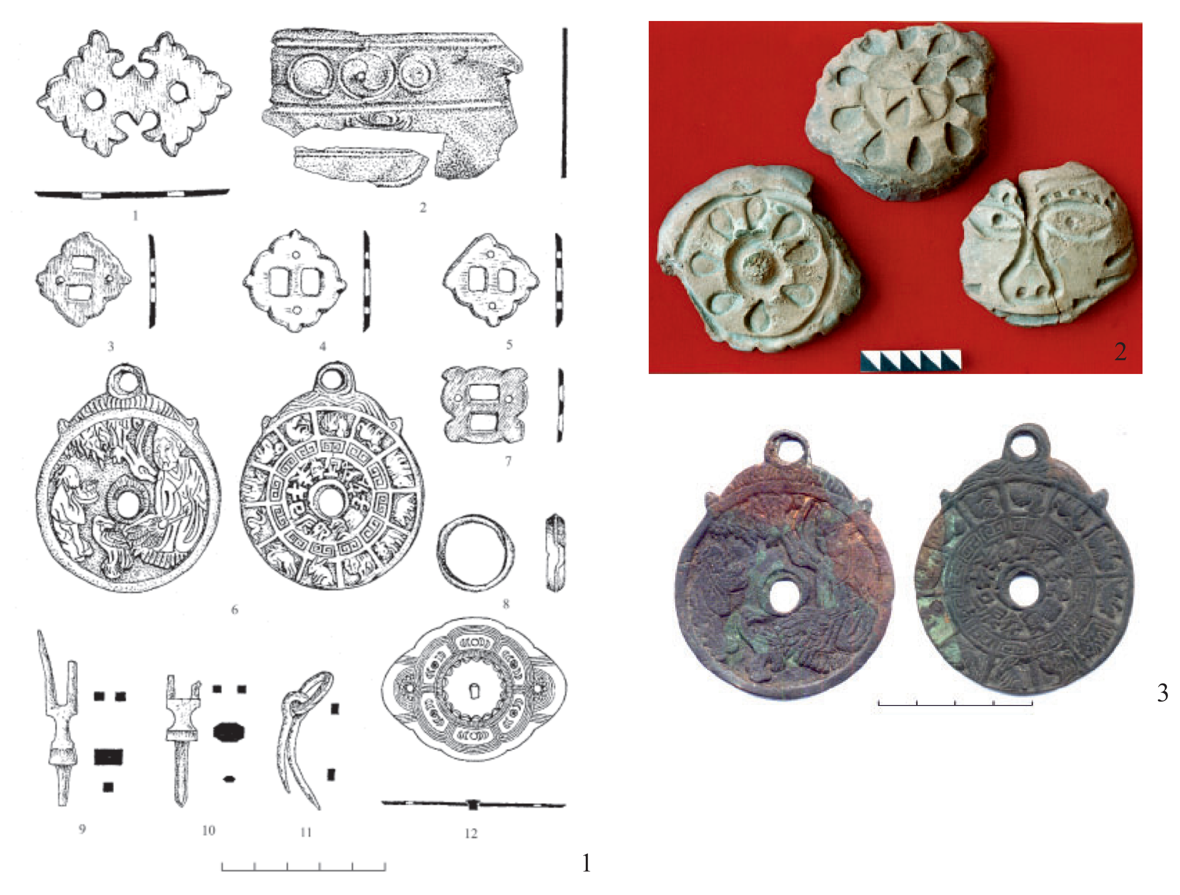

Рис. 7. 1 Хирхиринское городище. Находки: 1, 35, 7, 12 – поясные накладки (бронза), 2 – обкладка луки седла (бронза с позолотой), 6 – календарь (бронза), ОАН «Падь Широкая», 8 – кольцо (бронза), 9, 10 – вилки (бронза), 11 кольцо с пробоем (железо); 12 – накладка (бронза); 2 Концевые диски черепицы (керамика); 3 Календарь (бронза). ОАН «Падь Широкая».

Fig. 7. 1 Hirkhira settlement. Findings: 1, 3, 5, 7, 12 – belt mounts (bronze), 2 – saddle pommel fencing (bronze with gilding), 6 – calendar (bronze), OAN "Pad Shirokaya", 8 – ring (bronze), 9, 10 – forks (bronze), 11 ring (iron); 12 – mount (bronze); 2 Roof tile end discs (ceramic); 3 Calendar (bronze). OAN "Pad Shirokaya".

20х30 м. Нижние черепицы и отливы, собранные на поверхности усадьбы, аналогичны, обнаруженным С.В. Киселёвым при раскопках в 1959 г. ханского дворца. Постройку окружают невысокие стены, образующие квадрат размерами 75х75 м. С севера к усадьбе примыкает огороженная площадка размерами 35х70 м, а к ней с западной стороны - ещё одна небольшая постройка. По предположению А.Р. Артемьева, это была загородная резиденция хана. Отмечалось, что если размеры этой усадьбы (0,8 га) уступают площади ханской усадьбы в Хирхиринском городище (2,25 га), то визуально прослеживаемые размеры дворца явно больше – 600 м^2 против 300 м^2.

В 17 км к северу от Хирхиринского городища и в 4 км к западу от усадьбы Алестуй в пади Дзерен экспедицией А.Р. Артемьева был обнаружен из серого гранита усечённого конуса высотой 91,5 см, диаметром основания – 40 см и диаметром верхней плоскости – 35,5 см.

Ещё два поселения были найдены в 2002 г. На одном из них в 20 км к северо-западу от города в пади Казачьей собрана керамика аналогичная найденной в Хирхиринском городище. Возле этого поселения зафиксирован средневековый могильник из более чем 20 обложенных камнями могил. Второе поселение расположено в 15 км к северо-западу от города в пади Широкая. Здесь зафиксированы три сохранившихся и не менее пяти уничтоженных распашкой жилища с канами. В одном из распаханных жилищ найдены бронзовые календарь (рис. 7: 1, 3) и колокольчик.

Все эти материалы дали возможность А.Р. Артемьеву сделать обоснованный вывод, что жители города занимались скотоводством, ремёслами – выплавкой, обработкой железа

и ткачеством, а также, несомненно, земледелием, которое существовало уже в начальный период возникновения империи. Как уже говорилось выше, согласно «Мэн-да бэй-лу» на территории монгольского государства двух-трёх местах выращивалось клейкое чёрное просо (Мэн-да бэй-лу, 1975, с. 6970). Как точно подметил В.Л. Егоров, данные о земледелии содержатся в «Сокровенном сказании монголов» в той части, где говорится о награждении Чингис-ханом своих сподвижников после прихода к власти (Егоров, 1969, с. 340). Там великий хан велел «родительнице нашей младшим братьям и сыновьям выдели их долю, состоящую из людей, живущих за войлочными стенами, так называемых подданных (ирген); а затем выдели и разверстай по районам население, пользующееся деревянными дверьми» (Сокровенное сказание монголов, 1990. § 203). Население, пользующееся деревянными дверьми, и является оседлыми земледельцами. Развитие хлебопашества в Монголии было начато ещё при жизни основателя империи и по его личному указанию, причём, им занимались не только крестьяне, захваченные в плен в Северном Китае, но и монголы. Известен случай, когда Чингис-хан приказал двум монгольским племенам сеять хлеб (Мункуев, 1965, с. 140-141; Чулууны Далай, 1983, с. 92-93).

Все вышесказанное убедительно свидетельствуют о переходе значительной части населения Восточного Забайкалья в XIII в. к оседлости, а разведочные работы А.Р. Артемьева показали большие перспективы в открытии новых поселений монголов на территории Забайкалья. Исключительный научный интерес этих памятников заключается в том, что они расположены на территории улуса младшего брата Чингис-хана – Джочи-Хасара и были возведены его сыном, видным государственным деятелем своей эпохи ханом Есунгу.

Примечания:

[1] Все остеологические материалы с территории усадьбы определены Е.А. Антипиной (Лаборатория естественно-научных методов в археологии Института археологии РАН).

[2] Радиоуглеродный анализ сделаны Г.И. Зайцевой (Лаборатория археологической технологии Института истории материальной культуры РАН).

ЛИТЕРАТУРА

Артемьев А.Р. Город монгольского хана Есунгу в Забайкалье (XIII-XIV вв.) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Материалы VI международного научного семинара. Посвящённого 155-летию со дня рождения Д.Н. Анучина. Ч. 1 / Отв. ред. Н.А. Томилов Омск; СПб: ОмГУ, 1998. С. 910.

Артемьев А.Р. Новые исследования города монгольского хана Есунгу в Забайкалье (XIII-XIV вв.) // Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай. Материалы международной научной конференции / Отв. ред. А.Р. Артемьев. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2001. С. 254–266.

Артемьев А.Р. Археологические исследования памятников эпох Юань и Мин в Забайкалье и Приамурье // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем / Отв. ред. М. П. Черная. Томск: Томский ун-т. 2003а. С. 252–255.

Артемьев А.Р. Некоторые итоги работ Амурской археологической экспедиции в 1988-2002 гг. // Древности Приморья и Приамурья в контексте тихоокеанской археологии / Отв. ред. Д.Л. Бродянский. Владивосток: Дальневосточный университет, 2003б. С. 192–229.

Артемьев А.Р. Новые исследования средневековых поселений Забайкалья XIII-XIV вв. // Интеграция археологических и этнографических исследований / Гл. ред. Н.А. Томилов, Отв. ред. М.А. Карусенко, СС. Тихонов. Омск: Наука, 2003в. С. 134–136.

Артемьев А.Р. Средневековые монгольские поселения XIII-XIV вв. в Забайкалье // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. Материалы международной конференции / Отв. ред. А.П. Деревянко. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. С. 303–307.

Артемьев А.Р. Средневековые поселения Забайкалья XIII-XIV вв. // Забайкалье в геополитике России. Материалы международного симпозиума «Древние культуры Азии и Америки» / Отв. ред. М. В. Константинов. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2003д. С. 86–88.

Артемьев А.Р. Археологические памятники эпох Юань и Мин в Забайкалье и Приамурье (XIII-XV вв.) // РА. 2004а. № 4. С. 122–133.

Артемьев А.Р. Из истории улуса брата и племянников Чингис-хана в Восточном Забайкалье (XIII в.) // Интеграция археологических и этнографических исследований / Отв. ред. К. Н. Тихомиров, Н. А. ТомиловАлматы; Омск: Наука, 2004б. С. 124–126.

Артемьев А.Р. Памятники оседлых монголов XIII в. в юго-восточном Забайкалье // Археологические микрорегионы Северной Евразии. Материалы научной конференции / Отв. ред. С.С. Тихонова. Омск: ГарантПромРесурс, 2004в. С. 12–16.

Артемьев А.Р. Итоги новых исследования древнемонгольских городов Восточного Забайкалья // Вестник ДВО РАН. 2005б. № 2. С. 13–18.

Артемьев А.Р. Новые материалы по топографии и хронологии города племянника Чингис-хана – хана Есунгу // Интеграция археологических и этнографических исследований / Гл. ред. Н.А. Томилов, Отв. ред. М.Л. Бережнова, М.А. Корусенко. Омск: Наука, 2005в. С. 89–92.

Древнемонгольские города / Отв. ред. С.В. Киселев. М.: Наука, 1965. 372 с.

Евтюхова Л.А. Древнекитайская керамика из Каракорума // СА. 1959. № 3. С. 179–193.

Евтюхова Л.А. Керамика Кара Корума // Древнемонгольские города / Отв. ред. С.В. Киселев. М.: Наука, 1965. С. 216–273.

Евтюхова Л.А. Изделия различных ремёсел из Кара-Корума // Древнемонгольские города / Отв. ред. С.В. Киселев. М.: Наука, 1965а. С. 274–296.

Егоров В.Л. Причины возникновения городов у монголов в XIII-XIV вв. // История СССР. 1969. № 4. С. 39–49.

Киселёв С.В. Древние города Забайкалья // СА. 1958. № 4. С. 107–119.

Киселёв С.В. Из истории китайской черепицы (В связи с изучением древних городов Монголии, Сибири и Дальнего Востока) // СА. 1959. № 3. С. 159–178.

Киселёв С.В. Город монгольского Исункэ в Забайкалье // СА. 1961. № 4. С. 103–127.

Киселёв С.В. Город реке Хирхира // Древнемонгольские города / Отв. ред. С.В. Киселев. М.: Наука, 1965. С. 23–58.

Киселёв С.В. Дворец в Кондуе // Древнемонгольские города / Отв. ред. С.В. Киселев. М.: Наука, 1965а. С. 325–369.

Киселёв С.В., Мерперт Н.Я. Железные и чугунные изделия из Кара-Корума // Древнемонгольские города / Отв. ред. С.В. Киселев. М.: Наука, 1965. С. 188–215.

Крадин Н.Н. Отчет об археологических исследованиях на Хирхиринском городище в Приаргунском районе Забайкальского края в 2014 г. // Архив ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 2. Оп. 1, № 771. 435 л.

Крадин Н.Н., Бакшеева С.Е., Ковычев Е.В. Новые данные о хронологии Хирхиринского городища // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Материалы IX международной конференции. Т. 2 / Отв. ред. Б. В. Базаров, Н.Н. Крадин Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2018. С. 52–56.

Кузнецов А.К. Развалины Кондуйского городка и его окрестности. Владивосток: Книжное издательство, 1925. 61 с.

Кызласов Л.Р. Начало сибирской археологии // Историко-археологический сборник / Отв. ред. Д.А. Авдусин, В.Л. Янин. М.: МГУ, 1962. С. 43–52.

Мэн-да Бэй-лу («Полное описание монголо-татар») / Пер. с кит., введение, комментарий и приложения Н.Ц. Мункуева. М.: Наука, 1975. 282 с.

Минерт Л.К. Древнейшие памятники монгольского монументального зодчества // Древние культуры Монголии / Отв. ред. Р.С. Васильевский. Новосибирск: Наука, 1985. С. 184–209.

Минерт Л.К. Монгольское градостроительство XIII-XIV веков // Центральная Азия и соседние территории в средние века / Отв. ред. В. Е. Ларичев. Новосибирск: Наука, 1990. С. 89–106.

Мункуев Н.Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цая. Перевод и исследование. М.: Наука, 1965. 224 с.

Новлянская М.Г. Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л.: Наука, 1970. 156 с.

Рубрук, Гильом де. Путешествие в восточные страны // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. / Пер. А. И. Малеина. М.: Географгиз, 1957. С. 80−100.

Смирнова Л.И. Проколки. Хронология и функциональное назначение // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 13 / Отв. ред. П. Г. Гайдуков. Новгород: Новгородский гос. объединенный музей-заповедник, 1999. С. 142–162.

Смирнова Л.И. Проколки (хронология и функциональное назначение) // Археологические вести. Вып. 7 / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 236–246.

Сокровенное сказание монголов / Перевод С.А. Козина. Улан-Удэ: Бурят. книж. изд-во, 1990. 148 с.

Худяков Ю.С. Памятники уйгурской культуры в Монголии // Центральная Азия и соседние территории в средние века / Отв. ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск: Наука, 1990. С. 84–89.

Чулууны Далай. Монголия в XIII-XIV веках. М: Наука, 1983. 232 с.

Информация об авторе:

Артемьева Надежда Григорьевна, кандидат исторических наук, зав. сектором средневековой археологии, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток, Россия); artemieva_tg@list.ru

REFERENCES

Artem'ev A. R. 1998. In Tomilov, N. A. (ed.). *Integratsiia arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanii (The Integration of Archaeological and Ethnographic Research)* Part 1. Omsk; Saint Petersburg: Omsk State University, 910 (in Russian).

Artem'ev A. R. 2001. In Artem'ev A. R. (ed.). *Drevnyaya i srednevekovaya istoriya Vostochnoy Azii (Ancient and medieval history of East Asia).* Vladivostok: Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS, 254–266 (in Russian).

Artem'ev A. R. 2003. In Chernaya, M. P. (ed.). *Kul'tura Sibiri i sopredel'nykh territoriy v proshlom i nastoyashchem (Culture of Siberia and adjacent areas in the past and present).* Tomsk: Tomsk State University, 252–255 (in Russian).

Artem'ev A. R. 2003. In Brodyansky, D. L. (ed.). *Drevnosti Primor'ya i Priamur'ya v kontekste tikhookeanskoy arkheologii (Antiquities of Primorye and Amur River region in the context of Pacific archaeology).* Vladivostok: Far Eastern University, 192–229 (in Russian).

Artem'ev A. R. 2003. In Tomilov, N. A. (ed.-in chief), Karusenko, M. A., Tikhonov, S. S. (eds.). *Integratsiia arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanii (The Integration of Archaeological and Ethnographic Research).* Omsk: “Nauka” Publ., 134–136 (in Russian).

Artem'ev A. R. 2003. In Derevyanko, A. P. (ed.). *Problemy arkheologii i paleoekologii Severnoy, Vostochnoy i Tsentral'noy Azii (Issues of archaeology and palaeoecology of North, East and Central Asia).* Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography, 303–307 (in Russian).

Artem'ev A.R. 2003. In Konstantinov, M. V. (ed.) *Zabaykal'e v geopolitike Rossii (Transbaikalia in Russian geopolitics).* Ulan-Ude: Buryatia Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 86–88 (in Russian).

Artem'ev, A. R. 2004. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (4), 122–133 Russian).

Artem'ev, A. R. 2002. In Tikhomirov, K. N., Tomilov, N.A. (eds.). *Integratsiia arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanii (Integration of Archaeological and Ethnographic Studies). Almaty;* Omsk: “Nauka” Publ., 124–126 (in Russian).

Artem'ev, A. R. 2004. In Tikhonova, S. S. (ed.). *Arkheologicheskie mikroregiony Severnoy Evrazii (Archaeological microdistricts of Northern Eurasia). Omsk*: “GarantPromResurs” Publ., 12–16 (in Russian).

Artem’ev, A. R. 2005. In *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya RAN (Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences)* 2, 13−18 (in Russian).

Artem’ev, A. R. 2005. In Tomilov, N. A. (ed. In cheif)., Berezhnova, M. L., Korusenko, M. A. (eds.). *Integratsiia arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanii (Integration of Archaeological and Ethnographic Studies)*. Omsk: “Nauka” Publ., 89–92 (in Russian).

Kiselev, S. V. (ed.). 1965. *Drevnemongolskie goroda (Early Mongol Towns).* Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Kiselev, S. V. 1959. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 179–193 (in Russian).

Evtyukhova, L. A. 1965. In Kiselev, S. V. (ed.). *Drevnemongolskie goroda (Early Mongol Towns)*. Moscow: “Nauka” Publ., 216–273 (in Russian).

Evtyukhova, L. A. 1965. In Kiselev, S. V. (ed.). *Drevnemongolskie goroda (Early Mongol Towns)*. Moscow: “Nauka” Publ., 274–296 (in Russian).

Egorov, V. L. 1969. In *Istoriya SSSR (The history of the USSR)* (4), 39–49 (in Russian).

Kiselev, S. V. 1959. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 107–119 (in Russian).

Kiselev, S. V. 1959. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 159–178 (in Russian).

Kiselev, S. V. 1961. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 103–127 (in Russian).

Kiselev, S. V. 1965. In Kiselev, S. V. (ed.). *Drevnemongolskie goroda (Early Mongol Towns).* Moscow: "Nauka" Publ., 23–58 (in Russian).

Kiselev, S. V. 1965. In Kiselev, S. V. (ed.). *Drevnemongolskie goroda (Early Mongol Towns).* Moscow: "Nauka" Publ., 325–369 (in Russian).

Kiselev, S. V., Merpert, N. Ya. 1965. In Kiselev, S. V. (ed.). *Drevnemongolskie goroda (Early Mongol Towns).* Moscow: "Nauka" Publ., 188–215 (in Russian).

Kradin, N. N. 2014. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh na Khirkhirinskom gorodishche v Priargunskom rayone Zabaykal'skogo kraya v 2014 g. (Report on archaeological studies at the Hirkhira settlement in the Priargunsk district of the Zabaykalsky Krai in 2014).* Vladivostok. Archive of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far- Eastern Branch of the RAS. Found 2., Inv. 1, no 771 (in Russian).

Kradin, N. N., Baksheeva, S. E., Kovychev, E. V. 2018. In Bazarov, B.V., Kradin, N.N. (eds.). *Drevnie kul'tury Mongolii, Baikalskoy Sibiri i Severnogo Kitaia (Ancient cultures of Mongolia, Baikalian Siberia and Northern China)* 2. Ulan-Ude: Buryatia Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 52–56 (in Russian).

Kuznetsov, A. K. 1925. *Razvaliny Konduyskogo gorodka i ego okrestnosti (Ruins of Konduisky Town and its Surrounding Area)*. Vladivostok: "Knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Kyzlasov, L. R. 1962. In Avdusin, D. A., Yanin, V. L. (eds.). *Istoriko-arkheologicheskiy sbornik (Historical and Archaeological Collected Works)*. Moscow: Moscow State University, 43–52 (in Russian).

Men-da bei-lu. 1975. *Polnoe opisanie mongolo-tatar (Complete Description of the Mongol-Tatars).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Minert, L. K. 1985. In Vasil'evsky, R. S. (ed.). *Drevnie kul'tury Mongolii (Ancient Cultures of Mongolia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 184–209.

Minert, L. K. 1990. In Larichev, V. E. (eds.). *Tsentral'naya Aziya i sosednie territorii v srednie veka (Central Asia and neighboring territories in the Middle Ages)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 89–106 (in Russian).

Munkuev, N. Ts. 1965. *Kitayskiy istochnik o pervykh mongol'skikh khanakh. Nadgrobnaya nadpis' na mogile Elyuy Chu-tsaya. Perevod i issledovanie (Chinese source about the first Mongol khans. Funerary inscription on the grave of Yelü Chu-tsai. Translation & Research).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Novlyanskaya, M. G. 1970. *Daniil Gotlib Messershmidt i ego raboty po issledovaniyu Sibiri (Daniel Gottlieb Messerschmidt and his works on the study of Siberia).* Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Rubruk, Gil'om de 1957. In *Puteshestvie v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka (The Journey of Plano Carpini and William of Rubruk to the Eastern Parts)*. Moscow: "Geografgiz" Publ. (in Russian).

Smirnova, L. I. 1999. In Gaidukov, P. G. (ed.). *Novgorod i Novgorodskaia zemlia. Istoriia i arkheologiia (Novgorod and Novgorod Land. History and Archaeology)* 13. Novgorod: Novgorod State United Museum-Reserve, 142–162 (in Russian).

Smirnova, L. I. 2000. In Nosov, E. N (ed.). *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* Saint Petersburg: "Dmitriy Bulanin" Publ., 236–246 (in Russian).

Kozin, S. A. (transl.). 1990. *Sokrovennoe skazanie mongolov (Secret History of the Mongols).* Ulan-Ude: "Buryat. knizh. izd-vo" Publ. (in Russian).

Khudyakov, Yu. S. 1990. In Larichev, V. E. (eds.). *Tsentral'naya Aziya i sosednie territorii v srednie veka (Central Asia and neighboring territories in the Middle Ages)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 84–89 (in Russian).

Chuluuny, Dalai. 1983. *Mongoliya v XIII-XIV vekakh (Mongolia in the XIII-XIV centuries).* Moscow: "Nauka" Publ.

About the Author:

Artiemeva Nadezhda G., Candidate of Historical Sciences, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS. 89 Pushkinskaya St, Vladivostok, 690950, Russian Federation; artemieva_tg@list.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2024 г.
Статья принята к публикации 01.10.2024 г.

УДК 902 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.5.141.144

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ О ВОЕННОЙ СТАВКЕ АМИРА ТИМУРА В ПОВОЛЖЬЕ

©2024 г. Б.Х. Матбабаев, А.А. Опарин

Статья посвящена изучению битву вошедшей в историю как «Кондурчинская битва». Битва произошла в долине реки Кондурча в Самарской области, Красноярского района. О месте сражения (узб: жанггох) существуют несколько версий. Учитывая данные средневековых источников и археологических материалов, мы предполагаем, что местом столкновения двух армий находилось недалеко от слияния рек Кондурча и Сок. Отметим, что военный поход Амира Тимура остается единственным в истории масштабным походом. Это сражение предрешило судьбу Золотой Орды, обусловив его неминуемый крах.

Ключевые слова: Поволжье, Амир Тимур, Тохтамыш-хан, Кондурчинская битва, Золотая Орда, Сок, Куликово, вал, ров, скифо-сарматское время.

SOME DATA ON AMIR TIMUR'S MILITARY HEADQUARTERS IN THE VOLGA REGION

B.Kh. Matbabaev, A.A. Oparin

The article is devoted to the study of the battle that has gone down in history as the "Kondurcha Battle". The battle took place at the Kondurcha River in the Krasnoyarsk district of the Samara Oblast. About the place of the battle there are several versions. According to the first of them, the battle took place in the area of Krasny Yar, according to the second version, the place of the battle was located 90-100 kilometres north of the indicated in the first assumption (Sergievsk district), according to the third opinion, the battle took place on the territory of Koshki district (version by Michael Arnoldov).). Taking into account medieval written data and archaeological materials, we assume that the place of collision of two huge armies was a large area, near the confluence of the rivers Kondurcha and Sok. Amir Timur’s military campaign remains the only large-scale campaign in history. This battle predetermined the fate of the Golden Horde, causing its imminent collapse.

Keywords: Volga region, Amir Timur, Tokhtamysh Khan, Kondurcha battle, Golden Horde, Sok, Kulikovo,earthwork, moat, Scythian-Sarmatian period.

В этом году мы будем отмечать 633-летие битвы Амира Тимура и Тохтамыш-хана, вошедшей в историю как «Кондурчинская битва». Известна она не только тем, что победу в ней одержал Амир Тимур, но и своей уникальностью в исполнении стратегических и тактических задач, разрешить которые блестяще удалось Тимуру (Машрабов, Матбобоев, 2022, с. 88–119).

Существуют как минимум три версии о местонахождении битвы Тимура с Тохтамыш-ханом. По первой из них, битва произошла в районе с. Красный Яр, на месте слияния рек Кондурчи и Сок. По второй версии, место битвы находится на территории Сергиевского района. По третьей – сражение произошло на территории Кошкинского района в 80–90 километрах к северу-востоку от территории, указанной в первоначальной версии.

Мы в ходе научной экспедиции совместно с российскими коллегами детально осмотрели все три предполагаемых места сражения с археологической и географической точек зрения.

Известно, что в древности и Средневековье места сражений изучались с большим вниманием (битвы в Панипате, Куликово, Бородино, Грюнвальде и др.).

В своем трактате «Уложение Тимура» Сохибкиран отмечает: «…Полководец при выборе места сражения должен предусмотреть четыре обстоятельства. Первое – близость к воде. Второе – безопасность военного лагеря. Третье – войско должно стоять немного выше неприятеля и не располагаться против солнца, ибо его лучи ослепляли воинов. Четвертое – поле сражения должно быть широким и просторным».

Исходя из осмотренного, мы предполагаем, что местом столкновения двух огромных армий была территория недалеко от слияния рек Кондурчи и Сок.

Битва произошла 18 июля 1391 году в долине реки Кондурчи, или Кундурчи (иногда река Бобров, как ее именуют местные жители), **(1)** Красноярского района Самарской области. Между войском хана Золотой Орды Тохтамыш-хана и армией Амира Тимура состоялась грандиозная битва. Всего в ней участвовало до 400 тысяч человек на площади 100 квадратных километров.

Все существующие версии о месте сражений страдают одним недостатком – отсутствием материальных подтверждений, которые умозрительны. Предлагаем свою версию, подтвержденную не только археологическими находками, но и сохранившимся сооружением военного назначения XIV века. Это хорошо сохранившиеся ров и вал, расположенные в месте слияния р. Сок **(2–3)** и р. Кондурчи. В книге «Зафар наме» Шереф ад-дин Йезди (Шарафиддин Али Яздий, 1994) и Низам ад-дин Шами в переводе В.Г. Тизенгаузена есть упоминание, подтверждающее наше предположение о том, что данный ров и вал могли служить лагерем Амира Тимура (Тизенгаузен, 1884). Длина рва и вала в Сокско-Кондурчинской долине составляет около 13 км. Для выполнения этой работы необходимы огромные ресурсы в том случае, если создавать это сооружение заново, т. е. в чистом поле.

Предварительное заключение почвоведа Пономаренко Е.В.: «Ров и вал первоначально был построен в скифо-сарматское время (2110+/-270 лет назад, т. е. во временной промежуток от первого века до н. э. до первого века н. э.), затем был заброшен и спустя некоторое время восстановлен». Амир Тимур, всегда тщательно планировавший свои военные предприятия, скорее всего, знал о существовании заброшенного укрепления в Сокско-Кондурчинской пойме (Пономаренко, 2013). Для его реставрации не было необходимости в огромных людских и временных ресурсах. Амиру Тимуру было достаточно приказать расчистить уже размеченный ров, что требует гораздо меньших усилий.

Расположение рва и вала таково, что позволяет понять, почему битва названа «Кондурчинской». Длина долины реки Сок в том

Рис. 1. Археологические находки из села Малая Каменка Красноярского района Самарской области (XIV–XVI вв.)

Fig. 1. Archaeological finds from the village of Malaya Kamenka, Krasny Yar district, Samara Oblast (XIV–XVI centuries).

месте составляет около 3 км, а Кондурчинская долина в этом месте равна 10 км и обращена в удобное и просторное поле, имеющее выгодный рельеф для использования под военный лагерь (Абдураимов М., 2000; Греков, Якубовский, 1956, с. 56).

Выстроенные со стороны Кондурчинской долины, войска Амира Тимура (при реконструкции данного места) имеют ряд существенных преимуществ по отношению к армии Тохтамыша-хана. Наклон поля составляет от 3 до 5 градусов, т. е. армия Тохтамыша-хана находится ниже армии Амира Тимура (рис. 1; 2). Солнце в это время года большую часть времени находится за спиной армии Амира Тимура, ров и вал в тылу армии самаркандского полководца не позволяет хану Тохтамышу обойти левый фланг Сохибкирана, т. к. упирается в берег реки Кондурчи и имеет в тылу непреодолимый для конницы ров. Правый фланг армии Амира Тимура заканчивается у огромного оврага, расположенного северо-восточнее с. Большая Каменка Красноярского района, но прорыв правого фланга создает угрозу обхода войска Тимура по Сокской долине с заходом в тыл его армии.

Низам ад-дин Шами пишет: «Тимур приказал, чтобы смельчаки и храбрецы войска, спешившись, пошли вперед, и указал, чтобы для него поставили в степи зонт, палатку и шатер и расстелили ковры. Это самообладание, спокойствие, храбрость и пренебрежение врагом увеличили страх и ужас в сердце неприятеля». Этот поступок Амира Тимура говорит не только о психологическом приеме, призван-

Рис. 2. Войска Амира Тимура перед битвой (реконструкция)
Fig. 2. Army of Amir Timur before the battle (reconstruction)

ном повысить боевой дух армии, но является проведением своего тщательно обдуманного плана. Амиру Тимуру нельзя было поменять положение своих войск без тактических и стратегических потерь. Он твердо и последовательно проводил в жизнь свой план сражения. По нему Тохтамыш-хан рано или поздно должен был первым нанести удар по левому флангу именно в том месте, где ему была уготована роковая для него ловушка, и с помощью действий, описанных выше, Амир Тимур поднял боевой дух своей армии и спровоцировал Тохтамыш-хана нанести удар первым.

В 2011 году на валу и рядом с ним найдены предметы, датируемые XIV–XV вв. (Мажитов, Султанова, 1994, с. 259). На месте предполагаемого прорыва на левом фланге (деревня Малая Каменка Красноярского района) найдено два бронебойных наконечника и поковочный гвоздь. На высоте 146 м, «Алтай гора», в 20 метрах ото рва, в месте его поворота, обнаружены еще два наконечника и сломанный нож. Внутри лагеря, на берегу р. Сок, в 300 метрах от вала были найдены две серебряные и одна медная золотоордынские монеты (Федоров-Давыдов, 1974), датированные до 1391 г. Всего было найдено более 40 предметов (рис. 1).

Эта битва – лишь один из эпизодов войны между Амиром Тимуром и Тохтамыш-ханом. Окончательное поражение Тохтамыш-хан понес на реке Тереке в 1394 году, но эпизод этот вошел в историю не только как победа Тимура, но и как уникальная военная операция в части организации похода, в стратегии и тактике, примененных Амиром Тимуром в этой битве.

Нельзя не упомянуть о Тохтамыш-хане как об одаренном и целеустремленном политике, которому, несмотря на сложность задачи, удалось в последний раз в истории Золотой Орды объединить ее. Однако Амир Тимур в своем стремлении обезопасить свою империю от угрозы с севера окончательно похоронил возможность объединения золотоордынского государства, определив дальнейший ход истории на этой части континента, оказав непосредственное влияние на историю.

Таким образом, битва при Кондурче стала поворотным пунктом в историческом развитии народов Евразии. Военный поход, совершенный из Самарканда до Жигулевских гор на побережье Волги, остается единственным в истории масштабным походом. Это сражение предрешило судьбу Золотой Орды, обусловив ее неминуемый крах. Разгром Тохтамыш-хана и опустошение Сарай-Берка стало сокрушительным ударом для Золотой Орды. Амир Тимур принес спасение не только народам Руси, но и спас от порабощения народы Европы.

Примечания:

[1] Кондурча —протекает по юго-западной окраине Бугульминско-Белебеевской возвышенности на территории Самарской области и Татарстана. Правый приток реки Сок.

[2] Сок-река в Самарской области, Российской Федорации, левый приток Волги.

[3] Сокские горы, Сокские Яры - отрог Бугульминско-Белебеевской возвышенности в Самарской области Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

Абдураимов М. Темур ва Тўхтамиш. Тошкент: Адабиёт ва санъат, 2000.

Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Олтин Ўрда ва унинг қулаши. Тошкент. 1956. 376 с.

Машрабов З., Матбобоев Б. Фарғона водийси тарихига чизгилар. Андижон. 2022. 256 с.

Мажитов Н., Султанова А. История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. Уфа: Китап, 1994. 361 с.

*Понамаренко Е.В***.** Отчет о результатах рекогноцировочного обследования землянного вала в районе села Трухмянка Красноярского района Самарской области. Оттава. 2013. 6 с.(рукопись)

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Издано на иждивение графа С.Г. Строганова, 1884. 564 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М.: Палеограф, 2003. 352 с.

Шарафиддин Али Яздий. Зафарнома. Мовароуннаҳр воқеалари. 1360-1370. Тошкент: Камалак, 1994. 288 с.

Информация об авторах:

Матбабаев Бокижон Хошимович, доктор исторических наук, профессор, Самаркандский Институт археологии (г. Самарканд, Узбекистан); bokijon@mail.ru

Опарин Александр А. краевед, Красноярский район, Самарская область.

REFERENCES

Abduraimov, M. 2000. *Temur va To'khtamish (Temur and Tukhtamish).* Tashkent: “Adabiet va san"at” Publ. (in Uzbek).

Grekov, B. D., Yakubovsky, A. Yu. 1956. Oltin Ўrda va uning қulashi *(The Golden Horde and its fall).* Tashkent (in Uzbek).

Mashrabov, Z., Matboboev, B. 2022. *Farғona vodijsi tarikhiga chizgilar. (Lines on the history of the Fergana Valley).* Andizhon (in Uzbek)

Mazhitov, N., Sultanova, A. 1994. *Istoriya Bashkortostana s drevneyshikh vremen do XVI veka (History of Bashkortostan from ancient times to the 16th century).* Ufa: “Kitap” Publ. (in Russian)

Ponamarenko, E. V. 2013. *Otchet o rezul'tatakh rekognotsirovochnogo obsledovaniya zemlyannogo vala v rayone sela Trukhmyanka Krasnoyarskogo rayona Samarskoy oblasti (Report on the results of a reconnaissance survey of an earthwork nearby the village of Trukhmyanka of the Krasny Yar district in the Samara Oblast).* Ottawa (manuscript) (in Russian).

Tiesenhausen, V. G. 1884. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy.* T. 1. *Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh (Collected Works Related to the History of the Golden Horde.* Vol. 1. *Excerpts from Arab Writings)*. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian)

Fedorov-Davydov, G. A. 2003. *Denezhnoe delo Zolotoi Ordy* (*Coinage of the Golden Horde*). Moscow: “Paleograf” Publ. (in Russian).

Sharafuddin Ali Yazdi. 1994. *Zafarnoma. Movarounnaxr voқealari. 1360-1370 (The Book of Victories: a Chronicle (1370-1380)).* Tashkent: “Kamalak” Publ. (in Uzbek).

About the Authors:

Matbabaev Bokijon Kh., Doctor of Historical Sciences, Professor, Samarkand Institute of Archaeology. 3 Abdullaev St., Samarkand, 140151, Uzbekistan; bokijon@mail.ru

Oparin Alexander A. local historian, Samara district.

Статья поступила в журнал 01.08.2024 г.
Статья принята к публикации 01.10.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 930.26 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.5.145.156

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЖИЛИЩНЫХ ПОСТРОЕК НА БОЛГАРСКОМ ГОРОДИЩЕ

© 2024 г. А.М. Губайдуллин, И.Ф. Сафин

Изучение быта древнего и средневекового населения является одной из важных направлений в археологии. Сюда входит и выявление, а также последующая реконструкция жилых сооружений. Это может свидетельствовать о жизни различных народов на протяжении веков, навыков в сооружении различных построек, а также эволюции в домостроительстве. Особенно видно усложнение типов жилья в Средние века, происходившее на территории Восточной Европы. Интересным свидетельством этого являются остатки городских жилых объектов, выявляемых в ходе археологических раскопок. В связи с этим, важным показателем тому могут быть жилые сооружения крупных центров, которые представляют собой лучшее подтверждение строительных знаний оставившего их населения. Так на территории Болгарского городища уже на протяжении нескольких десятков лет продолжается выявление и изучение остатков жилищных построек, выявляются их конструктивные особенности, составляется свод и типология. Поэтому публикуемый автором новый материал позволяет дополнить сведения, касающиеся столь интересных объектов строительства.

Ключевые слова: археология, средневековье, Среднее Поволжье, Болгарское городище, строительство, жилые сооружения, типология.

NEW STUDIES OF THE RESIDENTIAL BUILDINGS ON THE BOLGAR FORTIFIED SETTLEMENT

A.M. Gubaidullin, I.F. Safin

The study of the everyday life of ancient and medieval populations is one of the most important fields of archaeology. This includes the identification and subsequent reconstruction of residential buildings. This can testify to the life of different peoples over the centuries, skills in the construction of various buildings, and evolution in house-building. Especially visible is the complication of dwelling types in the Middle Ages, which took place in Eastern Europe. The remains of urban residential buildings revealed in archaeological excavations provide interesting evidence of this. In this regard, an important indicator of this can be the residential structures of large centers, which are the best evidence of the construction knowledge of the population that left them. Thus, the identification and study of the remains of residential buildings on the Bolgar ancient settlement has been going on for several decades, their structural features have been revealed, and a code and typology have been compiled. Therefore, the new material published by the author allows us to supplement the information about such interesting objects of construction.

Keywords: archaeology, Middle Ages, Middle Volga region, Bolgar fortified settlement, construction, residential buildings, typology.

Исследования жилищных построек золотоордынского времени имеют давнюю историю. Различные исследователи обращались к данной теме. Особенно интересны для нас материалы археологических раскопок с территории Болгара, начатые еще А.П. Смирновым (Смирнов, 1951, с. 205). Изучение этих объектов на территории Болгарского городища, ведущееся как минимум с 40-х гг. XX в., позволяет исследователям проанализировать весь полученный материал археологических раскопок (Хлебникова, 1987, с. 32–88; Шарифуллин, 2016, с. 246–259; Ситдиков, Бочаров, 2019, с. 32–40). Еще М.Д. Полубояриновой был представлен подробный свод остатков жилых строений, которые были выявлены в ходе археологических исследований, проведенных до 1990 г. Она объединила их в отдельные группы, основываясь на данных топографии, планировки и стратиграфии, а также выделила конструктивные элементы объектов, составив каталог объектов. По мнению исследователя, наиболее распространенным типом жилищ были надземные постройки, особенно в золотоордынский период существования Болгара (Полубояринова, 2016, с. 5–191). К этой же теме обращался в своих исследованиях и В.С. Баранов, обращая внимание на периферий-

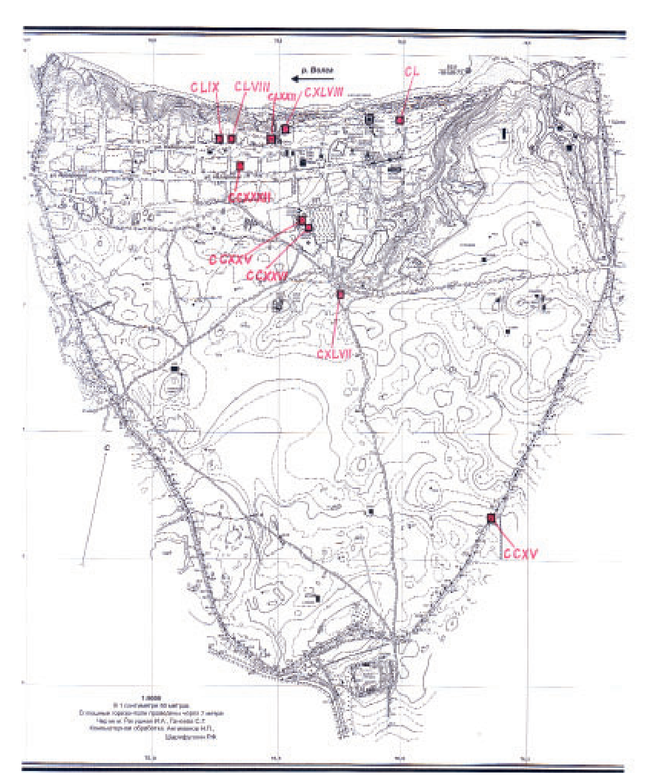

Рис. 1. План Болгарского городища с раскопами.
Fig. 1. Plan of the Bolgar fortified settlement with excavations.

ные районы города X–XV вв., выявив, таким образом, устойчивую жилую застройку и типы располагавшихся здесь объектов (Баранов, 2016, с. 192–245). Их изучение продолжается и до сегодняшнего дня, но в основном попутно с решением других поставленных задач. Однако в связи с получением новых свидетельств по количеству, типу и характеру данных построек возникла необходимость их дополнительного рассмотрения.

Далеко не всегда публикуются исследователями результаты раскопок данных объектов на территории Болгара, и обычно они отражены только в научных отчетах. Поэтому в этой работе мы даем только результаты изучения остатков жилищных построек, которые были вскрыты нами на территории Болгарского городища в последние два десятка лет. Как бы там ни было, они отражают различные их типы, существовавшие в золотоордынский период на территории памятника. Здесь необходимо уточнить, что, возможно, не все из изученных и представленных нами объектов являются остатками жилищных построек. Однако, основываясь на различных признаках, характеризующих данные сооружения, можно с долей вероятности отнести их к таковым.

Жилищные постройки изучались нами на значительной территории Болгарского городища, куда входят северная, южная, юго-восточная и центральная части памятника (рис. 1). Основное их количество было вскрыто именно в т. н. «аристократическом» центре города, в месте наибольшей концентрации различных объектов и археологических находок. Всего исследовалось нами более двух десятков объектов, из которых здесь представлена большая часть. Подавляющее большинство из них, наверняка, относилось к наземным домам, иногда с дополнительной подземной частью, использовавшейся в качестве небольших погребов. Почти все из них лишь незначительно заглублялись в грунт, за исключением т. н. «полуземлянок», характеризующихся примерно наполовину (или менее) углубленным котлованом. Впрочем, было бы странным, чтобы в центре крупного города, мегаполиса того времени, куда приходилась основная концентрация жилых и культовых построек, существовали простые землянки или полуземлянки. Возможно, к последним можно отнести некоторые из выявленных нами объектов, например на раскопах CL, CXLVII, CLIX и CCXXVI.

В работе на основе имеющихся материалов все сооружения жилищного характера приводятся по хронологии, начиная с раннезолотоордынского времени (IVр) (сер. XIII – нач. XIV вв.) и до позднезолотоордынского (IVп) (сер. XIV – нач. XVвв.), что было сделано в качестве попытки проследить возможные изменения в их конструктивных особенностях с течением длительного времени. Также мы попытались соотнести их с типами, выделенными М.Д. Полубояриновой.

Сооружения, датирующиеся раннезолотоордынским временем (IVр слой)

Раскопом CL в северо-восточной части городища были вскрыты остатки **сооружения 3** (рис. 1; 2), которое было выявлено на глубине 200–202 см в кв. А–В/1–3 в виде пятна подквадратной формы, ориентированного с юго-запада на северо-восток. С юго-востока примерно по центру к нему примыкало пятно ступенчатых очертаний, уровень выявления которого был несколько выше – 168 см и 196–198 см. Возможно, оно являлось остатками входного тамбура. Размеры основного пятна: ширина 370–380 см (юго-западная и северо-восточная стороны), длина 440–445 см (северо-запад-

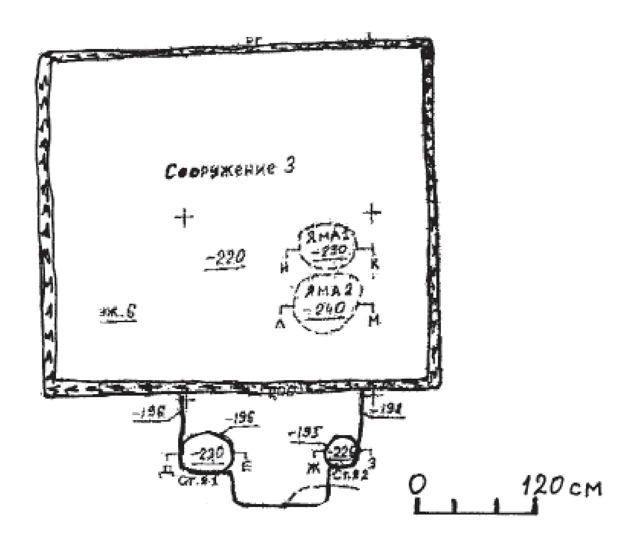

Рис. 2. Раскоп CL. План сооружения 3.
Fig. 2. Excavation site CL. Plan of the building 3.

ная и юго-восточная стороны). Заполнением всего сооружения служила однородная светло-серая супесь. Стенки «тамбура» вертикальные, дно ровное. Оно было выявлено на глубине 200 см от 0. По его углам на глубине 195–196 см были прослежены две столбовые ямы диаметром 35 и 40–55 см, глубиной 31 и 34 см соответственно. Заполнением их была серая супесь с остатками древесной трухи. При исследовании основной части сооружения вдоль всех его вертикальных стенок были зафиксированы остатки деревянной обшивки в виде древесного тлена толщиной ок. 15 см. От входной части, «тамбура», его отделяла ступенька высотой ок. 20 см. Дно сооружения также ровное, выявлено на глубине 220 см от 0. Судя по заполнению и найденному материалу, оно датируется золотоордынским временем и, возможно, относится к IVр слою. Вероятно, оно является остатками нижней части надземного дома (тип № 5 по М.Д. Полубояриновой).

Раскоп CLXXII. ***Сооружение 12*** (рис. 1; 3). Выявлено в южной части раскопа в кв. А–Б/6–8 на глубине 115 см от 0 в виде пятна неправильных очертаний, уходящего в южную стенку сектора А. Его длина по стенке составляла 365 см. Заполнением сооружения служила светло-серая рыхлая супесь с линзами глины, песка и мелкого угля. Стенки его слегка покаты внутрь, дно ровное, выявлено на глубине 235 см от 0. В процессе вскрытия на уровне его дна были выявлены три небольшие округлые ямы, с наибольшим диаметром от 78 до 117 см. Они имели глубину от 40 до 85 см. Судя по заполнению, сооружение относится к IVр слою. Возможно, что это остатки хозяйственного сооружения или подпольной части надземного дома (погреба) (тип № 19 (?) по М.Д. Полубояриновой).

Раскоп CCXV. С напольной стороны оборонительных сооружений в кв. В/1–1′,2 была вскрыта часть «полуземлянки» (подполья наземной постройки?) (рис. 1; 4). Ее наиболее четкие контуры, уходящие в северную и восточную стенки раскопа, были выявлены в виде пятна неправильных очертаний на глубине 227–230 см от 0. Западная часть оказалась срезана во время строительства

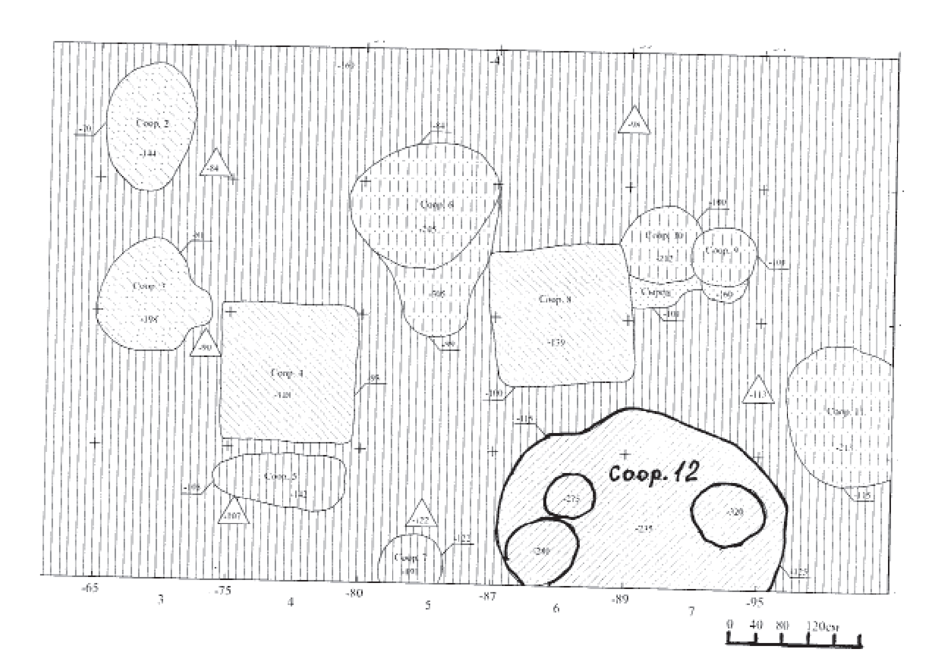

Рис. 3. Раскоп CLXXII. План сооружения 12.
Fig. 3. Excavation site CLXXII. Plan of the building 12.

Рис. 4. Раскоп CCXV. Профиль сооружения.
Fig. 4. Excavation site CCXV. Profile of the building.

Рис. 5. Раскоп CCXXV. Сооружение 1. Вид с запада.
Fig. 5. Excavation site CCXXV. Building 1. View from the west.

крепостного рва. Вскрытые размеры сооружения: по северной стенке – ок. 200 см, восточной – 140 см. Заполнением его служил серо-желтый пестроцвет. Стенки объекта слегка покатые. Во время вскрытия в западной и восточной частях сооружения на глубине 265, 281, 285 и 300 см были выявлены ступеньки шириной 20, 60 и 90 см соответственно. Дно постройки относительно ровное, с небольшим западением к центру, выявлено на глубине 356 см от 0. Здесь же были выявлены несколько крупных камней, которые, возможно, представляли собой остатки рухнувшей в погреб печи. Также в сооружении были найдены две монеты Узбек-хана, чекан Сарая (тип № 16 (?) по М.Д. Полубояриновой).

Раскоп CCXXV. ***Сооружение 1*** (рис. 1; 5). Было выявлено на глубине 165 см от 0 в юго-западной части раскопа в кв. А/10 в виде части подпрямоугольного пятна, уходящего в западную и южную стенки раскопа. Его размеры: 130 см по западной стенке и 278 см по южной. Заполнением сооружения служила светло-серая супесь с пестроцветом и желтым песком. Стенки его покаты внутрь. Дно относительно ровное, выявлено на глубине 189 см от 0. Судя по заполнению, сооружение 1 относится к IVр слою (тип № 211 по М.Д. Полубояриновой). ***Сооружение 5*** (рис. 1; 6). Выявлено в западной части раскопа в кв. А/8 на глубине 168 см от 0 в виде пятна подпрямоугольных очертаний, уходящего в западную стенку раскопа и в южную стенку бровки, за которой оно продолжалось. Его наибольшая длина 200 см, ширина 98 см по стенке раскопа. Заполнением его служила светло-серая супесь с линзами песка и мелким углем. Стенки сооружения почти вертикальные, дно ровное, было выявлено на глубине 268 см от 0. Судя по заполнению и стратиграфии, сооружение 5 относится к IVр слою (тип № 219 по М.Д. Полубояриновой). ***Сооружение 11*** (рис. 1; 7). Выявлено в северо-западном углу раскопа в кв. А–Б/3 на глубине 152 см в виде пятна неправильных очертаний, уходящего в западную и северную стенки. Его размеры по западной стенке 90 см, по северной – 307 см. Заполнением сооружения являлась серая

Рис. 6. Раскоп CCXXV. Северная часть сооружения 5. Вид с севера.
Fig. 6. Excavation site CCXXV. Northern part of the building 5. View from the north.

Рис. 7. Раскоп CCXXV. Сооружение 11. Вид с запада.
Fig. 7. Excavation site CCXXV. Building 11. View from the west.

супесь с прослойками песка, битым кирпичом и мелкими угольками. Стенки его вертикальные, дно ровное, выявлено на глубине 280 см от 0. Возможно, оно является остатками подпольной части наземной постройки. Судя по стратиграфии и заполнению, оно относится к IVр слою (тип № 171 по М.Д. Полубояриновой).

Раскоп CCXXVI. ***Сооружение 1*** (рис. 1; 8). Выявлено в северо-западной части раскопа в кв. А–Б/2–3 на глубине 138 см от 0 в виде вытянутого с юго-востока на северо-запад подпрямоугольного пятна, которое имело закругленные углы. Его длина 310 см, ширина ок. 200 см. Своей северо-западной частью оно уходило в западную стенку раскопа, а южной – в стенку бровки. Верхняя часть его была перекрыта слоем гаристости толщиной 6–7 см и линзой песка толщиной ок. 20 см. Заполнением самого сооружения служила светло-серая супесь с линзами песка. Стенки его вертикальные, дно ровное, выявлено на глубине 253 см от 0. В северо-западной и западной частях сооружения на глубине 187 и 238 см соответственно были обнаружены ступеньки шириной 20 и 50 см. Кроме того, на самом дне сооружения были вскрыты столбовые ямки, идущие вдоль всех его стенок, диаметром 5–6 см, предназначавшиеся, по-видимому, для их укрепления. Судя по стратиграфии и заполнению, данное сооружение относится к IVр слою. Возможно, оно представляет собой остатки т. н. «полуземлянки» или подпольной части наземного сооружения (тип № 1 по М.Д. Полубояриновой). ***Сооружение 9*** (рис. 1; 9). Было выявлено в центральной части раскопа в кв. А–В/5–9 на глубине 160–167 см от 0 в виде большого пятна неправильных очертаний, уходящего в западную стенку. Его размеры: по западной стенке 540 см, наибольшая длина 840 см. Заполнением сооружения служила плотная серая супесь с включением мелкого угля и кирпичной крошки, а также линзами песка в центральной части. В его южной части в кв. Б–В/9 наблюдалось большое скопление золы и мелких углей. В процессе вскрытия было

Рис. 8. Раскоп CCXXVI. Сооружение 1. Вид с юга.
Fig. 8. Excavation site CCXXVI. Building 1. View from the south.

определено, что северная часть сооружения имела в плане и в разрезе ступенчатую форму, а южная представляла собой полуовал. Таким образом, оно состояло из трех частей: южной, восточной и западной. Их размеры: наибольшая длина южной 320 см, ширина 265 см, стенки вертикальные, дно ровное, выявлено на глубине 234 см от 0; длина восточной части 420 см, ширина ок. 160 см, стенки вертикальные, дно ровное, выявлено на глубине 193 см от 0; длина западной части 450 см, наибольшая ширина 485 см, дно ровное, выявлено на глубине 223 см. Судя по стратиграфии и заполнению, это сооружение относится к IVр слою и, возможно, представляло собой остатки нижней части надземного дома (тип № 211 по М.Д. Полубояриновой).

Сооружения, датирующиеся позднезолотоордынским временем (IVп слой)

Раскоп CXLVII (рис. 1; 10). Наиболее четкие подпрямоугольные контуры сооружения с закругленными углами выявились на глубине 210–230 см от 0 в западной части раскопа (кв. Б–В/41–44). Западной своей частью оно уходило в стенку раскопа. Его наибольшая выявленная длина 420 см, ширина по стенке 390 см. Заполнением сооружения служила однородная плотная коричневато-серая супесь. Стенки его слегка покаты. В юго-восточной части была выявлена ступенька шириной до 130 см. Дно сооружения ровное, выявлено на глубине 294 см от 0. Время возникновения и функционирования сооружения относится к IVп слою. В его заполнении было найдено значительное количество фрагментов гончарной булгарской керамики золотоордынского времени), фрагменты водо-

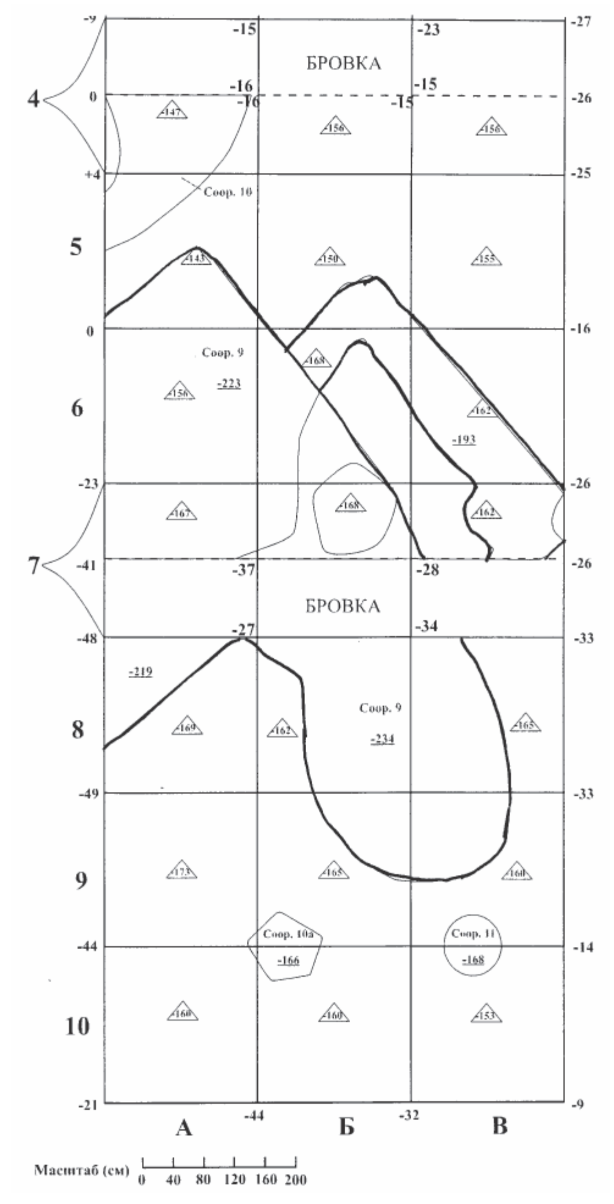

Рис. 9. Раскоп CCXXVI. План сооружения 9.
Fig. 9. Excavation site CCXXVI. Plan of the building 9.

Рис. 10. Раскоп CXLVII. Вид на сооружение с севера.
Fig. 10. Excavation site CXLVII. View of the building from the north.

проводных труб и кости животных (тип № 28 (?) по М.Д. Полубояриновой).

Раскоп CXLVIII (рис. 1; 11). Здесь было вскрыто одно сооружение, предположительно относящееся к жилым постройкам (сооружение 1). Его наиболее четкие контуры в виде двух частично соединенных подквадратных пятен с закругленными углами выявились на глубине 195–230 см от 0 в северо-восточной части раскопа (кв. Б–Д/8–11). Причем меньшее по размерам примыкало к юго-западному углу основного пятна и, как выяснилось в процессе исследований, являлось с ним остатками одной постройки. Размеры основной (северной) его части 500×380×460×390 см. Размеры меньшей (южной) части («тамбура») 320×220×300×300 см. Заполнением сооружения служила однородная буро-серая рыхлая супесь. Стенки обеих частей сооружения вертикальные. В восточной и южной стенках «тамбура» нами были прослежены остатки деревянной обшивки в виде древесной трухи длиной 67 и 80 см соответственно и шириной 7–8 см. Дно обеих частей сооружения ровное. В южной части оно было выявлено на глубине 228 см, северной – на глубине 275 см от 0. Таким образом, оно имело ступеньку высотой до 47 см. Судя по заполнению и выявленным находкам (например, развалы селадонового блюда и поливных пиал), время возникновения и функционирования **сооружения 1** относится к IVп слою. Возможно, это были остатки жилой постройки. По-видимому, она изначально была минимум двухэтажной, о чем могут свидетельствовать разбившиеся

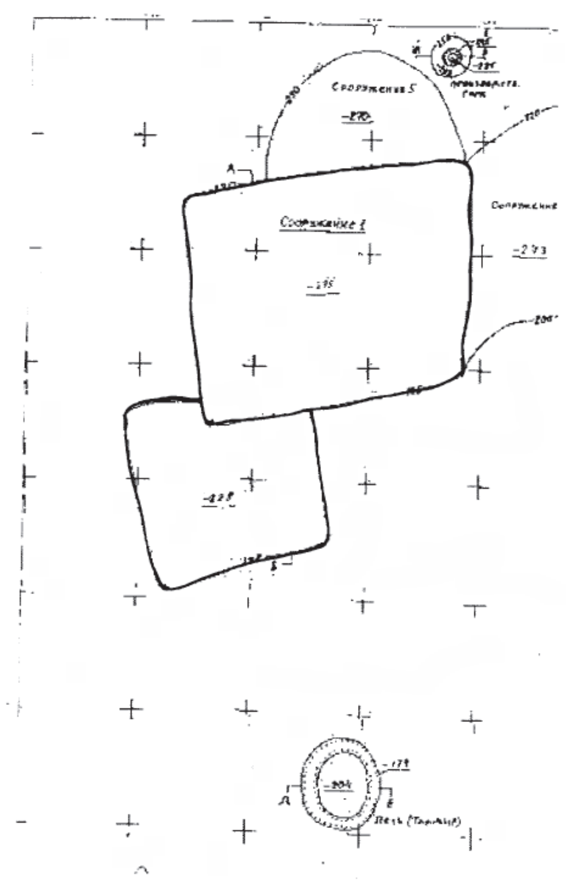

Рис. 11. Раскоп CXLVIII. План сооружения 1.
Fig. 11. Excavation site CXLVIII. Plan of the building 1.

предметы при обрушении дома из-за пожара (тип № 211 (?) по М.Д. Полубояриновой).

Раскоп CLVIII. ***Сооружение 21*** (рис. 1; 12). Выявлено в северо-восточной части раскопа в кв. В/–Д/7–9 на глубине 127–139

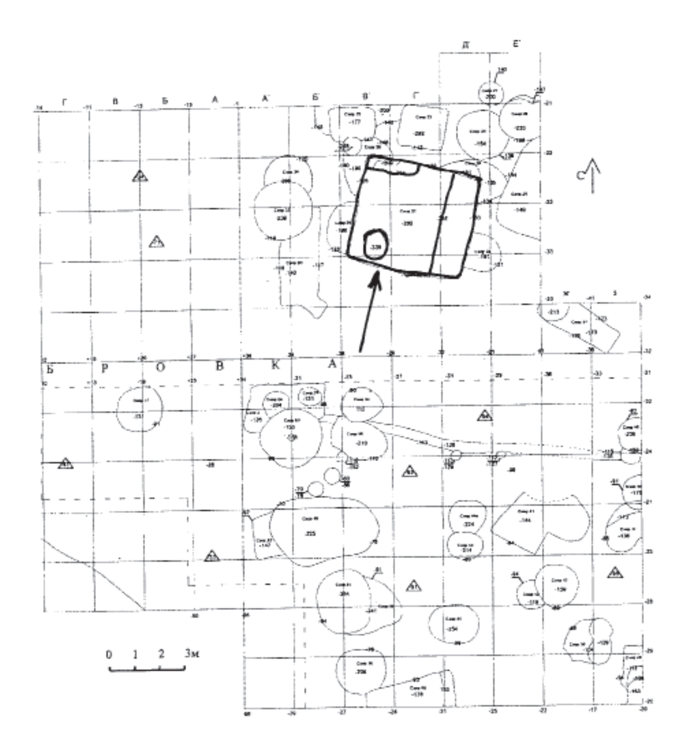

Рис. 12. Раскоп CLVIII. План сооружения 21.
Fig. 12. Excavation site CLVIII. Plan of the building 21.

см от 0 в виде подквадратного пятна. Его размеры 440×420 см. Заполнение сооружения однородное и состояло из серой рыхлой супеси с мелкими угольками, комками обожженной глины и линзами гаристости. Стенки его вертикальные, дно ровное, выявлено на глубине 280 см от 0 (150 см от уровня выявления). Во время вскрытия в северо-западной части сооружения были обнаружены две ступеньки на глубине 209 и 234 см, шириной от 20 до 50 см соответственно. Также в восточной части на глубине 255 см от 0 (125 см от уровня выявления) выявлена еще одна ступень шириной ок. 130 см. Кроме того, после вскрытия основной части объекта в юго-западном углу сооружения обнаружена небольшая овальная яма длиной 120 см и шириной 95 см. Глубина ее 335 см от 0 (55 см от уровня пола). Судя по заполнению, сооружение 21 относится к IVп слою. Возможно, что это остатки погреба наземного дома (тип № 224 по М.Д. Полубояриновой).

Раскоп CLIX. ***Сооружение 17*** (рис. 1; 13). Выявлено в центральной части раскопа в кв. И–Л/8–10 на глубине 133–142 см от 0 в виде пятна неправильных очертаний. Его наибольшие размеры с юга на север – 360 см, а с запада на восток – 447 см. Заполнением сооружения служила серая рыхлая супесь с включениями комков обожженной глины, линз гаристости и мелкого угля. В процессе вскрытия почти со всех сторон были выявлены две ступени, различные по ширине: от 15 до 105 см. Стенки сооружения немного покаты внутрь, дно ровное, находилось на глубине 302 см от 0. Судя по заполнению, оно относится к IVп слою. Возможно, оно представляло собой подпольную часть (погреб) наземного дома или остатки крупной хозяйственной постройки (тип № 75 (?) по М.Д. Полубояриновой). ***Сооружение 32а*** (рис. 1; 13). Выявлено после вскрытия соор. 32 в южной части раскопа в кв. Е–З/10–12 на глубине 118–119 см от 0 в виде

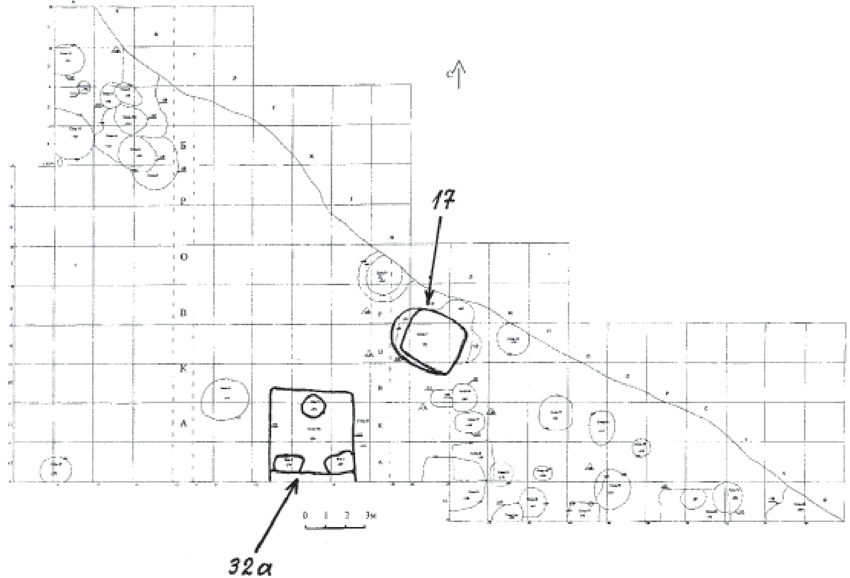

Рис. 13. Раскоп CLIX. Планы сооружений 17 и 32а.
Fig. 13. Excavation site CLIX. Plans of the buildings 17 and 32a.

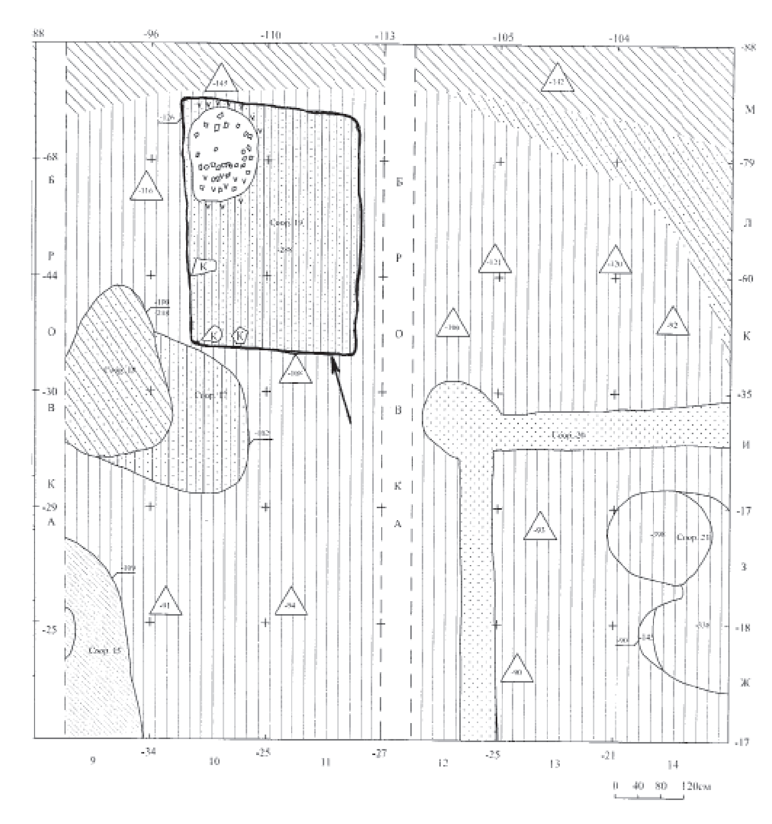

Рис. 14. Раскоп CLXXII. План сооружения 19.
Fig. 14. Excavation site CLXXII. Plan of the building 19.

подквадратного пятна. Его размеры: западная сторона 470 см, северная – 415 см, восточная – 440 см, южная – 440 см. В процессе вскрытия на глубине 229 см от 0 в южной части была выявлена ступенька шириной ок. 40 см. Заполнение сооружения однородное и состояло из желто-красной супеси с включением мелких угольков и линз гаристости. Стенки его вертикальные, дно ровное, находилось на глубине 254 см от 0. После вскрытия сооружения на уровне его дна в южной части были выявлены две ямы (ямы 1 и 3) и в северной части одна (яма 2). Яма 1 имела неправильные очертания, с наибольшими размерами: с востока на запад 155 см и с юга на север 115 см, стенки вертикальные, глубина от ур. выявления 45 см. Яма 2 округлой формы диаметром ок. 110 см, стенки почти вертикальные, глубина 18 см. Яма 3 имела подпрямоугольные очертания с закругленными углами: размеры 95×145 см, стенки вертикальные, глубина от уровня выявления 24 см. Судя по заполнению, сооружение относится к IVп слою. Возможно, это остатки подпольной части наземного дома (тип № 224 по М.Д. Полубояриновой).

Раскоп CLXXII. ***Сооружение 19*** (рис. 1; 14). Выявлено в секторе Г в кв. К–М/10–11 на глубине 126 см от 0 в виде подпрямоугольного пятна размерами 300×425 см. Заполнением сооружения служила бурая рыхлая супесь с примесью комков глины и мелкого угля. Стенки его вертикальные, дно ровное, выявленное на глубине 288 см от 0. На уровне дна в юго-западном углу были выявлены известняковые камни, а в северо-западном углу скопление битого кирпича и мелких угольков размерами 118 на 160 см. Судя по заполнению, оно относится к IVп слою (тип № 5 (?) по М.Д. Полубояриновой). ***Сооружение 72*** (рис. 1; 15). Выявлено в секторе Г в кв. Л–М/9–11 на глубине 248 см от 0 в виде пятна неправильных очертаний, уходящего в северную стенку раскопа и четвертую бровку. Его размеры по северной стенке 435 см, по стенке бровки – 156 см. Заполнением сооружения являлась буро-серая рыхлая супесь с линзами песка и включением мелких угольков. Стенки его почти вертикальные, дно ровное, выявлено на глубине 398 см от 0. В процессе вскрытия в юго-западной его части на глубине 302 см от 0 была обнаружена ступенька шириной до 80 см. Судя по заполнению и стратиграфии, сооружение относилось к IVп слою. Возможно, оно являлось остатками хозяйственной постройки или подпольной части наземного дома (тип № 28 (?) по М.Д. Полубояриновой).

Раскоп CCXXXII. ***Сооружение 16*** (рис. 1; 16). Было выявлено в юго-восточном углу

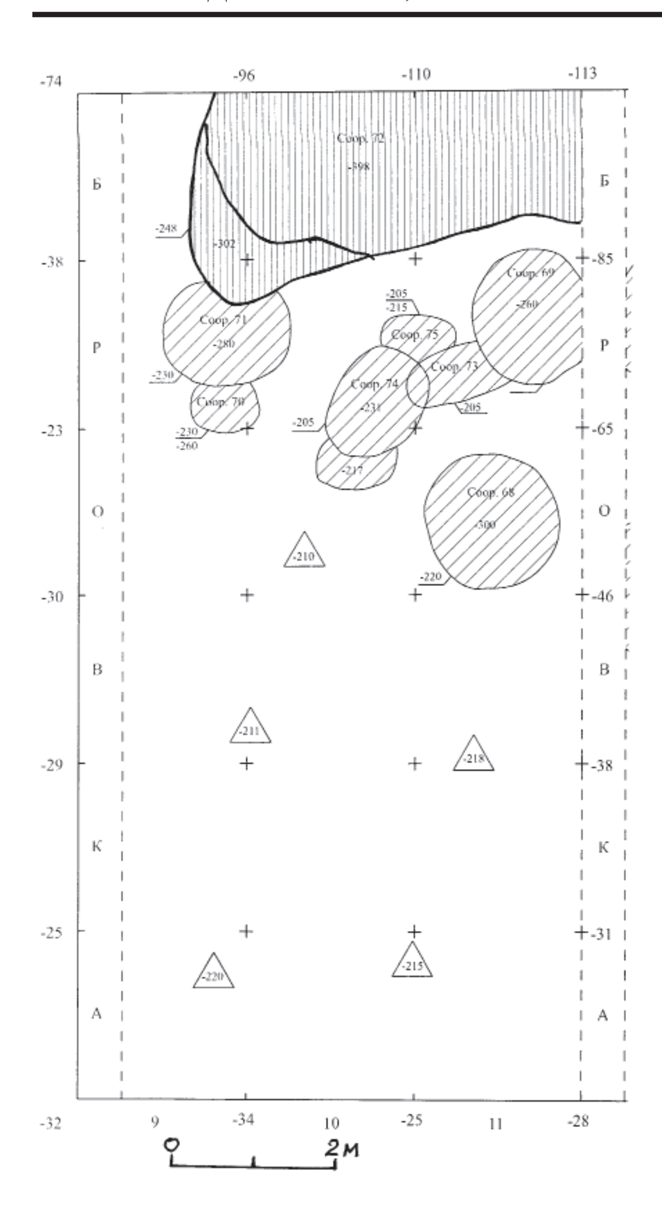

Рис. 15. Раскоп CLXXII. План сооружения 72.
Fig. 15. Excavation site CLXXII. Plan of the building 72.

раскопа в кв. И–М/1–3 на глубине 110–112 см от 0 в виде подквадратного пятна, уходящего в южную и восточную стенки раскопа. Его размеры по восточной стенке 315 см, по южной – 150 см. Заполнением служила рыхлая серо-бурая супесь с мелким углем. Стенки сооружения почти вертикальные, основное дно относительно ровное, выявлено на глубине 230 см от 0. В южной части на глубине 70 см от уровня выявления была прослежена ступенька шириной ок. 80 см. Судя по стратиграфии и заполнению, сооружение относится к IVп слою. Возможно, это остатки подпольной части наземного дома позднезолотоордынского времени (тип № 245 (?) по М.Д. Полубояриновой). ***Сооружение 32*** (рис. 1; 17). Наиболее четко выявлено в северной части раскопа в кв. В–Ж/15–18 в виде подквадратного пятна темной серо-бурой супеси на глубине 130–137 см от 0, которое уходило в северную стенку раскопа и западный профиль бровки 3. Его размеры: по северной стенке раскопа 625 см, по стенке бровки – 580 см. В верхней части сооружения находился слой темной серо-бурой супеси ок. 60 см толщиной, в нижней части в районе дна – слой серой супеси с мелким углем и кирпичной крошкой толщиной до 40 см. В южной части объекта в кв. Е/15–16 было также выявлено большое скопление угля, перемешанного с серой супесью, и обожженного суглинка. Стенки соор. 32 немного покаты, дно ровное, находилось на глубине 192–194 см. После вскрытия дна были выявлены три канавки глубиной ок. 15 см и шириной ок. 20 см, которые, видимо, являлись следами от деревянных лаг пола. Судя по заполнению и стратиграфии, это сооружение являлось остатками наземного дома позднезолотоордынского времени (IVп слой) (№ 250 (?) тип по М.Д. Полубояриновой).

Основываясь на существующих данных, можно говорить о довольно широком спектре типов жилищных построек. Имеющиеся сведения не позволяют нам говорить о каком-либо предпочтении в строительстве, причем независимо от хронологического периода, разделенного на раннезолотоордынский и позднезолотоордынский. Одной из причин может быть недостаточное количество исследованных нами объектов. Здесь показаны не все постройки, выявленные нами в ходе археологических раскопок на территории Болгарского городища. Мы отобразили только наиболее характерные из них. Например, мало приводятся объекты, которые не были вскрыты полностью или не отображают их основные конструктивные особенности. Не исключено, что не все из них являются остатками жилищных строений. Точного критерия их выделения нет до сих пор. Видна разница и в количестве объектов, относящихся к раннезолотоордынскому (IVр слой) и позднезолотоордынскому (IVп слой) времени. Это, однако, не свидетельствует о том, что в Болгаре на середину и 2-ю пол. XIV в. приходилась наибольшая интенсивность в строительстве. Здесь, скорее всего, причиной является большая переработанность IVр слоя и связанных с ним построек в период формирования IVп

Рис. 16. Раскоп CCXXXII. Сооружение 16. Вид с северо-запада.
Fig. 16. Excavation site CCXXXII. Building 16. View from the northwest.

Рис. 17. Раскоп CCXXXII. Сооружение 32. Вид с севера.
Fig. 17. Excavation site CCXXXII. Building 32. View from the north.

слоя в центральном «аристократическом» районе города. Данный факт часто подтверждается во время археологических раскопок, когда нижележащие слои полностью или в значительной мере переработаны, а также имеют небольшую мощность.

ЛИТЕРАТУРА

Баранов В.С. Объекты жилой застройки одного из районов юго-восточной периферии города Болгара // Город Болгар. Жилища и жилая застройка / Отв. ред. А.Г. Ситдиков. М.: Наука, 2016. С. 192–245.

Полубояринова М.Д. Жилища Болгара // Город Болгар. Жилища и жилая застройка / отв. ред. А.Г. Ситдиков. М.: Наука, 2016. С. 5–191.

Ситдиков А.Г., Бочаров С.Г. Объект всемирного культурного наследия город Болгар и его вклад в тюркскую цивилизацию // Археология Казахстана. 2019. № 4 (6). С. 32–40.

Смирнов А.П. Волжские булгары / Тр. ГИМ. Вып. XIX. М.: ГИМ, 1951. 273 с.

Хлебникова Т.А. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия, топография // Город Болгар. Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г.А. Федоров–Давыдов. М.: Наука, 1987. С. 32–88.

Шарифуллин Р.Ф. Археология Болгара в 1981–2009 годах // Город Болгар. Жилища и жилая застройка / Отв. ред. А.Г. Ситдиков. М.: Наука, 2016. С. 246–264.

Информация об авторах:

Губайдуллин Айрат Маратович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова, Академия наук Республики Татарстан (г. Казань, Россия); airg_g@mail.ru

Сафин Ильнур Факилович, ученый секретарь, Институт археологии им. А.Х. Халикова, Академия наук Республики Татарстан (г. Казань, Россия); ilnour.saf@yandex.ru

REFERENVES

Baranov, V. S. 2016. In Sitdikov, A. G. (ed.). *Gorod Bolgar. Zhilishcha i zhilaya zastroyka* (*City of Bolgar. Dwellings and Residential Buildings).* Moscow: "Nauka" Publ., 192–245 (in Russian).

Poluboiarinova, M. D. 2016. In Sitdikov, A. G. (ed.). *Gorod Bolgar. Zhilishcha i zhilaya zastroyka (City of Bolgar. Dwellings and Residential Buildings).* Moscow: "Nauka" Publ., 5–191 (in Russian).

Sitdikov, A. G., Bocharov, S. G. 2019. In *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)* 4 (6), 32–40 (in Russian).

Smirnov, A. P. 1951. *Volzhskie bulgary (Volga Bulgars)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya (Proceedings of the State Historical Museum) XIX. Moscow: State Historical Museum (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1987. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (City of Bolgar. Essays on History and Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 32–88 (in Russian).

Sharifullin, R. F. 2016. In Sitdikov, A. G. (ed.). *Gorod Bolgar. Zhilishcha i zhilaya zastroyka* (*City of Bolgar. Dwellings and Residential Buildings).* Moscow: "Nauka" Publ., 246–264 (in Russian).

About the Author:

Gubaidullin Airat M., Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; airg_g@mail.ru

Safin Ilnur F. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; ilnour.saf@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2024 г.
Статья принята к публикации 01.10.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/904 902.01 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.5.157.171

КЛАССИФИКАЦИЯ КЕРАМИКИ НОВОСЛАВСКОГО II МОГИЛЬНИКА

©2024 г. Р.Р. Валиев, А.А. Куклина

В статье представлены итоги предварительного изучения керамических сосудов, полученных в ходе 4-летних исследований Новославского II могильника. Некрополь по вещевому материалу датируется второй половиной V – первой половиной VI вв., и относится к т.н. «коминтерновскому типу» именьковской культуры, который характеризуется биритуальным обрядом захоронения с помещением черепа и ног лошади в могильные ямы ингумаций и специфическим погребальным инвентарем. Керамический комплекс могильника насчитывает 37 целых и реконструируемых сосудов и может быть типологически разделен на 4 группы. Формы сосудов, отнесенных к группам 1 и 2 типичны для памятников именьковской культуры, сосуды группы 3 находят аналогии как в материалах именьковской культуры, так и среди сосудов турбаслинских памятников Южного Приуралья, и группа 4 включает привозные сосуды, близкие к керамическим стилям Восточного Приаралья, Арало-Каспийского региона и раннеаланских памятников Северного Кавказа. В ходе исследования на основе определения «естественной структуры» и функциональных частей сосудов была выявлена степень устойчивости традиций формообразования: группы 1 и 3 имеют наиболее однородную структуру, группа 2 – более разнообразную, что может свидетельствовать об смешении культурных традиций. Результаты исследования керамического комплекса Новославского II могильника вполне согласуются с данными о погребальном обряде и погребальном инвентаре и дополняют существующие представления о характере культурных взаимодействий в Волго-Уралье в эпоху Великого переселения народов.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, эпоха Великого переселения народов, именьковская культура, коминтерновский тип, керамический комплекс, формовочные массы, пропорции, формы сосудов.

TYPES OF POTTERY FROM THE NOVOSLAVKA-2 BURIAL GROUND

R.R. Valiev, A.A. Kuklina

We present the results of the preliminary study of pottery obtained during 4-year studies at the Novoslavka-2 burial ground. Dated to 450-550 AD based on artifact analysis, this burial ground belongs to the Komintern type of the Imenkovo culture. In these bi-ritual necropolises, both cremation and inhumation are practiced, the distinctive feature of which is that horse skulls and limbs are placed in grave pits, as well as a special set of burial goods that distinguishes them from other Imenkovo burials. Ceramic complex of the burial ground counts 37 whole and reconstructed vessels and can be typologically divided into 4 groups. Wares of the 1st and 2nd groups have forms typical of the Imenkovo culture, while vessels of the 3rd group have similarities with Imenkovo ceramics and Turbasly pottery of the Southern Urals. Group 4 includes imported vessels resembling vessels from the Eastern Aral Sea and the Aral-Caspian region in style, as well as finds from Early Alanian sites in the North Caucasus. In the course of the study, on the basis of the definition of the “natural structure” and functional parts of the vessels, the degree of stability of the traditions of shaping was revealed: groups 1 and 3 have the most homogeneous structure, group 2 - more diverse, which may indicate the mixing of cultural traditions. These results are in good agreement with the observed elements of burial rites and goods, which allows us to better understand cultural exchanges in the Volga-Ural region during the Migration period.

Keywords: archaeology, Middle Volga region, Migration period, Imenkovo culture, Komintern type, pottery assemblage, ceramic paste, proportions, vessel shapes.

Новославский II могильник находится на западной оконечности острова Спасский в акватории Куйбышевского водохранилища, в Спасском районе Республики Татарстан. До образования водохранилища в 1955–1957 гг. территория могильника представляла собой участок надпойменной террасы левого берега р. Волга между овражно-балочной системой

левого берега рч. Сухая Бездна и правым берегом истока рч. Ржавец Безымянный (Валиев, 2016, с. 83)[1].

Могильник вытянут с северо-запада на юго-восток на 170 м. Несмотря на относительно разреженное расположение погребений, на плане памятника реконструируются угадываются два ряда могильных ям (северный и южный) и одна относительно компактная их группа. Погребения 13, 14, 16 расположены в северном ряду, остальные (кроме пп. 3 и 15) – в южном, при этом пп. 4, 5, 6, 7 образуют обособленную группу.

На сегодняшний день на могильнике исследовано 18 погребений, по вещевому материалу датируемых второй половиной V – первой половиной VI вв. Одно погребение является кенотафом. Остальные совершены по обряду ингумации; в двух из них (пп. 9 и 16) зафиксирован обряд частичной кремации на месте. Кроме того, следы воздействия огня прослежены на некоторых костях пп. 13, 8, 14 и 15. Из 17 трупоположений два – детские (пп. 3 и 15), пять – женские (пп. 1, 5, 9, 11, 16 и индивид «Б» п. 13), восемь – мужские (пп. 2, 6, 7, 8, 10, 12, 14, 17 и индивид «А» п. 13); у одного костяка (п. 18), вследствие небольшого числа костей и их фрагментарности, половую принадлежность определить не удалось.

В непотревоженных погребениях (пп.1, 3, 5–7, 9, 11, 16) костяки лежали на дне в центре могильных ям, вытянуто на спине, головой на север. Погребения с потревоженными костяками, скорее всего, являются свидетельством ограбления могил, хотя не исключено, что костяки разрушались с целью обезвреживания умершего. На исследованных материалах фиксируется тенденция к разрушению только мужских костяков. При этом, ограбление или обряд обезвреживания связан с социальным статусом погребенного, и применялся к захоронениям взрослых мужчин с высоким социальным статусом (вероятно с богатым погребальным инвентарем), т.к. на могильнике отмечены два не разграбленных (или не обезвреженных) мужских погребения с «бедным» инвентарем, включавшим лишь по два лепных горшка и в одном случае нож.

Яркой особенностью погребального обряда могильника является наличие в ногах погребенного у южной стенки могильной ямы костей ног и черепа лошади. Из 18 погребений они встречены в 12 (пп. 1, 2, 4, 5, 8, 9, 10, 12, 13, 14, 16, 17). В половозрастном плане это шесть мужских, четыре женских погребения и кенотаф (п. 4). В детских (пп. 3 и 15) и двух мужских погребениях с «бедным» инвентарем (пп. 6 и 7) кости лошадей отсутствуют (Валиев, Асылгараева, 2020).

Вещевой инвентарь погребений представлен предметами быта, деталями одежды, украшениями, конским снаряжением, а также керамической посудой(Валиев, 2018; 2019), однако специального исследования керамического комплекса памятника не проводилось. Между тем, несмотря на ограниченность выборки, он обладает самостоятельной значимостью для выявления культурных контактов и/или миграционных процессов на территории региона. Проведенный в ходе настоящего исследования анализ керамики включал в себя характеристику морфологических черт и технико-технологических особенностей сосудов.

Керамический комплекс могильника насчитывает 31 целую форму и 6 реконструируемых развалов сосудов. 34 из них происходят из погребений, а 3 выявлены в межмогильном пространстве и, вероятно, входили в состав «поминальных комплексов». На такую интерпретацию последних указывают обстоятельства обнаружения сосудов: один из сосудов был обнаружен в виде компактного развала, второй найден целым и стоящим в вертикальном положении на размываемом берегу. Исследование керамического комплекса осуществлено в соответствии с методическими принципами историко-культурного подхода, который представляет гончарство как структуру из трех стадий – подготовительной, созидательной и закрепительной, содержащих 11 обязательных ступеней (Бобринский, 1978, с. 14). Наиболее доступны для изучения первые две стадии со следующими ступенями: ступени 3–4 (обработка исходного сырья, составление формовочных масс) и 5–8 (создание начина и полого тела, придание формы и обработка поверхности сосуда). По составу формовочных масс, технике изготовления и обработки поверхности керамический комплекс Новославского II могильника можно распределить на 4 группы (рис. 1). Внутри групп по морфологическим характеристикам и пропорциям выделены несколько типов сосудов на основании анализа четырех пропорций: отношения высоты сосуда (H)

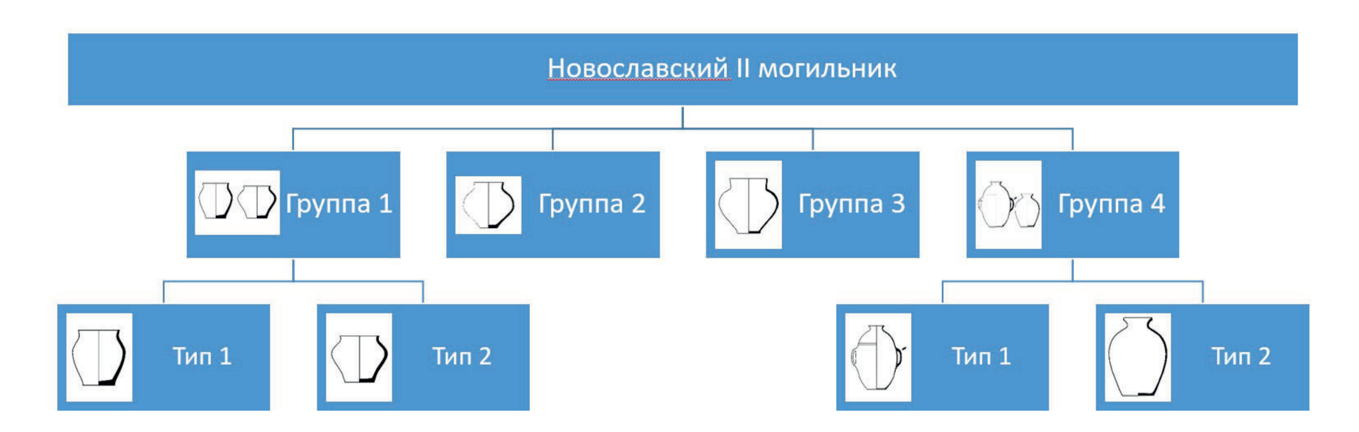

Рис. 1. Схема классификации керамики Новославского II могильника.
Fig. 1. Classification chart of ceramics from the Novoslavka-2 burial ground.

к высоте его наибольшего расширения (Н1), наибольшего диаметра (Д3) к диаметру горла (Д2), диаметра дна (Д4) к диаметру горла (Д2), наибольшего расширения (Д3) к высоте этого расширения (Н1) (Русанова, 1976, с. 10–11). Интерпретация результатов анализа осуществлена в соответствии с принципами, разработанными А.А. Бобринским (Бобринский, 2018а; 2018б).

Сосуды **первой группы** представляют собой плоскодонные лепные горшки, цвет ней поверхности, по всей видимости, могла использоваться овчина, так как на некоторых сосудах видны отпечатки выпавшей шерсти (рис. 2: 17) (ср.: Бобринский, 1978, с. 227). На внутренней поверхности имеются следы заглаживания пальцами.

Обжиг, вероятно, происходил в костре, поскольку поверхность в основном «пятнистая» – участки коричневого цвета перемежаются с серыми. Черепок в изломе трёхслойный: внешние прослойки коричневые,

Таблица. 1. Пропорции сосудов группы 1 типа 1 Новославского II могильника
Table. 1. Proportions of group 1 type 1 vessels from the Novoslavka-2 burial ground

№	Погребение	Шифр	Н:Н1	Д3:Д2	Д3:Н1	Д4:Д2	Д3:Д4
1	п. 7	Н.II м. - 2018/ 13	1,48	1,27	1,43	0,93	1,36
2	п. 4	Н.II м. - 2018/ 20	1,27	1,26	1,51	0,82	1,54
3	п. 3	Н.II м. - 2018/ 59	1,66	1,39	1,66	0,89	1,56
4	п. 2	Н.II м. - 2018/ 62	1,44	1,26	1,30	0,71	1,71
5	п. 2	Н.II м. - 2018/ 72	1,61	1,13	1,66	0,68	1,66
6	п. 9	Н.II м. - 2019/ 96	1,6-1,75	1,35	1,66-1,8	0,75	1,61
7	п. 18	Н.II м. - 2021/ 2	1,7	1,18	1,8	0,77	1,53

которых варьируется от коричневого до серого. Исходное сырье представлено ожелезненной запесоченной глиной с примесью среднего и крупного шамота в концентрации 1:3–1:4 и органики. Зафиксирован единственный случай использования вместо шамота (т.е. дроблёных фрагментов керамики) глиняного концентрата (сухая глина) (табл. 1: №4). Конструирование полого тела происходило без гончарного круга, с помощью навыков скульптурной лепки. Для заглаживания внеш- внутренняя – темно-серая. Три сосуда почти полностью серые, и лишь местами – коричневатые.

Диаметр максимального расширения сосудов первой группы в 1,5–2 раза больше диаметра дна (Д3:Д4=1,5–2). Отношение максимального диаметра к диаметру венчика составляет 1,0–1,45 (Д3:Д2=1,0–1,45). В данной группе выделяются 2 типа:

Тип 1 (рис. 2: 1–7). Сосуды «баночной» формы, с невысокой выгнутой наружу шеей

(в некоторых случаях – с прямой расширяющейся кверху шеей). Контуры асимметричные, что неудивительно для керамики, выполненной без помощи вращения круга. Отношение максимального диаметра тулова к высоте максимального диаметра (от дна сосуда) составляет 1,1–1,6 (табл. 1). К этому типу относится 7 сосудов.

Тип 2 (рис. 2: 8–16). Горшки с «реповидным» туловом. Преобладают формы с высокой цилиндрической или слегка расширяющейся кверху шеей, в двух случаях встречены также формы с высокой отогнутой наружу шеей. Отношение максимального диаметра тулова к высоте максимального диаметра (от дна сосуда) – около 2 (табл. 2). Сюда входят 12 сосудов.

Таблица 2. Пропорции сосудов группы 1 типа 2 Новославского II могильника
Table 2. Proportions of group 2 type 1 vessels from the Novoslavka-2 burial ground

№	Погребение	Шифр	Н:Н1	Д3:Д2	Д3:Н1	Д4:Д2	Д3:Д4
1	п. 1	Н.II м. - 2015/ 2	2	1,3	2,2	0,83	1,57
2	Подъемный материал	Н.II м. - 2015/ 7	1,8	1,37	1,8	0,94	1,46
3	п. 6	Н.II м. - 2018/ 10	1,6	1,41	2,02	0,75	1,87
4	п. 6	Н.II м. - 2018/ 11	1,89	1,46	2,14	0,8	1,81
5	п. 7	Н.II м. - 2018/ 12	1,95	1,39	2,0	0,8	1,7
6	п. 4	Н.II м. - 2018/ 19	1,71	1,16	2,0	0,66	1,75
7	п. 5	Н.II м. - 2018/ 52	1,75	1,17	2,0	0,72	1,53
8	п. 10	Н.II м. - 2019/ 98	1,8	1,04	2,25	0,69	1,5
9	п. 14	Н.II м. - 2019/ 173	1,9	1,35	2	0,83	1,62
10	п. 9	Н.II м. - 2019/ 177	1,85	1,2	2,02	0,61	1,87

В таблице представлены данные по тем сосудам, сохранность которых позволяла произвести необходимые измерения.

Один сосуд, сохранившийся частично в виде фрагментов, не удается полностью реконструировать, поэтому отнести его к какому-либо типу оказалось затруднительно.

Группа 1 больше всего схожа с типичной керамикой именьковской культуры (Матвеева, 2004, с. 37–39, Старостин, 1967, с. 18–20). Следует отметить, что исследованные сосуды группы 1, за исключением одного горшка, неорнаментированные. Этот единственный сосуд из п. 2 (табл. 1: №5) имеет орнамент в виде отпечатков овального штампа с насечками (рис. 2: 7).

Вторая группа представлена плоскодонными лепными сосудами темно-серого цвета из ожелезненной запесоченной глины с примесью мелкого и среднего шамота в концентрации 1:4–1:5 и органики (рис. 3: 1–6) со следами заглаживания. Поверхность сосудов гладкая, но изнутри видны стыки глиняных «лент». Видны также следы заглаживания поверхности, вероятно, тканью или шерстью (рис. 3: 7). Обжиг преимущественно восстановительный и полувосстановительный. Данная группа отличается более тонкими стенками – примерно 0,5 см. Тулово «реповидное», сильно сужающееся книзу, шея цилиндрическая, довольно высокая. Венчик прямой, край плоский или слегка закругленный. Максимальный диаметр тулова примерно в 2,5–3 раза больше диаметра дна. Отношение максимального диаметра тулова к диаметру венчика составляет 1,7–1,8 (табл. 3). Сюда входит 11 сосудов.

Вторая группа керамики имеет множественные аналогии на поселенческих и погребальных памятниках именьковской культуры (Вязов, Семыкин, 2016, рис. 19: 3; Казаков, 1998, рис. 2: 12; 12: 7; Старостин, 1967, табл. 25: 15; 26: 8; 1983, рис. 6: 22; 1986, рис. 3: 28–30; Старостин, Чижевский, 2006, рис. 6: 1; Чижевский, 2009, с. 146, рис. 8: 1, 6), а также происходит из пп. 23, 25 Кушнаренковского могильника, относящихся к турбаслинской культуре (Генинг, 1977, с. 112, рис. 9: 37–38).

Третья группа (табл. 4) представляет собой плоскодонные лепные сосуды серого или коричневого цвета, изготовленные из ожелезненной запесоченной глины с примесью среднего и крупного шамота (размер

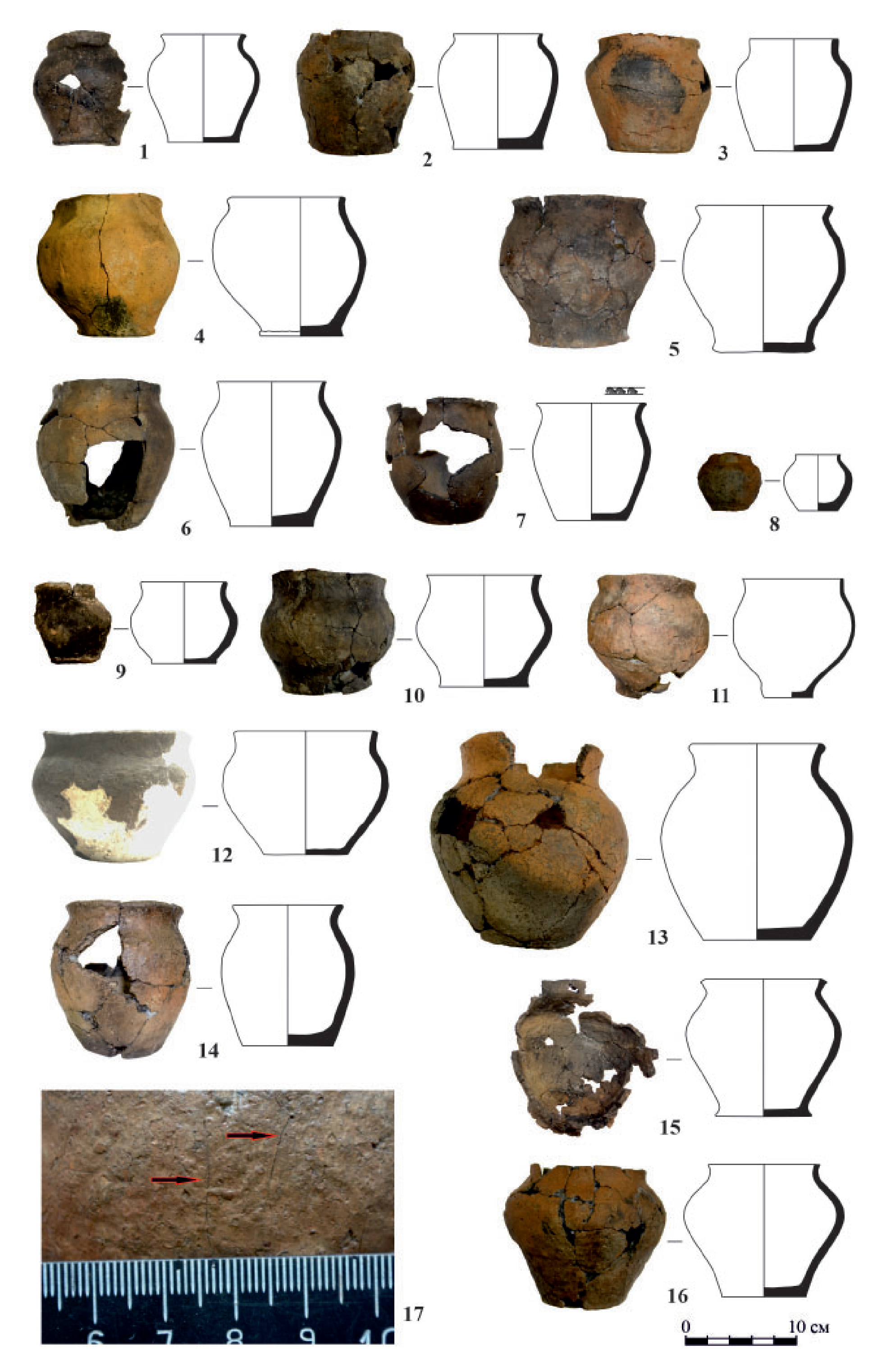

Рис. 2. Керамика Новославского II могильника. Группа 1: тип 1 (1–7), тип 2 (8–16), следы шерсти на сосуде 1 группы (17): 1 – п.3 (№59/2018), 2 – п.7 (№13/2018), 3 – п.4 (№20/2018), 4 – п.9 (№96/2019), 5 – п.18 (№2/2021), 6 – п.2 (№62/2018), 7 – п.2 (№72/2018), 8 – п.6 (№11/2018), 9 – п.10 (№98/2018), 10 – п.5 (№52/2018), 11 – п.9 (№177/2019), 12 – п.1 (№2/2015), 13 – п.7 (№12/2018), 14 – п.14 (№173/2019), 15 – п.4 (№19/2018), 16 – п.6 (№10/2018).

Fig. 2. Ceramics from the Novoslavka-2 burial ground. Group 1: type 1 (1-7), type 2 (8-16), traces of wool on the vessel of group 1 (17): 1 – item 3 (No.59/2018), 2 – item7 (No. 13/2018), 3 – item 4 (No. 20/2018), 4 – item 9 (No.96/2019), 5 – item 18 (No.2/2021), 6 – item 2 (No.62/2018), 7 – item 2 (No.72/2018), 8 – item6 (No.11/2018), 9 – item 10 (No. 98/2018), 10 – item 5 (No.52/2018), 11 – item9 (No. 177/2019), 12 – item 1 (No.2/2015), 13 – item 7 (No.12/2018), 14 – item 14 (No. 173/2019), 15 – item 4 (No. 19/2018), 16 – item 6 (No. 10/2018).

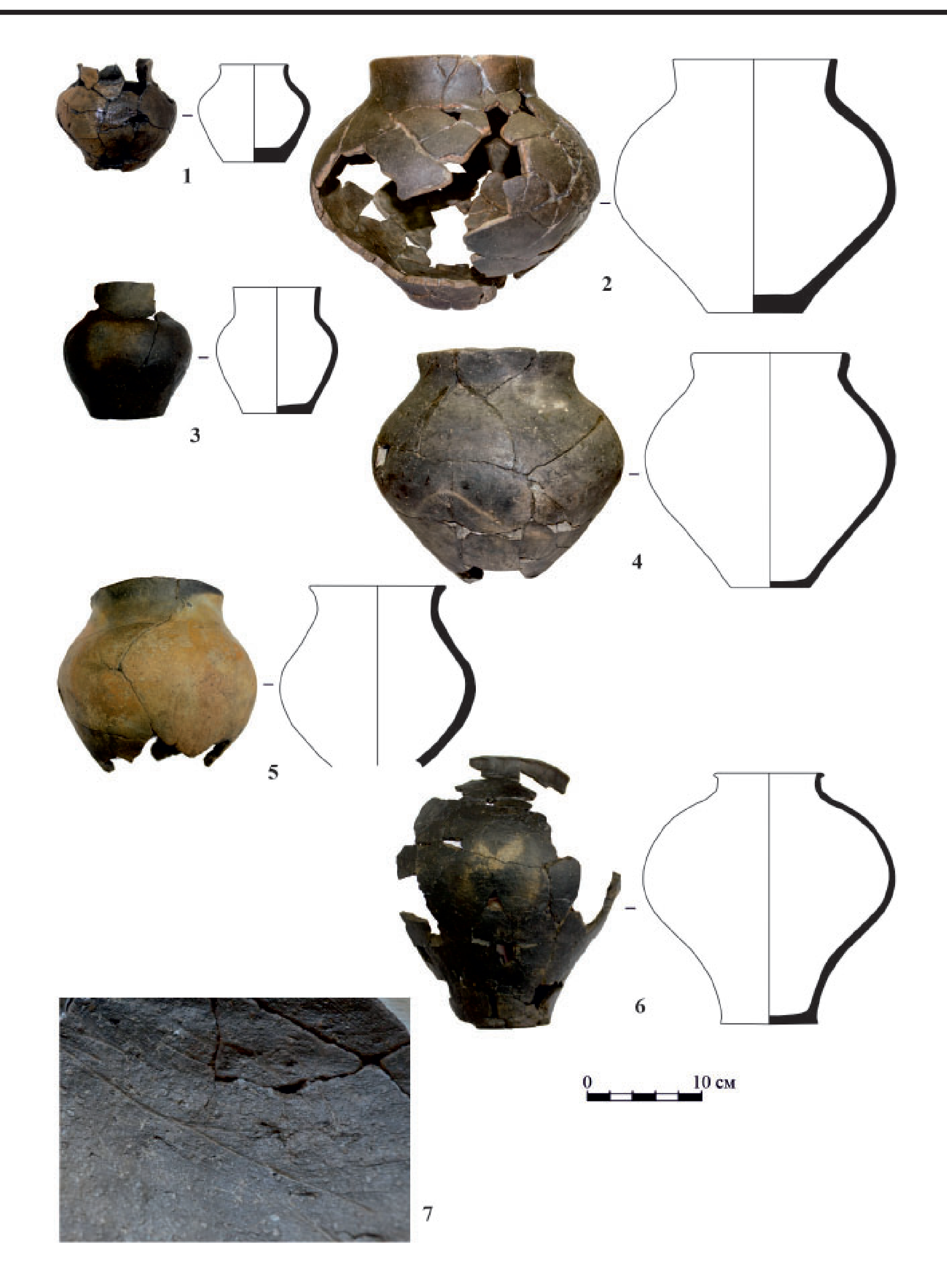

Рис. 3. Керамика Новославского II могильника. Группа 2: 1 – п.м. (№73/2018), 2 – п.9 (№97/2019), 3 – п.м. (№8/2018), 4 – п.16 (№134/2019), 5 – п.5 (№51/2018), 6 – п.4 (№18/2018), 7 – следы заглаживания на внутренней части стенки сосуда 2 группы.

Fig. 3. Ceramics from the Novoslavka-2 burial ground. Group 2: 1 – P.M. (No.73/2018), 2 – P.9 (No.97/2019), 3 – P.M. (No.8/2018), 4 – P.16 (No.134/2019), 5 – P.5 (No.51/2018), 6 – P.4 (No.18/2018), 7 – smoothing traces on the inner part of the wall of group 2 vessel.

включений достигает 4 мм), из-за которого поверхность сосудов бугристая (рис. 4: 1–3). Поверхность имеет следы лощения по сухой поверхности (рис. 1: 4). Они находят аналогии среди погребальной посуды Рождественского II могильника именьковской культуры с кремационным обрядом захоронения (Генинг и др., 1962, табл. XVIII: 9, 13, 15; XIX: 4, 8; XX: 1, 8; XXI: 9) и встречаются среди материалов с поселенческих памятников именьковской культуры, например, Балымерского V селища (Валиев, Степанов, 2021, с. 36, рис. 6: 24) и Кармалинского городища (Богачев А.В. и др., 2013, с. 131, рис. 24: 1). Кроме того, подобные сосуды происходят с в пп.16 и 28 Кушнаренковского (Генинг, 1977, с. 112, рис.

Таблица 3. Пропорции сосудов группы 2 Новославского II могильника
Table 3. Proportions of group 2 vessels from the Novoslavka-2 burial ground

№	Погребение	Шифр	Н:Н1	Д3:Д2	Д3:Н1	Д4:Д2	Д3:Д4
1	Подъемный материал с вост. части могильника	Н.II м. - 2018/ 8	1,8	1,68	2,01	0,92	1,82
2	п. 4	Н.II м. - 2018/ 18	1,6	1,8	1,53	0,74	2,52
3	п. 5	Н.II м. - 2018/ 51	2	1,6	1,9	?	?
4	Подъемный материал с центр. части могильника	Н.II м. - 2018/ 73	1,7	1,76	1,94	0,9	1,94
5	п. 9	Н.II м. - 2019/ 97	2,03	1,75	2,48	0,63	2,75
6	п. 12	Н.II м. - 2019/ 99	?	1,4	?	0,61	2,3
7	п. 11	Н.II м. - 2019/ 104	1,04	1,8	1,9	?	?
8	п. 16	Н.II м. - 2019/ 134	1,73	1,82	2	0,55	3,28

Таблица 4. Пропорции сосудов 3 группы Новославского II могильника
Table 4. Proportions of group 3 vessels from the Novoslavka-2 burial ground

№	**Погребение**	**Шифр**	**Н:Н1**	**Д3:Д2**	**Д3:Н1**	**Д4:Д2**	**Д3:Д4**
1	п. 1	Н.II м. - 2015/ 1	1,64	1,54	1,88	0,76	2,02
2	п. 10	Н.II м. - 2019/ 1	1,85	1,59-1,68	1,85	0,6	2,67
3	п. 18	Н.II м. - 2021/ 1	1,94	1,66	2,2	0,81	2,03

7: 6; 9: 40), кургана №26 Новотурбаслинского (Мажитов, 1959, с. 138, табл. III: 4) и других могильников, относимых к турбаслинской культуре V–VII вв. (Сунгатов, 1998), а также в пп.4 и 14 Коминтерновского II могильника (Казаков, 2021, с. 59, рис. 11, с. 70, рис. 22), который является аналогичным Новославскому II могильнику памятником с биритуальным погребальным обрядом, интерпретируемого Е.П. Казаковым как памятник турбаслинско-именьковской общности (Казаков, 2018, с. 202–203).

Четвертая группа включает в себя тщательно выделанные сосуды вытянутых пропорций (табл. 5), при формовке отдельных частей которых применялся гончарный круг. Они не находят аналогии в материалах поселенческих и погребальных памятников Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья и, вероятно, являющиеся привозными. Сосуды этой группы можно разделить на 2 типа.

Первый – кувшины или корчаги с двумя вертикальными ручками, расположенными на уровне середины высоты. К этому типу относятся два сосуда. Первый, происходящий из п.2 (табл. 5: №1) (рис. 5: 1), выполнен из светло-серой запесоченной глины с примесью известковой крошки. Черепок с большим количеством мелких округлых пор. По всей видимости, использовалась донная программа конструирования, техника ленточного налепа с последующим заглаживанием на круге, следы которого фиксируются на внешней поверхности. Внешняя поверхность сосуда на верхнюю 2/3 покрыта тонким вертикальным лощением.

Второй сосуд, обнаруженный в п.15 (табл. 5: №3) (рис. 5: 2), выполнен из ожелезненной запесоченной глины с добавлением сухой глины (концентрата) и органики. Конструирование производилось на основе донного спирального начина. На дне виден отпечаток круглой оси круга и следы зольной подсыпки. Вероятно, заглаживание и частично формообразование происходило на гончарном круге (РФК-3). С внешней стороны на уровне верх-

Рис.4. Керамика Новославского II могильника. Группа 3: 1 – п.18 (№1/2021), 2 – п.10 (№1/2019), 3 – п.1 (№1/2015), 4 – следы лощения на сосуде 3 группы.
Fig. 4. Ceramics from the Novoslavka-2 burial ground. Group 3: 1 – item 18 (No. 1/2021), 2 – item 10 (No. 1/2019), 3 – item 1 (No. 1/2015), 4 – traces of polishing on the group 3 vessel.

ней трети есть отпечатки, идущие параллельно окружности, вероятно, от веревок. Обжиг, по всей видимости, происходил в окислительной атмосфере с полной выдержкой и затем производилась короткая выдержка в восстановительной среде (серая поверхность). Аналогичные по форме двуручные сосуды происходят из поселения городского типа Каракабак в Арало-Каспийском регионе (Астафьев, Богданов, 2019, с. 24, рис. 9: 4), где они распространяются главным образом во второй половине V – начале VI вв. (Астафьев, Богданов, 2019, с. 35), а также из памятников джетыасарской культуры в Восточном Приаралье (Левина, 1996, с. 191, рис. 73). Схожие сероглиняные двуручные кувшины с высоким, слегка расширяющимся горлом, вытянутым сфероконическим туловом, к середине которого крепятся массивные, круглые в сечении ручки, производились на раннеаланских памятниках на Владикавказской равнине и прилегающих территориях в II–IV вв. (Гугуев и др., 2007, с. 438–439, рис. 4: 1; 5: 2; 6).

Второй тип привозных сосудов происходит из п.13, и представлен кувшинообразным сосудом с яйцевидным туловом и раструбообразной горловиной. Изготовлен с помощью навыков ручной лепки, верхняя часть имеет признаки профилировки на круге (табл. 5: №2) (рис. 5: 3). Наиболее близкая аналогия находится в погребальных комплексах джетыасарской культуры в Восточном Приаралье. По мнению Л.М. Левиной, подобные сосуды не являются характерными для керамического комплекса данной культуры (Левина, 1996, с. 194, рис. 83).

Следует отметить, что никакой корреляции между половозрастными характеристиками погребенных и группами сосудов не обнаружено (табл. 6; рис. 6).

Анализ форм сосудов в соответствии с историко-культурным подходом к изучению древней керамики (Цетлин, 2018) предполагает определение общей пропорциональности профиля сосуда на первом этапе анализа и выделение функциональных частей с целью определения «естественной структуры» сосуда – на втором. Общая пропорциональность

Таблица 5. Пропорции сосудов 4 группы Новославского II могильника
*Table 5. P*roportions of group 4 vessels from the Novoslavka-2 burial ground

№	Погребение	Шифр	Н:Н1	Д3:Д2	Д3:Н1	Д4:Д2	Д3:Д4
1	п. 2	Н.II м. - 2018/ 63	1,46	2,9	1,26	1,2	2,42
2	п. 13	Н.II м. - 2019/ 106	1,97	2,82	1,5	1,57	1,79
3	п. 15	Н.II м. - 2019/ 176	1,54	2,93	0,96	1,39	2,11

Рис. 5. Керамика Новославского II могильника. Группа 4: тип 1 (1–2), тип 2 (3): 1 – п.2 (№1/2018), 2 – п.150 (№176/2019), 3 – п.13 (№106/2019).

Fig. 5. Ceramics of the Novoslavka-2 burial ground. Group 4: type 1 (1-2), type 2 (3): 1 – item 2 (No. 1/2018), 2 – item 150 (No. 176/2019), 3 – item 13 (No.106/2019).

профиля (ОПП) сосуда (отношение высоты к максимальному диаметру) позволяет разделить все сосуды на 3 большие (высокие, средние и низкие) и несколько промежуточных групп (например, средняя/низкая, очень низкая, средняя\высокая и т.д. в зависимости от коэффициента соотношения). К сосудам низких пропорций относятся мисковидные сосуды, к сосудам средних пропорций – горшковидные, к сосудам высоких пропорций – кувшиновидные. Промежуточные состояния (средние/высокие, средние/низкие) возникают тогда, когда у гончаров возникает потребность изготавливать сосуды-подражания, иными словами, делать сосуды непривычных форм. В зависимости от коэффициента ОПП выделяется 57 ступеней – от низких к высоким формам (Цетлин, 2018. с. 128–129). Согласно Ю.Б. Цетлину, общая пропорциональность форм сосудов отражает привычные соотношения вертикальных и горизонтальных параметров. В тех случаях, когда сосуды относятся к соседним ступеням, различия могут быть случайны. Но когда имеется даже минимальный интервал, это говорит об определенной неоднородности традиций (Цетлин, 2018, с. 177).

Для выделения функциональных частей и определения «естественной структуры» сосуда используются точки перегиба линии контура. «Естественная структура» сосуда в наиболее полном виде включает в себя 7 функциональных частей: губа, щека, шея, предплечье, плечо, тулово и основание тулова. Наиболее простая структура включает 3 части – губу, тулово и основание тулова (дно) (Цетлин, 2018, с. 128–137). Степень развитости «естественной структуры» отражает развитость потребностей населения в различных формах посуды. Чем более разнообразны естественные структуры форм сосудов, тем более вероятны контакты с другими сообществами (Цетлин, 2018. с. 175).

Применение принципов историко-культурного подхода к материалам Новославского II могильника показало следующие результаты.

Группа 1 тип 1 укладывается в диапазон коэффициентов ОПП от 0,85 (35-я ступень) до 1,08 (37-я ступень). Группа 1 тип 2 – от 0,79 (34-я ступень) до 1,03 (37-я ступень). Группа 2 – в диапазоне от 0,85 до 1,04 (35-37-я ступени). Группа 3 – 0,88 до 1,14 (35-38-я ступени). Группа 4 – от 1,31 до 1,59 (38-я, 40-я и 42-я ступени) (диаграмма 1).

Почти все проанализированные сосуды относятся к формам средней пропорциональности, т.е. горшковидным. Исключение составляет один сосуд группы 4 типа 1 (табл. 5: №3), который относится к средне-высоким формам. Можно предположить, что этот сосуд мог быть попыткой подражания форме, непривычной для мастера. Выделение функциональных частей сосудов показало, что керамика Новославского II могильника первой группы, как первого, так и второго типов, относятся к 5-частным формам (вид 7 по Бобринскому), их структура выглядит так: Г+Ш+П+Т+ОТ (губа, шея, плечо, тулово, основание тулова).

Таблица 6. Распределение групп керамики по погребениям Новославского II могильника
Table 6. Distribution of ceramic groups by burials at the Novoslavka-2 burial ground

Погребение	**Тип погребения / половая принадлежность, возраст погребенного**	**Классификация керамики**
п. 1	Ингумация / женщина, 30–40 лет	1 группа тип 2 (№п/п – 2), 3 группа (№ п/п – 1)
п/м 2015	Вне погребений	1 группа тип 2 (№ п/п – 6, 7)
п. 2	Ингумация / мужчина, 45–55 лет	1 группа тип 1 (№п/п – 62, 72), 4 группа (№ п/п – 63)
п. 3	Ингумация / ребенок, 7–8 лет	1 группа тип 1 (№ п/п – 59)
п. 4	кенотаф	1 группа тип 1 (№ п/п – 20), 1 группа тип 2 (№ п/п – 19), 2 группа (№ п/п – 18)
п. 5	Ингумация / женщина, 15–16 лет	1 группа тип 2 (№ п/п – 52), 2 группа (№ п/п – 51)
п. 6	Ингумация / мужчина, 13–14 лет	1 группа тип 2 (№ п/п – 10, 11)
п. 7	Ингумация / мужчина, 16–17 лет	1 группа тип 1 (№ п/п – 13), 1 группа тип 2 (№ п/п – 12)
п. 8	Ингумация? / мужчина (следы огня), 35–45 лет	2 группа (№ п/п – 71)
п/м	Вне погребений	2 группа (№ п/п – 8, 73)
п. 9	Частичная кремация / женщина, больше 55 лет	1 группа тип 1 (№ п/п 96), 1 группа тип 2 (№ п/п – 177), 2 группа (№ п/п – 97)
п. 10	Ингумация / мужчина, 45-55 лет	1 группа тип 2 (№ п/п – 98), 1 группа тип ? (№ п/п – 172), 3 группа (№ п/п – 1)
п. 11	Ингумация / женщина, 25–35 лет	2 группа (№ п/п – 104)
п. 12	Ингумация / мужчина, 45–55 лет	2 группа (№ п/п – 99)
п. 13	Ингумация? / А – мужчина (следы огня), 35–45 лет; Б – женщина, 25–35 лет	4 группа (№ п/п – 106)
п. 14	Ингумация? / мужчина (следы огня), 18–25 лет	1 группа тип 2 (№ п/п – 173)
п. 15	Ингумация? / подросток (следы огня), не старше 16 лет	1 группа тип? (№ п/п – 175), 4 группа (№ п/п – 176)
п. 16	Частичная кремация/ женщина старше 55 лет	1 группа тип 2 (№ п/п – 133), 2 группа (№ п/п – 134, 174)
п. 18	Ингумация/? взрослый человек	1 группа тип 1 (№ п/п – 2), 3 группа (№ п/п – 1)

Среди сосудов, отнесенных к группе 2, четыре сосуда имеют 6-частную структуру Г+Ш+П+П+Т+ОТ (вид 11), один сосуд – 7-частную (Г+Щ+Ш+П+ПП+Т+ОТ), и один - 5-частную структуры (Г+Ш+П+Т+ОТ – вид 7).

В группе 3 все сосуды имеют 6-частную структуру (Г+Ш+ПП+П+Т+ОТ).

В группе 4 два сосуда (табл. 5: №1, №3) имеют 6-частную структуру Г+Щ+Ш+П+Т+ОТ, а третий сосуд – полную 7-частную структуру (табл. 5: №2).

Таким образом, группа 2 отличается наибольшим разнообразием в естественной структуре и может отражать взаимодействие разных культурных традиций. Группы 1 и 3 однородны, и соответственно отражают большую устойчивость формообразования. Малочисленность выборки и сложности выстраивания хронологического соотношения различных археологических памятников не позволяют на данном этапе проследить процессы взаимовлияния, происходящих в среде гончаров, продукция которых представлена в погребениях Новославского II могильника.

Группа 4 представляет собой изделия, не связанные с местными культурами. На данный момент нет каких-либо однозначных признаков ее влияния на остальной керамический комплекс Новославского II могильника. Тем не менее, наряду с другими предметами погребального инвентаря, сосуды группы 4 являются признаком культурных связей между

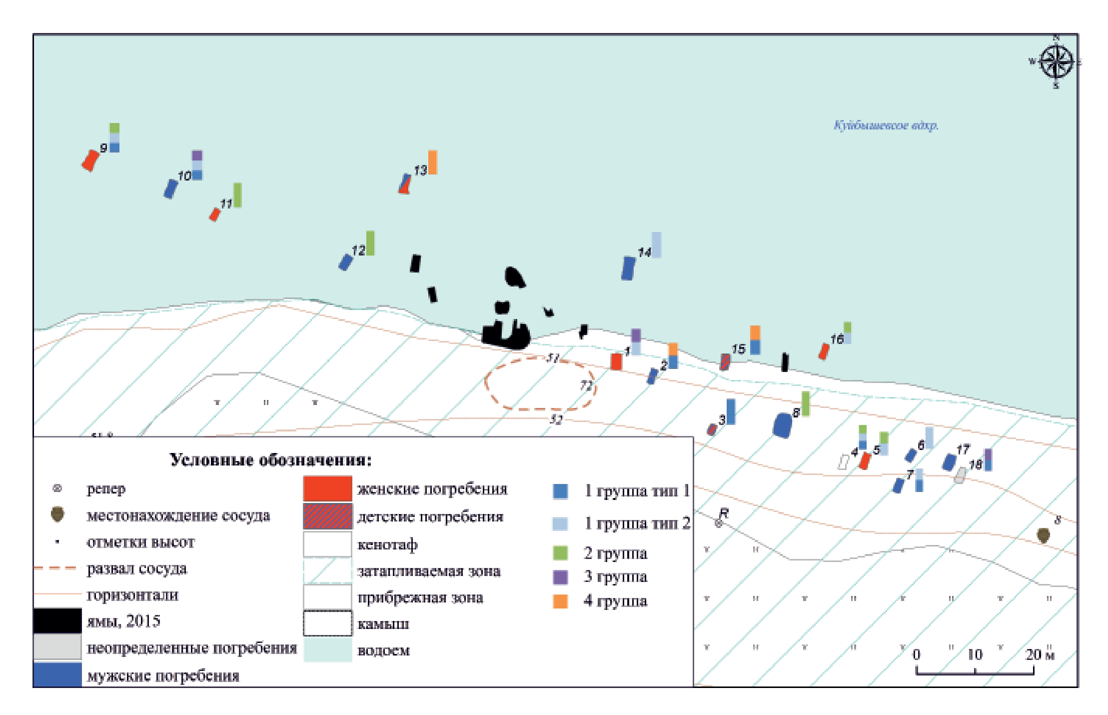

Рис.6. План Новославского II могильника с распределением групп керамики.
Fig. 6. Plan of the Novoslavka-2 burial ground with the distribution of pottery groups.

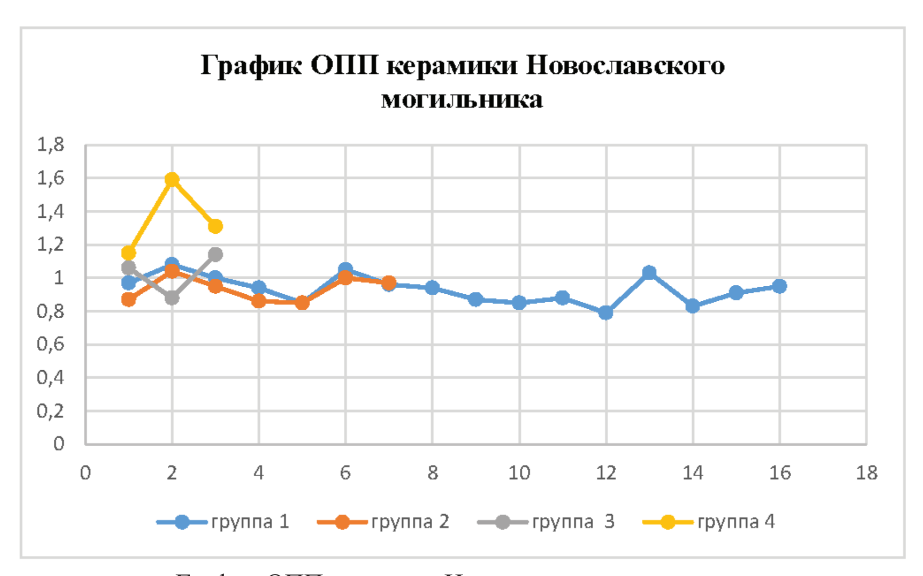

График ОПП керамики Новославского могильника
Chart of OPP ceramics of the Novoslavka burial ground

населением, традиционно использовавшим керамику местного производства групп 1-3, с Арало-Прикаспийским и Северокавказскими регионами.

Таким образом, на наш взгляд, керамический комплекс Новославского II могильника следует рассматривать как единое целостное явление, отражающее процессы формирования и культурные связи одной из групп населения именьковской культуры в центральной части ее ареала, в Нижнем Прикамье. Несмотря на ограниченную выборку, керамика памятника показывает, что в сложении «Новославской» общины (а вероятно, и многих других групп именьковского населения) во второй половине V в., наряду с собственно именьковским населением, участвовали и выходцы из Южного Приуралья – носители турбаслинской культурной традиции. Выявленная привозная тарная посуда, свиде-

тельствует о торговых контактах, а, возможно, и об инфильтрации населения из Арало-Каспийского и Северокавказского регионов) в Нижнее Прикамье, которое, однако, не оказало заметного влияния на местные гончарные традиции.

Примечание:

[1] В публикации перепутаны местоположения Новославских I и II могильников.

ЛИТЕРАТУРА

Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Древний город на восточном берегу Каспийского моря // Stratum plus. 2019. № 4. С. 17–37.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Бобринский А.А. О методике изучения форм глиняной посуды из археологических раскопок // Формы глиняных сосудов как объект изучения. Историко-культурный подход / Отв. ред. Ю.Б. Цетлин. М.: ИА РАН, 2018а. С. 11–25.

Бобринский А.А. Функциональные части в составе емкостей глиняной посуды // Формы глиняных сосудов как объект изучения. Историко-культурный подход / Отв. ред. Ю.Б. Цетлин. М.: ИА РАН, 2018б. С. 26–37.

Богачев А.В., Вязов Л.А., Гасилин В.В., Мышкин В.Н., Серых Д.В. Кармалинское городище // Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области): Научно-популярное издание / Отв. ред. А.В. Богачев. Самара: Самарское археологическое общество, 2013. С. 119–163.

Валиев Р.Р. Новые данные по островным и прибрежным памятникам археологии Спасского района Республики Татарстан // Средневековая археология Волго-Уралья: сб. науч. трудов к 65-летнему юбилею д.и.н., проф., член-корр. АН РТ Ф.Ш. Хузина / Отв. ред. А.Г. Ситдиков. Казань: ИА АН РТ, 2016. С. 80–85.

Валиев Р.Р. Новый памятник «коминтерновского типа» именьковской культуры // Археология Евразийских степей. 2018. № 1. С. 211–226.

Валиев Р.Р. Новославский II могильник: проблемы интерпретации и перспективы исследований // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований: сб. науч. ст. IV международного конгресса средневековой археологии евразийских степей, посвященного 100-летию российской академической археологии (Улан-Удэ, 16–21 сентября 2019 г.). В 2 кн. Кн. 1 / отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2019. С. 109–116.

Валиев Р.Р., Асылгараева Г.Ш. Погребальный обряд Новославского II могильника: археологический и археозоологический аспекты исследования // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Т. II / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: СГСПУ, 2020. С. 144–146.

Валиев Р.Р., Степанов Р.А. Балымерское селище V: итоги исследований 2019 г. // Археология Евразийских степей. 2021. № 3. С. 24–42.

Вязов Л.А., Семыкин Ю.А. Городище и селище Новая Беденьга: эпоха Великого переселения народов в Ульяновском Предволжье / Археология Симбирско-Ульяновского Поволжья. Вып. 1. Ульяновск: НИИ истории и культуры им. Н.М. Карамзина, 2016. 227 с.

Генинг В.Ф. Памятники у с. Кушнаренково на р. Белой (VI–VII вв. н.э.) // Исследования по археологии Южного Урала / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФ АН СССР, 1977. С. 90–136.

Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., Хлебникова Т.А., Вайнер И.С., Казаков Е.П., Валеев Р.К. Археологические памятники у с. Рождествено. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 1962. 126 с.

Гугуев Ю.К., Ильяшенко С.М., Казакова Л.М. О возможности этнической и социальной идентификации владельца усадьбы середины III в. н.э. в Танаисе // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке / отв. ред. В.И. Козенкова, В.Ю. Малашев. М.: ИА РАН; ТАУС, 2007. С. 432–457.

Казаков Е.П. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи Тюркских каганатов // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии) / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 1998. С. 97–150.

Казаков Е.П. Щербетьский комплекс турбаслинско-именьковских памятников VI-VII вв. н.э. // Археология Евразийских степей. 2018. № 1. С. 200–210.

Казаков Е.П. Волго-Камье в эпоху тюркских каганатов. Книга первая. Коминтерновский II могильник / Археология евразийских степей. Вып. 26. Казань: Фэн, 2021. 148 с.

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: Восточная литература, 1996. 396 с.

Мажитов Н.А. Курганный могильник в деревне Ново-Турбаслы // Башкирский археологический сборник / Ред. А.П. Смирнов, Р.Г. Кузеев. Уфа, 1959. С. 114–142.

Матвеева Г.И. Среднее Поволжье в IV – VIII вв.: именьковская культура / Учебное пособие, 2-е издание, дополненное. Самара: Самарский университет, 2004. 168 с.

Русанова И.П. Славянские древности VI–IX вв. между Днепром и Западным Бугом / САИ. Вып. Е1-25. М.: Наука, 1973. 216 с.

Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры / САИ. Вып. Д1-32. М.: Наука, 1967. 97 с.

Старостин П.Н. Богородицкий могильник // СА. 1983. №1. С. 193–203.

Старостин П.Н. Именьковские могильники // Культуры Восточной Европы I тысячелетия / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: Куйб. гос. ун-т, 1986. С. 90–104.

Старостин П.Н., Чижевский А.А. Раскопки Маклашеевского V могильника и Маклашеевского селища в 1990 г. // Историко-археологические исследования Поволжья и Урала. Материалы III Халиковских чтений (г. Болгар. 27–30 мая 2004 г.) / отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Школа, 2006. С. 17–22.

Сунгатов Ф.А. Турбаслинская культура (по материалам погребальных памятников V–VIII вв. н.э.). Уфа: Гилем, 1998. 168 с.

Цетлин Ю.Б. Об общем подходе и методике изучения форм глиняных сосудов // Формы глиняных сосудов как объект изучения. Историко-культурный подход / Отв. ред. Ю.Б. Цетлин. М.: ИА РАН, 2018. С. 124–179.

Чижевский А.А. Степановское городище // Древняя и средневековая археология Волго-Камья. Сборник статей к 70-летию П.Н. Старостина / Археология евразийских степей. Вып. 10 / Отв. ред. Д.Г. Бугров. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С. 143–153.

Информация об авторах:

Валиев Ренат Рафаилович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела средневековой археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова (г. Казань, Россия), vrr80@yandex.ru

Куклина Анна Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея археологии РТ, Институт археологии им. А.Х. Халикова (г. Казань, Россия), kuklinanna@mail.ru

REFERENCES

Astafiev, A. E., Bogdanov, E. S. 2019. In Stratum plus (4), 17–37 (in Russian).

Bobrinsky, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia (East-European Pottery. Sources and Research Methods)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Bobrinsky, A. A. 2018. In Tsetlin, Yu. B. (ed.). *Formy glinyanykh sosudov kak ob"ekt izucheniya. Istoriko-kul'turnyy podkhod (The shapes of clay vessels as an object of study. Historical and cultural approach).* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 11–25 (in Russian).

Bobrinsky, A. A. 2018. In Tsetlin, Yu. B. (ed.). *Formy glinyanykh sosudov kak ob"ekt izucheniya. Istoriko-kul'turnyy podkhod (The shapes of clay vessels as an object of study. Historical and cultural approach).* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 26–37 (in Russian).

Bogachev, A. V., Vyazov, L.A., Gasilin, V. V., Myshkin, V. N., Serykh, D. V. 2013. In Bogachev, A. V. (ed.). *Srednevekov’e. Velikoe pereselenie narodov (po materialam arkheologicheskikh pamiatnikov Samarskoi oblasti) (The Middle Ages. The Great Migration of Peoples (according to the archaeological sites of Samara region))*. Samara: “Samara Archaeological Society”, 119–163 (in Russian).

Valiev, R. R. 2016. In Sitdikov, A. G. (ed.). *Srednevekovaia arkheologiia Volgo-Ural’ia : sb. nauch. trudov k 65-letnemu iubileiu d.i.n., prof., chlen-korr. AN RT F.Sh. Khuzina (Medieval Archaeology of the Volga-Urals (in Honour of Fayaz Khuzin's 65th Birthday).* Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. 80–85 (in Russian).

Valiev, R. R. 2018. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 211–226 (in Russian).

Valiev, R. R. 2019. In Bazarov, B. V., Kradin, N. N. (eds.). *Kochevye imperii Evrazii v svete arkheologicheskikh i mezhdistsiplinarnykh issledovaniy. V 2, kn. Kn. 1 (Nomadic Empires of Eurasia in Archaeological and Interdisciplinary Studies). In two wolumes. Vol. 1.* Ulan-Ude: Buryatia Scientific Science Center SB RAS Publ., 109–116 (in Russian).

Valiev, R. R., Asylgaraeva, G. Sh. 2020 In Derevianko, A. P., Makarov N. A., Mochalov, O. D. (eds.). *Trudy VI (XXII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Samare (Proceedings of the 6th (22nd) All-Russia Archaeological Congress at Samara)* Vol. II. Samara: Samara State Pedagogical University, 144–146 (in Russian).

Valiev, R. R., Stepanov, R. A. 2021. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 24–42 (in Russian).

Vyazov, L.A., Semykin, Yu.A. 2016. *Gorodishhe i selishhe Novaja Beden'ga: epoha Velikogo pereselenija narodov v Ul'janovskom Predvolzh'e (Arheologija Simbirskogo-Ul'janovskogo Povolzh'ja. Vyp. 1) (Novaya Bedenga hillfort and settlement: the Migration period in the Ulyanovsk region (Archaeology of the Simbirsk-Ulyanovsk Volga Region, Vol.1))*. Ulyanovsk, (in Russian).

Gening, V. F. 1977. In Kuzeev, R. G. (ed.). *Issledovaniia po arkheologii Iuzhnogo Urala (Studies on the Archaeology of the Southern Urals).* Ufa: Bashkir Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 90–136 (in Russian).

Gening, V. F., Stoianov, V. E., Khlebnikova, T. A., Vainer, I. S., Kazakov, E. P., Valeev, R. K. 1962. *Arkheologicheskie pamiatniki u sela Rozhdestveno (Archaeological Sites near the Rozhdestveno Village)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).

Guguev, Yu. K., Il'yashenko, S. M., Kazakova, L. M. 2007. In Kozenkova, V. I., Malashev, V. Yu. (eds.). *Severnyy Kavkaz i mir kochevnikov v rannem zheleznom veke (North Caucasus and the world of Nomads in the Early Iron Age*). Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; "TAUS" Publ., 432–457 (in Russian).

Kazakov, E. P. 2018. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletiia n.e. (voprosy khronologii) (Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (Issues of Chronology))*. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, 97–150 (in Russian).

Kazakov, E. P. 2018. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 200–210 (in Russian).

Kazakov, E. P. 2021. *Volgo-Kam'e v epokhu tyurkskikh kaganatov. Kniga pervaya. Kominternovskiy II mogil'nik (The Volga-Kama in the Period of Turkic Khaganates. Book One. Kominternovsky II burial ground)***.** Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 26. Kazan: "Fen" Publ. (in Russian).

Levina, L. M. 1996. *Etnokul'turnaya istoriya Vostochnogo Priaral'ya I tys. do n.e. – I tys. n.e. (The ethnic and cultural history of the Eastern Aral Sea region in the I millennium BC – I millennium AD).* Moscow: "Vostochnaya literature" Publ. (in Russian).

Mazhitov, N. A. 1959. In Smirnov, A. P., Kuzeev, R. G. (eds.). *Bashkirskiy arkheologicheskiy sbornik (Bashkir Archaeological Collection of Papers).* Ufa, 114–142 (in Russian).

Matveeva, G. I. 2004. *Srednee Povolzh'e v IV–VII vv.: imen'kovskaia kul'tura (Middle Volga Region in the 4th – 7th cc.: Imenkovo Culture).* Samara: Samara State University (in Russian)..

Rusanova, I. P. 1973. *Slavyanskie drevnosti VI–IX vv. mezhdu Dneprom i Zapadnym Bugom (Slavic antiquities of the VI–IX centuries between the Dnieper and the Western Bug).* Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) EI-25. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Starostin, P. N. 1967. *Pamiatniki imen'kovskoi kul'tury (Sites of the Imenkovo Culture).* Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1-32. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Starostin, P. N. 1989. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 193–203 (in Russian).

Starostin, P. N. 1986. In Matveeva, G. I. (ed.). *Kul'tury Vostochnoi Evropy I tysiacheletiia (Cultures of Eastern Europe of I Millennium)*. Kuybyshev: Kuybyshev State University, 90–104 (in Russian).

Starostin, P.N., Chizhevsky, A. A. 2006. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia Povolzh'ia i Urala. Materialy III Khalikovskikh chtenii (g. Bolgar. 27–30 maia 2004 g.) (Historical and Culturel Investigations in the Volga Region and the Urals. Proceedings of III Khalikov Readings (Bolgar, May 27–30, 2004))*. Kazan: "Shkola" Publ., 17–22 (in Russian).

Sungatov, F. A. 1998. *Turbaslinskaia kultura (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov V–VIII vv n. e.) (Turbasly Culture (based on the funerary sites of 5th – 8th centuries AD))*. Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).

Tsetlin, Yu. B. 2018. In Tsetlin, Yu. B. (ed.). *Formy glinyanykh sosudov kak ob"ekt izucheniya. Istoriko-kul'turnyy podkhod (The shapes of clay vessels as an object of study. Historical and cultural approach).* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 124–179 (in Russian).

Chizhevsky, A. A. 2009. In Bugrov, D. G. (ed.). *Drevniaia i srednevekovaia arkheologiia Volgo-Kamia (Prehistoric and Medieval Archaeology of the Volga and Kama Rivers Region)*. Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 10. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences, 143–153 (in Russian).

About the Authors:

Valiev Renat R. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; vrr80@yandex.ru

Kuklina Anna A. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; kuklinanna@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2024 г.
Статья принята к публикации 01.10.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.5.172.183

РЕДКИЕ КИТАЙСКИЕ КЕРАМИЧЕСКИЕ ИМПОРТЫ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ БОЛГАРА

© 2024 г. И.В. Волков, А.М. Губайдуллин, О.В. Лопан

Рассмотрены редкие группы китайского керамического импорта из раскопок А.М. Губайдуллина на Болгарском городище. К числу наиболее редких относится фрагмент керамики группы цзюнь. Расцвет производства в провинции Хэнань приходился на период династии Сун (960–1279), а после монгольского завоевания оно пришло в упадок. В Улусе Джучи такие единичные находки известны исключительно в Болгаре. Поскольку их нет в хорошо исследованных золотоордынских слоях XIV в. на всех прочих памятниках, наши предметы следует относить к XIII в. Редким, но устойчивым импортом в золотоордынских городах являются китайские керамические изделия группы цычжоу: их фрагменты представлены на многих крупных раскопах Болгара и столиц. Публикуемый здесь сосуд цычжоу относится к винным вазам и украшен традиционной для данной группы росписью – со стилизованными хризантемами в верхней части и с сюжетом «феникс в облаках» в основном ярусе. Количество находок в золотоордынских городах относительно целых сосудов цычжоу невелико, а наш сосуд – самый сохранный и выразительный с точки зрения росписи. Датировать находку второй половиной XIV в. позволяет не только стратиграфия, но встреченный совместно фрагмент восьмигранной бутыли с бело-голубой росписью (цинхуа). Золотоордынские комплексы могут давать ценные опорные даты для уточнения хронологии китайских импортов.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, Болгар, китайская керамика, фарфор, цзюнь, цычжоу, цинхуа.

RARE CHINESE CERAMIC IMPORTS OF THE GOLDEN HORDE PERIOD FROM BOLGAR

I.V. Volkov, A.M. Gubaidullin, O.V. Lopan

This paper deals with rare groups of Chinese pottery imports from the excavations by A.M. Gubaidullin on the Bolgar fortified settlement. One of the rarest is a fragment of Jun ware. The growth of production in Henan province was during the Song Dynasty (960–1279), and after the Mongol conquest it has declined. In the Ulus of Jochi, such isolated finds are edentified exclusively in Bolgar. Since they are not found in the well-studied Golden Horde layers of the XIV century in all other sites, our objects should be attributed to the XIII century. A rare but steady import in the Golden Horde cities are Chinese pottery of the Cizhou ware: their fragments are represented on many large excavations in Bolgar and capitals. The Cizhou vessel, published here, belongs to wine vases and is decorated with a traditional painting for this group – with stylized chrysanthemums in the upper part and with the plot "phoenix in the clouds" in the main tier. The number of the finds of the Cizhou ware whole vessels in the Golden Horde cities is small, and our vessel is the most preserved and expressive in painting. It dated to the second half of the XIV century by the stratigraphy and also by the fragment of an octagonal Qinghua porcelain bottle with a blue-and-white painting, which was found together. The Golden Horde complexes can provide valuable reference dates to clarify the chronology of Chinese imports.

Keywords: archaeology, Golden Horde, Bolgar, Chinese pottery, porcelain, Jun (Chün), Cizhou (Tz'ŭ Chou), Qinghua.

Находки китайской керамики в Золотой Орде не столь уж и редки, но большую их часть составляют селадоны. Активное поступление импорта с Дальнего Востока в XIII веке было связано с тем, что Улус Джучи, наряду с Китаем, входил в состав Монгольской империи. Но и позднее, после распада единого государства, в тот период, с которым связано отложение большей часть золотоордынских культурных слоев, продолжались оживленные дипломатические сношения, культурный обмен и торговля, что, среди прочего, находит отражение в составе керамических комплексов.

Обычно фон керамического импорта приблизительно стабилен в рамках каждого отдельно взятого хронологического интерва-

Рис. 1. 1 – венчик чаши цзюнь (раскоп CCXXXV Б, кв. А/10, шт. 7, № 138); 2 – вертикальный излом этого фрагмента; 3 – аналогичная чаша (URL: http://www.sothebys.com/en/auctions/ecatalogue/2016/chinese-art-hk0681/lot.618.html. Дата обращения 24.12.2023).
Fig. 1: 1 – rim of the Jun bowl (excavation CCXXXV B, grid A/10, layer 7, No. 138); 2 – vertical fracture of this fragment; 3 – similar bowl (URL: http://www.sothebys.com/en/auctions/ecatalogue/2016/chinese-art-hk0681/lot.618.html. Accessed 12/24/2023).

ла и региона. Отличия в хронологии поселений позволяют использовать изменение фона импортов для датировки предметов этого фона даже в той ситуации, когда нет закрытых комплексов и не построены достоверные эволюционные ряды. Поэтому находки с территории Золотой Орды могут быть основанием для уточнения датировки китайской керамики. Рассмотрим исключительно лишь находки 2018 г., происходящие из центральной части Болгарского городища[1].

Редчайшей находкой золотоордынских городов является встреченный на раскопе CCXXXV Б (кв. А/10, шт. 7, № 138) фрагмент венчика чаши (вань) (рис. 1: 1, 2) группы цзюнь. Это фрагмент с почти прозрачной голубой глазурью (край венчика зеленоватый), нанесенной на белый ангоб, хорошо просматриваемый в изломе, в котором также видно, что особенный цвет края венчика обусловлен тонкостью ангоба и глазури на этом месте. Основа – сероглиняная, зернистая, спекшаяся, с редкими порами в изломе и практически нулевым водопоглощением. При идеальном блеске поверхности глазури некоторую матовость ей придают многочисленные мелкие пузырьки.

Группа хорошо известна по находкам в Восточной и Центральной Азии и отличается значительным разнообразием по составу и цвету формовочной массы. Определяющими признаками являются голубоватая полупрозрачная глазурь с мелкими пузырьками, коричневато-зеленоватый оттенок полосы по краю венчика и несистематические лиловые (фиолетовые) глазурные пятна неправильной формы на части поливного покрытия (рис. 1: 3). Декор других цветов – разных вариантов красного и коричневого – значительно более редок (рис. 2). Лиловые пятна могут быть очень небольшими по площади, но иногда они занимали более половины поверхности. Иногда пятна имеют довольно сложную конфигурацию: так что в них можно усматри-

Рис.2. Чаша цзюнь с лиловыми пятнами, получаемыми добавлением меди (URL: http://www.sothebys.com/en/auctions/ecatalogue/2014/fine-chinese-ceramics-works-art-l14210/lot.63.html. Дата обращения 24.12.2023).
Fig. 2. Jun bowl with purple spots, made by adding copper (URL: http://www.sothebys.com/en/auctions/ecatalogue/2014/ fine-chinese-ceramics-works-art-l14210/lot.63.html. Accessed 12/24/2023).

Рис. 3. Фрагмент сосуда цычжоу с раскопа CCXXXI (уч. Д/4-5, шт. 2, -40, № 651п/о)
Fig. 3. Fragment of the cizhou (Tz'ŭ Chou, Qizhou) vessel from the CCXXXI excavation (area Д/4-5, layer 2, -40, No. 651)

вать подобия фигур животных – слонов, летучих мышей и т. п. (Богачихин, 1998, с. 100). Также среди подобной керамики встречаются экземпляры, на которых присутствует только голубой фон без пятен. Цвет основной кроющей глазури также существенно варьирует – от интенсивного синего до почти белого. Производилась такая керамика в провинции Хэнань в период династии Сун (960–1279). По указанию М.М. Богачихина, эпонимные печи Цзунь-яо находились в провинции Хэнань (центры Шэньхоучжэнь и Ечжугоу), а после монгольского завоевания пришли в упадок, как и техника декора глазури с использованием меди (Богачихин, 1998, с. 99).

Наша находка – одна из немногих в Болгаре: ранее единичные фрагменты керамики цзюнь, определенные В.Ю. Ковалем, были встречены в переотложенном состоянии на раскопе CLXXIX в центре Болгара (Коваль, 2012, т. 1, с. 52, № 114 п/о; Коваль, 2013, т. 1, с. 38, № 122 п/о; Коваль, 2014, с. 58). На других памятниках Золотой Орды посуда цзюнь нам не известна. Отсутствие этой группы керамики на других золотоордынских памятниках, скорее всего, связано с поздним формированием их культурных слоев, в то время как в Болгаре интенсивные отложения появляются сразу после монгольского завоевания – уже в XIII в. В Каракоруме же керамика группы цзюнь составляет большую китайского керамического импорта (Евтюхова, 1959, с. 180; Евтюхова, 1965, с. 219–221). Представляемую находку следует относить к XIII в. исходя из того, что аналогии начисто отсутствуют в хорошо исследованных золотоордынских слоях столиц и иных памятников, сформировавшихся в следующем столетии.

К самому позднему периоду золотоордынского Болгара относится яма с еще двумя находками китайского импорта: это сооружение 2 раскопа CCXXXVI – уровень ее впуска фиксировался около современной дневной поверхности. Верхняя часть слоя на месте раскопа срезана при строительных работах, проводившихся еще в 2010 г., но, судя по окружающему современному рельефу, удален был только огородный слой, из чего можно было бы предположить, что рассматриваемый комплекс относится к финальному этапу жизни золотоордынского Болгара. Китайские предметы находились в одной из прослоек выброса, входящей в мощную заключительную засыпь, образовавшуюся при разборе пожарища кирпичной постройки, располагавшейся восточнее (возвышение просматривается на современном рельефе). Несколько ям на раскопе имеют аналогичную стратиграфию: наклоненные с востока на запад слои заключительной засыпки перегоревшим материалом – сырцом и просто горелой глиной, боем жженого кирпича и перекаленной, вплоть до закипания, керамики.

Один из этих сосудов (рис. 4) относится к широко известной группе керамики цычжоу, производившейся (в основном) в провинции Хэбэй, но также в Шаньси и Хэнань. Отличительной особенностью группы являются формовочная масса цвета слоновой кости (есть несколько вариантов состава), роспись коричневым ангобом по белому под прозрачной глазурью и покрытие черно-коричневой глазурью изнутри и на нижней трети (но иногда и полностью) снаружи. В Китае и Монголии встречаются также росписи с использованием зеленой и красной глазури (Евтюхова, 1959; Евтюхова, 1965, с. 233–235, табл. XIX–XX), но в Золотой Орде они не представлены – цветовая палитра росписей на встреченных сосудах исчерпывается только оттенками коричневого пигмента. Долгое время период бытования керамики цычжоу ограничивали правлением династии Сун, но при работе с собственно китайскими материалами выяснилось, что подобную продукцию вплоть до современности делали в городе Ханьдань в провинции Хэбэй (Богачихин, 1998, с. 114).

В золотоордынских городах керамические изделия цычжоу являются редким, но устойчивым импортом: их фрагменты представле-

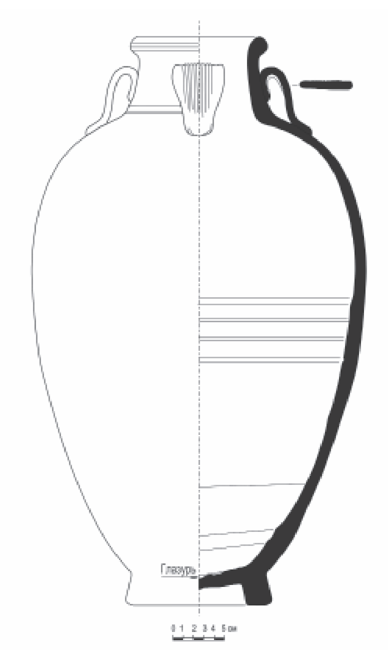

Рис. 4. Реконструкция формы сосуда цычжоу с раскопа CCXXXVI (сооружение 2, пл. 7).
Fig. 4. Reconstruction of the shape of the cizhou vessel from the excavation CXXXVI (object 2, layer 7).

Рис. 5. Сосуд цычжоу с раскопа CCXXXVI (сооружение 2, пл. 7).
Fig. 5. Cizhou vessel from the excavation CXXXVI (object 2, layer 7).

ны на многих крупных раскопах Болгара и столиц (Федоров-Давыдов, 2001, с. 218; Денике, 1929, с. 1–2). Неоднократно публиковалась информация о находках с Царевского городища и из Азова (Греков, Якубовский, 1950, рис. 43; Золотая Орда…, 2005, № 635; Валиулина, 2021; Бочаров, 2021а; Бочаров, 2021б, с. 214–215; Гудименко, 1998, с. 73–75; Гудименко, 2005, с. 179–180, рис. 1: 4; Масловский, 2006, с. 434–435, рис. 59: 15–17; Кравченко, 2017, рис. 4: 11–14). Даже в Маджаре собрана представительная коллекция этой керамики (Обухов, Волков, 2007, с. 20–25; Волков, 2016, с. 207–210, рис. 72–73; Болдырева, 2018, рис. 2: 3). Отдельные фрагменты керамики цычжоу известны на Торецком поселении (Коваль, 2017, с. 67–68, рис. 7: 8). Наиболее выразительные фрагменты сосудов цычжоу, найденные на Болгарском городище во второй половине XX в., рассмотрены в работах М.Д. Полубояриновой (Полубояринова, 2003, рис. 5; Полубояринова, 2008, с. 74, 75, рис. 14: 1, вкл., ил. IX: 4; Баранов, Бугров, Ситдиков. с. 229, 230, кат. 11.3.22–11.3.23). В 2018 г. в Болгаре крупный фрагмент тулова небольшого закрытого сосуда без росписи, с коричневой глазурью с обеих сторон был, в частности, встречен также на раскопе CCXXXI (уч. Д/4–5, шт. 2, -40, № 651) (рис. 3).

Рассматриваемый здесь сосуд цычжоу из комплекса пожара с раскопа CCXXXVI – это винная ваза с яйцевидным туловом на кольцевом поддоне, с невысоким цилиндрическим горлом и четырьмя петельчатыми ручками (рис. 4–8). Формовочная масса в целом однородная: в ней присутствуют ориентированные и неориентированные поры, естественная примесь белых, коричневых и темно-серых минералов, не превышающая в сумме 1% (рис. 9: 2–4). Однако даже эти незначительные примеси приводили к вспучиванию и разрывам поверхности при обжиге после нанесения глазури, причем не только в случае присутствия карбонатных зерен (рис. 10: 2). По особенностям профиля и течению формовочной массы в вертикальных изломах (оно просматривается очень плохо) реконструируется схема формовки во внешней матрице на круге (или просто при вращении) из отдельных предварительно подготовленных колец (рис. 4; 9: 2; 11: 2), при этом внешняя сторона – совершенно гладкая.

Здесь мы сталкиваемся с ситуацией, когда обычные технологические признаки возникали особым путем: волны на внутренней поверхности (рис. 11: 2) образовались не в результате вытягивания, а при стыковке и разглаживании колец по внутренней стороне

Рис. 6. Сосуд цычжоу с раскопа CCXXXVI (сооружение 2, пл. 7).
Fig. 6. Cizhou vessel from the excavation CXXXVI (object 2, layer 7).

Рис. 7. Сосуд цычжоу с раскопа CCXXXVI (сооружение 2, пл. 7).
Fig. 7. Cizhou vessel from the excavation CXXXVI (object 2, layer 7).

Рис. 8. Сосуд цычжоу с раскопа CCXXXVI (сооружение 2, пл. 7).
Fig. 8. Cizhou vessel from the excavation CXXXVI (object 2, layer 7).

матрицы. Как минимум из двух колец было сформовано тулово, отдельно – горло и дно (рис. 9: 2; 11: 2). Четыре плоские ручки с продольными ребрами также оттискивались в матрице. Основная глазурь, надо полагать, наносилась поливом фритты, отчего в некоторых местах образовались огрехи от пузырьков воздуха; в тех случаях, когда они приходились на роспись, видно, что она выполнена ангобом, а не цветной глазурью (рис. 9: 1).

Цвет керамической основы претерпел существенные изменения во время пожара в кирпичном здании, в ходе которого сосуд разбился. В результате науглероживания черепок стал серым, но в конце пожара, когда дыма было мало, а кислорода много, начался повторный окислительный процесс: углерод стал выгорать, а фрагменты – постепенно приобретать первоначальный цвет слоновой кости. Этот процесс прошел не полностью, а только в тех местах, где глазурь не препятствовала доступу кислорода: по сломам, в местах пор от пузырьков и трещин в глазури (рис. 10: 1, 3). На одном участке поверхности глазурь вспенилась (как хальмоза), но сложно определить – это результат пребывания в пожаре или производственный брак (рис. 10: 1). Вся внутренняя поверхность покрыта темно-коричневой (до черноты) непрозрачной глазурью (с пузырьками в местах утолщений) (рис. 11). Утолщенный слой на дне говорит об обжиге в положении

Рис. 9. Технологические признаки винного сосуда цычжоу с раскопа CCXXXVI: 1 – разрыв глазури на месте пузырька с просвечивающей росписью ангобом; 2 – колебания толщины в изломе на месте стыковки колец; 3 – зерно белого минерала и невыразительное параллельное течение формовочной массы в изломе; 4 – зерно красного минерала, округлая пора с черной поверхностью и невыразительное течение формовочной массы в изломе.

Fig. 9. Technological features of the cizhou wine vessel from the excavation CCXXXVI: 1 – glaze rupture at the place of the bubble with translucent slip painting; 2 – thickness fluctuations in the fracture at the junction of the rings; 3 – grain of white mineral and an expressionless parallel flow of the molding mass in the fracture; 4 – grain of red mineral, a rounded pore with a black surface and an expressionless flow molding mass in the fracture.

с незначительным наклоном горлом вверх (рис. 11: 2).

Роспись традиционна для посуды цычжоу (рис. 5–8): ее можно увидеть и на других сосудах данной группы (рис. 12). Между ручками изображены четыре стилизованные хризантемы, отделенные горизонтальными поясками от основного яруса росписи. Последний разделен на две части двумя парами треугольников с хризантемами так, что оставалось два свободных поля, видимых с противоположных ракурсов. Эти поля целиком заняты сюжетом «феникс в облаках», исполненным в характерном для этих мастерских стиле. Облака упрощены до спиралей, переходящих в линию из дуг. Голова феникса, с характерным хохолком и бородкой, повернута в профиль; глаз с круглым зрачком примыкает к лобной линии (рис. 5; 6; 8). Тело феникса расположено в фас и выполнено в традиционной для изображений этой птицы на керамике цычжоу манере: туловище составлено из четырех овалов, на распахнутых крыльях выделены передние их края и по две полосы оперения, а длинные, непересекающиеся перья хвоста развеваются, заворачиваясь вверх, в сторону, противоположную повороту головы.

Надписи на аналогичных по форме (но без ручек) более поздних сосудах из Эрмитажа позволяют говорить о том, что назывались они «жбанами» (дань или тянь) и предназначались преимущественно для вина (Арапова, 2004, с. 103, 104; Богачихин, 1998, с. 373).

Количество находок в золотоордынских городах относительно целых сосудов цычжоу невелико, и наш сосуд – самый сохранный

Рис. 10. Дефекты на поверхности сосуда цычжоу с раскопа CCXXXVI: 1 – глазурная пена (хальмоза); 2 – «взрыв» на месте карбонатного зерна; 3 – естественный цвет слоновой кости на месте вторичного окисления по сломам, у трещин и точечных пузырьковых утрат глазури.

Fig. 10. Defects on the surface of the cizhou vessel from the excavation CCXXXVI: 1 – glaze foam (chalmose); 2 – "explosion" at the place of carbonate grain; 3 – natural ivory color at the place of secondary oxidation on the breaks, at cracks and point bubble glaze losses.

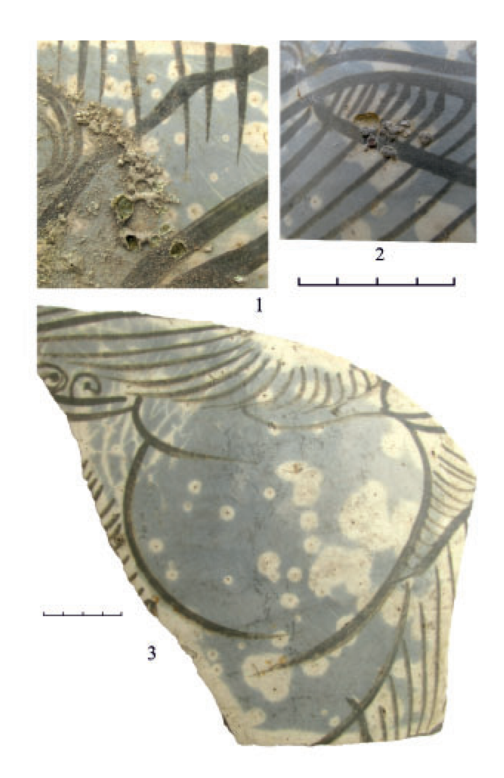

Рис. 11. Внутренняя сторона сосуда цычжоу с раскопа CCXXXVI: 1 – характерные вихревые складки на месте примазывания горла; 2 – донная часть с винтовыми волнами от заглаживания в форме и толстый слой глазури с пузырьками в нижней части с небольшим наклоном.
Fig. 11. Inner side of the cizhou vessel from the excavation CCXXXVI: 1 – characteristic swirl folds at the place of the throat; 2 – the bottom part with spiral waves from smoothing in the item and a thick layer of glaze with bubbles in the lower part with a slight incline.

и выразительный с точки зрения росписи. Прежде в Болгаре был встречен только один относительно крупный фрагмент нижней части закрытого сосуда цычжоу (но без сюжетной росписи), позволяющий реконструировать большую часть профиля (Полубояринова, 2003, с. 140–142, рис. 2; Полубояринова, 2008, с. 75, 132, ил. IX: 4; Баранов, Бугров, Ситдиков. с. 229, 230, кат. 11.3.22). Отдаленно похожий на наш, но значительно более мелкий сосуд с коричневой глазурью без росписи и с реконструируемым полным профилем найден в Азове (Гудименко, 1998, с. 73–75; Гудименко, 2005, с. 179–180, рис. 1: 4; Масловский, 2006, рис. 50: 17; Кравченко, 2017, рис. 4: 13).

Аналогичный по форме, но с более простой росписью, сосуд худшей сохранности был найден при раскопках А.В. Терещенко на Царевском городище (Греков, Якубовский, 1950, рис. 43) (рис. 13). М.Г. Крамаровский ошибочно датировал его XIII в., хотя крупные хрупкие керамические находки с такой датой на памятнике практически невозможны (Золотая Орда…, 2005, № 635). Вероятно, ошибка традиционно обусловлена знакомством с западной литературой, где цычжоу датируют прежде всего временем династии Сун. Но на практике оказывается, что многие изделия цычжоу относятся к более позднему времени. Так, например, один из серии однотипных сосудов цычжоу, хранящихся в Эрмитаже, первоначально был отнесен ко времени династии Сун (960–1279) (Вестфален, Кречетова, 1947, с. 37, табл. IV). Затем, при закупке пяти однотипных сосудов Эрмитажем была принята дата XIV в. (Новые поступления…, 1997, с. 104, № 587; Памятники культуры…, 1999, с. 38, № 46). Однако после привлечения датированных надписями аналогий оказалось, что все изделия относятся к интервалу конца XV – последней четверти XVI в. (Арапова, 2004, с. 103, 105).

В нашем случае датировать находку второй половиной XIV в. (как и царевскую) позволяет не только стратиграфия, но встреченный совместно (в той же порции грунта засыпи) фрагмент восьмигранной бутыли с бело-голубой росписью цинхуа (буквально – «синий узор») (рис. 14).

Первые опыты росписи фарфора кобальтом относятся по крайней мере ко времени

Рис. 12. Сосуд с аналогичной по стилю росписью (URL: http://www.sothebys.com/en/auctions/ecatalogue/2014/chinese-art-hk0525/lot.1010.html).
Fig. 12. Vessel with a similar painting style (URL: http://www.sothebys.com/en/auctions/ecatalogue/2014/chinese-art-hk0525/lot.1010.html).

Рис. 13. Сосуд цычжоу с Царевского городища (Золотая Орда…, 2005, № 635).
Fig. 13. Cizhou vessel from the Tsarev settlement (Piotrovsky M.B., ed., 2005, No. 635).

Рис. 14. Фрагмент граненой вазы цинхуа с раскопа CCXXXVI (сооружение 2, пл. 7, -172, № 49).
Fig. 14. Fragment of a faceted qinghua vase from the excavation CCXXXVI (object 2, layer 7, -172, No. 49).

династии Тан (618–907), при этом элементы в росписи, как и само минеральное сырье, заимствованы с Ближнего Востока (Zhang Pusheng, 1993, p. 38–39). Широкое распространение техника цинхуа получила в финале правления династии Юань (1271–1368). Главным центром производства был поселок Цзиндэчжень (провинция Цзянси) (Китайская керамика…, 1990, с. 12–13). Действительно массовым производство здесь стало уже при династии Мин (1368–1279), когда печи Цзиндэчженя, государственные и частные, обслуживали и императорский двор, и внешние рынки.

Стиль росписи нашей находки совершенно сложившийся: притупленное изображе-

Рис. 15. Аналогичная граненая ваза из Музея Метрополитен (коллекция Адели и Стэнли Херцманов), ошибочно датированная первой половиной XIV в. (URL: https://www.metmuseum.org/art/collection/search/42491?sortBy=Relevance&when=A.D.+1000-1400&what=Porcelain&ft=*&offset=40&rpp=20&pos=56. Дата обращения 24.12.2023).
Fig. 15. Similar faceted vase from the Metropolitan Museum of Art (the collection of Adele and Stanley Herzman), misdated to the first half of the XIV century. (URL: https://www.metmuseum.org/art/collection/search/42491?sortBy=Relevance&when=A.D.+1000-1400&what=Porcelain&ft=*&offset=40&rpp=20&pos=56. Accessed 12/24/2023).

ние лепестков лотоса в нижней части сосуда, выше – характерная лоза с побегами. Закрытые сосуды этой группы довольно редки в золотоордынских городах, но форма вполне достоверно восстанавливается по аналогии (рис. 15). В золотоордынских городах такая керамика встречается только во второй половине XIV в., ближе к концу. Тогда же стиль

росписи был заимствован производителями кашинной керамики на Волге и на Ближнем и Среднем Востоке. Здесь продукция этого стиля получила название «тимуридской», поскольку пик его распространения приходится на начало XV в. О поздней дате бело-голубого фарфора говорит и то, что в Болгаре, на момент завершения обобщающей работы М.Д. Полубояриновой, было учтено всего семь фрагментов, а на Селитренном городище, где хорошо представлено время Токтамыша, находки гораздо более многочисленны.

Таким образом, связь Болгара с Китаем иллюстрируется археологическими находками на протяжении всего золотоордынского периода его истории. Вполне вероятно, что контакты были не только опосредованными, но и прямыми. И если антропологический тип «китаянки» (Смирнов, 1958) скорее является поэтической фантазией[2], то достоверное свидетельство китайских посольств в ордынские земли даже в XV веке все же имеется (Волков, 2015, с. 628).

Примечания:

[1] Первоначально информация об этих находках была опубликована в виде небольшой статьи (Волков, Губайдуллин, Лопан, 2020), но поскольку изданный мизерным тиражом сборник распространялся исключительно среди узкого круга участников конференции и почти сразу же стал библиографической редкостью, авторы сочли необходимым после доработки вновь опубликовать эти материалы.

[2] Доклад И.Р. Газимзянова «Физический облик жителей древнего Болгара по материалам скульптурных и графических реконструкций, выполненных по методу М.М. Герасимова» на IV Региональной научно-практической конференции «Болгарский музей-заповедник – хранитель культурного наследия» (Болгар, 23 ноября 2018 г.). Сомнение основано на устной информации современников исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Арапова Т.Б. Сосуды для вина типа цычжоу из мастерских Северного Китая // Сообщения ГЭ. Вып. LXII. СПб.: ГЭ, 2004. С. 101–106.

Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдиков А.Г. Музей Болгарской цивилизации. Т. 1. Древний Болгар: жизнь города. Казань: Главдизайн, 2016. 267 с.

Богачихин М.М. Керамика Китая: История, легенды, секреты. М.: Фаст-Принт, 1998. 387 с.

Болдырева Е.М. Предметы из раскопок В.А. Городцова на городище Маджары в 1907 г. (по материалам Исторического музея) // Археология Евразийских степей. 2018. № 5. С. 25–30.

Бочаров С.Г. Археологические свидетельства торговых связей Дальнего Востока и Восточной Европы в XIV в. (на примере одной группы керамики) // Сборник материалов V Международной научной конференции «Потемкинские чтения» (24–26 марта 2021 года, г. Севастополь) / Гл. ред. Г.В. Косов. Севастополь: Севастопольский госуниверситет, 2021а. С. 14–15.

Бочаров С.Г. Китайская керамика XIV в. в материальном комплексе второй столицы Золотой Орды (Царевское городище) // Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая: Материалы XI Международной научной конференции (8–11 сентября 2021 года, г. Абакан) / Отв. ред. А.В. Поляков, М.Т. Кашуба, А.Д. Цыбиктаров. СПб.; Абакан: ИИМК РАН, 2021б. С. 212–217.

Валиулина С.И. Керамика цычжоу Царевского городища в собрании Археологического музея Казанского университета // Геоархеология и археологическая минералогия. Т. 8 / Отв. ред. А.М. Юминов, Н.Н. Анкушева. Миасс; Челяюбинск: ЮУрГГПУ, 2021. С. 101–106.

Вестфален Э.Х., Кречетова М.Н. Китайский фарфор. Л.: ГЭ, 1947. 56 с., XXX табл.

Волков И.В. Путешествие Иосафата Барбаро в Персию в 1473–1478 гг. (текст, перевод, комментарий) // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Казань; Симферополь; Кишинев: Stratum Plus, 2015. С. 605–691.

Волков И.В. Керамика Золотоордынского города Маджар // Материалы Первого Маджарского археологического форума. Археология Евразийских степей. Вып. 23 / Ред. Ю.Д. Обухов. Казань: Издательский дом Казанская недвижимость, 2016. С. 139–222.

Волков И.В., Губайдуллин А.М., Лопан О.В. Редкие китайские керамические импорты из Болгара // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Великий Болгар – цивилизация на Волге» / Ред. коллегия Бирюкова Г.М., Мухаметшин Д.Г., Фасхутдинов А.Н. Болгар: ООО «Изд-во «Корпорация технологий продвижения», 2020. С. 25–47

Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л.: АН СССР, 1950. 479 с.

Гудименко И.В. Китайский фарфор и глазурованная китайская керамика из раскопок золотоордынского Азака // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья в X–XVIII вв. по материалам поливной керамики (Ялта, 25–29 мая 1998 г.). Симферополь, 1998. С. 73–75.

Гудименко И.В. Китайский фарфор и глазурованная китайская керамика из раскопок золотоордынского Азака // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Т. I / Ред. С.Г. Бочаров, В.Л. Мыц. Киев: Стилос, 2005. С. 178–182.

Денике Б. Китайская керамика среди золотоордынских находок (из собрания Центрального музея ТССР // Материалы Центрального музея Татарской АССР. № 1. Казань, 1929. С. 1–2.

Евтюхова Л.А. Древнекитайская керамика из Кара-Корума // СА. 1959. № 3. С. 179–193.

Евтюхова Л.А. Керамика Кара-Корума // Древнемонгольские города / Отв. ред. С.В. Киселев. М.: Наука, 1965. С. 216–273.

Золотая Орда: История и культура / Науч. ред. М.Б.Пиотровский. СПб.: Славия, 2005. 264 с.

Китайская керамика и фарфор. Пекин, 1990.

Коваль В.Ю. Отчет об археологических раскопках на Болгарском городище (раскоп CLXXIX) в 2012 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 34698–34699.

Коваль В.Ю. Отчет об археологических раскопках на Болгарском городище (раскопы CLXXIX, CXC, CXCII) в 2013 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 40691–40694.

Коваль В.Ю. Импортная поливная керамика из раскопок в Болгаре // Международный научный семинар «Поливная керамика Причерноморья – Средиземноморья как источник по изучению Византийской цивилизации». Тезисы докладов. (Севастополь, Россия, 5–8 сентября 2014 г.). Севастополь: Заповедник «Херсонес Таврический», 2014. С. 56–60.

Коваль В.Ю. Импортная поливная керамика Торецкого поселения // От Руси до Китая: из новых археологических исследований. К юбилею Ю.Ю. Моргунова / Отв. ред. В.Ю. Коваль. М.: ИА РАН, 2017. С. 42–73.

Кравченко С.А. Парадная керамика из раскопок Азака // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Т. 2/ Ред. С. Г. Бочаров, В. Франсуа, А. Г. Ситдиков. Казань; Кишинев: Stratum plus, 2017. С. 539–559.

Масловский А.Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Вып. 21 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский музей-заповедник, 2006. С. 308–472.

Новые поступления. Памятники культуры и искусства, приобретенные Эрмитажем в 1992–1996 годах: Каталог / редкол. М.Б. Пиотровский и др. СПб.: ГЭ, 1997. 144 с.

Обухов Ю.Д., Волков И.В. Китайская керамика из Маджара // Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X–XVIII вв. Тезисы докладов II Международной научной конференции (Ялта, 19–23 ноября 2007 г.) / Отв. ред. С.Г. Бочаров, В.Ю. Коваль. Ялта: Копи-Центр, 2007. С. 20–25.

Памятники культуры и искусства: Новые поступления 1997–1998 / науч. ред. Н.П. Лаврова, В.Ю. Матвеев. СПб.: ГЭ, 1999. 43 с.

Полубояринова М.Д. Китайский фарфор с Болгарского городища // РА. 2003. № 3. С. 136–144.

Полубояринова М.Д. Торговля Болгара // Город Болгар: культура, искусство, торговля / Отв. ред. П.Н. Старостин. М.: Наука, 2008. С. 26–102.

Смирнов А.П. Армянская колония города Болгара // Труды Куйбышевской экспедиции. Т. II / МИА. № 61 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1958. С. 330–359.

Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья: керамика, торговля, быт. М.: МГУ, 2001. 254 с.

Zhang Pusheng. New discoveries from recent research into Chinese blue and white porcelain // Transactions of the Oriental Ceramic Society. L., 1993. Vol. 56. P. 38–39.

Информация об авторах:

Волков Игорь Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); plany_2010@mail.ru

Губайдуллин Айрат Маратович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); airg_g@mail.ru

Лопан Оксана Витальевна, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); zumbeispiel-1970@mail.ru

REFERENCES

Arapova, T. B. 2004. In *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha. (Reports of the State Hermitage Museum)* LXII. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 101–106 (in Russian).

Baranov, V. S., Bugrov, D. G., Sitdikov, A. G. 2016. *Muzei bolgarskoi tsivilizatsii. T. 1. Drevnii Bolgar: zhizn' goroda. (Museum of Bolgar Civilization. Vol. 1. Ancient Bolgar: Life of the Town)*. Kazan: “Glavdizain” Publ. (in Russian).

Bogachikhin, M. M. 1998. *Keramika Kitaya: Istoriya, legendy`, sekrety`. (Ceramics of China: History, legends, secrets).* M.: Fast-Print (in Russian)

Boldyreva, E. M. 2018. In *Arkheologiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 5, 25–30 (in Russian).

Bocharov, S. G. 2021a In Kosov, G. V. (ed.). *Sbornik materialov V Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Potemkinskie chteniya» (24–26 marta 2021 goda, g. Sevastopol') (Collected materials of the V International Scientific Conference "Potemki's readings" (March 24-26, 2021, Sevastopol))*. Sevastopol: Sevastopol State University, 14–15 (in Russian).

Bocharov, S. G. 2021б In Polyakov, A. V., Kashuba, M.T., Tsybiktarov, A. D. (eds.). *Drevnie kul'tury Mongolii, Yuzhnoy Sibiri i Severnogo Kitaya: Materialy XI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (8–11 sentyabrya 2021 goda, g. Abakan) (Ancient cultures of Mongolia, South Siberia and North China: Proceedings of the XI International Scientific Conference (September 8-11, 2021, Abakan).* Saint Petersburg; Abakan: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 212–217 (in Russian).

Valiulina, S. I. 2021. In Yuminov, A.M., Ankusheva, N. N. (ed.). *Geoarheologiya i arheologicheskaya mineralogiya (Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy)* 8. Miass: Institute of Mineralogy, Urals Branch of RAS, 101–106 (in Russian).

Vestfalen, E. Kh., Krechetova, M. N. 1947. *Kitayskiy farfor (Chinese porcelain).* Leningrad: The State Hermitage Museum (in Russian).

Volkov, I. V. 2015. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)*. Kazan; Simferopol; Kishinev: “Stratum Plus” Publ., 605–691 (in Russian).

Volkov, I. V. 2016. In Obukhov, Yu. D. (ed.). *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes*) 23. Kazan: Institute of Archaeology, Tatarstan Academy of Sciences, “Kazanskaia nedvizhimost'” Publ., 139–221 (in Russian).

Volkov, I. V., Gubaidullin, A. M., Lopan, O. V. 2020. In Biryukova, G. M., Mukhametshin, D. G., Faskhutdinov, A. N. (eds.). *Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Velikij Bolgar — civilizaciya na Volge» (Collected materials of the All-Russian scientific and practical conference "The Great Bolgar — civilization on the Volga").* Bolgar: “Korporatsiya tekhnologiy prodvizheniya” Publ., 25–47 (in Russian).

Grekov, B. D., Yakubovsky, A. Yu. 1950. Yu Zolotaya Orda i ee padenie *(The Golden Horde and its fall).* Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences (in Russian).

Gudimenko, I. V. 1998. In *Istoriko-kul'turnye svyazi Prichernomor'ya i Sredizemnomor'ya v X–XVIII vv. po materialam polivnoy keramiki (Yalta, 25–29 maya 1998 g.). (Historical and cultural relationship of the Black Sea region and the Mediterranean in the X–XVIII centuries based on the materials of glazed ceramics. Yalta, May 25-29, 1998: Abstracts of papers).* Simferopol, 73–75 (in Russian).

Gudimenko, I. V. 2005. In Bocharov, S.G., Myts V.L. (eds.). *Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya X−XVIII vv. (Glazed Pottery of Mediterranean and Black Sea region of the X−XVIII centuries)* I. Kiev: “Stilos” Publ., 178–182 (in Russian).

Denike, B. 1929. In *Materialy Tsentral'nogo muzeya Tatarskoy ASSR (Materials of the Central Museum of the TSSR)* 2. Kazan, 1–2 (in Russian).

Evtyukhova, L. A. 1959. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 179–193 (in Russian).

Evtyukhova, L. A. 1965. In Kiselev, S. V. (ed.). *Drevnemongol'skie goroda (Early Mongol Towns)*. Moscow: “Nauka” Publ., 216–273 (in Russian).

Piotrovsky, M. B. (ed.). 2005. *Zolotaia Orda. Istoriia i kul'tura. Katalog vystavki (The Golden Horde. History and Culture. Exhibition Catalogue).* Saint Petersburg: “Slaviia” Publ. (in Russian).

1990. *Kitayskaya keramika i farfor (Chinese ceramics and porcelain).* Beijing (in Russian).

Koval, V. Yu. 2012. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na Bolgarskom gorodishche (raskop CLXXIX) v 2012 godu (Report on Archaeological Activities at Bolgar Fortified Settlement (excavations 179) in 2012).* Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1, no. 34698–34699 (in Russian).

Koval, V. Yu. 2013. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na Bolgarskom gorodishche (raskopy CLXXIX, CXC, CXCII) v 2013 g. (Report on Archaeological Activities at Bolgar Fortified Settlement (excavations 179, 190, 192) in 2013).* Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1, no. 40691–40694 (in Russian).

Koval, V. Yu. 2014. In *Mezhdunarodnyy nauchnyy seminar «Polivnaya keramika Prichernomor'ya – Sredizemnomor'ya kak istochnik po izucheniyu Vizantiyskoy tsivilizatsii». Tezisy dokladov. (Sevastopol', Rossiya, 5–8 sentyabrya 2014 g.) (International scientific seminar: Glazed ceramics of the Black Sea – Mediterranean region as a source for the study of Byzantine civilization. Abstracts of papers. Sevastopol, Russia, September 5-8, 2014).* Sevastopol: The State Museum-Preserve “Tauric Chersonese”, 56–60 (in Russian).

Koval, V. Yu. 2017. In Koval, V. Yu. (ed.). *Ot Rusi do Kitaya: iz novykh arkheologicheskikh issledovaniy. K yubileyu Yu.Yu. Morgunova (From Rus to China: from new archaeological research. To the anniversary of Yu.Yu. Morgunov).* Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 42–73 (in Russian).

Kravchenko, S. A. 2017. In Bocharov, S. G., François, V., Sitdikov, A. G. (eds.). *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia v X–XVIII vv. (Glazed Pottery of the Mediterranean and the Black Sea Region, 10th – 18th Centuries).* Kazan–Chisinau: Stratum Plus, 539–559 (in Russian).

Maslovsky, A. N. 2006. In Kiyashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2004 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2004)* 21. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Open-Air Museum, 308–472 (in Russian).

Piotrovsky, M. B. et al. (eds.). 1997. *Novye postupleniya. Pamyatniki kul'tury i iskusstva, priobretennye Ermitazhem v 1992–1996 godakh: Katalog (New addition. Cultural and art monuments acquired by the Hermitage in 1992-1996: Catalogue).* Saint Petersburg: The State Hermitage Museum (in Russian).

Obukhov, Yu. D., Volkov, I. V. 2007. In Bocharov, S. G., Koval, V. Yu. (eds.). *Polivnaia keramika Vostochnoi Evropy, Prichernomor’ia i Sredizemnomor’ia v X–XVIII vv. (Glazed Pottery of Eastern Europe, the Mediterranean and Pontic Regions in the 10th –18th Centuries).* Yalta: “Kopi-Tsentr” Publ., 20–25 (in Russian).

Lavrova, N. P., Matveev, V. Yu. (eds.). 1999 *Pamyatniki kul'tury i iskusstva: Novye postupleniya 1997–1998 (Monuments of culture and art: New addition 1997–1998).* Saint Petersburg: The State Hermitage Museum (in Russian).

Poluboiarinova, M. D. 2003. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (3), 136–144 (in Russian).

Poluboiarinova, M. D. 2008. In Starostin, P. N. (ed.). *Gorod Bolgar. Kul’tura, iskusstvo, torgovlia (City of Bolgar. Culture, Art, Trade).* Moscow: “Nauka” Publ., 26–102 (in Russian).

Smirnov, A. P. 1958. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* II. Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 61. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 330–359 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 2001. *Zolotoordynskie goroda Povolzh’ia*: *keramika, torgovlia, byt* (*Golden Horde Cities in the Volga Area: Pottery, Trade, Everyday Life*). Moscow: Moscow State University (in Russian).

Zhang Pusheng. 1993. In *Transactions of the Oriental Ceramic Society* L., vol. 56, 38–39.

About the Authors:

Volkov Igor V., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; plany_2010@mail.ru

Gubaidullin Airat M., Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; airg_g@mail.ru

Lopan Oxana V., Senior Researcher, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; zumbeispiel-1970@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2024 г.
Статья принята к публикации 01.10.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.5.184.195

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ЗОЛОТООРДЫНСКОЙ НЕПОЛИВНОЙ КЕРАМИКИ С БАГАЕВСКОГО СЕЛИЩА[1]

© 2024 г. И.В. Волков, Л.Ф. Недашковский

Багаевское селище соседствует с огромным Укеком и малым городом, располагавшимся на месте Хмелевского I селища. Этим обусловлено то, что собственного товарного производства керамической посуды на рынок, скорее всего, на Багаевском поселении не было, по крайней мере, нет однозначных свидетельств этого. Основная масса керамики, скорее всего, произведена в соседних городах, и некоторое количество привезено из более отдаленных городов и, возможно, даже сельских поселений Улуса Джучи. Ассортимент продукции в целом однообразен во всех степных городах, а большая часть фрагментов в слое принадлежит сосудам для воды (что отражает однозначное доминирование пересчете на литраж), это хумчи, крупные и средние кувшины. Все они выполнены на круге спирально-жгутовым налепом (РФК-3-4). Для керамики микрорегиона характерно наличие естественных примесей разноразмерных обломков опоки и мелкого песка. Обжиг – сплошной или невыразительный трех- либо пятислойный, от желтого до красно-коричневого, но общим свойством для региона являются бежевые оттенки. Почти в равных количествах представлены лощеная и нелощеная керамика; степень небрежности лощения такова, что часто трудно установить сам факт его наличия. Только здесь заметно представлено лощение с полосами светлее основной поверхности. Часть мелких сосудов покрыта красно-коричневым ангобом интенсивного цвета, который существенно представлен только в комплексах Маджара и Сарайчика. Формально к той же группе относится продукция Болгарского улуса (без местных примесей, с более выразительным трехслойным обжигом или без него, с горизонтальным лощением и др.) и более южных районов Нижнего Поволжья (с большей концентрацией мелкого песка, белесыми высолами на поверхности и др.). Немногочисленна керамика условной второй местной группы с выразительными признаками вытягивания на круге (РФК-5-7). Это более мелкие сосуды (в основном кувшины) со сходными признаками формовочных масс. Посуда этой группы чаще покрывалась красно-коричневым ангобом, как и достоверно местные укекские сфероконусы. Наиболее вероятно, что эта группа поставлялась из Укека. Некоторые тянутые сосуды обладают признаками продукции более южных районов Нижнего Поволжья. Сохраняется проблема выделения признаков мелких очагов гончарства в микрорегионе.

Ключевые слова: археология, Улус Джучи, Золотая Орда, золотоордынская неполивная керамика, технология.

TECHNOLOGICAL FEATURES OF MANUFACTURING OF THE GOLDEN HORDE NON-GLAZED CERAMICS FROM BAGAEVKA SETTLEMENT[2]

I.V. Volkov, L.F. Nedashkovsky

Bagaevka settlement neighbours the large Ukek and a small town, situated on the site of Hmelevka I settlement. This fact suggests that there was most likely no own commercial production of pottery for sale on the market, at least there is no unambiguous evidence of this at the Bagaevka settlement. The bulk of the pottery was most likely produced in neighbouring city and town, and some was brought from more distant urban settlements and perhaps even from the rural settlements of Ulus Jochi. The range of wares is generally homogeneous in all steppe cities, and most of the fragments in the layer belong to water vessels (reflecting an

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00024, https://rscf.ru/project/24-28-00024/.

[2] This research was supported by the Russian Science Foundation (РНФ), grant N 24-28-00024, https://rscf.ru/en/project/24-28-00024/.

unequivocal dominance in terms of volume in litres), these are humchas, large- and medium-sized jugs. All of them were made on the potter's wheel with spiral-tourniquet modelling (РФК-3-4). Micro-region pottery is characterized by the presence of natural impurities of various sizes fragments of gaize and fine sand. Firing is continuous or unimpressive three- or five-layered, from yellow to red-brown, but the common feature for the region is beige shades. Burnished and non-burnished ceramics are represented almost in equal quantities; degree of negligence of burnishing is such that it is often difficult to establish the fact of its existence. Just here burnishing with strips lighter than the main surface is considerably presented. A part of small wares is covered with red-brown engobe of intense colour which is significantly represented only in the Madzhar and Saraychik complexes. Formally the same group includes the wares of the Bolgar Ulus (without local impurities, with more impressive three-layer firing or without it, with horizontal burnishing, etc.) and more southern parts of the Lower Volga region (with a greater concentration of fine sand, whitish efflorescence on a surface, etc.). The ceramics of conditional second local group with impressive signs of pulling on a potter's wheel (RFK-5-7) isn't numerous. These are smaller vessels (mainly jars) with similar features of pottery paste. The pottery of this group is more often covered with red-brown engobe, as well as reliably local Ukek sphere-cone vessels. It is most likely that this group was delivered from Ukek. Some pulled vessels have signs of production in the more southern areas of the Lower Volga region. The problem of distinguishing signs of small centres of pottery production in the micro-region still remains.

Keywords: archaeology, Ulus Jochi, Golden Horde, Golden Horde non-glazed ceramics, technology.

Памятник

Багаевское селище, золотоордынское сельское поселение второй половины XIII–XIV в., расположено на правом притоке Волги, р. Петровки (Таречки), в 5,2 км от ее устья, располагающегося восточнее, где находится Хмелевское I селище – остатки малого золотоордынского города. Расстояние по прямой до Увекского городища составляет около 10,5 км в направлении восток – северо-восток. Всего в 8 км к северо-западу находится водораздел между бассейнами Волги и Дона. Далее по рекам Латрык, Карамыш и Медведице, впадающей в Дон у нынешнего г. Серафимовича, продолжался путь в сторону Азака. Естественно, верховья рек не судоходны, но в любом случае они облегчали дорогу зимой, обеспечивали путников водой постоянно и могли использоваться для волоков. Таким образом, можно говорить, что это сельское поселение не было «глухой глубинкой» и его расположение обеспечивало легкость связи как с ближайшими, так и с дальними населенными пунктами. Багаевское селище обнаружено Л.Ф. Недашковским в 1995 г. и исследовалось им раскопками в 2002–2022 гг. Поселение датируется находками монет 1278–1361 гг. чеканки. Ряд материалов с памятника опубликован (Недашковский, Шигапов, 2019).

Подход к систематизации

Характеристика керамического комплекса золотоордынского сельского поселения имеет некоторые особенности. Для города всегда первоочередная задача – выделить местные группы (или группу). Но на сельском поселении (в деревне) таковая вообще не обязательно существует. И только по второстепенным и в основном не дискретным признакам можно установить сам факт ее наличия.

Рассмотрим здесь только неполивную керамику золотоордынского комплекса, составляющую основную часть находок. При классификации используется четыре уровня разделения. Группу составляют родственные производства или один очаг производства, если мы можем отличить его от других родственных. Основанием для выделения групп являются техника формовки и состав формовочных масс. Группа делится на отделы по способу обработки поверхности, в нашем случае это в первую очередь наличие/отсутствие ангоба и лощения. Виды – это определенные формы сосудов, связанные с назначением, отличающиеся от других форм, такие, как горшок, тарелка, кувшин и т. п. Тип – самая дробная ступень классификации, в него входят предметы с устойчивым набором признаков; это «атом классификации». При работе с фрагментарным материалом мы ограничены в возможностях определения. По фрагменту почти никогда нельзя определить тип, в редкой части случаев можно определить вид, в большей части – отдел, практически всегда – группу. Поэтому оперировать приходится в основном двумя последними уровнями разделения. Сложность характеристики золотоордынского подкомплекса заключается в том, что в него входят группы и подгруппы

золотоордынских городов европейской части, которые на текущий момент трудно, а иногда невозможно отличить от того, что могло быть изготовлено в Укеке и его округе, куда и входит Багаевское селище.

Классификации на основе только морфологических признаков весьма ущербны, поскольку многие формы оказываются общими или по крайней мере очень устойчивыми во времени, принятыми в разных культурах, что неизбежно приводит к выделению «слабых типов», неудобных для интерпретации и почти не дающих полезной исторической информации. Тем не менее такого рода классификаций много, хотя для характеристики одной культуры они подходили только в те времена, когда все технологические характеристики сводились к самому факту использования или неиспользования круга, наличию поливы и цветовым характеристикам с набором вариантов – 2–5. Например, для Золотой Орды, преимущественно столиц, классификацию на основе морфологических признаков выполнил Г.А. Федоров-Давыдов (Федоров-Давыдов, 2001, с. 4–202). Это объясняется тем, что источником послужили преимущественно целые формы, в основном с памятников, где местная керамика неотличима, во всяком случае равномерно перемешана. Сбор материала проходил на том этапе, когда использование технологических признаков для классификации не получило должного развития. В результате получилась общая характеристика ассортимента золотоордынских гончаров без учета возможных импортов и различий внутри памятников. Этот набор видов изделий приблизительно одинаков на всей европейской части государства.

Имели смысл и «интуитивные» классификации, к каковым в целом относится и фундаментальная работа Т.А. Хлебниковой, где совершенно не учитывается значимость признаков, а технологические – в самом общем виде (Хлебникова, 1988). Особенно экзотичной была типология С.А. Плетневой, где разные группы выделялись по несопоставимым признакам: археологической культуре, этнической принадлежности, способу ведения хозяйства, назначению (Плетнева, 1959, с. 212).

В таком случае весь предмет нашего рассмотрения сводился бы к неполивной красноглиняной керамике, которая, может быть,

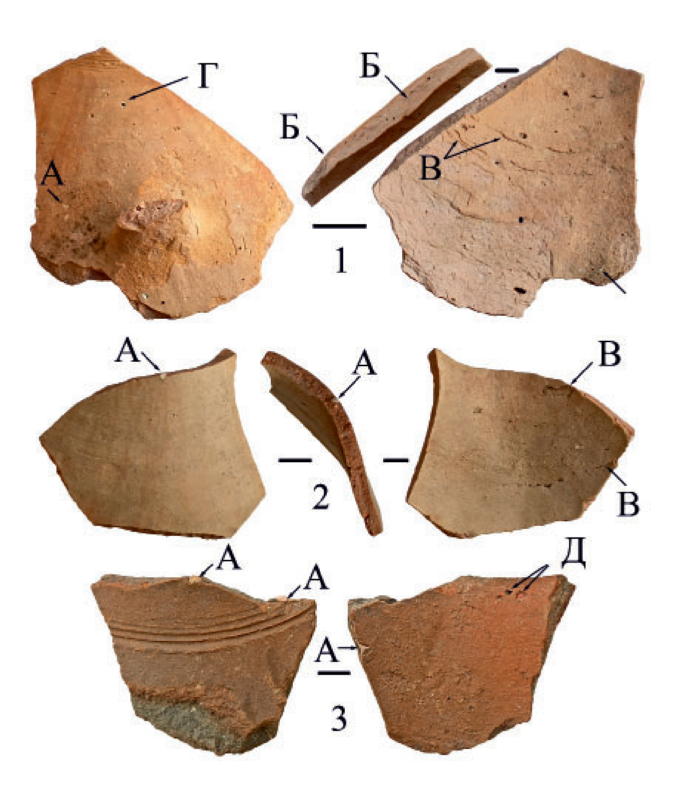

Рис. 1. Варианты формовочных масс с примесью опоки: А - выразительные зерна. Б - косое течение формовочной массы в вертикальных изломах. В – места соединения жгутов. Г – поры с ореолами, образующиеся при выгорании карбонатов. Д – зерна шамота.

Fig. 1. Variants of pottery paste with impurity of gaize: A – impressive grains. Б - oblique flow of the pottery paste in vertical fractures. B – places of tourniquets connection. Г – pores with halos formed during carbonate burnout. Д – chamotte grains.

характеризовалась «хорошим» или «плохим» обжигом. Увы, такие оценочные характеристики явно антинаучны.

Тем не менее почти чисто морфологические классификации сохраняются вплоть до настоящего времени. Очень показателен пример работ о керамике городища Самосделка. При первичном описании вроде бы учитываются очень общие технологические признаки, включая такие донаучные, как «доведенная (гончарный круг медленного вращения)», «обжиг с нарушением температурного режима» и т. п. (Васильев, Попов, 2008, с. 88), но на выходе (Попов, 2018) это практически не выходит за рамки деления на лепную и круговую, а в остальном все решают форма и орнамент.

Появление классификаций с выборочным применением естественно-научных методов было определенным шагом вперед, но,

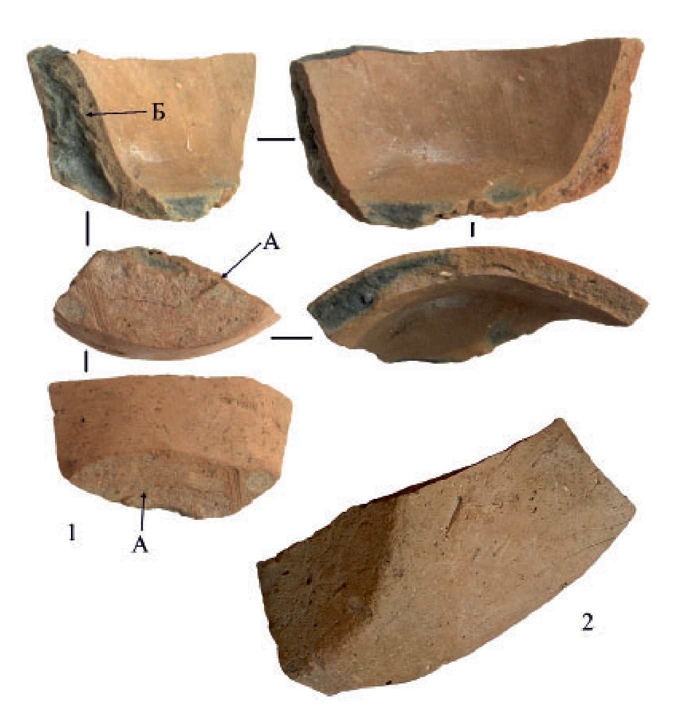

Рис. 2. Варианты подсыпки и псевдо-бортика на дне: А – трещина у псевдобортика, свидетельство использования донного начина-лепешки. Б – косое течение формовочной массы в вертикальных изломах.
Fig. 2. Variants of filling and pseudo-rim at the bottom: A – the crack at the pseudo-rim, the evidence of the use of the bottom only seedbody of vessel. Б – oblique flow of the pottery paste s in vertical fractures.

к сожалению, на выходе часто исследования оказываются незавершенными, лишь примерами применения того или иного метода, но никак не позволяют характеризовать комплекс памятника целиком. От того, что на основании небольшого количества фрагментов выделены какие-то рецепты, не становится возможным охарактеризовать все найденные фрагменты и даже просто определить, какие из них изготовлены на месте. Большие возможности появились в связи с использованием методики А.А. Бобринского для выделения технологических признаков, причем более значимых, чем показатели поэлементного состава, получаемые естественно-научными методами. Однако из-за выборочности определений состава формовочных масс затруднена характеристика керамического комплекса в целом, и не всегда понятно, как он связан с техниками и формами внутри одной группы.

Попытки связывать состав формовочных масс с назначением сосудов весьма слабы уже на уровне постановки задачи. Слишком много уверенности в определении назначения сосудов. Должны настораживать примеры прежних суждений, когда совершались совершенно нелепые определения, – например, афтоба относили в столовой посуде, а сфероконусы считали гранатами. Надо отдавать себе отчет в том, что изделия приблизительно одной формы могли использоваться для совершенно разных целей. Этому множество красноречивых примеров. Совершенно одинаковые керамические трубы могли использоваться для водопроводов и дымоходов; классические узкогорлые кувшины с ручкой могут иметь следы подогрева на огне, надо полагат, для кухонных, а не столовых целей и т. п. Очень ярко на территории Золотой Орды проявляется отсутствие связи состава формовочных масс и назначения сосудов на примере сфероконусов. На Ближнем Востоке основные группы сфероконусов обычно имеют особый обжиг и состав (сложность в том, что мы не всегда знаем место их производства). Однако в Улусе Джучи везде, где фиксируется их местное производство, состав формовочных масс тот же, что и у одной из основных местных подгрупп для всей остальной части ассортимента. Особенно показателен в этом смысле Болгар: здесь сфероконусы делали из всех возможных вариантов формовочных масс, используемых гончарами первой общеболгарской группы для прочих видов изделий. В результате мы имеем классический пример, когда, несмотря на заявленную цель и привлечение многих специалистов разных дисциплин, ни одного соответствия назначения сосудов и состава формовочных масс не указано (Бахматова, Куклина, 2014).

Поэтому при характеристике керамики мы ориентируемся на видимые невооруженным взглядом признаки, характеризующие технологию формовки и состав. Как и на почти любом золотоордынском поселении, керамика местного комплекса представлена двумя основными группами. Первая, абсолютно доминирующая, – это сосуды, сформованные спирально-жгутовым налепом на этапе РФК-3 или РФК-4 (точнее определить по фрагментам невозможно). На таких сосудах обычно видны ряды вдавлений пальца разной степени заглаженности в местах стыковки жгутов на внутренней стороне и косое течение формовочной массы в вертикальных изломах. Вторая – тянутые на круге изделия (РФК-5 – РФК-7) с характерными признаками (винтообразными волнами на внутренней

Рис. 3. Варианты цвета обжига и лощения:
1 – стандартное; 2-3 – с полосами более светлыми, чем фон. 2 – «бежевая» керамика с белой поверхностью, напоминающей ангоб.
Fig. 3. Colour variants for firing and burnishing:
1 – standard; 2-3 – with stripes lighter than background. 2 – 'beige' ceramics with a white surface resembling the engobe.

поверхности и течением формовочной массы параллельно поверхностям стенок в вертикальных изломах). Второй признак не всегда является надежным, поскольку при значительной профилировке на круге течение формовочной массы также может получаться косым (рис. 6: 3). Особенно наглядным это бывает на гарантированно тянутых византийских амфорах. Волны на внутренней поверхности изделий, выполненных спирально-жгутовым налепом, также могут образовываться и быть видны даже на точных рисунках, но в этом случае грубость стыковки жгутов такова, что вопрос о технике не стоит. Поэтому проще всего вторая группа определяется именно по волнам вытягивания на внутренней стороне.

Цвет опосредованно отражает состав формовочной массы и режим обжига, поэтому его также необходимо учитывать как важный признак, иногда позволяющий определять местные группы и даже подгруппы. При этом желательно избегать неудачных интерпретационных определений «ожелезненная» и «неожелезненная». Количество железа в большинстве случаев определяется по цвету, неожелезненная – белая, а желтая, красная, коричневая со всеми возможными оттенками – ожелезненная, только в разных количествах. Поэтому такие определения бессмысленны, если мы знаем цвет, который более детально определяет состав. Проблема только в том, что словесное описание цвета оказывается очень бедным, а цветовые таблицы существенно уступают возможностям человеческого глаза. Поэтому ориентироваться следует на реальные образцы и фотографии с точной цветопередачей.

Большую часть керамики на Багаевском селище составляют фрагменты крупных сосудов: хумчей, крупных и средних кувшинов. Вполне понятно такое видовое соотношение, принципиально отличающееся от того, что мы видим, например, на территории Руси.

Если посмотреть на этнографическое описание керамики южных народов, то на первом месте неизменно бывают сосуды для воды. Это объективная необходимость почти для любого культурно-хозяйственного типа: запас воды на день или на два, а хорошо бы и больше, всегда должен быть рядом, даже если недалеко река или колодец. На Руси емкостями для запаса были деревянные кадки, у кочевников – бурдюки, а на оседлых поселениях степной зоны (и на юге в целом) наиболее распространена была керамическая тара.

И тут размер имеет значение. Для минимального запаса нужны емкости приблизительно от 10 л и более. Изготовить такой сосуд на высоком этапе развития функций круга (РФК-5 и выше) проблематично. Размер человеческой руки не позволяет прилагать достаточные усилия для вытягивания сосудов столь крупных размеров.

Эта проблема может решаться. Вытягиванием можно получить и очень крупные сосуды, но тогда приходится тянуть их по частям, причем для этого есть два способа. Части сосуда могут формоваться до готового состояния отдельно, а затем склеиваться. А.А. Бобринский посчитал это промежуточным этапом (РФК-6–7) (Бобринский, 1978, с. 59–60, рис. 23). На наш взгляд, этот этап следует за РФК-7, поскольку РФК-7 соответствуют отдельные элементы, а далее идет

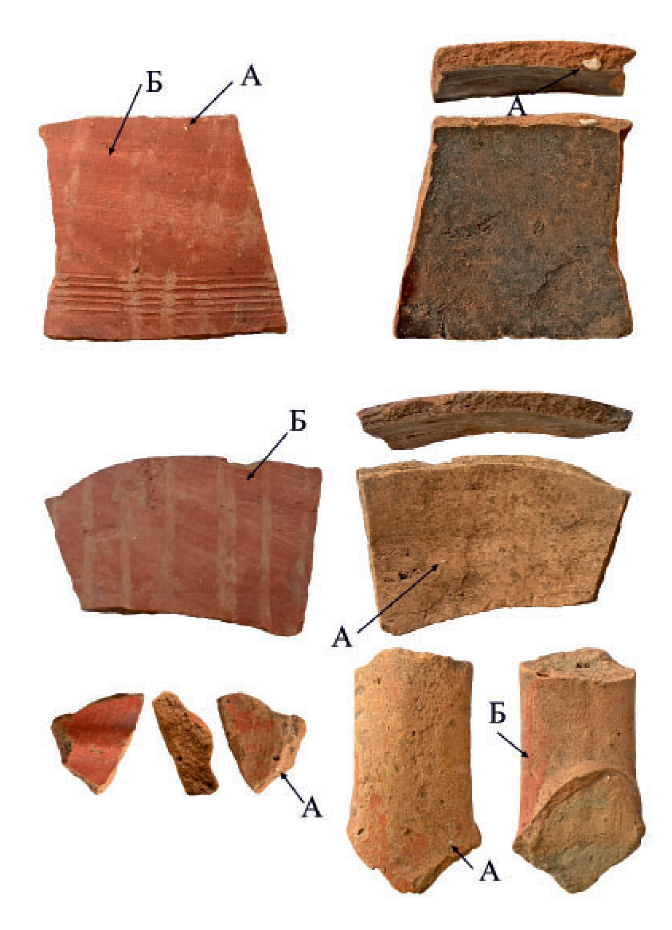

Рис. 4. Фрагменты «бежевой» керамики с красно-коричневым ангобом. Стрелками показаны зерна опоки (А). Хорошо видны мазки ангоба (Б).
Fig. 4. Fragments of 'beige' ceramics with red-brown engobe. The arrows show the gaize grains (A). Engobe strokes are clearly visible (Б).

усложнение, причем составление вытянутых элементов появляется после простого вытягивания.

Вторым, и явно более высоким, чем РФК-7, является этап, когда для изготовления последующего элемента на предыдущий, подсушенный и закрепленный, наклеивалось кольцо (или иная заготовка), которое вытягивалось далее на круге. Это заметно сложнее и совершеннее, чем просто вытягивание на круге на этапе РФК-7. В такой технике можно видеть определенное разделение труда, даже в том случае, если все выполнялось одним гончаром (был перерыв в изготовлении нескольких однотипных полуфабрикатов, а затем других).

В Нижнем Поволжье такой способ также бытовал, но очень непродолжительно, в предмонгольское время в культуре таких памятников, как Мошаик, Самосделка и т. п., при производстве хумчей. И только из-за низкой квалификации публикаторов материала Самосделки эта яркая технология не была описана. По этому субстратному признаку предмонгольская керамика Нижней Волги принципиально отличается от продукции Волжской Булгарии, где в предмонгольское время крупные сосуды также вытянуты на круге, но у них отсутствует стыковочный шов на уровне 1/3 высоты тулова. Упоминание И.Н. Васильевой об изготовлении в Болгаре золотоордынского времени «корчаг» вытягиванием по частям (Васильева, 1988, с. 127), видимо, результат недоразумения. При просмотре золотоордынских коллекций за несколько лет не удалось заметить ни одного примера. В домонгольское время – единичный случай на Кузнечихинском городище.

В золотоордынское время хумчи всегда делали с помощью спирально-жгутового налепа, и таких крупных изделий требовалось много. При расположении объемных сосудов в горне неизбежно образовывалось свободное пространство, которое можно было занять более мелкими изделиями. Это и объясняет то, что при наличии определенной специализации у гончаров, при известности и постепенном медленном распространении более совершенной техники вытягивания большая часть мелкой керамики все же производилась более архаичным способом.

Систематизация

Дробную морфологическую классификацию по сильно фрагментированному материалу сделать затруднительно, однако вряд ли здесь комплекс будет принципиально иным, чем на других памятниках. Единство ассортимента продукции в европейской части Золотой Орды уже отмечалось (Масловский, 2019, с. 209–236), это прослежено на многих памятниках (Волков, 2016, с. 145–175; Масловский, 2006, с. 311–353; Хлебникова, 1988, с. 55–99).

На этом фоне не вполне ясно выделяется продукция ближайшего крупного города Укека, а также более мелких населенных пунктов, ближайших деревень и малых городов, таких как Хмелевское I селище.

Общим свойством условно местной керамики ближайшей округи является естественная примесь опоки (рис. 1–5). Это микрозернистая и микропористая порода белого цвета с землистым или полураковистым изломом. По внешнему виду практически не отличается от мергелей. Здесь, в долинах Петровки и Хмелевки, и вообще в округе Укека эта поро-

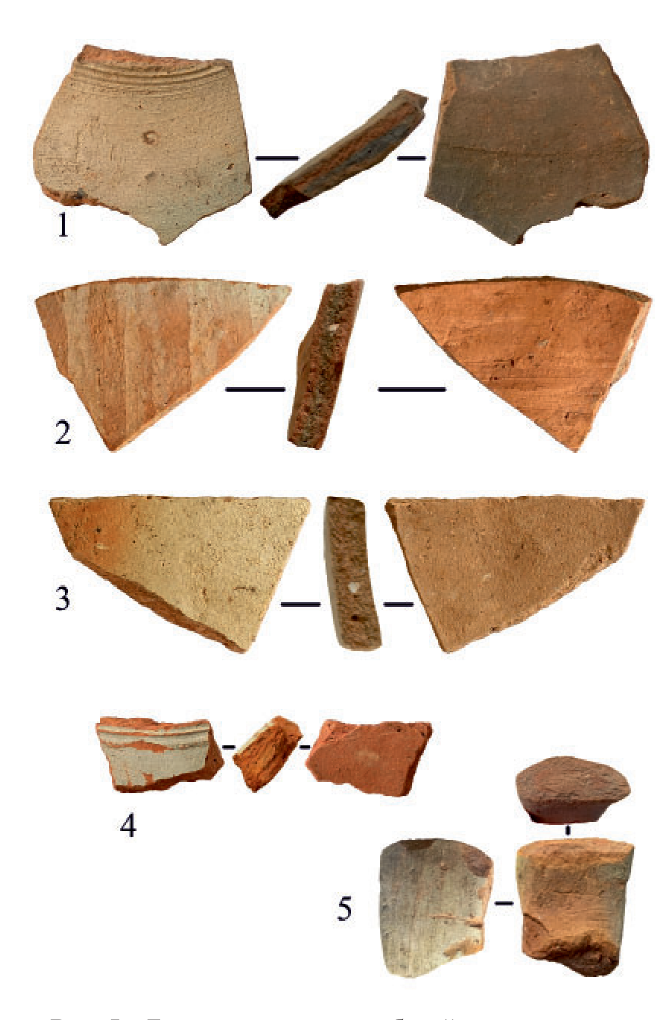

Рис. 5. «Бежевая» керамика с белой поверхностью, напоминающей ангоб: 1, 4 - с толстым белым слоем; 2-3, 5 - с плавным переходом цвета.
Fig. 5. 'Beige' ceramics with a white surfaceб resembling the engobe: 1, 4 - with a thick white layer; 2-3, 5 - with a smooth colour transition.

да очень заметна даже в почвенном слое, не говоря уже о ближайших глинистых отложениях. Количество и размерность естественной примеси опоки в глинах существенно варьирует даже в пределах одного слоя. Это неизбежно должно было влиять и на составы формовочных масс у гончаров золотоордынского времени, особенно потому, что очистка от этой примести в отличие от карбонатов практически не требуется. Белые или слегка сероватые зерна опоки в изломах керамики обычно имеют невыразительные ребра сколов, а в результате обжига порода становится заметно мягче природной и легко крошится стальной иголкой.

Концентрация этой примеси существенно варьирует, от незначительных следов (отдельных зерен в изломах) до 1/4 объема формовочной массы. Неудобство для использования самого факта наличия примеси в классификации заключается в том, что разные изломы одного и того же фрагмента могут содержать ее зерна и не содержать их (рис. 3: 3). Отрицательное воздействие опоки на качество керамики незначительно: в районе зерен фасетки образуются значительно реже, чем вокруг карбонатных включений, и даже не чаще, чем вокруг частиц некалиброванного песка. В настоящее время трудно точно определить район распространения этой примеси в грунте, но очевидно, что для районов Астраханской и Волгоградской областей она не характерна, однако иногда встречается в керамике памятников Среднего Поволжья (Алихова, 1960, с. 206; Каховский, Смирнов, 1972, с. 43–45).

При сравнении с материалами раскопок Укека и Хмелевского I селища оказывается, что там самыми устойчивыми для микрорегиона являются изделия из глины мягких оттенков бежевого цвета (естественно, вариации цвета значительны, от красного до почти желтого) с примесью опоки в разных концентрациях. Из этой же глины произведена большая часть изделий высокого технологического уровня (с РФК ≥ 5), которой в Укеке немного, и это в основном мелкие сосуды: кувшинчики, светильники, сфероконусы и т. п. Следовательно, к продукции собственно Укека можно относить как тянутые, так и сформованные с применением скульптурной лепки изделия из одной и той же глины.

Проблемой на будущее будет выявить качественные отличия от продукции памятников, где также была распространена желтоглиняная керамика, а это Маджар (Волков, 2016, с. 141–172) и Сарайчик, где она также представлена в значительном количестве (Самашев, Кузнецова, Плахов, 2008, с. 81–83, 89–90), хотя при словесном описании это не оговорено. По очень предварительным наблюдениям, в Маджаре несколько иная форма пор и в большинстве случаев их больше, а для продукции Сарайчика характерны белесые высолы на поверхности.

Отделы золотоордынской керамики Багаевского селища следующие.

1. Без лощения и ангоба. 2. С лощением без ангоба. 3. С лощением по ангобу интенсивного красно-коричневого цвета. Толщина слоя ангоба и интенсивность его цвета значительно больше, чем на лощеной керамике Азака

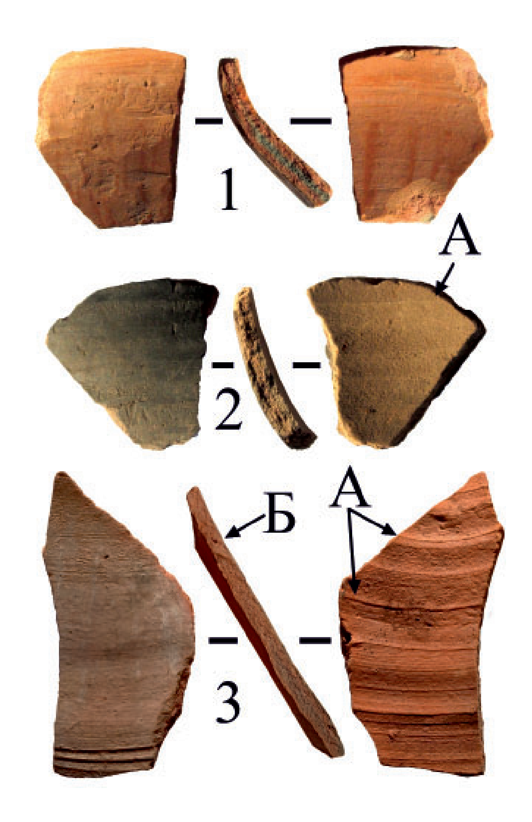

Рис. 6. Фрагменты сосудов с горизонтальным лощением, предположительно, Болгар (1-2), фрагмент тянутого нижневолжского сосуда из песчанистой формовочной массы (3): А - волны вытягивания на внутренней поверхности. Б - косое течение формовочной массы в вертикальных изломах.
Fig. 6. Fragments of vessels with horizontal burnishing, presumably Bolgar (1-2), fragment of a pulling Lower Volga vessel made of a sandy pottery paste (3): A - pulling waves on the inner surface. Б - oblique flow of the pottery paste in vertical fractures.

и большей части Северо-Западного Кавказа. Строго говоря, по характеру использования ангоба эти группы ближе всего к продукции Маджара, что в сочетании с несколько большей, чем обычно для Среднего Поволжья, пористостью позволяет предполагать наличие общего источника традиций. 4. С ангобом интенсивного красно-коричневого цвета без лощения.

Два последних отдела связываются в основном с видами мелкой посуды, преимущественно столовой, в основном это кувшины мелких и средних размеров. Первые два достаточно универсальны, причем к первому относится большая часть тарных сосудов для воды.

Некоторое количество подгрупп или групп, обладающих более дискретными признаками, в дальнейшем может быть связано с конкретными очагами гончарства.

1. Выделение групп из Среднего Поволжья, и прежде всего из Болгара, на Багаевском селище – сложная задача, поскольку там I группа общеболгарской керамики очень неоднородна по технологии формовки, составу формовочных масс и обжигу. Несколько проще с характерными именно для территории Булгарских земель формами и способами обработки поверхности. Например, для Нижнего Поволжья, Укека, Азака, Маджара и Северного Кавказа совершенно не характерно горизонтальное лощение на круге и изготовление небольших мисок с лощением изнутри и снаружи, но эти признаки устойчиво встречаются в Болгаре. Поэтому такие находки (рис. 6: 1–2) можно связывать со Средним Поволжьем.

2. С белой поверхностью, напоминающей ангоб. В действительности признаков, указывающих на то, что это ангоб, нет, скорее, устойчиво присутствуют признаки, свидетельствующие о естественном образовании этих «высолов» на поверхности. Ни разу не встречены характерные мазки кистью или потеки ангоба по поверхности. Нет этих следов и в наиболее показательных местах: под ручкой кувшинов и на внутренней стороне горла, в нижней части. Показательна и толщина белого слоя, часто более 0,2 мм, в то время как стандартные ангобы обычно имеют толщину до 0,05 мм. Такие признаки обязательно есть у ангобированных сосудов укекских групп (рис. 5: 1–4). На селище встречена только одна ручка кувшина с проблемным определением: у нее интенсивность окраски внутренней и внешней сторон существенно отличается (рис. 5: 5), но и это может быть связано не с покрытием, а с игрой газовых потоков в горне. Напротив, часто имеются плавные переходы окраски, связанные с отличиями газовых потоков на разных участках сосуда снаружи, и наличие близких, если не совсем аналогичных, посветлений на внутренней поверхности закрытых форм (рис. 5: 2–3).

3. С линиями лощения светлее окружающей поверхности. По технологическим и морфологическим признакам подгруппа не отличается от первой местной, но режим обжига – очень характерный (рис. 3: 2–3).

Видовой состав ассортимента в целом характерен для любых золотоордынских поселений. Более половины фрагментов относятся к тарным двуручным сосудам для воды,

Рис. 7. Фрагмент придонной части дефектной хумчи с отверстием для изготовления сыра (1), фрагмент лепного светильника (косвенное свидетельство отсутствия товарного гончарства золотоордынского комплекса на памятнике) (2).
Fig. 7. Fragment of the bottom part of a defective humcha with a hole for making cheese (1), fragment of a hand-made lamp (indirect evidence of the absence of commercial pottery making of the Golden Horde complex on the site) (2).

которые часто называют корчагами, а более подходящее название – хумча. Следующими по численности являются кувшины мелких и средних размеров. Другие виды единичны.

Фрагментарность коллекции не позволяет надежно выделять типы сосудов. Отметим лишь, что хумчи имеют признаки, отличающие укекскую продукцию от других регионов государства: венчики укорочены, без перехвата и выразительного валика с плоско горизонтально срезанным и скругленным краем. Вероятно, почти все они – ближний импорт с соседних более крупных поселений. Примечательно, что даже «пересортица» поступала на Багаевское поселение: здесь найден фрагмент, который ремонтировали до затвердения глины путем примазывания глиняной «пробки», а в процессе использования после обжига в придонной части было просверлено отверстие (рис. 7: 1). Ремонт таких сосудов до обжига в Болгаре отмечен И.Н. Васильевой (Васильева, 1988, с. 128; 1993, с. 113).

Выводы

Таким образом, на рядовом сельском поселении представлена керамика стандартного золотоордынского комплекса, и сохраняется проблема разделения ближних импортов, обладающих общими субстратными технологическими признаками, но отличающихся в деталях технологии. В дальнейшем эти особенности можно будет связывать с конкретными памятниками или микрорегионами, но этот вопрос требует очень большого количества наблюдений, осложняющихся сходством родственных производств.

Сложность проблемы охарактеризуем умозрительно. Обычно считают, что вся керамика или ее основная часть сделана на месте. Даже если появление признаков керамики одних регионов в других объясняется миграциями, то предполагается, что переселились именно гончары и стали производить свои горшки на новом месте (Грибов, 2006, с. 66, 73). Такое могло иметь и имело место (Стрикалов, 2006, с. 88–89, 91, 101), но в реальности ситуация была сложнее. К сожалению, довлела неправильная «теоретическая» установка на то, что керамика, изготовленная на этапах до РФК-3, не превышает радиуса распространения в 20–30 км, а до РФК-2 - вообще распространяется преимущественно в пределах поселка (Бобринский, 1978, с. 26, 29, 33). На территории Золотой Орды и особенно в степной зоне уровень развития коммуникаций был значительно выше, и продемонстрировать это легче всего на конкретном примере. Хумы с клеймом «Ананик сын Саркиса», видимо изготовлявшиеся на Селитренном городище, сформованы из ленточных колец и выбиты изнутри колотушкой, что формально относит их к РФК-2. При этом клейменые экземпляры встречены на Селитренном, Царевском, Водянском, Сарайчикском городищах. Следовательно, радиус распространения составляет порядка 500 км по прямой и более 600 км по воде, что было наиболее удобным путем. Если учитывать неклейменые находки из Азака, то эта величина составит более 600 км по прямой, а в будущем, безусловно, появятся и более дальние находки. Сосуды меньшего размера с легкостью преодолевали значительно большее расстояние.

Для суждения о наличии местного гончарного производства золотоордынского комплекса очень интересна находка фрагмента лепного светильника из аналогичной формовочной массы (рис. 7: 2), который никак нельзя отнести к эпохе бронзы за полным отсутствием аналогий. По формальным признакам он не относится ни к мордовской, ни к древнерусским группам. Получается, что это вообще единичный опыт обитателя поселения, не имевшего отношения к гончарству. Эта находка, скорее, свидетельствует об отсутствии на поселении товарного производства керамики золотоордынского комплекса. При этом на селищах (Сухореченское, Большой Шихан) могли функционировать родственные очаги гончарства, имеющие свои характерные признаки, пусть и не очень выразительные (Васильева, 1993, с. 126–129, рис. 7–11), и стоит задача выделения таких ближних импортов в комплексе.

ЛИТЕРАТУРА

Алихова А.Е. Русский поселок XIII-XIV веков у села Березовка // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. III / МИА. №80 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1960. С. 195–209.

Бахматова В.Н., Куклина А.А. О связи технологии изготовления общеболгарских керамических сосудов с их функциональным предназначением: характеристика формовочных масс (по материалам исследований Болгарского городища 2011-2012 гг.) // Поволжская археология. 2014. № 2 (8). С. 230–255.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы: источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Васильев Д.В., Попов П.В. Код для формализованного описания неполивной керамики Самосдельского городища // Перекрестки истории: актуальные проблемы исторической науки. Материалы Всероссийской научной конференции к 450-летию г. Астрахань, 18 апреля 2008 г. / Отв. ред. Д.В. Васильев, А.В. Сызранов. Астрахань: Астраханский университет, 2008. С. 86-91.

Васильева И.Н. О технологии производства неполивной керамики Болгарского городища // Город Болгар: очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 103–148.

Васильева И.Н. Гончарство Волжской Болгарии в X-XIV вв. Екатеринбург: Наука, 1993. 247 с.

Волков И.В. Керамика золотоордынского города Маджара // Материалы Первого маджарского археологического форума. Пятигорск – Буденовск – 2012 / Археология Евразийских степей. Вып. 23 / Отв. ред. Ю.Д. Обухов. Казань: Казанская недвижимость, 2016. С. 139–222.

Грибов Н.Н. Хронология керамических комплексов русских поселений эпохи Золотой Орды (по материалам памятников района устья р. Оки) // Нижегородские исследования по краеведению и археологии Вып. 10 / Отв. ред. Н.Н. Грибов, Е.А. Молев. Н. Новгород: Нижегородский ун-т, 2006. С. 62-91.

Каховский В.Ф., Смирнов А.П. Хулаш // Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья / Отв. ред. В.А. Прохорова. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ СМ ЧАССР, 1972. С. 3–73.

Масловский А.Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Вып. 21 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский музей-заповедник, 2006. С. 308–473.

Масловский А.Н. Керамический комплекс как проявление культурного единства оседлого населения европейской части Золотой Орды. Краткий обзор. Общее и частности // В поисках сущности: сборник статей в честь 60-летия Н. Д. Руссева / Отв. ред. М.Е, Ткачук, Г.Г. Атанасов. Кишинев: Stratum plus, 2019. С. 209–236.

Недашковский Л.Ф., Шигапов М.Б. Вооружение и конское снаряжение с Багаевского селища // Stratum Plus. 2019. № 5. С. 167–177.

Плетнева С.А. Керамика Саркела - Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. II / МИА. № 75 / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.; Л.: АН СССР, 1959. С. 212–272.

Попов П.В. Керамический комплекс Самосдельского городища IX–XIV вв. Дисс. … канд. ист. наук. М., 2018. 330 с.

Самашев З., Кузнецова О., Плахов В. Керамика Сарайчика (на казахском, русском и английском языках). Алматы: ZUR advertizing, 2008. 264 с.

Стрикалов И.Ю. Керамика Рязанской земли XI–XV вв. Дисс. … канд. ист. наук. М., 2006. 340 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья: Керамика. Торговля. Быт. М.: МГУ, 2001. 256 с.

Хлебникова Т.А. Неполивная керамика Болгара. // Город Болгар: очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 7-102.

Информация об авторах:

Волков Игорь Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); plany_2010@mail.ru

Недашковский Леонард Федорович, доктор исторических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); leonnedashkovsky@mail.ru

REFERENCES

Alikhova, A. E. 1960. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* III. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 80. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 195–209 (in Russian).

Bakhmatova, V. N., Kuklina, A. A. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 8 (2), 23–255 (in Russian).

Bobrinsky, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia (East-European Pottery. Sources and Research Methods)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Vasiliev, D. V., Popov, P. V. 2008. In Vasiliev, D. V., Syzranov, A. V. (eds.) *Perekrestki istorii. Aktual'nye problemy istoricheskoy nauki (On the Crossroads of History. Current Issues of Historical Science)*. Astrakhan: Astrakhan State University, 86–91 (in Russian).

Vasilieva, I. N. 1988. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (City of Bolgar. Essays on Handicrafts).* Moscow: "Nauka" Publ., 103–148 (in Russian).

Vasilieva, I. N. 1993. *Goncharstvo Volzhskoi Bolgarii v X–XIV vv. (Pottery of Volga Bulgaria in 10th–14th Centuries).* Yekaterinburg: "Nauka" Publ. (in Russian).

Volkov, I. V. 2016. In Obukhov, Yu. D. (ed.). *Materialy Pervogo madzharskogo arkheologicheskogo foruma. Piatigorsk-Budenovsk-2012. (Materials of the First Majar Archaeological Forum. Pyatigorsk-Budyonnovsk-2012).* Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 23. Kazan: "Kazanskaia nedvizhimost'" Publ. House 139-222 (in Russian).

Gribov, N. N. 2006. In Gribov, N. N., Molev, E. A. (eds.) *Nizhegorodskie issledovaniia po kraevedeniiu i arkheologii (Nizhny Novgorod Studies on Local History and Archaeology)* 10. Nizhnii Novgorod: Nizhnii Novgorod State University, 62–91 (in Russian).

Kakhovskii, V. F., Smirnov, A. P. 1972. In Prokhorova, V. A. (ed.). *Gorodishche Khulash i pamyatniki srednevekov'ya Chuvashskogo Povolzh'ya (Khulash Fortified Settlement and the Medieval Sites in the Chuvash Volga Region).* Cheboksary: Chuvash Institute of Language, Literature, History, and Economy affiliated to the Council of Ministers of Chuvashian ASSR, 3–73 (in Russian).

Maslovsky, A. N. 2006. In Kiyashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arheologicheskie issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2004 (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2004)* 21. Azov: Azov Museum-Reserve, 308-473 (in Russian).

Maslovsky, A. N. 2019. In Tkachuk, M. E., Atanasov, G. G. (eds.). *V poiskakh sushchnosti (In search of essence*). Kishinev: "Stratum" Publ., 209-236 (in Russian).

Nedashkovsky, L. F., Shigapov, M. B. 2019. In *Stratum Plus*. (5), 167–177 (in Russian).

Pletneva, S. A. 1959. In Artamonov, M. I. (ed.). *Trudy Volgo-Donskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Volga-Don archaeological expedition)* II. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 75. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 212–272 (in Russian).

Popov, P. V. 2018. *Keramicheskiy kompleks Samosdel'skogo gorodishcha IX–XIV vv. (Ceramic complex of the Samosdelka site of the IX-XIV centuries)*. Diss. of Candidate of Historical Sciences. Moscow (in Russian).

Samashev, Z., Kuznetsova, O., Plakhov, V. 2008. *Keramika Saraychika* (na kazakhskom, russkom i angliyskom yazykakh) *(Ceramics of Saraichik hillfort)*. Almaty: "ZUR advertising" Publ. (in Kazakh, Russian and English).

Strikalov, I. Yu. 2006. *Keramika Ryazanskoy zemli XI–XV vv. (Ceramics of the Ryazan land of XI-XV centuries).* Diss. of Candidate of Historical Sciences. Moscow (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 2001. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia*: *keramika, torgovlia, byt* (*Golden Horde Cities in the Volga Area: Pottery, Trade, Everyday Life*). Moscow: Moscow State University (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1988. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (Town of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 7–102 (in Russian).

About the Authors:

Volkov Igor V., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; plany_2010@mail.ru

Nedashkovsky Leonard F. Doctor of Historical Sciences, Kazan (Volga region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation; leonnedashkovsky@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2024 г.
Статья принята к публикации 01.10.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 903'2 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.5.196.204

О ЖИЛИЩЕ ЗОЛОТООРДЫНСКОЙ МАХАЛЛЯ №3 В МИЗДАХКАНЕ

©2024 г. М.Туребеков, А.К. Алимбетов

В статье рассматривается территория квартала (махалля) Миздахканского археологического комплекса – памятника средневековья, расположенного в Ходжейлинском районе Республики Каракалпакстан. В результате археологических раскопок на территории махалли зарегистрировано более 25 домов, выявлены дома от одной до одиннадцати комнат. По расположению населения № 3-го квартала (махалли) и его топографической структуре в Золотоордынский периоде в квартале проживало от одной до пяти семей, связанных родственными узами. В результате исследования находок, обнаруженных в результате археологических раскопок, проведенных археологами Каракалпакского государственного университета, были установлены профессии людей, проживавших по махаллю, размеры мастерских, кулинарных цехов, торговых магазинов, жилых домов махалли. Научно изучен внутренний интерьер и процессы формирования квартала (махалли), строительных материалов, жилых домов, кирпича и стен. Также приведены мнения средневековых авторов о махалле и объяснение термина махалля.

Ключевые словы: Хорезм, Золотая Орда, Миздахкан, махалля, квартал, жилище, дом, помещения, очаг, каан, камин, тандир, суфа, моры, ташнау, стены, кирпич, закрома.

ABOUT THE DWELLING OF THE GOLDEN HORDE MAHALLA NO. 3 IN MIZDAHKAN

M. Turebekov, A.K. Alimbetov

The article deals with the quarter (mahalla) territory of the Mizdakhkan archaeological assemblage - a medieval monument,t located in the Xojeli district of the Republic of Karakalpakstan. As a result of archaeological excavations on the territory of the mahalla, more than 25 houses were recorded, houses from one to eleven rooms were identified. According to the location of the population of the 3rd quarter (mahalla) and its topographic structure during the Golden Horde period, in the quarter lived from one to five families connected by kinship ties. As a result of the study of finds, discovered during archaeological excavations by archaeologists of Karakalpak State University, the professions of people living in the mahalla, size of workshops, culinary shops, trading stores and residential buildings of the mahalla were established. The interior and the formation processes of a quarter (mahalla), building materials, dwelling houses, bricks and walls have been studied. The opinions of medieval authors about the mahalla and the explanation of the term "mahalla" are also given.

Keywords: Khwarazm, Golden Horde, Mizdakhkan, mahalla, quarter, dwellings, house, premises, hearth, kaan, fireplace, tandoor, sufa, moras, tashnau, walls, bricks, granaries.

Махалля, Махалла, также Гузар традиционная мусульманская община, созданная как правило вокруг мечети. В некоторых странах с преимущественно мусульманским населением -часть города размером с квартал, жители которого в некоторых странах осуществляют местное самоуправление. Махалли как часть города существует почти во всех городах стран с преимущественно мусульманским населением, но собственно название махалля существует не во всех мусульманских странах.

Городище Миздахкан представляет собой два больших холма: развалин города золотоордынского времени, пригородные и городские оросительные системы и развалины пригородных усадеб. Общая площадь Миздахкана более 200 га. Золотоордынский город расположен между северо-западным некрополем и Гяур-калой. Он имеет до 2,5 м высоту от окружающей поверхности земли. Квартал №3 расположен на северной стороне раскопанного квартала №1 и в северо-западной стороне Восточного квартала.

В результате раскопок отрядом Каракалпакского Государственного Университета им. Бердаха был почти полностью вскрыт квартал №3 (Туребеков, 2007, с. 47). В юго-восточном

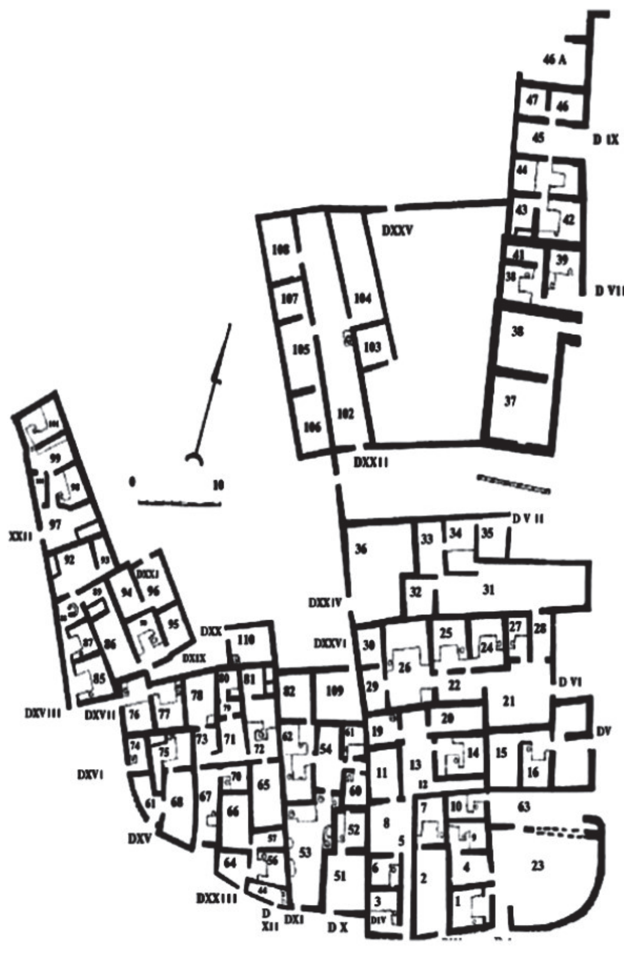

Рис. 1. План квартала №3.
Fig. 1. Plan of the quarter No. 3.

углу квартала расположен дом I. Он состоит из двора и трех помещений. Размер двора 11×20 м². Юго-восточный угол двора имеет округленные очертания. Вход расположен рядом с юго-западным углом. Ширина его 1,7 м. В середине его вскрыта нижняя часть тандыра очага. В северной стене расположен вход шириной 1,3 м. В западной стене двора находится вход в помещение №1. Ширина его 95 см. Размеры его 4,8–3,8 м. Вначале западные и южные участки помещений занимала Г-образная суфа. Позднее было построено северное крыло и в результате образовалось П-образная суфа. В южном участке суфы расположен очаг кана, каналы которого подведены в суфе доморы (дымоход) установленный в юго-западном углу. Между входом и суфой построен ташнау. Яма ташнау размером 1,3 м и диаметром 60 см. Стенки ямы выложены жжеными кирпичами. На северной стороне помещения №1 вскрыта секция, состоящая из двух помещений. Из них первая (4) размером 4,5×2,9×4,8×3,4 м. Рядом с западной стеной находится очаг камина. В левом от входа расположен сам очаг.

В северной стене рядом с северо-западным углом помещения №4 находится вход шириной 1,1 м в помещение №9. Размеры его 5×3 м. В восточной и северной стороне помещения находится Г-образная суфа. Очаг открыт спереди со стороны востока. От очага отведены каналы до моры (дымоход), устроенного в северной стене. Между очагом и западной стеной расположен ташнау размером 1,3×1,15 м. Размеры жженых кирпичей 22–23×22, 23×4 см.

Дом III включает два помещения расположенные цепочкой в глубине квартала. Вход находится в южной стене рядом с восточным углом. Размеры его 8,3×3,8 м. В западном конце северной стены помещения №2 находится вход шириной 0,7 м и высотой 1,45 см. Западная, северная и восточная участки помещения занята суфой. В восточной суфе находится очаг кана. Размеры помещения №7 3,3×4,7 м.

Дом IV имеет Г-образную планировку. Главный вход в дом со стороны южной улицы, ширина которой 1,1 м. Помещение №5 имеет ширину 1,2 м и длину 8,5 м. Вход в помещение №3 находится в западной стене. Размеры его 4,3×3,1 м. Северная и восточная половины занята г-образной суфой. Очаг кана находится в восточной суфе. Вертикальный дымоход размером 13×15 см находится в северной стене рядом с углом. Северный конец коридора ведет в помещение №8, размеры которого 5,2×5 м. В западной половине помещения раскопана суфа. В южной стене имеется вход шириной 84 см в помещение №6. Напротив него, примыкающая к восточной и южной стене, расположена Г-образная суфа. В северной стороне её находится очаг кана. В середине северной стены помещения №8 расположен вход в помещение №11. Размеры его 5×3,7 м. Северная половина его занята Х-образной суфой. Очаг кана на западном участке суфы. Моры (дымоход) расположен на 1 м от северо-западного угла.

В северной стене рядом с северо-восточным углом помещения №8 находится вход в помещение размером 8,5х3,7 м. К середине западной стены пристроена суфа с двумя очагами. В западной стене помещения №13 находится вход в помещение №19. Перекрытие входа из пахсы сводчатым способом. Высота 1,2 м и

ширина 1 м. Размеры помещения 3,9х2,8 м. При входе с правой стороны устроен керамический тандыр, который построен с уклоном 45^0. Остальная часть занята П-образной суфой. На северном участке суфы устроен очаг кана. Северо-восточный угол дома занимает помещение №20. Вход находится в западной стене рядом с южной стеной, шириной 0,8 м и высотой 1,2 см. Размеры его 6,5×2,5 м. Восточная половина занята суфой шириной 1,8 см. В середине восточной стены помещения №13 находится вход в жилое помещение №14. Размеры его 5,9×3,8 м. Оно имеет П-образную суфу с очагом кана. Южнее от этого помещения находится кладовые помещения №12, размерами 5,8×1,1 м.

Дом IV включает в себя 10 помещений пяти семей. Из них три помещения прихожие (№№5,8,13), №12 и №20 кладовая и пять жилые. Так же нужно отметить, что прихожая помещения №13 использовалась и для приготовления пищи.

Дом X примыкает к западной стороне дома IV. Вход расположен в западном конце южной стены. Ширина его 1,2 м. Размеры помещения №51 5,5×5,2 м. В середине суфы, примыкающая к восточной стене, построена тумба с двумя овальными по форме ямами, размерами 1,6×1,0 м. Высота её 20 см. Передняя южная часть ямы опускается ниже на 10 см и в результате образуется канал для стока жидкости. В середине помещения на полу сохранилось основание колонны. В северной стене ее находится вход в жилое помещение №52. Перед входом вдоль западной стены построена суфа. Ширина его 1 м. На южном участке ее устроен очаг кана. Вертикальный дымоход расположен в северо-западном углу помещения. Размеры помещения 3,6×3,6 м. При входе справа построено четырехугольное сооружение размером 1,6×1 м, высотой 70 см. Высота северной стороны 12 см. Она сооружена из сырцовых и жженых кирпичей размером 23×23×4 см. Внутри отштукатурены ганчом. Дом двухкомнатный, одна жилая и другая подсобная.

Дом XI находится западнее и севернее дома X. Вход шириной 1 м в южной стене. В западной стене устроены два отсека закромы глубиной 85 см. Размеры его 1,0×65 см и 1,8×0,8 м. В северо-западном и юго-восточном углу построен керамический тандыр.

Восточнее от западного коридора находится размером суфа 2,0×1,3 м. Севернее от восточного тандыра пристроена закрома размером 1×0,7м. В дальнем северо-западном углу расположена нижняя часть хума и северо-восточным углу устроена тумба с очагом. Общая площадь помещения 50 $м^2$.

В середине северной стены помещения имеется проход в помещение №59. Размеры его 8,8×3,2 $м^2$. Северная половина помещения имеет суфу. В юго-западном углу, на суфе отмечен временный напольный очаг, сооруженный из камней.

В середине восточной стены находится проход 6×0,8 м. Размеры его 4,7×2,5 м. Справа от входа построена перегородка, разделяющая помещение на две части: прихожую и жилую половину. В середине перегородки оставлен проход шириной 0,75 м. Справа от прохода в углу устроен очаг в тумбе.

В северной стене расположен вход в помещение №61. Размеры его 3,1×2,5 м. В западной части его устроен очаг кана. Дымоход устроен на северо-западном углу. В середине западной стены помещения №59 находится вход в другую секцию. Ширина его 1 м и высота 158 см. Размеры помещения 5×3,5 м. П-образноя суфа по всей площадке, кроме небольшого участка перед входом, где находится ташнау. Очаг кана устроен в западной стене, и вертикальный дымоход находится в северной стене.

В северо-восточном углу помещения №58 располагался дверной проем, ведущий в помещение №62. Размеры его 4×2,8 м. Слева от входа расположена Г- образная суфа. На восточном участке суфы устроен очаг кана и вертикальный дымоход находится на юго-западном углу. В северо-восточном углу помещения находится вход, ведущий в амбарное помещение №82. Слева от входа расположен закром (3,2×1,2 м) Размеры помещения 4,5×3,9 м.

Таким образам в доме XI помещения 53 и 59 использовали для домашнего хозяйства прихожую №№58, 60–62 как жилое помещение, и №82 как амбар.

С западной стороны помещения 53 расположен однокомнатный дом XII. Размеры его 5×1,4 м. Вход шириной 0,8 м со стороны юга. В восточном конце помещения расположена тумба с двумя очагами.

К западу от дома XI находится дом XIII. Прихожее помещение №64 находится в

южной стороне. Проход 0,8 м его со стороны южной улицы. В северо-восточном углу помещения поставлен очаг в специальной тумбе. Размеры его 3,6×2,7 м. В середине восточной стены помещения проход шириной 0,9 м ведет в помещения №56. Он в плане 4,4х3 м. Слева от входа, ниже уровня пола найдены остатки ташнау. Остальная часть помещения занята П-образной суфой. Очаг кана устроен в северо-западном углу суфы. Моры же расположены в северо-восточном углу. В северной и западной сторонах его находится два помещения №57 и №66. Данный дом XIII состоит из прихожей (68), жилой (56) и двух (3,9×1,8 и 5,6×3,6 м) подсобных помещений.

Дом XIV находится с западной стороны предыдущего дома. Он в плане Г- образной формы. В прихожее помещение вход со стороны южной улицы. Он (67) в плане 7,5×2,6 м. Справа от входа находится очаг. В восточной стене на дальнем конце расположен проход шириной 0,8 м. Размеры его 2,5×3,1 м. Справа от входа сооружен очаг в тумбе высотой 40 см и размером 1,3×1,3 м.

В северной стене рядом с северо-западным углом помещения №67 находится проход 0,8 м в помещение №73. Размеры помещения 4,6×3 м. Перед входом расположен целый хум, вкопанный в пол для хранения продуктов питания. Вдоль восточной стены расположена закрома 2,4×1 м.

В середине северной стены находится вход в помещение №70. Размеры их 3,8×5,2 м. В юго-восточном углу расположен ташнау, а в середине помещения очаг в площадке размером 85×85 см и высотой 25 см.

С восточной стороны помещения №73 и №70 вскрыты помещения №№ 71,79 и 80 расположенные на одной оси. Размеры их 4,5×3; 2,8×1,4 и 2,6×2,8 м соответственно. В юго-восточном углу помещения №80 расположена столообразная площадка с очагом.

В восточной стене рядом с юго-восточным углом помещение №71 находится проход (0,9) в помещение №72. Размеры его 6,2х3,7 м. Северная часть занята Г- образной суфой с очагом. В северной стене рядом с северо-западным углом расположен вход в складское помещение №81. Размеры помещения 4×2,8 м. Вдоль восточной стены пристроена закрома размером 1,6×1,1×1,3 м. Помещение №65 расположено на южной стороне помещения №72. Размеры его 64×3,6 м. В северо-восточном углу находится закрома размером 2×0,9 м. Оно в середине северной стены соединяется проходом с помещением №72.

Судя по планировке и внутреннему интерьеру в данном доме жили четыре семьи.

Дом XV расположен на западной стороне дома XIV. Помещение №61 прихожее L-образное в плане 10 м^2 площадью. В середине восточной стены его находится проход шириной 1,2 м в помещение №68. Помещение размером 7,5×3,5 м. В северной стене имеется проход шириной 0,7 м и высотой 1,2 м, в жилое помещение №75. Оно в плане Г-образной формы 20 м^2. В северо-западном углу помещения имеется закрома 2×0,9 м. Затем идет П-образная суфа. Очаг канна расположен в середине и моры в северо-восточном углу помещения. В данном доме одно жилое помещение и два подсобного характера.

Дом XVI однокомнатный расположен на западной стороне помещения №75. Вход шириной 80 см на южном конце западной стены. Размеры его 3,8×2,2 м. Слева от входа находится столообразная тумба (1×0,8 м) с очагом.

В 6 м севернее по улице от входа вышеуказанного дома располагается вход в дом XVII. Размеры помещения 5,3×3,2 м. От входа южная половина помещения занята суфой высотой 30 см. Слева от входа в северо-западном углу построен очаг в тумбе (1,6×0,9 м). В середине восточной стены находится проход в следующее помещение №77. Ширина его 85 см. В северо-восточном углу построена закрома (0,9×0,9 м). Начиная от закрома южную часть помещения, занимает П-образная суфа. Перед входом расположен ташнау. Перед суфой пол аккуратно выложен жженым кирпичом. При связке их использован гипс. Очаг кана устроен на восточном участке и моры на юго-восточном углу помещения. Площадь помещения 4,7×3,5 м. В доме два жилых помещений.

Вход в дом XVIII расположен на улице позади на 5 м от входа дома XVII и вход шириной 1 м на улицу расположен в южной стене юго-западного угла. Перед входом расположен ташнау. Справа от входа находится П-образная суфа с очагом на южной ее стороне, моры расположен на юго-восточном углу. В западных концах суфы имеются стенки толщиной 15 см. Длина северной стенки 1 м и южной 0,7 м. Размеры помещения 5×4 м. В северной стене рядом с северо-западным углом находится проход шириной

0,9 м в №помещение 87. Размеры их 4×3,2 м. Внутренний интерьер аналогичен как в вышеописанном помещении №85. Рядом с северо-западным углом помещение №87 находится проход (0,8 м) в помещение №88. Размеры его 3×2,7 м. В середине ее построена кругообразная подставка для ручной мельницы. Диаметр его 1,2 м. В северной стене рядом с северо-восточной стеной расположен проход в помещение 92. Размеры его 5,5×4,2 м. В северо-западном углу пристроена закрома размером 2×1,2 м. В восточной стене рядом с юго-восточным углом находится вход в помещение 93. Он в плане 5,7×1,8 м.

Таким образом, в данном доме два помещения жилого характера, хозяйственного (№88) и хозяйственного складского характера (№№92,93.)

Вход в дом XXII с западной стороны данного квартала. Он ведет помещение №90. В юго-восточном углу расположена закрома размером 2,7×1 м. Помещение пятиугольное размером 6,7×3,2×2,6×3,7×4,7 м. Вход шириной 1 м на северной стене в помещение №98. От правой линии входа в восточной стороне помещений находится П-образная суфа. Очаг в юго-западной стороне. Моры расположен на северо-восточным углу. Размеры помещений 4,3×4 м. В северной стене рядом с северо-западным углом находится проход в помещение №99. Размеры его 4,7×2,4 м. В северо-восточным углу вдоль северной стены расположена суфа высотой 0,4 м и при ширине 95см. В юго-восточном углу находится проход в помещение №100. Размеры его 3,5×2 м. На западном конце северной стены находится проход шириной 1м в помещение №101. От линии входа в правой стороне расположена Г – образная суфа. Очаг кана на юго-западной стороне. Размеры помещения 5,2×3,5 м.

Таким образом, дом XXII состоит из пяти помещений. Из них два (№№98,101) жилые и три хозяйственного характера.

Дом II состоит из двух помещений. Вход в дом со стороны восточной улицы. Ширина его 2,2 м. Размеры помещений 11×3,7 м. В середине помещений имеются яма глубиной 0,4 м и размером 2,2×1,5 м. Западнее от него к примыкающей северной стене построена суфа, размером 2,3×1 м. В юго-западном углу находится тандыр. Восточнее от него расположен очаг. На северном конце западной стене расположен вход в помещение №10. Размеры его 4,7×2,5 м. Западная и южная половины занята Г – образной суфой. От восточной стороны находится очаг.

Дом V расположен на северной стороне дома II. Вход в помещение №17 шириной 1 м расположен на восточной стороне. Размеры его 5,2×3 м. В восточной стороне находится два закрома шириной 1 м и длиной 1,8 и 1 м. В северной стене рядом с северо-западным углом проход ведет в помещение № 18. Размеры его 3,2×3 м. На северо-восточной стороне построены два закрома размером 1,1×0,7 м, шириной 1 м и высотой 0,7 м. В западной стене закрома выступает на юг 1,5 м. В углу его расположен колодец, диаметром 0,8 м. Углублена из-за уровня подземной воды только лишь на 1,5 м. К западу от помещения №17 находится жилое помещение №16. Размером 5,9×3,4 м. При входе справа устроен ташнау размером 1,4×0,9 м из жженых кирпичей. От прохода слева построена П-образная суфа высотой 0,4 м. На западной стороне ее построен очаг кана и 2,2 м от него на западной стене расположена моры размером 20×15 см. На северной конце западного участка суфы построена перегородка высотой 0,8 м длиной 85 см и толщиной 20 см. Вход в помещение №15 шириной 1м находится на северном конце западной стены помещение №16. Перед входом построена закрома размером 3х1м. Толщина стены ее 15 см и высота 70 см. Вход отштукатурена глиной с примесью самана. В западной стене в 0,9 м от южного угла и от пола находится плита 0,3×0,3×0,3 м. Размеры помещения 5,5х3,7 м.

В данном доме одно жилое помещение №16 и остальные подсобного характера.

Дом VI состоит из 9 помещений. Вход шириной 1м в него со стороны восточной улицы. Он 6-ти угольными размерами 7,7×5,6×6×3×0,9×5 м. При входе справа находится вход в помещение №28 и северной стороне его расположен еще выход в соседний дом VII. Размеры его 4,5×2,4 м. Западнее от помещения №28 имеется вход в помещение №27. Оно имеет Г – образную суфу с очагом кана в западном крыле. Моры находится в северо-западном углу. В западной стене помещения №21 расположен проход в помещение №22. Размеры его 5,5×2,6 м. В юго-восточном углу построена закрома размером 0,8×0,8 м, высотой 1. На западном и восточном концах северной стены имеются проходы в помеще-

ние №25. Ширина западного прохода 1,3 м, восточного 0,6 м и высотой 1,3 м. В северной части имеется П – образная суфа. Очаг кана расположен на восточном участке суфы. Моры находится середине северной стены. Разрушенный ташнау сохранился в южной части помещения.

В южном конце восточной стены помещения №25 имеется проход в помещение №24. Начиная от линии входа с левой стороны построена П- образная суфа. Очаг его находится в восточной части суфы. Моры устроен в ее северо-восточном углу. На северном конце западной стены расположен вход шириной 1,3 м. в большое помещение №26. Размеры его 5,4×8,3 м. В центральном участке на полу прослеживаются места базы колонны, высотой 10 см. В юго-восточном углу помещения построен тандыр. Северная половина помещения занята П-образной суфой. На западной части устроен очаг кана и западном конце северной стене построены моры. На северном конце и 1,5м справа западной стены расположены проходы в западные помещения №29 и №30, которые тоже связаны проходом.

Таким образом, дом VI-имеет 4 жилых, 2 склада и 3 (21,22,28) прихожие помещения.

Следующий дом VII – находится на северной стороне дома VI. В восточной стороне шириной 1,2м расположен вход в дом. На его юго-западном участке вскрыт очаг. Размеры помещения 4,2×3,6м. В северном конце имеется вход в помещение №33. Его северная половина занята суфой высотой 30 см. В середине восточной части стены на полу поставлен хум и на суфе вскрыты два очага. На южной половине помещения ближе к западной стене обнаружен очаг. В середине западной и южной в конце восточной стены имеются входы. На западной стороне расположено помещение №33. Очаг находится на северо-западном участке его.

На южной стороне выше описанных помещений находится большое помещение №31 размером 17×5м. В его западной части имеется вход в помещение №32. Размеры его 3,5×3,7 м.

Судя, по внутреннему интерьеру люди в данном доме постоянно не жили. Проживали только лишь служащие квартальный мчети и то временно.

В 6 м севернее находится квартальная мечеть, состоящая из двух помещений размером 18х5 м. Ширина северной и восточной стены 0,8 и 1м. В северной стороне дома VII- западнее в 24 м имеется вход дома XXIII. Размеры входа 1,1 м. Размеры помещения 24×4 м. В середине помещение ближе к восточной стене расположен тандыр. Рядом с ним расположен вход в восточное помещение №104, размером 11×3,8 м. В середине западной стены помещения №102 находится проход 1 м в помещение №105. Размеры его 6,9х3,8 м. В его восточном конце южной стены имеется вход в помещение №106, размерами 6×3,8 м. В восточном конце северной стены помещения №106 расположен проход шириной 0,9 м в помещение №107. Размеры его 3,8×3,3 м. В нем имеется Г-образная суфа с очагом кана. Дымоход расположен в западной стене. В северном конце западной стены помещения №102 обнаружен вход в помещение №108. Размеры его 6,2×3,8 м. Ближе к северо-западной стене сооружен керамический очаг.

При раскопках данного дома вскрыты 6 помещений. Одно из них жилое, а остальные подсобного характера. Мечеть, ориентирована главной осью на юг. Вход в северном конце восточной стены оформлен в виде выступающего за линию стены на 2м портала с прямоугольными в плане пилонами. Вход, возможно, имел арочное перекрытие. Перед входом поставлены два камня. Размеры их 50×47×16 см. Поверхность их расположена на 29 см выше от уровня поверхности улицы. Северное помещение имеет размеры 6×4,8 м. В восточном конце южной стены находится вход в южное помещение мечети. Размеры его 7,5×6,5 м. В середине южной стены расположен михраб, шириной 1,2 м, при глубине 40 см. В середине помещения вскрыты две базы колонны из жженых кирпичей. Размеры баз 45×45 см. Все стены мечети построены из пахсы. Материалов по изучению мечети - типа намазгох на территории южного Приаралья до настоящего времени неизвестно.

Между мечетью и домом VII расположены 9 канализационных труб по направлению восток-запад. Размеры труб 1 м длиной, шириной 25–27 см.

Дом VIII расположен на западной стороне мечети. Вход шириной 1,2 м, находится в южном конце восточной стены. Размеры помещения №39 6×3,8 м. Северную сторону занимает П-образная суфа. В её внутреннем северо-восточном углу находится очаг канна.

Моры устроены в северо-восточном помещении. Также очаг имеется в юго-западном крыле суфы. В южном конце западной стены имеется вход шириной 0,85м в помещение №40. Справа от входа на полу устроен ташнау (1×1 м). От западной линии ташнау находится П-образазя суфа. Очаг на северной ее стороне и моры в западном конце северной стены. Размеры помещения 4,8×3,8 м. В южном конце северной стены расположен вход в помещение №41. Размеры его 6,5×4,8 м. Все стены дома VIII построены из сырцовых кирпичей. В данном доме два жилых и одно подсобное помещение.

Дом IX находится на северной стороне дома VIII. Вход находится на восточной стороне помещения №45. Восточная его стена отсутствует. Размеры его 8,5×3,3 м. В середине южной стены имеется вход. По линии входа с левой стороны помещения имеется П-образная суфа. Очаг кана на южной стороне суфы и моры на юго-восточном его углу.

В западной стороне помещения находится суфа. Общий размер помещения 44,8×3,3 м. В середине южной стены помещения №44 имеется вход в помещение №43, который имеет П-образную суфу. Очаг кана расположен во внутреннем юго-восточном углу суфы и моры находится на юго-восточном углу помещения. Ташнау устроен в середине ближе к западной стене. Пол перед суфой застлан жжеными кирпичами. Размеры помещения 5,3×4,2 м. В северном конце западной стены находится вход шириной 1,1 м в помещение №43. В юго-восточном углу его расположена закрома 2×0,7 м. Размеры помещение 4×2,6 м. В середине северной стены помещение 45 имеется вход шириной 0,9 м в помещение 46. Размеры его 4,3×3,1 м. В южном конце его в западной стене находится вход шириной 83 см в помещение №47. К южной стене его пристроен ташнау из жженых кирпичей. Размеры помещения 3,3×3 м.

В целом данный дом X состоит по две жилых, хозяйственных и подсобных помещений.

В северной стороне помещение №46 сохранилось. Восточная часть помещения №46 а при ширине 4,5 м. В 1,7 м севернее от помещения № 46, а перпендикулярно к западной стене вдоль улицы построена стена длиной 20,6 м. От восточной стены квартала в 9м в середине улицы расположен проход шириной 1,7 м.

В северной стороне квартала на западной стороне мечети и дома XIII находится двор. Вход шириной 1м в него в 1,3 м от западной стены дома XIII. Размеры двора 24×18×14×7×4,5×14 м. В середине западной стороны двора с юга имеется вход в дом XXVI размером 4×3,8м. Возможно это кладовое помещение.

В северной стороне помещения №81 находится однокомнатный дом XX размером 5×3,6 м. Вход его расположен в северном конце западной стены. В юго-западном углу находится тандыр. В центральной части помещения и северо-восточном углу находится очаг.

В северной стороне помещения №77 находится вход шириной 0,8м в четырехкомнатный дом XIX. При входе расположено помещение №90. Справа от входа находится ташнау и остальная часть помещения занята П - образной суфой . Очаг кана расположен в восточной части суфы и моры на 2 м дольше в восточной стене. На южном конце восточной стены расположен проход в кладовые помещения №95. На его юго-восточном углу построены два закрома шириной 1,4 м длиной 1 и 0,9 м. Размеры помещения 4×2,7 м. В южном конце западной стены помещения №90 находится вход в помещение №86. На юго-западном углу имеется закрома 3×1 м. Размеры помещения 6,7×3,2 м.

В восточном конце северной стены его имеется вход в помещение №89. При входе слева расположена закрома размером 2×1,2 м, размером помещения 3,2×2,6 м. В данном доме одно жилое и остальные помещения подсобные, склады.

В настоящее время расположены северные помещения №90 и №95, два помещения дома XXI. Вход шириной 1 м в помещение №96 на северной стене. Размеры его 5×3,5 м. В южном конце западной стены помещения №96 расположен вход шириной 0,9 м в помещение №94. В его северо-западном углу построена закрома размером 1,3×0,6 м. Размеры помещение 4,7×2,6 м.

Дом XXIV расположен на западной стороне помещений №32 и №33. Он Г - образный в плане размером 10×8,7×5,1×2×4,4×5,7 м. Вход шириной 1,3 м находится в восточной стене. Следовательно, дом не был перекрыт. Служил подсобным сооружением.

Таким образом, в южной части квартала имеются 9 домов (I, III, IV, X,–XV), западной –

4 дома (XVI, XVIII, XXII), восточной 7 домов (II, V–IX , XXIII), квартальная мечеть и северной – 6 домов (XIX–XXI, XXIV–XXVI). Северные стороны квартала не имеют прямых улиц.

Самый маленький дом однокомнатный. Большой дом состоит из 10 помещений. Из них 4 – жилые. Он строился в основном из пахсы, для внутреннего интерьера использованы пахса, сырцовые кирпичи и местами бутовые камни. Местами полы и ташнау построены в основном из жженых кирпичей. Размеры кирпичей 20–24×20–24×4–5 см.

В некоторых местах использованы кирпичи 30–32×30–32×4–5см. Стены помещения имеют толщину 0,3–0,5 м. Суфа и иногда полы помещений отштукатурены глиной с примесью самана. В большинстве двери были деревянные при ширине 80-70 см и высотой 1,2–1,45 см. Оконные рамы – панджары были сделаны из ганча. В основном они были 6 оконными глазками диаметром 18–22 см, аналогичные оконные рамы известны в восточным квартале (Кдырниязов, 2015, рис. 22). Для очага использована верхняя часть хумчи. В редких случаях использовался керамический очаг.

В одном помещений №88 найдена подставка ручной круговой мельницы, который использовался для домашних и базарных нужд. В доме II, IV, XI, XX, XIII, пекли лепешки для дома и возможно для продажи.

В ходе раскопок были найдены многочисленные фрагменты археологических находок. Аналогичные находки было найдены во время раскопок соседних кварталов № 1, 2, № 3 (Туребеков, 2003, с. 75–78; 2006, с. 64–66; Кдырниязов, 2006) и других памятников региона (Вактурская, 1959, с. 300–328). Все они в основном характерны второй половины XIII–XIV вв.

В данном квартале зафиксировано более 25 домовладений и ни один дом не имеет открытого участка земли. Они были ремесленно-торгового характера, где в основном пекли лепешки для базара и обрабатывали зерно. Домовладения по количество жилых и подсобных помещений отличались друг от друга. В единственном случае дом состоит из одной комнаты, а остальные в основном состоят из двух и до 10 помещений. Здесь жили, начиная от одной и до пяти семей, которые были связаны родственными отношениями.

ЛИТЕРАТУРА

Вактурская Н.Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX–XVII вв.) // ТХАЭЭ. Т. IV / Отв.ред. С.П. Толстов, М.Г. Воробьёва. М.: Наука, 1959. С. 261–342.

Кдырниязов М.-Ш. Культура Хорезма. Самарқанд: Zarafshon, 2015. 84 с.

Қдырниязов М.-Ш. Кашинная керамика Хорезма // История и материальная культура Каракалпакстана / Отв. ред. С.К. Камалов. Нукус: Илим, 2006. С. 73–80.

Туребеков М. Раскопки жилого массива гончаров Средневекового Миздахкана // Археология Приаралья. Вып. VI / Отв. ред. А.И. Семенов. Нукус: Фан, 2003. С. 67–79.

Туребеков М. Раскопки жилого массива №1 Средневекового Миздахкана // История и материальная культура Каракалпакстана / Отв. ред. С.К. Камалов. Нукус: Илим, 2006. С. 60–66.

Туребеков М. С. П. Толстов и некоторые результаты исследования городища Миздахкан // Тезисы докладов Международного симпозиума «Приаралье на перекрестке культур» II второго полевого семинара «Археология древнего Ташкырманского оазиса», посвященные 100-летию со дня рождения выдающегося исследователя Центральной Азии Сергея Павловича Толстова / Отв. ред. З.Ж. Тлеуова. Нукус: Илим, 2007. С. 92–94.

Информация об авторах:

Туребеков Мырзалы доцент кафедры Археологии, Каракалпакский государственный университет (г. Нукус, Республики Каракалпакстан)

Алимбетов Ансатбай Кеунимжаевич, преподаватель кафедры Археологии Каракалпакский государственный университет (г. Нукус, Республики Каракалпакстан); Alimbetov.1975@mail.ru

REFERENCES

Vakturskaya, N. N. 1959. In Tolstov, S. P., Vorobeva, M. G. (eds.). *Trudy Khorezmskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Khwarezm Archaeological and Ethnographic Expedition)* 4. Moscow: "Nauka" Publ., 261–342 (in Russian).

Kdyrniyazov, M. Sh. 2005. *Kul'tura Khorezma XIII–XIV gg. (Culture of Khwarazm in the XIII–XIV centuries).* Samarkand: "Zarafshon" Publ. (in Russian).

Kdyrniyazov, M. Sh. 2006. In Kamalov, S. K. (ed.). *Istoriya i material'naya kul'tura Karakalpakstana (History and material culture of Karakalpakstan).* Nukus: "Ilim" Publ., 73–80 (in Russian).

Turebekov, M. 2003. In Semenov, A. I. (ed.). *Arkheologiya Priaral'ya (Archaeology of the Aral Sea region)* 6. Tashkent: "Fan" Publ., 67–79 (in Russian).

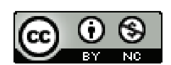
Turebekov, M. 2006. In Kamalov, S. K. (ed.). *Istoriya i material'naya kul'tura Karakalpakstana (History and material culture of Karakalpakstan).* Nukus: "Ilim" Publ., 60–66 (in Russian).

Turebekov, M. 2007. In Tleuova, Z. Zh. (ed.). *Tezisy dokladov Mezhdunarodnogo simpoziuma «Priaral'e na perekrestke kul'tur» II vtorogo polevogo seminara «Arkheologiya drevnego Tashkyrmanskogo oazisa», posvyashchennye 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya issledovatelya Tsentral'noy Azii Sergeya Pavlovicha Tolstova (Abstracts of the International Symposium "The Aral Sea Region at the Crossroads of Cultures" of the II Second Field Seminar "Archaeology of the Ancient Tashkyrman Oasis", dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding researcher of Central Asia Sergei Pavlovich Tolstov).* Nukus: "Ilim" Publ., 92–94 (in Russian).

About the Authors:

Turebekov Mirzali Associate Professor, Department of Archeology, Karakalpak State University (Nukus, Republic of Karakalpakstan)

Alimbetov Ansatbay K.., teacher of the Department of Archeology, Karakalpak State University (Nukus, Republic of Karakalpakstan); Alimbetov.1975@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2024 г.
Статья принята к публикации 01.10.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 903.2 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.5.205.216

РЕКОНСТРУКЦИЯ ТЕХНИК ДЕКОРИРОВАНИЯ СЕРЕБРОМ ЖЕЛЕЗНОЙ ТОРЕВТИКИ МАЛЫХ ФОРМ ЮЖНОЙ СИБИРИ

©2024 г. Р.В. Давыдов, М.Д. Ганш, Е.О. Курочкина, Д.А. Шаманин

В статье представлены результаты реконструкции техник декорирования железной торевтики малых форм серебром, применяемых на территории Южной Сибири в период Средневековья и Нового времени. Работа основана на археологических материалах из Минусинского краеведческого музея (493 экз.), датированных аскизской археологической культурой (X–XIV вв.), периодом Позднего Средневековья (XV–XVII вв.) и Новым Временем (XVIII–XIX вв.). Дополнительно использованы этнографические свидетельства. Реконструкция осуществлялась на основе технолого-трасологического анализа, включавшего выполнение серии экспериментов. Сделан вывод о применении в Южной Сибири в рассматриваемый период трех техник. Первая – енисейский вариант инкрустации, распространенный в аскизской археологической культуре X–XIV вв. Вторая – инкрустация с термической обработкой. Третья – принципиально отличающаяся от предыдущих техника аппликации, известная по данным этнографии и находкам Нового Времени.

Ключевые слова: Южная Сибирь, средневековье, этнографическое время, насечка по железу, аппликация, инкрустация, серебро, железо, технология, экспериментально-трасологический анализ.

THE RECONSTRUCTION OF SILVER DECORATION TECHNIQUES OF IRON TOREUTICS FROM SOUTHERN SIBERIA

R.V. Davydov, M.D. Gansh, E.O. Kurochkina, D.A. Shamanin

The article presents the reconstruction results of the techniques of silver decoration of small iron toreutics used in the Southern Siberia during the Middle Ages and Modern times. The work is based on archaeological materials from the Minusinsk museum of regional studies (493 copies), dated to the Askiz archaeological culture (X–XIV centuries), Late Middle Ages (XV–XVII centuries) and Modern times (XVIII–XIX centuries). Additionally, ethnographic evidence was used. The reconstruction was carried out on the basis of a techno-traceological study, which included a series of experiments. The conclusion is made about the use of three techniques in Southern Siberia during the period under review. The first one is the Yenisei variant of incrustation, common in the Askiz archaeological culture of the X–XIV centuries. The second one is the incrustation with heat treating. The third is a fundamentally different from the previous ones technology of application, known according to ethnographic data and finds of Modern times.

Keywords: Southern Siberia, Middle Ages, ethnographic time, inlay on iron, application, incrustation, silver, iron, technology, experimental traceological analysis.

Введение

Начиная с периода Развитого Средневековья, одной из характерных черт материальной культуры населения Южной Сибири, является широкое распространение железной торевтики малых форм, декорированной серебром. Элементы поясной и сбруйной фурнитуры из черного металла с серебряной инкрустацией выступают ярким признаком аскизской археологической культуры (Кызласов, 1975а, рис. 39; 1975б, с. 210–211; Кызласов, 1983а). В этнографическом материале регулярно упоминается применение хакасами, бурятами и другими народами Сибири различных техник украшения железных вещей серебром (Вайнштейн, 1974, с.84–85).

Исследователями неоднократно отмечалась преемственность и непрерывность развития технологии украшения железных вещей серебром у народов Саяно-Алтая с периода Средневековья. При этом упоминались инкрустация, таушировка, насечка (Кызласов, 1975б, с. 211; Кызласов, 1983б; Бутанаев, 2019, с. 29). Данные приемы имеют принципиальные отличия, заключающиеся в характере крепления, роли термического воздействия, сложности реализации.

Детальная реконструкция особенностей техник крепления серебра к основе из черных металлов в культурах Южной Сибири позволяет оценить преемственность технологии и степень влияния сопредельных регионов

(Китая и Средней Азии) на развитие местной металлообработки.

Целью данной работы является реконструкция техник декорирования железной торевтики малых форм серебром, применяемых на территории Южной Сибири в пределах Саяно-Алтая в период от Средневековья до этнографического времени.

Рассматривая техники декорирования серебром, авторы используют современную классификацию, разделяющую приемы декорирования металла другим металлом (таушировку) на инкрустацию и насечку. Инкрустация – врезная таушировка, подразумевающая помещение драгоценного или цветного металла в углубления в поверхности основы. Как правило, материал помещается в канавки, вырезанные штихтелем или вырубленные зубилом (последнее проще) (Минасян, 2014, с. 247–248; Флеров, 1981, с. 154). Насечка (серебрение, аппликация) – поверхностная или набивная таушировка, крепление металла путем его фиксации на поверхности основы. Может осуществляться наклеиванием (плакирование), ковкой по специально подготовленной (насеченной) поверхности (Минасян, 2014, с. 263–264; Флёров, 1981, с. 156–160; Губина, 2020).

Материалы и методы

Исследование основывается на археологических материалах, включающих железную торевтику малых форм с серебряным декором, датированную аскизской археологической культурой (X–XIV вв.), периодом Позднего Средневековья (XV–XVII вв.) и Новым Временем (XVIII–XIX вв.). Учтено 493 экз. из фондов Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова. Также использованы опубликованные этнографические свидетельства о ювелирном деле народов Сибири.

Археологические предметы представлены различными типами элементов поясной и сбруйной фурнитуры с серебряным декором: псалиями, бляшками, накладками, ременными наконечниками, щитковыми пряжками. На предметах аскизской культуры и Позднего Средневековья серебро оплавлено или полностью отсутвует из-за пребывания вещей в погребальном костре. В отдельных случаях удалось измерить толщину сохранившейся серебряной фольги (0,5–1 мм). Сожжение останков вместе с инвентарем привело к образованию на артефактах слоя окислов, который способствовал сохранности железной поверхности (Солод, Давыдов, 2019).

Реконструкция техник изготовления археологических предметов осуществлялась на основе технолого-трасологического анализа, основывающегося на интерпретации технологических следов как формы изменения первоначальной (искусственной или естественной) поверхности в процессе антропогенного воздействия (Семенов, 1957; Гиря, 2015, с. 247). Алгоритм работы включал: 1. обследование поверхности артефактов с фиксацией технологических следов; 2. выдвижение гипотез о происхождении следов на основе современной технической литературы и данных этнографии; 3. проведение экспериментов с целью получения технологических следов в известных условиях; 4. интерпретацию следов на археологических предметах путем сравнения с эталонной коллекцией (Гиря, 1997, с. 60; Dolfini, Crellin, 2016).

В экспериментах использовался современный слесарный инструментарий, нагрев осуществлялся в муфельной печи с электронным термометром до 1300°С, также цвет нагрева заготовок определялся визуально по шкале цветов побежалости металлов.

В ходе обследования поверхностей археологических предметов выявлено три группы артефактов: изделия со смешанной техникой (сочетающей признаки инкрустации и аппликации); изделия с инкрустацией; изделия с аппликацией.

Изделия со смешанной техникой

Первая группа – изделия X–XIV вв. (аскизская археологическая культура) (номера в каталоге Минусинского музея – ММ АЖ 7248, 7250, 7456, 7457, 7677, 7681, 7684, 7689, 7749, 7752, 7759, 7760, 7782 и др.) (рис. 1). Они характеризуются наличием выступающего бортика по краю композиции, выступающим орнаментом (при его наличии), насеченной площадью для крепления. Насечка могла выполняться тремя разными способами: одиночные насечки (рис. 1: 1, 3); пересекающиеся ряды насечек, образующие сетку (рис. 1: 2); широкие насечки в линию, образующие волны (встречается редко) (рис. 1: 4).

Предметы первой группы были отнесены к конкретным этапам аскизской культуры (по И.Л. Кызласову – малиновский и каменский этапы) в соответствии с их орнаментацией и формой (Кызласов, 1983а). Выявлено, что для

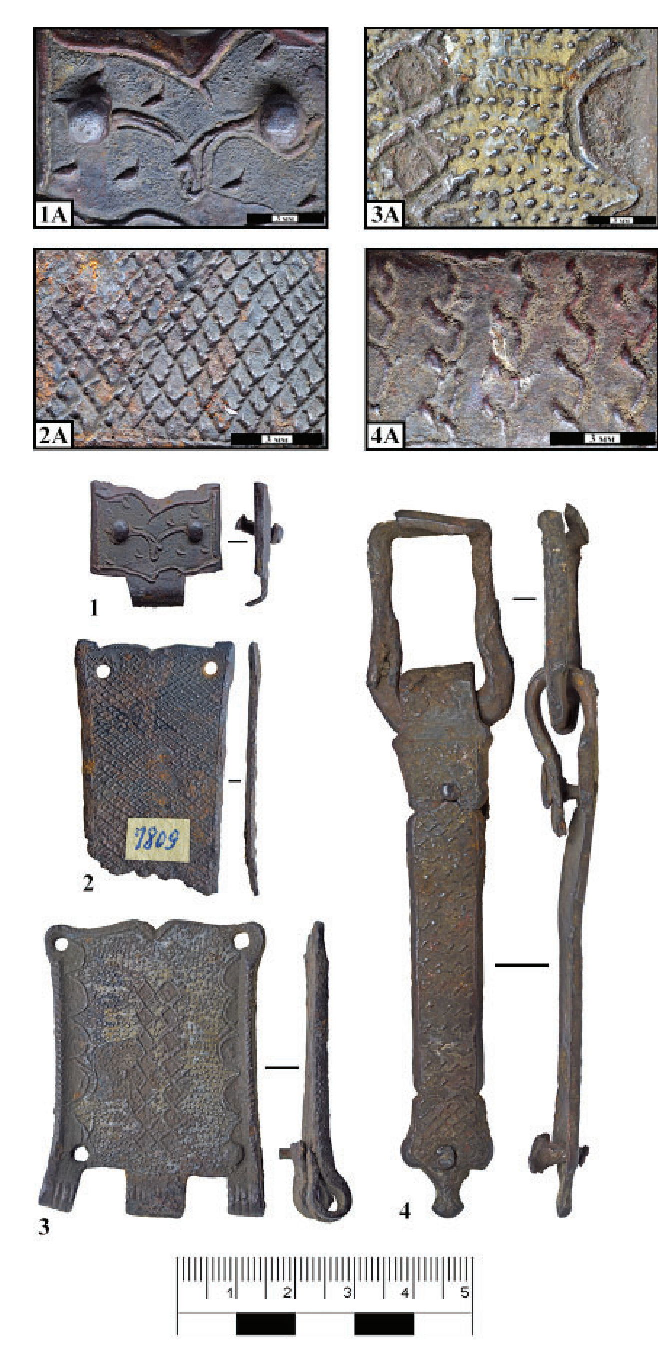

Рис. 1. Образцы железной торевтики аскизской культуры X-XIV вв. с серебряным покрытием из Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова: 1 –ММ АЖ 7457 (1А – одиночная редкая насечка); 2 – ММ АЖ 7809 (2а – насечка «сеткой»); 3 – ММ АЖ 7760 (3А – одиночная частая насечка); 4 – ММ АЖ 7774 (4А – насечка «волной»)
Fig. 1. Samples of the Askiz culture iron toreutics of the X-XIV centuries with silver coating from the Minusinsk museum of regional studies named after N.M. Martyanov: 1 –ММ АЖ 7457 (1A – a single rare inlay); 2 – ММ АЖ 7809 (2a – a "net" inlay); 3 – ММ АЖ 7760 (3A – a single frequent inlay); 4 – ММ АЖ 7774 (4A – a "wave" inlay)

малиновского этапа (X – нач. XIII вв.) характерны редкая однорядная насечка, «сетка» и «волны». Для каменского этапа (XIII – XIV вв.) свойственная частая однорядная насечка. Данная закономерность была ранее отмечена И.Л. Кызласовым (Кызласов, 1983б, с. 128–129).

С целью реконструкции техники крепления серебра на данной группе предметов проведены эксперименты, включающие четыре серии (всего 54 эталона) (рис. 2). Серия первая – изготовление выступающего орнамента зубилами, резцами, штихелями под различными углами (30°, 45°, 60°) по нагретому и холодному металлу (37 эталонов) (рис. 2: 1–6). Серия вторая – одиночная насечка зубилами и штихелями по нагретому и холодному металлу (12 эталонов) (рис. 2: 7–12). Серия третья – крепление серебряной фольги на насеченную поверхность (5 эталонов) (рис. 2: 13–15).

В результате экспериментов выявлен ряд закономерностей.

Форма насечек. При изготовлении насечек штихелями и резцами формируется углубление в материале, металл вытесняется вперед и вверх, нависая над бороздой выпуклым козырьком. Угол наклона инструмента и его положение относительно ударного инструмента (молотка) влияет на размер насечек и их симметрию. Мелкие ювелирные зубила (длина лезвия до 1 см и большой наклон спусков от 60°) позволяют изготовлять неглубокие асимметричные насечки при работе одним крем лезвия. Нагрев металла принципиально не влияет на параметры насечек (наблюдается увеличение размера, но оно может быть достигнуто и увеличением силы удара).

Форма линий и орнамента. Возможно формирование выступающих линий бортиков и орнамента посредством выполнения серии поставленных вплотную друг к другу однонаправленных насечек. В этом случае на линиях фиксируются отдельные насечки, по сторонам наблюдаются канавки с нависающим над ними козырьком, из которых вытеснялся металл. Линии выпуклого орнамента, как правило, имеют посередине углубление, маркирующее место сближения вытесненного металла.

Крепление серебра. Крепление осуществляется механически, не требует термической обработки. Профиль насечек с металлическим

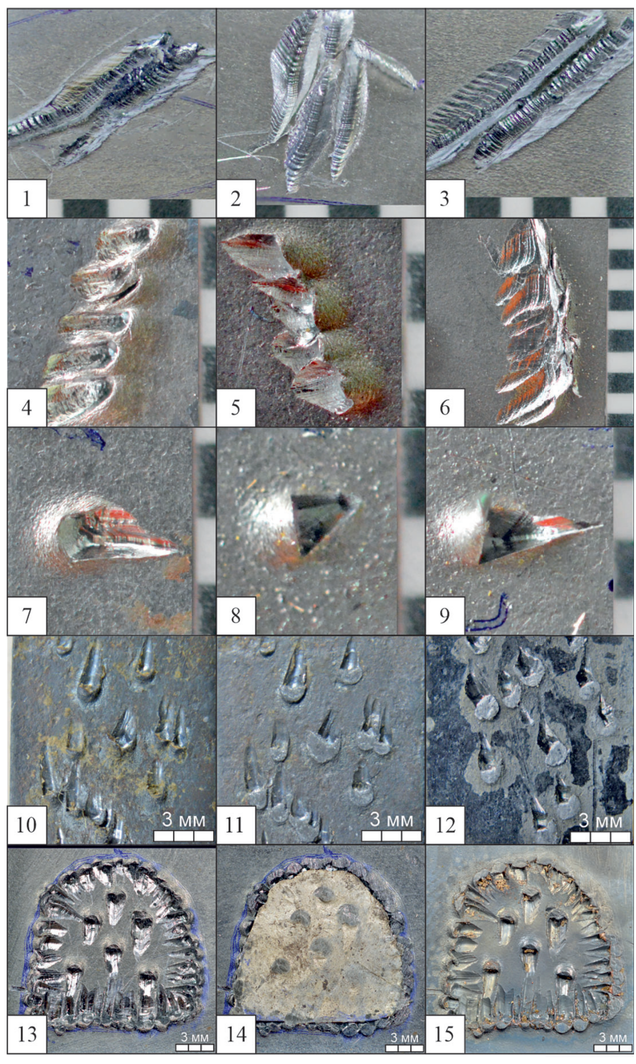

Рис. 2. Примеры экспериментальных эталонов насечки и крепления серебра: 1-3 – формирование линий орнамента насечкой с двух сторон; 4-6 – формирование линий однонаправленной насечкой; 7-12 – одиночная насечка фона; 13-15 – крепление серебра (13 – до крепления; 14 – зафиксированное серебро; 15 – эталон после снятия серебра)

Fig.2. Examples of experimental samples of inlay and fixing silver: 1-3 – formation of ornament lines by inlay on both sides; 4-6 – formation of lines by unidirectional inlay; 7-12 – a single inlay of the background; 13-15 – fixing silver (13 – before fixing; 14 – fixed silver; 15 – standard after removing silver)

козырьком позволяет надежно зафиксировать материал. Когда серебряная фольга накладывается на поверхность, по ней наносится серия ударов легким молоточком. От ударов изначально железо насечек проникает в серебро, затем выступы сплющиваются, зацепляя металл. Аналогично деформируются насечки, формирующие орнамент и бортик, окаймляющий композицию.

Сопоставление с археологическим материалом позволяет реконструировать технику крепления серебра на изделия аскизской культуры: 1. на лицевой стороне заготовки резцом или штихелем (редко использовалось ювелирное зубильце) насекались выступающие бортик и орнамент; 2. подготавливался фон (одиночные насечки, сетки или волны); 3. серебряная фольга толщиной 0,5–1 мм, вырезанная по форме композиции, накладывалась на зону орнаментации; 4. фольга прибивалась молоточком.

Специфика данной техники – использование принципа инкрустации (вбивание в углубление, образованное бортиком и орнаментом) на широких площадях, подготовленных в манере, более свойственной для аппликации (насечка фона). Потому её можно назвать смешанной.

Инкрустированные предметы

Вторая группа, зафиксированная в археологическом материале – предметы торевтики с инкрустацией (ММ АЖ 6874-6976, 7770, 7844-7848 и др.) (рис. 3). Исходя из их массивности и простого геометрического орнамента данные изделия могут быть отнесены к Позднему Средневековью в истории Саяно-Алтая (XV–XVII вв.) (Скобелев, 2019). Они орнаментированы треугольными фигурами, в которые помещалось серебро. Треугольники асимметричны, по краям фиксируются следы инструментов. Внутренняя поверхность не обрабатывалась. Фигуры не углублены относительно остальной поверхности, по краям заметны канавки и борозды.

В результате серии из четырех экспериментов установлено, что треугольники оформлялись зубилом (рис. 4: 15). В результате серии ударов под углом металл вытеснялся по бокам, образуя выступ. На археологических предметах заметно, что работа велась маленькими зубилами с шириной лезвия 3-5 мм. Удары наносились неоднократно, отпечатки зубила перекрываются. Выступы металла без обработки зоны покрытия были недостаточны для механической фиксации металла. В ходе экспериментов понадобился нагрев металла до температуры 780–800°C (вишнево-красный цвет железа по шкале цветов побежалости). После нагрева и серии ударов молоточком (9 ударов) серебро надежно закреплялось в треугольной фигуре на уровне поверхности.

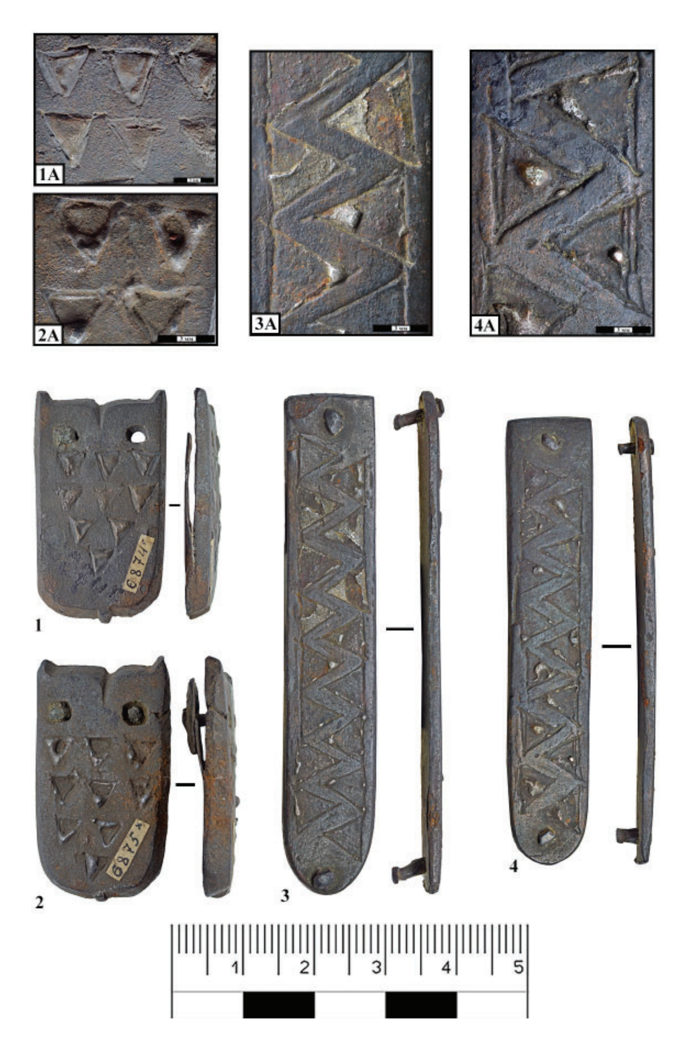

Рис. 3. Образцы железной торевтики из материалов Позднего Средневековья (XV-XVII вв.) из Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова: 1 – ММ АЖ 6874; 2 – ММ АЖ 6875; 3 – ММ АЖ 7844; 4 – ММ АЖ 7845 (1А-4А – примеры оформления зон инкрустации, соответствующие нумерации изделий)
Fig.3. Samples of iron toreutics from materials of the Late Middle Ages (XV-XVII centuries) from the Minusinsk museum of regional studies named after N.M. Martyanov: 1 – ММ АЖ 6874; 2 – ММ АЖ 6875; 3 – ММ АЖ 7844; 4 – ММ АЖ 7845 (1А-4А – examples of the design of incrustation zones, corresponding to the item numbers)

Исходя из данных эксперимента, техника декорирования серебром данной категории торевтики имела следующий вид: 1. мелким зубильцем под углом оформлялись треугольные фигуры с невысокими бортиками; 2. на фигуры накладывалась вырезанная под их контуры серебряная фольга; 3. железная основа и серебро нагревались; 4. по горячему металлу наносились удары молоточком, в результате чего серебро приваривалось к железу и фиксировалось с боков бортиками.

Данную технику можно назвать вариантом инкрустации за счет небольшой площади покрытия, отсутствия насечения фона и фиксации материала бортиками. При этом обращает на себя внимание необходимость нагрева.

Изделия с аппликацией

Третья группа – немногочисленные изделия Нового Времени (ММ АЖ 6856, 6996, 7298, 7754) (рис. 5). Их атрибуция однозначна благодаря яркому растительному и геометрическому орнаменту серебряной проволокой по железной поверхности (Бутанаев, 2019, с. 29; Вайнштейн, 1974, с. 84). На поверхности изделий фиксируются тонкие неглубокие параллельные линии, частотой от 5 до 12 ед. на 5 мм, специальных углублений для серебра не выявлено.

Техника, по которой выполнены данные предметы, описана в этнографических материалах. Так В.Я. Бутанаев отмечает, что техника насечки сохраняется на территории Хакасии вплоть до XX в. под наименованием «сигме». Она заключается в покрытии железных пластин зазубренной сеткой, на которую, в соответствии с узором, накладывалась серебряная проволока. Эту проволоку вбивали в надрезы сетки, затем сплющивали и заглаживали (Бутанаев, 2019, с. 29).

С.И. Вайнштейн упоминает сходную технику «серебрения» с помощью насечки, но уже с использованием тонких серебряных листочков – фольги. Автор описывает специальный инструмент для нанесения сетки из пересекающихся борозд (т.е. насечки), он состоит из «деревянной рукоятки длиной до 20 см, к верхней части которой с помощью ремешка прикреплены 8-10 прямоугольных железных пластинок размером 2×3,5–4 см». Декорирование осуществлялось следующим образом: на железную поверхность с помощью инструмента наносилась насечка, на которую впоследствии накладывалась серебряная фольга, затем серебро набивали молотком до полного скрепления с железом. Также мастера могли придать фольге заранее определенное изображение, а после прикрепления серебра дополнительно подвергнуть термической обработке (Вайнштейн, 1974, с. 84–85).

Описание аналогичного приема орнаментации у бурят приводит И.Г. Георги: "Ежели

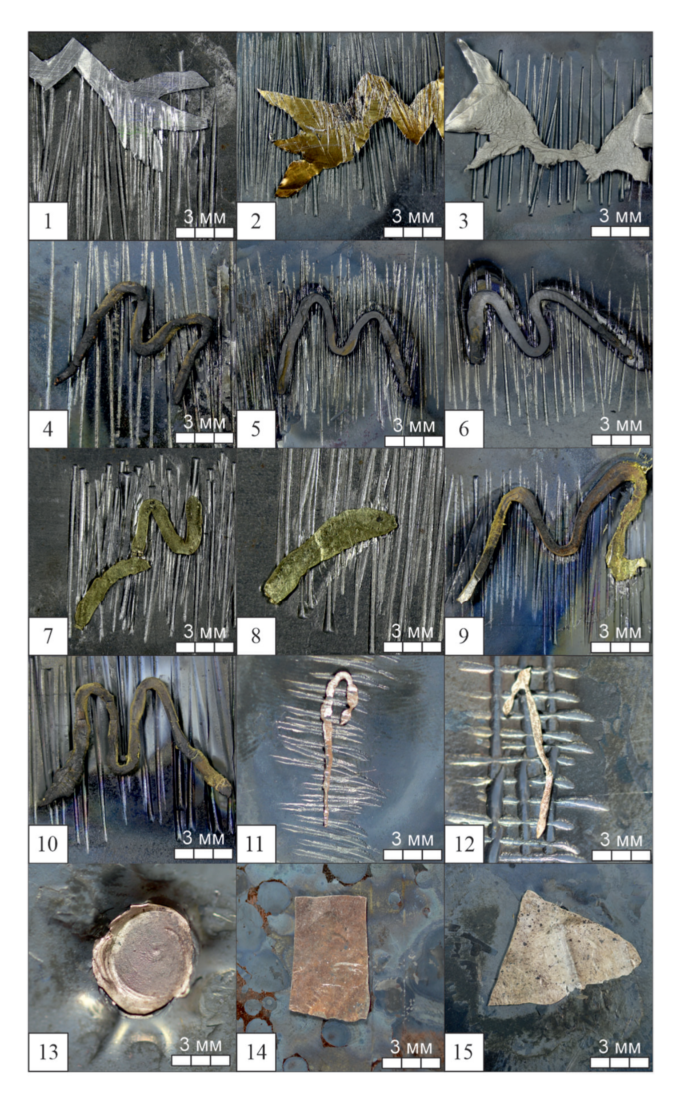

Рис. 4. Примеры экспериментальных эталонов аппликации и инкрустации с термическим воздействием: 1-3 – крепление оловянной фольги; 3-10 – крепление латунной проволоки; 11-12 – крепление серебряной проволоки; 13-15 – крепление серебряной фольги

Fig.4. Examples of experimental samples of applications and incrustations with thermal effects: 1-3 – fixing tin foil; 3-10 – fixing brass wire; 11-12 – fixing silver wire; 13-15 – fixing silver foil

железные наборы к уздам, седлам, колчанам, также огнива и прочее хотят оными украсить, то разжигают в горнах, и потом накладывают серебряные вырезки и насекают оные молотками с шероховатыми бороздками, наподобие терпугов, а через то серебро с железом как будто сваривается и пристаёт так крепко, что никогда не отваливается" (Георги, 1799, с. 29).

С целью уточнения деталей описанной техники (роль нагрева материала, частота и глубина насечки) выполнены две серии экспериментов (получено 37 эталонов) (рис. 4).

Серия первая (28 эталонов) – проверка влияния частоты насечки, формы заготовки и термической обработки на характер крепления (рис. 4: 1–10). На образцах выполнена ручная насечка зубилом с частотой 4–6 насечек на 5 мм (нечастая) и 10–11 насечек на 5 мм (частая). Помимо частоты насечек они были разделен по глубине на неглубокие (до 1 мм) и глубокие (2–3 мм). Для крепления использовались латунная проволока и оловянный лист. Опробованы фиксация материала в холодном состоянии и нагретого металла (с использованием ковки и без неё). Температура нагретого материала в диапазоне 830–900°С (светло-красный цвет железа по шкале цветов побежалости).

Серия вторая (9 эталонов) – проверка влияния температуры фиксации и степени механического воздействия на крепление серебра (рис. 4: 11–14). Для крепления использовались фольга толщиной 0,5–1,5 мм и проволока диаметром до 1,5 мм из серебра. Эталоны подвергались нагреву до 900–1000°С, проковывались (5-9 ударов молоточком).

Согласно этнографическим данным был изготовлен «насекатель» – инструмент для нанесения насечки (Вайнштейн, 1974, с. 84, рис. 51: 6). К деревянной рукояти были прикреплены 6 металлических пластин, которые предварительно были заточены. Использование данного инструмента привело к образованию ровных неглубоких насечек. Они оказались более регулярными, чем те, что получены в ходе ручной работы, но не имели принципиальных отличий.

В ходе проведения экспериментов было выявлено, что важную роль в подготовке к нанесению аппликации играет механическая обработка металлической основы - нанесение насечного фона. Форма и размер насечек не так важна, однако исходя из практики проведения эксперимента, можно сказать, что необходимо не менее 5-7 насечек на 5 мм. Более того, механическая обработка необходима и для закрепления проволоки или листа фольги уже в процессе нагревания, такая ковка (9–10 ударов) позволяет закрепить серебро в насечках.

Однако, без термической обработки крепление серебра невозможно. В результате насечки железной основы зубилом или «насекателем» образуется треугольный или трапециевидный в сечении микрорельеф (как в

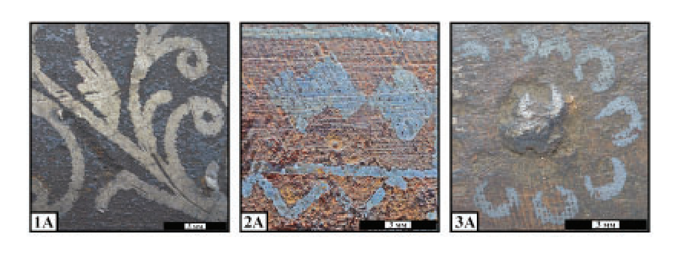

Рис. 5. Образцы железной торевтики Нового Времени (XVIII-XIX вв.) из Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова: 1 – 7298; 2 – 6996; 3 – 7754 (1А-3А – примеры аппликации по насеченной поверхности, соответствующие нумерации изделий)
Fig.5. Samples of iron toreutics of Modern times (XVIII-XIX centuries) from the Minusinsk museum of regional studies named after N.M. Martyanov: 1 – 7298; 2 – 6996; 3 – 7754 (1A-3A – examples of applications on inlaid surface, corresponding to the item numbers)

возвышениях, так и в бороздах). При ударном воздействии на серебро не происходит надежной сцепки материалов – железо сплющивается, но вертикально вниз.

Принципиальным условием в процессе реализации техники является термическая обработка – причем не только прикрепляемого материала, но и металлической основы. За счет нагрева становится возможным проведение кузнечной сварки. Насечка обеспечивает фиксацию серебра при сварке, увеличивает поверхность сцепки. Кроме того, при достаточно высокой температуре происходит вплавление металла в насечки. Однако, перегрев приводит к быстрому выгоранию материала.

Таким образом, можно уточнить имеющееся в этнографических источниках описание техники насечки серебром по металлу: 1. на железную основу наносится насечной фон («насекателем» или зубилом); 2. железо нагревается до температуры, близкой к плавлению серебра; 3. на основу помещается серебро, укладывается согласно орнаменту и нагревается; 4. в тот момент, когда серебро приближается к температуре плавления (начинает визуально деформироваться), производится механическая обработка – кузнечная сварка (серия ударов по серебру). Данная техника представляет собой вариант аппликации.

Интерпретация и обсуждение

Технолого-трасологический анализ железной торевтики с серебряным покрытием с территории Южной Сибири демонстрирует наличие трех техник. Первая, сочетание черт инкрустации и аппликации, широко использовалось в аскизской археологической культуре X–XIV вв. Вторая – вариант инкрустации с термической обработкой, фиксируется в материалах Позднего Средневековья. Третья – традиционная аппликация, известная в материалах Нового Времени и по этнографическим свидетельствам.

Можно предположить, что смешанная техника возникла у енисейских кыргызов под влиянием местной традиции и техник из Средней Азии.

Принцип покрытия серебром лицевой поверхности предметов фиксируется в материалах средневековой Согдианы VII-VIII вв. Среди изделий из Педжикента (VIII в.) встречены бронзовые изделия, обложенные фольгой из драгоценных металлов. В том числе, части поясного набора покрывались тонкой серебряной и золотой фольгой (Распопова, 1980, с. 91–92, 107). Особенно показателен бронзовый поясной наконечник, найденный в замке на горе Муг. Он изготовлен из бронзы, имеет выступающий бортик и выпуклый растительный орнамент. Фон орнамента оформлен серебряной инкрустацией (Распопова, 1980, с. 97). Данный вариант оформления лицевой стороны элемента поясного набора очень близок по стилистике к кыргызской торевтике первой половины II тыс. н.э.

Во второй половине I тыс. н.э. в Южную Сибирь регулярно проникали предметы импорта из городов на торговых путях Центральной Азии, в том числе торевтика (Король, Наумова, 2017, с. 66). Однако в подавляющем большинстве ювелирная техника Ближнего и Среднего Востока при декорировании одного металла другим ориентирована на классическую инкрустацию, золочение и чернь (Даркевич, 1976, с. 6, 49; Байпаков,

Горячева, 1999, с. 161; табл. 104: 10, 13–15). Так в XII–XIII вв. отмечается распространение в Восточном Иране и Месопотамии производства инкрустированных серебром и золотом бронз, иногда с добавлением черни (Даркевич, 1976, с. 132)

На территории Южной Сибири во второй половине – конце I тыс. н.э. регулярно фиксируются изделия, декорированные в технике инкрустации. Весьма характерны железные бляшки с медной инкрустацией из кургана №19 мог. Шанчиг IX–X вв. в Центральной Туве (Кызласов, 1975а, рис. 39; Король, Наумова, 2017, рис. 30). Их спиральный орнамент находит аналогии в хазарских материалах и в мусульманских странах, в которых широко применялась другая техника – чернь (Маршак, 2017, с. 347). Данные элементы поясного набора – яркий пример местного производства.

Более сложная ситуация наблюдается при попытке интерпретации железных деталей конского снаряжения с серебряным орнаментом из материалов енисейских кыргызов VI–IX вв. И.Л. Кызласов описывает как местные изделия стремя из улуса Уты, стремена из к.5 мог. Капчалы I, псалии из Минусинского музея (инв. №№ 5591, 5878, 5879). Данные предметы украшены в техниках инкрустации и аппликации с насечкой фона бороздками (Кызласов, 1983б, с. 124–126). При этом стремя из Копёнского чаа-таса с серебряной и золотой инкрустацией отнесено Л.А. Евтюховой к импортным изделиям династии Тан (Евтюхова, 1948).

Исходя изложенного выше, можно предположить, что техника орнаментации железных предметов торевтики возникла в культуре енисейских кыргызов из сочетания местной технической традиции, базировавшейся на инкрустации и связанным с ней механическим креплением материала, и среднеазиатского элемента – покрытия серебром лицевых поверхностей изделий, в том числе с выпуклым орнаментом. Своеобразие этой техники «енисейского» варианта инкрустации обусловлено тем, что при её образовании за основу был взят принцип крепления без термического воздействия. Отсюда возникает необходимость в насекании фона с выступами металла и козырьками для фиксации серебра. Вероятно, на выбор техники также повлияло знакомство с образцами аппликаций (предположительно, как имитация борозд аппликации в определенное время использовалась насечка «сеткой»).

Складывание подобной смешанной техники является частью процесса формирования технологической традиции изготовления железной торевтики в аскизской культуре (Длужневская, 1987; Король, Наумова, 2017, с. 101).

Стоит отметить, что данная техника не получила распространение за пределы Южной Сибири. Привозные изделия аскизской культуры достаточно широко представлены в археологических материалах Волжской Булгарии, в Прибайкалье и Забайкалье, по реке Дон, в Волго-Камье (Кызласов, 2010; 2018; Руденко, 2022, с. 215). При этом фиксируются и подражания аскизским изделиям в форме и стилистике, однако выполненные в иной технике (Кызласов, 2010, с. 150). Необычным примером копирования внешнего облика кыргызской торевтики могут служить элементы поясной фурнитуры из могильника Бормотово-3 (Кузнецкая котловина XI–XIII вв.), изготовленные из бронзы и украшенные растительным орнаментом. Они плоские и их фон заполнен мелкой одиночной насечкой (Король, 2021, рис. 1: 4–6).

Возникновение специфичной техники декорирования железной основы другим металлом встречается не только в южносибирских материалах. Так на полуострове Индостан с XVI в. распространяется техника «кофдари», используемая при украшении оружия золотом и серебром. Это вариант инкрустации поверхности очень мелкими фрагментами драгоценного металла, которые вколачивались в тонкие неглубокие царапины (Карлова и др., 2015, с. 56).

В период Позднего Средневековья и Нового Времени происходит затухание «енисейского» варианта инкрустации и его замена на ориентированную на термическое воздействие и сварку аппликацию с насечкой фона. Промежуточная форма – инкрустация небольших площадей с привариванием серебра, используемая в Позднем Средневековье енисейскими кыргызами. Вопрос происхождения техники аппликации железа серебром не ясен. Возможно, она получила распространение с территории Китая, где начиная с Империи Тан широко применялись техники декорирования изделий посредством термической обработ-

ки (золочение, амальгамирование, аппликация) (Духовная культура Китая, 2006, с. 325; Tan et al., 2021; Shao et al., 2023). В материалах Южной Сибири отсутствуют предпосылки, указывающее на местное происхождение данной техники. Тем не менее, согласно данным этнографии, аппликация становится ведущим приемом декорирования железна серебром вплоть до XX в. (Бутанаев, 2019, с. 29; Вайнштейн, 1974, с. 85; Георги, 1799, с. 29; Кызласов, 1974, с. 211; Минасян, 2014, с. 263).

Заключение

Таким образом, можно заключить, что в период Средневековья – Нового Времени на территории Южной Сибири в пределах Саяно-Алтая применялись три разные техники украшения железной торевтики серебром. Традиция, распространившаяся в аскизской археологической культуре X–XIV вв., специфична и не имеет прямых аналогов. Её можно назвать енисейским вариантом инкрустации. Данная техника принципиально отличается от аппликации по насеченному фону, которая распространяется в Сибири в Позднее Средневековье и Новое Время под влиянием внешнего импульса. Указанный импульс был не одномоментным, на что указывают промежуточные формы – инкрустация с термической обработкой в торевтике Позднего Средневековья. Наблюдаемая в этнографических материалах хакасов и тувинцев техника насечки по железу не происходит из енисейского варианта инкрустации, а является развитием привнесенной извне техники аппликации.

ЛИТЕРАТУРА

Байпаков К.М., Горячева В.Д. Семиречье // Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье / Отв. ред. Г.А. Брыкина. М.: Наука, 1999. С. 151–163.

Бутанаев В.Я. Художественное серебро в культуре кыргызов Енисея // Современные этнические процессы на территории центральной Азии: проблемы и перспективы. 2019. № 1. С. 26–31.

Вайнштейн С.И. История народного искусства Тувы. М.: Наука, 1974. 224 с.

Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Часть четвертая о народах монгольских, об армянах, грузинах, индийцах, немцах, поляках и о владычествующих россианах, с описанием всех именований казаков, так же История о Малой России и купно о Курландии и Литве. СПб.: Императорская Академия Наук, 1799. 446 с.

Гиря Е.Ю. Технологический анализ каменных индустрий (методика микро-макроанализа древних орудий труда, часть 2). СПб: Академ Принт, 1997. 198 с.

Гиря Е.Ю. Следы как вид археологического источника (конспект неопубликованных лекций) // Следы в истории. К 75-летию В. Е. Щелинского / Ред. О.В. Лозовская, В.М. Лозовский, Е.Ю. Гиря. СПб.: ИИМК РАН, 2015. С. 232–268.

Губина Т.А. О разграничении техник «Инкрустация» и «Таушировние» при декорировании железных предметов // Казанский вестник молодых учёных. 2020. Т. 4. №3. С. 87–98.

Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII-XIII вв. М.: Наука, 1976. 198 с.

Длужневская Г.В. О смене обликов металлических изделий в культуре енисейских киргизов в X-XI вв. // Смена культур и миграции в Западной Сибири / Отв. ред. Л.М. Плетнева. Томск: ТГУ, 1987. С. 100–103.

Духовная культура Китая: энциклопедия. Т. 6 (дополнительный): Искусство / Гл. ред. М. Л. Титаренко. М.: Вост. Лит., 2010. 1031 с.

Евтюхова Л.А. Стремя танской эпохи из Уйбатского чаатаса. // КСИИМК. Вып. XXIII / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.; Л.: АН СССР, 1948. С. 40–44.

Карлова Е.М., Пастухов А.М., Попов А.Ю., Успенская Е.Н. Смертельная красота. Оружие Индии и Китая. Каталог выставки. М.: ГМВ, 2015. 367 с.

=Король Г.Г., Наумова О.Б. Художественный металл у кочевников (Центральная Азия рубежа I – II тыс.). М.: ИА РАН, 2017. 128 с.

Король Г.Г. Комплект средневековых ременных украшений из Кузнецкой котловины и проблема культурных влияний // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2021. №4. С. 47–68.

Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. / САИ. Вып. Е3-18. М.: Наука, 1983. 128 с.

Кызласов И.Л. К истории обработки металла в Южной Сибири. Насечка по железу // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии / Отв. ред. Б.А. Тулепбаева. Алма-Ата: Наука АН КазССР, 1983б. С. 120–130.

Кызласов И.Л. Особенности появления аскизских изделий в Европе в XIII–XIV вв. // Русь и Восток в IX–XVI веках. Новые археологические исследования / Отв. ред. Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль. М.: Наука, 2010. С. 139–162.

Кызласов И.Л. Новое в жизни Восточной Европы в XI–XII веках. (Влияние Великого Сибирского пути, открытое археологией) // Земли родной минувшая судьба… К юбилею А.Е. Леонтьева / Отв. ред. А.В. Чернецов. М.: ИА РАН, 2018. С. 228–250.

Кызласов Л Р. История Тувы в средние века. М.: Наука, 1975а. 223 с.

Кызласов Л.Р. Курганы средневековых хакасов (аскизская культура) // Первобытная археология Сибири / Отв. ред. А.М. Мандельштам. Л.: Наука, 1975б. С. 193–211.

Маршак Б.И. История восточной торевтики III–XIII вв. и проблемы культурной преемственности. СПб.: Академия исследования культуры, 2017. 736 с.

Минасян Р.С. Металлообработка в древности и Средневековье. СПб.: ГЭ, 2014. 472 с.

Распопова В.Д. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.: Наука, 1980. 136 с.

Руденко К.А. Железные изделия с инкрустацией из Волжской Булгарии XI-XII вв. // Пензенский археологический сборник. Вып. 5 / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза: Институт регионального развития Пензенской области, 2022. С. 203–225.

Семёнов С.А. Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы) / МИА. № 54. М.; Л.: АН СССР, 1957. 240 с.

Скобелев С.Г. Тува в Позднем Средневековье // История Сибири в 4-х томах. Т. 2. Железный век и Средневековье / Отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2019. С. 344–348.

Солод Ю.С., Давыдов Р.В. Торевтика с инкрустацией из погребений енисейских кыргызов: факторы сохранности в свете дальнейшего изучения // Археология Евразийских степей. 2019. № 5. С. 187–195.

Флёров А.В. Материаловедение и технология художественной обработки металлов. М.: Высшая школа, 1981. 288 с.

Dolfini A., Crellin R.J. Metalwork wear analysis: The loss of innocence // Journal of Archaeological Science. 2016. Vol. 66. P. 78–87.

Shao Y., Lu X., Fu W., Jiang F., Yang J., Gai Z., Dong L. Technical characteristics and coating formation mechanism of gilded silver products unearthed from the Consort Tomb of Emperor Shengzong of the Liao dynasty // Archaeological and Anthropological Sciences. 2023. P. 1-16.

Tan P., Yang J., Ren X. Technical features of a ninth-century silver vessel of southern China uncovered from Famen Monastery, Shaanxi province // Herit Sci. 2021. P. 1–12.

Информация об авторах:

Давыдов Роман Вячеславович, младший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск, Россия); puer-viro@mail.ru

Ганш Максим Дмитриевич, студент, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (г. Новосибирск, Россия); maxsimus326@gmail.com

Курочкина Елизавета Олеговна, студент, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (г. Новосибирск, Россия); e.kurochkina1@g.nsu.ru

Шаманин Даниил Андреевич, студент, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (г. Новосибирск, Россия); d.shamanin@g.nsu.ru

REFERENCES

Baipakov, K. M., Goryacheva, V. D. 1999. In Brykina, G. A. (ed.). *Srednyaya Aziya i Dal'niy Vostok v epokhu srednevekov'ya. Srednyaya Aziya v rannem srednevekov'e (Central Asia and the Far East in the Middle Ages. Central Asia in the Early Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 151–163 (in Russian).

Butanaev, V. Ya. 2019. In *Sovremennye etnicheskie protsessy na territorii tsentral'noy Azii: problemy i perspektivy (Modern ethnic processes in Central Asia: issues and prospects)* 1, 26–31 (in Russian).

Weinstein, S. I. 1974. *Istoriya narodnogo iskusstva Tuvy (History of folk art of Tuva).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Georgi, I. G. 1799. *Opisanie vsekh obitayushchikh v Rossiyskom gosudarstve narodov: ikh zhiteyskikh obryadov, obyknoveniy, odezhd, zhilishch, uprazhneniy, zabav, veroispovedaniy i drugikh dostopamyatnostey*

(Description of All Peoples in the Russian State: their Rites, Customs, Clothing, Dwellings, Exercises, Games, Faiths and Other Notable Features) Vol. 4. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Girya, E. Yu. 1997. *Tekhnologicheskiy analiz kamennykh industriy (metodika mikro-makroanaliza drevnikh orudiy truda, chast' 2) (Technological study of stone industries (methodology of micro-macroanalysis of ancient tools, part 2))*. Saint Petersburg: “Akadem Print” Publ. (in Russian).

Girya, E. Yu. 2015. In Lozovskaia, O. V., Lozovskii, V. M., Girya, E. Yu. (eds.). *Sledy v istorii. K 75-letiiu Viacheslava Evgen’evicha Shchelinskogo (Traces in History: towards the 75th Anniversary of Vyacheslav Shchelinsky)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 232–267 (in Russian).

Gubina, T. A. 2020. In *Kazanskiy vestnik molodykh uchenykh (Kazan Bulletin of young scientists)* 4 (3), 87–98 (in Russian).

Darkevich, V. P. 1976. *Khudozhestvennyi metall Vostoka VIII—XIII vv. (Artistic Metalwork in the Orient in 8th – 13th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Dluzhnevskaya, G. V. 1987. In Pletneva, L.M. (ed). *Smena kul'tur i migratsii v Zapadnoi Sibiri (Change of Cultures and Migration in Western Siberia).* Tomsk: Tomsk State University, 100–103 (in Russian).

Titarenko, M. L. (ed.). 2010. *Dukhovnaya kul'tura Kitaya (Spiritual culture of China)* Vol. 6. Moscow: “Vostochnaya literature” Publ. (in Russian).

Evtyukhova, L. A. 1940. In Udaltsov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material’noi kul’tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 23. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 40–44 (in Russian).

Karlova, E. M., Pastukhov, A. M., Popov, A. Yu., Uspenskaya, E. N. 2015. *Smertel'naya krasota. Oruzhie Indii i Kitaya. Katalog vystavki (Mortal beauty. Weapons of India and China. Exhibition catalog).* Moscow: “Gosudarstvennyi Muzei Vostoka” Publ. (in Russian).

Korol, G. G., Naumova, O. B. 2017. *Khudozhestvennyy metall u kochevnikov (Tsentral'naya Aziya rubezha I – II tys.) (Artistic metal among nomads (Central Asia at the turn of I – II millennia)).* Moscow: Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Korol, G. G. 2021. In *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika «Tomskaya Pisanica» (Scientific notes of the Museum-Reserve "Tomsk Pisanitsa")* 4, 47–68 (in Russian).

Kyzlasov, I. L. 1983. *Askizskaya kul'tura Yuzhnoy Sibiri X–XIV vv. (Askizskaya Culture of South Siberia in the 10th –14th cc.).* Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E3-18. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Kyzlasov, I. L. 1983. In Tulepbaeva, B. A. (ed.). *Srednevekovaia gorodskaia kul’tura Kazakhastana i Srednei Azii (Medieval Urban Culture of Kazakhstan and Central Asia)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ. 120–130 (in Russian).

Kyzlasov, I. L. 2010. In Makarov, N. A., Koval’, V. Yu. (eds.). *Rus’ i Vostok v IX–XVI vekakh: Novye arkheologicheskie issledovaniia (Rus’ and Orient in 9th – 16th Centuries: Recent Archaeological Studies)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; “Nauka” Publ., 139–162 (in Russian).

Kyzlasov, I. L. 2018. In *Zemli rodnoy minuvshaya sud'ba… K yubileyu A.E. Leont'eva (Native land's past destiny ... To the anniversary of A.E. Leontyev)*. Moscow: Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, 228–250 (in Russian).

Kyzlasov, L. R. 1975a. *Istoriya Tuvy v srednie veka (History of Tuva in the Middle Ages)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Kyzlasov, L. R. 1975. In Mandelshtam, A. M. (ed.). *Pervobytnaya arkheologiya Sibiri (Primeval archaeology of Siberia).* Leningrad: “Nauka” Publ., 193–211 (in Russain).

Marshak, B. I. 2017. *Istoriya vostochnoy torevtiki III–XIII vv. i problemy kul'turnoy preemstvennosti (History of the eastern toreutics of the III–XIII centurie and issues of cultural continuity)*. Saint Petersburg: Academy of Culture Research(in Russian).

Minasian, R. S. 2014. *Metalloobrabotka v drevnosti i srednevekov'e (Metalworking in Antiquity and the Middle Ages*). SPb.: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2014. Saint Petersburg: “State Hermitage Museum” Publ. (in Russian).

Raspopova, V. D. 1980. *Metallicheskie izdeliia rannesrednevekovogo Sogda (Metal Articles of Early Medieval Sogd)*. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

Rudenko, K. A. 2022. In Belorybkin, G. N. (ed.). *Penzenskii arkheologicheskii sbornik (Penza Archaeological Collected Papers)* 5. Penza: Institute of Regional Development of the Penza region, 203–225 (in Russian).

Semenov, S. A. 1957. *Pervobytnaia tekhnika (Primeval Technics)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR). Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Skobelev, S. G. 2019. In Molodin, V. I. (ed.). *Istoriya Sibiri (History of Siberia) 2 Zheleznyy vek i Srednevekov'e (The Iron Age and the Middle Ages).* Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography, 344–348 (in Russian).

Solod, Yu. S., Davydov, R. V. 2019. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 187–195 (in Russia)

Flerov, A. V. 1981. *Materialovedenie i tekhnologiya khudozhestvennoy obrabotki metallov (Materials science and technology of artistic metalworking)*. Moscow: “Vysshaya shkola” Publ. (in Russian).

Dolfini A., Crellin R.J. 2016. In *Journal of Archaeological Science* 66, 78–87 (in English).

Shao Y., Lu X., Fu W., Jiang F., Yang J., Gai Z., Dong L. 2023. In *Archaeological and Anthropological Sciences* 1, 1–16 (in English).

Tan P., Yang J., Ren X. 2021. In *Heritage Science* 1, 1–12 (in English).

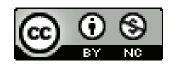
About the Authors:

Davydov Roman V. Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS Acad. Lavretiev Avenue, 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; puer-viro@mail.ru

Gansh Maksim D. Novosibirsk State University. Pirogov., str., 1, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; maxsimus326@gmail.com

Kurochkina Elizaveta O. Novosibirsk State University. Pirogov., str., 1, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e.kurochkina1@g.nsu.ru

Shamanin Daniil A. Novosibirsk State University. Pirogov., str., 1, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; d.shamanin@g.nsu.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2024 г.
Статья принята к публикации 01.10.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.5.217.226

ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ БАШКИРСКОГО ПРИУРАЛЬЯ В XIV В. ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИЗУЧЕНИЯ КАШИННОЙ КЕРАМИКИ[1]

© 2024 г. А.И. Тузбеков

В статье представлены результаты изучения кашинной керамики, выявленной на поселенческих памятниках археологии золотоордынского периода на территории Башкирского Приуралья, которые позволили определить направления торговых связей населения региона в XIV в. В рамках исследования изучены 218 фрагментов кашинной посуды, обнаруженной на 4 поселенческих памятниках. Для ее классификации применена методика В.Ю. Коваля. В результате проведенных исследований установлено, что население Башкирского Приуралья, в золотоордынский период, имело прочные торговые связи с городами Нижнего и Среднего Поволжья, Средней Азии и Ирана. Определено, что в первой половине XIV века южный вектор торговых связей претерпел изменения и получил новый импульс для развития. Концентрация большинства изделий из кашина, найденных в Башкирском Приуралье, на селище Подымалово-1 позволило сделать вывод о его высокой значимости в сухопутной торгово-коммуникационной сети региона, которая возможно осуществлялась по вершинам водоразделов.

Ключевые слова: позднее средневековье, Башкирское Приуралье, кашинная керамика, селище Подымалово-1

TRADE TIES OF THE BASHKIR URAL AREA POPULATION IN THE XIV CENTURY ACCORDING THE STUDY OF THE KASHIN POTTERY[2]

A.I. Tuzbekov

The article presents the results of the study of Kashin ceramics, discovered at settlements of the Golden Horde period in the territory of the Bashkir Pre-Urals, which allowed determining the directions of trade connections of the region's population in the 14th century. Within the framework of the study, 218 fragments of Kashin pottery found at 4 settlements were examined. V.Yu. Koval's methodology was applied for its classification. As a result of the research, it was established that the population of the Bashkir Pre-Urals had strong trade connections with the cities of the Lower and Middle Volga region, Central Asia, and Iran during the Golden Horde period. It is determined that in the first half of the XIV century, the southern vector of trade relations underwent changes and received a new impetus for development. The concentration of the majority of Kashin products found in the Bashkir Pre-Urals on the Podymalovo-1 settlement allowed concluding its high significance in the region's land trade and communication network, which possibly took place along the watershed peaks.

Keywords: late Middle Ages, Bashkir Pre-Urals, Golden Horde, glazed kashin ceramics, Podymalovo-1 settlement

Введение

Башкирское Приуралье находясь в пограничье степи и леса издревле являлось территорией активного взаимодействия между оседлым и кочевым мирами. Через регион преимущественно осуществлялся транзит предметов из запада и юга на север и обратно. Данные векторы торговых путей начали формироваться еще в период бронзового века (Круглов, 2018, с. 90; Членова, 1983, с. 52) и получили свое дальнейшее развитие в последующие эпохи.

В период раннего железного века А.Д. Таировым отмечалось наличие связи ананьинских племен с сакским миром через Западную (Приуральскую) Башкирию,

[1] Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ, No 122041900119-2

[2] The research was carried out as a part of the State Task of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, No 122041900119-2

Южное Приуралье и Приаралье (низовья Амударьи и Сырдарьи) (Таиров, 2003, с. 23). Активно развивалась международная торговля со странами Востока и скифским миром по Камскому и Волжскому путям. В этот период Предуралье превратилось во всемирно известного поставщика бесценной уральской пушнины (Белавин, 2023, с. 4-5).

С началом эпохи раннего средневековья эти пути приобрели еще большую значимость. В этот период в Приуралье начинают формироваться сильные политические объединения, не имевшие собственной производственной базы и для того, чтобы показать свой статус предводители объединений начинают накапливать большое количество предметов роскоши (Безруков, 2015, с. 255).

Экономический рост, политический и культурный расцвет Сасанидского Ирана дает новый импульс для развития торговых путей и формирования системы евразийской торговли. В V–VII вв., по мнению Ю.Б. Морозова, для коммуникаций начал активно использоваться степной путь через Среднюю Азию, Усть-Урт, по казахстанским, оренбургским и башкирским степям до северной оконечности Кунгурско-Месягутовской лесостепи на берегах Чусовой, Сылвы и Камы в окрестностях Кунгура и Перми (Белавин, 2023, с. 5). В этот период одной из ключевых точек, где пересекались торговые пути, стала территория слияния рр. Белой, Уфы, Демы. По мнению Р.Р. Тамимдаровой, городище Уфа-II, расположенное в южной оконечности Уфимского полуострова, являлось транзитным либо конечным пунктом прибытия караванов из юго-восточных регионов, местом товарооборота купцов с местным населением и жителями Прикамья (Тамимдарова, 2012, с. 349).

Формирование в IX–X вв. Волжской Булгарии, к западу от рассматриваемого региона, придало мощный импульс для экономического развития всей Восточной Европы и оказало большое влияние на развитие торговых отношений в Приуралье. Не смотря на отсутствие на территории Башкирского Приуралья поселений булгар и их факторий, наличие среди находок предметов, изготовленных булгарскими мастерами, свидетельствует об активном взаимодействии населения.

В XIII в. монгольское нашествие привело к существенному ослаблению экономической связи региона со Средним Поволжьем, Средней Азией и степями Прикаспия, но последующее включение Башкирского Приуралья в состав золотоордынского государства, придало мощнейший импульс в развитии торговых отношений.

В XIV в. средства, получаемые от внешней и внутренней торговли, являлись значительным источником доходов Золотой Орды, а караванные пути являлись связующим звеном между улусами. Поэтому государство придавало большое значение развитию торговли и созданию новых маршрутов. По мнению Р.М. Валеева, именно этот период характеризуется наиболее высоким уровнем развития торговли в регионе, особенно в первой половине XIV в. и ее стагнацией в 60–70-е гг., связанной с «Великой Замятней» (Валеев, 2013, с.99). Федоров-Давыдов Г.А., характеризуя эти события не раз упоминал, что в результате междоусобных войн в Золотой Орде произошла сильнейшая деградация внутренней торговли и городских ремесел в золотоордынских центрах уже в 80-е годы XIV в. (Федоров-Давыдов, 1960, с.115).

Как было справедливо отмечено Г.Н. Гарустовичем, на сегодняшний день в археологии Южно-Уральского региона сложилась ситуация, когда даже специалисты о периоде XIII - XIV вв. знают очень немного. Памятники лесостепной зоны Приуралья и Зауралья золотоордынского периода известны в небольшом количестве, а раскопанных среди них еще меньше (Гарустович 2012, с.15).

Существовавший до начала XXI в. перекос в сторону исследований погребальных памятников Башкирского Приуралья, которые в основном были представлены захоронениями с мусульманским обрядом, практически не давали ученым данных для реконструкции торговых связей населения Башкирского Приуралья в золотоордынский период. Но появление новых археологических материалов, в результате изучения поселений, местонахождений, металлургических центров, кладов проведенных Г.Н. Гарустовичем (Гарустович, 1998), Э.В. Камалеевым (Ахатов и др., 2018), Р.Р. Насретдиновым, Е.В. Руслановым (Русланов, 2022, 2023), С.В. Рязановым (Рязанов, 2011), А.И. Тузбековым (Тузбеков, 2021) на сегодняшний день позволяют значительно продвинуться в данном вопросе.

Например, в результате исследований Брик-Алгинского местонахождения

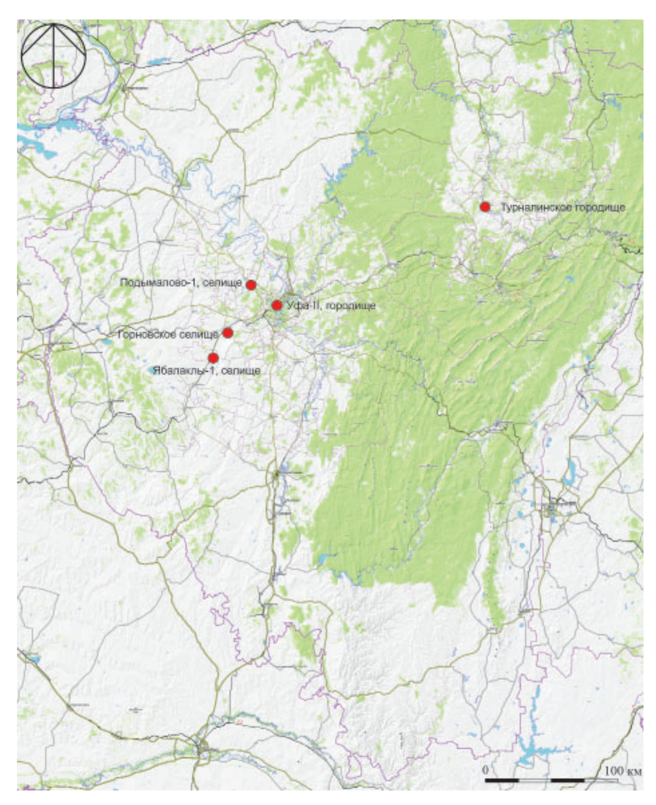

Рис. 1. Памятники Башкирского Приуралья с кашинной керамикой
Fig. 1. Archaeological sites in the Bashkir Ural area, containing kashin ceramics

Г.Н. Гарустович установил, что через Бугульмнско-Белебеевскую возвышенность из золотоордынского Волжско-Булгарского Улуса в сторону Хорезма и Западной Сибири в XIV в. пролегали кратчайшие пути, соединяющие регион Среднего Поволжья с Оренбургскими степями, которые в эпоху средневековья являлись одним из исходных пунктов движения в Среднюю Азию (Гарустович 2012, с.22-23). В предшествовавших исследованиях данных о существовании этого пути известно не было. Анализ изделий из металлов, украшений и монет позволил ему же выдвинуть гипотезу о существовании транзитного пути, проходящего из г. Болгар в Зауралье обходя Уральский хребет с юга (Гарустович 2012, с.150). Тузбеков А.И. изучив материалы селища Подымалово-1, сделал вывод, что оно могло являться одной из стоянок на торговом пути и т.д. (Тузбеков, Камалеев, 2021, с. 135).

В этой связи дальнейшие изучения археологических предметов, найденных на поселениях Башкирского Приуралья периода Золотой Орды, значительно дополнит сведения о торговых связях проживавшего на данной территории населения в период позднего средневековья.

Анализ находок, выявленных на поселениях золотоордынского периода в Башкирском Приуралье, показал, что среди них значимую часть составляют фрагменты керамической посуды, среди которых особое место занимают изделия из кашина. В Золотой Орде изготовление посуды из кашина было организовано в крупных городских центрах и являлось трудоемким и технологически сложным процессом. На протяжении X – XVIII вв. происходило непрерывное изменение ассортимента поливных сосудов, производимых в различных центрах. При этом мы имеем дело с большими партиями изделий, производившихся для продажи на рынке и имеющих одинаковый декор. Изменение декора происходило достаточно быстро (Поливная керамика..., 2017.с. 15). В этой связи поливная керамика в силу узнаваемости даже по мельчайшим фрагментам может дать информацию о месте и времени ее производства.

Цель работы: определение направлений торговых связей населения Башкирского Приуралья в XIV в. по результатам изучения кашинной керамики, выявленной на памятниках археологии золотоордынского периода.

Методика исследования

При изучении кашинной керамики большинство современных археологов наиболее часто используют классификацию, созданную Н.М. Булатовым (Булатов, 1968), дополненную Г.А. Федоровым-Давыдовым (Федоров-Давыдов, 1994, с. 78-137) и другими учеными. Благодаря их исследованиям в литературе сформировалась система взглядов на происхождение традиции производства этой керамики, технологию ее производства (Коваль, 2001, с.85). Однако по мнению Н.Ф. Лисовой, на современном этапе многие из воззрений Н.М. Булатова устарели и уже не так бесспорны, не вся терминология адекватно отражает характеристику керамики (Лисова, 2012, с.9). Изучение фрагментов кашинной посуды, выявленной в Башкирском Приуралье, показало, что применение данной классификации не всегда возможно для сильно фрагментированных и обгоревших черепков. В этой связи, не смотря на ряд критических замечаний в отношении классификации разработанной В.Ю. Ковалем (Волков, 2016, с.189-191, и учитывая то, что выявленные фрагменты

кашинной посуды в основном маленького размера (не более 1-2 см), а часть потеряли глазурь, подрисуночную роспись и т.д., было принято решение в наших исследованиях продолжить использовать классификацию разработанную В.Ю. Ковалем. Созданная им иерархия признаков группировки основывается на принципах «от общего к частному», где главную роль играют признаки функции керамики и технологии ее производства по сравнению с признаками декора и морфологии (Коваль, 2010, с. 14-25). На наш взгляд, одной из сильных сторон разработанной классификации является и то, что автор не ограничивается описанием и распределением кашинных изделий на классы серии и т.д., но и перечисляет памятники на которых они были найдены, приводит их датировку, делает предположения о местах изготовления различных типов кашинной посуды. Классификация В.Ю. Коваля сопровождена достаточно большим цветным альбомом иллюстраций и рисунками, используя которые можно достаточно легко находить аналогии.

Применение классификации В.Ю. Коваля к кашинной керамике, обнаруженной в Башкирском Приуралье, позволило распределить ее на серии, группы, подгруппы и типы в зависимости от технологии ее изготовления и использования того или иного сырья, установить примерные центры ее изготовления.

Результаты исследования

В исследовании были использованы опубликованные материалы и фрагменты кашинной керамики, выявленные в ходе раскопок золотоордынского селища Подымалово-1 в 2022 г. В раках работы рассмотрены 218 фрагментов кашинной посуды, которые были обнаружены в ходе раскопок Турналинскго городища в 1980 г. (2 ед.) (Мажитов, 1980), Горновского селища в 1994 г. (1 ед.) (Гарустович, 1998, 52-56) и 2005 г. (1 ед.) (Обыденова, 2008), селища Подымалово-1 в 2017 г. (16 ед.) (Тузбеков, Камалеев, 2021), 2019 г. (28 ед.)(Тузбеков, 2021), 2022 г. (169 ед. (7 ед. не удалось классифицировать) и разведочных работ на селище Ябалыклы-1 в 2021 г. (1 ед.) (Русланов, 2023).

Из 218 изученных фрагментов в соответствии с классификацией В.Ю. Коваля 216 ед. были отнесены к классу Полуфаянсов и 2 ед. к классу Фаянсов. Первоначально рассмотрены черепки, отнесенные к классу Полуфаянсов, которые были распределены по 3 сериям.

К серии 1 (Полуфаянсы без дополнительного декора), группе 1 (Монохромные полуфаянсы), подгруппе Б (Бирюзовые полуфаянсы), виду 3 (из рыхлого кашина) были отнесены 16 фрагментов керамики, выявленной на селище Подымлово-1, в 2017 г.(2 ед.) и 2022 г. (14 ед.) (рис. 2: 1). По мнению В.Ю Коваля, подобные изделия были известны в Средней Азии (Хорезм, Хорасан, Самарканд) XIII–XIV вв. и золотоордынских городах.

К серии 2 (Полуфаянсы с надглазурным декором), группе 1 (Люстровые полуфаянсы), подгруппе В (Люстровые полуфаянсы с синей (ультрамариновой) глазурью), типу 2 (Люстровые полуфаянсы с темно-синей глазурью), виду 2 (Изделия из мягкого белого кашина.) относится один фрагмент венчика гюльабдана, найденный при раскопках Горновского селища в 2005 г. (рис. 2: 2). В соответствии с классификацией В.Ю. Коваля, люстры с плотной ультрамариновой глазурью были произведениями мастеров Сирии XII–XIV вв.

К серии 3 (Полуфаянсы с подглазурным декором) были отнесены 91% (199 ед.) рассмотренных фрагментов керамики, которые были найдены в ходе исследований Турналинского городища в 1980 г. (2 ед.), Горновского селища в 1994 г. (1 ед), селища Ябалыклы-1 в 2021 г. (1 ед.), селища Подымалово-1 в 2017 г. (12 ед.), 2019 г. (28 ед.) и 2022 г. (155 ед.). Данные черепки были распределены по 3 группам 6, 9 и 10

В группу 6 (Полуфаянсы с росписью ангобом), подгруппу Б (Полуфаянсы с бихромной (ультрамариновой и бирюзовой) глазурями) были отнесены 11 фрагментов кашинной посуды, выявленные в ходе исследований селища Подымалово-1 в 2022 г. (рис. 2: 3). По мнению Н.М. Булатова подобные изделия были известны в золотоордынских городах Поволжья XIV в (Коваль, 2010, с. 71).

В группу 9 (Полуфаянсы с подглазурной росписью красками) были включены 59 черепков которые были распределены по Подгруппам А и Б.

В подгруппу А (Полуфаянсы с трехцветной росписью черно-коричневой (или зеленой), синей и бирюзовой красками) были включены 25 фрагментов кашинной керамики обнаруженной на селище Подымалово-1 и Турна-

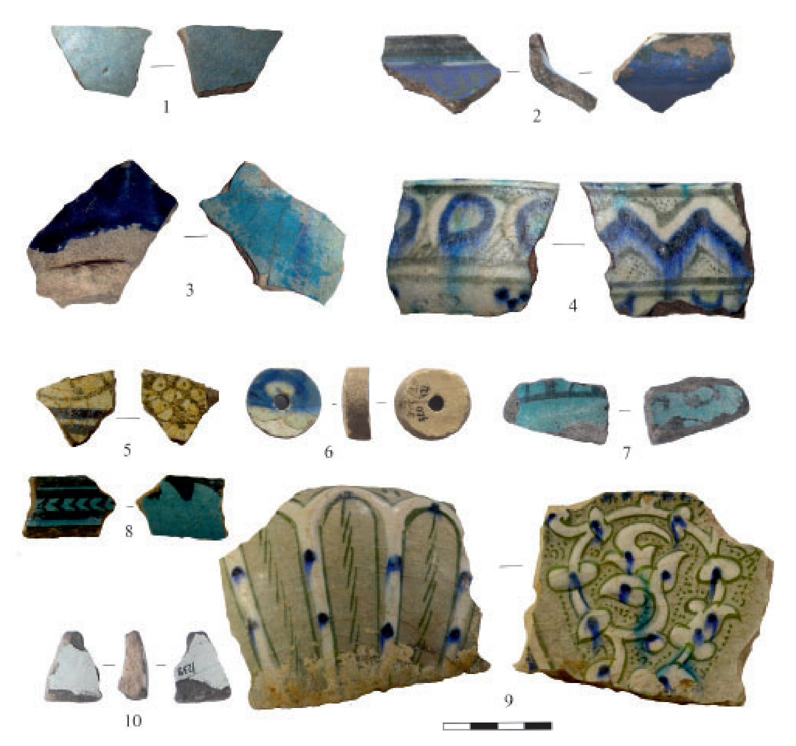

Рис. 2. Кашинная керамика из Подымаловского селища (1, 3-5, 7-10), Горновского селища (2), Турналинского городища (6)
Fig. 2. Kashin ceramics from the settlements of Podymalovo-1 (1, 3-5, 7-10), Gornovo (2) and Turnaly (6)

линком городище которые были включены во 2-ой, 8-ой и 11-ый типы

К типу 2 (Полуфаянсы с трехцветной росписью – черно-коричневой (или зеленой), синей и бирюзовой красками) можно отнести 17 фрагментов, которые были обнаружены в ходе раскопок селища Подымалово-1 в 2019 г.(2 ед.) и 2022 г. (15 ед.) (рис. 2: 4). По мнению Н.М. Булатова, черно-сине-бирюзовая гамма росписи по белому фону присуща продукции золотоордынского Поволжья середины – второй половины XIV в. (Коваль, 2010, с. 72).

К типу 8 (Полуфаянсы с бихромной росписью – черной (или зеленой) и синей красками), Виду 2 (Изделия из мягкого кашина), были отнесены 6 черепков, выявленных в ходе исследований селища Подымалово-1 в 2019 г. (1 ед.) и 2022 г. (5 ед.) из которых 5 фрагментов можно отнести к варианту 1 (Полуфаянсы с черно-синей росписью) (рис. 2: 5) и 1 к варианту 2 (Полуфаянсы с зелено-синей росписью). По мнению В.Ю. Коваля, подобная посуда могла производиться на территории Ирана начиная с XIII в (Коваль, 2010, с. 82–84).

К типу 11 (Полуфаянсы с монохромной синей росписью), виду 3 (Изделия из рыхлого кашина), варианту 1 (Керамика с позитивной бесконтурной росписью) относятся 2 черепка, обнаруженные в ходе исследований Турналинского городища в 1980 г. (рис. 2: 6). По мнению Н.М. Булатова, Г.А. Федорова-Давыдова, В.И. Шляховой, подобная керамика изготавливалась в конце XIV–XV в. в золотоордынском Поволжье и Средней Азии (Коваль, 2010, с. 88).

В подгруппу Б (Полуфаянсы с бирюзовой поливой) были включены 34 фрагмента, изготовленные из рыхлого и мягкого кашина, которые были найдены на Горновском селище в 1994 г. (1 ед.) и в ходе раскопок селища Подымалово-1 в 2017 г. (6 ед.) (рис. 2: 7) 2019 г. (2 ед.) и в 2022 г. (25 ед.) (рис. 2: 8). По мнению В.Ю. Коваля, опирающегося на ряд работ исследователей, в конце XIII–XIV вв. эта керамика составляет один из самых распространенных типов кашинной посуды в Иране, Сирии, Средней Азии и золотоордынском Поволжье (Коваль, 2010, с. 90).

В группу 10 (Полуфаянсы с полихромной росписью красками и белым ангобом), подгруппу А (Полуфаянсы с бесцветной глазулью), которая была представлена единственным типом керамики «Кашинная керамика с полихромной подглазурной росписью и рельефом», были включены около 60% (129 ед.) рассмотренной керамики обнаруженной на селищах Ябалыклы-1 (1ед.) и Подымалово-1 (128 ед.) (рис. 2: 9). По мнению Н.М. Булатова, Г.А. Федорова-Давыдова, со второй трети XIV в. подобную керамику в больших количествах начали производить в золотоордынских городах Поволжья (Булатов, 1968, с. 99–101; Федоров-Давыдов, 1994, с. 79–88, рис. 3–6)

К классу Фаянсов, серии 1, группе монохромных фаянсов, подгруппе А (Белые фаянсы) были отнесены 2 фрагмента, выявленные в ходе раскопок селища Подымалово-1 в 2022 г. По мнению В.Ю. Коваля, подобную посуду начали изготавливать в Иране в XII в. и она бытовала на Ближнем и Среднем Востоке в XIII–XV вв. (Коваль, 2010, с. 38).

Проведенное исследование показало, что из 4 памятников, на которых были обнаружены фрагменты кашинной керамики, 3 находятся на расстоянии 30-60 км от места слияния крупных рек Белая, Уфа, Дема, где, по мнению Р.Р. Тамимдаровой, находилась одна из точек товарооборота (Тамимдарова, 2012, с. 349) и в 3-35 км, от места расположения золотоордынских мавзолеев Тура-хана, Хусейнбека и «Малого кэшэнэ».

В ходе исследования было установлено, что не смотря на примерно сопоставимые площади раскопок реперного для данного периода Горновского селища (497 кв. м.) (Русланов, 2022) и селища Подымалово-1 (450 кв.м.), на последнем памятнике было выявлено в сотни раз больше фрагментов кашинной посуды, чем на первом, что на наш взгляд объясняется топографией расположения и сезонностью использования площадки Горновского селища. Селище Подымалово-1 имеет несколько иное месторасположение и размеры, что отличает его от селища Горново и др. Памятник расположен у подножья высокой коренной террасы, на берегу маленькой, извилистой р.Сикиязка и занимает площадь 27 га (по результатам исследований 2023 г.). Население на площадке проживало круглогодично, занималось земледелием, скотоводством и ремесленным производством.

Как и в других регионах Золотой Орды, одной из важных функций, осуществляемых государственной администрацией на территории Башкирского Приуралья было обустройство торговых путей и обеспечение их безопасности. На местах пересечения нескольких путей могли организовываться стоянки и торговые центры, где караваны пополняли запасы воды, еды и осуществляли торговые операции с местным населением. Возможно, с этим можно связать различия в вещевом комплексе и сооружениях, которые были обнаружены в ходе исследований Подымалово-1 и поселенческих памятников Горново, Тукмак-Каран, Старо-Нагаево II, Кармасан и др.

На основе предположений высказанных Г.Н. Гарустовичем, итогов раскопок селища Подымалово-1 была сформулирована гипотеза, о том, что в золотоордынский период коммуникация могла осуществляться как по водному пути, который проходил через Центральный Башкортостан (Гарустович 2012, с.153), так и по пологим вершинам водоразделов, которые тянутся на несколько десятков километров и образуют естественные пути сообщения региона с севером и западом. Преимуществом передвижения по ним являлась незначительность снежного покрова в зимний период, отсутствие необходимости движения по широким подтапливаемым поймам и пересечения большого количества мелких водных преград, с разветвленной овражно-балочной сетью.

В качестве косвенного доказательства использования водораздельных вершин для организации путей сообщения в Башкирском Приуралье могут являться легенды и предания о меридиональных дорогах «Канифа юлы» (Дорога Канифы) и «Куныр буга юлы» (Дорога бурого быка) (Аминев, 2009), которые также проходили по вершинам водоразделов в горнолесной части Южного Урала.

Классификация кашинной керамики, обнаруженной на Турналинском городище и наличие информации о нахождении Н.А. Мажитовым на памятнике кашинного кувшина (Мажитов, 1964), позволяет предположить, что через данный пункт в XIV начале XV вв. могла осуществляться коммуникация населения Башкирского Приуралья с Зауральем. В этот период городище могло являться укрепленной усадьбой феодала (Бадер, Оборин, 1958, с. 202), одновременно выполнявшей функции сторожевого форпоста, контролировавшего движение по торговым путям, подобно тем, которые описаны в исследовании Р.М. Валеева (Валеев, 2009, с. 15).

Выводы

Изучение изделий из кашина позволяет утверждать, что население Башкирского Приуралья в золотоордынский период имело торговые связи с городами Нижнего и Среднего Поволжья, Средней Азии и Ирана.

Наличие разнообразной кашинной посуды свидетельствует, что в первой половине XIV в., южный вектор торговых связей, нарушенный в ходе монгольского нашествия, был полностью восстановлен.

Концентрация большинства изделий из кашина, найденных в Башкирском Приуралье, на селище Подымалово-1 свидетельствует о его высокой значимости в сухопутной торгово-коммуникационной сети региона, которая возможно осуществлялась по вершинам водоразделов.

Отсутствие на золотоордынских памятниках среди находок изделий из кашина конца XIV начала XV вв., кроме Турналинского городища, свидетельствует о нарушении торговых отношений рассматриваемого региона с югом, вызванных, скорее всего, началом «Великой Замятни» и эпидемией чумы.

ЛИТЕРАТУРА

Аминев З.Г. Дороги Южного Урала и их роль в этногенезе башкир // Феномен Евразийства в материальной и духовной культуре, этнологии и антропологии башкирского народа: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, проводимой в рамках разработки 7-томного издания “История башкирского народа” (г.Уфа-Сибай, 27–29 мая 2009 года) / Отв.ред. Р.М. Юсупов, Ф.Г. Хисмитдинова, М.М. Кульшарипов. Уфа: Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, 2009. С. 25–27.

Ахатов А.Т., Бахшиев И.И., Тузбеков А.И. Камалеев Э.В. Селище Подымалово–1 в Приуралье: новый памятник эпохи Золотой Орды в Башкирии (предварительные результаты) // История и педагогика естествознания. 2018. № 4. С. 28–32.

Безруков А.В. Импортные римские и византийские серебряные изделия на территории Волго-Камья (по материалам археологических комплексов I в. до н.э. V–VII вв. н.э.) // Проблемы истории, филологии, культуры (ПИФК). 2015. №3. С. 253–263.

Белавин А.М. Реки как транспортная основа Камского торгового пути // Труды КАЭЭ. 2023. № 22. С. 3-14. DOI 10.24412/2658-7637-2023-22-3-14.

Булатов Н.М. Классификация кашинной поливной керамики золотоордынских городов (По материалам Царёвского, Селитренного и Маджарского городищ) // СА. 1968. № 4. С. 95–109

Валеев Р.М. Роль средних и малых городов и поселений в системе внутренней и внешней торговли Среднего Поволжья и Прикамья (X-XIV вв.) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 97. С. 9–20.

Валеев Р.М. Международные торговые связи Болгарских земель в X-XIV вв // Великий Болгар / Отв. ред. В.С. Баранов, Р.М. Валеев, Р.Р. Салихов, М.Д. Полубояринова, Р.Ф. Шарифуллин. М., Казань: Феория, 2013. С. 94–103.

Волков И.В. Керамика золотоордынского города Маджара // Материалы Первого Маджарского археологического форума. Пятигорск – Буденовск – 2012 / Археология Евразийских степей. Вып. 23 / Отв. ред. Ю.Д. Обухов. Казань: Казанская недвижимость, 2016. С. 139–222.

Гарустович Г.Н. Население Волго-Уральско лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры. Автореф. Дисс. … канд. истор. наук. Уфа, 1998. 27 с.

Гарустович Г.Н. Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры. Дисс. … канд. истор. наук. Уфа, 1998 229 с.

Гарустович Г.Н. След великой замятни (Местонахождение XIV века у деревни Брик-Алга). Уфа: АН РБ, Гилем, 2012. 222 с.

Коваль В.Ю. Кашинная керамика Золотой Орды: происхождение, технология, терминология // Поволжье в средние века. Тезисы конференции / Отв. ред. Т.В. Гусева. Нижний Новгород: НГПУ, 2001. С. 83–86.

Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси IX–XVII вв. М.: Наука, 2010. 269 с.

Круглов Е.А. Южный Урал в системе транзитных путей Великого шелкового пути // Уфимский археологический вестник. 2018. №18. С. 86–94. DOI: 10.31833/uav.2018.18.007

Лисова Н.Ф. Орнамент глазурованной посуды золотоордынских городов Нижнего Поволжья / Археология евразийских степей. Вып. 15. Казань: ИИ АН РТ, 2012. 184 с.

Мажитов Н.А. Научный отчет о результатах археологической экспедиции за 1964 г. // Архив Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 10.

Мажитов, Н.А. Научный отчет об археологических раскопках Торналинского городища в 1980 году // Архив Археологической лаборатории БашГУ. Ф. 2. Д. 10

Обыденнова Г.Т. Отчет о научно-исследовательской работе по ГНТП РБ за 2005-2007 гг. Тема: «Башкирский аул XVI-XIX веков в историко-археологическом исследовании». Уфа, 2008. 64 с. // Научный архив Лаборатории археологического источниковедения и историографии Института исторического и правового образования Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы.

Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья в X–XVIII вв. Т. 2 / Под ред. С.Г. Бочарова, В. Франсуа, А.Г. Ситдикова. Казань; Кишинев: Stratum Plus, 2017. 845 с.

Русланов Е.В. Горновский археологический комплекс золотоордынского времени в Предуралье: к 60-летию научного изучения // Археология Евразийских степей. 2022. № 6. С. 253–267. DOI 10.24852/2587-6112.2022.6.253.267.

Русланов Е.В. Селище Ябалаклы-1: новые материалы по чияликской культуре Южного Предуралья // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 5. С. 118-130. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-118-130.

Рязанов С.В. Металлургия железа на Южном Урале в XIII-XIV вв. Уфа: Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН, 2011. 124 с.

Таиров А.Д. К вопросу о связях ананьинских племен с сакским миром // Вестник Челябинского государственного университета. Серия 1. История. 2003. № 2. С. 22–29.

Тамимдарова Р.Р. Городище Уфа-II в системе торговых маршрутов // Кадырбаевские чтения – 2012. Материалы III Международной научной конфереии / Отв. ред. А.А. Бисембаев. Актобе: Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2012. С. 347–351.

Тузбеков А.И. Кашинная керамика с селища Подымалово-1 (по результатам раскопок 2019 года) // Теория и практика археологических исследований. 2021. Т. 33, № 4. С. 157–165. DOI 10.14258/tpai(2021)33(4).-09.

Тузбеков А.И. Камалеев Э.В. Поливная кашинная керамика XIII-XV вв. с территории Башкирского Приуралья // Проблемы истории, филологии, культуры (ПИФК) 2021. № 1(71). С. 126–139. DOI 10.18503/1992-0431-2021-1-71-126-139.

Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Вып. I / Отв. ред. Д.Б. Шелов. М.: АН СССР, 1960. С. 94–192.

Фёдоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М.: МГУ, 1994. 232 с.

Членова Н. Л. Предыстория «торгового пути Геродота» // СА. 1983. № 1. С. 47–66.

Информация об авторе:

Тузбеков Айнур Ильфатович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН (г. Уфа, Россия); aituzbekov@gmail.com

REFERENCES

Aminev, Z. G. 2009. In YUsupov, R. M., Khismitdinova, F. G., Kulsharipov, M. M. (eds.). *Fenomen Evraziystva v material'noy i dukhovnoy kul'ture, etnologii i antropologii bashkirskogo naroda (The phenomenon of Eurasianism in the material and spiritual culture, ethnology and anthropology of the Bashkirs).* Ufa: Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 25–27 (in Russian).

Akhatov, A. T., Bahshiev, I. I., Tuzbekov, A. I. Kamaleev, E. V. 2018. In *Istoriia i pedagogika estestvoznaniia (History and Pedagogy of Natural Science)* (4), 28–32 (in Russian).

Bezrukov, A. V. 2015. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Journal of Historical, Philological and Cultural Studies)* 71 (3), 253–263 (in Russian).

Belavin, A. M. 2023. In *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* 22, 3–14. DOI 10.24412/2658-7637-2023-22-3-14 (in Russian).

Bulatov, N. M. 1968. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 95–109 (in Russian).

Valeev, R. M. 2009. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena (Proceedings of the Herzen University Journal of Humanities & Sciences)* 97, 9–20 (in Russian).

Valeev, R. M. 2013. In Baranov, V. S. Valeev, R. M., Salikhov, R. R. Poluboiarinova, M. D., Sharifullin, R. F. (eds.). *Velikii Bolgar (Great Bolgar)*. Moscow-Kazan: “Feoriia” Publ., 94–103 (in Russian).

Volkov, I. V. 2016. In Obukhov, Yu. D. (ed.). *Materialy Pervogo madzharskogo arkheologicheskogo foruma. Piatigorsk-Budenovsk-2012. (Materials of the First Majar Archaeological Forum. Pyatigorsk-Budyonnovsk-2012).* Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 23. Kazan: "Kazanskaia nedvizhimost'" Publ. House, 139–222 (in Russian).

Garustovich, G. N. 1998. *Naselenie Volgo-Ural'skoy lesostepi v pervoy polovine II tysyacheletiya nashey ery (The population of the Volga-Ural forest-steppe in the first half of the II millennium AD).* Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Ufa (in Russian).

Garustovich, G. N. 1998. *Naselenie Volgo-Ural'skoy lesostepi v pervoy polovine II tysyacheletiya nashey ery (The population of the Volga-Ural forest-steppe in the first half of the II millennium AD).* Diss. of Candidate of Historical Sciences. Ufa (in Russian).

Garustovich, G. N. 2012. *Sled velikoy zamyatni (Mestonakhozhdenie XIV veka u derevni Brik-Alga). (The trace of the Great Troubles period (Site of the XIV century near the village of Brik-Alga).* Ufa: Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, "Gilem" Publ. (in Russian).

Koval, V. Yu. 2001. In Guseva, T. V. (ed.). *Povolzh'e v srednie veka (Volga Region in the Middle Ages)*. Nizhniy Novgorod: Nizhny Novgorod Pedagogical University Publ., 83–86 (in Russian).

Koval, V. Yu. 2010. *Keramika Vostoka na Rusi. IX—XVII veka (Oriental Ceramics in Rus' in 9th—17th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kruglov, E. A. 2018. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Bulletin)* 18, 86–94, DOI: 10.31833/uav.2018.18.007 (in Russian).

Lisova, N. F. 2012. *Ornament glazurovannoy posudy zolotoordynskikh gorodov Nizhnego Povolzh'ya (Ornamentation of the Glazed Ware of the Golden Horde Towns of the Lower Volga Region).* Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 15. Kazan: Institute for History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).

Mazhitov, N. A. 1964. *Nauchnyi otchet o rezultatakh arkheologicheskoi ekspeditsii za 1964 g. (Scientific Report on the Results of the Archaeological Expedition in 1964)*. Ufa. Scientific Archive of Ufa Research Centre of the Russian Academy of Sciences. Fund 3. Inventory 1., Inv. 6, Dossier 10 (in Russian).

Mazhitov, N. A. 1980. *Nauchnyy otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh Tornalinskogo gorodishcha v 1980 godu (Scientific report on the archaeological excavations at the Turnaly settlement in 1980).* Archive of the Laboratory of Archaeology of the Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah. Found 2, Dossier 10 (in Russian).

Obydennova, G. T. 2008. *Otchet o nauchno-issledovatel'skoy rabote po GNTP RB za 2005-2007 gg. Tema: «Bashkirskiy aul XVI-XIX vekov v istoriko-arkheologicheskom issledovanii» (Report on the scientific research on the Republic of Bashkortostan under State Scientific and Technical Program for 2005-2007, Topic: "Bashkir aul of the XVI-XIX centuries in historical and archaeological research").* Ufa. Scientific Archive of the Laboratory of Archaeological Source Studies and Historiography of the Institute of Historical and Legal Education of Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah (in Russian).

Bocharov, S. G., Francois, V., Sitdikov, A. G. (eds.). 2017. *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia v X–XVIII vv. (Glazed Ceramics of the Mediterranean and Black Sea in 10th –18th Centuries)*. Kazan; Kishinev: "Stratum plus" Publ. (in Russian).

Ruslanov, E. V. 2022. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 253–267. DOI 10.24852/2587-6112.2022.6.253.267 (in Russian).

Ruslanov, E. V. 2023. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 22 (5), 118–130. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-118-130 (in Russian).

Ryazanov, S. V. 2010. *Metallurgiya zheleza na Yuzhnom Urale v XIII-XIV vv. (Iron metallurgy in the Southern Urals in the XIII-XIV centuries).* Ufa: Institute of Ethnological Studies named after R.G. Kuzeev, Ufa Scientific Centre of Russian Academy of Sciences (in Russian).

Tairov, A. D. 2003. In *Vestnik Chelyabinskogo Gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Istoriia (Bulletin of the Chelyabinsk State University: History Series.)* (2), 22–29 (in Russian).

Tamimdarova, R. R. 2012. In Bisembaev, A. A. (ed.). *Kadyrbaevskie chteniya – 2012. Materialy III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Kadyrbayev readings-2012. Proceedings of the 3th International scientific conference).* Aktobe: Aktobe regional center of History, Ethnography and Archaeology, 347–351 (in Russian).

Tuzbekov, A. I. 2021. In *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovanii (Theory and Practice of Archaeological Research)* 33 (4), 157–165. DOI 10.14258/tpai(2021)33(4).-09 (in Russian).

Tuzbekov, A. I. Kamaleev, E. V. 2021. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Journal of Historical, Philological and Cultural Studies)* 71 (1), 126–139. DOI 10.18503/1992-0431-2021-1-71-126-139 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1960. In Shelov, D. B. (ed.). *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* I. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 94–192 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1994. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia (Golden Horde Towns in the Volga Area)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Chlenova, N. L. 1983. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 47–66 (in Russian).

About the Author:

Tuzbekov Ainur I. Candidate of Historical Sciences, R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies, Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, K.Marx st, 6, Ufa, 450077, Republic of Bashkortostan, Russian Federation; aituzbekov@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.08.2024 г.
Статья принята к публикации 01.10.2024 г.

УДК 572 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.5.227.259

КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ПРИМОКШАНСКОЙ МОРДВЫ-МОКШИ II ТЫС. Н.Э.

© 2024 г. Д.С. Иконников, О.В. Калмин, О.А. Калмина

В статье ставится вопрос, оказало ли пребывание мордвы в составе Золотой Орды значительное влияние на её физический облик. С этой целью было проведено исследование суммарной краниологической серии мордвы-мокши Примокшанья II тыс. н.э. В эту серию были включены черепа из четырёх мордовских археологических памятников, находившихся на расстоянии 20-50 км от Наровчатского городища (золотоордынского города Мохши): Беднодемьяновского (XIII-XIV вв.), Кармалейского (XII-XIV вв.), Чернозерского (XIV-XV вв.) и Кельгининского (XVII-XVIII вв.) могильников. Мужская часть суммарной серии (11 черепов и фрагментов) характеризуется мезокранией, грацильным мезопрозопическим лицевым скелетом. Женская часть серии (20 черепов и фрагментов) отличается долихокранией. Лицевой скелет средней высоты и малой ширины. И мужчины и женщины имеют европеоидный облик. Однако и у тех и у других сравнительно небольшой угол выступания носа. В ходе исследования было осуществлено сопоставление суммарной серии Примокшанской мордвы II тыс. н.э. с краниологическими сериями из некрополей золотоордынских городов, могильников мордвы различных исторических эпох и некоторыми другими краниологическими выборками Восточной Европы средневекового времени. Результаты сопоставительного анализа показали, что исследуемая серия отличается более выраженной европеоидностью не только от выборок большинства золотоордынских городов, но и от более ранних краниологических серий мордвы (Селиксенского и Цнинских могильников). Вычисление расстояния П.Ч. Махаланобиса (D^2) между Примокшанской мордвы II тыс. н.э. и краниологическими сериями Восточной Европы показало её морфологическое сближение с некоторыми выборками средневековой мордвы (особенно из Барбашинского могильника) и восточными славянами. Напротив, исследуемая выборка не обнаружила морфологического сходства с краниологическими сериями большинства золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Очевидно, пребывание Верхнего Примокшанья в составе Золотой Орды не оказало существенного влияния на морфологию местного населения.

Ключевые слова: палеоантропология, краниологические материалы, Верхнее Примокшанье мордва-мокша, Золотая Орда

CRANIOLOGICAL MATERIALS OF MORDVINS-MOKSHAS IN THE II MILLENNIUM AD

D.S. Ikonnikov, O.V. Kalmin, O.A. Kalmina

The article deals with the question whether the Mordvins's presence in the Golden Horde had a significant influence on its physical features. For this purpose, the study of the summary craniological series of the Mordvins-Mokshas of Moksha region of the II millennium AD was carried out. This series included skulls from four Mordvovian archaeological sites, located at the distance of 20-50 km from the Narovchat settlement (Golden Horde city of Mokhsha): Bednodemyanovsky (XIII-XIV centuries), Karmaleysky (XII-XIV centuries), Chernozersky (XIV-XV centuries) and Kelgininsky (XVII-XVIII centuries) burial grounds. The male part of the summary series (11 skulls and fragments) is characterized by mesocrania and the gracile mesoprosopic facial skeleton. The female part of the series (20 skulls and fragments) is differing by dolichocrania. The facial skeleton is of medium height and small width. Men and women have a Caucasian appearance. However, the relatively small angle of protrusion of the nose is observable. During the study, the comparison of the series of the Mordvins of the Moksha region of the II millennium AD was made. The series was compared with craniological samples from the necropolises of the Golden Horde cities, Mordovian burial grounds of various historical eras and some other craniological samples from Eastern Europe in the Middle Ages. The results of the comparative analysis showed that the series under study is the more Caucasian then the samples of most Golden Horde cities and the earlier craniological series of the Mordvins (Seliksensky burial ground and burial grounds in the basin of the Tsna river). Calculation of the Mahalanobis (D^2) distance between the Mordvins

of the Moksha region of the II millennium AD and some craniological series of Eastern Europe showed its morphological convergence with some samples of the medieval Mordvins (especially from the Barbashinsky burial ground) and the Eastern Slavs. The sample under study did not detect morphological similarities with the craniological series of most Golden Horde cities of the Lower Volga region. Obviously, the stay of the Upper Moksha region as part of the Golden Horde did not have a significant impact on the morphology of the local population.

Keywords: paleoanthropology, craniological materials, Upper Moksha region, Mordvins-Mokshas, Golden Horde

Известно, что монголо-татарское нашествие и установление власти Золотой Орды оказало заметное влияние не только на культурно-экономическую жизнь народов Восточной Европы, но, отчасти, и на их физический облик. При этом характер и степень этого влияния в различных районах были неодинаковы (Яблонский, 2008, с. 275). Очевидно, что большую роль в этом процессе сыграли золотоордынские города, население которых было «пёстрым» не только в этнокультурном, но и в морфологическом отношении (Яблонский, 2008, с. 276). Эта неоднородность свидетельствует о том, что население крупных городских центров, как правило, формировалось на основе элементов, имевших различное происхождение. Такая морфологическая многокомпонентность могла возникнуть только в результате переселенческой политики золотоордынских ханов.

В настоящее время весьма слабо исследован вопрос, о том, какой след оставило в этнической истории мордовского народа его пребывание в составе Золотой Орды. Как известно, в этот период в районе компактного проживания мордвы в Верхнем Примокшанье, не позднее начала XIV века появился сравнительно крупный городской центр – Наровчатское городище (Мохши). Нет сомнений, что между его жителями и сельской округой, преимущественно населённой мордвой-мокшей, установились культурно-экономические связи, и что городская золотоордынская культура оказала известное влияние на автохтонное население региона. Но о том, каковы были характер и степень этого влияния известно пока сравнительно мало. В частности, насколько нам известно, ещё не ставился вопрос о том, отразилось ли пребывание в составе Золотой Орды на физический облик мордвы, прежде всего, мордвы-мокши. Цель данной работы состоит в том, чтобы ответить на этот вопрос, настолько, насколько позволяет имеющийся в нашем распоряжении материал.

Данная проблема представляет интерес не только с точки зрения антропологии, но имеет значение для изучения исторических процессов. Это связано с тем, что брачные контакты между представителями различных этносов, косвенным образом указывают на наличие более или менее устойчивых межэтнических культурных и экономических связей. Само собой, понятие «брачные контакты» в данном случае мы распространяем на любой вид сожительства, независимо от факта и формы его юридического оформления, включая наложничество, фактический брак и т.д., так как установить форму брака на основе палеоантропологических материалов невозможно.

Материал и методы

Для исследования были привлечены материалы из четырёх могильников с территории Верхнего Примокшанья, датирующихся в пределах II тыс. н.э. Все они расположены на расстоянии 20-50 км от Наровчатского городища в пределах современных Пензенской области и Республики Мордовии. Авторы целенаправленно не привлекали материалы из могильников, расположенных в непосредственной близости (менее 10-15 км) от Наровчатского городища, так как эту территорию следует рассматривать как элемент городской инфраструктуры Мохши. Интенсивность контактов между населением города и жителями его непосредственной округи всегда будет выше, чем интенсивность контактов между горожанами и населением сравнительно отдалённых поселений.

Краткая характеристика археологических памятников, из которых происходят материалы:

Беднодемьяновский могильник XIII-XIV вв. (Беднодемьяновский район Пензенской области) располагался на берегу р. Парцы в окрестностях с. Абашево. В 1958 году на памятнике были проведены раскопки экспеди-

цией Пензенского областного краеведческого музея под общим руководством археолога М.Р. Полесских. В ходе работ было вскрыто 20 погребений (Полесских, Отчёт…, 1959, с. 1-12, Полесских, 1970, с. 13, Ставицкий, 2022, с. 160). Первое исследование антропологических материалов было проведено в 2019 году. К нему были привлечены два мужских и пять женских черепов (Иконников и др., 2019). В дальнейшем, среди депаспортизированных материалов в фондах антропологической лаборатории, было выявлено ещё три черепа, которые будут опубликованы впервые.

Кармалейский могильник (Вадинский район Пензенской области) исследовался неоднократно (Ставицкий, 2022, с. 161). Материалы, имеющиеся в нашем распоряжении, были получены во время раскопок Г.Н. Белорыбкина в 1989 году. На памятнике было исследовано 19 погребений (не считая антропологических материалов, найденных за пределами могильных ям), датированных XII-XIV вв. (Белорыбкин, 1989, с. 89-90). В коллекции имеется черепа и фрагменты, принадлежавшие не менее чем 4 мужчинам и 7 женщинам.

Чернозерский могильник XIV-XV вв. (Мокшанский район Пензенской области) был раскопан Н.И. Спрыгиной в 1928 году (Полесских, 1970, с. 90, Ставицкий, 2022, с. 156). Антропологические материалы были представлены одним женским черепом с практически полностью разрушенным лицевым скелетом.

Постоянное место хранения трёх перечисленных серий – антропологическая лаборатория кафедры «Анатомия человека» Медицинского института Пензенского государственного университета.

Кельгининский могильник (Зубово-Полянский район Республики Мордовии) двухслойный памятник мордвы-мокши, датирующийся X – началом XV вв. и XVII – серединой XVIII вв. (Ставицкий, 2022, с. 160-162). Исследованный нами материал относится к позднему слою. Антропологические материалы были получены в ходе работ 1998-2001 гг. экспедицией Мордовского университета под общим руководством В.И. Вихляева (Археология Мордовского края, 2008, с. 51-53, Ставицкий, 2022, с. 161-162). Коллекция антропологических материалов из могильника в настоящее время хранится в фондах Мордовского республиканского краеведческого музея им. И.Д. Воронина. Авторы статьи выражают благодарность руководству и сотрудникам музея за возможность осуществить исследование их материалов. Краниологические материалы, отличающиеся несколько лучшей сохранностью по сравнению с другими исследуемыми сериями, представлены черепами, принадлежавшими десяти индивидам, из них 8 – взрослых (4 мужчины и 4 женщины).

Учитывая компактную локализацию памятников и относительно близкие хронологические рамки (позднее средневековье и начало нового времени), была составлена суммарная выборка, которую далее мы будем называть Примокшанской мордвой II тысячелетия н.э. Краниометрическое исследование серии было осуществлено в соответствии с общепринятой методикой (Алексеев, Дебец, 1964). Статистические методы будут охарактеризованы непосредственно в тексте.

Результаты и обсуждение

Общая характеристика серии

Индивидуальные метрические характеристики черепов мужчин и женщин из могильников Примокшанской мордвы-мокши II тыс. н.э. помещены в табл. 1-2. В них нет краниометрических материалов Кельгининского могильника, так как готовится к выходу публикация, специально посвящённая палеоантропологическому исследованию этого археологического памятника.

Мужская часть серии (табл. 3) характеризуется средними продольным и поперечным диаметрами мозгового отдела черепа при малой его высоте. Череп, в целом, имеет мезокранную форму. Лицевой скелет отличается малой высотой и шириной, мезопрозопией, прогнатностью по указателю Фогта-Флауэра и мезогнатностью на границе с прогнатностью по общему лицевому углу в сочетании с резкой горизонтальной профилировкой. Глазница низкая, хамеконхная. Нос широкий, хамеринный. По европеоидным меркам несколько снижен угол выступания носа (23,7°). Симотический указатель средний, дакриальный – большой. Мужская часть серии выглядит сравнительно однородной в морфологическом отношении. Из 44 метрических величин, определённых не менее чем у 4 индивидов, только в 6 случаях речь может идти о достоверном превышении значения среднего квадратического отклонения по сравнению

Таблица 1. Краниометрические показатели мужских черепов из Беднодемьяновского (1-3) и Кармалейского (4-7) могильников
Table 1. Craniometric parameters of male skulls from Bednodem'yanovskiy (1-3) and Karmaleyskiy (4-7) burial grounds

П. №	1	2	3	4	5	6	7
инв. №	Бд-2	Бд-7	Бд-10	Км-1	Км-6	Км-9	Км-23
1. Продольный диаметр				186,0			
9. Наименьшая ширина лба				94,0			
12. Ширина затылка						103,0	113,0
29. Лобная хорда		108,0		122,0			106,0
30. Теменная хорда				105,0	119,0		
31. Затылочная хорда					96,0		98,0
26. Лобная дуга		125,0		137,0			121,0
27. Теменная дуга					132,0		
28. Затылочная дуга					114,0		
SubNb. Высота изгииба лба		27,5		28,5			25,8
Высота изгиба затылка					27,0		
48. Верхняя высота лица		59,0					
47. Полная высота лица		102,0					
43. Верхняя ширина лица				98,0			
55. Высота носа		48,0					
51. Ширина орбиты от мф.		42,1					
51а. Ширина орбиты от д.		39,7					
52. Высота орбиты		27,8					
SC. Симотическая ширина		9,4	6,1	11,0			
SS. Симотическая высота		2,2	4,1	3,8			
MC. Максилло-фронтальная ширина				18,8			
MS. Максилло-фронтальная высота				6,9			
70. Высота ветви	66,0	62,0					
71а. Наименьшая ширина ветви	36,3	33,0					
66. Угловая ширина	102,5						
67. Передняя ширина	48,0						
69. Высота симфиза	29,0						
69(1). Высота тела	32,0						
69(3). Толщина тела	12,4						
Форма черепа сверху	?	?	?	овоид?	?	?	?
Надпереносье по Р. Мартину (баллы)		3-4	3,0	3,0		от 3	2,0
Надбровные дуги (баллы)		2,0	2,0	2,0		2,0	1,0
Наружный затылочный бугор по П. Брока (баллы)		3,0			3,0	1,0	
Сосцевидный отросток (баллы)		3,0					
28:27. Дуговой затылочно-теменной указатель					86,4		
SubNb:29. Указатель выпуклости лба		25,5		23,4			24,3
29:26. Указатель изгиба лба		86,4		89,1			87,6
29:1. Лобно-продольный указатель				65,6			
30:27. Указатель изгиба темени					90,2		
30:1. Теменно-продольный указатель				56,5			
31:28. Указатель изгиба затылка					84,2		
9:43. Фронто-малярный указатель				95,9			
SS:SC. Симотический указатель		23,4	67,2	34,5			
52:51. Орбитный максилло-фронтальный указатель		66,0					
52:51а. Орбитный дакриальный указатель		69,3					
71а:70. Указатель ветви нижней челюсти	53,0	53,2					
69(3):69(1). Указатель толщины нижней челюсти	38,8						

Примечание: величины, выделенные *курсивом*, были определены с погрешностью, величины, выделенные ***полужирным курсивом***, были измерены на правой стороне черепа

Таблица 2. Краниометрические показатели женских черепов из Беднодемьяновского (1-8), Кармалейского (9-15) и Чернозерского (16) могильников

Table 2. Craniometric parameters of female skulls from Bednodem'yanovskiy (1-8), Karmaleyskiy (9-15) and Chernozerskiy (16) burial grounds

П. №	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	N	x	min.	max.	σ
инв. №	Бд-1	Бд-4	Бд-5	Бд-8	Бд-11	без №	без № (п.17)	без № (п.20)	Км-2	Км-8	Км-16	Км-23	Км-3а	Км-16а	без №	Чм-1					
1. Продольный диаметр		175,0	177,0	169,0	182,0		*169,0*	171,0						*194,0*	192,0	192,0	9	180,1	169,0	194,0	10,3
8. Поперечный диаметр		132,0			132,0	≥138,0		124,0							*131,0*	130,0	5	129,8	124,0	132,0	3,3
17. Высотный диаметр		128,0				131,0		123,0								*124,0*	4	126,5	123,0	131,0	3,7
5. Длина основания черепа		98,0						98,0									2	98,0	98,0	98,0	
9. Наименьшая ширина лба					87,0		93,0	83,0	90,0		88,0	94,0		99,0	86,0	85,5	9	89,5	83,0	99,0	5,0
10. Наибольшая ширина лба					114,0		105,5		105,0						102,0		4	106,6	102,0	114,0	5,2
11. Ширина основания черепа		114,0				122,0									107,0		3	114,3	107,0	122,0	
12. Ширина затылка		99,0				110,0		105,0							109,0	*99,0*	5	104,4	99,0	110,0	5,3
29. Лобная хорда		107,0	101,0	110,0	112,0		98,0	100,0	98,0	104,0					108,0	113,0	10	105,1	98,0	113,0	5,7
30. Теменная хорда		106,0	104,0	115,0	111,0	109,0	100,0	107,0						114,0	112,0	115,0	10	109,3	100,0	115,0	5,0
31. Затылочная хорда		91,0	87,0			96,0		85,0							109,0		5	93,6	85,0	109,0	9,6
25. Сагиттальная дуга			337,0					340,0									2	338,5	337,0	340,0	
26. Лобная дуга			115,0	125,0	132,0		110,0	110,0	110,0								6	117,0	110,0	132,0	9,4
27. Теменная дуга		116,0	112,0	*126,0*	118,0	124,0		119,0									6	119,2	112,0	126,0	5,2
28. Затылочная дуга		105,0	108,0			117,0		109,0									4	109,8	105,0	117,0	5,1
23. Горизонт. окружн. через глабеллу								469,0									1	469,0	469,0	469,0	
7. Длина затылочного отверстия						32,0		30,0									2	31,0	30,0	32,0	
16. Ширина затылочного отверстия						28,5		27,0									2	27,8	27,0	28,5	
SubNb. Высота изгиба лба		21,7	23,8	25,0	29,9		22,0	19,6	21,9							27,2	8	23,9	19,6	29,9	3,4
Высота изгиба затылка			28,1			27,2		28,8									3	28,0	27,2	28,8	
45. Скуловой диаметр		119,0						113,0							122,0	>110,0	3	118,0	113,0	122,0	
40. Длина основания лица		88,0						96,0									2	92,0	88,0	96,0	
48. Верхняя высота лица		58,0	*56,0*	65,0		66,0		62,0							65,0		6	62,0	56,0	66,0	4,1
47. Полная высота лица		112,0		105,0		115,0		99,0									4	107,8	99,0	115,0	7,2
43. Верхняя ширина лица		97,0			92,0			90,0			94,0				92,0		5	93,0	90,0	97,0	2,6

46. Средняя ширина лица		89,0															1	89,0	89,0	89,0	
60. Длина альвеолярной дуги						57,3		46,0									2	51,7	46,0	57,3	
61. Ширина альвеолярной дуги								54,0									1	54,0	54,0	54,0	
62. Длина нёба						48,5											1	48,5	48,5	48,5	
63. Ширина нёба				34,0				34,0									2	34,0	34,0	34,0	
55. Высота носа		*49,0*	41,0	47,0		46,6		47,0									5	46,1	41,0	49,0	3,0
54. Ширина носа								23,4									1	23,4	23,4	23,4	
51. Ширина орбиты от мф.		***42,5***	*37,2*	39,5		37,6		38,1									5	39,0	37,2	42,5	2,2
51а. Ширина орбиты от д.		39,3		37,6		36,1		36,3									4	37,3	36,1	39,3	1,5
52. Высота орбиты		***32,4***	*29,6*	*32,3*				32,6									4	31,7	29,6	32,6	1,4
77. Назо-малярный угол		131,9						128,7							129,1		3	129,9	128,7	131,9	
zm'. Зиго-максиллярный угол		118,2															1	118,2	118,2	118,2	
SC. Симотическая ширина		8,3			10,5			8,0	*7,9*			11,7	12,3				6	9,8	7,9	12,3	2,0
SS. Симотическая высота		2,2			4,2			3,6	*3,9*			3,7	3,9				6	3,6	2,2	4,2	0,7
MC. Максилло-фронтальная ширина		20,6						16,7	*18,4*			24,2					4	20,0	16,7	24,2	3,2
MS. Максилло-фронтальная высота		6,4						8,9	*7,7*			8,9					4	8,0	6,4	8,9	1,2
DC. Дакриальная ширина		22,1						17,7									2	19,9	17,7	22,1	
DS. Дакриальная высота		10,8						12,2									2	11,5	10,8	12,2	
FC. Глубина клыковой ямки						2,8											1	2,8	2,8	2,8	
Высота изгиба скуловой кости по Ву						14,4											1	14,4	14,4	14,4	
Ширина скуловой кости по Ву						53,4											1	53,4	53,4	53,4	
32. Угол профиля лба от назиона		89,0						78,0							75,0		3	80,7	75,0	89,0	
Угол профиля лба от глабеллы								75,0							70,0		2	72,5	70,0	75,0	
72. Общий лицевой угол		91,0						81,0									2	86,0	81,0	91,0	
75. Угол наклона носовых костей		74,0						52,0									2	63,0	52,0	74,0	

75(1). Угол выступания носа		17,0	8,0					29,0									3	18,0	8,0	29,0	
68(1). Длина н. челюсти от мыщелков						107,2											1	107,2	107,2	107,2	
79. Угол ветви н. челюсти						113,0											1	113,0	113,0	113,0	
68. Длина н. челюсти от углов						82,3											1	82,3	82,3	82,3	
70. Высота ветви				53,1		***70,0***	47,0	51,0									4	55,3	47,0	70,0	10,1
71а. Наименьшая ширина ветви		31,0		27,0		34,0	29,0	26,0									5	29,4	26,0	34,0	3,2
65. Мыщелковая ширина						104,0											1	104,0	104,0	104,0	
66. Угловая ширина						83,0											1	83,0	83,0	83,0	
67. Передняя ширина	43,0			41,0		44,0											3	42,7	41,0	44,0	
69. Высота симфиза	28,0			28,0		35,0											3	30,3	28,0	35,0	
69(1). Высота тела	***23,0***	*24,0*		23,0		31,0											4	25,3	23,0	31,0	3,9
69(3). Толщина тела	***11,0***	9,0		8,0		***15,0***	9,0										5	10,4	8,0	15,0	2,8
Форма черепа сверху		овоид	эллипс.	овоид	эллипс.		овоид	овоид							овоид	овоид					
Надпереносье по Р. Мартину		2,0	2,0	2,0	2,0		1,0	1,0	2,0	2,0	2,0				2,0	2,0	10	1,8	1,0	2,0	
Надбровные дуги		1,0	1,0	1,0	1,0		1,0	1,0	1,0	1,0	1,0				1,0	1,0	10	1,0	1,0	1,0	
Наружн. затылочный бугор по П. Брока		0-1	0-1	1,0	1,0			1,0									3	1,0	1,0	1,0	0,0
Сосцевидный отросток		2,0	2,0	2,0	2,0	3,0		2,0							2,0	3,0	8	2,3	2,0	3,0	0,5
Нижний край грушевидного отверстия		Antr.	Antr.	Antr.		Antr.		F.P.									5				
Передне-носовая ость по П. Брока								2,0									1				
8:1. Поперечно-продольный указатель		75,4			72,5			72,5							*68,2*	67,7	5	71,3	67,7	75,4	3,3
17:1. Высотно-продольный указатель		73,1						71,9								64,6	3	69,9	64,6	73,1	
17:8. Высотно-поперечный указатель		97,0						99,2								95,4	3	97,2	95,4	99,2	
1:25. Продольно-сагитт. указатель			52,5					50,3									2	51,4	50,3	52,5	
(29+30+31):1. Суммы трёх хорд указат.			165,0					170,8									2	167,9	165,0	170,8	
5:1. Базилярно-продольный указатель		56,0						57,3									2	56,7	56,0	57,3	

5:25. Базилярно-сагиттальный указатель								28,8									1	28,8	28,8	28,8	
5:30. Базилярно-теменной указатель		92,5						91,6									2	92,1	91,6	92,5	
11:8. Аурикулярно-поперечн. указатель		86,4						84,7							81,7	*85,4*	4	84,6	81,7	86,4	2,0
12:9. Затылочно-лобный указатель								124,1							126,7	*115,8*	3	122,2	115,8	126,7	
12:10. Затылочно-корональн. указатель															106,7		1	106,7	106,7	106,7	
27:26. Дуговой теменно-лобный указат.			97,4	100,8	89,4			108,2									4	99,0	89,4	108,2	7,8
28:26. Дуговой затылочно-лобн. указат.			93,9					99,1									2	96,5	93,9	99,1	
28:27. Дуговой затыл.-темен. указат.		90,5	96,4			94,4		91,6									4	93,2	90,5	96,4	2,7
SubNb:29. Указатель выпуклости лба		20,3	23,6	22,7	27,0		22,4	19,6	22,3							24,1	8	22,8	19,6	27,0	2,3
29:26. Указатель изгиба лба			87,8	88,0	84,9		89,1	90,9	89,1								6	88,3	84,9	90,9	2,0
29:1. Лобно-продольный указатель		61,1	57,1	65,1	61,5		58,0	58,5							56,3	58,9	8	59,6	56,3	65,1	2,9
9:8. Лобно-поперечный указатель					65,9			66,9							65,7	65,8	4	66,1	65,7	66,9	0,6
10:8. Коронально-поперечн. указатель					86,4										77,9		2	82,2	77,9	86,4	
9:10. Широтный лобный указатель					76,3		88,2		85,7						84,3		4	83,6	76,3	88,2	5,1
10:29. Лобн. широтно-продольн. указат.					101,8		107,7		107,1						94,4		4	102,8	94,4	107,7	6,2
30:27. Указатель изгиба темени		91,4	92,9	91,3	94,1	87,9		89,9									6	91,3	87,9	94,1	2,2
30:1. Теменно-продольный указатель		60,6	58,8	68,1	61,0		*59,2*	62,6							58,3	59,9	8	61,1	58,3	68,1	3,2
12:30. Теменн. шир.-продольн. указат.		93,4				100,9		96,3							97,3	*86,1*	5	94,8	86,1	100,9	5,6
31:28. Указатель изгиба затылка		86,7	80,6			82,1		78,0									4	81,9	78,0	86,7	3,7
31:1. Затылочно-продольный указатель		52,0	49,2					49,7							56,8		4	51,9	49,2	56,8	3,5
12:8. Затылочно-поперечный указатель		75,0						83,1							83,2	*76,2*	4	79,4	75,0	83,2	4,4
12:31. Затыл. шир.-продольн. указат.		108,8				114,6		121,2							100,0		4	111,2	100,0	121,2	9,0

16:7. Указатель затылочногог отверстия						89,1		90,0									2	89,6	89,1	90,0	
45:8. Поперечн. фацио-церебр. указат.		90,2						91,1							90,1		3	90,5	90,1	91,1	
48:17. Вертик. фацио-церебрал. указат.		45,3						50,4									2	47,9	45,3	50,4	
9:45. Лобно-скуловой указатель								73,5							72,9		2	73,2	72,9	73,5	
10:45. Коронально-скуловой указатель															86,4		1	86,4	86,4	86,4	
9:43. Фротно-малярный указатель								92,2							93,4		2	92,8	92,2	93,4	
40:5. Указатель выступания лица		89,8						98,0									2	93,9	89,8	98,0	
47:45. Общий лицевой указатель		94,1						87,6									2	90,9	87,6	94,1	
48:45. Верхний лицевой указатель		48,7						54,9							53,2		3	52,3	48,7	54,9	
48:46. Верхний среднелицевой указат.		65,2															1	65,2	65,2	65,2	
54:55. Носовой указатель								49,8									1	49,8	49,8	49,8	
DS:DC. Дакриальный указатель		48,9						68,9									2	58,9	48,9	68,9	
SS:SC. Симотический указатель		26,5			40,0			45,0	49,4			31,6	31,7				6	37,4	26,5	49,4	8,9
52:51. Орбитный указатель (от м.-ф.)		***76,2***	*79,6*	81,8				85,6									4	80,8	76,2	85,6	3,9
52:51a. Орбитный указатель (от д.)		82,4		85,9				89,8									3	86,0	82,4	89,8	
61:60. Челюстно-альвеолярный указат.								117,4									1	117,4	117,4	117,4	
66:68. Нижнечелюстной широтно-продольный указатель						100,9											1	100,9	100,9	100,9	
66:65. Нижнечел. широтн. указат.						79,8											1	79,8	79,8	79,8	
71a:70. Указатель ветви ниж. челюсти				50,0		***48,6***	61,7	51,0									4	52,8	48,6	61,7	6,0
69(3):69(1). Указат. толщины ниж. чел.	***47,8***	*37,5*		34,8		48,4											4	42,1	34,8	48,4	7,0

Примечание: величины, выделенные *курсивом*, были определены с погрешностью, величины, выделенные ***полужирным курсивом***, были измерены на правой стороне черепа

Таблица 3. Краниометрические признаки мужской части суммарной серии
(F – отношение эмпирической дисперсии к стандартной общемировой)
Table 3. Craniometric characteristics of the male part of the summary series
(F – the ratio of the empirical dispersion to the standard global dispersion)

Признаки:	N	x	min	max	σ	F	Признаки:	N	x	min	max	σ	F
1. Продольный диаметр	4	182,8	180,0	186,0	2,75	0,20	69. Высота симфиза	4	33,7	29,0	37,2	3,52	1,53
8. Поперечный диаметр	4	140,5	136,0	144,0	3,42	0,47	69(1). Высота тела	4	30,9	29,1	32,0	1,39	0,34
17. Высотный диаметр	4	130,8	122,0	139,0	6,99	2,04	69(3). Толщина тела	4	12,1	11,6	12,4	0,39	0,07
5. Длина основания черепа	4	99,6	92,0	104,0	5,25	1,64	С. Угол выступания подбородка	3	72,7	69,0	78,0		
9. Наименьшая ширина лба	5	94,8	91,0	102,0	4,21	0,91	Форма черепа сверху	сфен. (2), эллипс. (1), овоид? (1)					
10. Наибольшая ширина лба	3	116,7	113,0	120,0			Надпереносье по Р. Мартину	6	3,0	2,0	4,0		
11. Ширина основания черепа	4	122,4	119,0	125,0	2,87	0,36	Надбровные дуги	8	1,9	1,0	2,0		
12. Ширина затылка	5	108,8	102,0	115,0	5,93	1,74	Наружн. затылочн. бугор по П. Брока	3	2,7	2,0	3,0		
29. Лобная хорда	7	109,6	104,0	122,0	6,54	2,02*	Сосцевидный отросток	4	3,0	3,0	3,0		
30. Теменная хорда	5	112,8	105,0	119,0	5,02	0,68	Нижний край грушевидного отверстия	Inf. (2), F.P. (1)					
31. Затылочная хорда	4	95,1	85,0	101,5	7,12	1,95	Передне-носовая ость по П. Брока	1	3,0	3,0	3,0		
24. Поперечная дуга p.-b.-p.	2	298,0	291,0	305,0			8:1. Поперечно-продольный указатель	3	77,1	73,9	79,6		
25. Сагиттальная дуга	2	360,5	342,0	379,0			17:1. Высотно-продольный указатель	3	72,1	67,4	75,5		
26. Лобная дуга	6	125,5	115,0	137,0	7,89	1,67	17:8. Высотно-поперечный указатель	4	93,2	84,7	102,2	7,24	2,71*
27. Теменная дуга	4	130,5	128,0	132,0	1,73	0,05	20:1. Высотно-продольный (от р.) указатель	3	61,1	57,7	63,0		
28. Затылочная дуга	3	110,7	99,0	119,0			20:8. Высотно-поперечный (от р.) указатель	4	79,4	72,6	85,3	5,23	2,51*
23. Горизонтал. окружность через g.	1	511,0	511,0	511,0			1:25. Продольно-сагиттальный указатель	2	50,7	48,5	52,9		
7. Длина затылочного отверстия	2	36,9	35,2	38,5			(29+30+31):1. Суммы трёх хорд указатель	2	172,9	166,9	178,8		
16. Ширина затылочного отверстия	2	30,1	29,0	31,2			5:1. Базилярно-продольный указатель	3	56,3	54,9	57,5		
SubNb. Высота изгиба лба	7	25,4	20,0	28,5	3,15	2,26*	5:25. Базилярно-сагиттальный указатель	2	28,5	26,6	30,4		
Высота изгиба затылка	3	24,8	20,7	27,0			5:30. Базилярно-теменной указатель	3	90,1	89,0	92,0		
45. Скуловой диаметр	3	130,3	129,0	133,0			11:8. Аурикулярно-поперечный указатель	4	87,1	85,2	88,9	1,54	0,29
40. Длина основания лица	3	100,0	98,0	103,0			12:9. Затылочно-лобный указатель	3	113,5	109,7	118,1		
48. Верхняя высота лица	4	68,0	59,0	73,0	6,22	2,30	12:10. Затылочно-корональный указатель	2	90,0	85,0	94,9		
47. Полная высота лица	4	113,8	102,0	118,0	7,85	1,26	27:26. Дуговой теменно-лобный указатель	3	105,7	99,2	111,3		
43. Верхняя ширина лица	5	102,5	98,0	107,0	3,64	0,89	28:26. Дуговой затылочно-лобный указатель	2	88,2	86,1	90,2		
46. Средняя ширина лица	2	98,8	97,5	100,0			28:27. Дуговой затылочно-теменной указатель	3	84,8	77,3	90,8		
60. Длина альвеолярной дуги	3	55,5	54,0	56,5			SubNb:29. Указатель выпуклости лба	7	23,1	19,2	25,5	2,14	1,58
61. Ширина альвеолярной дуги	1	61,0	61,0	61,0			29:26. Указатель изгиба лба	6	88,1	86,4	90,4	1,53	0,61
62. Длина нёба	3	45,7	45,0	46,2			29:1. Лобно-продольный указатель	4	61,5	57,5	65,6	3,37	1,68
63. Ширина нёба	1	37,0	37,0	37,0			9:8. Лобно-поперечный указатель	4	67,7	64,1	72,9	3,93	1,42

55. Высота носа	4	49,0	47,0	51,0	1,83	0,40	10:8. Коронально-поперечный указатель	3	83,0	79,6	88,2		
54. Ширина носа	3	26,4	24,9	27,7			9:10. Широтный лобный указатель	3	79,4	77,5	80,5		
51. Ширина орбиты от mf.	4	40,8	38,7	42,1	1,65	0,84	10:29. Лобный широтно-продольный указатель	3	108,7	104,8	112,5		
51a. Ширина орбиты от d.	4	38,8	37,6	39,7	1,01	0,36	30:27. Указатель изгиба темени	4	88,0	86,3	90,2	1,71	0,77
52. Высота орбиты	4	31,1	27,8	35,0	3,29	3,00*	30:1. Теменно-продольный указатель	4	60,9	56,5	63,3	3,03	1,02
20. Ушная высота	4	111,4	104,5	116,0	4,87	1,48	12:30. Теменной широтно-продольный указатель	3	96,5	90,3	100,9		
77. Назо-малярный угол	4	137,3	130,4	146,4	6,67	2,30	31:28. Указатель изгиба затылка	3	85,1	84,2	85,9		
zm'. Зиго-максиллярный угол	2	125,6	124,9	126,3			31:1. Затылочно-продольный указатель	2	51,1	47,0	55,2		
SC. Симотическая ширина	6	9,5	6,1	11,0	1,78	0,98	12:8. Затылочно-поперечный указатель	3	78,1	75,0	82,1		
SS. Симотическая высота	6	4,0	2,2	5,3	1,02	1,28	12:31. Затылочный широтно-продольный указатель	2	115,6	100,5	130,6		
MC. Максилло-фронтальная ширина	4	21,8	18,8	24,1	2,32		16:7. Указатель затылочного отверстия	2	81,7	81,0	82,4		
MS. Максилло-фронтальная высота	4	8,2	6,9	9,8	1,39		45:8. Поперечный фацио-церебральный указатель	3	91,8	90,8	92,4		
DC. Дакриальная ширина	3	23,6	21,8	24,9			48:17. Вертикальный фацио-церебральный указатель	3	55,6	52,3	58,2		
DS. Дакриальная высота	3	13,1	11,9	15,0			9:45. Лобно-скуловой указатель	3	73,4	70,5	79,1		
FC. Глубина клыковой ямки	1	4,5	4,5	4,5			10:45. Коронально-скуловой указатель	2	87,8	87,6	88,0		
Высота изгиба скуловой кости по Ву	1	12,8	12,8	12,8			66:9. Челюстно-лобный указатель	1	111,7	111,7	111,7		
Ширина скуловой кости по Ву	1	53,7	53,7	53,7			9:43. Фронто-малярный указатель	5	92,5	89,5	95,9	2,91	1,36
32. Угол профиля лба от назиона	2	79,5	72,0	87,0			40:5. Указатель выступания лица	3	101,0	97,5	106,5		
Угол профиля лба от глабеллы	1	67,0	67,0	67,0			47:45. Общий лицевой указатель	3	90,3	88,0	91,5		
34. Угол затылочного отверстия	1	-14,0	-14,0	-14,0			48:45. Верхний лицевой указатель	3	54,5	53,4	56,6		
72. Общий лицевой угол	2	83,0	79,0	87,0			48:46. Верхний среднелицевой указатель	2	70,9	70,8	71,0		
73. Средний лицевой угол	2	87,0	84,0	90,0			66:45. Челюстно-скуловой указатель	1	78,9	78,9	78,9		
74. Угол альвеолярной части	2	74,5	69,0	80,0			54:55. Носовой указатель	3	53,6	52,4	55,4		
75. Угол наклона носовых костей	2	57,0	55,0	59,0			DS:DC. Дакриальный указатель	3	55,5	49,8	62,0		
75(1). Угол выступания носа	3	23,7	19,0	32,0			SS:SC. Симотический указатель	6	43,5	23,4	67,2	14,80	1,60
68(1). Длина н. челюсти от мыщелков	3	102,9	99,6	108,0			52:51. Орбитный mf. указатель	4	76,2	66,0	83,1	7,63	2,33
79. Угол ветви ниж. челюсти	2	122,5	122,0	123,0			52:51a. Орбитный d. указатель	4	80,0	69,3	88,6	8,62	2,70*
68. Длина ниж. челюсти от углов	2	72,5	70,0	75,0			63:62. Нёбный указатель	1	82,2	82,2	82,2		
70. Высота ветви	4	65,9	62,0	69,5	3,17	0,42	61:60. Челюстно-альвеолярный указатель	1	113,0	113,0	113,0		
71a. Наименьшая ширина ветви	5	32,3	29,4	36,0	2,44	0,82	66:68. Нижнечелюстной широтно-продольный указатель	1	104,0	104,0	104,0		
65. Мыщелковая ширина	3	118,0	105,0	125,0			66:65. Нижнечелюстной широтный указатель	1	82,3	82,3	82,3		
66. Угловая ширина	2	103,5	102,0	105,0			71a:70. Указатель ветви нижней челюсти	3	51,6	48,0	53,7		
67. Передняя ширина	4	45,7	43,7	48,0	2,17	0,75	69(3):69(1). Указатель толщины нижней челюсти	4	39,1	38,0	40,9	1,24	0,08

* примечание: значение достоверно при $p<0,05$

Таблица 4. Краниометрические признаки женской части суммарной серии (F – отношение эмпирической дисперсии к стандартной общемировой)
Table 4. Craniometric characteristics of the female part of the summary series (F – ratio of empirical dispersion to standard global dispersion)

Признаки:	N	x	min	max	σ	F	Признаки:	N	x	min	max	σ	F
1. Продольный диаметр	10	179,5	169,0	194,0	9,88	2,90**	69. Высота симфиза	7	30,6	28,0	35,0	2,69	1,12
8. Поперечный диаметр	7	130,9	124,0	134,0	3,29	0,47	69(1). Высота тела	8	26,8	23,0	31,0	3,09	1,98*
17. Высотный диаметр	8	127,6	118,0	136,0	5,68	1,46	69(3). Толщина тела	8	10,5	8,0	15,0	2,14	2,52**
5. Длина основания черепа	6	97,4	91,5	101,0	3,20	0,67	С. Угол выступания подбородка	3	66,7	65,0	69,0		
9. Наименьшая ширина лба	13	91,0	83,0	100,0	5,24	1,48	Форма черепа сверху						
10. Наибольшая ширина лба	7	111,3	102,0	122,0	7,26	2,49*	Надпереносье по Р. Мартину	14	1,8	1,0	2,0		
11. Ширина основания черепа	6	113,5	107,0	122,0	5,01	1,19	Надбровные дуги	14	1,1	1,0	2,0		
12. Ширина затылка	7	103,8	97,0	110,0	5,37	1,56	Наружн. затыл. бугор по П. Брока	3	1,0	1,0	1,0		
29. Лобная хорда	14	105,5	98,0	113,0	5,72	1,69*	Сосцевидный отросток	11	2,2	2,0	3,0		
30. Теменная хорда	12	109,3	100,0	115,0	4,58	0,60	Нижний край грушевидного отверстия						
31. Затылочная хорда	5	93,6	85,0	109,0	9,58	3,82**	Передне-носовая ость по П. Брока	2	2,0	2,0	2,0		
24. Поперечная дуга p.-b.-p.	1	312,0	312,0	312,0			8:1. Поперечно-продольный указатель	6	72,1	67,7	76,4	3,59	1,26
25. Сагиттальная дуга	2	338,5	337,0	340,0			17:1. Высотно-продольный указатель	4	71,2	64,6	75,3	4,64	2,24
26. Лобная дуга	9	117,9	109,0	132,0	9,14	2,40**	17:8. Высотно-поперечный указатель	5	98,3	95,4	101,5	2,30	0,27
27. Теменная дуга	8	119,4	112,0	126,0	4,41	0,34	20:1. Высотно-продольный (от р.) указатель	1	66,1	66,1	66,1		
28. Затылочная дуга	4	109,8	105,0	117,0	5,12	0,53	20:8. Высотно-поперечный (от р.) указатель	2	89,2	86,5	91,8		
23. Горизонт. окружн. через g.	2	481,5	469,0	494,0			1:25. Продольно-сагиттальный указатель	2	51,4	50,3	52,5		
7. Длина затылочного отверстия	2	31,0	30,0	32,0			(29+30+31):1. Суммы трёх хорд указатель	2	167,9	165,0	170,8		
16. Ширина затылочного отверстия	2	27,8	27,0	28,5			5:1. Базилярно-продольный указатель	3	56,7	56,0	57,3		
SubNb. Высота изгиба лба	11	23,9	19,6	29,9	3,24	2,38**	5:25. Базилярно-сагиттальный указатель	1	28,8	28,8	28,8		
Высота изгиба затылка	3	28,0	27,2	28,8			5:30. Базилярно-теменной указатель	4	91,9	90,0	93,5	1,49	0,07
45. Скуловой диаметр	5	120,0	113,0	125,0	4,47	0,87	11:8. Аурикулярно-поперечный указатель	6	84,7	81,7	86,4	1,66	0,34
40. Длина основания лица	6	95,3	88,0	102,0	5,47	1,35	12:9. Затылочно-лобный указатель	5	115,1	97,0	126,7	11,76	3,60**
48. Верхняя высота лица	10	64,3	56,0	73,0	4,76	1,57	12:10. Затылочно-корональный указатель	3	93,5	79,5	106,7		
47. Полная высота лица	8	110,3	99,0	119,0	6,12	0,89	27:26. Дуговой теменно-лобный указатель	6	97,9	89,4	108,2	6,44	0,82
43. Верхняя ширина лица	9	96,8	90,0	108,0	5,93	2,64**	28:26. Дуговой затылочно-лобный указатель	2	96,5	93,9	99,1		
46. Средняя ширина лица	4	90,1	84,0	96,5	5,17	1,35	28:27. Дуговой затылочно-теменной указатель	4	93,2	90,5	96,4	2,68	0,06
60. Длина альвеолярной дуги	6	52,2	46,0	57,3	4,46	2,73*	SubNb:29. Указатель выпуклости лба	11	22,7	19,1	27,0	2,35	1,91*
61. Ширина альвеолярной дуги	5	57,1	53,5	60,0	3,17	1,12	29:26. Указатель изгиба лба	9	88,7	84,9	90,9	1,91	0,96
62. Длина нёба	4	45,2	40,0	48,5	3,66	1,91	29:1. Лобно-продольный указатель	9	60,2	56,3	65,1	3,22	1,53
63. Ширина нёба	6	36,4	34,0	39,1	2,05	0,65	9:8. Лобно-поперечный указатель	6	68,5	65,7	75,2	3,97	1,45
55. Высота носа	8	46,8	41,0	51,0	2,85	1,12	10:8. Коронально-поперечный указатель	4	85,3	77,9	91,7	5,69	3,84**

54. Ширина носа	4	23,7	23,0	24,7	0,73	0,18	9:10. Широтный лобный указатель	7	82,7	76,3	88,2	4,22	1,37
51. Ширина орбиты от mf.	8	39,9	37,2	43,1	2,45	2,08*	10:29. Лобный широтно-продольный указатель	7	105,9	94,4	118,9	7,44	2,13*
51а. Ширина орбиты от d.	7	38,5	36,1	41,2	2,11	1,74	30:27. Указатель изгиба темени	8	91,2	87,9	94,1	1,86	0,91
52. Высота орбиты	7	31,5	27,8	34,5	2,21	1,35	30:1. Теменно-продольный указатель	9	61,3	58,3	68,1	3,04	1,02
20. Ушная высота	3	117,2	113,5	123,0			12:30. Теменной широтно-продольный указатель	7	94,5	86,1	100,9	5,60	0,49
77. Назо-малярный угол	6	136,4	128,7	146,2	7,46	2,88**	31:28. Указатель изгиба затылка	4	81,9	78,0	86,7	3,65	1,76
zm'. Зиго-максиллярный угол	2	120,8	118,2	123,4			31:1. Затылочно-продольный указатель	4	51,9	49,2	56,8	3,47	1,25
SC. Симотическая ширина	8	9,9	7,9	12,3	1,75	0,95	12:8. Затылочно-поперечный указатель	6	78,4	72,9	83,2	4,36	1,69
SS. Симотическая высота	8	3,9	2,2	5,8	0,98	1,96*	12:31. Затылочный широтно-продольный указатель	4	111,2	100,0	121,2	9,00	1,92
MC. Максилло-фронтальная ширина	7	19,7	16,7	24,2	2,45		16:7. Указатель затылочного отверстия	2	89,6	89,1	90,0		
MS. Максилло-фронтальная высота	7	7,9	6,4	8,9	0,87		45:8. Поперечный фацио-церебральный указатель	4	90,6	90,1	91,1	0,52	0,02
DC. Дакриальная ширина	5	20,7	17,7	23,1	2,13	1,03	48:17. Вертикальный фацио-церебральный указатель	6	51,1	45,3	55,9	3,64	1,22
DS. Дакриальная высота	5	10,8	8,9	12,2	1,23	0,90	9:45. Лобно-скуловой указатель	4	75,3	72,0	82,6	4,94	1,99
FC. Глубина клыковой ямки	4	2,9	2,3	3,9	0,73	0,54	10:45. Коронально-скуловой указатель	2	93,6	86,4	100,8		
Высота изгиба скуловой кости по Ву	2	12,1	9,8	14,4	3,25		66:9. Челюстно-лобный указатель	1	92,0	92,0	92,0		
Ширина скуловой кости по Ву	2	50,9	48,4	53,4	3,54		9:43. Фронто-малярный указатель	6	92,8	91,4	94,8	1,18	0,22
32. Угол профиля лба от n.	6	80,7	75,0	89,0	5,54	2,24*	40:5. Указатель выступания лица	6	97,9	89,8	103,1	5,05	1,59
Угол профиля лба от g.	5	75,0	70,0	83,0	4,95	1,53	47:45. Общий лицевой указатель	4	90,4	87,6	94,1	2,72	0,26
34. Угол затылочного отверстия							48:45. Верхний лицевой указатель	5	52,8	48,7	54,9	2,39	0,58
72. Общий лицевой угол	5	83,4	77,0	91,0	5,18	3,19**	48:46. Верхний среднелицевой указатель	4	73,2	65,2	80,2	7,96	2,54*
73. Средний лицевой угол	3	89,3	86,0	93,0			66:45. Челюстно-скуловой указатель	1	76,0	76,0	76,0		
74. Угол альвеолярной части	3	62,0	57,0	68,0			54:55. Носовой указатель	4	49,7	46,3	52,6	2,59	0,40
75. Угол наклона носовых костей	5	62,0	52,0	74,0	8,00		DS:DC. Дакриальный указатель	5	52,8	42,2	68,9	9,97	1,39
75(1). Угол выступания носа	6	19,2	8,0	29,0	7,05	2,35*	SS:SC. Симотический указатель	8	39,9	26,5	52,3	9,20	0,62
68(1). Длина н. челюсти от мыщелков	1	107,2	107,2	107,2			52:51. Орбитный указатель от mf.	7	78,5	64,5	88,9	8,23	2,71**
79. Угол ветви нижн. челюсти	2	118,5	113,0	124,0			52:51а. Орбитный указатель от d.	6	82,1	67,6	91,5	9,17	3,05**
68. Длина н. челюсти от углов	2	76,7	71,0	82,3			63:62. Нёбный указатель	3	84,3	80,5	90,5		
70. Высота ветви	6	57,0	47,0	70,0	8,31	3,57**	61:60. Челюстно-альвеолярный указатель	5	111,8	108,7	117,4	3,46	0,24
71а. Наименьшая ширина ветви	7	29,5	26,0	34,0	2,71	1,17	66:68. Нижнечелюстной широтно-продольный указатель	2	115,3	100,9	129,6		
65. Мыщелковая ширина	1	104,0	104,0	104,0			66:65. Нижнечелюстной широтный указатель	1	79,8	79,8	79,8		
66. Угловая ширина	2	87,5	83,0	92,0			71а:70. Указатель ветви нижней челюсти	6	51,7	48,0	61,7	5,05	0,87
67. Передняя ширина	7	43,3	41,0	46,0	1,66	0,48	69(3):69(1). Указатель толщины нижней челюсти	7	40,3	34,8	48,4	5,70	1,68

со стандартными величинами, вычисленными Г.Ф. Дебецем (Алексеев, Дебец, 1964, табл. 12-14) при $p<0,05$. Для оценки достоверности различий использовался преобразованный критерий Фишера.

Женская часть серии (табл. 4), более многочисленная, несколько отличается от мужской. Мозговой отдел черепа у женщин в среднем характеризуется большой величиной продольного диаметра, малым поперечным диаметром при среднем высотном. Общие пропорции черепа – долихокранные. Скуловой диаметр малый, высота лица средняя (верхняя высота лица – на границе с малыми величинами). Лицо мезопрозопическое, мезогнатное по указателю Фогта-Флауэра и по общему лицевому углу (в последнем случае – на рубеже с прогнатными величинами). Горизонтальная профилировка лица резкая. Переносье высокое по симотическому и дакриальному указателям. По европеоидным меркам заметно снижен угол выступания носа (19,2°). Нос невысокий и среднеширокий, мезоринный по указателю. Орбита низкая и среднеширокая, хамеконхная. Женская часть серии морфологически выглядит менее однородной, чем мужская. Сопоставление дисперсий эмпирически полученных величин со стандартными общемировыми показало, что из 84 величин определённых не менее чем у 4 индивидов, в 24 случаях дисперсия достоверно превышает стандартные значения (в 13 случаях значения достоверны при $p<0,01$, в 11 – при $p<0,05$). Среди этих показателей есть такие таксономически значимые величины как продольный диаметр черепа, назо-малярный угол, средний лицевой угол, два орбитных указателя и т.д.

Определённый интерес для определения, насколько морфологически однородна та или иная выборка, представляет сопоставление краниометрических параметров мужской части серии с женскими метрическими характеристиками, преображёнными в мужские путём умножения на среднемировой коэффициент полового диморфизма (КПД) (табл. 5). Обращает на себя внимание большая длина и высота мозгового отдела черепа и меньшая его ширина в женской части серии. Женская часть серии отличается также сравнительно высоким лицевым скелетом, однако в данном случае, различия не так заметны.

Морфологические особенности Примокшанской мордвы II тыс. н.э.

Сопоставление суммарной краниологической серии Примокшанской мордвы II тыс. н.э. с немордовским населением золотоордынского города Мохши невозможно, так как нет палеоантропологических материалов, которые достоверно соотносились бы с жителями Наровчатского городища XIII-XIV вв. В настоящее время известны две небольшие краниологические серии, происходящие из разрушенных погребений с территории Наровчата (Иконников, 2015, Калмин и др., 2017). Однако датировка и этнокультурная принадлежность могильников не установлена. Кроме того, большинство черепов отличалось выраженной европеоидностью. Вероятнее всего, они принадлежали жителям русского города Наровчата XVII-XVIII вв. Это обстоятельство ограничивает возможности исторической реконструкции.

Однако определённое научное значение может иметь сравнение морфологических особенностей мордвы Примокшанья, с одной стороны, с городским населением золотоордынских городов, с другой стороны, с краниологическими сериями мордвы, датирующимися средневекового и нового времени. Ещё Л.Т. Яблонский отмечал известное морфологическое сходство населения ряда городов Золотой Орды, располагавшихся в районе Нижней Волги, представлявшей собой экономический и политический центр государства. В целом в крупных золотоордынских городах состав населения, с точки зрения физической антропологии, был морфологически неоднородным, причём весьма часто заметную роль играл брахикранный европеоидный компонент с более или менее заметной монголоидной примесью (Яблонский, 1987, с. 221, с. 226, 2008, с. 276).

К настоящему моменту, в научный оборот введено большое число краниологический серий, происходящих из некрополей золотоордынских городов. С другой стороны, в распоряжении исследователей имеются представительные данные о морфологических характеристиках мордвы. Антропологическое изучение этого народа было начато ещё в конце XIX века в работах Н.М. Малиева (1878) и В.Н. Майнова (1883). Сбором данных о морфологии мордвы в разное время занимались В.В. Бунак (1924) и, особенно, К.Ю. Марк (1960, 1974), которая выделила у мордвы-эрзи особый сурский тип (светлопигмен-

Таблица 5. Сопоставление краниометрических показателей мужской части серии с показателями женской части серии, умноженными на среднемировые коэффициенты полового диморфизма

Table 5. Comparison of craniometric indicators of the male part of the series with indicators of the female part of the series, multiplied by the world medium coefficients of sexual dimorphism

Признаки:	КПД стандарт.	КПД эмпирич.	Муж. средн.	Жен. преобр.
1. Продольный диаметр	1,049	1,018	182,8	188,3
8. Поперечный диаметр	1,037	1,074	140,5	135,7
17. Высотный диаметр	1,047	1,024	130,8	133,6
5. Длина основания черепа	1,054	1,023	99,6	102,7
9. Наименьшая ширина лба	1,032	1,042	94,8	93,9
11. Ширина основания черепа	1,048	1,078	122,4	118,9
12. Ширина затылка	1,038	1,048	108,8	107,7
29. Лобная хорда	1,042	1,039	109,6	109,9
30. Теменная хорда	1,041	1,032	112,8	113,7
31. Затылочная хорда	1,032	1,016	95,1	96,6
26. Лобная дуга	1,041	1,064	125,5	122,8
27. Теменная дуга	1,038	1,093	130,5	123,9
SubNb. Высота изгиба лба	0,996	1,060	25,4	23,8
45. Скуловой диаметр	1,072	1,086	130,3	128,6
40. Длина основания лица	1,042	1,049	100,0	99,3
48. Верхняя высота лица	1,076	1,058	68,0	69,2
47. Полная высота лица	1,077	1,031	113,8	118,8
43. Верхняя ширина лица	1,040	1,059	102,5	100,7
60. Длина альвеолярной дуги	1,047	1,064	55,5	54,6
62. Длина нёба	1,051	1,012	45,7	47,5
63. Ширина нёба	1,050	1,017	37,0	38,2
55. Высота носа	1,061	1,046	49,0	49,7
54. Ширина носа	1,041	1,117	26,4	24,6
51. Ширина орбиты от mf.	1,041	1,021	40,8	41,6
51а. Ширина орбиты от d.	1,040	1,007	38,8	40,0
52. Высота орбиты	1,005	0,988	31,1	31,6
20. Ушная высота	1,046	0,951	111,4	122,6
SC. Симотическая ширина	1,000	0,964	9,5	9,9
SS. Симотическая высота	1,207	1,026	4,0	4,7
DC. Дакриальная ширина	1,056	1,141	23,6	21,9
DS. Дакриальная высота	1,113	1,213	13,1	12,0
70. Высота ветви	1,107	1,155	65,9	63,1
71а. Наименьшая ширина ветви	1,070	1,094	32,3	31,6
67. Передняя ширина	1,035	1,055	45,7	44,8
69. Высота симфиза	1,107	1,101	33,7	33,8
69(1). Высота тела	1,104	1,151	30,9	29,6
69(3). Толщина тела	1,056	1,149	12,1	11,1

тированный мезокефальный и относительно узколицый), а часть мордвы-мокши отнесла к зоне распространения северопонтийского типа (Марк, 1974, с. 15). Реальность сурского типа была подтверждена в работах В.Е. Дерябина (Дерябин, 1998, с. 53).

По-видимому, первыми краниометрическими характеристиками мордвы, введёнными в научный оборот, были измерения черепов, происходивших из двух эрзянских и одного мокшанского кладбищ, сделанные С.М. Чугуновым (1882).

В 1929 г. Г.Ф. Дебец в приложении к статье «Черепа из финских могильников (По материалам Антропологического отдела МАЭ)» опубликовал метрические данные двух мужских черепов из Муранского могильника (Дебец, 1929, табл. 2). При подготовке статьи «Турко-финские взаимоотношения в Поволжье по данным палеоантропологии» (1932), исследователь также измерил небольшую сводную серию черепов, происходивших из Муранского, Барбашинского, Куликовского и Аткарского могильников, объединив их под общим названием «Финны XIII-XV вв.» (Дебец, 1932, табл. 1, прил. 1). В своей фундаментальной работе «Палеоантропология СССР» (1948), Г.Ф. Дебец дополнительно ввёл в научный оборот измерения черепов из «поздних финских могильников» XVI-XVIII вв., в том числе из Бутского могильника мордвы-мокши и Сарлейского и Кужадонского могильников мордвы-терюхан (Дебец, 1948, с. 219, табл. 89-90, прил. 27). Кроме того, была опубликована суммарная серия черепов, происходившая из Цнинских могильников VIII-X вв. Моршанского уезда (Дебец, 1948, с. 229-230, табл. 95, прил. 38).

В 1958 году М.С. Акимова пополнила базу краниометрических данных мордвы, опубликовав материалы из эрзянского могильника XVI-XVII вв. в окрестностях деревни Новая Пырма Кочкуровского района Мордовии (Акимова, 1958, табл. 1-4).

Краниологические материалы, полученные в 1950-х гг. после возобновления работ на Муранском могильнике, были опубликованы Т.И. Алексеевой (1959). В 1973 году ей также была введена в научный оборот немногочисленная серия черепов из Селиксенского могильника (Алексеева, 1973, табл. 70-71).

В 1969 году вышла в свет капитальная работа В.П. Алексеева «Происхождение народов Восточной Европы», в которой автор отчасти обобщил все введённые в научный оборот материалы по краниологии мордвы, отчасти ввёл в науку новые данные (Алексеев, 1969, с. 42-43, табл. 35-38).

В начале XXI века И.Р. Газимзянов опубликовал детальные краниологические характеристики материалов Барбашинского могильника, ранее исследованные по сокращённой программе Г.Ф. Дебецем (Газимзянов, 2010, табл. 1). По итогам работ 2011-2013 гг. на том же могильнике была найдена дополнительная серия скелетов, введённая в научный оборот А.А. Хохловым (2012, табл. 1, 2014, табл. 1).

В 2014 году Н.Н. Гончаровой и Д.С. Конопелькиным в статье «Новые данные к антропологии финских племен Верхней Волги и бассейна Оки» были опубликованные краниометрические данные по Цнинским могильникам, ранее исследованным по сокращённой программе Г.Ф. Дебецем, дополненные черепами из Пановского могильника (Гончарова, Конопелькин, 2014, табл. 2-3).

Последняя известная краниологическая серия, связанная с мордвой, была введена в научный оборот И.Р. Газимзяновым. Это была серия II Усинского могильника, захоронения на котором осуществлялись в соответствии с различными погребальными обрядами (Газимзянов, 2023, табл. 1-2). Однако использовать её для сопоставительного анализа крайне трудно из-за её малочисленности и неоднородности материала.

Таким образом, в настоящее время известно не менее двух краниологических серий мордвы, датирующихся I тыс. н.э. (Селиксенский и Цнинские могильники). Имеется также не менее двух представительных серий золотоордынского времени (Муранский и Барбашинский могильники). Следует оговориться, что обе происходят из могильников, находящихся на сравнительно большом отдалении от зоны компактного проживания мордвы. Появление мордовских могильников в этом районе, возможно, была связана с переселенческой политикой ханов Золотой Орды (Газимзянов, 2010, с. 153-155). Кроме того, в распоряжении исследователей имеется несколько серий, относящихся к XVI-XVIII вв. и более позднему времени. По примеру В.П. Алексеева, эти данные будут объединены в три группы: мордва-эрзя (могильники Новая Пырма и Шугурово), мордва-терюхане (Сарлейский и Кужадонский могильники, а также три черепа из окрестностей Покровской церкви в Нижнем Новгороде), мордва-мокша (Бутский могильник, а также 7 черепов, найденных в Симбирской губернии в XIX веке и др.) (Алексеев, 1969, с. 42).

Так как «Присутствие монголоидного компонента в большей или меньшей степени ощущается в облике жителей всех золотоордынских городов» (Яблонский, 2008, с. 282), то большой интерес для исследования представляет вопрос о наличии монголоидной

Таблица 6. Преаурикулярный фацио-церебральный указатель (ПФЦ), показатель уплощённости лицевого скелета (УЛС) и условная доля монголоидного элемента (УДМЭ) некоторых мужских краниологических серий Восточной Европы

Table 6. Preauricular faciocerebral index index of facial flatness and conditional proportion of the Mongoloid element of some male craniological series of Eastern Europe

Краниологическая серия (мужчины)	ПФЦ	УЛС	УДМЭ
Примокшанская мордва II тыс. н.э.*	89,6	23,6	-1,4
Мордва-эрзя (Алексеев, 1969, табл. 35)	90,3	30,6	10,4
Мордва-терюхане (Алексеев, 1969, табл. 36)	90,6	34,5	16,4
Мордва-мокша (Алексеев, 1969, табл. 37)	91,5	27,2	12,7
Цнинские могильники VIII-X вв.* (Гончарова, Конопелькин, 2014, табл. 2-3)	88,4	43,1	14,6
Селиксенский могильник II-VII вв.* (Алексеева, 1973, табл. 70-71)	90,0	32,3	11,0
Муранский могильник XIII-XIV вв. (Алексеева, 1973, табл. 29)	90,4	36,2	17,0
Барбашинский могильник XIV в. (Газимзянов, 2010, табл. 1, Хохлов, 2012, табл. 1, 2014, табл. 1)	88,9	15,8	-13,5
Селитренное городище XIII-XV вв. (Яблонский, 1987, табл. 75)	94,0	36,0	35,5
Водянское городище XIV-XV вв. (Яблонский, 1987, табл. 59)	92,6	33,2	25,6
Царевское городище XIV в. (Балабанова, 1999, табл. 3)	93,3	37,4	33,5
Маячный Бугор XIII-XIV вв. (Балабанова и др., 2011, табл. 7)	89,7	22,1	-2,5
Вакуровский Бугор X-XIV вв. (Балабанова и др., 2011, табл. 10)	93,3	57,6	56,5
Хаджи-Тархан XIV-XV вв. (Комаров, 2015, табл. 1)	92,1	40,9	31,3
Увек XIII-XIV вв. (Евтеев и др., 2013, табл. 2)	89,4	27,7	2,6
Маджары XIV в. (Евтеев, 2016, табл. 1)	92,1	13,9	0,9
Старый Орхей XIV в. (Великанова, 1993, табл. 6)	91,7	18,8	4,1
Биляр X-XIII вв. суммарно (Ефимова, 1991, табл. 4)	88,5	32,8	3,5
Булгар, "Бабий Бугор" X-XV вв. суммарно (Ефимова, 1991, табл. 4)	89,1	21,0	-6,7
Булгар, "Рядовой" могильник X-XV вв. (Трофимова, 1956, табл.10)	89,8	19,0	-5,2
Культурный слой Булгара XIII-XV вв. (Ефимова, 1991, табл. 4)	94,9	38,7	43,3
Четырёхугольник, раннезолотоордынская выборка (Рудь, 1987, табл. 36)	92,7	29,3	21,4
Малый Минарет (Рудь, 1987, табл. 37)	90,3	47,9	29,9
Ханская усыпальница XIV-XV вв. (Рудь, 1987, табл. 40)	93,8	43,1	42,9
Греческая палата XV в. (Ефимова, 1991, табл. 4)	89,2	15,8	-12,1
Больше-Тарханский могильник VIII-IX вв. (Акимова, 1964, табл. 1)	90,3	40,1	21,0
Кайбельский могильник VIII-IX вв. (Герасимова, 1956, табл. 1)	91,9	25,3	12,9
Кайбельский могильник X-XII вв. (Герасимова, 1956, табл. 1)	92,7	37,6	30,9
Танкеевский могильник VIII-IX вв. (Акимова, 1973, табл. 1)	89,9	36,2	14,9
II Семеновский могильник XII-XIII вв. (Ефимова, 1991, табл. 9)	90,6	25,2	6,0
Измерский могильник XI-XIII вв. (Рудь, 1987, табл. 43)	90,8	43,9	27,9
Старокуйбышевский могильник X-XII вв. (Рудь, 1987, табл. 47)	91,0	21,6	3,7
Болдыревский могильник XIV в. (Евтеев и др., 2016, табл. 3)	92,0	20,5	7,9
Мари-Луговской могильник XIII-XIV вв. (Алексеев, 1971, табл. 1)	93,2	37,7	33,6
"Окрестности Казани" XIV-XVII вв. (Ефимова, 1991, табл. 9)	88,6	36,6	8,5
Старый Венец (Симбирск) X-XIII вв. (Алексеев, 1969, табл. 39)	94,1	39,6	40,1
Вятичи верхнего течения р. Москвы и Истры (Алексеева, 1973, прил. табл. 1)	88,9	29,9	2,3
Вятичи среднего течения р. Москвы (Алексеева, 1973, прил., табл. 2)	88,3	18,2	-13,8
Вятичи междуречья Москвы и Клязьмы (Алексеева, 1973, прил., табл. 3)	88,5	26,7	-3,1
Вятичи нижнего течения р. Москвы и бассейна р. Пахры (Алексеева, 1973, прил., табл. 4)	87,7	29,9	-4,1
Старая Рязань (Алексеева, 1973, прил., табл. 7)	89,0	15,8	-13,3
Кривичи Смоленской группы (Алексеева, 1973, прил., табл. 8)	90,1	25,4	3,6
Кривичи Тверской группы (Алексеева, 1973, прил., табл. 9)	87,9	24,0	-9,5
Кривичи Ярославской группы (Алексеева, 1973, прил., табл. 11)	87,7	31,3	-2,2
Кривичи Костромской группы (Алексеева, 1973, прил., табл. 12)	90,6	31,5	13,1
Кривичи Владимиро-Рязанско-Нижегородской группы (Алексеева, 1973, прил., табл. 13)	89,5	38,7	15,5

*величины определены на основе взвешенных средних показателей мужских и женских черепов. Показатели женской части серии предварительно умножены на значения среднемирового коэффициентов полового диморфизма (КПД)

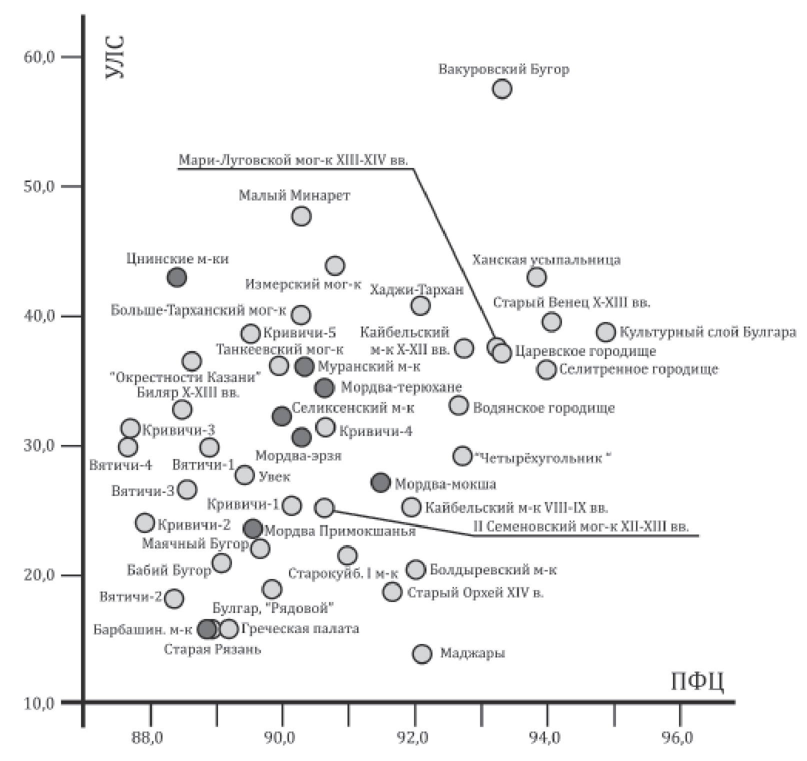

Рис. 1. Взаиморасположение некоторых краниометрических серий Восточной Европы по величине преаурикулярного фацио-церебрального указателя (ПФЦ) и показателя уплощённости лицевого скелета (УЛС). На схеме числами обозначены: Вятичи-1 – вятичи верхнего течения р. Москвы и Истры; Вятичи-2 – вятичи среднего течения р. Москвы, Вятичи-3 – вятичи междуречья рр. Москвы и Клязьмы; Вятичи-4 – вятичи нижнего течения р. Москвы и бассейна р. Пахры; Кривичи-1 – кривичи Смоленской группы; Кривичи-2 – кривичи Тверской группы; Кривичи-3 – кривичи Ярославской группы; Кривичи-4 – кривичи Костромской группы; Кривичи-5 – кривичи Владимиро-Рязанско-Нижегородской группы.

Fig. 1. Mutual location of some craniometric series of Eastern Europe in value of the size of the preauricular faciocerebral index (PFC) and the index of flatness of the facial skeleton.The numbers indicate on the diagram: Vyatichi-1 – Vyatichs of the basin upper Moscow River and Istra River; Vyatichi-2 – Vyatichs of the middle basin of the Moscow river; Vyatichi-3 – Vyatichs of interfluve of Moscow and Klyazma rivers; Vyatichi-4 – Vyatichs of the lower part of Moscow River and Pakhra River basin; Krivichi-1 – Krivichs of the Smolensk group; Krivichi-2 – Krivichs of the Tver group; Krivichi-3 – Krivichs of the Yaroslavl group; Krivichi-4 – Krivichs of the Kostroma group; Krivichi-5 – Krivichs of the Vladimir-Ryazan-Nizhniy Novgorod group.

примеси у Примокшанской мордвы II тыс. н.э. При исследовании процессов метисации европеоидного и монголоидного элементов в отечественной науке хорошо зарекомендовали себя параметры, введённые Г.Ф. Дебецем, – преаурикулярный фацио-церебральный указатель (ПФЦ), показатель уплощённости лицевого скелета (УЛС) и условная доля монголоидного элемента (УДМЭ) (Дебец, 1968, с. 14-15).

Для сопоставления с краниологической серии Примокшанской мордвы II тыс. н.э. по степени выраженности монголоидных признаков были привлечены средневековые и близкие к современности серии мордвы, суммарные выборки из кладбищ некоторых городов Золотой Орды, а также ряд краниологических серий Поволжья домонгольского и золотоордынского времени, включая некрополи Волжской Булгарии. Кроме того, в анализ, в качестве своеобразной контрольной группы, были включены некоторые восточнославянские серии, датирующиеся в пределах X-XIII вв. (табл. 6). К анализу привлекались наиболее представительные серии, однако исключение было сделано для крайне малочисленной выборки из северо-западного некрополя Увека, учитывая его близкое географическое положение к городу Мохши.

На схеме соотношений величин ПФЦ и УЛС видно, что степень выраженности восточной (монголоидной или уралоидной по своему происхождению) примеси у различных групп мордвы выражена по-разному (рис. 1). Наиболее «европеоидной» оказывается серия Барбашинского могильника, занимающая

Таблица 7. Краниометрические показатели некоторых серий Восточной Европы
Table 7. Craniometric parameters of some series of Eastern Europe

		1. Продольный диаметр	8. Поперечный диаметр	17. Высотный диаметр	5. Длина основания черепа	9. Наименьшая ширина лба	45. Скуловой диаметр	48. Верхняя высота лица	55. Высота носа	54. Ширина носа	51. Ширина орбиты от мф.	52. Высота орбиты	DC. Дакриальная ширина	DS. Дакриальная высота	SC. Симотическая ширина	SS. Симотическая высота	75(1). Угол выступания носа	77. Назо-малярный угол	zm'. Зиго-максиллярный угол
Примокшанская мордва II тыс. н.э.*	N	14	11	12	10	18	8	14	12	7	12	11	10	5	14	14	8	8	9
	x	186,7	137,4	132,7	101,5	94,2	129,3	68,9	49,5	25,4	41,4	31,4	22,5	12,4	9,8	4,4	23,3	136,8	123,6
Мордва-эрзя	N	39	39	39	38	38	39	38	39	39	38	39	35	35	35	35	32	37	36
	x	179,4	143,3	135,0	101,1	96,6	134,1	70,5	50,6	24,7	41,5	32,5	21,9	11,9	9,3	4,0	28,5	140,6	128,4
Мордва-терюхане	N	10	10	8	8	13	5	12	13	13	13	14	10	10	11	11	7	12	7
	x	178,9	142,8	134,0	104,1	95,2	133,0	70,0	52,6	24,6	40,6	33,3	20,0	11,8	8,3	4,1	27,3	141,3	128,7
Мордва-мокша	N	20	18	18	18	20	18	19	20	19	17	19	17	17	15	15	14	20	18
	x	182,5	140,9	131,0	99,4	96,1	132,1	69,9	50,7	24,5	40,8	32,6	22,1	12,4	10,1	4,7	26,9	140,4	127,2
Цнинские могильники VIII-X вв.*	N	16	16	13	12	11	11	14	16	16	16	14	12	12	16	15	10	12	7
	x	185,1	132,1	139,1	104,4	96,1	130,4	70,0	50,0	25,0	41,8	31,4	23,7	12,8	8,4	3,8	21,4	139,8	129,9
Селиксенский могильник II-VII вв.*	N	9	10	6		10	4	3	3	4	4	4					3	7	3
	x	187,9	137,2	139,2	101,9	97	133,6	73,2	52,3	27,9	41,5	31,9	21,5	11,8	9	4,3	24	137,6	128,3
Муранский могильник VII-XI вв.	N	15	14	13	13	15	9	11	11	11	11	10	9	9	11	9	9	10	5
	x	186,3	137,6	133,3	104,5	97,1	132,6	69,7	50,5	25,5	41,6	32,5	21,4	11,4	8,9	3,5	26	137,1	131,2
Барбашинский могильник XIV в.	N	18	18	18	18	18	18	17	17	17	17	17	12	12	16	16	16	18	15
	x	184,2	133,3	136,3	103,0	95,7	128,7	69,7	50,3	25,1	41,3	32,1	22,6	12,4	9,9	4,5	27,1	137,1	123,2
Селитренное городище	N	102	99	94	93	102	97	98	92	103	102	99	96	96	102	102	100	103	100
	x	178,8	145,2	132,3	102,3	94,9	137,1	73,4	56,3	25,2	43,3	33,8	21,6	11,6	8,3	3,9	28,2	141,8	129,3
Водянское городище	N	30	28	27	27	30	25	31	32	32	32	31	24	24	30	30	25	28	28
	x	177,0	145,4	132,8	101,3	96,4	136,9	73,4	54,1	25,3	43,2	34,2	23,1	11,7	9,3	4,6	25,9	139,1	130,3
Царевское городище	N	19	19	16	16	19	19	19	19	19	19	19	17	17	19	18	18	19	19
	x	176,4	144,1	132,2	100,6	95,9	136,7	73,3	53,9	26,3	43,7	33,7	20,4	12,4	8	4,7	23,4	140,7	129,3
Маячный Бугор	N	68	62	62	60	64	58	64	63	66	59	59	57	57	59	59	54	62	60
	x	181,8	144,7	138,9	102,9	97,1	133,4	71,8	52,4	25,5	43,1	33,8	20,2	12,6	8,0	4,6	29,5	140,0	127,7
Вакуровский Бугор	N	18	14	15	16	17	19	23	22	23	22	22	18	18	20	21	18	19	21
	x	182,8	145,1	134,5	102,4	97,2	138,2	73,5	54,5	25,9	43,5	34,0	21,8	10,9	8,4	3,6	23,4	143,6	133,5

Хаджи-Тархан XIV-XV вв.	N	21	19	18	18	20	18	18	21	21	21	21			21	21	15	21	19
	x	175,4	144,5	133,5	101,9	94,6	134,6	70,5	51,8	25,5	43,7	32,7	21,5	11,8	8,6	4,1	24,5	141,7	128,9
Увек XIII-XIV вв.	N	5	5	5	5	7	3	7	7	6	8	8			8	8	6	6	6
	x	179,8	138,4	134,4	98,2	93,5	128,7	70,1	52	24,9	39,7	31,2	21,5	11,8	8,5	3,7	25,4	138,3	124
Маджары XIV в.	N	15	14	13	14	15	11	12	12	11	12	11			11	11	10	11	11
	x	178,9	144,9	134,4	103,7	96,2	134,9	72,1	52	25,3	43,3	31,7	21,5	11,8	10	5	29,8	137,5	125,4
Старый Орхей XIV в.	N	33	33	30	29	31	31	27	28	28	30	30	21	21	25	25	19	28	28
	x	179,1	147,9	137,0	104,0	97,2	137,9	70,7	51,8	25,6	42,8	33,7	21,7	12,6	9,1	5,2	29,4	139,0	128,5
Биляр X-XIII вв. суммарно	x	179,9	143,3	137,4	102,1	97,6	131,5	70,2	50,7	24,6	42,2	32,9	22,9	11,7	9,4	4,5	26,4	141,1	127,6
Булгар, "Бабий Бугор" X-XV вв. суммарно	N	13	16	14	13	18	5	17	16	16	15	16	15	15	16	16	7	17	11
	x	181,4	139,4	136,2	101,6	96,0	131,3	68,2	50,9	24,9	40,7	32,2	21,8	12,2	9,5	4,9	29,4	139,6	127,5
Булгар, "Рядовой" могильник X-XV вв.	N	13	16	14	18	13	5	17	16	16	13	13	15	15	15	15	7	17	11
	x	184,3	141,4	137,1	101,4	96,6	134,4	70,1	52,6	25,3	41,2	31,9	22,4	12,4	8,7	4,4	31,6	140,6	126,5
Культурный слой Булгара XIII-XV вв.	x	179,6	146,7	131,6	101,1	95,1	138,8	71,5	57,7	25,7	42,5	32,3	23,4	11,4	9,8	4,7	25,3	140,8	130,8
Четырёхугольник, раннезолотоордынская выборка	N	12	12	10	10	12	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	10	11	11
	x	179,2	146,5	132,6	100,5	94,9	135,7	72,2	52,8	26,0	42,5	30,8	20,7	12,2	7,9	4,2	26,1	138,5	128,2
Малый Минарет	N	11	11	10	10	11	11	10	11	11	8	11	7	7	9	9	11	10	10
	x	181,7	149,0	136,9	101,3	97,7	134,4	71,5	53,6	24,6	43,4	34,1	20,9	9,9	8,1	3,1	26,4	141,9	129,4
Ханская усыпальница XIV-XV вв.	N	21	22	21	21	21	22	19	20	21	21	20	12	12	16	16	15	17	16
	x	177,4	150,8	134,3	103,6	96,2	137,1	75,2	56,1	24,4	43,8	36,5	20,8	10,6	8,1	4,3	29,1	143,5	132,7
Греческая палата XV в.	N	16	16	13	16	13	8	15	14	14	13	13	11	11	11	11	11	11	8
	x	175,1	149,5	134,6	101,6	100,3	133,8	70,5	52,3	26,1	42,5	35,1	21,2	12,6	9,8	5,7	30,9	141,2	127,0
Больше-Тарханский могильник VIII-IX вв.	N	37	38	32	32	41	39	39	39	40	39	40	17	17	30	30	28	38	30
	x	182,0	147,9	137,2	103,8	98,8	138,9	70,9	52,3	25,9	43,5	33,5	23,0	12,2	8,8	4,2	26,6	141,8	132,2
Кайбельский могильник VIII-IX вв.	N	9	9	5	5	10	8	10	10	10	10	10	10	9	10	9	9	9	9
	x	180,2	146,3	134,8	103,2	97,7	138,6	72,8	52,3	25,2	44,3	32,8	21,1	11,8	8,6	4,7	31,6	141,9	129,1
Кайбельский могильник X-XII вв.	N	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8
	x	176,2	144,8	133,2	101,4	96,5	136,1	72,8	52,2	25,0	42,8	33,3	20,7	11,3	7,7	3,5	31,2	144,2	129,4
Танкеевский могильник VIII-IX вв.	N	30	31	20		38	21	27	28	28	30	30	24	24	28	28	21	29	21
	x	178,4	140,6	133,6	103,0	96,2	133,2	70,3	52,4	24,7	42,1	32,8	21,0	12,1	7,8	3,6	27,6	141,1	129,6
II Семеновский могильник XII-XIII вв.	N	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	3	3	6	6	6	6	6
	x	178,7	145,8	134,8	101,6	98,3	135,3	72,5	51,0	25,1	42,8	32,5	21,1	12,3	10,0	5,1	25,7	137,3	129,5
Измерский могильник	N	17	17	16	16	17	17	17	17	17	17	17	17	17	17	17	16	17	17
	x	179,7	144,6	132,6	100,6	98,0	134,5	68,6	51,5	26,9	42,3	32,8	21,8	10,9	9,2	3,8	24,4	141,1	129,1
Старокуйбышевский могильник X-XII вв.	N	16	16	14	14	16	16	15	15	14	15	15	10	10	12	12	12	14	12
	x	178,6	147,7	136,5	102,0	99,4	136,9	70,2	52,3	25,4	41,1	32,2	23,5	12,8	9,6	4,8	29,1	141,6	125,6
Болдыревский могильник XIV в.	N	12	11	11	11	13	10	13	13	13	13	13			13	13	11	12	12
	x	181,7	147,8	135	102,4	98,2	136,7	72,2	52,5	24,7	41,1	32,3	21,5	11,8	9,3	5	30,6	139,2	128,9

Мари-Луговской могильник XIII-XIV вв.	N	14	14	13	13	15	14	14	15	15	14	14	14	14	15	15	12	15	14
	x	180,6	151,9	130,2	101,1	99,2	140,2	71,5	52,3	25,6	43,1	31,9	20,7	12,3	8,6	4,8	27,1	141,9	133,1
"Окрестности Казани" XIV-XVII вв.	x	178,2	143,5	133,8	98,7	95,4	130,1	67,4	49,6	23,9	40,5	32,1	21,5	11,8	8,6	3,7	27,3	139,5	131,4
Старый Венец (Симбирск) X-XIII вв.	N	8	9	9	8	9	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7	5	8	6
	x	180,0	147,4	127,9	102,1	98,0	138,1	68,7	51,3	25,1	43,5	33,0	19,9	11,3	8,2	4,2	24,8	142,6	126,5
Вятичи верхнего течения р. Москвы и Истры	N	37	37	29	35	36	19	30	33	32	33	32	34	33	35	35	20	30	23
	x	184,2	133,8	134,9	102,3	94,0	130,4	66,2	48,9	25,4	41,7	32,1	21,0	11,5	9,8	3,9	27,1	138,0	128,4
Вятичи среднего течения р. Москвы	N	29	26	23	23	26	12	21	21	21	22	22	22	22	22	22	16	23	15
	x	181,9	136,4	135,7	101,7	94,5	130,3	66,3	50,6	24,4	41,3	31,3	19,4	11,6	9,0	4,6	29,8	136,7	127,9
Вятичи междуречья Москвы и Клязьмы	N	38	34	33	32	37	15	24	30	27	31	30	32	32	32	32	9	32	12
	x	182,7	134,4	134,5	102,0	94,4	129,9	65,7	47,7	24,8	41,9	31,8	21,1	11,8	8,8	4,1	25,6	137,3	126,2
Вятичи нижнего течения р. Москвы и бассейна р. Пахры	N	51	50	41	40	51	28	37	38	40	39	40	43	43	45	45	26	44	35
	x	183,8	136,6	135,5	100,4	97,0	127,1	68,4	49,2	24,8	41,5	32,5	21,4	11,6	8,8	4,4	26,8	138,9	128,6
Старая Рязань	N	13	15	14	14	15	8	10	10	10	10	11	9	9	12	12	7	12	7
	x	186,6	141,4	135,2	102,2	97,7	132,7	69,0	49,6	24,7	41,7	32,6	21,1	11,5	9,3	4,0	35,0	137,9	129,6
Кривичи Смоленской группы	N	43	43	38	39	41	21	29	30	30	26	28	29	29	31	32	15	26	14
	x	184,7	133,1	134,6	101,9	95,6	132,2	68,1	49,8	25,0	42,6	32,0	21,3	11,9	9,1	4,2	27,5	138,4	126,9
Кривичи Тверской группы	N	80	76	72	72	83	44	55	65	63	66	67	62	62	66	66	22	71	40
	x	183,5	136,4	136,7	102,3	95,7	130,7	66,1	48,3	25,4	41,6	31,8	21,8	11,7	9,1	4,3	28,6	138,6	127,1
Кривичи Ярославской группы	N	73	69	65	66	67	34	53	53	50	55	56	54	53	57	57	30	52	32
	x	182,3	138,6	135,5	102,4	96,2	130,0	67,3	49,0	25,5	41,0	32,1	20,5	11,0	9,0	4,2	26,5	138,9	127,4
Кривичи Костромской группы	N	47	48	46	47	50	36	39	42	41	41	41	38	38	44	44	14	42	24
	x	179,1	137,3	132,8	99,8	94,0	130,5	68,1	49,1	25,7	41,7	32,2	21,3	11,6	9,8	4,1	25,5	138,2	127,9
Кривичи Владимиро-Рязанско-Нижегородской группы	N	24	21	21	21	19	10	20	20	18	19	21	20	20	19	19	7	13	7
	x	183,1	136,0	134,9	100,1	94,1	129,6	67,2	49,5	25,3	41,7	32,9	20,6	11,6	8,7	4,1	23,7	138,1	130,8

Таблица 8. Квадраты расстояний П.Ч. Махаланобиса (D^2) между некоторыми краниологическими сериями Восточной Европы (с поправкой на численность)
Table 8. Squares of Mahalanobis (D^2) distances between some craniological series of Eastern Europe (since correction for number of data)

	Примокшанская мордва II тыс. н.э.*	Мордва-эрзя	Мордва-терюхане	Мордва-мокша	Цнинские могильники VIII-X вв.*	Селиксенский могильник II-VII вв.*	Муранский могильник VII-XI вв.	Барбашинский могильник XIV в.	Селитренное городище	Водянское городище	Царевское городище	Маячный Бугор	Вакуровский Бугор	Хаджи-Тархан XIV-XV вв.	Увек XIII-XIV вв.	Маджары XIV в.	Старый Орхей XIV в.	Биляр X-XIII вв. суммарно
Мордва-эрзя	6,34																	
Мордва-терюхане	9,94	2,10																
Мордва-мокша	1,68	1,88	4,62															
Цнинские могильники VIII-X вв.*	5,27	12,70	16,38	10,94														
Селиксенский могильник II-VII вв.*	5,81	8,91	13,57	8,75	7,54													
Муранский могильник VII-XI вв.	4,90	4,25	4,07	5,25	9,01	5,73												
Барбашинский могильник XIV в.	0,35	6,26	9,21	3,54	3,28	5,62	4,74											
Селитренное городище	16,63	6,86	5,07	10,28	22,69	20,64	12,67	16,58										
Водянское городище	13,16	4,82	5,98	6,92	19,25	17,45	12,73	13,65	3,50									
Царевское городище	12,90	7,62	8,07	9,11	18,08	11,84	14,54	15,34	7,70	3,76								
Маячный Бугор	10,00	3,70	4,59	7,17	15,04	9,30	9,52	9,12	8,77	7,74	5,88							
Вакуровский Бугор	11,37	3,79	4,25	6,59	14,89	10,54	6,61	12,78	2,86	3,70	5,19	5,81						
Хаджи-Тархан XIV-XV вв.	10,48	4,19	5,09	8,14	15,93	16,88	11,91	12,41	4,18	2,59	2,33	4,75	3,53					
Увек XIII-XIV вв.	2,08	3,01	5,48	2,67	7,56	1,94	5,25	2,82	10,06	9,43	9,30	7,24	7,92	9,09				
Маджары XIV в.	9,94	3,02	4,85	6,49	19,91	15,70	10,65	10,22	5,51	3,29	6,07	4,76	6,68	1,71	8,85			
Старый Орхей XIV в.	13,89	4,08	3,95	7,74	22,14	17,38	13,13	13,96	8,16	3,17	5,63	3,65	7,20	3,70	12,48	2,14		
Биляр X-XIII вв. суммарно	6,59	2,70	5,01	3,97	11,15	13,52	10,04	5,84	9,32	5,04	9,25	3,75	6,14	3,97	6,69	3,68	4,12	
Булгар, "Бабий Бугор" X-XV вв. суммарно	4,96	2,86	3,42	1,92	9,94	8,41	6,02	2,81	9,94	7,64	10,80	4,79	7,90	8,28	3,26	5,48	5,75	2,76
Булгар, "Рядовой" могильник X-XV вв.	6,21	2,36	5,18	2,86	10,58	6,45	6,32	4,29	7,24	8,49	11,47	4,42	6,01	9,12	1,55	6,30	7,64	4,62
Культурный слой Булгара XIII-XV вв.	22,99	16,01	13,67	15,82	30,48	28,69	23,82	24,56	4,47	6,83	14,28	19,94	9,54	11,50	15,30	11,53	14,67	15,71
Четырёхугольник, раннезолотоордынская выборка	10,46	4,80	7,15	8,35	18,40	8,98	10,77	14,71	6,62	6,09	2,28	6,11	5,58	3,39	3,86	3,37	7,17	9,79
Малый Минарет	16,57	5,53	5,97	11,61	25,41	19,44	11,53	17,52	5,13	7,83	13,19	5,97	2,91	6,30	10,92	7,01	8,47	6,06
Ханская усыпальница XIV-XV вв.	30,26	12,97	8,36	18,89	38,55	35,42	22,47	29,31	6,47	6,86	14,92	12,07	8,16	9,74	25,24	10,17	7,96	11,89
Греческая палата XV в.	21,58	9,92	7,94	12,09	33,63	25,96	22,38	20,72	14,17	8,60	9,91	6,74	14,02	9,18	19,44	7,45	2,77	7,31
Больше-Тарханский могильник VIII-IX вв.	11,30	2,44	4,09	6,41	15,47	13,89	8,97	12,19	4,87	2,95	5,74	3,34	1,49	2,05	9,84	3,99	1,80	2,85
Кайбельский могильник VIII-IX вв.	14,17	3,07	6,03	7,58	20,84	16,64	11,32	13,63	4,76	4,13	5,41	3,18	3,84	2,27	13,12	-0,35	1,97	4,75
Кайбельский могильник X-XII вв.	15,27	1,11	2,82	7,82	20,46	15,10	7,71	13,97	3,89	5,65	6,80	3,97	2,72	3,22	9,24	3,29	5,11	6,55
Танкеевский могильник VIII-IX вв.	8,62	2,00	0,56	5,33	10,58	11,54	3,36	7,28	3,78	5,62	6,31	4,27	3,07	3,15	4,15	5,00	6,67	5,26
II Семеновский могильник XII-XIII вв.	6,17	-0,26	3,04	1,68	14,29	7,10	7,14	8,12	7,63	0,47	-0,61	1,35	3,46	0,49	4,55	-1,72	-0,67	1,45
Измерский могильник	7,46	2,28	2,86	4,59	16,68	8,64	5,23	9,70	6,42	5,30	5,42	4,95	2,26	3,31	4,75	4,71	5,14	4,86
Старокуйбышевский могильник X-XII вв.	11,58	2,86	4,34	4,74	19,02	15,60	14,18	11,43	8,05	4,82	8,32	6,06	7,82	5,85	6,53	4,14	2,50	3,05
Болдыревский могильник XIV в.	12,38	1,99	2,41	4,12	22,14	13,08	9,16	12,63	7,53	4,46	8,74	5,46	6,08	7,82	7,37	2,05	2,02	4,91
Мари-Луговской могильник XIII-XIV вв.	18,09	7,32	8,39	9,51	29,01	19,57	15,44	23,42	9,21	7,36	5,05	9,20	6,47	6,40	15,33	5,55	5,69	11,70
"Окрестности Казани" XIV-XVII вв.	6,00	-0,04	1,80	2,17	12,04	10,05	3,58	7,17	7,40	5,65	9,15	4,35	4,73	5,23	0,91	5,74	5,90	3,15
Старый Венец (Симбирск) X-XIII вв.	13,17	7,24	5,40	7,85	26,97	23,18	12,41	18,09	8,65	7,97	6,11	9,37	6,54	4,22	15,92	5,10	5,51	9,34
Вятичи верхнего течения р. Москвы и Истры	4,06	6,88	8,91	6,35	8,59	7,91	1,66	2,64	16,01	16,13	17,78	10,80	10,96	13,04	6,75	12,08	15,30	10,26
Вятичи среднего течения р. Москвы	7,92	6,78	6,35	6,95	13,11	9,67	5,24	5,40	12,08	12,84	13,98	7,78	10,92	11,43	5,42	7,44	10,94	9,05
Вятичи междуречья Москвы и Клязьмы	1,80	6,51	9,10	5,33	5,99	8,52	3,56	1,56	17,38	14,03	13,69	9,06	12,07	10,25	6,34	10,19	12,17	7,47
Вятичи нижнего течения р. Москвы и бассейна р. Пахры	2,87	5,82	8,73	3,78	6,13	5,73	4,63	1,64	16,93	13,34	13,70	6,03	10,41	11,86	4,67	10,68	12,29	4,59
Старая Рязань	11,26	4,59	8,13	7,19	19,82	12,45	2,87	9,12	14,68	16,16	21,72	8,61	11,06	16,33	10,43	10,02	12,46	10,55
Кривичи Смоленской группы	3,58	7,37	11,42	5,49	5,73	6,90	4,05	1,61	15,58	14,52	14,20	10,01	10,73	12,22	6,68	11,08	14,91	9,49
Кривичи Тверской группы	3,52	4,85	7,72	4,89	7,52	7,39	3,70	1,66	15,61	13,23	14,98	6,86	10,67	10,60	6,02	8,73	9,95	5,44
Кривичи Ярославской группы	4,31	3,50	3,43	4,28	11,09	6,10	2,11	3,72	14,33	11,80	12,15	5,50	8,48	9,28	4,79	7,07	8,03	5,04
Кривичи Костромской группы	2,23	2,58	6,02	2,81	8,93	5,19	2,76	2,99	11,78	8,36	8,13	6,67	7,14	6,03	2,52	6,20	8,87	5,99
Кривичи Владимиро-Рязанско-Нижегородской группы	2,47	5,92	7,73	4,36	5,77	3,72	2,60	2,97	14,78	11,56	10,35	6,87	7,80	9,87	3,64	11,73	11,79	7,37

Таблица 8. Квадраты расстояний П.Ч. Махаланобиса (D^2) между некоторыми краниологическими сериями Восточной Европы (с поправкой на численность)
Table 8. Squares of Mahalanobis (D^2) distances between some craniological series of Eastern Europe (since correction for number of data)

	Булгар, "Бабий Бугор" X-XV вв. суммарно	Булгар, "Рядовой" могильник X-XV вв.	Культурный слой Булгара XIII-XV вв.	Четырёхугольник, раннезолотоордынская выборка	Малый Минарет	Ханская усыпальница XIV-XV вв.	Греческая палата XV в.	Больше-Тарханский могильник VIII-IX вв.	Кайбельский могильник VIII-IX вв.	Кайбельский могильник X-XII вв.	Танкеевский могильник VIII-IX вв.	II Семеновский могильник XII-XIII вв.	Измерский могильник	Старокуйбышевский могильник X-XII вв.	Болдыревский могильник XIV в.	Мари-Луговской могильник XIII-XIV вв.	"Окрестности Казани" XIV-XVII вв.	Старый Венец (Симбирск) X-XIII вв.
Мордва-эрзя																		
Мордва-терюхане																		
Мордва-мокша																		
Цнинские могильники VIII-X вв.*																		
Селиксенский могильник II-VII вв.*																		
Муранский могильник VII-XI вв.																		
Барбашинский могильник XIV в.																		
Селитренное городище																		
Водянское городище																		
Царевское городище																		
Маячный Бугор																		
Вакуровский Бугор																		
Хаджи-Тархан XIV-XV вв.																		
Увек XIII-XIV вв.																		
Маджары XIV в.																		
Старый Орхей XIV в.																		
Биляр X-XIII вв. суммарно																		
Булгар, "Бабий Бугор" X-XV вв. суммарно																		
Булгар, "Рядовой" могильник X-XV вв.	0,73																	
Культурный слой Булгара XIII-XV вв.	14,40	12,46																
Четырёхугольник, раннезолотоордынская выборка	9,69	7,05	12,49															
Малый Минарет	10,52	8,42	13,55	9,98														
Ханская усыпальница XIV-XV вв.	17,44	18,27	14,59	18,00	5,43													
Греческая палата XV в.	10,59	14,33	21,67	14,97	12,31	9,36												
Больше-Тарханский могильник VIII-IX вв.	5,75	4,88	11,56	5,87	3,91	8,01	7,64											
Кайбельский могильник VIII-IX вв.	6,88	5,39	14,06	4,63	5,76	7,37	7,51	1,61										
Кайбельский могильник X-XII вв.	8,38	5,62	17,84	4,56	4,09	7,44	9,80	2,75	-0,61									
Танкеевский могильник VIII-IX вв.	4,52	3,83	13,75	4,92	6,53	12,26	12,84	3,47	4,41	1,24								
II Семеновский могильник XII-XIII вв.	3,38	5,84	14,21	-0,40	7,25	11,32	3,83	1,28	-0,01	2,73	3,61							
Измерский могильник	5,33	5,36	12,81	4,37	3,90	13,23	8,32	2,36	5,41	3,76	3,32	1,44						
Старокуйбышевский могильник X-XII вв.	4,10	3,50	11,17	6,78	9,08	13,51	4,74	2,84	5,14	5,88	6,22	1,73	4,26					
Болдыревский могильник XIV в.	3,76	3,70	12,11	4,97	7,13	9,53	6,54	3,87	2,35	3,80	6,02	-0,96	4,92	1,51				
Мари-Луговской могильник XIII-XIV вв.	12,88	11,76	14,28	2,68	11,17	13,26	9,96	5,09	2,79	5,34	9,01	0,31	6,16	6,80	3,34			
"Окрестности Казани" XIV-XVII вв.	2,46	2,68	14,72	4,68	4,65	14,03	11,83	3,41	6,87	3,96	1,66	1,16	2,51	4,46	3,05	8,37		
Старый Венец (Симбирск) X-XIII вв.	11,58	12,84	16,33	7,70	8,55	12,05	8,41	5,43	3,37	5,45	7,05	3,16	3,35	7,63	6,88	2,38	9,61	
Вятичи верхнего течения р. Москвы и Истры	5,16	6,40	25,16	15,75	14,71	28,23	24,75	11,94	13,42	12,75	7,17	10,65	8,10	16,66	14,46	22,32	6,52	16,15
Вятичи среднего течения р. Москвы	2,53	3,82	16,89	10,69	12,28	22,97	19,01	10,91	9,38	11,66	5,97	6,73	8,20	12,32	8,20	16,22	4,97	13,83
Вятичи междуречья Москвы и Клязьмы	4,56	7,12	26,64	13,42	16,14	28,64	21,26	10,71	11,75	12,97	6,93	7,05	8,00	14,03	13,40	19,67	6,13	12,44
Вятичи нижнего течения р. Москвы и бассейна р. Пахры	2,82	4,73	25,94	13,26	13,04	24,65	16,74	9,94	11,15	11,91	7,20	5,84	7,84	11,93	10,21	18,19	4,36	15,57
Старая Рязань	6,23	4,21	27,34	14,96	9,40	20,23	19,34	10,08	7,85	6,27	7,85	9,85	9,06	13,63	6,95	16,25	4,74	15,49
Кривичи Смоленской группы	4,89	5,03	23,97	13,92	17,00	29,66	24,67	11,64	10,57	12,39	7,15	8,90	9,64	15,37	13,99	20,07	8,37	14,75
Кривичи Тверской группы	2,22	3,50	24,19	13,29	13,07	24,95	17,56	8,33	9,25	10,47	6,46	7,05	6,69	10,53	9,88	18,33	4,91	13,48
Кривичи Ярославской группы	2,56	5,10	23,59	10,39	9,78	20,44	13,18	7,67	8,79	8,16	5,23	3,67	3,49	9,02	6,40	14,10	3,38	9,58
Кривичи Костромской группы	3,98	5,68	20,50	7,16	11,63	22,29	15,94	7,40	8,57	7,42	4,51	1,90	3,27	9,85	8,86	13,54	2,65	10,43
Кривичи Владимиро-Рязанско-Нижегородской группы	3,89	6,08	22,53	10,99	12,97	24,88	19,88	9,04	12,54	12,57	6,19	5,38	5,96	14,09	11,92	17,39	3,58	14,24

Таблица 8. Квадраты расстояний П.Ч. Махаланобиса (D^2) между некоторыми краниологическими сериями Восточной Европы (с поправкой на численность)
Table 8. Squares of Mahalanobis (D^2) distances between some craniological series of Eastern Europe (since correction for number of data)

	Вятичи верхнего течения р. Москвы и Истры	Вятичи среднего течения р. Москвы	Вятичи междуречья Москвы и Клязьмы	Вятичи нижнего течения р. Москвы и бассейна р. Пахры	Старая Рязань	Кривичи Смоленской группы	Кривичи Тверской группы	Кривичи Ярославской группы	Кривичи Костромской группы
Мордва-эрзя									
Мордва-терюхане									
Мордва-мокша									
Цнинские могильники VIII-X вв.*									
Селиксенский могильник II-VII вв.*									
Муранский могильник VII-XI вв.									
Барбашинский могильник XIV в.									
Селитренное городище									
Водянское городище									
Царевское городище									
Маячный Бугор									
Вакуровский Бугор									
Хаджи-Тархан XIV-XV вв.									
Увек XIII-XIV вв.									
Маджары XIV в.									
Старый Орхей XIV в.									
Биляр X-XIII вв. суммарно									
Булгар, "Бабий Бугор" X-XV вв. суммарно									
Булгар, "Рядовой" могильник X-XV вв.									
Культурный слой Булгара XIII-XV вв.									
Четырёхугольник, раннезолотоордынская выборка									
Малый Минарет									
Ханская усыпальница XIV-XV вв.									
Греческая палата XV в.									
Больше-Тарханский могильник VIII-IX вв.									
Кайбельский могильник VIII-IX вв.									
Кайбельский могильник X-XII вв.									
Танкеевский могильник VIII-IX вв.									
II Семеновский могильник XII-XIII вв.									
Измерский могильник									
Старокуйбышевский могильник X-XII вв.									
Болдыревский могильник XIV в.									
Мари-Луговской могильник XIII-XIV вв.									
"Окрестности Казани" XIV-XVII вв.									
Старый Венец (Симбирск) X-XIII вв.									
Вятичи верхнего течения р. Москвы и Истры									
Вятичи среднего течения р. Москвы	2,97								
Вятичи междуречья Москвы и Клязьмы	1,02	3,80							
Вятичи нижнего течения р. Москвы и бассейна р. Пахры	4,19	4,89	2,54						
Старая Рязань	5,02	5,83	8,30	6,57					
Кривичи Смоленской группы	1,01	3,23	0,66	3,25	7,26				
Кривичи Тверской группы	1,29	2,97	0,50	1,77	4,60	1,54			
Кривичи Ярославской группы	3,03	3,48	2,38	2,30	4,90	4,80	1,42		
Кривичи Костромской группы	2,13	4,77	1,75	3,72	7,33	3,13	2,61	2,25	
Кривичи Владимиро-Рязанско-Нижегородской группы	1,36	3,31	0,82	1,36	8,33	1,91	1,93	2,34	1,07

положение вблизи серий из Старой Рязани и «Греческой палаты». В центральной части графика сравнительно компактную группу образуют выборки из Муранского и Селиксенского могильников и суммарные серии мордвы-эрзи и терюхан. Их ближайшими соседями по графику оказываются восточнославянские серии и выборка из Танкеевского могильника. Промежуточное положение между этой группой и Барбашинским могильником занимает серия Примокшанской мордвы II тыс. н.э. Ближе всего к ней локализуются Смоленская и Тверская группы кривичей, серия из «Бабьего Бугра» в Булгаре и из Маячного Бугра. Несколько изолированное положение Цнинской мордвы в верхней части графика может объясняться малочисленностью выборки. Но, хотя степень монголоидной примеси в данном случае может быть завышена, сам её факт не подлежит сомнению. В целом, степень выраженности восточной примеси у различных групп мордвы сопоставима с восточнославянскими сериями, то есть наблюдается заметное преобладание европеоидных черт.

Часть краниологических серий из могильников золотоордынских городов Поволжья (Селитренное, Царевское, Водянское городища, некоторые серии Булгара, Хаджи-Тархан и т.д.) локализуется в правой верхней части графика, образуя сравнительно компактную группу, что свидетельствует о выраженном морфологическом сдвиге в восточном направлении. Исключение составляют отдельные выборки Булгара («Рядовой» могильник, «Бабий Бугор» и т.д.), Увека и Маячного Бугра, отличающиеся выраженной европеоидностью.

В целом, схема показывает, что Примокшанская мордва II тыс. н.э. не только не обнаруживает сближения с большинством золотоордынских городов Нижнего Поволжья, но даже оказывается более «европеоидной», чем ранние краниологические выборки мордвы из Селиксенского и Цнинских могильников.

Однако, степень выраженности «монголоидности» и «европеоидности» не может охарактеризовать всего морфологического многообразия населения Восточной Европы. Поэтому для того, чтобы точнее определить положение Примокшанской мордвы II тыс. н.э., было осуществлено её сопоставление с некоторыми краниологическими сериями Восточной Европы при помощи квадрата расстояния П.Ч. Махаланобиса (D^2). Вычисление проходило на основе 18 признаков (1., 8., 17., 5., 9., 45., 48., 55., 54., 51., 52., DC., DS., SC., SS., 75(1), 77., zm'. Март., Биом.). Данные о средних значениях и численности выборок помещены в табл. 7. Ковариационная матрица, необходимая для расчетов, была получена путём умножения данных усреднённой матрицы корреляций С.Г. Ефимовой (Ефимова, 1991, табл. 17) на произведение стандартных квадратических отклонений (Алексеев, Дебец, 1964, табл. 12-14). Матрица, обратная ковариационной была вычислена методом Халецкого (Дерябин, 1983, с. 214-218). Величина D^2 определялась с поправкой на численность серий (Козинцев, 2007, с. 145). Когда было известно только максимальное число измерений, за усреднённую численность принималось две трети этой величины. Матрица квадратов расстояний дана в табл. 8.

На иерархической дендрограмме, построенной в соответствии с методом средней связи (рис. 2) выделились две большие группы. Примокшанская мордва II тыс. н.э. оказалась в группе, объединяющей все восточнославянские серии, Селиксенский, Муранский, Барбашинский и Цнинские могильники, а также серию из Увека. Вторая группа имеет сложную структуру, и в неё входят выборки, отличающиеся большим разнообразием по степени выраженности монголоидной примеси. В эту группу, в частности, входят краниологические выборки из некрополей всех золотоордынских городов, кроме Увека и поселений Волжской Булгарии домонгольского и золотоордынского времени. Несколько изолированное положение на схеме занимает серия из культурного слоя г. Булгара.

Как показывает табл. 9, первая группа (16 серий) отличается от второй (30 серий), более резкой горизонтальной профилировкой лицевого скелета и меньшей высотой и шириной лица, то есть теми признаками, которые разграничивают большие европеоидную и монголоидную расы. В то же время, вторая группа характеризуется большей симотической высотой и большим углом выступания носа. Вместе с тем, наблюдается заметная дифференцировка между группами по продольному и поперечному диаметрам черепа, что также является важным морфологическим моментом при исследовании населения Восточной Европы. Первая группа отличается

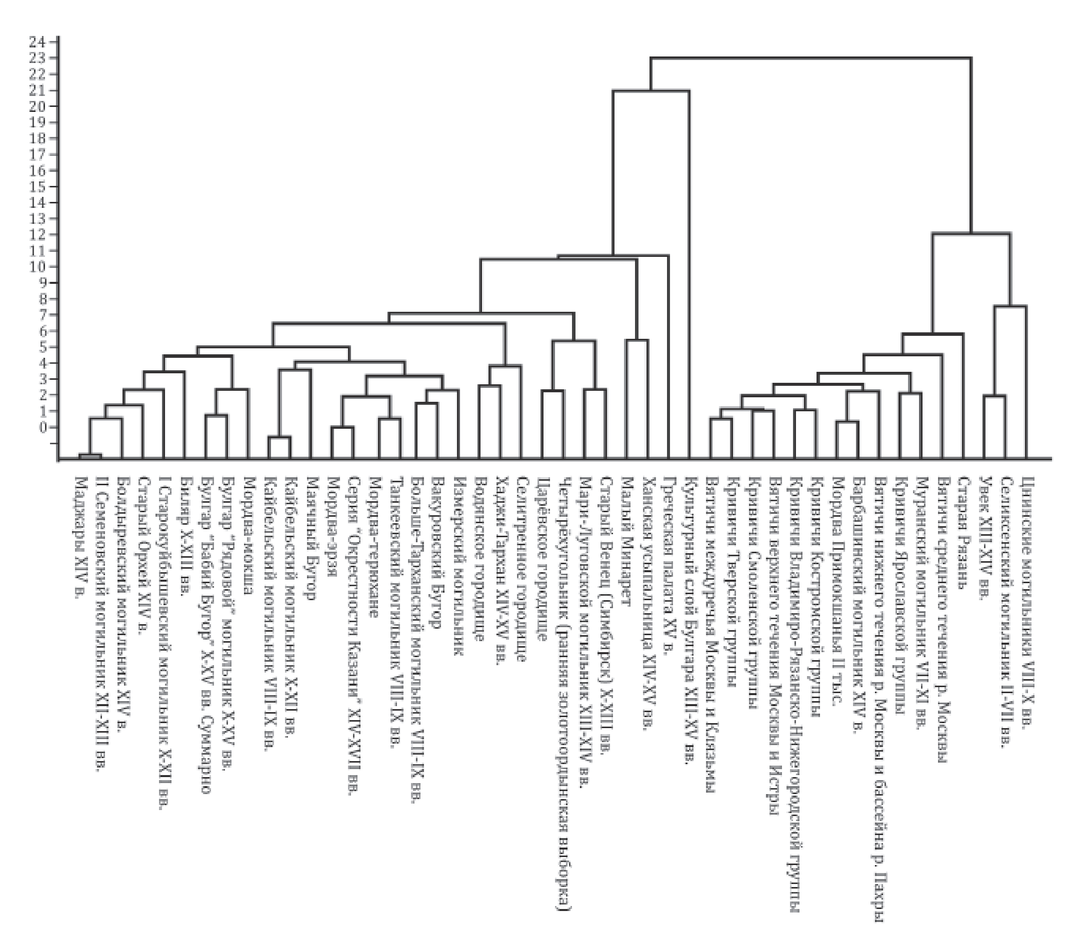

Рис. 2. Иерархическая дендрограмма квадратов расстояний П.Ч. Махаланобиса (D^2) между некоторыми краниологическими сериями Восточной Европы
Fig. 2. Hierarchical dendrogram of squares of Mahalanobis (D^2) distances between some craniological series of Eastern Europe

более долихокранной формой мозгового отдела черепа. Отчасти этим вызвано сближение Примокшанской мордвы II тыс. н.э. именно с ней. Напротив, суммарные краниологические серии большинства золотоордынских городов, чаще всего характеризуются менее длинным и более широким мозговым отделом черепа.

Таблица 9. Сопоставление средних величин двух групп иерархической дендрограммы (рис. 2)
Table 9. Collation of the arithmetic averages values of two superclusters of the hierarchical dendrogram (Fig. 2)

		1.	8.	17.	5.	9.	45.	48.	55.	54.
I группа	x	183,9	136,3	135,3	101,8	95,4	130,4	68,4	49,8	25,3
	min	179,1	132,1	132,7	98,2	93,5	127,1	65,7	47,7	24,4
	max	187,9	141,4	139,2	104,5	97,7	133,6	73,2	52,3	27,9
II группа	x	179,5	145,5	134,2	101,9	96,9	135,5	71,2	52,6	25,3
	min	175,1	139,4	127,9	98,7	94,6	130,1	67,4	49,6	23,9
	max	184,3	151,9	138,9	104,1	100,3	140,2	75,2	57,7	26,9
		51.	52.	DC.	DS.	SC.	SS.	75(1).	77.	zm'.
I группа	x	41,5	32,0	21,4	11,8	9,1	4,1	26,5	138,0	127,6
	min	39,7	31,2	19,4	11,0	8,4	3,5	21,4	136,7	123,2
	max	42,6	32,9	23,7	12,8	9,9	4,6	35,0	139,8	131,2
II группа	x	42,5	33,0	21,5	11,8	8,8	4,4	27,6	140,8	129,0
	min	40,5	30,8	19,9	9,9	7,7	3,1	23,4	137,3	125,4
	max	44,3	36,5	23,5	12,8	10,1	5,7	31,6	144,2	133,5

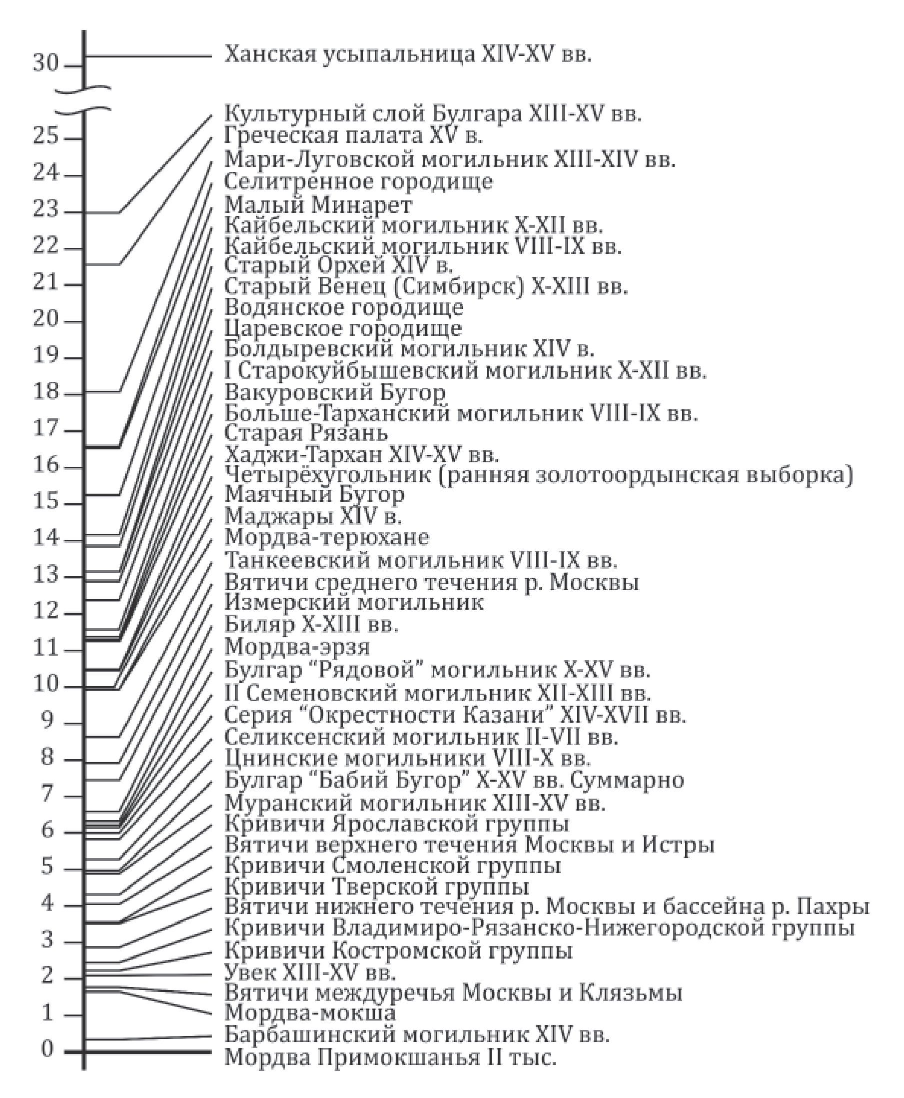

Рис. 3. Квадрат расстояния П.Ч. Махаланобиса (D^2) между краниологической серией Примокшанской мордвы и некоторыми сериями Восточной Европы в одномерном пространстве
Fig. 3. Square of Mahalanobis (D^2) distance between the craniological series of the Mordvins in the Moksha River basin and some series of Eastern Europe in one-dimensional space

Морфологическое сближение мордвы Примокшанья с первой группой и отдаление от второй является неслучайным. На это наглядно указывает схема значений расстояний D^2 между исследуемой серией и другими выборками в одномерном пространстве (рис. 3). На графике наиболее близкое положение к исследуемой серии, за редким исключением, занимают выборки той же группы. Ближе всего к Примокшанской мордве II тыс. н.э. располагается серия мордвы Барбашинского могильника (0,350) и суммарная серия мордвы-мокши (1,677). При этом ранние Цнинские (5,268) и Селиксенский (5,814) могильники отстоят от Примокшанской мордвы заметно дальше, чем значительная часть восточнославянских серий. Впрочем, необходимо учитывать, во-первых, что обе серии немногочисленны, во-вторых, подсчёт средних величин для обеих осуществлялся с известными допущениями. Все краниологические серии из некрополей золотоордынских городищ Нижнего Поволжья сравнительно далеко отстоят от Примокшанской мордвы: Маячный Бугор (9,998), Хаджи-Тархан (10,483), Вакуровский бугор (11,370), Царевское городище (12,901), Водянское городище (13,162) и Селитренное городище (16,630). Несколько меньше расстояние D^2 с некоторыми краниологическими сериями из городов Волжской Булгарии, в частности Булгара (суммарная серия из «Бабьего бугра» (4,961) и «Рядового» могильника (6,215)) и Биляра (6,593). Обращает на себя внимание относительно неболь-

шое расстояние между Примокшанской мордвой и серией из северо-западного некрополя Увекского городища (2,081), что может быть связано с участием в формировании населения города Укека финно-угорского компонента (Евтеев, 2013, с. 100).

Морфологическое сближение Примокшанской мордвы II тыс. н.э. с некоторыми славянскими группами гипотетически возможно объяснить тем, что их формирование протекало под воздействием автохтонного финно-угорского элемента, родственного мордве.

Заключение

Исследование суммарной серии Примокшанской мордвы II тыс. н.э., включающей черепа из Беднодемьяновского, Кармалейского, Чернозерского и Кельгининского могильников показала, что в этот период местное население было, преимущественно европеоидным. По-видимому, для неё была характерна долихокрания, отмечавшаяся в женской, более многочисленной части серии, и относительно грацильный мезоморфный лицевой скелет. Из-за малочисленности и плохой сохранности антропологических материалов, крайне трудно судить о морфологической однородности местной мордвы. Примокшанская мордва II тыс. н.э. не обнаруживает морфологического сближения с населением золотоордынских городов Поволжья. Очевидно, период пребывания в составе Золотой Орды мало повлиял на физический облик мордвы Примокшанья.

ЛИТЕРАТУРА

Акимова М.С. Краниология современного населения Мордовской и Марийской АССР (Предварительное сообщение) // КСИЭ. Вып. XXIX. М.: АН СССР, 1959. С. 131–141.

Акимова М. С. Материалы к антропологии ранних болгар: (Объяснения к таблицам) // Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М.: Наука, 1964. С. 177–197.

Акимова М.С. Антропологические материалы из Танкеевского могильника // Вопросы антропологии. 1973. Вып. 45. С. 15-29.

Алексеев В.П. Палеоантропологический материал из Мари-Луговского могильника // Железный век Марийского края / Труды МАЭ. Т. II / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1962. С. 241–258.

Алексеев В.П. Происхождение народов Восточной Европы (Краниологическое исследование). М.: Наука, 1969. 323 с.

Алексеев В.П. Очерк происхождения тюркских народов Восточной Европы в свете данных краниологии // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1971. С. 232–271.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.

Алексеева Т.И. Черепа из Муранского могильника // Советская антропология. 1959. № 1. С. 67-79.

Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. 329 с.

Археология Мордовского края. Каменный век, эпоха бронзы / Под общ. ред. В.В. Ставицкого и В.Н. Шитова. Саранск: Изд-во НИИ Гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2008. 551 с.

Балабанова М.А. Антропологический состав и происхождение населения Царевского городища // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Вып. 3 / Отв. ред. Б.Ф. Железчиков. Волгоград: ВолГУ, 1999. С. 199–228.

Балабанова М.А., Перерва Е.В., Зубарева Е.Г. Антропология Красноярского городища золотоордынского времени. Волгоград: ФГОУ ВПО ВАГС, 2011. 180 с.

Белорыбкин Г.Н., Петренко А.Г. Средневековые памятники Пензенского края // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв. ред. Э.А. Савельева Сыктывкар: Коми науч. центр УрО АН СССР, 1989. С. 89–90.

Бунак В.В. Антропологический тип мордвы // Русский антропологический журнал. 1924. Т. 13. Вып. 3-4. С. 178–210.

Великанова М.С. Антропология средневекового населения Молдавии (по материалам памятника Старый Орхей). М.: ИЭА РАН, 1993. 260 с.

Газимзянов И.Р. Антропология средневекового Барбашинского могильника // Краеведческие записки. Вып. 14 / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара, 2010. С. 149-172.

Газимзянов И.Р. Антропологическая характеристика населения в Волго-Уралье во второй половине XIII – начале XV в. // Средние века (вторая треть XIII первая половина XV вв.). Эпоха Золотой Орды (Улуса Джучи) / Археология Волго-Уралья. Т. 6 / под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. В.С. Баранов. Казань: АН РТ, 2022. С. 796–822.

Газимзянов И.Р. Краниологические материалы Усинского II могильника (к вопросу об этногенетических процессах в Самарском Поволжье в золотоордынское время) // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 10 / Отв. ред. М.А. Турецкий, В.Н. Мышкин. Самара: Сгспу, 2023. С. 255–260.

Герасимова М.М. Скелеты древних болгар из раскопок у с. Кайбелы // Антропологический сборник. Т. 1 / Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Т. 33 / Отв. ред. Г.Ф. Дебец, М.Г. Левин. М.: АН СССР. 1956. С. 146–165.

Гончарова Н.Н., Конопелькин Д.С. Новые данные к антропологии финских племен Верхней Волги и бассейна Оки // Физическая антропология: методики, базы данных, научные результаты / Отв. ред. А.В. Громов. СПб.: МАЭ РАН, С. 89–103.

Дебец Г.Ф. Черепа из финских могильников (По материалам Антропологического Отдела МАЭ) // Сборник музея антропологии и этнографии. Т. VIII / Отв. ред Е.Ф. Карский. М.; Л.: АН СССР, 1929. С. 239–253.

Дебец Г.Ф. Турко-финские взаимоотношения в Поволжье по данным палеоантропологии // Антропологический журнал. 1932. № 1. С. 54–73.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР / Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. IV. М.: Изд-во АН СССР, 1948. 391 с.

Дебец Г.Ф. Опыт краниометрического определения доли монголоидного компонента в смешанных группах населения СССР // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии/ Отв. ред. В.П. Алексеев, И.С. Гурвич. М.: Наука, 1968. С. 13–22.

Дерябин В.Е. Многомерная биометрия для антропологов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. 227 с.

Дерябин В.Е. Этническая антропология современных неславянских народов Восточной Европы. Многомерное количественное изучение. М., 1998. 121 с. Деп. в ВИНИТИ 07.07.98, № 2111-В98.

Евтеев А.А. Краниологическая серия из Маджарского городища // Материалы Первого маджарского археологического форума. Пятигорск – Буденовск – 2012 / Археология Евразийских степей. Вып. 23 / Отв. ред. Ю.Д. Обухов. Казань: Казанская недвижимость, 2016. С. 105–124.

Евтеев А.А., Кубанкин Д.А., Куфтерин В.В., Рассказова А.В. Антропологические исследования северо-западного некрополя Увекского городища // Вестник Московского университет. Серия XXIII. Антропология. 2013. № 1. С. 88–103.

Евтеев А.А., Куфтерин В.В., Кубанкин Д.А., Четвериков С.И. Палеоантропологические материалы из Болдыревского грунтового могильника золотоордынского времени (г. Саратов) // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2016. № 1. С. 4–19.

Ефимова С.Г. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М.: МГУ, 1991. 95 с.

Иконников Д.С. Краниологические материалы Наровчатского могильника: общая характеристика // Палеоантропологические и биоархеологические исследования: традиции и новые методики (VI Алексеевские чтения) / Отв. ред. А.В. Громов, И.Г. Широбоков. СПб.: Лема, 2015. С. 46–51.

Иконников Д.С., Калмин О.В., Калмина О.А. Краниологические материалы Беднодемьяновского могильника XIII-XIV вв. // Вестник Пензенского государственного университета. 2019. № 1 (25). С. 47–58.

Калмин О.В., Калмина О.А., Иконников Д.С. Индикаторы механического стресса и следы патологических изменений на костях жителей Наровчата // Журнал функциональной анатомии, спортивной морфологии, интегративной антропологии и медико-социальной реабилитации им. Б.А. Никитюка. 2017. № 2. С. 40-48.

Козинцев А.Г. Скифы Северного Причерноморья: межгрупповые различия, внешние связи, происхождение // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 4 (32). С. 143–157.

Комаров С.Г. Население золотоордынского города Хаджи-Тархана по данным краниологии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 3 (30). С. 104–115.

Майнов В.Н. Результаты антропологических изследований среди мордвы-эрзи. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1883. 559 с.

Малиев Н.М. Общие сведения о мордве Самарской губернии; их антропологический характер; поздние браки и влияние их на крепость и сложение народа. Национальные особенности черепа. Казань: Университет. Типография, 1878. 11 с.

Марк К.Ю. Этническая антропология мордвы // Вопросы этнической истории мордовского народа / Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. Т. LXIII / Отв.ред. В.Н. Белицер, К.А. Котков. М.: АН СССР, 1960. С. 118–226.

Марк К.Ю. Соматологические материалы к проблеме этногенеза финно-угорских народов // Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии / Отв. ред. И.М. Золотарёва. М.: Наука, 1974. С. 11-18.

Полесских М.Р. Отчет об археологических исследованиях 1958 года в Пензенской области // Рукописный фонд Пензенского государственного краеведческого музея. Фонд VI. № 311/1. Пенза, 1959. 28 с.

Полесских М.Р. Археологические памятники Пензенской области. Путеводитель. Пенза: Приволж. книжн. изд-во. Пензенск. отд-е, 1970. 173 с.

Рудь Н.М. Антропологические данные к вопросу об этнических взаимоотношениях на Средней Волге в X-XIV вв. // Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М.: Наука, 1987. С. 83–141.

Ставицкий В.В. История изучения Примокшанской группы мордовских могильников золотоордынского времени // Археология Евразийских степей. 2022. № 6. С. 155–166.

Трофимова Т.А. Антропологический состав населения г. Болгары в X-XV вв. // Антропологический сборник. Т. 1 / Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Т. 33 / Отв. ред. Г.Ф. Дебец, М.Г. Левин. М.: АН СССР. 1956. С. 71–145.

Хохлов А.А. Антропологическая характеристика погребенных в Барбашинском могильнике (раскопки 2011-2012 гг.) // Сташенков Д.А. Новые археологические исследования на территории города Самары. Самара: Ас Гард, 2012. С. 106–114.

Хохлов А.А. Антропологическая характеристика погребенных в Барбашинском могильнике (раскопки 2013 года) // Итоги археологических исследований в Самарской области в 2013 году. Материалы научных экспедиций / Ред. А.Ф. Кочкина, Л.В. Кузнецова, Д.А. Сташенков. Самара: СНЦ РАН, 2014. С. 35–41.

Чугунов С.М. Результаты антропологической экскурсии к мордве Симбирской губернии в 1880 г. I. Исследование скелета мордвы. Казань: Типография Императорского Университета, 1882. 34 с.

Яблонский Л.Т. Социально-этническая структура золотоордынского города по данным археологии и антропологии (монголы в средневековых городах Поволжья) // Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М.: Наука, 1987. С. 142–237.

Яблонский Л.Т. К палеоантропологии средневекового населения Поволжья // Золотоордынское время / Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 6 / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2008. С. 269–286.

Информация об авторах:

Иконников Дмитрий Сергеевич, кандидат исторических наук, заведующий антропологической лабораторией кафедры «Анатомия человека» Медицинского института Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия); ikonnikof-ds@mail.ru

Калмин Олег Витальевич, доктор медицинских наук, заведующий кафедрой «Анатомия человека» Медицинского института Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия); ovkalmin@gmail.com

Калмина Ольга Анатольевна, кандидат медицинских наук, доцент кафедры «Анатомия человека» Медицинского института Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия); okalmina@gmail.com

REFERENCES

Akimova, M. S. 1959. In *Kratkie soobshcheniia Instituta etnografii (Concise Bulletins of the Institute of Ethnography)* 29. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 131–141 (in Russian).

Akimova, M. S. 1964. In Gening, V. F., Khalikov, A. Kh. *Rannie bolgary na Volge (Bol'she-Tarkhanskii mogil'nik) (Early Bolgars on the Volga River (Bolshie-Tarkhany Burial Ground))*. Moscow: “Nauka” Publ., 177–197 (in Russian).

Akimova, M. S. 1973. In *Voprosy antropologii (Issues of Anthropology)* (45), 15–29 (in Russian).

Alekseev, V. P. 1962. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Zheleznyi vek Mariiskogo kraia (Iron Age of the Mari Region)*. Series: Proceedings of the Mari Archaeological Expedition II. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel’stvo” Publ., 241–258 (in Russian).

Alekseev, V. P. 1969. *Proiskhozhdenie narodov Vostochnoy Evropy (Kraniologicheskoe issledovanie) (Genesis of the peoples of Eastern Europe (Craniological research))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Alekseev, V. P. 1971. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Voprosy etnogeneza tiurkoiazychnykh narodov Srednego Povolzh’ia (The Issues on Ethnic Genesis of the Turkic-speaking People of the Middle Volga Region)*. Kazan: Institute of Language, Literature, and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 232–271 (in Russian).

Alekseev, V. P., Debets, G. F. 1964. *Kraniometriia. Metodika antropologicheskikh issledovanii (Craniometry. Anthropologic Research Technique)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Alekseeva, T. I. 1959. In *Sovetskaya antropologiya (Soviet anthropology)* (1), 67–79 (in Russian).

Alekseeva, T. I. 1973. *Etnogenez vostochnykh slavyan po dannym antropologii (Ethnogenesis of the Eastern Slavs according to anthropological data)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Stavitskii, V. V., Shitov, V. N. (eds.). 2008. *Arkheologiia Mordovskogo kraia: Kamennyi vek, epokha bronzy (Archaeology of the Mordva Land: Stone Age and Bronze Period)*. Saransk: Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (in Russian).

Balabanova, M. A. 1999. In Zhelezchikov, B. F. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v Nizhnem Povolzh'e (Historical and Archaeological Studies in the Lower Volga Region)* 3. Volgograd: Volgograd State University Publ., 199–228 (in Russian).

Balabanova, M. A., Pererva, E. V., Zubareva E. G. 2011. *Antropologiya Krasnoyarskogo gorodishcha zolotoordynskogo vremeni (Anthropology of the Krasny Yar ancient settlement of the Golden Horde period).* Volgograd:” FGOU VPO VAGS” Publ. (in Russian).

Belorybkin, G. N., Petrenko, A. G. 1989. In Savel’eva, E. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia Urala i Povolzh’ia (Archaeological Discoveries in the Urals and Volga Region)*. Syktyvkar: Komi Scientific Center, Ural Branch of the USSR Academy of Sciences, 89–90 (in Russian).

Bunak, V. V. 1924. In *Russkiy antropologicheskiy zhurnal (Russian Anthropological Journal)* 13 (3-4), 178–210 (in Russian).

Velikanova, M. S. 1993. *Antropologiya srednevekovogo naseleniya Moldavii (po materialam pamyatnika Staryy Orkhey) (Anthropology of the medieval population of Moldova (based on materials from the Stariy Orhei burial ground))*. Moscow: N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Gazimzyanov, I. R. 2010. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kraevedcheskie zapiski (Notes on Local History)* 14. Samara, 149–172 (in Russian).

Gazimzyanov, I. R. 2022. In Sitdikov, A. G., Baranov, V. S. (eds.). *Srednie veka (vtoraya tret' XIII – pervaya polovina XV vv.). Epokha Zolotoy Ordy (Ulusa Dzhuchi) (Middle Ages (the second third of the XIII – first half of the XV centuries). Juchi Ulus period).* Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 6. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 796–822 (in Russian).

Gazimzyanov, I. R. 2023. In Turetskiy, M. A., Myshkin, V. N. (eds.). *Voprosy arkheologii Povolzh’ia (Issues on Archaeology of the Volga Region)* 10. Samara: Samara State Social Pedagogical University, 255–260 (In Russian).

Gerasimova, M. M. 1956. In Debets, G. F., Levin, M. G. (eds.). *Antropologicheskii sbornik (Anthropological Collection)* 1. Series: *Trudy Instituta etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaia (Proceedings of the N.N. Miklukho-Maklai Institute. of Ethnography, USSR Academy of Sciences)* 33. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 146–165 (in Russian).

Goncharova, N. N., Konopelkin, D. S. 2013. In Gromov, A. V. (ed.). *Fizicheskaya antropologiya: metodiki, bazy dannykh, nauchnye rezul'taty (Physical anthropology: methods, databases, scientific results)*. Saint

Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences, 89–103 (In Russian).

Debets, G. F. 1929. In Karsky, E. F. (ed.). *Sbornik muzeya antropologii i etnografii (Collection of the Anthropology and Ethnography Museum)* 8. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 239–253 (in Russian).

Debets, G. F. 1932. In *Antropologicheskiy zhurnal (Anthropological Journal)* (1), 54–73 (in Russian).

Debets, G. F. 1948. *Paleoantropologiia SSSR (Paleoanthropology of the USSR).* Series: *Proceedings of the N.N. Miklukho-Maklai Institute. of Ethnography. New Series,* 4. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Debets, G.F. 1968. In Alekseev, V. P. Gurvich, I. S. (eds.). *Problemy antropologii i istoricheskoi etnografii Azii (Issues of Asian Anthropology and Historical Ethnography).* Moscow: "Nauka" Publ., 13–22 (in Russian).

Deryabin, V. E. 1983. *Mnogomernaya biometriya dlya antropologov (Multidimensional biometrics for anthropologists)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Deryabin, V. E. 1998. *Etnicheskaya antropologiya sovremennykh neslavyanskikh narodov Vostochnoy Evropy. Mnogomernoe kolichestvennoe izuchenie (Ethnic anthropology of modern non-Slavic peoples of Eastern Europe. Multidimensional quantitative study).* Moscow. Available from VINITI, № 2111-B98 (In Russian).

Evteev, A. A. 2016. In Obukhov, Yu. D. (ed.). *Materialy Pervogo madzharskogo arkheologicheskogo foruma. Piatigorsk-Budenovsk-2012. (Materials of the First Majar Archaeological Forum. Pyatigorsk-Budyonnovsk-2012).* Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 23. Kazan: "Kazanskaia nedvizhimost'" Publ. House, 105–124 (in Russian).

Evteev, A. A., Kubankin, D. A., Kufterin, V. V., Rasskazova, A. V. 2013. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya (Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria XXIII. Antropologia*) (1), 88–103 (in Russian).

Evteev, A. A., Kufterin, V. V., Kubankin, D. A., Chetverikov, S. I. 2016. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya (Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria XXIII. Antropologia*) (1), 4–19 (in Russian).

Efimova, S. G. 1991. *Paleoantropologiia Povolzh'ia i Priural'ia (Paleoanthropology of the Volga Region and the Urals).* Moscow: Moscow State University Publ. (in Russian).

Ikonnikov, D. S. 2015. In Gromov, A. V., Shirobokov, I. G. (eds.). *Paleoantropologicheskie i bioarkheologicheskie issledovaniya: traditsii i novye metodiki (VI Alekseevskie chteniya) (Paleoanthropological and bioarchaeological research: traditions and new methods (VI Alekseyev's readings)).* Saint Petersburg: "Lema" Publ., 46–51 (in Russian).

Ikonnikov, D. S., Kalmin, O. V., Kalmina, O. A. 2019. In *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of the Penza State University)* 25 (1), 47–58 (in Russian).

Kalmin, O. V., Kalmina, O. A., Ikonnikov, D. S. 2017. In *Zhurnal funktsional'noy anatomii, sportivnoy morfologii, integrativnoy antropologii i mediko-sotsial'noy reabilitatsii im. B.A. Nikityuka (Journal of functional anatomy, sports morphology, integrative anthropology and medical and social rehabilitation named after. B.A. Nikityuk)* 2, 40–48 (in Russian).

Kozintsev, A. G. 2007. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 32 (4), 143–157 (in Russian).

Komarov, S. G. 2015. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 30 (3), 104–115 (in Russian).

Mainov, V. N. 1883 *Rezul'taty antropologicheskikh izsledovaniy sredi mordvy-erzi (Results of anthropological study of the Mordvins-Erzyas).* Saint Petersburg: A.S. Suvorin Publishing House (in Russian).

Maliev, N. M. 1878. *Obshchiye svedeniya o mordve Samarskoy gubernii; ikh antropologicheskiy kharakter; pozdniye braki i vliyaniye ikh na krepost' i slozheniye naroda. Natsional'nyye osobennosti cherepa (General information about the Mordvins of the Samara Governorate; their anthropological character; late marriages and their influence on the strength and constitution of the people. National features of the skull)*. Kazan: Kazan University Publishing House (in Russian).

Mark K.Yu. 1960. In Belitser, V. N., Kotkov, K. A. (eds.). *Voprosy etnicheskoi istorii mordovskogo naroda (Issues of Ethnic History of the Mordovian People)*. Series: Trudy Instituta etnografii AN SSSR. Novaya seriia (Proceedings of the Institute of Ethnography, New Series) LXIII. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 118–226 (in Russian).

Mark, K. Yu. 1974. In Zolotareva, I. M. (ed.). *Etnogenez finno-ugorskikh narodov po dannym antropologii (Ethnogenesis of Finno-Ugric peoples according to anthropological data)*. Moscow: "Nauka" Publ., 11–18 (in Russian).

Polesskikh, M. R. 1959. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh 1958 goda v Penzenskoy oblasti (Report on archaeological studies in the Penza region in 1958)*. Penza. Manuscript collection of the Penza State Museum of Local History. F. VI, no. 311/1 (in Russian).

Polesskikh, M. R. 1970. *Arkheologicheskiye pamyatniki Penzenskoy oblasti. Putevoditel' (Archaeological sites of the Penza region. Guide)*. Penza: Privolzhskoe bookish Publ. Penza filial (in Russian).

Rud', N. M.1987. In Gerasimova, M. M., Rud', N. M., Yablonskiy, L. T. *Antropologiia antichnogo i srednevekovogo naseleniia Vostochnoi Evropy (Anthropology of the Ancient and Medieval Population of Eastern Europe)*. Moscow: "Nauka" Publ., 83–141 (in Russian).

Stavitsky, V. V. 2022. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian steppes)* 6, 155–166 (in Russian).

Trofimova, T. A. 1956. In Debets, G. F., Levin, M. G. (eds.). *Antropologicheskii sbornik (Anthropological Collection)* 1. Series: *Trudy Instituta etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaia (Proceedings of the N.N. Miklukho-Maklai Institute. of Ethnography, USSR Academy of Sciences)* 33. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 71–145 (in Russian).

Khokhlov, A.A. 2012. In Stashenkov, D. A. *Novye arkheologicheskie issledovaniya na territorii goroda Samary (New Archaeological Studies in Samara)*. Samara: "As Gard" Publ., 106–114 (in Russian).

Khokhlov, A. A. 2014. In Kochkina, A. F., Kuznetsova, L. V., Stashenkov, D. A. (eds.). *Itogi arheologicheskih issledovanij v Samarskoj oblasti v 2013 godu. Materialy nauchnyh jekspedicij (Results of archaeological research in Samara oblast in 2013. Proceedings of scientific research).* Samara: Samara Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences Publ., 35–41 (in Russian).

Chugunov, S. M. 1882. *Rezul'taty antropologicheskoy ekskursii k mordve Simbirskoy gubernii v 1880 g. I. Issledovanie skeleta mordvy (Results of an anthropological excursion to the Mordvins of the Simbirsk province in 1880. I. Study of the Mordovian skeleton)*. Kazan: Printing house of the Imperial University (in Russian).

Yablonskiy, L. T. 1987. In Gerasimova, M. M., Rud', N. M., Yablonskiy, L. T. *Antropologiia antichnogo i srednevekovogo naseleniia Vostochnoi Evropy (Anthropology of the Ancient and Medieval Population of Eastern Europe)*. Moscow: "Nauka" Publ., 142–237 (in Russian).

Yablonskiy, L.T. 2008. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 6. *Zolotoordynskoe vremia (The Gold Horde Time).* Donetsk: Donetsk National University, 269–286 (in Russian).

About the Authors:

Ikonnikov Dmitry S., candidate of historical sciences, head of the anthropological laboratory of the department of "Human Anatomy" of the Medical Institute of Penza State University. Krasnaya street, Penza 440026 Russian Federation; ikonnikof-ds@mail.ru

Kalmin Oleg V., Doctor of Medical Sciences, Head of the Department of Human Anatomy at the Medical Institute of Penza State University. Krasnaya street, Penza 440026 Russian Federation; ovkalmin@gmail.com

Kalmina Olga A., Candidate of Medical Sciences, Associate Professor of the Department of Human Anatomy at the Medical Institute of Penza State University. Krasnaya street, Penza 440026 Russian Federation; okalmina@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.08.2024 г.
Статья принята к публикации 01.10.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 616-091:902 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.5.260.266

ПАТОЛОГИЯ CRIBRA ORBITALIA У СРЕДНЕВЕКОВОЙ МОРДВЫ ПРИМОКШАНЬЯ

©2024 г. О.А. Калмина, Т.А. Иванова, Д.С. Иконников, И.В. Бочкарева, О.О. Калмин

Патология *cribra orbitalia* локализуется на верхней стенке глазницы черепа человека. Природа данной патологии является дискуссионной. В настоящее время в палеопатологической науке ведутся споры о причинах формирования cribra orbitalia. Одна из причин того, что этот вопрос оказался настолько сложен, состоит в том, что исследуемая патология идентифицируется визуально на черепах, полностью очистившихся от мягких тканей. В то же время, у живых или недавно умерших людей cribra orbitalia может быть выявлена только на томограммах. Для решения научной проблемы необходимо исследование томограмм черепов с достоверно зафиксированной cribra orbitalia. Для решения этой задачи авторами статьи была было осуществлено компьютерное томографирование четырёх черепов из археологических памятников средневековой мордвы-мокши с территории Верхнего Примокшанья – Беднодемьяновского и Кармалейского могильников. Степень выраженности патологии на различных черепах оказалась неодинаковой.

Ключевые слова: cribra orbitalia, патология, томография, этиология, Верхнее Примокшанье, средние века, мордва-мокша

PATHOLOGY OF CRIBRA ORBITALIA AMONG THE MEDIEVAL MORDVINS OF MOKSHA BASIN

O.A. Kalmina, T.A. Ivanova, D.S. Ikonnikov, I.V. Bochkareva, O.O. Kalmin

The pathology cribra orbitalia is localized on the upper orbital wall of the human skull. The nature of this pathology is debatable. At the present time, there are debate about the cause for the formation of cribra orbitalia in paleopathological science. One of the reasons that this issue has been so complicated is that the pathology under study is identified visually on skulls that have been completely cleared of soft tissue. At the same time, in living or recently deceased people, cribra orbitalia can detected only on tomograms. Comparison of the results of tomography and visual examination is problematic. Necessary to study tomograms of skulls with reliably recorded cribra orbitalia for solving the scientific problem. This direction of research work will allow us to identify pathology on tomograms in more detail. It will make it possible to determine the etiology of this pathology. The computed tomography of four skulls from the archaeological sites of the medieval Mordvins-Mokshas from the Upper Moksha region - Bednodemyanovsky and Karmaleysky burial grounds was carried to decide this problem. The degree of development of the pathology on different skulls was different.

Keywords: cribra orbitalia, pathology, tomography, etiology, Upper Moksha region, Middle Ages, Mordvins-Mokshas

Симптом, известный как cribra orbitalia, стал известен исследователям ещё в 1885 году. На протяжении конца XIX – начала XX вв. выдвигалось множество гипотез о причинах его формирования, пока в 1929 году не была предложена версия, что cribra orbitalia (наравне с порозным гиперостозом) представляет собой результат гиперплазии красного костного мозга, формирующейся как компенсаторный фактор при железодефицитной анемии (Емельянчик, 2015, с. 283). Предположение, несмотря на известную дискуссионность, получило широкое распространение.

Такая гипотеза очень хорошо соответствовала сравнительно многочисленным находкам cribra orbitalia на черепах людей, живших в отдалённые исторические эпохи, так как состояние анемии до настоящего времени остаётся одним из маркеров низкого уровня жизни (включая проблемы с питанием, плохие санитарные условия и т. д.) (Walker et al., 2009, p. 110). Однако дальнейшее нако-

пление научных данных привело к тому, что верность гипотезы оказалась под вопросом и вокруг причин и механизмов возникновения cribra orbitalia снова развернулись дискуссии и были выдвинуты новые предположения.

На наш взгляд, немалый интерес представляет гипотеза, согласно которой формирование cribra orbitalia и порозного гиперостоза связано не с железодефицитной, а мегалобластной анемией, являющейся результатом дефицита витамина B12. Сам дефицит, в свою очередь, может быть связан с недостаточным питанием ребёнка или матери в период беременности или грудного вскармливания, что также может усугубляться диарейными заболеваниями и т. д. (Walker et al., 2009). Не меньшего внимания заслуживает также предположение, связывающее cribra orbitalia и порозный гиперостоз с наличием респираторных инфекций, в частности пневмонии (O'Donnell et al., 2020). Примечательно, что в этих двух случаях патология сохраняет значение своеобразного маркера социально-экономического неблагополучия. В этом отношении её связь с анемией может быть не прямой, а опосредованной, так как формирование последней также представляет собой результат неблагоприятных внешних условий. В то же время существует гипотеза о сугубо сосудистой природе cribra orbitalia и полном отсутствии связи патологии с анемией (Rothschild et al., 2021), а также прямое описание cribra orbitalia как каналов сосудистых анастомозов между диплое и глазницей (Bron et al., 1997).

Сложность изучения феномена cribra orbitalia в определённой степени связана с тем, что фиксация этого симптома на черепах, полностью очистившихся от мягких тканей, по своей методике заметно отличается от идентификации того же признака на черепах живых или недавно умерших субъектов. В сущности, полноценная возможность зафиксировать cribra orbitalia у современных людей появилась сравнительно недавно, в связи с появлением компьютерной томографии черепа. Использовавшаяся ранее методика рентгеновских исследований не позволяла достаточно точно идентифицировать наличие и степень развития cribra orbitalia.

В связи с этим особую актуальность приобретает исследование томограмм черепов, на которых прослеживается cribra orbitalia, так как это позволит усовершенствовать методику идентификации патологии. Только с усовершенствованием этой методики можно будет ставить вопрос о причинах возникновения исследуемого симптома.

Материал и методы

В данной работе охарактеризованы черепа взрослых индивидов со следами cribra orbitalia, происходящие из двух средневековых памятников, оставленных мордвой-мокшей: Беднодемьяновского и Кармалейского могильников. Они оба находится на территории Верхнего Примокшанья.

Беднодемьяновский могильник датируется XIII–XIV вв. Он был обнаружен и исследован в 1958 году на берегу р. Парцы в окрестностях с. Абашево на территории Беднодемьяновского района Пензенской области. В ходе работ было изучено 20 погребений (Полесских, 1959, с. 1–12, Полесских, 1970, с. 13). Датировка памятника была подтверждена современными исследователями (Белорыбкин, 2003, с. 198). Материалы Кармалейского могильника датируются в диапазоне IX–XIV вв. (Полесских, 1970, с. 29, Белорыбкин, 2003, с. 196). В целом черепа из погребений памятника отличаются плохой сохранностью. В материалах Беднодемьяновского и Кармалейского могильников были выявлены черепа со следами cribra orbitalia (два черепа из Беднодемьяновского могильника, два черепа из Кармалейского могильника).

Судить о частоте встречаемости cribra orbitalia в популяциях, оставивших археологические памятники, на основе имеющихся в нашем распоряжении данных (учитывая крайне плохую сохранность и малочисленность материалов) практически невозможно. В материалах Кармалейского могильника патология была встречена у двух индивидов. В обоих случаях – на правой и левой глазницах. В материалах Беднодемьяновского могильника cribra orbitalia также отмечена в двух случаях, причём у одного индивида – на обеих глазницах, у другого – только на правой. По-видимому, исследуемая патология не была редкостью у средневековой мордвы Примокшанья.

Черепа были исследованы методом мультиспиральной компьютерной томографии на базе рентгеновского отделения ГБУЗ «Пензенская областная клиническая больница им. Н.Н. Бурденко». Исследование выполнено на 128-срезовом мультиспиральном компьютер-

ном томографе GE Revolution EVO в высокоразрешающем режиме с толщиной срезов 0,3 мм и последующим построением MPR и average реформаций. Сканирование выполнялось при параметрах тока 10 mA, 120 kV.

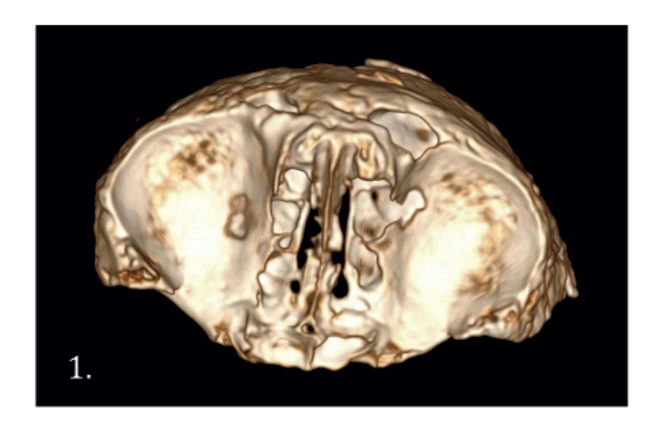
Результаты и обсуждение

Во всех образцах структура костной ткани в области cribra orbitalia пористая, по данным КТ практически идентична губчатому веществу (диплоэ), однако по сравнению с неизмененными отделами характеризуется большей ячеистостью рисунка костных трабекул, более крупным размером ячеек. Костные трабекулы при этом не утолщены. Наружный кортикальный слой истончен, неровный, местами практически не дифференцируется. Визуализируется большое количество питательных каналов. Внутренний кортикальный слой интактный, толщина его равномерная во всех отделах. Вздутия кости, периостальных реакций не отмечается.

В то же время признаки cribra orbitalia на томограммах различных образцов выглядят несколько по-разному, что, очевидно, связано со степенью развития патологии.

Образец № 1 (Кармалейский могильник, номер погребения неизвестен) представлен лобной костью (рис. 1: 1). На сечении кости в корональной плоскости глазничные части лобной кости характеризуются губчатым строением. На поверхности кости наблюдается тонкий компактный слой. В районе локализации cribra orbitalia в компактном слое прослеживаются углубления. В отдельных случаях они приобретают форму отверстий, полностью прободающих компактный слой кости на поверхности орбиты (рис. 1: 2). Выше компакты залегает слой, практически не отличающийся от типичной губчатой кости (рис. 1: 3).

Образец № 2 (Кармалейский могильник, номер погребения неизвестен) представлен частью свода черепа, состоящей из лобной кости и правой и левой теменных костей. На верхней стенке глазницы наблюдается заметно выраженная cribra orbitalia в виде сравнительно крупных отверстий (рис. 2: 1). На сечении кости в корональной плоскости хорошо заметна неровность наружного кортикального слоя в зоне cribra orbitalia (рис. 2: 2). Слева в толще губчатой кости глазничной части лобной кости наблюдается хорошо выраженный питательный канал, стенки которого образованы компактной костью, по толщине сопоставимой с компактой, покрывающей глазницу (рис. 2: 3).

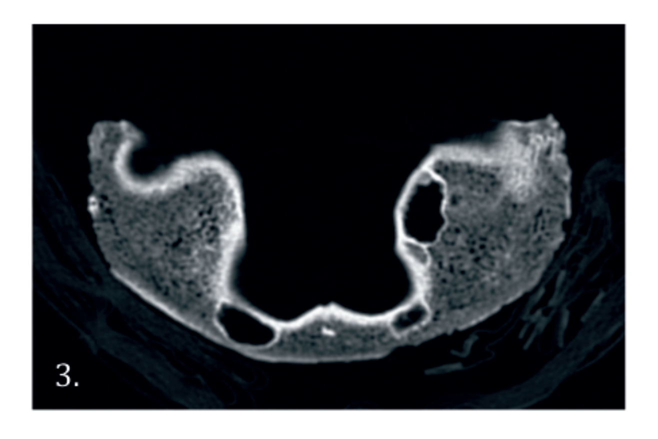
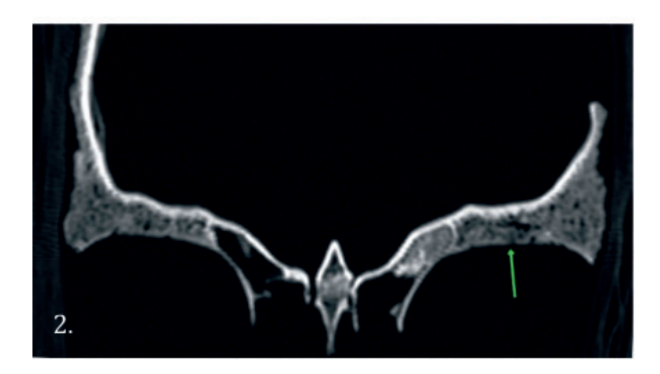

Рис. 1. 1. VRT-реконструкция (образец № 1). 2. Сечение кости в корональной плоскости (образец № 1). 3. Сечение кости в апикальной плоскости (образец № 1)

Fig. 1. 1. VRT reconstruction (sample No. 1). 2. Section of bone in the coronal plane (sample No. 1). 3. Section of bone in the apical plane (sample No. 1)

Образец № 3 (Беднодемьяновский могильник, погребение № 2) представлен черепом с множественными посмертными повреждениями. В частности, поврежден передний край левой глазницы. На правой глазнице прослеживается слабо заметная cribra orbitalia (рис. 3: 1). На сечении лобной кости в корональной

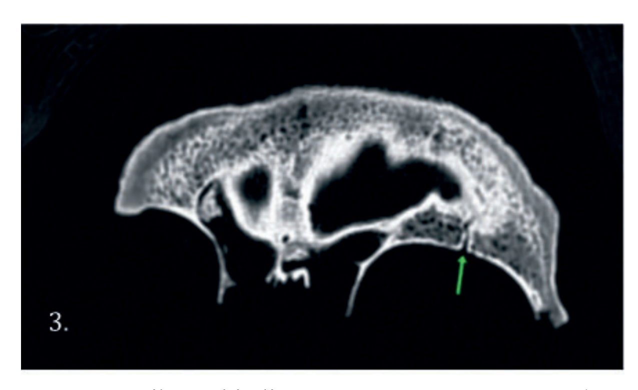
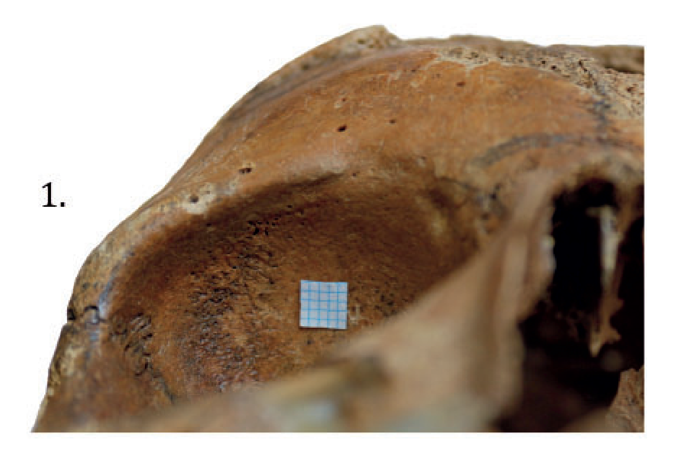

Рис. 2. 1. Cribra orbitalia на глазничных частях лобной кости (образец № 2). 2. Сечение лобной кости в корональной плоскости (образец № 2). 3. Типичный питательный канал в левой глазничной части лобной кости (образец № 2)
Fig. 2. 1. Cribra orbitalia on the orbital parts of the frontal bone (sample No. 2). 2. Section of the frontal bone in the coronal plane (sample No. 2). 3. A typical nutrient channel in the left orbital part of the frontal bone (sample No. 2)

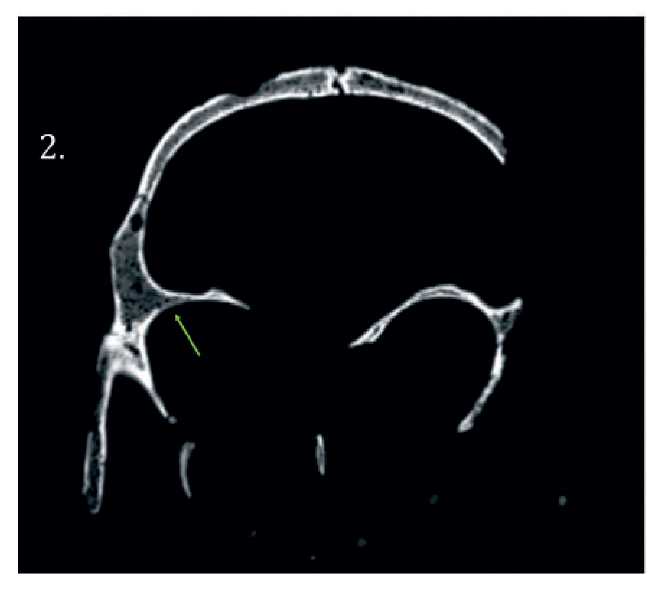
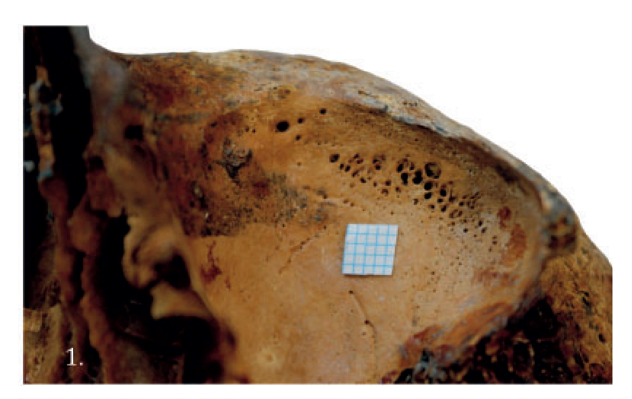

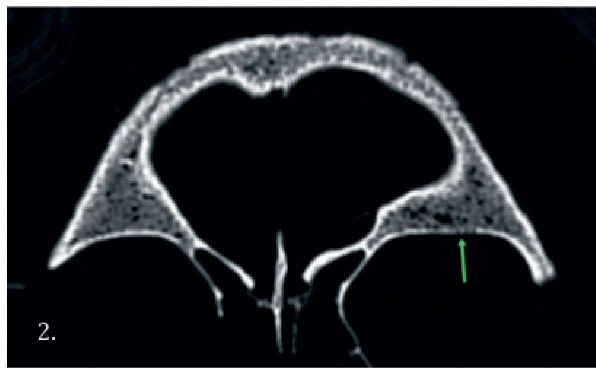
Рис. 3. 1. Cribra orbitalia на поверхности правой глазницы (образец № 3). 2. Сечение лобной кости в корональной плоскости (образец № 3)
Fig. 3. 1. Cribra orbitalia on the surface of the right orbit (sample No. 3). 2. Section of the frontal bone in the coronal plane (sample No. 3)

плоскости видно, что изменения на правой стороне выражены в истончении компактного слоя глазницы (рис. 3: 2).

Образец № 4 (Беднодемьяновский могильник, погребение № 20) представлен черепом молодой женщины (возрастная когорта – Juvenis). Справа и слева заметно выражена cribra orbitalia (рис. 4: 1). На корональном срезе справа и слева хорошо заметно истончение компактного слоя в области патологии (рис. 4: 2–3). Отверстия cribra orbitalia в некоторых местах прободают компактный слой. Однако продолжение канальцев в диплоэ не прослеживается.

В целом в материалах из двух мордовских средневековых могильников Примокшанья представлены черепа с различной степенью выраженности cribra orbitalia. Варианты по-разному идентифицируются на томограммах. Так, слабо выраженная патология на образце № 3 представлена на срезе истончением компактного слоя глазницы. Других выраженных признаков патологии не просле-

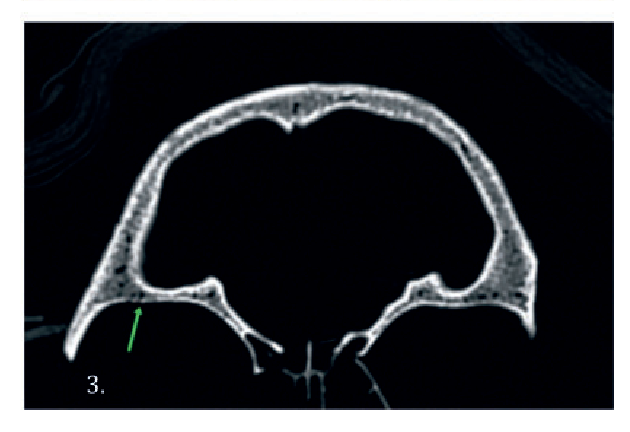

Рис. 4. 1. Cribra orbitalia на поверхности левой глазницы (образец № 4). 2. Изменения слева (образец № 4). 3. Изменения справа (образец № 4)
Fig. 4. 1. Cribra orbitalia on the surface of the left orbit (sample No. 4). 2. Changes on the left (sample No. 4). 3. Changes on the right (sample No. 4)

живается. На образцах № 1 и 4 наблюдаются углубления и прободения компактного слоя глазницы в области, где локализуется cribra orbitalia. Наибольшая выраженность патологии может быть констатирована на образце № 2, где в толще губчатой ткани глазничной части лобной кости прослеживается небольшой каналец со стенками, имеющими компактную структуру.

Как известно, лобная кость развивается путем мембранозного остеогенеза, и последним участком оссификации является как раз верхняя стенка глазницы и область ямки слезной железы. Надкостница глазницы, периорбита, наиболее плотно соединяется с костными стенками глазницы также в области ямки слезной железы. Жировое тело глазницы, прилегающее к периорбите, имеет сложную фасциальную структуру многочисленных септ, связанных с периорбитой. Наличие единой сосудистой сети анастомозов диплоических вен с менингеальными и эмиссарными венами представляется нам наиболее естественной причиной возникновения многочисленных отверстий в участке глазницы, оссифицирующемся в более поздние сроки. Однако определенное значение в развитии cribra orbitalia, выраженной в той или иной степени, могут иметь и патологические процессы: связанные с неоангиогенезом – развитием грануляций при травме, переохлаждении с воспалительным процессом, увеличение внутричерепного давления, офтальмопатии.

Заключение

Результаты исследования показывают, что cribra orbitalia в зависимости от степени развития может по-разному идентифицироваться на компьютерной томограмме. При слабо выраженном проявлении наблюдается истончение компактного слоя верхней стенки глазницы (образец № 3). Как правило, идентифицировать cribra orbitalia можно по характерным углублениям или прободениям в компактном слое верхней стенке глазницы. В отдельных случаях эти прободения приобретают форму канальцев, продолжающихся в слое диплоэ (образец № 2). Таким образом, cribra orbitalia, очевидно, является проявлением анатомического варианта развития сосудистых (венозных) анастомозов, степень выраженности которых зависит как от индивидуальной изменчивости, так и от возможного воздействия патологических процессов, связанных с ангиогенезом.

ЛИТЕРАТУРА

Белорыбкин Г.Н. Западное Поволжье в средние века. Пенза: ПГПУ, 2003. 199 с.

Емельянчик О.А. Формирование научных представлений об этиологии и патогенезе cribra orbitalia и встречаемость этого индикатора анемического стресса среди населения Беларуси на протяжении II

тыс. н.э. // Палеоантропология Беларуси / Научн. ред. И.И. Саливон, С.В. Васильев. Минск: Беларуская навука, 2015. С. 383-405

Полесских М.Р. Отчет об археологических исследованиях 1958 года в Пензенской области // Рукописный фонд Пензенского государственного краеведческого музея. Фонд VI. № 311/1. Пенза, 1959. 28 с.

Полесских М.Р. Археологические памятники Пензенской области. Путеводитель. Пенза: Приволж. книжн. изд-во. Пензенск. отд-е, 1970. 173 с.

Bron A.J, Tripathi R.C., Tripathi B.J. Wolff's Anatomy of the Eye and Orbit. 8th edition. London: Chapman & Hall Medical Publ., 1997. 715p.

O'Donnell L., Hill E.C., Anderson A.S.A., Edgar H.J.H. Cribra orbitalia and porotic hyperostosis are associated with respiratory infections in a contemporary mortality sample from New Mexico // American Journal of Physical Anthropology. 2020. Vol. 173. Issue 4, P. 721–733. https://doi.org/10.1002/ajpa.24131

Rotschild B.M., Zdilla M.J., Jellema L.M., Lambert H.W. Cribra orbitalia is a vascular phenomenon unrelated to marrow hyperplasia or anemia: Paradigm shift for cribra orbitalia // Anatomical Record. 2021. Vol. 304, P. 1709–1716 https://doi.org/10.1002/ar.24561

Walker P.L., Bathurst R.R., Richman R., Gjerdrum T., Andrushko V.A. The Causes of Porotic Hyperostosis and Cribra Orbitalia: A Reappraisal of the Iron-Deficiency-Anemia Hypothesis // American Journal of Physical Antropology. 2009. Vol. 139, P. 109-125. https://doi.org/10.1002/ajpa.21031

Информация об авторах:

Калмина Ольга Анатольевна, кандидат медицинских наук, доцент кафедры «Анатомия человека» Медицинского института, Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия); okalmina@gmail.com

Иванова Татьяна Андреевна, врач-рентгенолог рентгеновского отделения, Пензенская областная клиническая больница им. Н.Н. Бурденко (г. Пенза, Россия); tanyanesterenko@yandex.ru

Иконников Дмитрий Сергеевич, кандидат исторических наук, заведующий антропологической лабораторией кафедры «Анатомия человека» Медицинского института, Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия); ikonnikof-ds@mail.ru

Бочкарева Ирина Владимировна, кандидат медицинских наук, доцент кафедры «Анатомия человека» Медицинского института, Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия); ibochkareva07@mail.ru

Калмин Олег Олегович, кандидат медицинских наук, доцент кафедры «Анатомия человека» Медицинского института, Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия); kalmin.o.o@gmail.com

REFERENCES

Belorybkin, G. N. 2003. *Zapadnoe Povolzh'e v srednie veka (The Western Volga Region in the Middle Ages)*. Penza: Penza State Pedagogical University (in Russian).

Emel'yanchik, O. A. 2015. In *Paleoantropologiya Belarusi (Palaeoanthropology of Belarus)*. Minsk: "Belaruskaya Navuka" Publ., 383–405 (in Russian).

Polesskikh, M. R. 1959. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh 1958 goda v Penzenskoy oblasti (Report on archaeological studies in the Penza region in 1958)*. Penza. Manuscript collection of the Penza State Museum of Local History. F. VI, no. 311/1 (in Russian).

Polesskikh, M. R. 1970. *Arkheologicheskiye pamyatniki Penzenskoy oblasti. Putevoditel' (Archaeological sites of the Penza region. Guide)*. Penza: Privolzhskoe bookish Publ. Penza filial (in Russian).

Bron, A. J, Tripathi, R. C., Tripathi, B. J. 1997. *Wolff's anatomy of the eye and orbit*. London: Chapman & Hall Medical Publ. (in English).

O'Donnell, L., Hill, E. C., Anderson, A. S. A., Edgar, H. J. H. 2020. In *American Journal of Physical Anthropology*. 173. Issue 4, 721–733. https://doi.org/10.1002/ajpa.24131 (in English).

Rotschild, B. M., Zdilla, M. J., Jellema, L. M., Lambert, H. W. 2021. In *Anatomical Record*. 304, 1709–1716 https://doi.org/10.1002/ar.24561 (in English).

Walker, P. L., Bathurst, R. R., Richman, R., Gjerdrum, T., Andrushko, V. A. 2009. In *American Journal of Physical Antropology*. 139, 109–125. https://doi.org/10.1002/ajpa.21031 (in English).

About the Authors:

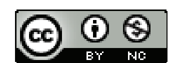
Kalmina Olga A. Candidat of Medical Sciences, Penza State University. Krasnaya St., 40, Penza, 440026, Russian Federation; okalmina@gmail.com

Ivanova Tatyana A. Penza Regional Clinical Hospital named after N.N. Burdenko, Lermontova St., 28, Penza, 440026, Russian Federation; tanyanesterenko@yandex.ru

Ikonnikov Dmitriy S., Candidat of Historical Sciences, Penza State University. Krasnaya St., 40, Penza, 440026, Russian Federation; ikonnikof-ds@mail.ru

Bochkareva Irina V., Candidat of Medical Sciences, Penza State University. Krasnaya St., 40, Penza, 440026, Russian Federation; ibochkareva07@mail.ru

Kalmin Oleg O. Candidat of Medical Sciences, Penza State University. Krasnaya St., 40, Penza, 440026, Russian Federation; kalmin.o.o@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.08.2024 г.
Статья принята к публикации 01.10.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 903.8, 903.2. https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.5.267.281

КЛАДЫ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ ЭПОХИ БРОНЗЫ КРЫМА И ТАМАНИ[1]

©2024 г. В.С. Бочкарев, А.И. Климушина, И.Ж. Тутаева

Статья посвящена анализу кладов металлических изделий эпохи бронзы на территории Крыма и Тамани. На данный момент их известно более 20. Они датируются эпохами средней и поздней бронзы (III–II тыс. до н. э.). В работе анализируется типологический состав этих комплексов, а также делается попытка установить принадлежность этих памятников к тому или иному очагу металлопроизводства. Часть крымских и таманских кладов можно связать с кавказско-степными очагами, как эпохи средней, так и поздней бронзы, а часть – с северопричерноморским очагом эпохи поздней бронзы (лобойковско-голоуровским). На основании изучения кладов делается вывод о важной связующей роли Крыма и Тамани как транзитной территории между Северо-Западным Кавказом, Нижним Поднепровьем и Северным Причерноморьем в эпоху бронзы.

Ключевые слова: археология, клады, эпоха бронзы, хронология, типология, прикубанский очаг металлопроизводства, очаг металлообработки, Крым, Тамань, Северный Кавказ, Северное Причерноморье.

METALWARE HOARDS OF THE BRONZE AGE FROM CRIMEA AND TAMAN[2]

V.S. Bochkaryov, A.I. Klimushina, I.Zh. Tutaeva

The paper deals with the analysis of metalware hoards of the Bronze Age, found in Crimea and Taman. At the moment, more than 20 of them are known. They are dated to the Middle and Late Bronze Ages (III–II millennia BC). The article analyzes the typological composition of these complexes and attempts to establish the belonging of these findings to certain center of metal production. Some of the Crimean and Taman hoards can be associated with the Caucasus-steppe centers of the Middle and Late Bronze Ages, and some with the North Black Sea points of the Late Bronze Age (Loboikovo-Golourovo). Based on the study of hoards the conclusion is made about the important connecting role of Crimea and Taman as a transit area between the North-West Caucasus, the Lower Dnieper and the Northern Black Sea regions in the Bronze Age.

Keywords: archaeology, hoards, Bronze Age, chronology, typology, Kuban center of metal production, metalworking center, Crimea, Taman, North Caucasus, Northern Black Sea region.

В последние десятилетия в Крыму и на Тамани найдена целая серия кладов металлических изделий бронзового века. По концентрации этих памятников указанные регионы выделяются среди других степных областей. На этой сравнительно небольшой территории найдено уже более 20 кладов эпохи бронзы. Некоторые из них еще не опубликованы, другие охарактеризованы в литературе неполно. В данной работе мы хотим восполнить этот пробел. Кроме того, мы попытаемся вписать материалы этих кладов в общую картину развития металлопроизводства эпохи бронзы Северного Причерноморья и Предкавказья.

Нами учтено 20 кладов эпохи бронзы. Из них 13 происходят с территории Крыма и семь – с Тамани (рис. 1). В типологическом и хронологическом отношениях они неоднородны. Судя по первому показателю, они могут быть отнесены к разным центрам и очагам металлопроизводства: кавказско-

[1] Статья выполнена при финансовой поддержке РНФ (проект № 22-18-00065, https://rscf.ru/project/22-18-00065/ «Культурно-исторические процессы и палеосреда в позднем бронзовом — раннем железном веке Северо-Западного Причерноморья: междисциплинарный подход» в РГПУ им. А. И. Герцена).

[2] The article was financially supported by RSF (РНФ) (project No. 22-18-00065, https://rscf.ru/project/22-18-00065 / "Cultural and historical processes and paleoenvironment in the Late Bronze — Early Iron Ages of the Northwestern Black Sea region: an interdisciplinary approach" at Russian State Pedagogical Herzen University).

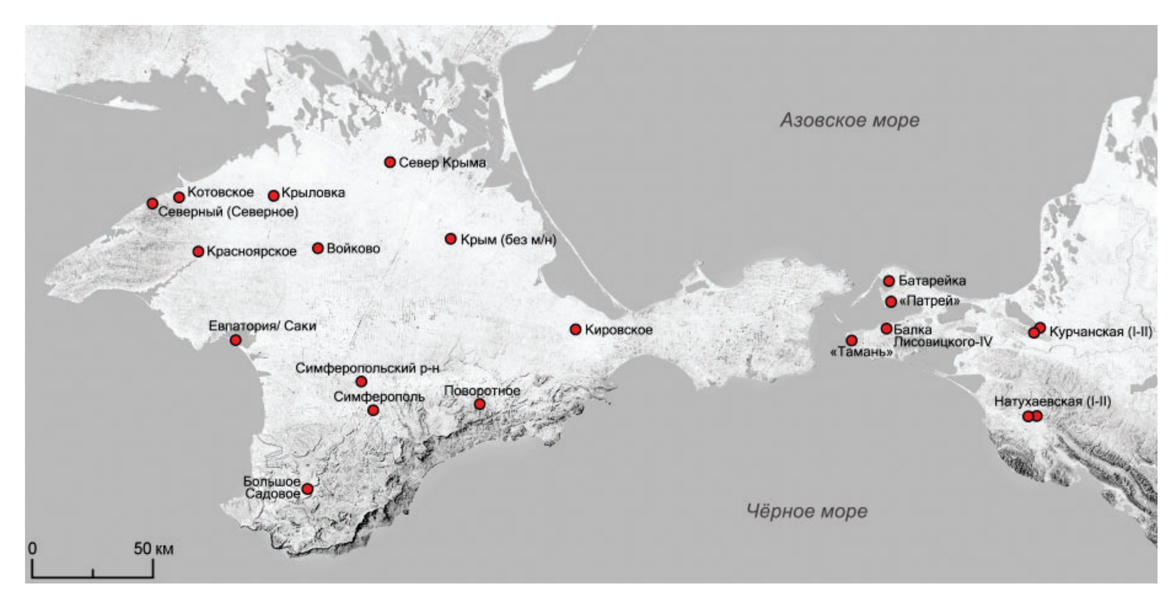

Рис. 1. Карта-схема распространения кладов металлических изделий эпохи бронзы в Крыму и на Тамани (карта заимствована из программы SasPlanet). М/н — местонахождение.

Fig. 1. Schematic map of the distribution of metalware hoards of the Bronze Age in Crimea and Taman (map borrowed from the SasPlanet software). М/н — location.

степным центрам (средний бронзовый век (далее – СБВ)), лобойковско-голоуровскому (IV период позднего бронзового века (далее – ПБВ)), красномаяцкому (V период ПБВ) и прикубанскому (ахметовский и бекешевский этапы ПБВ) очагам. Синхронизация кладов, принадлежащих к разным очагам и периодам, показана в таблице 1 (табл. 1). Детальная характеристика степных очагов представлена в работе одного из авторов (Бочкарев, 2017).

Перейдем к описанию кладов и начнем с тех из них, которые отнесены нами к кавказско-степным центрам. Самым ранним из этих комплексов является клад из пос. Северный в Крыму (Бочкарев и др., 2022, с. 52–60, рис. 1–2). Его основу составляют плоские топоры-тесла. Учитывая тип этих тесел, клад можно отнести к концу ранней – началу средней бронзы. Более детальное описание и анализ этого комплекса изложен в специальной статье (Бочкарев и др., 2022).

К привольненскому этапу относятся два клада. Один из них был найден в 1940 г. близ ст. Курчанской Темрюкского района Краснодарского края при строительстве канала (рис. 2). Клад хранился в Темрюкском музее и во время войны был утерян. Сведения о нем сохранились в письме Н.В. Анфимова к А.А. Иессену. По данным Н.В. Анфимова, который видел клад и обследовал место его находки, в его состав входило четыре однотипных топора и 4–5 слитков меди. Эскизный рисунок одного из топоров сохранился в архиве А.А. Иессена[1]. В одной из своих работ А.А. Иессен отнес Курчанский I клад к привольненскому этапу (Иессен, 1950, с. 173).

Временем привольненского клада, вероятно, также датируется клад из с. Поворотное Белогорского района в Крыму. Он состоит из двух ножей, двух долот со свернутой втулкой и обломка тесла (Клочко, Козыменко, 2017, с. 82, ил. 1). Клинковая часть ножей сточена, что затрудняет точное определение типа изделий. По всей вероятности, по форме они ближе всего к ножам второго привольненского типа по классификации С.Н. Братченко или к ранним образцам т. н. копьевидных ножей (Братченко, 1976, с. 49–51). Типологическое определение тесла затруднено, так как от него сохранилась только лезвийная часть. Судя по фрагменту, орудие относится к привольненскому типу тесел. Его отличает более узкое лезвие, чем у костромских тесел, но более широкое, чем у майкопско-новосвободненских. Что касается долот из клада Поворотное, то такие орудия со свернутой втулкой появились как раз на привольненском этапе и продолжали существовать в Предкавказье без существенных изменений до конца эпохи средней бронзы. Таким образом, они определяют terminus post quem для данного клада.

Гораздо большим числом кладов представлен костромской этап. Сейчас извест-

Таблица 1. Синхронизация кладов металлических изделий среднего и позднего бронзового века Крыма и Тамани
Table 1. Synchronization of metalware hoards of the Middle and Late Bronze Age from Crimea and Taman

Ориентировочные абсолютные даты	Этапы развития металлопроизводства эпохи бронзы Северо-Западного Кавказа (по: А. А. Иессену, В. С. Бочкареву)	Кавказско-степная группа кладов	Этапы развития металлопроизводства эпохи бронзы Северного Причерноморья (по: Е. Н. Черных, В. С. Бочкарев)	Группа кладов северопричерноморских очагов производства
	?	1. Северное	Катакомбный этап	–
	Привольненский	2. Курчанский I 3. Поворотное		
~2000 г. до н. э.	Костромской	4. Большое Садовое 5. «Симферополь» 6. Натухаевский I 7. Натухаевский II 8. «Патрей» 9. Симферопольский р-н	Бабинский этап	–
~1500 г. до н. э.	Ахметовский	10. Батарейка 11. Балка Лисовицкого-IV 12. Крыловка	Раннесабатиновский (IV период)	1. Войково 2. Евпатория–Саки 3. Кировское 4. Красноярское 5. Север Крыма 6. Крым (без м/н)
	Удобненский	–	Позднесабатиновский (V период)	7. Котовское
~1200 г. до н. э.	Бекешевский	13. Курчанский II	Раннебелозерский (VI период)	–

но шесть памятников. Три из них найдены в Крыму (Большое Садовое (Клочко, Козыменко, 2017, с. 78–82, 297–299, ил. 2.6: 1–15) (рис. 4), «Симферополь»[2], район г. Симферополя[3]) (рис. 3А, 3Б) и три на Тамани (Натухаевский I, Натухаевский II (Новичихин, 1996; 2002; 2012) (рис. 5А, 5Б) и «Патрей» (Бочкарев и др., 2021) (рис. 5В)). Одной из главных составляющих этих кладов являются проушные топоры. Три из них принадлежат колонтаевскому типу (рис. 3А: 1; 4: 1–2) и три – костромскому (рис. 3Б: 2; 5А: 4; 5Б: 3). Еще три топора условно отнесены к гатын-калинскому типу по классификации С.Н. Кореневского (Кореневский, 1981, с. 26–27, рис. 5: 1–2) (рис. 4: 3–4; 5В: 5). Следующими по частоте встречаемости идут плоские топоры-тесла. Они есть в Натухаевском II (рис. 5Б: 2), «Патрее» (рис. 5В: 1–4), Б. Садовом (рис. 4: 19–23) и Симферопольских кладах (рис. 3А: 2; 3Б: 1). Это узкие вытянутые орудия с резко расширенным лезвием. Все они относятся к костромскому типу тесел, который характерен для конца эпохи средней бронзы как для территории Северного Кавказа, так и примыкающих степных регионов.

Особенно стоит отметить в этих кладах находки серпов (рис. 4: 17–18; 5Б: 4–5). Они интересны тем, что являются самыми ранними металлическими орудиями этой категории на всем юге Восточной Европы. Их можно подразделить на два типа: костромской и натухаевский (Климушина, 2020). Орудия этих типов при сходных клинках различаются формой черенков, предназначенной для крепления рукоятей. Черенки первого типа имеют подтреугольную форму, второго – прямоугольную. В некоторых случаях у этих последних на черенках пробиты отверстия, также служившие для крепления рукояти. В крымских и таманских кладах пока известны только серпы натухаевского типа.

К числу примечательных изделий костромской группы кладов следует относить находки ножей и кинжалов (рис. 4: 5–10; 5Б: 1;

Рис. 2. Схематичный рисунок проушного топора из Курчанского I клада (1940), воспроизведенный по рисунку из личного архива А. А. Иессена (источник: личный архив В. С. Бочкарёва, 1968 г.). Без масштаба
Fig. 2. Schematic drawing of a socketed axe from the Kurchanskaya I hoard (1940) made after a drawing from A.A. Iessen's personal archive (source: V.S. Bochkaryov's personal archive, 1968). No scale

5В: 9). Они относятся к разным типам. Часть из них можно связать с металлообработкой катакомбного и посткатакомбного времени (Гак, Калмыков, 2009, с. 106–109). Степное происхождение также имеет длинный копьевидный нож из Б. Садового (рис. 4: 5). Судя по его длине (27 см), он, по всей вероятности, использовался как кинжал. Этот предмет имеет прямые аналогии с изделиями клада из с. Бандурка в Украине, состоящего только из кинжалов (Черняков, Никитин, 1984, с. 134–145, рис. 2, 4). Очевидно, к категории кинжалов следует отнести еще одно изделие из Б. Садового (рис. 4: 8). Оно имеет обоюдоострый клинок подтреугольной формы и короткий черенок. По центральной оси клинка проходит орнаментированный дол. Длина изделия 17,2 см. Точные аналогии этому предмету нам пока неизвестны, однако некоторые его признаки указывают на кавказское происхождение (Picchelauri, 1997, taf. 48: 684–688; 49; 66: 1097, и др.).

В число изделий кладов этой группы также входят долота со свернутой втулкой (рис. 4: 24; 5В: 6–8). Одно из них есть в Б. Садовом и три – в кладе «Патрей». О хронологии этих долот было сказано выше.

Завершая обзор кладов костромской группы, следует обратить внимание на изделия необычных форм. Это т. н. острия: тонкие предметы удлиненных форм, подквадратные в сечении с заостренными концами (рис. 4: 11–15; 5В: 11–12). У некоторых из них выделен переход к черенковой части в виде утолщения (как в кладе Б. Садовое) (рис. 4: 11–15). У нескольких прутьев один из концов загнут (как в «Патрее») (рис. 5В: 11–12). Аналогия последним была найдена в материалах могильника Бамут (курган 17, погр. 10) (Кореневский, 2011, рис. 74: 1). Длина рассматриваемых орудий варьирует от 17 до 40 см. В литературе эти изделия называют по-разному: шильями (Моргунова, 2014, с. 299, 300, рис. 47: 6; 102; Коробкова, Шапошникова, 2005, с. 225, рис. 119: 21) или «штыковидными орудиями» (Куфтин, 1949, табл. LX: 2, 4; Васильев, 2015, с. 10, рис. 15: 1, фото 4: 1, и др.). Однако функция этих изделий по-настоящему не установлена.

Рис. 3. Клады: А — условно «Симферополь», близ г. Симферополя (URL: http://neolitica.ru/lot.php?lot_id=1103); Б — из Симферопольского района (URL: http://neolitica.ru/lot.php?lot_id=417). Фото в ракурсе. Бронза
Fig. 3. Hoards: А — "Simferopol hoard" (for convenience), from neighbourhood of Simferopol (URL: http://neolitica.ru/lot.php?lot_id=1103); Б — from Simferopol district (URL: http://neolitica.ru/lot.php?lot_id=417). Wide angle photo. Bronze

Относительная датировка этих кладов не вызывает трудностей, так как в них встречаются характерные для костромского этапа типы металлических изделий. Однако культурная принадлежность комплексов этого времени не вполне ясна. Можно только пред-

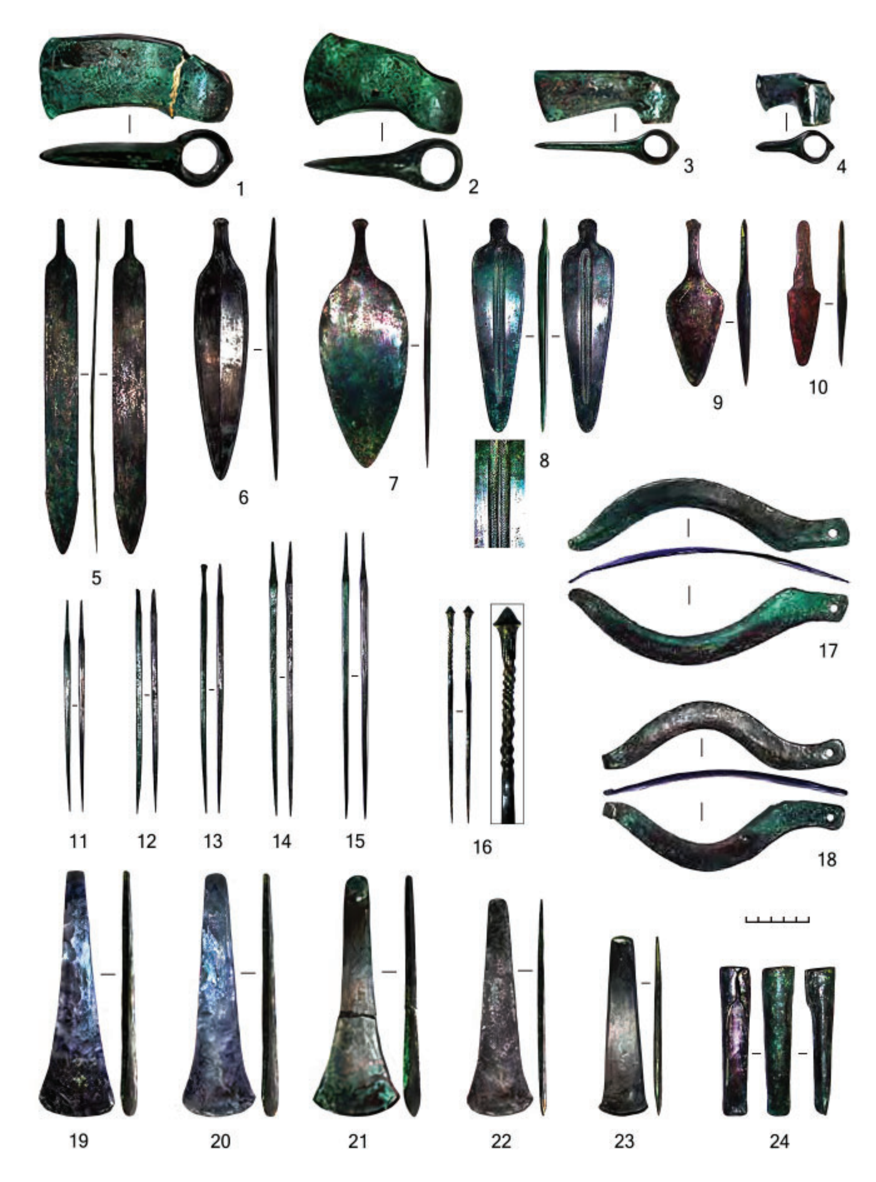

Рис. 4. Клад из с. Большое Садовое (Клочко, Козыменко, 2017. С. 78, ил. 2.6, 1–15). Фото в ракурсе. Бронза
Fig. 4. Hoard from the village of Bolshoye Sadovoye (Klochko, Kozymenko, 2017. P. 78, ill. 2.6, 1–15). Wide angle photo. Bronze

положить, что в основном они относятся к культурам посткатакомбного времени.

К ахметовскому этапу относятся три клада. Среди них самым большим является Батарейкинский клад (рис. 6). В него входило около 100 предметов. Он был случайно обнаружен в 1965 г. при прокладке шоссе близ с. Батарейка Темрюкского района Краснодарского края (Сокольский, 1980, с. 144–150). Основу клада составляют серпы – не менее 35 экземпляров (рис. 6: 10–31). Почти все они имеют следы сработанности, некоторые из них фрагментированы. Они принадлежат к разным типам позднекубанских серпов (Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 125–134, 153–163). Особое внимание привлекает серп-секач (рис. 6: 31). Подобного рода орудия являются характерными изделиями лобойковско-дербеденовского очага металлопроизводства, которые получили название серпов дербеденовского типа (Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 86–99). Этот тип имеет узкий хронологический диапазон бытования – только IV период (Бочкарев, 2017, с. 171, 172), и потому данный экземпляр имеет особое значение для датировки всего Батарейкинского клада и его синхронизации с памятниками степной зоны (табл. 1). К этому же очагу могут иметь отношение ножи и кинжалы из клада с четко выраженным перехватом и перекрестьем (рис. 6: 4–9). Остролистная форма их клинков имеет расширение в верхней части. Такой тип клинковых орудий

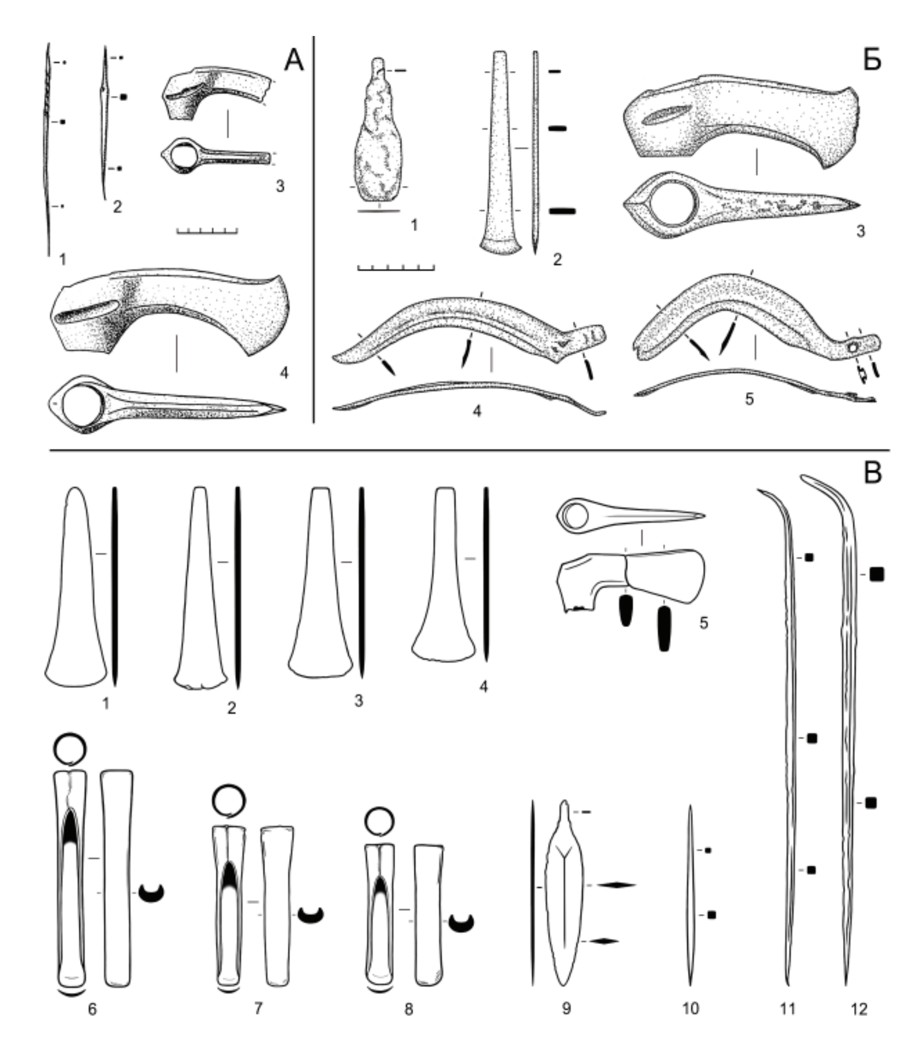

Рис. 5. Клады: А — Натухаевский I из станицы Натухаевской (Новичихин, 1996. С. 89, рис. 1, 1–4); Б — Натухаевский II из станицы Натухаевской (Новичихин, 2012. С. 5, рис. 1); В — условно «Патрей», берег Таманского полуострова (Бочкарев и др., 2021. С. 82, рис. 1). Бронза

Fig. 5. Hoards: А — Natukhayevskaya I from the stanitsa of Natukhayevskaya (Novichikhin, 1996. P. 89, ill. 1, 1–4); Б — Natukhayevskaya II (Novichikhin, 2012. P. 5, ill. 1); В — "Patraios hoard" (for convenience), Taman Peninsula shore (Bochkaryov et al.,2021. P. 82, ill. 1). Bronze

получил распространение в степи в IV периоде (Тутаева, 2014а, с. 26). Три других ножа из Батарейки имеют простую листовидную форму (рис. 6: 1–3). Их можно датировать достаточно широким диапазоном времени. Из других изделий Батарейкинского комплекса следует отметить плоское тесло, которое, вероятно, относится к костромскому типу (рис. 6: 33), слитки и обломки слитков меди. В целом физическое состояние предметов позволяет рассматривать этот комплекс как сырьевой клад.

Такой же сырьевой характер имеет клад из с. Крыловка Первомайского района Крыма (рис. 7А). Примечательно, что он был найден в насыпи длинного кургана при стационарных раскопках (Колотухин, 2003, с. 56, рис. 64: 24, 25). В его состав входили два серпа коблевского типа, вислообушный топор урекского типа и три небольших слитка меди. Все изделия клада были повреждены и представляют собой лом. По типам изделий клад датируется ахметовским этапом.

Еще один клад этого времени был найден при раскопках поселения Балка-Лисовицкого-IV в Темрюкском районе Краснодарского края (Кияшко, 2020, с. 216, рис. 5) (рис. 7Б). Он состоит из трех серпов типа Бамут и фрагмента бракованной отливки проушного топора.

Самым поздним крымско-таманским комплексом, который можно связать с прикубанским очагом металлопроизводства, является Курчанский II клад (рис. 8). Он был

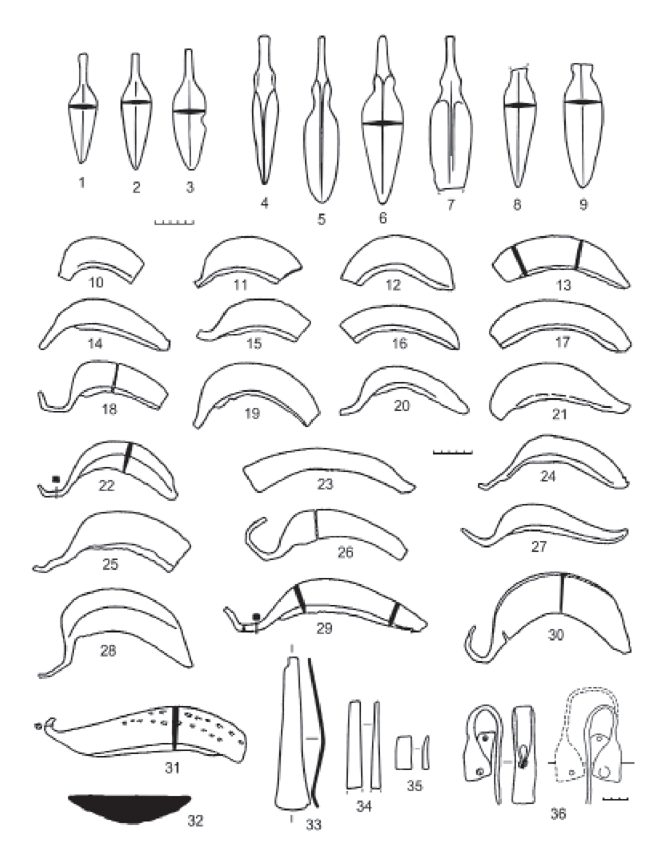

Рис. 6. Клад из с. Батарейка (1–34 — Сокольский, 1980. Рис. 1; 35, 36 — Soroceanu, Sava, 2020. С. 441, рис. 215, 2, 3). Бронза
Fig. 6. Hoard from the village of Batareyka (1–34 — Sokolsky, 1980. Рис. 1; 35 — Soroceanu, Sava, 2020. P. 441, ill. 215, 2, 3). Bronze

найден в 1985 г. близ той же станицы Курчанской, откуда происходит Курчанский I клад (Новичихин и др., 2021, с. 291–298). Его основу составляют коленчатые серпы, шесть из которых относятся к курчанскому типу (рис. 7: 6–11) и один – к ростовскому (рис. 7: 5). Кроме серпов в состав клада входили также обломки тесла, цельнолитого долота, деформированные кельт и нож-кинжал с объемным упором для рукоятки. Судя по типологии этих предметов, они датируются V–VI периодами по хронологии развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы юга Восточной Европы (Бочкарев, 2017, с. 173–175). Вместе с тем типы серпов указывают на связь этого комплекса с бекешевским этапом прикубанского очага металлообработки эпохи поздней бронзы (Бочкарев, 1996, с. 96–97).

К северопричерноморским очагам эпохи поздней бронзы относятся семь кладов (рис. 9–13). Все они найдены в Крыму. Шесть из них принадлежат лобойковско-голоуровскому очагу – IV период (рис. 9–12) – и один – красномаяцкому очагу – V период (рис. 13).

Самым выразительным из этих памятников является клад, найденный в 2012 г. в районе городов Евпатория и Саки[4] (рис. 9). В него входят два серпа, кельт, цельнолитое долото копьевидной формы, кинжал с остролистным клинком и объемным упором для рукояти, прорезной наконечник копья, бритва и серия мелких украшений – всего около 21 предмета. Один из серпов принадлежит кабаковскому варианту дербеденовского типа (рис. 9: 20). Такие серпы были продукцией лобойковско-голоуровского очага (Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 92–99). Типологическая принадлежность второго крюкастого серпа не ясна (рис. 9: 19). Возможно, он является гибридной формой степных и северокавказских серпов. Двуушковый кельт этого клада относится к лобойковскому типу (Бочкарев, 2017, с. 190, прил. 1: 53) (рис. 9: 14), который соответствует разрядку К-54 по классификации Е.Н. Черных (Черных, 1976, с. 84, табл. 8: 1–4). Такие кельты характерны для лобойковско-голоуровского очага. Они датируются только IV периодом и не встречаются ни в более раннее, ни в более позднее время. Столь же определенную и точную дату имеет бритва из этого клада (рис. 9: 16). Она относится к терешковскому типу, который характерен для изделий IV периода (Тутаева, 2014б, с. 182). Тем же временем датируется кинжал (Тутаева, 2014а, с. 24–26. табл. 1) (рис. 9: 17). Не столь ясна хронология копьевидных цельнолитых долот (рис. 9: 15). Судя по комплексным находкам, они использовались начиная с IV периода и до конца эпохи поздней бронзы.

Евпаторийский клад среди других аналогичных комплексов IV периода выделяется тем, что в нем представлена сравнительно большая серия украшений (рис. 9: 1–13). В нее входят 11 блях, кольцо и серьга. Две крупные бляхи этого комплекса имеют аналогии в Дербеденовском кладе из Башкирии (Кузьминых, 1981, с. 59, рис. 8: 7) (рис. 9: 10–11).

Самым интересным предметом Евпаторийского клада является прорезной наконечник копья (рис. 9: 18). Он относится к прохоровскому типу, который получил распространение в IV периоде (Бочкарев, Тутаева, 2019, с. 172–176, 193, рис. 18: 34). Он выделяется тем, что имеет ажурные прорези. Эта деталь, как и ряд других его признаков, указывает на

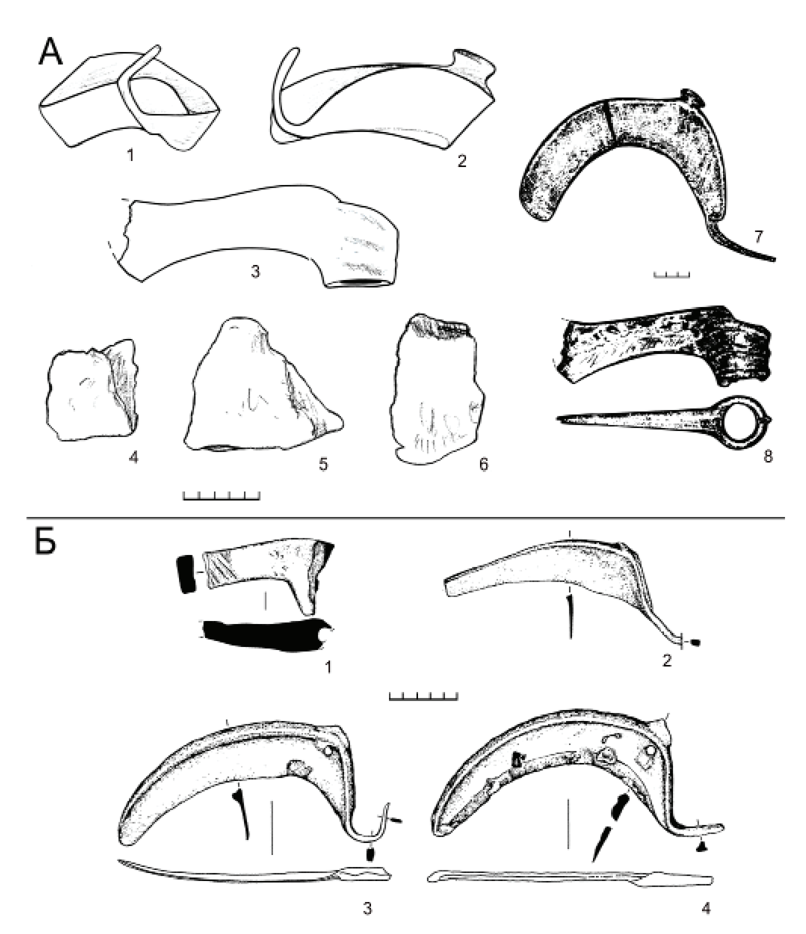

Рис. 7. Клады: А — из с. Крыловка: 1–6 — рисунок клада из отчета В. А. Колотухина (источник: личный архив В. С. Бочкарёва. Карандашный рисунок-копия был сделан С. Н. Братченко с фотографии В. А. Колотухина из Отчета Северо-Крымской экспедиции за 1982 г. в ИА АН УССР, Киев, на месте и в дальнейшем передан В. С. Бочкарёву, 1980-е гг.); 7, 8 — опубликованные вещи (Колотухин, 2003. Рис. 64, 24, 25); Б — с поселения Балка Лисовицкого-IV (Кияшко, 2020. С. 217, рис. 5). Бронза

Fig. 7. Hoards: A — from the village of Krylovka: 1–6 — drawing of the hoard from V.A. Kolotukhin's report (source: V.S. Bochkayov's personal archive. Pencil copy of a drawing by S.N. Bratchenko after a photograph by V.A. Kolotukhin from the Report of the North Crimean expedition of the Institute of Archaeology AS UkSSR in 1982, Kiev, presented to V.S. Bochkaryov, 1980s); 7, 8 — published objects (Kolotukhin, 2003. Ill. 64, 24, 25); Б — from the Balka Lisovitskogo IV site (Kiyashko, 2020. P. 217, ill. 5). Bronze

то, что прорезные наконечники были не столько оружием, сколько статусными изделиями, своего рода штандартами.

Такой же тип прорезного наконечника есть в кладе из с. Войково Первомайского района в Крыму, найденном в 2013 г. (рис. 10). Клад распродан, но был частично опубликован (Клочко, Козыменко, 2017, с. 148–150, ил. 4.1.2: 1–14)[5]. В его состав кроме наконечника входили четыре кельта лобойковского типа, семь серпов (три в обломках) кобаковского варианта дербеденовского типа, серп неопределенной типологической принадлежности, два тесла ульяновского типа, два копьевидных долота со свернутой втулкой, стамеска со свернутой втулкой. Кроме того, в этом кладе также есть два ножа-кинжала с объемным упором (один из них поврежден), маленький наконечник копья разряда П-23 по Е.Н. Черных (Бочкарев, 2017, прил. 1: 51; Черных, 1976, с. 103) и обломок пилки. Всего 21 предмет. Набор типов изделий этого комплекса во многом аналогичен составу Евпаторийского клада, описанного выше. Он также может быть отнесен к продукции лобойковско-голоуровского очага и датирован IV периодом.

То же самое можно сказать еще о четырех крымских кладах (рис. 11–12). Это клады из п. Кировского и п. Красноярского, а также еще два клада из Крыма без точного указания места нахождения[6] (Клочко, Козыменко, 2017, с. 13, 141). В трех из них есть серпы кобаковского варианта дербеденовского типа. От классических орудий этого варианта они отличаются более узкими клинками. Два клада в своем составе содержат кельты лобойковского типа. Следует также отметить мотыжку с кованой втулкой из Кировского клада. Эти изделия редко встречаются в комплексах. В этом же Кировском кладе есть цельнолитое копье голоуровского типа и четыре узких удлиненных тесла. Эти последние орудия представляют собой новую разновидность тесел, ранее неизвестных для лобойковско-голоуровского очага.

Самым поздним из крымских кладов является комплекс из с. Котовского Раздольненского р-на Крыма (Клочко, Козыменко, 2017, с. 161) (рис. 13). В его состав входят: серп (в обломках), кельт, кельт-тесло, цельнолитое долото, обломок двулезвийного ножа и небольшой предмет неизвестного назначе-

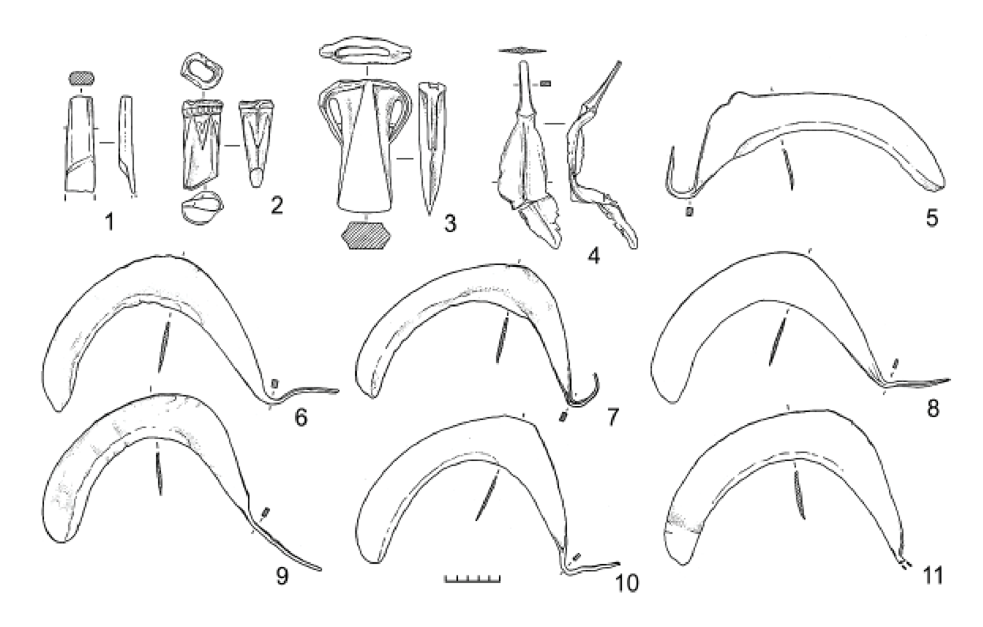

Рис. 8. Курчанский II клад (1986) из станицы Курчанской (Новичихин и др., 2021. С. 297, 298, рис. 1; 2)
Fig. 8. Kurchanskaya II hoard (1986) from the stanitsa of Kurchanskaya (Novichikhin et al., 2021. P. 297, 298, ill. 1; 2)

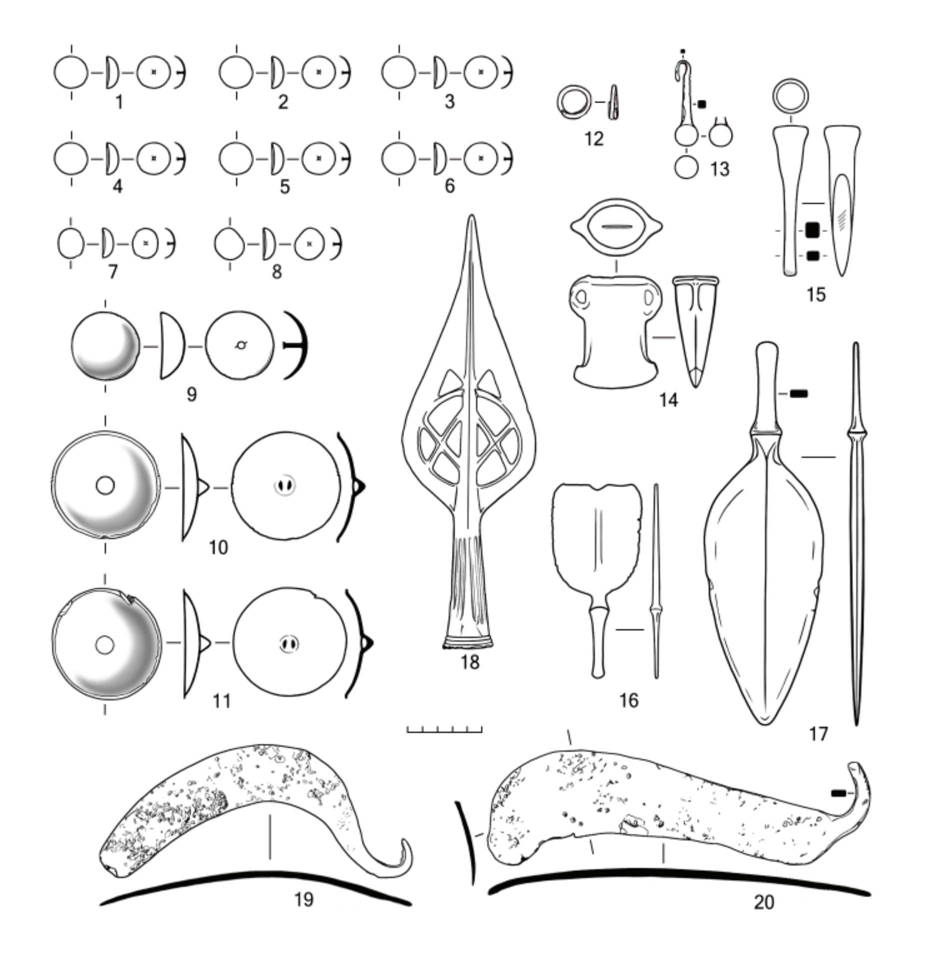

Рис. 9. Клад из городов Евпатория и Саки (реконструкция создана по фотографиям находчика). Бронза
Fig. 9. Hoard from Yevpatoriya and Saki (reconstruction after a photograph by the finder). Bronze

ния (подвеска?). Двуушковый кельт с арочной фаской и «пещеркой» соотносится с разрядом К-58 по Е.Н. Черных (Черных, 1976, с. 84–85). Такие кельты датируются V периодом и в основном встречаются Среднем и Нижнем Поднепровье. К этому же времени относит-

Рис. 10. Клад близ с. Войково: 1–14 — изделия (1 — Бочкарев, Тутаева, 2019. С. 190, рис. 17, 6; 2–14 — Клочко, Козыменко, 2017. С. 148, ил. 4.1.2, 1–14); 15 — общий вид клада после обнаружения. Все фото и рисунок в ракурсе. Бронза

Fig. 10. Hoard from neighbourhood of the village of Voykovo: 1–14 — items (1 — Bochkaryov, Tutaeva, 2019. P. 190, ill. 17, 6; 2–14 — Klochko, Kozymenko, 2017. P. 148, ill. 4.1.2, 1–14); 15 — general view of the recently found hoard. Wide angle photos and drawing. Bronze

ся кельт-тесло с лобным ушком и симметричным профилем. Они часто встречаются комплексах красномаяцкого очага. Что касается серпа, то он уверенно отождествляется с орудиями дичевского типа, распространенными в Нижнем Подунавье (Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 259–274; Дергачев, 2011, с. 195–198). Остальные предметы этого клада – маловыразительные в типологическом отношении и не влияют на датировку этого комплекса V периодом.

Таковы в кратком изложении данные о всех кладах эпохи бронзы Крыма и Тамани. В действительности их было найдено несколько больше, но сведения о неучтенных комплексах требуют дополнительной проверки. Как уже отмечалось, Крым и Тамань по сравнению с соседними степными регионами выделяется повышенной концентрацией этих памятников. Это, возможно, объясняется тем, что в эпоху бронзы эти территории были транзитной зоной, связывающей богатый медными месторождениями Северный Кавказ с безрудными районами Нижнего Поднепровья и Северного Причерноморья. Путь с Кавказа через Тамань и Крым в Северное Причерноморье был самым коротким.

В Крыму и на Тамани клады металлических изделий депонировались на протяжении двух тысячелетий (III – II тыс. до н. э.).

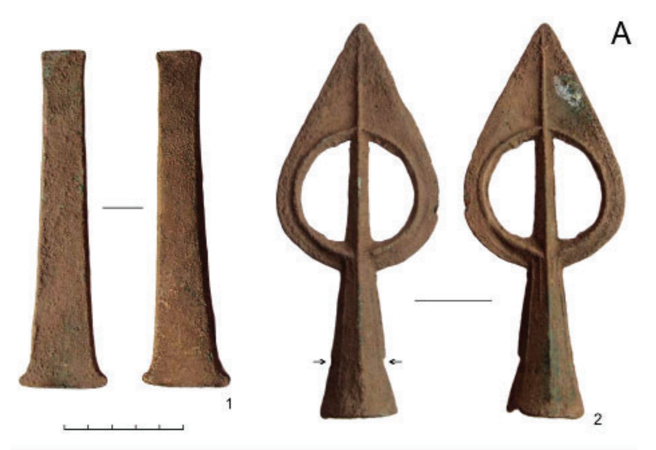

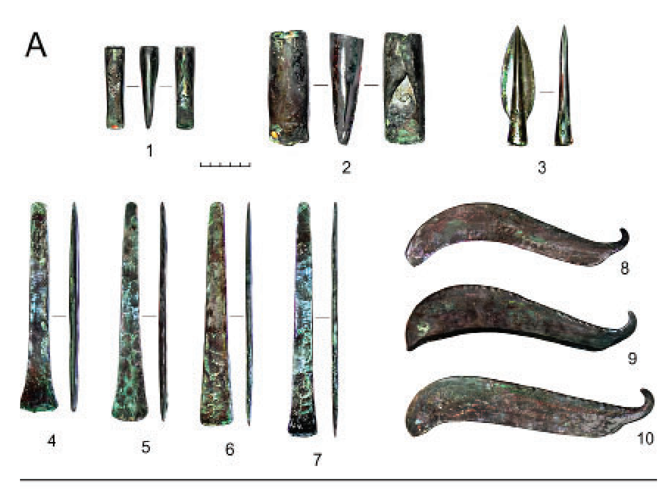

Рис. 11. Клады: А — север Крымского полуострова (URL: http://forum.violity.com); Б — Крым, неизвестного происхождения (URL: http://forum.violity.com), фото в ракурсе. Бронза

Fig. 11. Hoards: А — north of the Crimean Peninsula (URL: http://forum.violity.com); Б — Crimea, provenance unknown (URL: http://forum.violity.com), wide angle photo. Bronze

Это дает возможность проследить динамику указанного процесса. Прежде всего следует отметить, что в Крыму и на Тамани пока неизвестны достоверные клады эпохи ранней бронзы (клад из п. Северный относится к самому концу ранней – началу средней бронзы). Кладов этого времени нет также на Северном Кавказе и в Северном Причерноморье. С течением времени положение меняется, как показывает таблица 2. Количество кладов конца эпохи средней бронзы (костромской этап) заметно возрастает. Пик кладирования в Крыму и на Тамани приходится на ахметовский и раннесабатиновский (IV период) этапы. Этим временем может быть датирована половина крымско-таманских кладов. Среди них особенно много кладов лобойковско-голоуровского очага металлообработки. Надо полагать, что тогда Крым вошел в зону деятельности этого очага.

В последующее время количество находок кладов в Крыму и на Тамани резко сокращается. Это полностью соотносится с той ситуацией, которая в конце эпохи поздней бронзы сложилась в Поднепровье и Север-

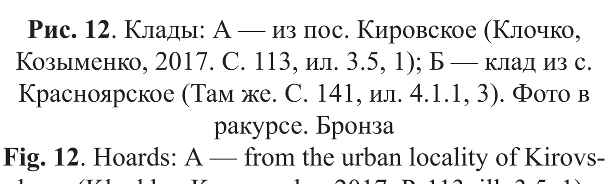

Рис. 12. Клады: А — из пос. Кировское (Клочко, Козыменко, 2017. С. 113, ил. 3.5, 1); Б — клад из с. Красноярское (Там же. С. 141, ил. 4.1.1, 3). Фото в ракурсе. Бронза

Fig. 12. Hoards: А — from the urban locality of Kirovskoye (Klochko, Kozymenko, 2017. P. 113, ill. 3.5, 1); Б — hoard from the village of Krasnoyarskoye (Ibid. P. 141, ill. 4.1.1, 3). Wide angle photo. Bronze

Рис. 13. Клад из с. Котовское (Клочко, Козыменко, 2017. С. 161, ил. 4.1.4, 3). Фото в ракурсе. Бронза
Fig. 13. Hoard from the village of Kotovskoye (Klochko, Kozymenko, 2017. P. 161, ill. 4.1.4, 3). Wide angle photo. Bronze

ном Причерноморье. Между тем именно на это время приходится расцвет прикубанского очага металлопроизводства. Однако продукция этого очага по каким-то причинам не попадает в Крым, Северное Причерноморье и Поднепровье.

Таким образом, представленный в данной работе материал дает ценную информацию о развитии металлопроизводства в эпоху бронзы на территории Крыма, Тамани и соседних территорий.

Примечания:

[1] Данные о кладе собирал В.С. Бочкарёв. Копия рисунка А.А. Иессена в данный момент хранится в личном архиве В.С. Бочкарёва. Рисунок был скопирован им в процессе разборки для последующей передачи личного архива А.А. Иессена в архив ИИМК РАН в 1968 г.

[2] Частная коллекция. URL: http://neolitica.ru/lot.php?lot_id=1103 (дата обращения: 19.04.2022).

[3] Частная коллекция. URL: http://neolitica.ru/lot.php?lot_id=417 (дата обращения: 20.04.2022).

[4] Хранится в частной коллекции находчика. URL: https://swordmaster.org/forum/cat-Orujieauktsionyichastnyiekollektsiiiskateli/topic-106-page-4.html (дата обращения: 13.04.2022).

[5] Частные собрания. URL: http://15minut.org/article/v-krymu-nashli-unikalnyj-bronzovyj-klad-foto-2013-09-05-13-21; http://www.sobytiya.info/news/13/34366; http://forum.violity.com/profile.php?mode=viewprofile&u=62561&sid=33ca6ad0ac2237725247243a02d4cd5d (дата обращения: 06.10.2013).

[6] Авторы выражают искреннюю благодарность Е.И. Ушурелу за своевременную информацию и данные по двум новым кладам из Крыма. URL: http://forum.violity.com/viewtopic.php?t=1155657; http://forum.violity.com/viewtopic.php?t=1167358 (дата обращения: 02.05.2014). Все клады происходят из частных коллекций.

ЛИТЕРАТУРА

Бочкарев В.С. Новые данные о прикубанском очаге металлообработки эпохи бронзы // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н.э. / Отв. ред. Ю.Ю. Пиотровский. СПб.: ИИМК РАН, 1996. С. 96–97.

Бочкарев В.С. Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // Stratum Plus. 2017. № 2. С. 159–204.

Бочкарев В.С., Климушина А.И., Тутаева И.Ж. Новый клад металлических изделий эпохи бронзы с Таманского полуострова // XVI Международная археологическая конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы и Восточного Средиземноморья»: Материалы конф. (25–30 ноября 2021 г., Ростов-на-Дону) / Отв. ред. Е.В. Вдовченков. Ростов-на-Дону, Таганрог: Южный фед. ун-т, 2021. С. 77–82.

Бочкарев В.С., Климушина А. И., Кожуховская Ю.В., Полевода В.А. Новый клад металлических изделий эпохи бронзы из Северо-Западного Крыма // Археологические вести. 2022. Вып. 37. С. 52–60.

Бочкарев В.С., Тутаева И.Ж. Об одной группе металлических наконечников копий-наверший эпохи поздней бронзы Северной Евразии // Stratum Plus. 2019. № 2. С. 167–222.

Братченко С.Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы (Периодизация и хронология памятников). Киев: Наукова думка, 1976. 252 с.

Васильев И.Б. Могильник ямно-полтавкинского времени у с. Утевка в Среднем Поволжье // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 5 / Отв. ред М.А Турецкий. Самара: СамНЦ РАН, 2015. С. 4–48.

Гак Е.И., Калмыков А.А. Ямно-новотиторовское наследие в металлопроизводстве катакомбных культур Центральной и Восточной части степного Предкавказья // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2009. С. 104–119.

Дергачев В.А. Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья. Вып. 2: Кельты и серпы Нижнего Подунавья. Кишинэу: Центральная Типография, 2011. 464 с.

Дергачев В.А., Бочкарев В.С. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев: Высшая антропологическая школа, 2002. 348 с.

Иессен А.А. К хронологии «Больших кубанских курганов» // СА. Т. XII / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.; Л.: АН СССР, 1950. С. 157–200.

Кияшко А.В. Поселение эпохи бронзы Балка Лисовицкого IV на Тамани: общий обзор и характеристика металлического инвентаря // Археологические вести. 2020. Вып. 30. С. 207–222.

Климушина А.И. Древнейшие металлические серпы эпохи бронзы на территории Северного Кавказа // Актуальная археология 5. Комплексные исследования в археологии. Материалы Международной научной конференции молодых ученых (13-16 апреля 2020 г., Санкт-Петербург) / Отв. ред. К.В. Конончук. СПб.: Невская Типография, 2020. С. 203–207.

Клочко В.И., Козыменко А.В. Древний металл Украины. Киев: б. и., 2017. 368 с.

Колотухин В.А. Поздний бронзовый век Крыма. Киев: Стилос, 2003. 139 с.

Кореневский С.Н. Втульчатые топоры – оружие ближнего боя эпохи средней бронзы Северного Кавказа // Кавказ и Средняя Азия в древности и Средневековье (История и культура) / Ред. Б. А. Литвинский. М.: Наука, 1981. С. 20–41.

Кореневский С.Н. Древнейший металл Предкавказья. Типология. Историко-культурный аспект. М.: Таус, 2011. 336 с.

Коробкова Г.Ф. Шапошникова О.Г. Поселение Михайловка – эталонный памятник древнеямной культуры (экология, жилища, орудия труда, системы жизнеобеспечения, производственная структура) / Труды ИИМК РАН. Т. XX. СПб.: Европейский дом, 2005. 316 с.

Кузьминых С.В. Металлообработка срубных племен Закамья // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой / Отв. ред. А. Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1981. С. 41–70.

Куфтин Б.А. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси: АН Грузинская ССР, 1949. 230 с.

Моргунова Н.Л. Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области. Оренбург: Изд-во Оренбургского гос. педагогического ун-та, 2014. 348 с.

Новичихин А.М. Натухаевский клад эпохи средней бронзы // Исторические записки: исследования и материалы. 1996.Вып. 2. С. 86–89.

Новичихин А.М. Второй Натухаевский клад металлических изделий бронзового века (предварительное сообщение) // XXII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Ессентуки, Кисловодск: б. и., 2002. С. 101–102.

Новичихин А.М. Второй Натухаевский клад металлических изделий бронзового века и новые находки бронзовых серпов в Западном Закубанье // Историко-археологический альманах. Вып. 11 / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. Армавир; М.: Гранат, 2012. С. 4–11.

Сокольский И. Н. Таманский клад бронзовых орудий // СА. 1980. № 2. С. 144–150.

Тутаева И. Ж. Металлическое клинковое оружие эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья // IX Международная археологическая конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы» / Отв. ред. Е.В. Вдовченков. Ростов-на-Дону: Южный фед. ун-та, 2014а. С. 23–30.

Тутаева И.Ж. Металлические бритвы эпохи поздней бронзы Восточной Европы // Российский археологический ежегодник. № 4 / Гл. ред. Л.Б. Вишняцкий. СПб.: ИИМК РАН, 2014б. С. 178–193.

Черных Е.Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.: Наука, 1976. 304 с.

Черняков И. Т., Никитин В. И. Бандуркинский клад бронзового века из Южного Побужья // СА. 1984. № 2. С. 134-145.

Picchelauri K. Waffen der Bronzezeit auf Ost-Georgien. Espelkamp: Deutsches Archäologisches Institut, 1997 (Archäologie in Eurasien; Bd. 4). 205 p.

Информация об авторах:

Бочкарев Вадим Сергеевич, старший научный сотрудник отдела археологии Средней Азии и Кавказа, Институт истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург, Россия); старший преподаватель кафедры археологии, Институт истории, СПбГУ (г. Санкт-Петербург, Россия); bovad872@gmail.com

Климушина Александра Игоревна, младший научный сотрудник отдела археологии Средней Азии и Кавказа, Институт истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург, Россия); РГПУ им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург, Россия); elizavetaklim21@mail.ru

Тутаева Индира Жанатовна, научный сотрудник, Государственный Эрмитаж (г. Санкт-Петербург, Россия); stavridas.win56@yandex.ru

REFERENCES

Bochkarev, V. S. 1996. In Piotrovskiy, Yu. Yu (ed.). *Mezhdu Aziei i Evropoi. Kavkaz v IV–I tys. do n.e. (Between Asia and Europe. The Caucasus in 4th – 1st Millennium B.C.*). Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 96–97 (in Russian).

Bochkarev, V. S. 2017. In *Stratum Plus* (2), 159–204 (in Russian).

Bochkarev, V. S., Klimushina, A. I., Tutaeva, I. Zh. 2021. In Vdovchenkov, E. V. (ed.). *XVI Mezhdunarodnaya arkheologicheskaya konferentsiya studentov i aspirantov «Problemy arkheologii Vostochnoy Evropy i Vostochnogo Sredizemnomor'ya»: Materialy konf. (25–30 noyabrya 2021 g., Rostov-na-Donu) (XVI International archaeological conference of students and postgraduates "Issues of archaeology of the Eastern Europe and Eastern Mediterranean")*. Rostov-on-Don: Southern Federal University, 77–82 (in Russian).

Bochkarev, V. S., Klimushina, A. I., Kozhukhovskaya, Yu. V., Polevoda, V. A. 2022. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* (37), 52–60 (in Russian).

Bochkarev, V. S., Tutaeva, I. Zh. 2019. In *Stratum Plus* (2), 167–222 (in Russian).

Bratchenko, S. N. 1976. *Nizhnee Podon'e v epokhu sredney bronzy (Periodizatsiya i khronologiya pamyatnikov) (The Lower Don in the Middle Bronze Age (Periodization and chronology of sites)).* Kiev: "Naukova Dumka" Publ. (in Russian).

Vasiliev, I. B. 2015. In Turetskiy, M. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues on Archaeology of the Volga Region)* 5. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 4–48 (in Russian).

Gak, E. I., Kalmykov, A. A. 2009. In Morgunova, N. L. (ed.). *Problemy izucheniia kul'tur rannego bronzovogo veka stepnoi zony Vostochnoi Evropy (Issues of the Early Bronze Cultures studies in the Steppe Zone of Eastern Europe)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 104–119 (in Russian).

Dergachev, V. A. 2011. *Topory-kel'ty pozdney bronzy Karpato-Podunav'ya. (Socketed Axes of the Late Bronze Age from Carpathian-Danubian Region) Vol. 2.* Kishinev: "Tsentral'naya Tipografiya" Publ. (in Russian).

Dergachev, V. A., Bochkarev, V. S. 2002. *Metallicheskie serpy pozdney bronzy Vostochnoy Evropy (Metal sickles of the Late Bronze Age in Eastern Europe).* Kishinev: High Anthropological School University (in Russian).

Iessen, A. A. 1950. In Artamonov, M. I. (ed.). *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* XII. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of USSR, 157–200 (in Russian).

Kiyashko, A. V. 2020. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* (30), 207–222 (in Russian).

Klimushina, A. I. 2020 In Konochuk, K. V. (ed.) *Aktual'naia arkheologiia: kompleksnye issledovaniia v arkheologii (Current Archaeology: Comprehensive Studies in Archaeology*) 5. Saint Petersburg: "Nevskaya Tipografiya" Publ., 203–207 (in Russian).

Klochko, V. I., Kozymenko, A. V. 2017. *Drevniy metall Ukrainy (Ancient metal of Ukraine).* Kiev. (in Russian).

Kolotukhin, V. A. 2003. *Pozdniy bronzovyy vek Kryma* (*Late Bronze Age of Crimea)*. Kiev: "Sylos" Publ. (in Russian).

Korenevskiy, S. N. 1981. In Litvinskij, B. A. (ed.) *Kavkaz i Srednyaya Aziya v drevnosti i Srednevekov'e (Istoriya i kul'tura) (Caucasus and Central Asia in ancient times and the Middle Ages (History and culture)).* Moscow: "Nauka" Publ., 20–41 (in Russian).

Korenevskiy, S. N. 2011. *Drevneyshiy metall Predkavkaz'ya. Tipologiya. Istoriko-kul'turniy aspect (The earliest metal of the Northern cis-Caucasus. Typology. Historical and cultural aspect).* Moscow: "TAUS" Publ. (in Russian).

Korobkova, G. F. Shaposhnikova, O. G. 2005. *Poselenie Mikhaylovka – etalonnyy pamyatnik drevneyamnoy kul'tury (ekologiya, zhilishcha, orudiya truda, sistemy zhizneobespecheniya, proizvodstvennaya struktura) (Mikhailovka settlement is a reference monument of Pit Grave culture (ecology, dwellings, tools, life support system, production structure))*. Series: Trudy Instituta istorii material'noy kul'tury (Proceedings of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences) XX. Saint Petersburg: "Evropeyskiy dom" Publ. (in Russian).

Kuzminykh, S. V. 1981 In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Ob istoricheskikh pamiatnikakh po dolinam Kamy i Beloi (On the Historical Sites in Kama and Belaya River Valleys)*. Kazan: Language, Literature and History Institute named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 41–70 (in Russian).

Kuftin, B. A. 1949. *Arkheologicheskaya marshrutnaya ekspeditsiya 1945 goda v Yugo-Osetiyu i Imeretiyu (Archaeological route expedition in 1945 to South Ossetia and Imeretia).* Tbilisi: Academy of Sciences of the Georgian SSR. (in Russian).

Morgunova, N. L. 2014. *Priural'skaya gruppa pamyatnikov v sisteme volzhsko-ural'skogo varianta yamnoy kul'turno-istoricheskoy oblasti (The Cis-Urals group of sites in the system of the Volga-Ural type of the Pit Grave cultural and historical community).* Orenburg: Orenburg State Pedagogical University (in Russian).

Novichikhin, A. M. 1996. In *Istoricheskie zapiski: issledovaniya i materialy (Historical notes: research and materials)* (2), 86–89 (in Russian).

Novichikhin, A. M. 2002. In *XXII «Krupnovskie chteniya» po arkheologii Severnogo Kavkaza» (XXII Krupnov Readings on the Archaeology of the North Caucasus).* Esentuki; Kislovodsk, 101–102 (in Russian).

Novichikhin, A. M. 2012. In Munchaev, R. M. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskii al'manakh (Historical and Archaeological Almanac)* 11. Armavir; Moscow: "Granat" Publ., 4–11 (in Russian).

Sokolsky, I. N. 1980. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 144–150 (in Russian).

Tutaeva, I. Zh. 2014a. In Vdovchenkov, E. V. (ed.). *IX Mezhdunarodnaya arkheologicheskaya konferentsiya studentov i aspirantov «Problemy arkheologii Vostochnoy Evropy»* (*9th International Archaeological Conference of Students and Postgraduate Students* "*(Issues of Archaeology of Eastern Europe*"). Rostov on Don: Southern Federal University, 23–30 (in Russian).

Tutaeva, I. Zh. 2014. In Vishnyatsky, L. B. (ed.). *Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik (Russian Archaeological Yearbook)* 4. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 178–193 (in Russian).

Chernykh, E. N. 1976. *Drevniaia metalloobrabotka na Iugo-Zapade SSSR (Ancient Metalworking in the Southwest of the USSR).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Chernyakov, I. T., Nikitin, V. I. 1984. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 134–145 (in Russian).

Picchelauri, K. 1997. *Waffen der Bronzezeit auf Ost-Georgien*. Espelkamp: Deutsches Archäologisches Institut (Archäologie in Eurasien; Bd. 4) (in German).

About the Authors:

Bochkarev Vadim S. Institute of the History for Material Culture RSA; Dvortsovaya nab., 18A, Saint Petersburg, 191186, Russian Federation; Senior Lecturer, St. Petersburg State University, Universitetskaya nab., 7–9, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation; bovad872@gmail.com.

Klimushina Aleksandra I. Institute of the History for Material Culture RSA; Dvortsovaya nab., 18A, Saint Petersburg, 191186, Russian Federation; Herzen State Pedagogical University, emb. Moyki, 48, Saint Petersburg, 191186, Russian Federation; Elizavetaklim21@mail.ru.

Tutaeva Indira Zh. State Hermitage Museum; Dvortsovaya nab., 34, Saint Petersburg, 190000, Russian Federation; stavridas.win56@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2024 г.
Статья принята к публикации 01.10.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 904 (470)“08/09” https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.5.282.286

КЛАД АСТРАГАЛОВ ИЗ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЯ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛИНСКОЕ В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ[1]

©2024 г. В.Г. Зубарев, В.В. Майко, К.О. Маркова, М.Р. Могучева

В статье публикуется единственная для средневековой Таврики хазарского времени находка клада астрагалов. Обнаружен он был в 2022 г. на территории раннесредневекового поселения Белинское в северной части Керченского полуострова. Клад был зафиксирован в пределах жилого помещения и, согласно сопутствующему археологическому материалу, датируется серединой – второй половиной IX в. В небольшой ямке под полом сооружения было найдено 44 экземпляра астрагалов, 8 из которых имеют различные следы обработки и знаки граффити. В настоящее время исследователями признается многофункциональное назначение астрагалов и их применение в быту, в игровой и культовой практике. На основании характера находки и ее состава авторы склоняются к версии о ритуальной функции обнаруженного клада. Это расширяет наши представления о религиозном синкретизме Крымской Хазарии и сосуществовании на одном и том же поселении во второй половине IX в. и христианизированного, и языческого населения.

Ключевые слова: Керченский полуостров, салтово-маяцкая культура, поселение Белинское, клад астрагалов.

HOARD OF ASTRAGALUS FROM EXCAVATIONS AT THE OF SALTOVO-MAYAKI CULTURE BELINSKOYE SETTLEMENT IN THE EASTERN CRIMEA[2]

V. G. Zubarev, V. V. Maiko, K. O. Markova, M. R. Mogucheva

The article publishes the only of Khazar medieval Taurica find of hoard of astragalus. It was discovered in 2022 on the territory of the early medieval settlement Belinskoye in the northern part of the Kerch Peninsula. The hoard was recorded within the residential area and, according to the accompanying archaeological material, dates from the middle of the second half of the IX century. 44 specimens of astragalus were found in a small pit under the floor of the structure, 8 of which have various traces of processing and graffiti signs. Currently, researchers recognize the multifunctional purpose of astragalus and their use in everyday life, in gaming and cult practice. Based on the nature of the find and its composition, the authors are inclined to the version of the ritual function of the discovered hoard. This expands our ideas about the religious syncretism of Crimean Khazaria and coexistence on the same settlement in the second half of the IX century both the pagan and Christianized Inhabitants.

Keywords: Kerch Peninsula, Saltovo-Mayaki culture, Belinskoye settlement, hoard of astragalus.

Реконструкция таких специфических сторон жизни древнего населения, как игры и магически-ритуальные практики, справедливо считается одной из наиболее сложных и субъективных в современной науке. Важным археологическим источником для решения этого вопроса считались астрагалы (альчики), широко известные в материалах разных эпох на огромных территориях Евразии (Стрельник, Хомчик, Сорокіна, 2009, с. 34-49). Получение новых данных, а, тем более, находка клада, безусловно представляет определенный интерес.

В 2022 г. археологическая экспедиция Тульского Педагогического Университета под руководством В.Г. Зубарева проводила очередной сезон археологических раскопок городища и некрополя Белинское в северной части Керченского полуострова (рис. 1: 1). Археологический памятник датируется концом I – серединой V в., являясь важных звеном в системе обороны Боспорского

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта 22-28-00056 «Салтово-маяцкая культура западного и восточного Крыма. Общее и особенное».

[2] The research was financially supported by the Russian Sciences Foundation (РНФ), project 22-28-00056 "Saltovo-Mayaki culture of Western and Eastern Crimea. Common and peculiar

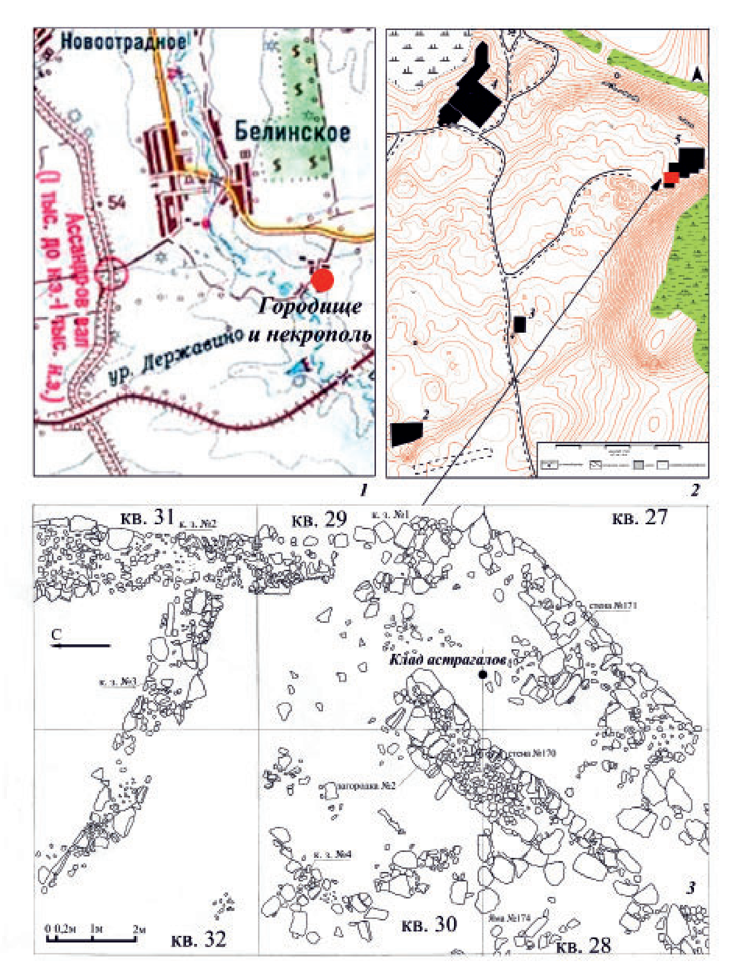

Рис. 1. Месторасположение городища Белинское и место находки клада астрагалов.
1 – месторасположение городища; 2 – месторасположение участка раскопок 2022 г. на раскопе «Восточный»;
3 – месторасположение находки клада.
Fig. 1. Location of the Belinskoye settlement and the site of discovery of hoard of astragalus.
1 – location of the settlement; 2 – location of the 2022 excavation site at «Vostochny» excavation;
3 – location of the hoard of astragalus.

царства. В VIII–IX вв. в восточной части античного городища возникает поселение салтово-маяцкой культуры, существующее до начала X в. С 2012 г. здесь ведутся работы на раскопе «Восточный» (рис. 1: 2). Именно здесь при разборе восточной бровки квадрата 29 на глубине 0,4 м от дневной поверхности, под каменным завалом № 2, в слое серого суглинка был обнаружен необработанный камень желтого ракушечника размером 0,1 х 0,09 х 0,006 м подпрямоугольной формы. Под камнем в ямке размером 0,25 х 0,2 м и глубиной до 0,06 м и был выявлен клад астрагалов МРС со следами обработки части из них в количестве 44 штук (рис. 2: 1). Клад находился внутри помещения образованного кладкой 171 и пристроенной к ней с северо-востока и юго-запада стенами, западная стена постройки не сохранилась (рис. 1: 3).

Для датировки клада решающее значение имел обнаруженный в этом же слое серого суглинка немногочисленный археологический материал. Он был представлен характерными для салтовского поселения фрагментами амфор причерноморского типа со слабо рифленым туловом, высокогорлых кувшинов с ленточными ручками, оранжевоглиняных ойнахой и кухонной посуды с линейным орнаментом. Венчики последней имели полусферический профиль, что характерно для поздней группы горшков. Исходя из этого, есть все основания датировать находку клада последней четвертью IX – началом X в.

Из общего числа астрагалов 36 не имели каких-либо следов обработки, восемь в той или иной степени были таковой подвергнуты. Первую группу образуют три изделия. На задней части двух из них прочерчены слабо

заметные две и три черточки (рис. 2: 6, 7), такие же черточки прочерчены на передней части третьего астрагала (рис. 2: 2). Диагональные линии (рис. 2: 4), образующие подобие сетки (рис. 2: 3) и лестницы (рис. 2: 5) отмечены еще на трех астрагалах. Это стандартные знаки для изделий, встреченных на салтово-маяцких памятниках Таврики. На одном астрагале есть сквозное отверстие (рис. 2: 8), а на последнем изделии два отверстия сочетаются с граффити в виде параллельных и вертикальных линий (рис. 2: 9). Только на этом изделии одна из боковых сторон носит слабые следы заглаживания.

Литература, посвященная типологии, функциональному назначению, роли в быту астрагалов у того или иного населения чрезвычайно многочисленна. Астрагалы салтово-маяцких памятников Таврики на примере городища на плато Тепсень и средневековой Сугдеи так же становились предметом специального изучения, что избавляет от повторений (Майко, 2004, с. 233-236; Майко, 2020, с. 125-126). Коротко напомним, что согласно одной из аргументированных версий, астрагалы с сильно заглаженными и подтесанными сторонами, имевшими вид прямоугольника, прежде всего могли использоваться для бытовых нужд, а именно для растирания красок, мела, глины для парадной посуды (Голофаст, Добровольская, 2018, с. 85, рис. 3, 3). Не исключено их использование и в качестве лощил (Красильников, 1979, с. 84). Примечательно, что в анализируемом кладе подобных астрагалов нет.

Специалисты неоднократно пытались выделить критерии для отнесения астрагалов к игровым изделиям. При этом выравнивание боковых сторон изделия так же рассматривалось в качестве такового, однако степень и характер «сточенности» должны быть иными. Безусловным критерием является наличие отверстий, залитых свинцом, позволяющих относить астрагал к категории битков. Показательные наборы подобных битков были найдены при раскопках синхронных аланских памятников Подонья (Аксёнов, 2020, с. 18-48). Так в подростковом погребении 1 катакомбы 39 Верхнесалтовского могильника было обнаружено 14 астрагалов, 13 из которых располагались в районе грудной клетки, а биток был положен возле руки (Аксьонов, 2019, с. 103-104). Подобный астрагал был обнаружен и в подростковом погребении 5 некрополя VIII-IX вв., расположенного между башнями Лукини ди Фиески ди Лавани и безымянной № 13 средневековой Сугдеи (Майко, 2020, с. 273, рис. 105, 9). На основании археологических и этнографических источников предприняты успешные попытки реконструкции правил игры и самих вариантов игр (Руденко, 2017, с. 28-29). Отметим, что в анализируемом кладе астрагалов битков, залитых свинцом, так же нет. В астрагале с двумя отверстиями (рис. 2: 9), который можно было бы рассматривать в таком качестве, в отверстиях нет никаких следов свинца.

Присутствие в астрагалах сквозных отверстий, по мнению специалистов свидетельствует об их использовании в качестве амулетов. Находки подобных изделий в погребальном инвентаре синхронных аланских памятников достаточно многочисленны (Аксёнов, 2020, с. 18-48). Не исключено, что подобную функцию могли выполнять и два астрагала из нашего клада.

Наибольший интерес вызывают, безусловно, знаки на астрагалах. Коротко напомним, что простейшие из них представлены множеством вариантов простых горизонтальных черточек, иногда с намечающимся изломом посередине. Реже, в сочетании с более или менее четко проведенной вертикальной линией. Совершенно не исключено, что часть из них является не более чем следами срезания с кости мяса. Отдельную более сложную группу образуют экземпляры с различного рода «лесенками» и «сетками» иногда в сочетании с горизонтальными линиями. Безусловно, эти знаки нанесены преднамеренно. Известна и еще более сложная система знаков в виде изображения квадратов и прямоугольников, с прочерченными диагоналями как одинарной, так и двойной линией, с добавлением к этому креста, делящего квадрат на четыре части, со сложным геометрическим узором и сеткой, заполненным точками, с прочерченными диагоналями на фоне горизонтальных линий. Согласно трассологических разработок, давно установлено, что орнамент на астрагалах нанесен в т.н. технике холодного прочерчивания, при котором орудие часто соскакивало с поверхности астрагала, оставляя фиксируемые достаточно часто штрихи (Красильников, 1979, с. 88–89). Намного реже встречены знаки, нанесенные раскаленным

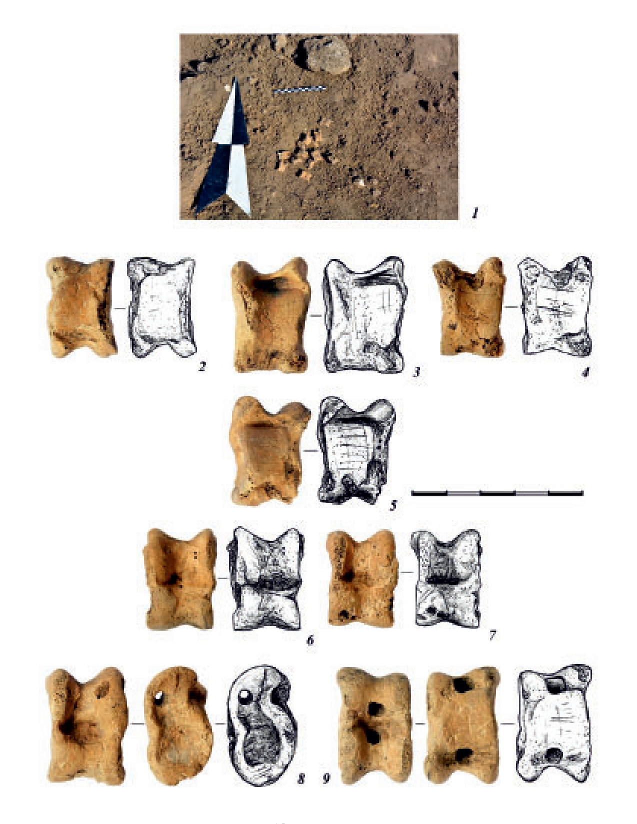

Рис. 2. Астрагалы из клада 2022 г. городища Белинское. 1 – общий вид зачистки клада астрагалов; 2-9 – астрагалы со следами обработки и граффити.
Fig. 2. Astragalus from the hoard of 2022, Belinskoye settlement. 1 – general view of cleaning of hoard of astragalus; 2-9 – astragalus with traces of processing and graffiti.

тонким предметом. Это, в основном, сложные композиции и тамгообразные знаки.

В настоящее время можно считать обоснованной точку зрения о связи основной массы знаков на астрагалах с символами, отражающими вертикальное и горизонтальное строение мира “мировое дерево” (Нахапетян, 1989, с. 78). В любом случае для нас важно, что орнаментированные астрагалы прежде всего использовались для религиозных ритуалов.

Для обоснования этого предположения интересно вспомнить клад астрагалов, обнаруженный в ходе раскопок Самосдельского городища, как и в нашем случае у стены дома в центральной части памятника. Несмотря на то, что хронологически клад более поздний, функция этого комплекса, по мнению исследователей, была, скорее всего, ритуальная. При этом до сокрытия отдельные астрагалы, объединенные затем в клад, могли выполнять и другие функции (Петровичева, 2021, с. 306–312).

Интересный клад астрагалов, правда, еще более позднего времени XIII-XIV вв. был обнаружен и в северо-западной части Болгарского городища на месте строительства котельной и трансформаторной подстанции Речного вокзала. Он связан с кузнечной мастерской и располагался за пределами постройки (Ситдиков, Валеев, Шакиров, 2011, с. 149). Не более, чем в качестве постановки вопроса, можно предположить, что функциональная принадлежность постройки и ее значимость для средневекового населения, могла, в данном случае, способствовать смене игровой функции астрагалов на ритуальную.

Таким образом, при распространении христианства на территории восточной Таврики в конце IX в. у местного тюркского праболгарского населения салтовской культуры сохраняются некоторые традиции прошлого, связанные с ритуальными или магическим (гадательными) практиками, в которых могли использоваться и астрагалы.

ЛИТЕРАТУРА

Аксьонов В.С. Астрагали з катакомбних поховань другої половини VIII — першої половини X ст. з могильника біля с. Верхній Салтів // Археологія. 2019. № 2. С. 103–113.

Аксёнов В.С. Бараньи астрагалы в погребальном обряде аланского населения Верхне-Салтовского археологического комплекса // Хазарский альманах. 2020. Т. 17. С. 18–48.

Голофаст Л.А., Добровольская Е.В. Изделия из кости из раскопок слоев хазарского времени Фанагории // Фанагория: Результаты археологических исследований. Материалы по археологии и истории Фанагории. Т. 7. Вып. 4 / Под ред. В.Д. Кузнецова, А.А. Завойкина. М.: ИА РАН, 2018. С. 77–90.

Красильников К.И. Изделия из кости салтовской культуры // СА. 1979. № 2. С. 77–91.

Майко В.В. Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму. Киев: Академпериодика, 2004. 316 с.

Майко В.В. Сугдея в конце VII – первой половине X века. Симферополь: Колорит, 2020. 312 с.

Нахапетян В.Е. О назначении знаков на астрагалах (салтово-маяцкая культура) // Ранние болгары в Восточной Европе / Отв. ред. А. Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1989. С. 73–89.

Петровичева Т.О. Интерпретация клада астрагалов XI-XII века с Самосдельского городища // Археология Евразийских степей. 2021. № 5. С. 306–312.

Руденко К.А. Игровая культура народов среднего Поволжья в эпоху Волжской Булгарии // Вестник КазГУКИ. 2017. № 3. С. 27–31.

Ситдиков А.Г., Валеев Р.Р., Шакиров З.Г. Археологические исследования в Болгаре и Свияжске в 2010 г. // Научный Татарстан. 2011. № 1. С. 146–152.

Стрельник М.О., Хомчик М.А., Сорокiна С.А. Гральнi кiстi (II тис. до н. е. — XIV ст. н. е.) з колекцiї нацiонального музею iсторiї України // Археологiя. 2009. № 2. С. 34–49.

Информация об авторах:

Зубарев Виктор Геннадьевич, доктор исторических наук, зав. кафедры, Тульский Государственный педагогический Университет им. Л.Н. Толстого (г. Тула, Россия); parosta@mail.ru

Майко Вадим Владиславович, доктор исторических наук, директор Институт археологии Крыма РАН; vadimmaiko1966@mail.ru

Маркова Кристина Олеговна, магистрант, Тульский Государственный педагогический Университет им. Л.Н. Толстого (г. Тула, Россия); markova.kristina.25@yandex.ru

Могучева Мария Романовна, магистрант, Тульский Государственный педагогический Университет им. Л.Н. Толстого (г. Тула, Россия); moguchevamr@mail.ru

REFERENCES

Aksenov, V. S. 2019. In Arkheologiya (Archaeology) (2), 103–113 (in Ukrainian).

Aksenov, V. S. 2020. In Khazarskiy al'manakh (*Khazar Almanac*) (17), 18–48 (in Russian).

Golofast, L. A., Dobrovolskaya, E. V. 2018. In Kuznetsov, V. D., Zavoikin, A. A. (eds.). Fanagoriya: Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy. Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii (Fanagoria: Results of archaeological research. Materials on the archaeology and history of Fanagoria) 7 (4). Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 77–90 (in Russian).

Krasil'nikov, K. I. 1979. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 77–91 (in Russian).

Maiko, V. V. 2004. Srednevekovoe gorodishche na plato Tepsen' v yugo-vostochnom Krymu (Medieval settlement on the Tepsen plateau in the Southeastern Crimea). Kiev: “Akademperiodika” Publ. (in Russian)

Maiko, V. V. 2020. Sugdeya v kontse VII – pervoy polovine X veka (Sugdea in the late 7th - first half of the 10th century). Simferopol: “Kolorit” Publ. (in Russian)

Nakhapetyan, V. E. 1989. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Rannie bolgary v Vostochnoy Evrope (The Early Bolgars in Eastern Europe).* Kazan: Institute for Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, *73–89* (in Russian).

Petrovicheva, T. O. 2021. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 306–312 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2017. In *Vestnik Kazanskogo Gosudarstvennogo Universiteta Kul'tury I Iskusstv (Bulletin of the Kazan State University of Culture and Arts) (*3), 27–31 (in Russian).

Sitdikov, A. G., Valeev, R. R., Shakirov, Z. G. 2011. In *Nauchny Tatarstan (Scientific Tatarstan)* (1), 146–152 (in Russian).

Strel'nik, M. O., Homchik, M. A., Sorokina, S. A. 2009. In Arkheologiya (Archaeology) (2), 34–49 (in Ukrainian).

About the Authors:

Zubarev Viktor G. Doctor of Historical Sciences, Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy. 125, Lenin Avenue, Tula, 300026, Russian Federation; parosta@mail.ru

Maiko Vadim V. Doctor of Historical Sciences, Institute of Archeology of Crimea, Russian Academy of Sciences. Academician Vernadsky Avenue, 2, Simferopol, 252007, Republic of Crimea, Russian Federation; vadimmaiko1966@mail.ru

Markova Kristina O. Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy. 125, Lenin Avenue, Tula, 300026, Russian Federation; markova.kristina.25@yandex.ru

Mogucheva Maria R. Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy. 125, Lenin Avenue, Tula, 300026, Russian Federation; moguchevamr@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2024 г.
Статья принята к публикации 01.10.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 623.11 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.5.287.296

О РАННЕЙ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ЛИНИИ БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА

© 2024 г. А.М. Губайдуллин, А.В. Беляев

В статье рассматриваются результаты археологических исследований ранних оборонительных сооружений на территории Болгарского городища. Приводится история открытия и изучения данных объектов фортификации, а также имеющиеся точки зрения на вопросы, связанные с интерпретациями различных элементов крепостного строительства, выявленных в результате раскопок оборонительных линий памятника. Отмечается важный вклад археолога Т.А. Хлебниковой, а также других ученых-исследователей, в обнаружении и изучении наиболее ранних укреплений, ограждавших город в X – нач. XI вв. В работе приводятся аналогии устройства крепостных рвов Болгара с более ранними укрепленными поселениями Подонья и Северного Причерноморья, что может свидетельствовать об истоках и сохранявшихся традициях в фортификации, а также военно-инженерных навыках принесенных булгарами в регион Среднего Поволжья.

Ключевые слова: археология, Волжская Булгария, Болгарское городище, фортификация, ранние оборонительные сооружения.

ABOUT THE EARLY DEFENSIVE LINE OF THE BOLGAR SETTLEMENT

A.M. Gubaidullin, A.V. Belyaev

The article discusses the results of archaeological studies of early defensive structures at the Bolgar settlement. The history of the discovery and study of these fortification sites is given, as well as various views on issues related to the interpretation of different elements of fortress construction, identified during excavations of the defensive lines of the site. The important contribution by archaeologist T.A. Khlebnikova, as well as other research scientists, in the discovery and study of the earliest fortifications, that protected the fortified settlement in the X – beginning of the XI century is noted. The paper provides analogies of the construction of the fosses of Bolgar with earlier fortified settlements of the Don and the Northern Black Sea regions, which may indicate the origins and preserved traditions in fortification, as well as military engineering skills brought by the Bolgars to the region of the Middle Volga region.

Keywords: archaeology, Volga Bolgaria, Bolgar settlement, fortification, early defensive structures.

Важным атрибутом городов и замков Средневековья были крепостные сооружения, включавшие валы, рвы, стены и башни, а также зачастую и различные дополнительные сооружения. Оборонительные постройки являлись элементом существенного структурообразования, определявшего архитектурный облик поселений, так как в первую очередь являлись их «визитной карточкой», внешним «лицом» укрепленного города (Раппопорт, 1965, с. 88). Также они определяли и внутреннюю структуру поселений. Это утверждение, несомненно, применимо и к памятникам Волжской Булгарии (Ситдиков, Бочаров, 2019, с. 32–40). Практически повсеместно оборонительные стены и башни булгарских городищ не дошли до нашего времени, т. к. при их постройке обычно использовались одни материалы – дерево и грунт, что не позволяло им сохраняться длительный период времени. Поэтому сейчас мы можем видеть только оплывшие валы и рвы разной степени сохранности. В некоторых случаях и сами оборонительные линии не сохранились из-за различного рода поздних воздействий и визуально обычно не фиксируются. В связи с этим для их поиска и изучения необходимы археологические раскопки.

В качестве примера можно привести Болгарское городище домонгольского времени, особенно его первой половины – X–XI вв. Изначально укрепленное поселение занимало подтреугольный мыс высотой около 30 м, который находится в северо-северо-восточной части современного памятника. Площадь памятника в то время занимала ок. 9 га. С юго-

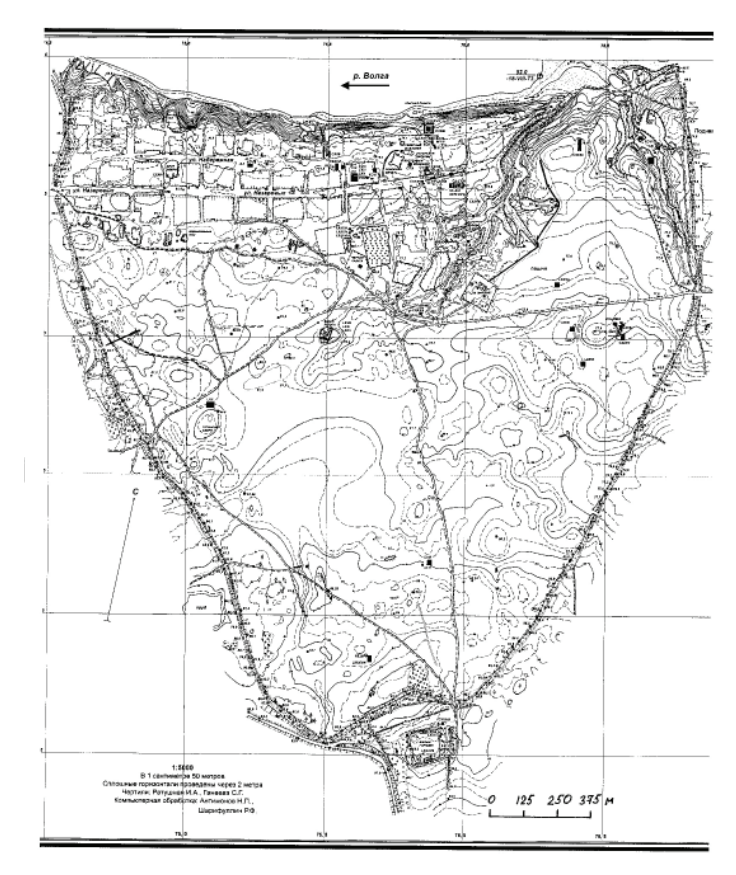

Рис. 1. План Болгарского городища.
Fig. 1. Plan of the Bolgar settlement.

востока городище ограничивалось Большим Иерусалимским оврагом, а в северной части – северным краем коренной террасы высотой до 30 м. С напольной западной стороны же существовали оборонительные сооружения (рис. 1).

Первоначально ранние оборонительные линии памятника стали изучаться Т.А. Хлебниковой еще со 2-й пол. 60-х гг. прошлого века. Они были выявлены в 1967 г. раскопом XVI. На территории северо-восточной части от Успенской церкви были вскрыты две линии рвов, между которыми находилась площадка шириной 8 м. Кроме того, в процессе раскопок выявились и следы от частокола, который Т.А. Хлебникова датировала временем не позже нач. X в. Как считала исследователь, в южной части рвы ограничивались отрогом Большого Иерусалимского оврага, а в северной – краем волжской террасы. Заполнение западного рва в нижней части состояло из домонгольского V слоя, а в верхней – из раннезолотоордынского слоя (IVр). Ширина и глубина оборонительных рвов была различной: восточный имел ширину ок. 7 м и глубину 280 см от кровли материка; западный, смещенный позже в напольную сторону, 540 и 240 см соответственно. Кроме того, в восточном рву была выявлена и дренажная канавка, а также следы от вертикальных кольев, установленных вдоль рва. Как считала Т.А. Хлебникова, эти оборонительные рвы перестали использоваться по назначению еще в домонгольский период. По мнению исследователя, данные укрепления не имели отношения к т. н. «замошному валу» («малому окопу») (Хлебникова, Ледяйкин, 1967, с. 14–15; Хлебникова, 1974, с. 19). Нужно отметить, что синхронно существовать оба рва не могли, т. к. их соединение в северной части вызывает вопросы. В случае одновременного их применения для защиты поселения они должны были находиться параллельно друг другу. Скорее всего, еще в X в. оборонительный ров по каким-то причинам был передвинут в западную сторону для увеличения территории городища.

По мнению Т.А. Хлебниковой, восточный ров имел три периода функционирования. В первый период он имел ширину ок. 6 м и глубину ок. 2,5 м. В последующем после

смещения линии на 1,5 м к западу он был расширен до 9 м. Его внутренний склон-эскарп стал более пологим, чем внешний. В третий же период строительства его ширина стала достигать 10 м при сохранившейся глубине. В это время более увеличилась и асимметрия его отлогостей-склонов (т. н. «заложение»). Контрэскарп делается почти вдвое круче эскарпа (Хлебникова, 1974, с. 19, 21). В связи с этим можно отнести его форму к т. н. «пуническому рву», происходящему еще из Античности. Крепостные рвы такой формы строились для затруднения спуска в ров для штурмующего противника и, соответственно, препятствовали его быстрому преодолению. Создание же более пологого внутреннего склона-эскарпа позволяло иметь открытым для обстрела его дно. Такое устройство использовалось и на городищах Подонья, находившегося в составе Хазарского каганата в VIII–X вв., например на укрепленных поселениях Сидорово и Сухая Гомольша (Михеев, 1985, рис. 3–4,8).

Т.А. Хлебниковой были отмечены и пласты желтого суглинка с внутренней стороны рва, которые имели мощность 40–50 см. По мнению исследователя, они «могут быть истолкованы как остатки срытого вала, который, вероятно, входил в систему укреплений города» (Хлебникова, 1974, с. 21), что также было зафиксировано позже и на другом участке оборонительной линии. Т.А. Хлебникова проследила и остатки крепостных стен вдоль рва в виде ям от столбов. Они располагались друг от друга на 1,8–2 м, а их диаметр составлял от 40 до 70 см. Как считала Т.А. Хлебникова, это были следы от конструкции, представлявшей собой вертикально установленные бревна, между которыми находились горизонтальные, крепившиеся в пазы столбов (Хлебникова, 1974, с. 21). Судя по всему, это были остатки одного из ранних типов оборонительных сооружений в виде столбовой конструкции. Начало ее применения относится еще ко времени, предшествующему раннему Средневековью, по меньшей мере к раннему железному веку. Однако такой универсальный тип оборонительных стен широко применялся и в более поздние времена, например, как в случае с Болгарским городищем, где он датируется X в.

В 1972 г. Т.А. Хлебниковой было выявлено продолжение внутреннего (восточного) рва, но только на уровне материка, представлявшего суглинок (рис. 2). Траншея выявила размеры этого фортификационного объекта: ширина 4,3–4,4 м, а глубина 2,8 м. Данный ров также имел треугольный профиль, который был построен в самый ранний период основания города, т. е. еще в начале образования культурных напластований (Хлебникова, 1973, с. 21). К финалу домонгольского периода он уже не использовался и был почти полностью заполнен. Здесь же исследователь проследила следы от кольев, которые проходили по внешнему склону (контрэскарпу) оборонительного рва. В его нижней части, ближе ко дну, были найдены фрагменты салтово-маяцкой керамики, состоящей из шамотного теста, датирующейся концом IX – нач. X вв. Кроме того, здесь обнаружились стеклянные бусы и железный наконечник стрелы раннего времени, т. е. времени основания булгарами укрепленного поселения (Хлебникова, 1973, с. 22) (рис. 3). В процессе вскрытия рва выявилась и дренажная канавка, чье присутствие является показателем некоторой архаичности в плане ее происхождения и применения, т. е. она появляется еще во времена поздней Античности на памятниках Северного Причерноморья (Буйских, 1981), а также на салтовских укрепленных поселениях, что отсылает нас к истокам булгарской фортификации. Например, дренажная канавка была выявлена Э.Е. Кравченко во время исследований городища Сидорово в Подонье (Кравченко, 2020, рис. 77–78).

При помощи раскопа XLVI Т.А. Хлебникова пыталась определить размер промежутка между двумя рвами (Хлебникова, 1973, с. 21). В ходе исследований был выявлен склон естественного оврага, который, возможно, был включен в оборонительную систему раннего города. Нужно отметить, что еще в 1765 г. подполковник А.И. Свечин отмечал два рва при описании городища (Борисов, 1898, с. 574). По-видимому, один из них относился к внутренней восточной линии обороны, чей след в наше время уже не заметен визуально. Здесь еще раз представлен один из примеров использования рельефа местности в военно-инженерной науке Волжской Булгарии.

В свою очередь, Ю.А. Краснов отмечал, что во время основания города для его обороноспособности были использованы и особенности рельефа местности. Это высо-

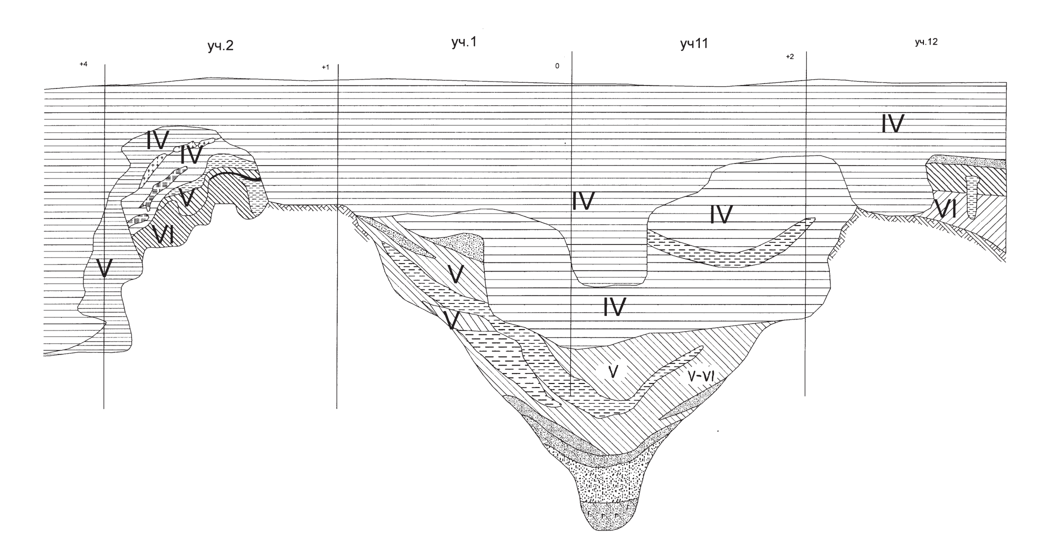
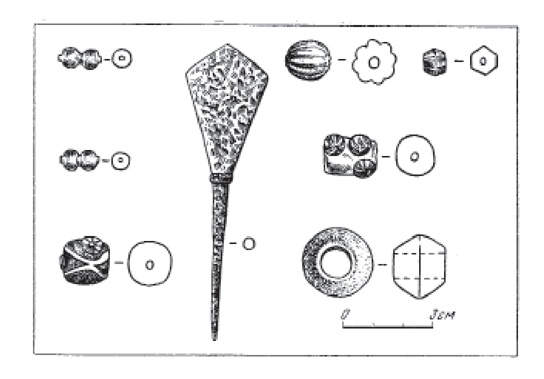

Рис. 2. Болгарское городище. Профиль рва X в. Раскоп 1972 г. (XLI) (по Т.А. Хлебниковой).
Fig. 2. Bolgar settlement. The profile of the fosse of the 10th century. 1972 Excavation (XLI) (by T.A. Khlebnikova).

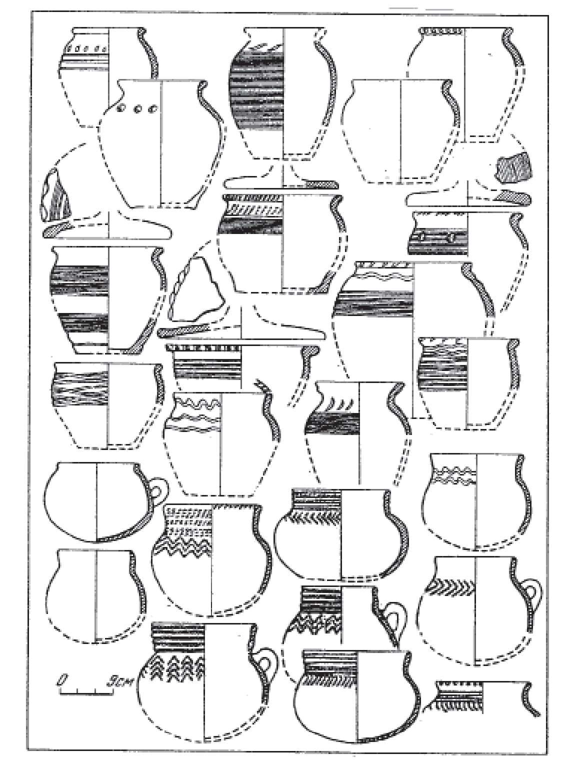

Рис. 3. Датирующие находки и образцы керамики слоя VI, включая археологический материал из раскопа XLI (по Т.А. Хлебниковой).
Fig. 3. Dating finds and ceramic samples of layer VI, including archaeological material from excavation XLI (by T.A. Khlebnikova).

кая волжская терраса и Большой Иерусалимский овраг (Краснов, 1987, с. 104). К этому нужно добавить и р. Меленку, протекавшую в то время вдоль подножия обрыва р. Волги, чьи берега уже в то время были заболочены. Ранее существовала и точка зрения о возможности затопления этой территории при помощи плотины, остатки которой были выявлены еще в 1952 г. (Хованская, 1958; Краснов, 1987, с. 104).

Уже в наше время было определено, что ров X в. не подходил к Большому Иерусалимскому оврагу. Как оказалось, он делал поворот в восточную сторону и шел вдоль этого природного препятствия на отдалении в 60–70 м. Об этом свидетельствуют как результаты геофизических исследований, так и ареал распространения раннедомонгольского слоя (VI слой) (рис. 4). В данном случае в очередной раз виден специальный расчет в оборонительных мероприятиях, применявшихся еще в раннее время. Такой фортификационный прием использовался и гораздо позже. Например, при устройстве т. н. «длинных валов» в Русском государстве в XVII – нач. XVIII вв., которые входили в засечные линии, созданные для противодействия нападению кочевников. Так, Черемшанская линия в Закамье была устроена в нескольких десятках метров

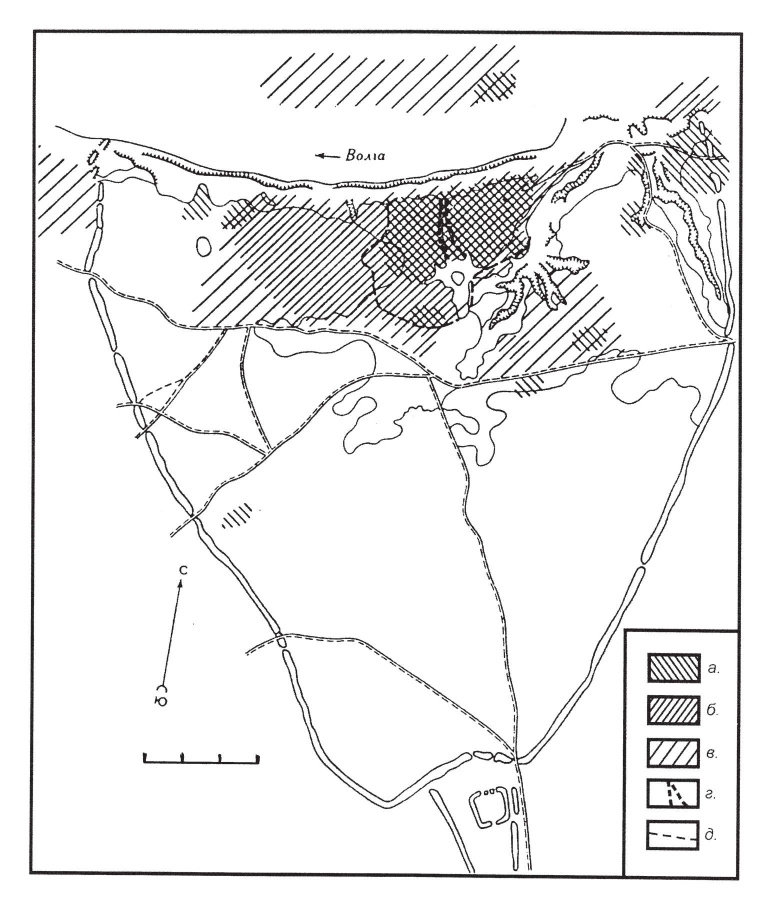

Рис. 4. Болгарское городище (по Т.А. Хлебниковой): а – территория распространения VI слоя; б – территория распространения V слоя; в – территория распространения IVр слоя; г – линии укреплений X века; д – линия укреплений XII – нач. XIII века.

Fig. 4. Bolgar settlement (by T.A. Khlebnikova): a – distribution area of the VI layer; б – distribution area of the V layer; в –distribution area of the IVр layer; г – lines of fortifications of the X century; д – line of fortifications of the XII – beginning of the XIII century.

вглубь от края высокой коренной террасы (Губайдуллин, Измайлов, 2011, с. 56–65).

В дополнение нужно отметить, что при решении вопроса о границах раннего посада Болгарского городища Т.А. Хлебникова предполагала и существование третьей линии обороны, которая могла находиться западнее в напольную сторону (Хлебникова, 1974, с. 21). Это может быть верным, если считать, что посад города был также защищен искусственными укреплениями. Однако мы бы пока не стали этого утверждать ввиду отсутствия конкретных данных.

Затем около двух десятилетий внимание исследователей было в основном обращено на изучение других объектов, расположенных на территории Болгарского городища и его округи. Только в 90-х гг. XX в. продолжились археологические исследования этих оборонительных объектов. Так, на различных участках вскрывалась первая внутренняя линия крепостного рва. Она была выявлена на раскопах CXXIII, CXXV, CXXVI, CXXVII и CXXXI. Раскопом же CXXXI этот ров изучался специально (Губайдуллин, 2002, с. 88–89). Как и на других раскопах, данный оборонительный объект был выявлен только на уровне кровли материка. На уровне выявления он представлял собой полосу темно-коричневой супеси шириной 360–380 см. Во время вскрытия выяснилось, что это слой раннезолотоордынского времени, которым окончательно были засыпаны остатки данного объекта фортификации. Ниже его были прослежены слои домонгольского времени в виде засыпей, представлявших собой серую и светло-коричневую супеси, отличавшиеся относительной плотностью, а дно оборонительного рва выявилось на глубине 170–190 см от материковой поверхности (320 см от современного дневного уровня). Здесь фиксировались остатки дренажной канавки, а также следы его ремонта (ремонтов?).

В свою очередь, вдоль по внутреннему склону рва были прослежены возможные следы от столбовых ямок. Их диаметр ок. 15 см, они представляли собой пятна серого гумусированного суглинка. К чему их можно отнести – вопрос открытый, не исключено, однако, что они являлись следами от крепежа эскарпа. Здесь виден некоторый ранний прообраз т. н. «анкерной сети». Следов же каких-либо других конструкций не было выявлено, т. к. ранние напластования данной территории,

входящей в центральную часть памятника, оказались переработаны перекопами в золотоордынское время. Таким образом, снова удалось проследить раннюю оборонительную линию памятника и его фортификационные особенности.

В 80-х гг. XX в. раскопами LXVIII и XCIII были выявлены следы от деревянной ограды, состоявшей из крупных столбов, которые служили в качестве вертикальных перевязок для горизонтальных бревен. Их остатки вскрывались на хозяйственном дворе Болгарского заповедника, располагавшегося ранее в северо-восточной части городища. Как считала Т.А. Хлебникова, возникновение этой постройки связано с начальным периодом образования VI домонгольского слоя (Хлебникова, 1987, с. 49–50). Ее следы в процессе раскопок выявились в виде светло-бурой полосы шириной 0,3–0,4 м и пятнами столбовых ямок в ней (раскоп CXXVII) (рис. 5). Это сооружение шло с внутренней стороны от оборонительного рва и находилось от него примерно в 15 м. Судя по стратиграфии, оно существовало в X–XI вв. и, соответственно, подвергалось ремонту (Кавеев, 1998).

Если ранние линии укреплений исследовались вместе с другими задачами, то в 2000 г. и позже они стали изучаться целенаправленно (Губайдуллин, 2004, с. 51–53). Так раскопами CXXXVII и CXLI их исследование было продолжено. На первом участке выявленный оборонительный ров имел в верхней части ширину только 2,8 м. Однако данные размеры не соответствовали первоначальным ввиду того, что по верху они оказались существенно переработаны в последующее время. И это не было исключением, т. к. в северной и северо-восточной частях городища такая картина во время раскопок прослеживается повсеместно. Как отмечал Ю.А. Краснов, верхние края рвов были срезаны уже в золотоордынское время (Краснов, 1987, с. 101). В нашем же случае они были срыты уже во вторую половину домонгольского периода, что подтверждается стратиграфически. Об этом можно судить по домонгольскому слою V, чьи напластования в виде серой супеси и суглинка перекрывали оборонительный ров, в нижней части которого заполнение датировалось X – нач. XI вв. (рис. 6).

Как и на предыдущих раскопах, данный оборонительный объект был треугольной в

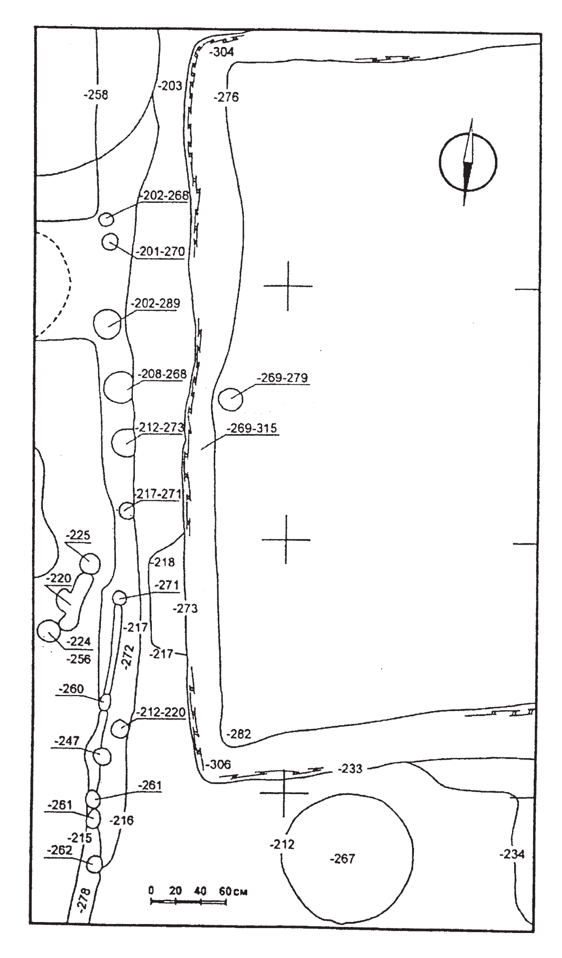

Рис. 5. Следы от цитадели X в. на Болгарском городище. Раскоп CXXVII (по М.М. Кавееву)

Fig. 5. Traces of the citadel of the X century at the Bolgar settlement. Excavation CXXIII (by M.M. Kaveev).

профиле формы и имел дренажную канавку в нижней части. Заложение[1] его было различным, так внутренний склон имел крутизну в 45–50 градусов, а внешний склон – более 60. Ранее нами уже отмечался этот прием в строительстве в виде варианта «пунического рва», что в очередной раз проводит параллели с более ранней фортификацией, например Северного Причерноморья позднеантичного времени (Буйских, 1991, рис. 35-2). Кроме этого, на обоих склонах рва были выявлены небольшие уступы, имевшие ширину от 0,3 до 0,5 м, что было зафиксировано ранее и на раскопе XLI (Краснов, 1987, рис. 10). Так как данный ров был в скором времени засыпан, можно предположить, что это произошло вследствие увеличения площади города в западную сторону.

Полученная в ходе исследований стратиграфическая картина позволила приблизительно определить первоначальную ширину рва. Она была ок. 4 или более метров, а глуби-

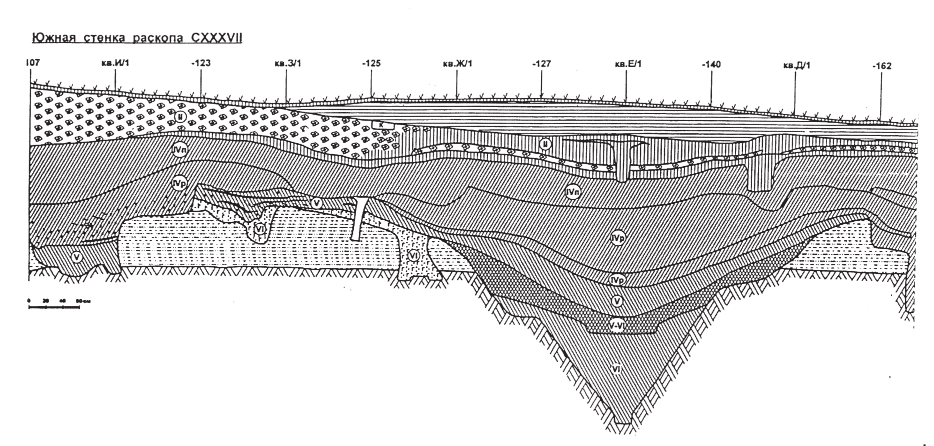

Рис. 6. Профиль оборонительной линии X в. Болгарского городища (р. CXXXVII): II слой – конец XVI–XIX; IVп – позднезолотоордынский слой; IVр – раннезолотоордынский слой; V – слой XI – нач. XIII вв.; VI – слой рубежа IX-X – нач. XI вв.

Fig. 6. Profile of the defensive line of the X century. Bolgar settlement (p. CXXXVII): layer II– the end of the XVI–XIX century; IVp – the late Golden Horde layer; IVp – the early Golden Horde layer; V – layer of the XI – the beginning of the XIII century; VI – layer of the turn of the IX-X – the beginning.

ной минимум 2,5 м. Судя по его размерам, треугольной форме и составу грунта, в котором он был выкопан, ров никогда не заполнялся водой и не предназначался для этого. Обычно только широкие рвы трапециевидной в профиле формы иногда служили для этого, но также довольно нечасто. Для этого необходимо сочетание нескольких условий: например, значительная ширина, соответствующий водонепроницаемый грунт, месторасположение оборонительного объекта и др. На раскопе CXXXVII в процессе работ удалось выявить и остатки незначительного по размерам крепостного вала, располагавшегося непосредственно за рвом. Он представлял собой массив желто-красного суглинка мощностью до 0,73 м и сохранившейся шириной свыше 5 м, который покоился на слое аллювиального песка. Остатки данного вала также фиксировались и на некоторых других исследованных участках территории Болгара (Краснов, 1987, с. 103–104). Дату его строительства точно установить пока не представляется возможным. Однако нужно отметить, что под ним не было выявлено следов погребенной почвы, которая, по-видимому, была срезана во время нивелировки поверхности, произведенной непосредственно перед строительством оборонительной линии. Это соответствовало начальному этапу возникновения укрепленного поселения, значит, можно датировать возведение вала временем основания Болгарского городища в нач. X в.

В свою очередь, вдоль внутренней отлогости рва по его берме[2] был обнаружен ряд небольших столбовых ямок, расположенных по линии его направления. Их заглубление в материк составляло 0,1–0,15 м. Предположительно, их можно интерпретировать в качестве остатков кольев от плетня, который, в свою очередь, служил в качестве крепежа внешней отлогости оборонительной насыпи. Удалось зафиксировать и какие-то остатки надвальных конструкций в виде двух столбовых ям диаметром 0,3 и 0,7 м. Также продолжилось исследование остатков «цитадели» X–XI вв. В раскопе CXLI на глубине ок. 155–160 см были выявлены ее остатки в виде полосы из темно-серой гумусированной супеси, имевшей ширину 0,3 м и глубиной от уровня выявления до 40 см. Внутри него были зафиксированы столбовые ямы диаметром 0,2–0,3 м, являвшиеся следами от вертикальных бревен-связок. Во время вскрытия раскопа выявился упомянутый выше слой древесной трухи толщиной до 7 см. Не исключено, что он являлся следами от строительства данной стены или ее ремонта в раннее домонгольское время. В данном случае видна аналогия с результатами предыдущих исследований, характеризующих данную конструкцию и ее тип (Кавеев, Полубояринова, Старостин, Хлебникова, Шарифуллин, 1988, с. 66–67; Кавеев, 2002, с. 177–181). Таким образом, весь комплекс полученных данных может позволить нам реконструировать этот объект как деревянную крепостную стену,

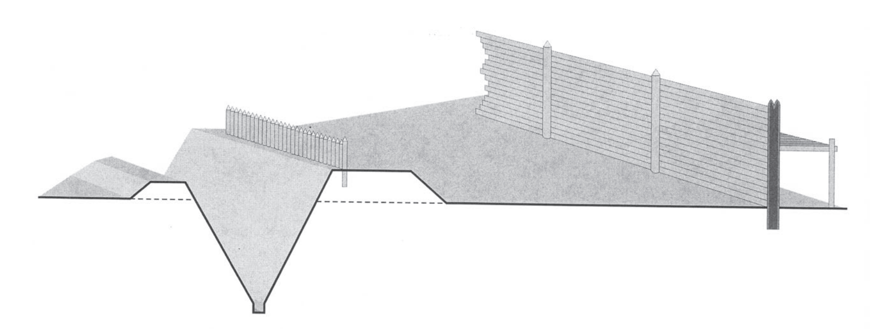

Рис. 7. Вариант реконструкции оборонительной линии X в. Болгарского городища.
Fig. 7. Variant of reconstruction of the defensive line of the 10th century, Bolgar settlement.

построенную в виде столбовых конструкций. Нам сложно дать ей точную интерпретацию, все же выявление ее на протяжении уже более чем на 50 м может свидетельствовать о существовании здесь в то время крепостной стены (рис. 7). Насколько же ее можно отнести к т. н. «цитадели города» – вопрос открытый. Построенная в X в. оборонительная линия (линии) являлась довольно серьезной преградой против нападения противника. По крайней мере для того хронологического периода и соответствующего уровня развития осадного и оборонительного искусства было достаточно.

Исходя из правил строительства фортификационных сооружений, существовавших на протяжении тысячелетий и относящихся к государственным образованиям, оборонительные линии не строились прямолинейно. Они должны были иметь извилистую форму начертания, состоявшую из входящих и сходящих углов, что облегчало обстрел прилегавшей к укреплениям местности-эспланады. По нашим наблюдениям и данным археологии, направление этих линий на Болгарском городище не являлось прямым. По всей видимости, они представляли собой ломаную форму, которая состояла из т. н. «исходящих углов», что свидетельствует о проведенных основательных оборонительных мероприятиях и довольно высоком уровне развития булгарского военно-оборонительного дела, в том числе и предварительной рекогносцировке уже в тот ранний период времени.

Данные объекты нельзя относить к простым крепостным сооружениям ввиду того, что понятие «простое» не всегда применимо. Необходимо учитывать уровень развития военного дела в целом и осадного искусства в частности применимо к конкретному времени и региону. Также и комбинация рвов, вала, стены и «цитадели» не относится к простым сооружениям, а их функции довольно сложны. Даже несмотря на отсутствие таких узлов обороны, как крепостные башни, вся эта система по тем временам и в конкретном регионе могла представлять собой серьезную оборонительную силу. Таким образом, первые крепостные сооружения были созданы в начале X в., сопровождая основание раннего города. И это не случайно, что такой значительный торгово-административный центр, занимавший выгодное географическое положение, в тот хронологический период имел и соответствующую его статусу фортификацию.

Следы раннего заплывшего рва сохранялись еще длительное время после увеличения укрепленной части города в домонгольское время. Об этом мы можем судить по наблюдениям в процессе проводимых археологических раскопок. Возможно, его остатки могли использоваться для дренажа городской территории. Только в конце XIII в. произошла почти полная нивелировка поверхности.

Примечания:

[1] Заложение – горизонтальное расстояние между вершиной и подошвой всякой отлогости.

[2] Берма – узкий уступ между валом и рвом, предохранявший оборонительную насыпь от осыпания в ров. При относительно большой ширине могла использоваться также и в качестве дорожки для патрулирования.

ЛИТЕРАТУРА

Борисов В.Л. Описание развалин города Булгара подполковником Свечиным в 1765 г. // ИОАИЭ. 1898. Т. XIV. Вып. 5. С. 572–576.

Буйских С.Б. Фортификация Ольвийского государства (первые века нашей эры). Киев: Наукова думка, 1981. 160 с.

Губайдуллин А.М. Фортификация городищ Волжской Булгарии. Казань: Институт истории АН РТ, 2002. 232 с.

Губайдуллин А.М. Булгарские оборонительные сооружения X в. // Древность и средневековье Волго-Камья. Материалы Третьих Халиковских чтений / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Институт истории АН РТ, 2004. С. 51–53.

Губайдуллин А.М. Фортификационный словарь. Казань: Институт истории АН РТ, 2006. 144 с.

Губайдуллин А.М., Измайлов И.Л. «Длинные валы» в Волго-Камье: археологические исследования и историческая интерпретация // Урало-Поволжье в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции V Халиковские чтения «Урало-Поволжье в древности и средневековье», посвященной 80-летию со дня рождения А.Х. Халикова (27–30 мая 2009 г., Казань) / Археология евразийских степей. Вып. 11 / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Фолиант, 2011. С. 56–65.

Кавеев М.М., Полубояринова М.Д., Старостин П.Н., Хлебникова Т.А., Шарифуллин Р.Ф. Отражение монгольского нашествия в напластованиях Болгара // Волжская Булгария и монгольское нашествие / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. С. 58–71.

Кавеев М.М. Отчет об исследовании Болгарского городища на раскопе CXXVII. Казань, 1998. Док. Фонд БГИАМЗ. Инв. № 757–6/112.

Кавеев М.М. Некоторые дополнения к исторической топографии города Болгара // Проблемы древней и средневековой истории Среднего Поволжья. Материалы Вторых Халиковских чтений / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Институт истории АН РТ, 2002. С. 177–181.

Кравченко Э.Е. Сидоровский археологический комплекс на р. Северский Донец // Археология Евразийских степей. 2020. № 4. 344 с.

Краснов Ю.А. Оборонительные сооружения города Болгара // Город Болгар. Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г.А. Федоров–Давыдов. М.: Наука, 1987. С. 99–123.

Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков: Вища школа, 1985. 148 с.

Раппопорт П.А. Древние русские крепости. М.: Наука, 1965. 88 с.

Ситдиков А.Г., Бочаров С.Г. Объект всемирного культурного наследия город Болгар и его вклад в тюркскую цивилизацию // Археология Казахстана. 2019. № 4 (6). С. 32–40.

Толегенов А.К., Раздыков С. З. История исследования керамических изделий средневекового городища Кастек // Вестник ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение 2022. Т. 138 (1), 109–125. https://doi.org/10.32523/2616-7255-2022-138-1-109-125.

Хлебникова Т.А. Отчет о работах на раскопках XLI в 1972 г. на городище «Великие Болгары». Казань, 1973. 22 с.// Архив ИА РАН. Р–I. № 4719.

Хлебникова Т.А. Исследования центра города Болгара в 1964–1970 гг. // Города Поволжья в средние века / Отв. ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров–Давыдов. М.: Наука, 1974. С. 18–23.

Хлебникова Т.А. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия, топография // Город Болгар. Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г.А. Федоров–Давыдов. М.: Наука, 1987. С. 32–88.

Хлебникова Т.А., Ледяйкин В.И. Отчет Болгарского отряда ПАЭ – 1967. р. XVI. М., 1967. 15 с. // Архив ИА РАН. Р-I. № 3480.

Хованская О.С. Оборонительная система города Болгара // МИА № 61 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.; Л.: АН СССР, 1958. С. 316–329.

Информация об авторах:

Губайдуллин Айрат Маратович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова, Академия наук Республики Татарстан (г. Казань, Россия); airg_g@mail.ru

Беляев Александр Владимирович, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова, Академия наук Республики Татарстан (г. Казань, Россия); bav986@yandex.ru

REFERENCES

Borisov, V. L. 1898. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* Vol. XIV, no 5, 572–576 (in Russian).

Buiskikh, S. B. 1991. *Fortifikatsiia Ol'viiskogo gosudarstva (pervye veka nashei ery) (Fortification of the Olbian State: First Centuries AD)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Gubaidullin, A. M. 2002. *Fortifikatsiia gorodishch Volzhskoi Bulgarii (Fortification of hillforts and towns in Volga Bolgaria)*. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Gubaidullin A. M. 2004. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Drevnost' i srednevekov'e Volgo-Kam'ia. Materialy III Khalikovskikh chtenii (Antiquity and Middle Ages of the Volga-Kama Region. Proceedings of the III Khalikov Readings)*. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences, 51–53 (in Russian).

Gubaidullin A. M. 2006. *Fortifikatsionnyi slovar' (Dictionary of Fortification)*. Kazan: Mardjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).

Gubaidullin, A. M., Izmailov, I. L. 2011. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Uralo-Povolzh'e v drevnosti i srednevekov'e. V Khalikovskie chteniia (Ural and Volga Area in Antiquity and Middle Ages: 5th Khalikov Readings).* Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 11. Kazan: "Foliant" Publ., 56–65 (in Russian).

Kaveev, M. M., Poluboiarinova, M. D., Starostin, P. N., Khebnikova, T. A., Sharifullin, R. F. 1988. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Volzhskaia Bulgariia i mongolskoe nashestvie (Volga Bolgaria and the Mongol Invasion).* Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 58–71 (in Russian).

Kaveev, M. M. 1998. *Otchet ob issledovanii Bolgarskogo gorodishcha na raskope CXXVII (Report on the study of the Bolgar settlement at the excavation XXVII).* Kazan. Documentary Fund of the Bolgar Historical and Architectural Museum and Preservation Area. Inv. no. 757–6/112 (in Russian).

Kaveev, M. M. 2002. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Problemy drevney i srednevekovoy istorii Srednego Povolzh'ya (Issues of ancient and medieval history of the Middle Volga region).* Kazan: Institute for History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 177–181 (in Russian).

Kravchenko, E. E. 2020. *Sidorovskii arkheologicheskii kompleks na r. Severskii Donets (Sidorovsky Archaeological Complex on the Seversky Donets River).* Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 4 (in Russian).

Krasnov, Yu. A. 1987. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (City of Bolgar. Essays on History and Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 99–123 (in Russian).

Mikheev, V. K. 1985. *Podon'e v sostave Khazarskogo kaganata (Don region as part of the Khazar Khaganate).* Kharkov: "Vishcha shkola" Publ. (in Russian).

Rappoport, P. A. 1965. *Drevnie russkie kreposti (Ancient Russian Fortresses).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Sitdikov, A. G., Bocharov, S. G. 2019. In *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)* 4 (6), 32–40 (in Russian).

Tulegenov A. K., Razdykov, S. Z. 2022. In *Vestnik ENU im. L.N. Gumileva. Seriya: Istoricheskie nauki. Filosofiya. Religiovedenie (Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National University. Historical Sciences. Philosophy. Religious Studies)*, 138(1), 109–125 (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1973. Otchet o rabotakh na raskopkakh XLI v 1972 g. na gorodishche «Velikie Bolgary» (Report on the XLI excavations in 1972 at the settlement "Great Bulgarians"). Kazan. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, inv. R-1, dossier 4719 (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1974. In Smirnov, A. P., Fedorov-Davydov, G. A. (eds.). *Goroda Povolzh'ia v srednie veka (Cities of the Volga Region in the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 18–23 (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1987. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (City of Bolgar. Essays on History and Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 32–88 (in Russian).

Khlebnikova, T. A., Ledyaikin, V. I. 1967. *Otchet Bolgarskogo otryada PAE 1967 g. (Report of Bolgar Detachment of Volga River Archaeological Expedition 1967).* Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, inv. R-1, dossier 3480 (in Russian).

Khovanskaya, O. S. 1958. In Smirnov, A. P. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 61. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 316–329 (in Russian).

About the Authors:

Gubaidullin Airat M., Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; airg_g@mail.ru

Belyaev Aleksandr V., Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; bav986@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2024 г.
Статья принята к публикации 01.10.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 737/740.41/ «14» https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.5.297.300

КЛАД БУЛГАРСКИХ МОНЕТ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XV В. ИЗ ФОНДОВ ГИМ

©2024 г. А.И. Бугарчев, С.В. Ушакова

В статье разбирается один из разделов монет из клада первой трети XV в., хранящегося в Государственном Историческом музее. Монеты разделены на 11 блоков, в зависимости от типа. Больше всего выявлено экземпляров с именем Мухаммада – 437 единиц. Монетный двор Булгар указан на 502 дирхамах, ещё 4 относятся к Орде. Булгарские монеты с изображением трёхногой тамги разделены на две части – 8 и 89 экземпляров соответственно. Установлено, что акче с трёхногой тамгой и легендой на оборотной стороне чеканились с указанным весом 0,56±0,02 г, а акче только с трёхногой тамгой с весом 0,53±0,02 г. Исходя из сопоставления метрологии ранее изданных монет хана Барака, исследователи приходят к выводу о том, акче с трёхногой тамгой и легендой чеканились в 1420–1423 гг., а акче только с трёхногой тамгой – скорее всего после 1424 г. В конце статьи приводятся два фототаблицы.

Ключевые слова: археология, монета, трёхногая тамга, клад, метрология, Булгарский вилайат, XV век, Государственный Исторический музей.

HOARD OF VOLGA BOLGAR COINS OF THE FIRST THIRD OF THE XV CENTURY FROM FUNDS OF THE STATE HISTORICAL MUSEUM

A.I. Bugarchev, S.V. Ushakova

The article deals with one of the blocks of coins from the hoard of the first third of the XV century, kept in the State Historical Museum. Coins are divided into 11 blocks, depending on the type. Most of the specimens with the name of Muhammad were identified – 437 pieces. Bolgar Mint is indicated on 502 dirhams, another 4 belong to the Horde. Bolgar coins depicting a three-legged tamga are divided into two parts – 8 and 89 specimens, respectively. It was established that akcha with a three-legged tamga and a legend on the reverse side were minted with the weight of 0,56±0,02 g, and akcha only with a three-legged tamga with a weight of 0,53±0,02. Based on the comparison of the metrology of the previously published coins of Barak Khan, researchers conclude that akcha with a three-legged tamga and legend were minted in 1420–1423, and akcha only with a three-legged tamga – most likely after 1424. Two photo tables are given at the end of the article.

Keywords: archaeology, coin, three-legged tamga, hoard, metrology, Bolgar vilayat, XV century, State Historical Museum.

В нумизматическом фонде Государственного Исторического музея хранится клад серебряных монет под №61980. В работе Г.А. Фёдорова-Давыдова он описан следующим образом – «249. Найден большой клад серебряных монет. Из него 833 монеты Улу-Мухаммед (так – А.Б., С.В.), чеканенные в Булгаре, поступили в ГИМ. ГИМ, инв. №61980» (Фёдоров-Давыдов, 1960, с. 179). Место находки осталось невыясненным.

При изучении состава клада было установлено, что почти все монеты относятся к булгарской чеканке первой половины XV в. В 2022-2023 гг. нами было просмотрено и атрибутировано 797 монет. Приведём состав по основным блокам:

1 – Чекре / монетный двор (далее – МД) Булгар (816-818 / 1413-1416 гг. - самая старшая монета клада) – 1 экз.;

2 – Мухаммад, вместо монетного двора – 3-ногая тамга ((после 822 / 1420 г.) – 97 экз.;

3 – Барак / Булгар (826-828 / 1422-1425 гг.) – 40 экз.;

4 – Мухаммад / Орда (МД на территории Волго-Камья) – 4 экз.;

5 – Мухаммад (легенда лицевой стороны «Мухаммад хан азам») / Булгар – 12 экз.;

6 – Мухаммад (легенда лицевой стороны условно названа «изящная») / Булгар – 52 экз.;

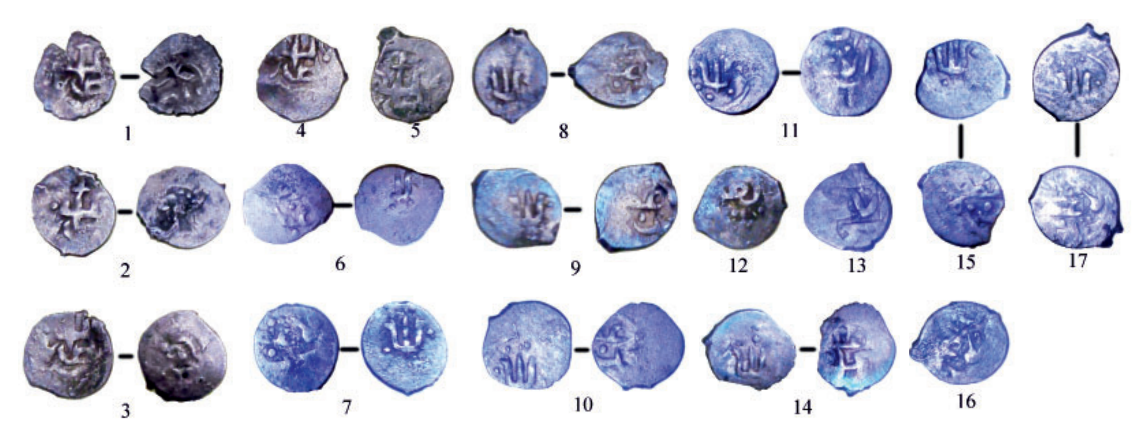

Рис. 1. Фото-таблица 1: 1 – 0,36 г.; 2 – 0,47 г.; 3 – 0,55 г.;4 – 0,51 г.; 5 – 0,61 г.; 6 – 0,48 г.;7 – 0,52 г.;8 – 0,54 г.; 9 – 0,55 г.; 10 – 0,40 г.;11 – 0,44 г.; 12 – 0,57 г.; 13 – 0,52 г.; 14 – 0,62 г.; 15 – 0,53 г.; 16 – 0,55 г.; 17 – 0,64 г. (Вес монет из клада 61980).

Fig. 1. Photo-table 1: 1 – 0,36 g.; 2 – 0,47 g.; 3 – 0,55 g.;4 – 0,51 g.; 5 – 0,61 g.; 6 – 0,48 g.; 7 – 0,52 g.; 8 – 0,54 g.; 9 – 0,55 g.; 10 – 0,40 g.; 11 – 0,44 g.; 12 – 0,57 g.; 13 – 0,52 g.; 14 – 0,62 g.; 15 – 0,53 g.; 16 – 0,55 g.; 17 – 0,64 g. (Weight of coins from hoard 61980).

7 – Мухаммад (различные штемпельный особенности написания титула и имени) / Булгар – 239 экз.;

8 – Мухаммад / оборотная сторона не сохранилась (стёрта или не прочеканена) – 33 экз.;

9 – Лицевая сторона не читается / Булгар – 104 экз.;

10 – Лицевая и оборотная сторона не атибутируются, сохранились обрывки легенд (султан, азам, хан, зарб) – 134 экз.;

11 – Полностью стёртые или непрочеканеные монеты – 27 экз.

С именем Мухаммада зафиксировано 437 акче, с именем Барака – 40 акче и один дирхам относится к чеканке Чекре. По монетным дворам – больше всего выявлены монеты Булгара – 502 экземпляра. Не атрибутированными по эмитентам остались 265 акче.

Большое количество клада предполагает изучение комплекса по частям, поэтому данная статья будет посвящена блоку с трёхногой тамгой, состоящему из 97 единиц. По особенностям легенд и изображения тамги их можно разделить на два типа[1]. Приведём метрологию данных монет.

1.Мухаммад / трёхногая тамга и легенда («султан»?) (вес в г): 0,36; 0,47; 0,49; 0,50; 0,51; 0,53; 0,55; 0,61. Всего 8 экземпляров. Монеты данного типа впервые изданы в 2005 г. (Тростьянский, 2005, с. 157-158).

2. Мухаммад / трёхногая тамга: 0,39; 0,41; 0,43; 0,44; 0,47; 0,48; 0,49–2; 0,50-3; 0,51; 0,52-5; 0,53-2; 0,54-2; 0,55; 0,57; 0,62; 0,47; 0,52; 0,30; 0,34-2; 0,35; 0,40; 0,41; 0,42; 0,44-3; 0,45-2; 0,46; 0,47-2; 0,49; 0,50; 0,51; 0,52-4; 0,53-3; 0,54-2; 0,55-2; 0,57; 0,58-3; 0,64-2; 0,29; 0,37; 0,39; 0,40; 0,41; 0,44; 0,45; 0,46-2; 0,47-3; 0,48-4; 0,49; 0,50-3; 0,55; 0,56–4; 0,59; 0,60; 0,61. Всего 89 экземпляров.

Одна из сложнейших задач при изучении денежного обращения Булгарского вилайата в XV в. – это датировка многочисленных типов акче, которые выпускались без указания года выпуска. Особенно это касается эмиссий после 822 / 1419–1420 г. Точкой отсчёта для кладов, как было установлено ранее, являются монеты с именем хана Мухаммада Барака. Они чеканились в 826–828 гг.х. (1422–1425 гг.) с указным весом 0,52±0,02 г (данные приводятся по материалам клада «Караульная Гора», Бугарчев и др., 2022, с. 22)[2]. Соответственно, булгарские типы с более высоким показателем веса выпускались до эмиссий Барака, в промежутке 822 – 826 / 1420-1423 гг., типы с меньшим показателем – после 828 года хиджры.

Рассмотрим метрологию монет с трёхногой тамгой на материале клада 61980.

*Монеты с трёхногой тамгой и легендой вокруг тамги***.** Так как монеты данного типа довольно редки (в данном кладе их 8 экземпляров или 1% от изученного состава), то гистограмма построена по материалам 5 источников, в том числе из клада 61980.

Гистограмма сборная, учтено 32 экз.[3] Мода 0,56±0,02 г (9 экз.). Средний вес 30 экземпля-

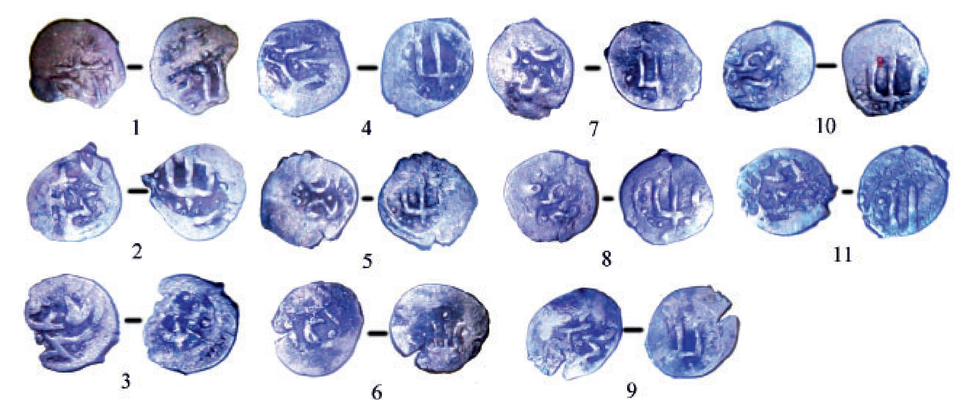

Рис. 2. Фото-таблица 2: 1 – 0,29 г.; 2 – 0,40 г.; 3 – 0,46 г.; 4 – 0,48 г.; 5 – 0,48 г.; 6 – 0,49 г.; 7 – 0,50 г.; 8 – 0,50 г.;9 – 0,56 г.; 10 – 0,56 г.; 11 – 0,59 г. (Вес монет из клада 61980).
Fig. 2. Photo-table 2: 1 – 0,29 g.; 2 – 0,40 g.; 3 – 0,46 g.; 4 – 0,48 g.; 5 – 0,48 g.; 6 – 0,49 g.; 7 – 0,50 g.; 8 – 0,50 g.; 9 – 0,56 g.; 10 – 0,56 g.; 11 – 0,59 g. (Weight of coins from hoard 61980).

ров 0,527 г (без учёта одного самого лёгкого и одного самого тяжёлого экз.). Диапазон значений 0,36 – 0,61 г (рис. 1: 1–5).

Мухаммад / трёхногая тамга. Гистограмма кладовая, учтено 89 экз. Мода$_{max}$ 0,53±0,02 г (19 экз.). На суммарной гистограмме аналогичный максимум на значениях 0,51±0,02 и 0,52±0,02 г. Диапазон значений 0,29 – 0,64 г (рис. 1: 6–17; рис. 2: 1–11).

Полученные результаты представим в виде таблицы 1.

С учётом анализа материалов клада «Караульная Гора» мы можем сказать, что монеты

(Тетюшский район) или Торецкое поселение (Алексеевский район) (Бугарчев, 2023, с. 108).

Кроме указанных типов, в кладе были выявлены акче с именем Мухаммада монетного двора Булгар двух вариантов написания легенд («изящный» и простой).

Предстоит сопоставить типологические и весовые параметры монет Барака из клада 61980 и «Караульная Гора». Их метрологические и вариативные особенности предполагается рассмотреть в последующих статьях.

До сих пор остаётся открытым вопрос о местонахождении монетных дворов «Булгар»,

Таблица 1. Соотношение веса отдельных типов акче XV в.
Table 1. Weight ratio of certain types of akcha of the XV century

Тип	Учтено, экз.	Мода$_{max}$ ±0,02 г	Тип гистограммы
Трёхногая тамга и легенда	32	0,56	Сборная
Трёхногая тамга	89	0,51-0,53	Кладовая - клад 61980
С именем Барака	109	0,52	Кладовая - клад «Караульная Гора»

«Мухаммад / трёхногая тамга и легенда» чеканились до правления Барака, в 822-826 гг.х. (1420–1423 гг.), а монеты «Мухаммад / трёхногая тамга» чеканились параллельно с акче Барака или позднее, после 828 / 1424–1425 г. (Бугарчев и др, 2022, с. 22–23).

Булгарская продукция МД Орда была разобрана в работе 2023 г. (Бугарчев, 2023). Кратко приведём выводы. Монетный двор писался в двух вариантах – слева направо и справа налево. Метрология – мода гистограммы 0,51± 0,02 г (учтено 43 акче), средний вес 0,54 г. МД не мог находится ни в Болгаре, ни в современной Казани, возможные места дислокации – Иски-Казань, Рождествено (Лаишевский район РТ), Атрясский археологический комплекс «Орда» и места, где проставлялась «трёхногая» тамга.

Согласно ранее опубликованной информации, в Татарстане и Ульяновской области было найдено 24 клада булгарских монет, относящихся к периоду после 822 г.х. (1419–1420) (Мухаметшин, Бугарчев, 2022, с. 745–747). Публикуемый клад кратко указан под №30 (Мухаметшин, Бугарчев, 2022, с. 746). К моменту издания статьи его состав оставался неизвестным. После полной публикации клада по эмитентам и анализа метрологии мы сможем говорить более предметно об особенностях денежного обращения на Средней Волге в первой половине XV в.

Примечания:

[1] За критерий типа здесь принимается два внешних параметра – композиционное оформление и содержание легенд на каждой из сторон монеты (Петров, 2010, с. 126).

[2] В кладе №61980 акче с именем Барака не проанализированы с точки зрения метрологии.

[3] Ульяновский клад – 14, Рыбно-слободский клад – 5. Иски-Казань – 1, Алексеевский клад – 4, Клад 61980 – 8 экз.

ЛИТЕРАТУРА

Бугарчев А.И. Булгарский монетный двор Орда (по материалам клада «Караульная Гора» из фондов Национального музея Республики Татарстан) // MUSEUM.KZ. 2023. № 2 (2). С. 105–111.

Бугарчев А.И., Петров П.Н., Сингатуллина А.З., Шайхутдинова Е.Ф. Монеты XV века хана Барака Булгарского монетного двора (по материалам клада «Караульная Гора») // Археология Евразийских степей. 2022. № 5. С. 19–25. DOI: https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.5.19.25.

Мухаметшин Д.Г., Бугарчев А.И. Клады и единичные находки джучидских монет в Болгарском регионе в XIII – первой половине XV вв. // Средние века (вторая треть XIII первая половина XV вв.). Эпоха Золотой Орды (Улуса Джучи) / Археология Волго-Уралья. Т. 6 / под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. В.С. Баранов. Казань: АН РТ, 2022. С. 714–758.

Петров П.Н. Клад из Дев-кескен-кала и вопросы начала чеканки серебряных монет в Джучидском улусе // Золотоордынская цивилизация. Вып. 3 / Ред. И.М. Миргалеев. Казань: Фэн, 2010. С. 121−149.

*Тростьянский О.*В. Клад золотоордынских монет XV века с территории Татарстана // Труды Международных нумизматических конференций. Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII-XV веков. / Под ред. П.Н. Петрова. М.: Нумизматическая литература, 2005. С. 157–158.

Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. I / Под ред. Д.Б. Шелова. М.: АН СССР, 1960. С. 94–192.

Информация об авторах:

Бугарчев Алексей Игоревич, лаборант-исследователь отдела средневековой археологии, Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук РТ (г. Казань, Россия); abugar.61@rambler.ru

Ушакова Стефания Витальевна, младший научный сотрудник отдела нумизматики, Государственный Исторический музей (г. Москва, Россия); UshakovaSV@shm.ru

REFERENCES

Bugarchev, A. I. 2023. In *MUSEUM.KZ* 2 (2), 105–111 (in Russian).

Bugarchev, A. I., Petrov, P. N., Singatullina, A. Z., Shaykhutdinova, E. F. 2022. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 19–25 DOI: https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.5.19.25 (in Russian).

Mukhametshin, D. G., Bugarchev, A. I. 2022. In Sitdikov, A. G., Baranov, V. S. (eds.). *Srednie veka (vtoraya tret' XIII – pervaya polovina XV vv.). Epokha Zolotoy Ordy (Ulusa Dzhuchi) (Middle Ages (the second third of the XIII – first half of the XV centuries). Juchi Ulus period).* Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 6. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 714–758 (in Russian).

Petrov, P. N. 2010. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Zolotoordynskaya tsivilizatsiia (The Golden Horde civilization)* 3. Kazan: “Fen” Publ., 121−149 (in Russian).

Trostyanskiy O.V. 2005. In Petrov, P. N. (ed.). *Monety i denezhnoe obrashchenie v mongol’skikh gosudarstvakh XIII–XV vekov (Coins and Currency Circulation in the Mongol States of 13th–15th Centuries).* Moscow: “Numizmaticheskaia literatura” Publ., 157–158 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1960. In Shelov, D. B. (ed.). *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* I. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 94–192 (in Russian).

About the Authors:

Bugarchev Aleksei I. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; abugar.61@rambler.ru

Ushakova Stefaniya V. State Historical Museum. Red Square, 1, Moscow, 109012, Russian Federation; UshakovaSV@shm.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2024 г.
Статья принята к публикации 01.10.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.5.301.310

ЖЕЛЕЗНЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ С ПИЖЕМСКОГО ГОРОДИЩА (К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПАМЯТНИКА В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ)

© 2024 г. Э.И. Оруджов, А.В. Егоров

В данной статье дан краткий обзор наиболее значимых событий в истории изучения Пижемского городища, начиная с дореволюционного периода (вторая половина XIX – начало XX вв.) заканчивая археологическими раскопками совместной экспедиции ИА АН РТ и ВятГУ. В результате проведенных на городище раскопок в обозначенный выше период была обнаружена серия железных наконечников стрел (24 ед.). На основе существующих на сегодняшний день аналогий, опираясь на типологию разработанную А.Ф. Медведевыми и О.В. Двуреченским выделено восемь типов железных наконечников стрел и обозначены особенности их местонахождения со стратиграфической и культурно-хронологической привязкой. На основании изучения данной коллекции авторы выдвинули предположение об активном использовании данного городища в эпоху Средневековья – раннего Нового времени. Учитывая стратегическое положение городища на рр. Вятке и Пижме и наличие пласта позднесредневековых материалов, была высказана версия об использовании памятника в качестве военного форпоста и его месте в глобальных событиях на территории Вятского края в период заселения региона русским населением.

Ключевые слова: археология, Кировская область, р. Вятка, Пижемское городище, железный наконечник стрелы, Средневековье, раннее Новое время.

IRON ARROWHEADS FROM THE PIZHMA HILLFORT (TO THE QUESTION OF THE USE OF THE SITE IN THE MIDDLE AGES)

E.I. Orudzhov, A.V. Egorov

This article gives a brief overview of the most significant events in the history of the study of the Pizhma hillfort, starting from the pre-revolutionary period (second half of the XIX – early XX century) and ending with the archaeological excavations of the joint expedition of the Institute of Archaeology of the Tatarstan Academy of Sciences and VyatSU. Iron arrowheads (24 items) were discovered as a result of excavations carried out on the settlement during the above mentioned period. Eight types of iron arrowheads were identified on the basis of the existing analogies, based on the typology by A.F. Medvedev and O.V. Dvurechensky, and the features of their location with stratigraphic and cultural-chronological reference were marked. Based on the study of this collection, the authors hypothesized that the ancient settlement was actively used during the Middle Ages and early modern era. Taking into account the strategic location of the settlement on the Vyatka and Pizhma rivers and the presence of a layer of late medieval materials, the version about the use of the site as a military outpost and its place in the global events in the Vyatka basin area during the colonization period of the region by the Russians was made.

Keywords: archaeology, Kirov region,Vyatka river, Pizhma ancient settlement, iron arrowhead, Middle Ages, Early modern era.

Пижемское городище располагается в среднем течении р. Вятки на высоком берегу, в устье ее правого притока р. Пижмы. В 0,8 км к северо-востоку от д. Волчиха и в 4,6 км к северо-востоку от г. Советска, на юго-западной окраине бывшей д. Городище. Памятник занимает узкий обрывистый мыс подтреугольной формы, площадью около 2000 м^2, который ограничен с севера крутым спуском к реке, с юга небольшим оврагом. Городище принадлежит к типу мысовых одноплощадных поселений, укрепленных с напольной стороны одним валом (высота ≈ 4 м) и рвом (глубина ≈ 1,5 м). Высота мыса городища от поймы реки Вятки составляет 23 м (рис. 1.).

Начало археологического изучения городища было положено еще в дореволюционный период (вторая половина XIX – нач.

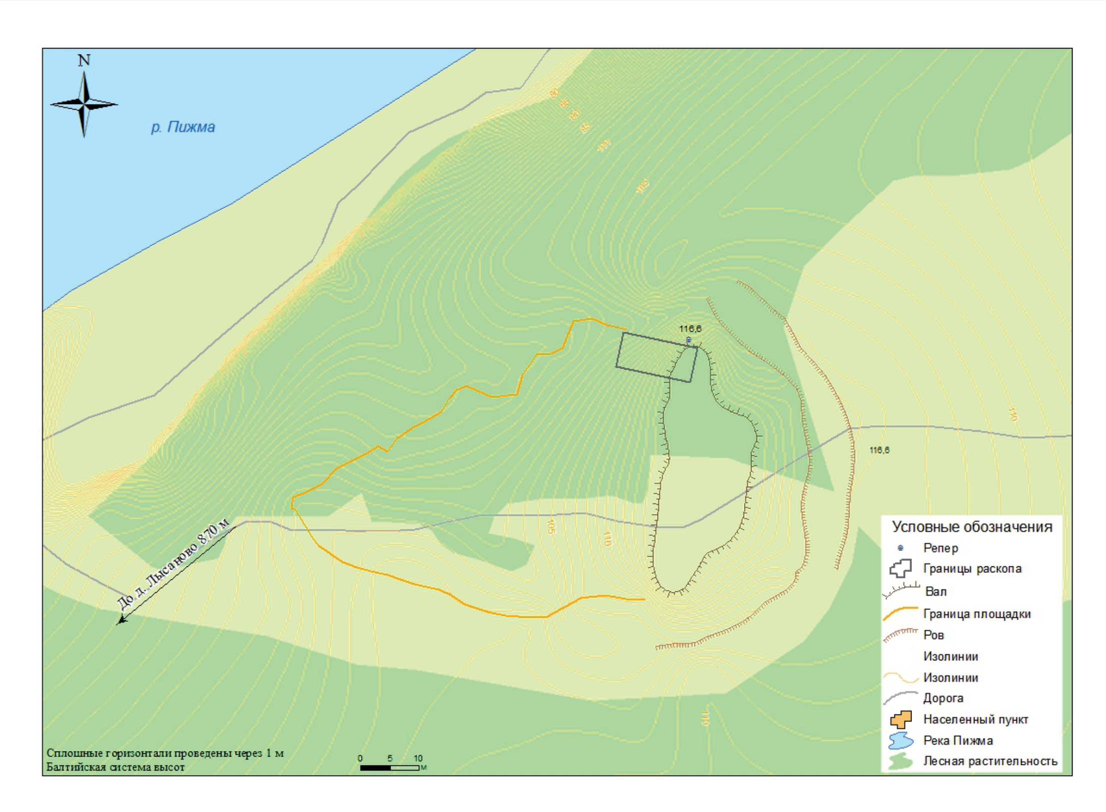

Рис. 1. Топографический план. Пижемское городище.
Fig. 1. Topographic plan. Pyzhma hillfort.

XX вв.) и связано с именами П.В. Алабина, А.А. Спицына, П.А. Пономарева и А.С. Лебедева (Алабин, 1865, № 54-55; Спицын, 1893, с. 59-62; Лебедев, 1908). В результате проведенных данными исследователями археологических раскопок на Пижемском городище был собран обширный археологический материал, который впоследствии пополнил музеи гг. Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Кирова и Советска (Збруева, 1935, с. 268). К сожалению, аналитическая часть их исследований была ограничена описанием территории памятника и связанных с ним преданий, а также обнаруженных в результате раскопок наиболее значимых, по их мнению, предметов. Интересно, что уже в тот период в материалах памятникаотмечалось наличие средневековых артефактов.

Существенный шаг в изучении культурных напластований Пижемского городища был сделан в советское время сотрудниками археологической экспедиции Московского антропологического института МГУ под руководством Б.С. Жуковав 1928 г. Результаты проведенных ими исследований, позволили определить характер залегания культурных напластований на площадке поселения, впервые была дана детальная характеристика культурного слоя с полным анализом полученного археологического материала (Збруева, 1935, с. 265-297).

Впоследствии, в своей монографии «История населения Прикамья в ананьинскую эпоху» Анна Васильевна выделила два культурно-хронологических горизонта на городище, распределив их на верхний –средневековый (не ранее VIII в. н.э.) и нижний – ананьинский (VII – V вв. до н.э.) (Збруева, 1952, с. 298–299).

Очередной этап в изучении культурного слоя Пижемского городища связан с деятельностью КВАЭ (Камско-Вятской археологической экспедицией), сотрудниками которой в 1976 г., под руководством Н.И. Леконцевой провели на городище небольшие рекогносцировочные раскопки. Исследования Н.И. Леконцевой подтвердили сделанные ранее А.В. Збруевой выводы о выделении в культурном слое памятника двух культурно-хронологических периодов его существования: ананьинского и средневекового (Леконцева, Н.И., 1976).

К современному этапу исследований Пижемского городища следует отнести археологические раскопки совместной экспедиции Института археологии им. А.Х. Халикова

Рис. 2. Пижемское городище. Наконечники стрел (железо).
Fig. 2. Pyzhma hillfort. Arrowheads (iron).

АН РТ и Вятского государственного университета под руководством Э.И. Оруджова и А.В. Шипилова в 2022 г. В ходе работ всеверной части площадки городища, с захватом северной оконечности вала, был заложен раскоп, общей площадью 78 м^2, в котором было найдено 1859 предметов, представленных изделиями из кости, металла, а также большим количеством керамики. Отдельный интерес представляет серия железных наконечников стрел (12 ед.) (рис. 2), хронологически относящихся к эпохе Средневековья.

Данные наконечники стрел были зафиксированы при прокопке верхнего горизонта раскопа,мощностьюоколо 40 см. Основная масса наконечников (рис. 2: 3-5, 7-10, 12, 14-16) была найдена в слое серой подзолистой пестроцветной супеси с включением известняка на глубине от -120 до -168 см от условной нулевой отметки, за исключением одного наконечника (рис. 2: 2), который был обнаружен на гл. -65 от условной нулевой отметки в слое серой рыхлой супеси.

Слои, в которых были обнаружены данные наконечники в культурно-хронологическом отношении являются неоднородными. Наряду с железными наконечниками стрел в данных напластованиях были обнаружены изделия из кости, которые встречаются как в материальных комплексах памятников эпохи раннего железного века, так и в более позднее время – в эпоху Средневековья и раннего Нового времени (рис. 3: 1-4, 7). Обнаруженные в верхних пластах раскопа изделия из металла-более характерны для Средневековья – раннего Нового времени (рис. 3: 9). Присутствие в коллекции фрагментов лепной керамической посуды (рис. 3: 5-6, 8) также подтверждает выделение обозначенных выше двух условных хронологических горизонтов в культурном слое городища.

Несмотря на присутствие в заполнении верхнего горизонта (мощностью до 40 см)

Рис. 3. Пижемское городище. Раскоп-2022, находки: 1-2 – костяные пряслица, 3 – костяной наконечник стрелы, 4 – амулет (медвежий клык), 5 – фрагмент верхней части лепного сосуда (ВВК АКИО), 6 – фрагмент верхней части лепного сосуда (Средневековье – Новое время), 7 – фрагмент костяной проколки, 8 – придонная часть лепного сосуда (Средневековье – Новое время), 9 – нож (железо).

Fig. 3. Pizhma hillfort. 2022 excavation, finds: 1-2 – bone spindle whorl, 3 – bone arrowhead, 4 – amulet (bear fang), 5 – fragment of the upper part of a hand-made vessel (Vyatka-Vetluga culture of the Ananyino historical and cultural area), 6 – fragment of the upper part of a hand-made vessel (Middle Ages – modern era), 7 – fragment of a bone borer, 8 – bottom of a hand-made vessel (Middle Ages – modern era), 9 – knife (iron).

культурного слоя городища находок (керамика, изделия из кости), относящихся к ВВК АКИО (вятско-ветлужской культуре ананьинской культурно-исторической области),V-III вв. до н.э. (рис. 3: 3-5, 7), с учетом пертурбации культурных напластований, авторы склонны отнести данный горизонт к эпохе Средневековья – раннего Нового времени, предметы которого наиболее массово представлены в верхних слояхраскопа 2022 г. и не встречаются при прокопке культурного слоя ниже 40 см от уровня современной дневной поверхности. Как уже отмечалось, наиболее показательными предметами комплекса эпохи Средневековья - раннего Нового времени являются железные наконечники стрел.

Первые находки железных наконечников стрел были сделаны на Пижемском городище А.С. Лебедевым в 1906 г. Исследователем опубликованы фотографии двух железных наконечников стрел (Лебедев, 1908, с. 12-13, рис. 29-30), обнаруженных им в результате раскопок на памятнике. В музее г. Советска им. А.С. Лебедева хранится еще пять (согласно коллекционной описи музея) железных наконечников, местонахождением которых указано Пижемское городище. Еще пять железных наконечников стрел было обнаружено экспедицией Московского антропологического института МГУ под руководством Б.С. Жукова в 1928 г. Данные наконечники опубликованы в работе А.В. Збруевой (Збруева, 1935, с. 268).

Таким образом, с учетом 12 ед. выявленных в результате археологических раскопок 2022 г., общее количество железных наконечников

стрел обнаруженных на Пижемском городище составляет 24 экземпляра.

В связи с тем, что особенности существования Пижемского городища в эпоху Средневековья – раннего Нового времени изучены недостаточно, было решено провести анализ коллекции железных наконечников стрел, как наиболее показательных материалов связанных с использованием городища в обозначенный период. Все обнаруженные на памятнике наконечники стрел были распределены на 8 типов.

Тип 1 (9 ед.). Крупные ромбовидно-клиновидные наконечники, уплощенные в сечении, с расширением в нижней трети длины пера без упора. Являются самыми распространенными типами наконечников стрел на Пижемском городище (рис. 2: 3-5, 7-10). Один наконечник такого типа представлен в коллекции Советского районного краеведческого музея и предположительно происходит с Пижемского городища (рис. 2: 1), еще один наконечник происходит из коллекции, полученной в результате раскопок экспедиции МГУ 1928 г. (Збруева, 1935, рис. 37: 5). Все остальные - выявлены в процессе археологических раскопок 2022 г. (рис. 2: 3-5, 7-10). Наконечники этого типа имеют близкие аналогии с древнерусскими наконечниками типа 46 по А.Ф. Медведеву (охарактеризованы как "ромбовидные новгородского типа"), которым отсутствие упора для древка стрелы выделено как характерная для данного типа особенность. Исследователь считал, что данные наконечники появились в Прикамье на рубеже нашей эры и широко применялись в северной полосе Восточной Европы вплоть до конца XIII в. Большая часть находок таких наконечников сделана на землях Великого Новгорода и в Прикамье (Медведев, 1966, с. 67-68). О.В. Двуреченский относит данные наконечники к типу 7 и отмечает их бытование вплоть до второй половины XVII в. Подобного типа наконечники выявлены в Москве, Тушинском лагере, Воткинском городище, Епифанских слободах, Емецком городке, Пскове, Кармылыкском городище, Картуковском могильнике, Кич-городке, Мангазее (Двуреченский, 2007, 285-286). В Камско-Вятском междуречьеони известны среди находок на территории кремля г. Хлынова-Вятки (наконечник датирован XVII в.) (Егоров, 2023, с. 114), городище Иднакар (Иванова, 1998, с. 113, 117), Еманаевском городище (Голдина, 204, с. 304), в марийских (Веселовский, Черемисское кладбище, Юмский) (Архипов, 1973, с. 53,рис. 69:1-12) и позднесредневековых удмуртских (Нязь-Ворцы, Ляльшурский пургашай) могильниках (Шутова, 1992, с. 47, рис. 55: 9-15).

Тип 2 (3 экз.). Шиловидные граненые наконечники, со слабо выраженным упором (из-за сильной коррозии упор не читается). По назначению обычно определяются в качестве бронебойных с прокалывающим действием (рис. 2: 14-16). Обнаружены при раскопках в 2022 г. Имеют близкие аналогии с наконечниками типа 93 по А.Ф. Медведеву, который указывал на их распространенность по широкой территории Восточной Европы с X по XIV в. включительно. Интересно, что исследователь допускал наличие среди такого рода наконечников и обычных бытовых шильев, хотя большинство находок все же относил именно к наконечникам стрел (Медведев, 1966, с. 62). О.В. Двуреченский относит данные наконечники к типу 1а и отмечает их бытование вплоть до середины-конца XVII в. Такие стрелы выявлены в Москве, Изборске, Белгороде, Серенске, Ивнице, селище в Выбутах, Ростиславле Рязанском, Коломне, Епифанских слободах, Мангазее и Пскове. Наличие таких наконечников в материалах приполярной Мангазеи автор считает возможным связать с охотничьими традициями местного аборигенного населения (Двуреченский, 2007, с. 281–282). Подобный тип наконечников известен среди материалов острова-града Свияжска (раскоп "Татарская слободка"), где датирован XVII в. (Ситдиков, Старков, 2022, с. 377, рис. 3.4.1.9). В Пермском Предуралье наконечники известны среди материалов Рождественского, Эсперова и Искорского городищ и датированы VIII-XIV вв. (Данич, 2011, с. 110, рис. 4: 146-150). В Удмуртском Предуралье – на городище Иднакар (но с более выраженным упором) (Иванова, 1998, с. 120, рис. 46: 31), могильниках Мыдланьшай (Генинг, 1962, с. 57) и Юмском (Архипов, 1973, с. 53, рис. 68: 12).

Тип 3 (5 экз.). Ромбовидный наконечник уплощенный в сечении, с расширением в нижней трети длины пера. По назначению такие наконечники определяются в качестве универсальных. Четыре наконечника обнаружены в ходе работ экспедиции Антропологического института МГУ от 1928 г. (Збрue-

ва, 1935, рис. 37: 1-4) и один при раскопках совместной экспедиции ИА АН РТ и ВятГУ в 2022 г. (рис. 2: 2). Аналогичен наконечникам типа 40 по А.Ф. Медведеву, который хронологически относил их к периоду с X по XIV в., отмечая их находки в Великом Новгороде, Биляре, Пермском Предуралье и проч. (Медведев, 1966, с. 64-65). О.В. Двуреченский относит данные наконечники к типу 6а, определяет в качестве дальнейшей эволюции более ранних типов и датирует XV-XVII вв., отмечая их широкое распространение по всей территории Московской Руси. Наконечники известны в материалах Москвы, Изборска, Вологды, Белгорода, Воротынска, Воткинского городища, Коломны, Епифанских слободок, Пскова, Смоленска, Суздаля, Твери, Тулы, Тушинского лагеря, Чебоксар (Двуреченский, 2007, с. 283-284). Похожие наконечники встречаются в материалах острова-града Свияжска (раскоп "Татарская слободка"), где датированы XVII в. (Ситдиков, Старков, 2022, с. 377, рис. 3.4.1.7-3.4.1.8).

Тип 4 (3 экз.). Треугольные плоские наконечники без упора. По назначению относятся к рассекающим-широколопастным. На Пижемском городище выявлено три таких наконечника: один представлен в коллекции Советского районного краеведческого музея и предположительно происходит с Пижемского городища (рис. 2: 13), второй найден в ходе работ А.С. Лебедева в 1906 г. (Лебедев, 1908, с. 13, рис. 30) и третий - в ходе археологических исследований 2022 г. (рис. 2: 12). О.В. Двуреченский относит данные наконечники к типу 16 и датирует концом XIV-XVII вв., отмечая их наличие в материалах Москвы, Копорья, Пскова, Старого Кунгура (Двуреченский, 2007, с. 288). На территории Камско-Вятского междуречья похожие наконечники известны в материалах позднесредневековых удмуртских могильников (Нязь-Ворцы, Ляльшурский пургашай, Елово), где датированы XVI - нач. XVII вв. (Шутова, 1992, с. 47, рис. 55: 5-8).

Тип 5 (1 экз.). Ромбовидный крупный наконечник с расширением в нижней трети длины пера и упором. По функциональному назначению такие наконечники определяются в качестве универсальных-рассекающих. На Пижемском городище такой наконечник выявлен в ходе работ А.С. Лебедева в 1906 г. (Лебедев, 1908, с. 13, рис. 29). Аналогичен наконечникам типа 41 (вариант 2) по А.Ф. Медведеву (охарактеризованы как "ромбовидные гнездовского типа"), который хронологически относил их к периоду с середины XI по XIV в., отмечая их широкое распространение (Медведев, 1966, с. 65). О.В. Двуреченский относит данные наконечники к типу 15 и датирует концом XIV-XVII вв., отмечая их наличие в материалах Москвы, Тушинского лагеря, Пскова, Боровска, Стрешневского городища, Рязани (Двуреченский, 2007, с. 288).

Тип 6 (1 экз.). Ромбовидный втульчатый наконечник. На Пижемском городище выявлен один такой наконечник, представленный в коллекции Советского районного краеведческого музея (рис. 2: 17). Аналогичен наконечникам типа 3 по А.Ф. Медведеву, который хронологически относил их к периоду с VII-VIII по XIV в., отмечая их распространение преимущественно на территории Прикамья (Медведев, 1966, с. 56-57). На территории Камско-Вятского междуречья наконечники встречаются среди материалов городища Иднакар (Иванова, 1998, с. 116, рис. 44: 15-16), могильника Мыдлань-шай (Генинг, 1962, с. 57) и средневековых марийских могильников (Юмский, Черемисское кладбище) (Архипов, 1973, с. 53, рис. 68: 1-2).

Тип 7 (1 экз.). Бронебойный в виде кинжальчика ромбического сечения с перехватом. Наконечник представлен в коллекции Советского районного краеведческого музея и предположительно происходит с Пижемского городища (рис. 2: 6). Аналогичен наконечникам типа 97 по А.Ф. Медведеву, которые были широко распространены по всей Восточной Европе с середины IX-X до XIV в., но особенно массово использовались в XII-XIV вв. Подобные наконечники известны на территории Руси, Волжской Булгарии, в Удмуртском Предуралье (Медведев, 1966, с. 85). Известны в Пермском Предуралье в материалах городищ Рождественского, Анюшкарского, Корнинского и Саламатовского и селищ Вакинского и Степаново Плотбище, где отнесены к одному из самых массовых типов бронебойных наконечников (Данич, 2011, с. 106, 110, рис. 2: 91-103).

Тип 8 (1 экз.). Килевидный вытянутый с наибольшим расширением в средней трети длины пера. Наконечник представлен в коллекции Советского районного краеведческого музея и предположительно происходит

с Пижемского городища (рис. 2: 11). Общими очертаниями напоминает наконечники типа 33 по А.Ф. Медведеву, которые были широко распространены на Руси в XII и первой половине XIII вв. (до монгольского нашествия). Подобные наконечники известны также на территории Волжской Булгарии и в Пермском Предуралье (Медведев, 1966, с. 63).

Завершая выделение типов средневековых наконечников стрел Пижемского городища, стоит отметить определенную степень условности соответствия их тому или иному типу по типологии А.Ф. Медведева и О.В. Двуреченского. Объясняется это в первую очередь сильной степенью коррозии некоторых наконечников и не совсем удачной прорисовкой в опубликованных работах. Более того, по справедливому замечанию Е.П. Казакова, определение типов наконечников стрел затрудняется еще и тем, что при их кузнечном изготовлении каждый экземпляр с необходимостью приобретает, помимо характерных для типа, индивидуальные черты, а, нередко, и черты другого, обычно близкого по форме типа (Казаков, 1991, с. 93).

Само наличие средневековых наконечников стрел среди материалов городища может указывать как на продолжение его использования местным автохтонным населением в эпоху Средневековья - раннего Нового времени, так и, учитывая их большое количество, служить маркером каких-либо вооруженных столкновений того периода.

А.В. Збруева, исследовавшая городище в 1928 г., считала, что верхний горизонт культурного слоя относится ко времени не раньше VIII в н.э., а отсутствие стерильной прослойки между ранним и более поздним слоями может говорить о непрерывности обитания городища (Збруева, 1952, с. 298). Вероятно, что и в более поздний хронологический период Пижемское городище могло продолжать использоваться в качестве наблюдательного пункта, либо военного форпоста на стратегически важном участке слияния двух рек. Еще А.С. Лебедев отмечал это удобное расположение городища, позволяющее наблюдать с него за движением сразу по двум рекам - Вятке и Пижме (Лебедев, 1908, с. 6). Подобное "вторичное" использование ананьинских городищ (правда, в ритуальном контексте) в более поздние эпохи известно по примеру Скорняковского городища в Котельническом районе (Черных, 2016, с. 104-112). Версию дальнейшего использования городища в качестве места проживания небольшого людского коллектива косвенно подтверждает и наличие среди археологических предметов, найденных на нем, некоторого количества хронологически более поздних изделий. Так, А.А. Спицын отмечал, что "с древнейшими предметами были найдены очень нестарые, например обломки массивного чугунного подсвечника, пластинка от сундучного железного замка и что-то еще в этом роде" (Спицын, 1893, с. 63), а Л.Д. Макаров указывал на находки некоторых поздних "славянских вещей" (Макаров, 1995, с. 83).

Версия о военном столкновении на площадке городища в эпоху средневековья также представляется вполне правдоподобной, особенно если учитывать большое количество находок предметов вооружения и находки нескольких человеческих костей на краю площадки с южной стороны памятника, на которые указывал еще А.А. Спицын (Спицын, 1893, с. 63). А.С. Лебедевым была записана местная легенда, согласно которой в окрестностях городища, в с. Жерновогорском (ныне - в составе г. Советска), существует часовня, под которой захоронены русские и черемисы (марийцы), павшие в битве в 1609 г., кода был сожжен Жерновогорский монастырь. Аналогичная часовня упомянута и в слоб. Кукарке (ныне - г. Советск), построенная, по преданию, на месте битвы с черемисами. Данные легенды навели А.С. Лебедева на мысль о возможной битве русских с автохтонным населением и на территории Пижемского городища в эпоху заселения края русскими людьми. В этой связи интересно предположение Л.Д. Макарова, помещавшего упоминаемый в "Повести о стране Вятской" г. Кокшаров, захваченный русскими в процессе первоначального заселения Вятского края, на Пижемском городище. Исследователь указывал на находки некоторых славянских вещей, среди которых "особенно важны *наконечники боевых стрел,* а также ножи, фрагменты русских горшков" (Макаров, 1995, с. 83). Безусловно, версия о размещении легендарного Кокшарова на Пижемском городище нуждается в более серьезном подтверждении, однако общий контекст находок эпохи средневековья и данные народных преданий говорят в пользу версии о произошедшей здесь битве

или штурме. Учитывая широкую хронологию наконечников стрел, такая битва могла произойти как в ранний период заселения края русскими людьми в XIII-XV вв., так и в более поздний период покорения Казани, последовавших за ним череды русско-черемисских войн и дальнейшего закрепления русских людей на юге Вятского края в XVI-XVII вв.

Благодарности:

Авторы выражают благодарность сотрудникам Советского районного краеведческого музея им. А.С. Лебедева за оказанную помощь при обработке вышеуказанной коллекции наконечников стрел.

ЛИТЕРАТУРА

Архипов Г.А. Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1973. 198 с.

Генинг В.Ф. Мыдлань-Шай – удмуртский могильник VIII–IX вв. // Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай / ВАУ. Вып. 3 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск. 1962. С. 7–112.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Удмуртский университет, 2004. 400 с.

Данич А.В. Типология бронебойных наконечников стрел Пермского Предуралья // Труды КАЭЭ. Вып. VII / Под ред. А.М. Белавина. Пермь: ПГГПУ, 2011. С. 98–115.

Двуреченский О.В. Наконечники стрел Московской Руси и Русского государства XV-XVII веков // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 3 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2007. С. 277–331.

Егоров А.В. Отчет по итогам проведения археологических полевых работ (археологических раскопок) на территории выявленного объекта археологического наследия "Вятский (Хлыновский) кремль, XII в." в 2022 г. Т. 1. Киров, 2023. 203 с. // Архив КОГАУ "НПЦ по охране ОКН Кировской области".

Збруева А.В. Пижемское городище // Бадер О.Н., Воеводский М.В., Дмитриев П.А., Зубарева А.В., Третьяков П.Н., Шмидт А.В. Из истории родового общества на территории СССР / Известия ГАИМК. Вып. 106. М.; Л.: Гос. соц. экон. изд-во, 1935.С. 265–297.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V / МИА. № 30. М.: АН СССР, 1952. 326 с.

Иванова М.Г. Иднакар: Древнеудмуртское городище IX-XIII вв. Ижевск: УдмИИЯЛУрО РАН, 1998. 290 с.

Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань: Татарское кн. изд-во, 1991. 176 с.

Лебедев А.С. Пижемское городище. Казань: типо-литография Императорского университета, 1908. 12 с.

Леконцева Н.И. Отчет об археологических исследованиях, проведенных летом 1976 года в Советском и Пижанском районах Кировской области. Ижевск, 1976 // Архив ЛАИ УдГУ. Ф.2. Д. 43

Халикова Е.А. Отчет об археологических исследованиях, проведенных в 1961 г. в Куйбышевском районе Татарской АССР. Казань, 1961 / Архив ИА РАН. Р-1, № 2751.

Макаров Л.Д. Русские поселенцы на берегах Вятки (По данным археологических исследований) // Энциклопедия земли Вятской. Т. 4. История / Ред. В.А. Ситников и др. Киров: Вятка, 1995. С. 76–91.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII-XIV вв. / САИ. Вып. Е1-36. М.: Наука, 1966. 184 с.

Ситдиков А.Г., Старков А.С. Музей археологического дерева «Татарская слободка». Казань: Мастер-Граф, 2022. 500 с.

Спицын А.А. Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии / Материалы по археологии восточных губерний России. Вып. I. М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1893. 192 с.

Черных Е.М. Ритуальное захоронение на валу Скорняковского городища: к вопросу о неявных маркерах культурного ландшафта бассейна р. Вятки // Седьмые Берсовские чтения (Екатеринбург, 2–4 декабря 2014 г.) / Отв. ред. В.Д. Викторова. Екатеринбург: Квадрат, 2016. С. 104–112.

Шутова Н.И. Удмурты XVI – первой половины XIX в.: по данным могильников. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1992. 264 с.

Информация об авторах:

Оруджов Эдуард Игоревич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); orudzhov.eduard@mail.ru

Егоров Андрей Владимирович, научный сотрудник КОГАУ "Научно-производственный центр по охране объектов культурного наследия Кировской области" (г. Киров, Россия); general882007@yandex.ru

REFERENCES

Arkhipov, G. A. 1973. *Mariitsy IX–XI vv.: k voprosu o proiskhozhdenii naroda (Mari People in 9th – 11th Centuries: to the Question on the Genesis of People).* Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel’stvo” Publ. (in Russian).

Gening, V. F. 1962. In Gening, V. F. (ed.). *Drevneudmurtskii mogil'nik Mydlan'-Shai (Mydlan-Shai Ancient Udmurt Burial Ground).* Series: Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology) 3. Sverdlovsk, 7–112 (in Russian).

Goldina, R. D. 2004. *Drevniaia i srednevekovaia istoriia udmurtskogo naroda (Antique and Medieval History of the Udmurt People).* Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Davich, A. V. 2011. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* VII. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 98–115 (in Russian).

Dvurechensky, O. V. 2007. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiia Podmoskov’ia: Materialy nauchnogo seminara (Archaeology of the Moscow Region: Proceedings of the Seminar)* 3. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 277–331 (in Russian).

Egorov, A. V. 2023. *Otchet po itogam provedeniya arkheologicheskikh polevykh rabot (arkheologicheskikh raskopok) na territorii vyyavlennogo ob"ekta arkheologicheskogo naslediya "Vyatskiy (Khlynovskiy) kreml', XII v." v 2022 g. (Report on the following results of archaeological field works (archaeological excavations) on the territory of the identified archaeological heritage site "Vyatka (Khlynov) Kremlin, XII century" in 2022)* Vol. 1. Kirov. Archive of the Scientific and Production Center for the Protection of Cultural Heritage Sites Kirov region (in Russian).

Zubareva, A. V. 1935. In Bader, O. N., Voevodsky, M. V., Dmitriev, P. A., Zubareva, A. V., Tret’yakov, P. N., Shmidt, A. V. 1935. *Iz istorii rodovogo obshchestva na territorii SSSR (From the history of the tribal society on the territory of USSR).* Series: Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy for the History of Material Culture) 106. Moscow; Leningrad: “Gossotsekgiz” Publ., 265–297 (in Russian).

Zbrueva, A. V. 1952. *Istoriia naseleniia Prikam’ia v anan’inskuiu epokhu (History of the Population of the Kama River Region in the Ananyino Time).* Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural’ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area) V. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 30. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Ivanova, M. G. 1998. *Idnakar: Drevneudmurtskoe gorodishche IX–XIII vv. (Idnakar: Ancient Udmurt Hillfort of 9th – 13th Centuries).* Izhevsk: Udmurtian Institute of History, Language, and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Kazakov, E. P. 1991. *Bulgarskoe selo X—XIII vekov nizovii Kamy (10th – 13th Century Bulgar Village in the Lower Kama Region)*. Kazan: “Tatarskoe knizhnoe izdatel’stvo” Publ. (in Russian).

Lebedev, A. S. 1908. *Pizhemskoe gorodishche (Pyzhma hillfort).* Kazan: Kazan Imperial University (in Russian).

Lekontseva, N. I. 1976. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh, provedennykh letom 1976 goda v Sovetskom i Pizhanskom rayonakh Kirovskoy oblasti (Report on archaeological studies conducted in Sovetsk and Pyzhanka districts of the Kirov region in 1976). Izhevsk. Archive of the Udmurt State University. Found 2, dossier 43 (in Russian).

Khalikova E.A. 1961. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh, provedennykh v 1961 g. v Kuibyshevskom raione Tatarskoi ASSR (Report on archaeological research conducted in 1961 in the Kuibyshev district of the Tatar ASSR).* Kazan: Archives of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Inv. R–1, dossier 2751 (in Russian).

Makarov, L. D. 1995. In Sitnikov, V. A. et al. (eds.). *Entsiklopediya zemli Vyatskoi (Encyclopedia of the Vyatka Area)* 4. Kirov: “Vyatka” Publ., 76–91 (in Russian).

Medvedev, A. F. 1966. *Ruchnoe metatel’noe oruzhie (luk i strely, samostrel) VIII—XIV vv. (Hand Missile Weapons (Bow and Arrows, Crossbow) of 8th—14th Centuries).* Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-36. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Sitdikov, A. G., Starkov, A. S. 2022. *Muzey arkheologicheskogo dereva «Tatarskaya slobodka» (Archaeological Wood Museum «Tatarskaya Slobodka»).* Kazan: “Master-Graf” Publ. (in Russian).

Spitsyn, A. A. 1893. *Priural'skii krai. Arkheologicheskie rozyskaniia o drevneishikh obitateliakh Viatskoi gubernii (Priuralsky Region. Archaeological Investigations of the Ancient Inhabitants of Vyatka Governorate).* Series: Materialy po arkheologii vostochnykh gubernii Rossii (Materials on the Archaeology of Eastern Russian Governorates) 1. Moscow: “Tipografiia E. Lissnera i Yu. Romana” Publ. (in Russian).

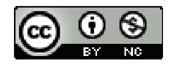
Chernykh, E. M. 2016. In Viktorova, V. D. (ed.). Sed'mye Bersovskie chteniia (Seventh Bers Readings). Yekaterinburg: “Kvadrat” Publ., 104–112 (in Russian).

Shutova, N. I. 1992. Udmurty XVI – pervoi poloviny XIX v.: po dannym mogil’nikov (Udmurt People in 16th – First Half of 19th Centuries: by the Data of Burial Grounds). Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

About the Authors:

Orudzhov Eduard I. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; orudzhov.eduard@mail.ru

Egorov Andrei V., Scientific and Production Center for the protection of cultural heritage of the Kirov region. Herzen, str. 64, Kirov, 610017, Russian Federation; general882007@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2024 г.
Статья принята к публикации 01.10.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 737(470.41) «12/13» https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.5.311.321

ДЖУЧИДСКИЕ МОНЕТЫ ИЗ РАСКОПОВ НА БОЛГАРСКОМ ГОРОДИЩЕ. РАБОТЫ 1989-1993 ГГ.

© 2024 г. А.И. Бугарчев

В статье рассматриваются серебряные и медные монеты, найденные на Болгарском городище в 1989-1993 гг. В семи вскрытых в этот период раскопах было обнаружено: раскоп CIV – 52 монеты, раскоп CV – 23 монеты, раскоп CVIII – 15 монет, раскоп CIX – 12 монет, раскоп CXIII – 6 монет, раскоп CXV – 22 монеты, раскоп CXVIII – 10 монет. Всего 142 монеты. Для каждого раскопа приводится таблица с указанием эмитента или типа и веса каждого экземпляра. При изучении нумизматического комплекса по этапам денежного обращения установлено, что наибольшее количество монет чеканилось в 1331 – 1357 гг. – 52,7% от всех атрибутированных экземпляров. В конце статьи для сравнения приводятся цифры веса отдельных типов серебряных и медных монет, найденных в раскопе CLXXIX.

Ключевые слова: пул, дирхем, денежное обращение, Центральный базар, Болгарское городище, Золотая Орда, XIII–XIV вв.

JOCHID COINS FROM EXCAVATIONS AT THE BOLGAR SETTLEMENT. RESEARCH IN 1989-1993

A.I. Bugarchev

The paper deals with the silver and copper coins, found at the Bolgar settlement in 1989-1993. In seven excavations, laid during this period, it was found: excavation CIV – 52 coins, excavation CV – 23 coins, excavation CVIII – 15 coins, excavation CIX – 12 coins, excavation CXIII – 6 coins, excavation CXV – 22 coins, excavation CXVIII – 10 coins. In total 142 coins. For each excavation, a table is provided indicating the issuer or type and weight of each specimen. When studying the numismatic complex by stages of monetary circulation, it was found that the largest amount of coins was minted in 1331-1357. - 52.7% of all attributed specimens. At the end of the article, for comparison, the weight of individual types of silver and copper coins, found in the CLXXIX excavation, is given.

Keywords: pul, dirham, coin circulation, Central Bazaar, Bolgar settlement, Golden Horde, XIII–XIV centuries.

Археологический комплекс Центральный базар, находящийся в северной части Болгарского городища, изучался в два этапа: в 1989–1993 гг. и в 2012–2016 гг. За годы исследования комплекса здесь было обнаружено более пяти тысяч средневековых монет. Например, только с одного раскопа CLXXIX было поднято почти 2200 экземпляров.

Результаты исследований нумизматических сборов из раскопов CLXXIX и CXCII частично опубликованы:

– работа Д.Г. Мухаметшина и Е.А. Федоровой была посвящена обзору пяти нумизматических комплексов из раскопов Болгарского городища, в том числе раскопов CLXXIXи CXCII (Мухаметшин, Федорова, 2016);

– в заметке Р.Х. Храмченковой и соавторов приводились результаты химического анализа монетного серебра четырёх дирхемов первой трети XIV в. из раскопа CLXXIX (Храмченкова и др., 2017);

– распределение по хронологии, эмитентам и местам чеканки серебряных и медных типов[1] раскопа CLXXIX проведено в работе Д.Г. Мухаметшина (2018, с. 223–229);

– в статье 2020 г. была изучена метрология медных монет – от динаров с именем ан-Насира 1240-х гг. до анонимных пулов 1360-х гг. (Бугарчев, 2020);

– два редких пула чеканки Нуриджана приводятся в заметке Е.А. Федоровой (Федорова, 2020, с. 111–114);

– в работе 2021 г. были рассмотрены пулы чеканки Мохши, найденные на Болгарском городище – это 62 монеты с территории всего городища, в том числе 10 пулов из раскопа CLXXIX (Бугарчев, Степанов, 2021);

– в статье 2022 г. изучены типологические и метрологические особенности серебряных монет 1250–1330-х гг. (от каана Мунке до хана Узбека) из раскопа CLXXIX, общее количе-

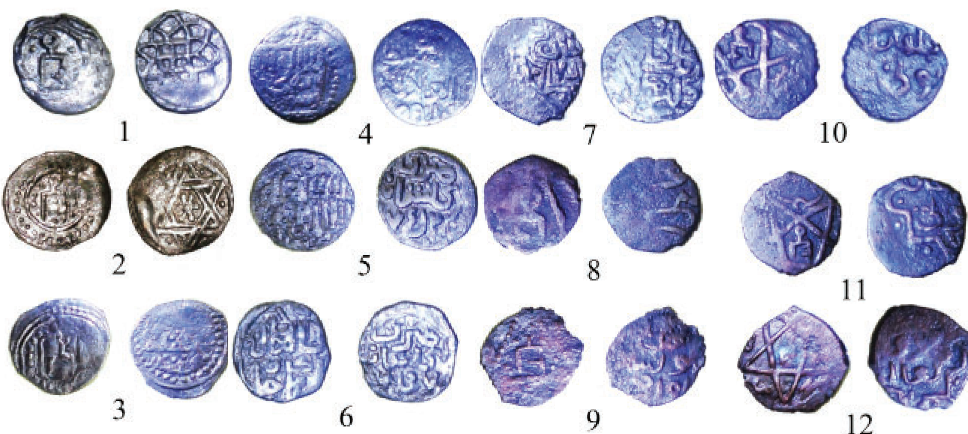

Рис. 1. Раскоп CIV: 1 – Дирхем анэпиграфный, С/126; 2 – Дирхем анэпиграфный, С/143; 3 – Дирхем анонимный, С/214; 4 – Узбек? Сарай? (1320-е – 1330-е); 5 – Джанибек, Гулистан, 752 г.х.; 6 – Джанибек, Гулистан, «657»=752 г.х.; 7 – Мурид, Гулистан, 763 г.х.; 8 – Пул «тамга в треугольнике», (1320-е). Вес 0,93 г; 9 – Пул «тамга в треугольнике», (1320-е). Вес 1,10 г; 10 – Пул «тамга в звезде», Булгар, (1330-е). Вес 1,51 г; 11 – Пул «тамга в звезде», Булгар, (1330-е). Вес 1,56 г; 12 – Пул «тамга в звезде», Булгар, (1330-е). Вес 2,27 г.

Fig. 1. Excavation CIV: 1 – anepigraphic Dirham, C/126; 2 – anepigraphic Dirham, C/143; 3 – Anonymous Dirham, C/214; 4 – Uzbek? Sarai? (1320s – 1330s); 5 – Janibek, Gulistan, 752 AH.; 6 – Janibek, Gulistan, "657"=752 AH.; 7 – Murid, Gulistan, 763 AH.; 8 – Pul "Tamga in a triangle", (1320s). Weight 0.93 g; 9 – Pul "Tamga in a triangle", (1320th). Weight 1.10 g; 10 – Pul "Tamga in the star", Bjlgar, (1330s). Weight 1.51 g; 11 – Pul "Tamga in the star", Bolgar, (1330s). Weight 1.56 g; 12 – Pul "Tamga in the star", Bolgar, (1330s). Weight 2.27 g.

ство изученного материала – это 134 дирхема и фракции (Валеев, Бугарчев, 2022);

– в разделе 1.4 коллективной монографии был проведён тезисный анализ нумизматического материала из раскопов CLXII, CLXXIX и CXCII (Бадеев, 2022, с. 34–39).

В данной статье предполагается продолжить изучение нумизматического комплекса Болгарского городища и издать монеты с территории, расположенной между раскопами CLXXIX и CXCII. Местоположение данного комплекса раскопов представлено на рисунках 6 и 7 (Шарифуллин, 2016, вклейка). Нами специально выбрана карта, на которой отсутствуют раскопы, исследовавшиеся в 2012–2016 гг.

Перечислим исследуемые участки. Это раскоп CIV 1989 года, площадь 100 кв. м, исследователь М.Д. Полубояринова, раскоп CV того же года, площадь 48 кв. м, исследователь Г.Ф. Полякова, раскопы 1990 года CVIII и CIX, каждый по 48 кв. м, исследователи М.Д. Полубояринова и Г.Ф. Полякова, раскопы CXIII и CXV Ф. Поляковой площадью 48 и 84 кв. м соответственно (работы 1991–1992 годов) и раскоп CXVIII 1993 года площадью 40 кв. м, руководитель Н.А. Кокорина (Шарифуллин, 2016, с. 260–262). На указанных раскопах было найдено в сумме 142 монеты – 39 серебряных и 103 медных. В настоящее время они хранятся в Болгарском музее-заповеднике.

Приведём весь материал в виде таблиц отдельно для каждого раскопа (жирным шрифтом выделены серебряные монеты).

Таблица 1. Монеты из раскопа CIV (Рис.1, рис. 2)
Table 1. Coins from the excavation CIV (Fig.1, fig. 2)

№	Эмитент	Монетный двор	Время чеканки	Вес, г	Примечание
1	Менгу-Тимур	Булгар	[678 / 1279-1280]	1,05	С/20* Разломана
2	Анэпиграфная	Не указан	(1300-1320)	1,28	С/126
3	**Анэпиграфная**	Не указан	(последняя четверть XIII – I четверть XIV в.)	1,24	С/143
4	**Анэпиграфная**	Не указан	(1320-1327)	0,24	С/160. Обломана
5	**Анэпиграфная**	Не указан	(1300-1320)	1,25	С/185
6	**Анонимная**	Не указан	[681-690 / 1282-1291]	1,25	С/214. Легенда не прочитана
7	**Узбек?**	Сарай?	(1312-1341)?	0,8	Вариант не определяется
8	**Узбек**	Не прочитан	(1312-1341)	0,98	Вариант не определяется

9	**Джанибек**	Гулистан	752 / 1351-1352	1,43	Сагдеева, 209
10	**Джанибек**	Гулистан	457=754	1,38	На конверте написан год 757. Сагдеева, 211
11	**Бирдибек**	Гулистан	759 / 1357-1358	1,44	Сагдеева, 273
12	**Мурид**	Гулистан	763 / 1361-1362	1,38	Сагдеева, 314
13	**Мурид**	Гулистан	[764 / 1362-1363]	0,81	Сагдеева, 316
14	С именем ан-Насира	Не указан	(1240-е – 1250-е)	3,21	Янина, 1954, 2
15	Анонимная	Сарай	[721 / 1321-1322]	0,92	Звезда. Янина, 1954, 30
16-17	Анонимная	Не указан	Не указан(1320-е)	0,93; 1,10	2 экз. Тамга в треугольнике. Янина, 1954, 14
18-19	Анонимная	Булгар	(1332-1336)	1,51; 1,56	2 экз. Тамга в звезде. Янина, 1954, 37. Вар. Булгар / пули
20-21	Анонимная	Булгар	(1332-1336)	1,19; 2,27	2 экз. Тамга в звезде. Янина, 1954, 37. Вар. Пулу /Булгар
22	Анонимная	Сарай	[737] (1336-1337)	1,37	Лев и солнце. Янина, 1954, 40
23	Анонимная	(Сарай-Сарай ал-Джадид)	(1330-е – 1340-е)	1,07	Перечекан «лев-солнце» в «двуглавый орёл»
24	Узбек	Крым	Не указан(1310-е – 1330-е)	1,56	Лебедев, М 49
25-26	Анонимная	Крым	[743 / 1342-1343]	1,87; 1,65	2 экз. Лебедев, М 50.
27-30	Анонимная	Сарай ал-Джадид	Не указан(1340-е)	1,3; 1,18; 0,76; 0,96	4 экз. Двуглавый орёл. Янина, 1954, 48-50
31	Анонимная	Сарай ал-Джадид	752 / 1351-1352	1,80	Розетка. Янина, 1954, 67
32-33	Анонимная	Сарай ал-Джадид	Стёрто(1350-е)	1,36; 2,25	2 экз. Розетка
34	Анонимная	Сарай ал-Джадид	760 / 1358-1360	1,45	Розетка. Как Янина, 1954, 67
35	Анонимная	Сарай ал-Джадид	Стёрто(1350-е)	2,8	Розетка. Неясный надчекан
36	Тимур-Ходжа	Сарай ал-Джадид	[762 / 1351-1352]		Разломана. Янина, 1962, 90 а
37-39	Хызр	Сарай ал-Джадид	762 / 1360-1361	3,13; 3,19; Х	3 экз. Вес №39 не сохранился. Янина, 1954, 90
40	Хызр	Сарай ал-Джадид	Стёрто (1360-е)	3,02	Янина, 1954, 90
41-42	Хызр	Гулистан	762 / 1360-1361	3,05; 2,82	2 экз.Янина, 1954, 88
43-48	Хызр	Гулистан	Стёрто (1360-е)	3,35; 2,97; 3,36; 3,57; 2,17; 4,14	6 экз.Янина, 1954, 88
49	«Али»	Не прочитан	XIV век	1,15	Хулагуиды. Чекан Закавказья
50	Анонимная	Сарай	787 / 1385-1386	1,79	Надчекан. Янина, 1954, 123
51-52	Стёрто	Стёрто	Стёрто	1,8; 0,58	2 экз.

*Шифр серебряных монет XIII– начала XIV в. приводится по А.З. Сингатуллиной, 2003.

Как подъёмный материал этого года указаны пулы «Хызр, Гулистан, вес 2,24 г» (№53), пул с надчеканом «Зафар», вес 1,97 г (№54). В дальнейшем анализе они не учитаны.

Рис. 2. Раскоп CIV: 1 – Пул «лев и солнце», Сарай, (1330-е). Вес 1,37 г; 2 – Пул «розетка», Сарай ал-Джадид, 752 г.х. Вес 1,80 г; 3 – Пул «розетка», Сарай ал-Джадид, 760 г.х. Вес 1,45 г; 4 – Пул Хызр хана, Гулистан, (1360-е). Вес 3,36 г; 5 – Пул Хызр хана. Сарай ал-Джадид, (1360-е). Вес 3,13 г; 6 – Пул с надчеканом «Зафар», подъёмный материал. Вес 1,97 г;7 – Пул «Али», XIV в. Вес 1,15 г. Раскоп CIX: 8 – Дирхем анонимный 686 г.х., Булгар, С/56; 9 – Дирхем анэпиграфный, С/173; 10 – Джанибек, Сарай ал-Джадид, 745 г.х.; 11 – Пул «тамга в треугольнике», (1320-е). Вес 0,96 г; 12 – Пул «двуглавый орёл», Сарай ал-Джадид, (1340-е). Вес 1,28 г; 13 – Пул «решётка», Булгар, (1340-е). Вес 1,61 г.

Fig. 2. Excavation CIV: 1 – Pul "Lion and the Sun", Sarai, (1330s). Weight 1.37 g; 2 – Pul “Rosette”, Sarai al-Jadid, 752 g.h. Weight 1.80 g; 3 – Pul “Rosette”, Sarai al-Jadid, 760 AH Weight 1.45 g; 4 – Pul of Khizr Khan, Gulistan, (1360s). Weight 3.36 g; 5 – Pul of Khizr Khan. Sarai al-Jadid, (1360s). Weight 3.13 g; 6 – Pul with "Zafar", surface find. Weight 1.97 g;7 – Pul "Ali", XIV century. Weight 1.15 g. Excavation CIX: 8 – Anonymous Dirham 686 AH, Bolgar, C/56; 9 – Anepigraphic Dirhem, C/173; 10 – Janibek, Sarai al-Jadid, 745 AH.; 11 – Pul "tamga in a triangle", (1320s). Weight 0.96 g; 12 – Pul “Double-headed eagle”, Sarai al-Jadid, (1340s). Weight 1.28 g; 13 – Pul “Lattice”, Bolgar”, (1340s). Weight 1.61 g.

Таблица 2. Монеты из раскопа CV (Рис. 3).
Table 2. Coins from the excavation CV (Fig. 3).

№	Эмитент	МД	Время чеканки	Вес, г.	Примечание
1	Анонимная	Сарай	[686-687 / 1287-1289]	1,45	Сычёв, с. 52-53
2	Анонимная	Не указан	1290-е*	1,16	С/137
3	**Анонимная**	Не указан	Последняя четверть XIII – I четверть XIV в.	1,21	С/167
4	**Анэпиграфная**	Не указан	(1300-1320)	1,29	С/195
5	**Мухаммад Узбек**	Булгар ал-Махруса	«723»=733 (1332-1333)	1,36	БП** 2018, S19
6	**Мухаммад Узбек**	Булгар ал-Махруса	(731 / 1330-1331)	1,35	БП 2018, S 10
7	**Мухаммад Узбек**	Булгар ал-Махруса	«723»=733 (1332-1333)	1,52	На конверте – 1,8 г. БП 2018, S19
8	**Узбек**	Сарай	(714-721 / 1314-1322)	1,34	Сагдеева, 198
9	**Джанибек**	Сарай ал-Джадид	(746 / 1345-1346)	1,42	Сагдеева, 224
10	**Джанибек**	Сарай ал-Джадид	(747 / 1346-1347)	0,87	Сагдеева, 224~235
11	**Стёрто**	Стёрто	Не опре-деляется	0,44	
12-13	Анонимная	Не указан	Не указан(1320-е)	1,25; 0,57	2 экз. Тамга в треугольнике. Янина, 1954, 14
14	Анонимная	Болгар	734 / 1333-1334	1,80	Тамга в звезде. Янина, 1954, 37
15-20	Анонимная	Сарай ал-Джадид	Не указан(1340-е)	0,97;0,71; 1,50;1,12; 1,21; 1,51	6 экз. Двуглавый орёл. Янина, 1954, 48-50
21	Анонимная	Сарай ал-Джадид	Стёрто (1350-е)	1,27	Розетка. Как Янина, 1954, 67

22	Хызр	Гулистан	762 / 1360-1361	3,00	Янина, 1954, 88
23	Не установлен			0,57	Обломок

*Скорее всего – после 692 / 1292-1293 г. **БП – Бугарчев, Петров, 2018.

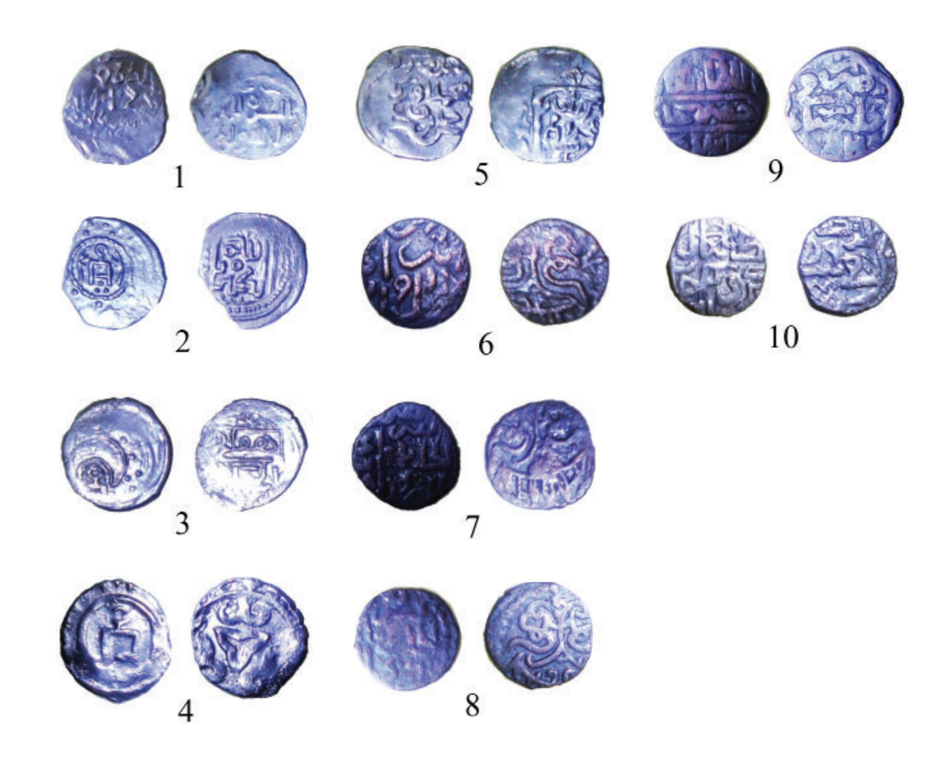

Рис. 3. Раскоп CV: 1 – Дирхем анонимный, Сарай. (1287–1289); 2 – Дирхем анонимный, С/137; 3 – Дирхзам анонимный, С/157; 4 – Дирхем анэпиграфный, С/195; 5 – Узбек, Булгар ал-Махруса; 6 – Пул «Двуглавый орёл», (1340-е). Вес 1,12 г; 7 – Пул «Двуглавый орёл», (1340-е). Вес 1,21 г; 8 – Пул «Двуглавый орёл», (1340-е). Вес 1,51 г; 9 – Пул Хызр хана, Гулистан, (1360-е). Вес 3,00 г; Раскоп CXIII: 10 – Бирдибек, Гулистан, 759 г.х.
Fig. 3. Excavation CV: 1 – Anonymous Dirham, Sarai. (1287-1289); 2 – Anonymous Dirham, C/137; 3 – Anonymous Dirham, C/157; 4 – Anonymous Dirham, C/195; 5 – Uzbek, Bolgar al-Makhrusa; 6 – Pul "Double-headed Eagle", (1340s). Weight 1.12 g; 7 – Pul “Double-headed Eagle”, (1340s). Weight 1.21 g; 8 – Pul “Double-headed Eagle”, (1340s). Weight 1.51 g; 9 – Pul of Khizr Khan, Gulistan, (1360s). Weight 3.00 g; Excavation CXIII: 10 – Berdibek, Gulistan, 759 AH.

Таблица 3. Монеты из раскопа CVIII (Рис. 4).
Table 3. Coins from excavation CVIII (Fig. 4).

№	**Эмитент**	**МД**	**Время чеканки**	**Вес, г**	**Примечание**
1	Анэпиграфная	Не указан	[686-690] / (1287-1291)	1,28	С/100. Зногая тамга
2	Анонимная	Не указан	Не указан(1320-1327)	0,97	С/202
3	**Узбек**	Сарай	717 / 1317-1318	1,45	Сагдеева, 200
4	**Узбек**	Сарай	739 / 1338-1339	1,47	На конверте 731 г. Сагдеева, 204
5	Анонимная	Булгар	Стёрто (1330-е)	0,55	Тамга в звезде. Янина, 1954, 37
6-8	Анонимная	Сарай ал-Джадид	Не указан(1340-е)	1,57; 1,1; 1,27	3 экз. Двуглавый орёл. Янина, 1954, 48-50
9	Анонимная	Булгар	Не указан(1340-е)	1,17	Решётка
10-12	Хызр	Гулистан	Стёрто (1360-е)	2,8; 2,5; 3,35	3 экз.Янина, 1954, 88
13	Хызр	Гулистан	762 / 1360-1361	3,07	Янина, 1954, 88
14-15	Стёрто	Стёрто	Стёрто	0,65; 0,8	2 экз. Неопределимые пулы

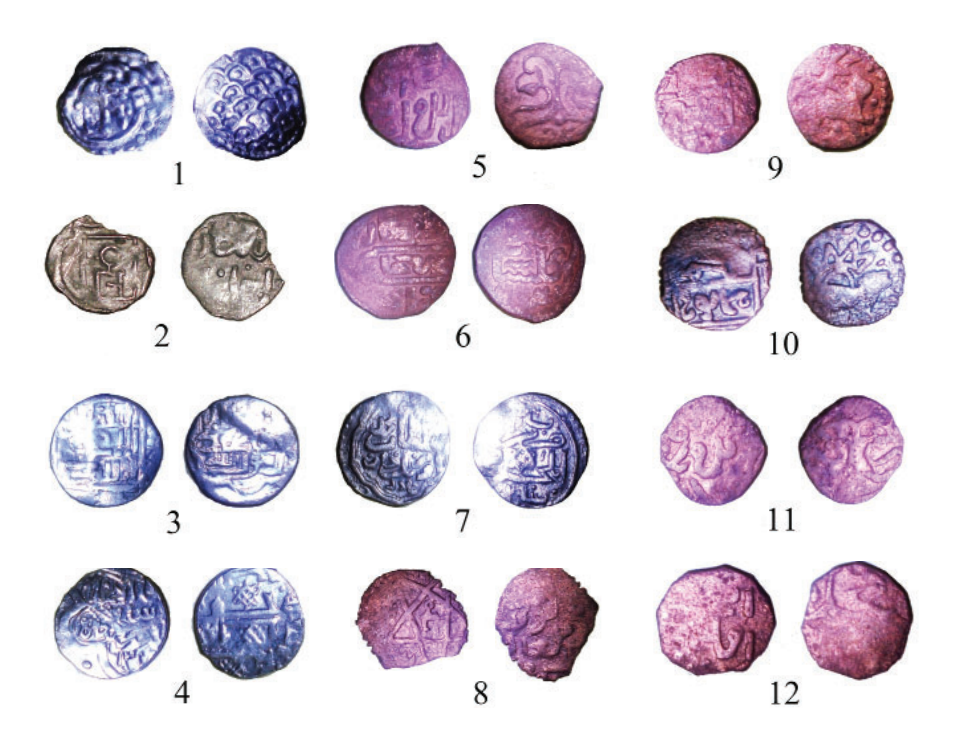

Рис. 4. Раскоп CVIII: 1 – Дирхем анэпиграфный, С/100; 2 – Фракция анонимная (Узбек), С/202; 3 – Узбек, Сарай, (1330-е); 4 – Узбек, Сарай, (1320-е – 1330-е) г; 5 – Пул «двуглавый орёл», Сарай ал-Джадид, (1340-е). Вес 1,57 г; 6 – Пул Хызр хана, Гулистан, 762 г.х. Вес 3,07 г; Раскоп CXV: 7 – Узбек, Сарай ал-Махруса, 722 г.х.; 8 – Пул «тамга в звезде», Булгар, (1330-е). Вес 1,85 г; 9 – Пул «лев и полное солнце», Сарай, (1330-е). Вес 1,55 г; 10 – Пул «лев и солнце», (1330-е). Вес 1,15 г;11 – Пул «двуглавый орёл», Сарай ал-Джадид, (1340-е). Вес 1,10 г; 12– Пул «двуглавый орёл», Сарай ал-Джадид, (1340-е). Вес 0,95 г.
Fig. 4. Excavation CVIII: 1 – Anepigraphic Dirham, C/100; 2 – Anonymous fraction (Uzbek), C/202; 3 – Uzbek, Sarai, (1330s); 4 – Uzbek, Sarai, (1320s – 1330s) g; 5 – Pul "Double-headed Eagle", Sarai al-Jadid, (1340s). Weight 1.57 g; 6 – Pul Khizr Khan, Gulistan, 762 AH. Weight 3.07 g; Excavation CXV: 7 – Uzbek, Sarai al-Makhrusa, 722 AH; 8 – Pul "Tamga in the star", Bolgar, (1330s). Weight 1.85 g; 9 – Pool "Lion and the full Sun", Barn, (1330s). Weight 1.55 g; 10 – Pool "Lion and the Sun", (1330s). Weight 1.15 g;11 – Pul "Double-headed Eagle', Sarai al-Jadid, (1340s). Weight 1.10 g; 12– Pul "Double-headed Eagle", Sarai al-Jadid, (1340s). Weight 0.95 g.

Таблица 4. Монеты из раскопа CIX (Рис. 2, рис. 5).
Table 4. Coins from excavation CIX (Fig. 2, fig. 5).

№	Эмитент	МД	Время чеканки	Вес, г	Примечание
1	Мунке	Булгар	Не указан (1250-е)	1,42	Янина, 1954, 4
2	Анонимная	Булгар	686 / 1287-1288	1,11	С/56
3	**Анэпиграфная**	Не указан	(1290-е – 1300-е)	0,37	«Змей». Обломан
4	**Анэпиграфная**	Не указан	(1320-1327)	1,18	С/173
5	**Джанибек**	Сарай ал-Джадид	745 / 1344-1345	1,47	Сагдеева, 217
6-7	Анонимная	Не указан	Не указан(1320-е)	0,96; 1,22	2 экз. Тамга в треугольнике. Янина, 1954, 14
8	Анонимная	Булгар	Стёрто(732-736 / 1331-1336)	1,32	Тамга в звезде. Янина, 1954, 37Вар. Булгар / Пули
9	Анонимная	Азак	737 / 1336-1337	1,33	Лев и солнце
10	Анонимная	Булгар	Не указан(1340-е)	1,61	Решётка
11-12	Анонимная	Сарай ал-Джадид	Не указан(1340-е)	1,28; 1,02	2 экз. Дву-главый орёл. Янина, 1954, 48-50

Рис. 5. Раскоп CXVIII: 1 – Дирхем анэпиграфный, С/161; 2 – Дирхем анэпиграфный, С/157; 3 – Дирхем анэпиграфный, С/176; 4 – Пул «тамга в треугольнике», (1320-е). Вес 1,32 г; 5 – Пул «тамга в треугольнике», (1320-е). Вес 0,87 г. Раскоп CIX: 6 – Дирхем со змеем, обломок; 7 – Пул «тамга в треугольнике», (1320-е). Вес 1,22 г; 8 – Пул «тамга в звезде», Булгар, (1330-е). Вес 1,32 г; 9 – Пул «двуглавый орёл», Сарай ал-Джадид, (1340-е). Вес 1,02 г.

Fig. 5. Excavation CXVIII: 1 – Anonymous Dirham, C/161; 2 – Anonymous Dirham, C/157; 3 – Anonymous Dirham, C/176; 4 – Pul “Tamga in the triangle”, (1320s). Weight 1.32 g; 5 – Pul “Tamga in the triangle”, (1320s). Weight 0.87 g. Excavation CIX: 6 – Dirhams with a snake, a fragment; 7 – Pul “Tamga in the triangle”, (1320s). Weight 1.22 g; 8 – Pul “Tamga in the star”, Bulgar, (1330s). Weight 1.32 g; 9 – Pul “Double-headed Eagle”, Sarai al-Jadid, (1340s). Weight 1.02 g.

Таблица 5. Монеты из раскопа CXIII (Рис. 3).
Table 5. Coins from excavation CXIII (Fig. 3).

№	Эмитент	МД	Время чеканки	Вес, г	Примечание
1	Бирдибек	Гулистан	759 / 1357-1358	0,72	Обрезана. Сагдеева, 273
2	Анонимная	Не указан	Не указан(1320-е)	0,46	Тамга в треугольнике. Янина, 1954, 14
3	Анонимная	Булгар	Стёрто (1330-е)	Не сохранился	Обломок
4	Анонимная	Сарай	Не указан(1330-е)	1,15	Лев и солнце
5	Анонимная	Сарай	Стёрто (1330-е)?	1,28	(Лев и солнце)?
6	Анонимная	Сарай ал-Джадид	Не указан(1340-е)	1,28	Двуглавый орёл. Янина, 1954, 48-50

Таблица 6. Монеты с раскопа CXV (Рис.3).
Table 6. Coins from the excavation CXV (Fig.3).

№	Эмитент	МД	Время чеканки	Вес, г	Примечание
1	**Анэпиграфная**	Не указан	(XIII-нач. XIV)	0,12	Фракция. Обломана
2	**Узбек**	Сарай ал-Махруса	722 / 1322-1323	1,37*	1,9 г (так на конверте). Сагдеева, 201
3	Мунке	Булгар	Не указан (1250-е)	1,25	Янина, 1954, 4
4-5	Анонимная	Не указан	Не указан(1320-е)	1,70; 0,8	2 экз.Тамга в треугольнике. Янина, 1954, 14
6-7	Анонимная	Булгар	Стёрто (1330-е)	0,82; 1,85	2 экз. Тамга в звезде. Янина, 1954, 37
8	Анонимная	Сарай?	Не указан(1330-е)	1,55	Лев и полное солнце
9-11	Анонимная	Сарай	Стёрто (1330-е)	1,5; 1,15; 1,36	3 экз. Лев и солнце

12-16	Анонимная	Сарай ал-Джадид	Не указан(1340-е)	1,4; 1,10; 1,33; 1,08; 0,95	5 экз. Дву-главый орёл. Янина, 1954, 48-50
17	Анонимная	Сарай ал-Джадид	(752 / 1351-1352)	2,15	Розетка. Как Янина, 1954, 67
18	Анонимная	Сарай ал-Джадид	Стёрто (1350-е)	1,1	Розетка. Как Янина, 1954, 67
19-20	Хызр	Гулистан	762 / 1360-1361	1,86; 0,6	2 экз.Янина, 1954, 88
21	(Обрывки легенд)	Стёрто	Стёрто	0,76	Перечекан
22-25	Стёрто	Стёрто	Стёрто	1,35; 0,75; 0,9; 0,9	4 экз. Неопределимые

*Взвешено автором.

Таблица 7. Монеты из раскопа CXVIII (Рис. 5).
Table 7. Coins from the excavation CXVIII (Fig. 5).

№	Эмитент	МД	Время чеканки	Вес, г	Примечание
1	Анэпиграфная	Не указан	(1320-1327)	1,13	С/157
2	Анэпиграфная	Не указан	(1300-1320)	0,85	Обломан. С/161
3	Анэпиграфная	Не указан	(1320-1327)	1,00	С/176
4	Узбек	Булгар ал-Махруса	[733](1332-1333)	1,28	БП S 17~S 18
5-10	Анонимный	Не указан	Не указан(1320-е)	1,15; 1,01; 0,97; 1,32; 0,87; 1,00	6 экз. Тамга в треуголь-нике. Янина, 1954, 14

Сведём сведения о количестве монет в единую таблицу (табл. 8).

Для сравнения укажем количество дирхемов и пулов в раскопе CLXXIX: серебряные – 283 экз., медные – 1903 экз.

Таблица 8. Количество атрибутированных монет по раскопам
Table 8. Number of attributed coins by excavations

Раскоп	Площадь, кв.м	Серебро	Медь	Всего
CIV	100	13	37	50
CV	48	10	11	21
CVIII	48	4	9	13
CIX	48	4	8	12
CXIII	48	1	5	6
CXV	84	2	18	20
CXVIII	40	4	6	10
Всего	**416**	**38**	**94**	132

Подавляющее количество монет чеканено в Сарае, Новом Сарае, Гулистане и Булгаре, единичными экземплярами представлены монетные дворы Крым (2 экз.) и Азак (1 экз.).

Монетное обращение Улуса Джучидов разделяется на шесть этапов (Петров, 2016, с. 619–631). Представим нумизматический комплекс раскопов CIV–CXVIII согласно разработанной схеме (за 100% взято количество в 131 монету, без учёта закавказского пула «Али») (табл. 9).

Наблюдается минимальное количество экземпляров, выпущенных во время правления Токтамыша, – это пятый этап, 1380–1399 гг. Монеты шестого этапа (1399 г. – первая половина XV в.) в указанных раскопах вообще не зафиксированы.

Из таблицы 9 следует, что более половины всего нумизматического комплекса приходится на правление ханов Узбека и Джанибека – на 1331–1357 годы. Материал четвёртого этапа – это монеты, чеканенные ханами от Бердибека до Мурида, то есть в период 1358–1363 гг. Количество дирхемов и пулов 1358–1399 гг. более чем в два раза меньше количества монет третьего этапа. Данный факт является чётким показателем активности денежного обращения на территории Болгарского городища.

Приведём метрологию «серебра» и «меди» по ранее полученным результатам из раскопа CLXXIX:

– дирхамы булгарской чеканки 1320–1329 гг. – учтено 20 экз., максимум значения веса 1,32 ± 0,02 г;

– дирхамы Булгара ал-Махруса 1330–1333 гг. – учтено 32 экз., максимум 1,54 ± 0,02 г (Валеев, Бугарчев, 2022, с. 138–139)[2];

Таблица 9. Распределение по этапам денежного обращения
Table 9. Distribution by stages of coin circulation

Этап, годы	Экземпляры	%	Примечание
1 – 1230-е – 1266	3	2,3	
2 – 1267 – 1330	32	24,4	
3 – 1331[1] - 1357	69	52,7	
4 – 1358 – 1379	25	19,1	
5 – 1380 - 1399	2	0,8	

[1] Денежная реформа проводилась в разных регионах в разное время: в Хорезме в 706 / 1306-1307 г., в Крыму в 707 / 1307-1308 г., в Нижнем Поволжье в 710 / 1310-1311 г., в Булгарском вилайате в 731 / 1330-1331 г. (Петров, 2016, с. 626).

Рис. 6. Карта Болгарского городища с указанием раскопов. По Р.Ф. Шарифуллину (Шарифуллин, 2016, вклейка).
Fig. 6. Map of the Bolgar settlement with an indication of the excavations. After R.F. Sharifullin (Sharifullin, 2016, inset).

– булгарские пулы «тамга в треугольнике» 1320-х гг. – учтено 317 экз., максимум 1,0 ± 0,2 г;

– булгарские пулы «тамга в звезде» 1330-х гг. – учтено 239 экз., максимум 1,4 ± 0,2 г;

– сарайские пулы «лев и солнце» 1330-х гг. – учтено 245 экз., максимум 1,2 ± 0,2 г;

– пулы «двуглавый орёл» 1340-х гг. – учтено 406 экз., максимум 1,2 ± 0,2 г;

– пулы «розетка» 1350-х гг. – учтено 76 экз., максимум 1,7 ± 0,2 г;

– пулы с именем Хызр хана Гулистана – учтено 153 экз., максимум 3,1 ± 0,2 г (Бугарчев, 2020, с. 8–11).

Булгарские серебряные монеты последней четверти XIII – первой четверти XIV в. с максимумом 1,32 г (указный вес 1,39 г) в результате реформы 1330–1331 г. были заменены дирхамами с указным весом 1,56 г чеканки южных монетных дворов и Булгара «Богохранимого» (Бугарчев, Петров, 2018).

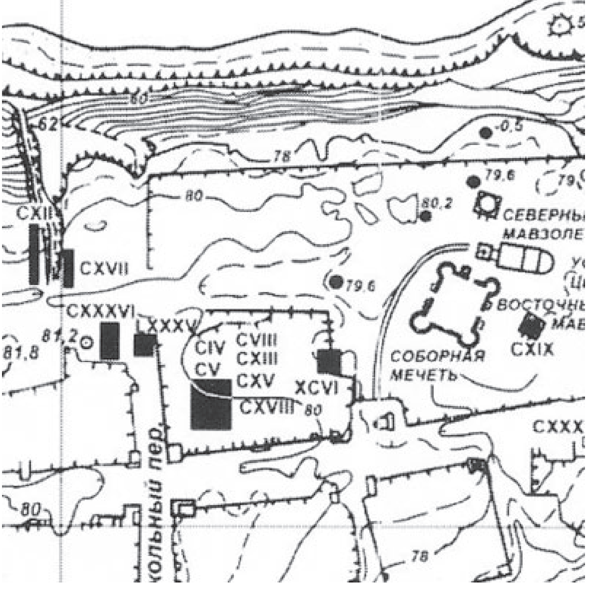

Рис. 7. Раскопы CIV-CXVIII по Р.Ф. Шарифуллину (Шарифуллин, 2016, увеличенная часть из вклейки).
Fig. 7. Excavations CIV-CXVIII by R.F. Sharifullin (Sharifullin, 2016, enlarged part of the pasting).

Для полноценного типологического и метрологического анализа нумизматического комплекса необходимо учесть материалы всего Центрального базара – раскопы CLXXIX и CXCII, приведённые в данной статье цифры по раскопам CIV–CXVIII, а также почти неизученные находки Вячеслава Сергеевича Баранова – это раскопы CLXVII и CLXXVI.

Благодарность: Автор благодарит Галину Михайловну Зарифуллину (Болгарский музей-заповедник) за помощь в подборе материала. Также автор благодарит Министерство обороны РФ за поддержку при написании данной работы.

Примечания:

[1] Для монет, битых после 1266 г., за критерий типа принимаются два параметра – композиционное оформление и содержание легенд на каждой из сторон монеты. Изменение одного из параметров даже на одной из сторон означает смену типа (Бугарчев, Петров, 2018, с. 19).

[2] Дирхемы нижневолжской чеканки из раскопа CLXXIX находятся в стадии изучения.

ЛИТЕРАТУРА

Бадеев Д.Ю. Краткий обзор нумизматического материала // Центральный базар Болгара и его окружение (междисциплинарные исследования по материалам раскопок 2011-2019 гг.) / Отв. ред. В.Ю. Коваль. М.; СПб.: Нестор-История, 2022. С. 34–39.

Бугарчев А.И. Предварительные итоги изучения нумизматического материала раскопа CLXXIX Болгарского городища // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Т. III. / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: СГСПУ, 2020. С. 8–11.

Бугарчев А.И., Петров П.Н. Монетные клады Булгарского вилайата XIII – первой четверти XIV вв. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 336 с.

Бугарчев А.И., Степанов О.В. Обзор пулов Мохши, найденных на территории Болгарского городища // Языки культуры в контексте исторического наследия: к 100-летию со дня рождения Э.Р. Тенишева: сб. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. / Под ред. Ж.З. Туктаровой, В.Ф. Мухамеджановой, Г.Х. Самочкиной. Пенза: ПГУ, 2021. С. 287–290.

Валеев Р.М., Бугарчев А.И. Серебряные монеты XIII – начала XIV в. из раскопа CLXXIX Болгарского городища // Поволжская археология. 2022. № 2 (40). С. 135–144.

Лебедев В.П. Каталог монет Крыма в составе Золотой Орды (середина XIII – начало XV в.) // Вестник Одесского музея нумизматики. № 2 / Науч. ред. С.Б. Охотников. Одесса: АИЗТ «Полис», 2000. С. 1–48.

Мухаметшин Д.Г. Общий обзор коллекции монет раскопа CLXXIX с Болгарского городища Республики Татарстан // Археология Евразийских степей. 2018. № 5. С. 223–230.

Мухаметшин Д.Г., Федорова Е.А. Нумизматический материал из Болгар по итогам раскопок 2014 г. // Нумизматика Золотой Орды. 2016. №6. С. 18–32.

Сагдеева Р.З. Серебряные монеты ханов Золотой Орды. М.: Горячая линия-Телеком, 2005. 78 с.

Сингатуллина А.З. Джучидские монеты поволжских городов XIII в. Казань: Заман, 2003. 192 с.

Сычев Ю.В. Чеканное серебро Сарая и Укека XIII – начала XIV вв. (поштемпельный анализ). Саратов: Амирит, 2022. 154 с.

Фёдорова Е.А. Пулы Нуриджана из раскопа CLXXIX Болгарского городища // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2020 года. Мат-лы докладов и сообщений / Отв. ред. Е.В. Захаров. М.: ГИМ, 2020. С. 111–114.

Храмченкова Р.Х., Шайхутдинова Е.Ф., Бугарчев А.И., Петров П.Н., Ситдиков А.Г. Сравнительный анализ химического состава и структуры пореформенных серебряных монет Джучидов (по материалам раскопа CLXXIX Болгарского городища) // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2017 года. Мат-лы докладов и сообщений / Отв. ред. Е.В. Захаров. М.: РИА Внешторгиздат, 2017. С. 97–104.

Шарифуллин Р.Ф. Археология Болгара в 1981-2009 годах // Город Болгар: жилища и жилая застройка / Отв. ред. А.Г. Ситдиков. М.: Наука, 2016. С. 246–264.

Янина С.А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946-1952 гг. // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I / МИА. № 42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1954. С. 424–484.

Янина С.А. Общий обзор коллекции джучидских монет из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. IV / МИА. №111 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1962. С. 153–178.

Информация об авторе:

Бугарчев Алексей Игоревич, лаборант-исследователь отдела средневековой археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук РТ (г. Казань, Россия); abugar.61@rambler.ru

REFERENCES

Badeev, D. Yu. 2022. In Koval, V. Yu. (ed.). *Tsentral'nyy bazar Bolgara i ego okruzhenie (mezhdistsiplinarnye issledovaniya po materialam raskopok 2011–2019 gg.) (The central bazaar of Bolgar and its surroundings (interdisciplinary research based on materials from 2011–2019 excavations)).* Moscow; Saint Petersburg: “Nestor-Istoriya” Publ., 34–39 (in Russian).

Bugarchev, A. I. 2020. In Derevyanko, A. P., Makarov, N. A., Mochalov, O. D. (eds.). *Trudy **VI (XXII)** Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Barnaule–Belokurikhe (Proceedings of the 6th (22ndt) All-Russia Archaeological Congress in Barnaul, Belokurikha)* **III**. Samara: Samara State Pedagogical University, **8–11** (in Russian).

Bugarchev, A. I., Petrov, P. N. 2018. *Monetnye klady Bulgarskogo vilayata XIII – pervoy chetverti XIV vv. (Coin hoards of the Bolgar Vilayat of the Golden Horde in the XIII – first quarter of the XIV century).* Kazan: Institute for History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).

Bugarchev, A. I., Stepanov, O. V. 2021. In Tuktarova, Zh. Z., Mukhamedhanova, V. F., Samochkina, G. Kh. (eds.). *Yazyki kul'tury v kontekste istoricheskogo naslediya: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya E.R. Tenisheva (Languages of Culture in the context of historical heritage: on the 100th anniversary of E.R. Tenishev’s birth).* Penza: Penza State University, 287–290 (in Russian)

Valeev, R. M., Bugarchev, A.I. 2022. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 40 (2), 135–144 (in Russian).

Lebedev, V. P. 2000. In Okhotnikov, S. B. (ed.). *Vestnik Odesskogo muzeia numizmatiki (Bulletin of Odessa Museum of Numismatics)* 2. Odessa: “Polis” Publ., 1–48 (in Russian).

Mukhametshin, D. G. 2018. In *Arheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 223–230 (in Russian).

Mukhametshin, D. G., Fedorova, E. A. 2016. In *Numizmatika Zolotoi Ordy (Golden Horde Numismatics)* 5, 18–32 (in Russian).

Sagdeeva, R. Z. 2005. *Serebrianye monety khanov Zolotoi Ordy. Katalog-opredelitel'. (Silver Coins of the Golden Horde Khans. Catalogue Search Guide)*. Moscow: “Goriachaia liniia – Telekom” Publ. (in Russian).

Singatullina, A. Z. 2003. *Dzhuchidskie monety povolzhskikh gorodov XIII v. (Jochid Coins in Volga Cities in 13th c.)*. Kazan: “Zaman” Publ. (in Russian).

Sychev, Yu. V. 2022. *Chekannoe serebro Saraya i Ukeka XIII – nachala XIV vv. (poshtempel'nyy analiz) (Chased silver of Sarai and Ukek of the XIII – early XIV centuries)*. Saratov: “Amirit” Publ. (in Russian).

Fedorova, E. A. 2020. In Zakharov, E. V. (ed.). *Numizmaticheskie chteniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya 2020 goda (Numismatic Readings of the State Historical Museum of 2020).* Moscow: State Historical Museum, 111–114 (in Russian).

Khramchenkova, R. Kh., Shaykhutdinova, E. F., Bugarchev, A. I., Petrov, P. N., Sitdikov, A. G. 2017. In Zakharov, E. V. (ed.). *Numizmaticheskie chteniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya 2017 goda (Numismatic Readings of the State Historical Museum of 2017).* Moscow: “Vneshtorgizdat” Publ., 97–104 (in Russian).

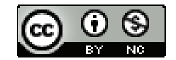
Sharifullin, R. F. 2016. In Sitdikov, A. G. (ed.). *Gorod Bolgar. Zhilishcha i zhilaya zastroyka* (*City of Bolgar. Dwellings and Residential Buildings).* Moscow: “Nauka” Publ., 246–264 (in Russian).

Yanina, S. A. 1954. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* Vol. 1. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the USSR Archaeology) 42. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 424–484 (in Russian).

Yanina, S. A. 1962. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* Vol. 4. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the USSR Archaeology) 111. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 153–178 (in Russian).

About the Author:

Bugarchev Aleksei I. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; abugar.61@rambler.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2024 г.
Статья принята к публикации 01.10.2024 г.

УДК 9.903.7 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.5.322.336

ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ХРАМОВЫХ СООРУЖЕНИЯХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ

© 2024 г. А.М. Курбонов

В исторической науке особый интерес вызывают храмы и дворцы Бактрии и Маргиани в эпоху бронзы. В последней трети XX – начале XXI вв. в археологии бронзового века в южных районах Туркменистана, Узбекистана и северного Афганистана было сделано ряд глобальных открытий объектов археологического наследия, между которыми исследователи отмечают определенную связь. В связи с этим В. И. Сарианиди предложил объединить их под названием Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (БМАК), А. П. Франкфор – общим названием цивилизация Окса, а В.М. Массон – Протобактрия. Тем не менее, в данной области (если можно так назвать) зафиксированы несколько памятников, датируемых периодом бронзового века на территории Средней Азии и построенных в земледельческих оазисах Намазга, Дашли, Сапалли. Интересен памятник Саразм, расположенный на юго-западе Таджикистана. Он считается местом проживания древней крестьянской общины и расположенным на границе с БМАК. В данной статье предпринимается попытка сделать анализ сходства и различий в приемах, способах и строительной техники строительства монументальных сооружений, их оборонительных стен, места храмовой архитектуры в инфраструктуре ранней городской культуры и ее локальных поселений, а также определено влияние инновационных процессов на развитие строительной техники на таких археологических памятниках как Саразм, Гонур, Тоголок-21, Дашлы-3 и Жаркутан.

Ключевые слова: Средняя Азия, бронзовый век, БМАК, храмы, алтарь, инновационные процессы, архитектура, Саразм, Тоголок-21, Дашлы-3, Джаркутан.

INNOVATION PROCESSES IN BRONZE AGE TEMPLES IN THE CENTRAL ASIA

A.M. Kurbonov

The temples and palaces of Bactria and Margiana in the Bronze Age are of special interest in historical science. In the last third of the XX – early XXI centuries, in the archaeology of the Bronze Age in the southern regions of Turkmenistan, Uzbekistan and northern Afghanistan, a number of global discoveries of archaeological heritage sites were made, between which researchers note a certain connection. In this regard, V.I. Sarianidi proposed to unite them under the name of the Bactria-Margiana Archaeological Complex (BMAC), A.P. Frankfor – under the general name of the Oxus civilization, and V. M. Masson – Proto-Bactria. Nevertheless, in this area (if we can call it that) there are several monuments dating to the Bronze Age in Central Asia and built in the agricultural oases of Namazga, Dashly, Sapalli. The Sarazm sites, located in the southwest of Tadjikistan, are of interest. It is considered to be the place of residence of an ancient peasant community and is located on the border with the BMAC. This article attempts to analyze the similarities and differences in techniques, methods and building technologies for the construction of monumental structures, their defensive walls, the place of temple architecture in the infrastructure of early urban culture and its local settlements, and also determines the influence of innovative processes on the development of building techniques at such archaeological sites as Sarazm, Gonur, Togolok-21, Dashly-3 and Djarkutan.

Keywords: Central Asia, Bronze Age, BMAC, temples, altar, innovative processes, architecture, Sarazm, Togolok-21, Dashly-3, Djarkutan.

С 1970-х годов на территории древних Бактрии и Маргианы, а также на объекте археологического наследия Саразм в древней Согдии ведутся археологические исследования, в результате которых здесь был открыт ряд археологических памятников эпохи бронзы. Исследователи отмечают, что сформировавшаяся на этой территории цивилизация отличалась характерными чертами передовых культур, развивавшихся в крупных территори-

альных масштабах Древнего Востока – Шумера, Элама, Восточного Ирана и Белуджистана (Сарианиди, 1977; Исаков, 1986; 1991; Ширинов, 1993, Шайдуллаев, 2009). Они отражены в примерах градостроительства, архитектуры, ремесел и изобразительного искусства (Сагдуллаев и др., 2020, с. 98).

Следует отметить, что с середины III тыс. до н. э. до начала II тыс. до н. э. оседло-земледельческая культура и цивилизации городов-государств занимали юг современной Центральной Азии, но территория южного Таджикистана рассматривалась как далёкое и иное пограничье. В то же время обнаружение на этой территории памятников энеолита и бронзового века создает основу для нового подхода к культурному формированию этой территории. Одним из таких памятников является Саразмский памятник эпохи энеолита и первой фазы бронзового века (Исаков, 1991, с. 92). Другие исследователи, основываясь на археологическом материале, считают, что с конца III тыс. до н. э. до начала II тыс. до н. э. население поселения Саразм занималось сельским хозяйством, характерным для периода позднего энеолита и ранней бронзы (Besenval, 1987, 2001; Besenval and Isakov, 1989; Lyonnet and Isakov, 1996; Razzokov, 2008) В целом до недавнего времени ряд исследователей считали, что население бассейна Зерафшана отставало от первых городских культур Туркменистана, Афганистана и Индии на тысячу лет (Мукимов, Мамаджанова, 2020, с. 143).

В результате внешних миграций, обусловленных экономическими факторами, в верховьях Зарафшанского оазиса образовалось поселение Саразм. Представители населения северо-восточного Ирана, юго-западного Туркменистана и южного Афганистана активно участвовали в процессе эффективного использования полезных ископаемых Зарафшанского хребта (Исаков, 1986, с. 152–157).

Сегодня исследователи выделяют четыре этапа строительства поселения Саразм, которые объединяют все вышеупомянутые точки зрения (Исаков, Безенваль, 2000, с. 329).

Этапы строительства и формирования уникального поселенческого памятника Саразм нашли отражение и в материальной культуре первых религиозных представлений людей, верящих в огонь в Центральной Азии. При раскопках Саразма в различных слоях были обнаружены помещения с рядом огнепоклоннических алтарей. Археолог А. Исаков, проводивший археологические раскопки на данном археологическом объекте, считает, что первые два этапа относятся к эпохе энеолита, а на этапе Саразм-2 в пределах многокомнатного жилого комплекса появляется семейное место веры – круглый алтарь (рис. 1). В этот период в двух местах Саразмской области были построены специальные храмы огнепоклонников. Стены храмового здания окрашены в красный цвет, а посреди них помещен квадратный алтарь (рис. 2). На третьем этапе древнего Саразма появляется комплекс монументальных построек социального характера. Его структура состояла из общинного храма, общественных складов, помещений для религиозных атрибутов (Исаков, 1986, с. 45–46).

Помещения храма на памятнике Саразм отличаются от обычных жилых комплексов тем, что в них (помещения № 7–8) зафиксированы алтари. Алтарь в помещении № 7 имеет диаметр 80 см и расположен в центре помещения. Яма для костра в центре алтаря имеет глубину 19 см, на ее дне зафиксиро-

*Таблица 1.*Этапы строительства Саразма
Table 1. Sarazm building stages

№	Название	Даты
1	Саразм I	3100-2900 гг.до.н.э.
2	Саразм II	2900-2600 гг. до.н.э.
3	Саразм III	2600-2300 гг. до.н.э.
4	Саразм IV	2300-2000 гг. до.н.э.

Рис. 1. Саразм. Очаг-алтарь. Раскоп V, горизонт 3, помещение 1. Вид с ЮЮВ (по: Раззоков, 2016, с. 195).
Fig. 1. Sarasm. The hearth is an altar. Excavation V, horizon 3, room 1. View from the South (according to: Razzokov, 2016, p. 195).

Рис. 2. Саразм. Очаги-алтари. Раскоп IX, горизонт 3, помещение 1: 1 – очаг из помещения 1 (по: Раззоков, 2016, с. 224.)
Fig. 2. Sarasm. Hearths are altars. Excavation IX, horizon 3, room 1: 1 – hearth from room 1 (according to: Razzokov, 2016, p. 224.)

ван слой сгоревшего пепла. Помещение № 8 комплекса отличается от остальных. В частности, алтарное устройство круглой формы, его основание выше основания помещения на 15–16 см, глубина алтарной топки составляет 25 см. Западная стена помещения № 8, где расположен алтарь, окрашена в красный цвет, а остальная часть помещения от основания до потолка окрашена в разные цвета (Исаков, 1986, с. 45).

С третьего этапа формирования памятника Саразм (табл. 1) мы можем наблюдать монументальный характер строительства храмов, что свидетельствует о том, что религия стала принимать целостную форму. На самой высокой части древнего городища, располагается храм. Красный цвет стен помещений № 7–8 храмового комплекса свидетельствует об их религиозном характере. Предметы, связанные с алтарями и религиозными церемониями, были обнаружены в четырех помещениях религиозного комплекса, относящегося к этой фазе. Они свидетельствуют о том, что начал формироваться религиозно-идеологический центр населения. В первом корпусе центрального комплекса обнаружен прямоугольный алтарь размером 65×65 см, в центре второго корпуса – алтари размером 100×105 см. Кроме того, небольшая мельница для зерна, найденная в комнате № 2, возможно, служила для приготовления напитка хаома, используемого во время молитвы (Исаков, 1986, с. 48). Эти помещения отличаются от других тем, что они специально декорированы красками и строительными материалами, на которых изображен символ священного огня – одного из основных элементов зороастрийской религии (Эсанов, 2007, с. 119).

Огнепоклонные храмы, найденные в Саразме, отражают раннее состояние храмов бронзового века Древней Бактрии и Маргианы и во многом очень похожи на алтари бронзового века в целом (Сарианиди, 1977, с. 36). В религиозных воззрениях огнепоклонников огонь трактуется как символ солнца, высшего начала.

Следует отметить, что алтари, встречающиеся на памятниках Центральной Азии, по своему строению делятся на два типа: *а) круглые алтари; б) квадратные алтари.* (Рахимов, 2011, с. 21; Довуди, 2020, с. 92; Шайдуллаева, Курбонов, 2023, с. 296)

Диаметр круглых алтарей расположен в диапазоне 0,90–1,6 мм при толщине стен 15–22 см и ширине 8–10 см. Такие алтари имели распространение по всей Азии, начиная с энеолита и бронзового века. В частности, алтари круглой формы зафиксированы в Айнатепе, Чангтепе, Геоксиуре I Южного Туркменистана, в Калибангане Индии, в Курааракс Кавказа, в Сузах Ирана, в Анатолии Турции (Бокиев и др., 2015, с. 116).

По мнению А. Бокиева, круглые жертвенники появились в результате имитации формы неба и жениха, а жениху уподоблялся и пылающий в нем огонь. Была выдвинута гипотеза, что небольшое собрание алтаря в гробнице могло напоминать заходящее солнце для умершего (Бокиев и др., 2015, с. 116).

Алтари квадратного типа не имели столь широкого распространения. Мы можем наблюдать их на таких памятниках, как Саразм в Таджикистане, Алтын-депе и Дашлы-3 в Туркменистане (Исаков, 1986, с. 152–167; Массон, 1981, с. 64; Сарианиди, 1977, с. 34–39).

Из истории Древнего Востока известно, что в функции храмов входило не только совершение религиозных обрядов. Они также организовывали крупные хозяйства и владели землей (Авдиев, 1970, с. 45–49).

В научной литературе имеется ряд ценных сведений о значении храмов в жизни шумер-

ских городов: «Город и его жители были собственностью бога, а правитель или цари-жрецы были его земными управляющими, поэтому люди служили храм или бог» (Ллойд, 1984, с. 139). В обмен на труд каждому вольноотпущеннику была предоставлена в аренду земля из фонда шумерского храмового землевладения (Сагдуллаев и др., 2020, с. 99).

Согласно письменным источникам, в Эламе также было развито государственное и храмовое хозяйство, согласно которому государственное или царское хозяйство основывалось на труде рабов и зависимых слуг (Юсифов, 1963, с. 201).

В 1970 году в Северном Афганистане, в Дашлы, был обнаружен памятник эпохи бронзы Древней Бактрии, первый крупный религиозный центр огнепоклонников – Дашлы-3 (рис. 3). В ходе раскопок в центре археологического объекта был открыт круглый храм. Храм окружен тремя рядами оборонительных стен (Сарианиди, 1977, с. 34).

Что касается этимологии термина «дашли», то во многих туркменских диалектах термин «даш» (камень) используется для обозначения не только предметов, изготовленных из твердых минеральных пород (Пилипко, 2015, с. 81).

В плане памятник Дашлы-3 имел прямоугольную форму, а помещения № 1, 3 и 6 храмового комплекса занимали самую высокую часть храма в его центре. В яме алтарей, найденной в центральной части синагоги, были обнаружены обгоревшие фрагменты костей и костный пепел, превратившийся в белую массу. Алтари во втором и третьем залах храма и находящиеся в них обгоревшие фрагменты костей свидетельствуют о том, что эти помещения являются непосредственно священными предметами (Сарианиди, 1977, с. 34).

Храм Дашлы-3 расположен в центральной части памятника, а вокруг стен храма расположены жилые и хозяйственные постройки. Также храм играл важную роль в жизни оседлых крестьянских общин, проживавших вокруг него (Сарианиди, 1977, с. 34). В круглом дворе храма расположены два монументальных здания для религиозных церемоний, их размеры 84×88 и 38×40 м. Эти монументальные здания являются местом проведения различных религиозных церемоний, поклонения богам, принесения жертвоприношений и исполнения гимнов (Сарианиди, 1977, с. 41).

В.И. Сарианиди сравнивает храм Дашлы-3 с круглым памятником Тепе-Гавра в Северной Месопотамии по принципам планировки и архитектурному убранству и находит много общего. Однако образцы материала некоторых слоев Дашлы-3 также указывают на близость храма к ряду памятников Ирана (Сарианиди, 1977, с. 40).

К. Шипман сравнил храм Дашлы-3 с более поздними иранскими храмами огня тепе Нуши-Джан (VIII–VII вв. до н. э.) и Даханаи Голомон (VII–VI вв. до н. э.) (Schippman, 1971, p. 26). Однако, учитывая, что эти храмы были построены значительно позже храма Дашли-3 в Бактрии, разница между ними значительно выше (Сарианиди, 1977, с. 40).

По мнению В.И. Сарианиди (Сарианиди, 1977, с. 40), хотя приведенной информации еще недостаточно для глобальных выводов, можно предположить:

1) круглое здание на Дашлы-3 имеет несомненное культовое назначение и явные параллели с месопотамской культовой архитектурой;

2) существование тесных и четких связей между архитектурным стилем Месопотамии и бактрийцев. Влияние месопотамской архитектуры ярко отражается прежде всего в архитектуре бактрийских монументальных сооружений. Однако, учитывая большое расстояние между ними и наличие между ними территории такой страны, как Иран, дать однозначное мнение по этому поводу пока не представляется возможным.

Южно-туркменская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ), проводящая археологические исследования на территории Туркменистана с 1946 года, сыграла значительную роль в изучении древней оседло-земледельческой культуры Маргияны. В частности, были повторно исследованы ранее открытые С.А. Вязигиным памятники (Яз-тепа, Уч-тепа, Гюмиш-тепа, Аравали-тепа) и обнаружено множество керамических сосудов, а также бронзовых луков и стрел. Установлено, что эти предметы отличаются от находок Анова III и их возраст относится к концу II – середине I тыс. до н. э. (Массон, 1955, с. 204).

Формирование древней земледельческой культуры Маргияны произошло за счет переселения в эти районы копетдогских горных сообществ с начала II тыс. до н. э., то есть

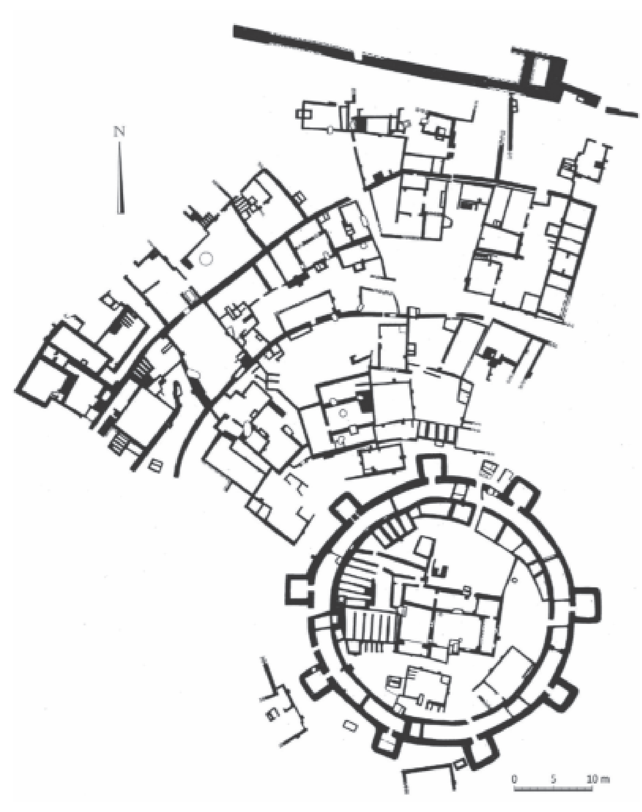

Рис. 3. Дашлы 3. «Круглый храм». План раскопанной части (по: Сарианиди, 1977, рис. 11).
Fig. 3. Dashly 3. "Round Temple". The plan of the excavated part (according to: Sarianidi, 1977, fig. 11).

периода расселения части столичных земледельческих сообществ в Мургабе. Оазис дал толчок возникновению земледельческой культуры в Маргиенском оазисе (Удемурадов, 1993, с. 119).

По мнению В.И. Сарианиди, помимо местного населения Южного Туркменистана, Мургобский оазис находился под сильным влиянием месопотамской культуры с запада и юга, смешения земледельческих общин бронзового века между собой, возникновения уникальной культуры, зарождения для формирования местных корней Древней Бактрийской и Маргианской цивилизации в эпоху бронзы. Древние археологические памятники Маргияны расположены преимущественно по руслам рек, а в Северном Афганистане они разделены на три группы (Тахирбай, Язтепа, Аравали-тепа) и два типа (замково-крепостной, бескрепостно-крепостной). А в Маргияне есть памятники с большой квадратной аркой и мэрией. Второе – арка разделена на разные памятники разного размера (Сарианиди, 1977, с. 29).

Со второй половины III тыс. до н. э. оседло-земледельческие культуры протогородского типа стали распространяться в южных районах Средней Азии и низких равнинах Ирана. Позднее, в начале II тыс. до н. э., существовавшие до этого времени «городские» центры находились в кризисе, а в ряде регионов Средней Азии, включая южный Узбекистан и юго-восточный Туркменистан, новые земли были захвачены древними земледельческие общины. Материалы этого периода хорошо изучены на примере Сапаллиской культуры на территории Южного Узбекистана, на примере памятника Дашлы в Северном Афганистане, памятников бронзового века Намазгаха VI периода Маргияны (Массон, 1955, с. 70–71).

В.М. Массон изучал Маргиянский комплекс, то есть культуру периода Намазга VI, как мургобский вариант, разделив его на две фазы: верхний аучинский период (1600–1300 гг. до н. э.) и нижний тахирбойский период (1300–1000 гг. до н. э.) (Массон , 1955, с. 71).

На основе исследований В.И. Сарианиди в Мургабском оазисе он разделяет памятники бронзового века на три периода: фазы Келлели (1750–1500 гг. до н. э.), Гонур (1500–1250 гг. до н. э.) и Тоголок (1250–1000 гг. до н. э.) (Сарианиди, 1990, с. 74).

Памятники бронзового века Маргияны морфологически мало отличаются от памятников Древнего Востока. Каждый район подчиняется крупному городскому центру, окруженному небольшими жилыми массивами. Количество памятников в них разное: от 3 до 30. Наиболее крупные из них – Гонур, Тоголок, Тахирбой и Аучин, объединяющие 15–30 крупных групп населения (Аскаров, Ширинов, 1993, с. 29).

В Маргияне религия огнепоклонства поднялась от начальной семейной стадии, как в Древней Бактрии, до уровня села, города, градо-государственного центра и оазисной государственности. Этот процесс мы можем видеть на примере памятников Тоголок-1 (рис. 4) и Тоголок-21 (рис. 5). Памятник Тоголок-1 является храмом сельского значения, а составляющие его культурные слои разделены на три этапа строительства. Основным ядром памятника Тоголок-1 была крепость, центральная часть которой представляла собой культовое сооружение, где проводились религиозные обряды. В районе храма была найдена посуда, связанная с религиозны-

Рис. 4. Тоголок 1. Храм. План (по: Сарианиди, 1991, рис. 37).
Fig. 4. Togolok 1. Temple. Plan (according to: Sarianidi, 1991, fig. 37).

ми верованиями. Храм Тоголок-1 по своему строению построен в традициях Тоголока-21. Тоголок-21 был окружен двумя рядами стен, а храм Тоголок-1 – одним рядом стен.

В обоих памятниках вход находился в северной части крепости. Вход во двор храмов расположен в их южной части. Еще одно сходство храмов состоит в том, что основная площадь храма состояла из коридоров и комнат. В восточной части памятника найдена могила священника на глубине 1,5 метра, размерами 5,5×4,5. В северной части находятся богатые материалы и сосуды, используемые в нескольких религиозных церемониях. На противоположной его стороне были найдены кости жертвенного быка. По словам О. Бабакова, проводившего здесь исследования, на памятнике были обнаружены небольшие ямы для костра и другая посуда, используемая в религиозных обрядах. Предполагается, что они принадлежали коллекции, действовавшей в храме (Эсанов, 2007, с. 126).

Рядом с храмом Тоголок-1 находился «цех», где, предположительно, готовился святой напиток. Однако алтари, считавшиеся объектами культа, в храме Тоголок-1 не обнаружены. Однако наличие «цеха» по изготовлению ликера хаома на территории его хозобслуживания указывает на то, что этот памятник представляет собой храмовый комплекс сельского масштаба. Храмы Тоголок-1 и Тоголок-21 по конструкции и устройству несколько отличаются от бактрийских храмов Дашлы-3 и Джаркутана. Храм Джаркутан отличается от храма Дашли-3 совершенством строительного плана. Девять комнат в деревенском храме Тоголок-1 и 34 комнаты в храме Тоголок-21 имеют непосредственное отношение к религиозному ритуалу огнепоклонников. Они приготовили священный напиток зороастрийской религии – хаома (Эсанов, 2007, с. 127).

Храм Тоголок-21 функционировал как религиозный центр владельцев оседло-земледельческой культуры в Тоголокском оазисе. Он расположен на естественном холме и построен в форме прямоугольника. Его площадь 130×110 метров, до нас сохранились стены высотой до 2,5 метров. По угловым сторонам

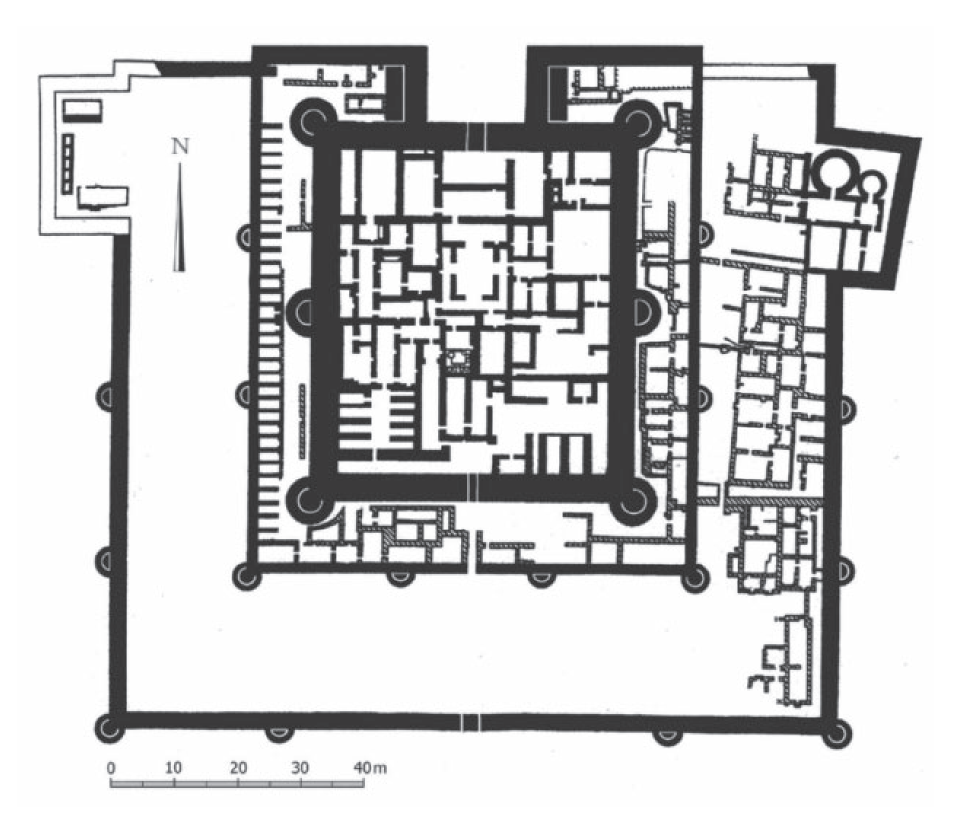

Рис. 5. Тоголок 21. Храм. План (по: Сарианиди, 1990, с. 126).
Fig. 5. Togolok 21. Temple. Plan (according to: Sarianidi, 1990, p. 126).

памятника располагались башни, а вход в них имелся с северной стороны. В северо-восточной части памятника имеется место для специальных алтарей. Здесь были воздвигнуты два алтаря, и И.В. Сарианиди утверждает, что один из них находился в жертвенной камере, а другой предназначался для религиозных церемоний (Сарианиди, 1989, с. 152–154).

В центре храма Тоголок-21 находится монументальное здание размером 60×50 м, окруженное мощными оборонительными стенами. В результате раскопок в северной части комплекса здесь был найден бронзовый топор (Сарианиди, 1993, с. 177).

Остатки стены храма шириной 2 метра были найдены в 30 метрах от оборонительной стены замка. В ходе проведенных здесь раскопок было обнаружено, что на оборонительных стенах замка и на полах некоторых помещений имеются остатки белой штукатурки. Двери монументального здания открываются не наружу, а внутрь. Башни монументального здания имели длину 4 и 8 метров. Остатки пепла можно найти в некоторых башнях. Возможно, ночью на вершине башни в оборонительных целях был зажжен костер. В некоторых помещениях храма Тоголок-21 на пол укладывали битый кирпич и покрывали его слоем белой штукатурки. В углу помещения две большие комнаты, некоторые комнаты оштукатурены белой штукатуркой. В.И. Сарианиди назвал найденные в храме Тоголок-21 помещения, обмазанные белой штукатуркой, «белыми комнатами» и подчеркнул, что здесь готовился священный напиток зороастризма, а во время религиозных богослужений приносились жертвы. Находка амулетов и печатей с изображением быка на территории храма свидетельствует о том, что храм Тоголок-21 являлся важным религиозным сооружением (Сарианиди, 1993, с. 198–201).

Каменные ступки и остатки растения эфедры, найденные в храме Тоголок-21, свидетельствуют о том, что святой напиток готовился именно в этом месте. При исследовании храма Тоголок-21 здесь были обнаружены большие алтари. Оба алтаря расположены в северной части храма. Диаметр первого алтаря составляет 4 метра, он построен из кирпича на высоте 50 см от земли. Поскольку стены жертвенника не обгорели, можно сделать вывод, что сильного пожара здесь

не было. Диаметр второго алтаря 8 метров, а высота стены этого алтаря – 0,5 метра. Когда нижняя часть жертвенника была открыта и изучена, то было обнаружено большое количество пепла и сгоревших костей животных (Эсанов, 2007, с. 124).

Еще одним памятником, где был обнаружен храм огнепоклонников, является Гонурдепе в Маргиане (рис. 6), в южной части которого археологические исследования начались в 1991 г. Здесь обнаружены «белые комнаты», оштукатуренные белой штукатуркой. «Белая комната» расположена в центре памятника Гонуру и имеет входы со всех четырех сторон. По структуре памятник аналогичен храмам Тоголок-1 и Тоголок-21. У них есть специальная зона для религиозных церемоний и подсобные помещения рядом с храмом. По своим размерам храм Гонура меньше храма Тоголок-21, и вполне вероятно, что он был построен для нужд зажиточного правителя. На полу храма найдены амулет с изображением быка и амулеты с человеческим телом с головой птицы. На амулете, найденном в одной из следующих комнат, изображена птица с человеческим телом, держащая в одной руке кабана, а на ноге – змееподобный дракон (Эсанов, 2007, с. 124–125).

Вокруг храма расположены жилища людей, где были найдены различные предметы быта и статуэтки. Исследования, проведенные у памятника Гонуру, показывают, что «белые комнаты» встречаются не только возле молельного зала, но и в домах, где жили люди. Эти белые комнаты, возможно, были местами поклонения семейного характера. При раскопках гонурского храма в «белых комнатах» были найдены большие керамические сосуды с ручками – хумы. Внутри хума был найден священный напиток зороастрийцев хаома и остатки семян эфедры и мака, использованных при его приготовлении (Сарианиди, 1993, с. 333–353).

Поэтому среди жителей Гонура святой напиток всегда занимал важное место, и в то время его употребляли перед молитвой как священный напиток религиозного поклонения, а затем совершали различные религиозные обряды.

Процесс формирования Южного Туркменистана, одного из культурных центров Древнего Востока, хорошо прослеживается на основе археологических данных, в частности сапаллинской культуры. Корни сапаллинской культуры в древней Бактрии были прослежены во II до н. э. на территории Мургаба, а памятники Мургабского оазиса интерпретировались как основной источник формирования сапаллинской культуры (Аскаров, 1977, с. 23).

В 1994–2003 гг. Узбекско-Немецкая археологическая экспедиция под руководством Ш. Шайдуллаева и Д. Хуффа проводила исследования на холме № 6 – предполагаемом месте Джаркутанского храма огня. В результате в стратиграфию холма № 6, в план первого периода строительства храма были внесены важные новшества (Шайдуллаев, Хуфф, 1999, с. 31–42; Huff, 2000, p. 58–68). Раскопаны и исследованы дворец, жилые дома, места ремесленной деятельности, укрепленный прямоугольный монументальный храм (44,5×60 м) с кругом и полукруглой башней (рис. 7) (Аскаров, Ширинов, 1993, с. 63; Шайдуллаев, Хуфф, 1999, с. 31–42). Башни с полукруглыми основаниями в углах западной и восточной частей храма похожи друг на друга (Huff, 1997, pp. 83–95).

Дворец находится в части памятника заката солнца, а храм – на стороне восхода солнца. Храмовое сооружение функционально разделено на две части: религиозную и хозяйственно-служебную. Часть храма, где проводятся религиозные обряды, имеет размеры 35×35 м. В состав храма также входили: помещение для совершения жертвоприношений, комната священника, святые колодцы, главный очаг, помещение для хранения святого праха, помещения для хранения храмовой утвари и сокровищ, открытый двор, закрытый коридор и узкий проход от него к открытому двору (0,80 м), каменная дорожка. Слева от каменной дорожки находятся круглые ямы для костра (алтари), а справа – колодцы. В западной части храма, на площади 35×13 м, расположены производственные цеха, отделенные от остальной части храма стеной толщиной 0,8 метра на расстонии 38 м от основной стены храма. Храм состоит из 17 помещений разного размера, в которых наблюдаются четыре периода строительства храма (Аскаров, Ширинов, 1993, с. 61–64).

Входные ворота храма расположены на юге комплекса, в его хозяйственно-служебной части. Главный алтарь расположен в самой высокой части святыни. В северо-восточном углу святилища расположены восемь узких

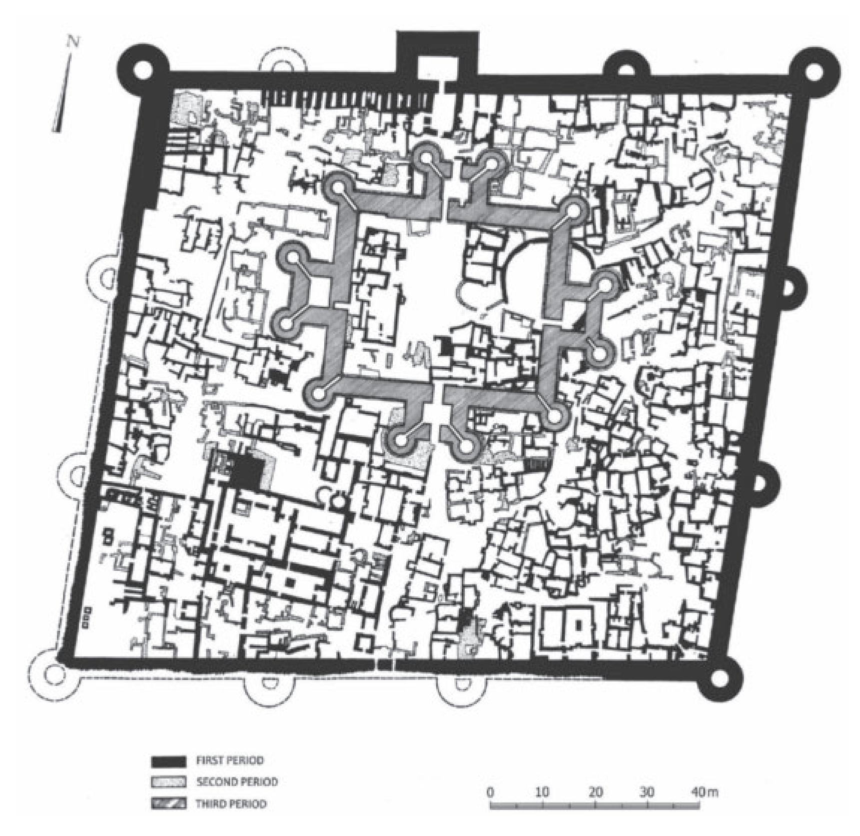

Рис. 6. Гонур-депе Южный (теменос). План (по: Сарианиди, 1997, с. 156)
Fig. 6. Gonur-depe Yuzhny (temenos). The plan (according to: Sarianidi, 1997, p. 156)

коридорообразных комнат, которые на практике могли быть «кладовыми» для посещающих их восемь родовых общин. Вход в них осуществлялся через коридор, уходящий под оборонительные стены храма. Коридор заканчивался большой комнатой (Аскаров, Ширинов, 1993, с. 61–64). Башни с полукруглыми основаниями в углах западной и восточной частей храма похожи друг на друга (Huff, 1997, pp. 83–95).

По мнению М. Эсанова, это «...созвездие могло служить для призыва огнепоклонников к молитве» (Эсанов, 2007, с. 127). Однако функция вызова этих построек для богослужений не доказана. Расположение храма у восточной стены (восходной стороны) комплекса Джаркутан свидетельствует о том, что храм был построен для какого-то божества. Круглая стена башни построена в форме утреннего солнечного света. Это указывает на то, что храм был построен специально для Солнца. Поэтому храм Жаркутан можно назвать храмом «Солнца». Принимая за символ земли помещение квадратной формы внутри оборонительной стены перед входом в нее, можно представить, что духовный мир огнепоклонников неразрывно связан с землей и солнцем (Эсанов, 2007, с. 127).

Хозяйственно-служебная часть храма составляла четверть всего комплекса, и на ее территории располагались зернохранилище, мастерская по изготовлению миниатюрных бронзовых предметов, «мастерская» по приготовлению святых напитков и склады для их хранения. Также в захоронении душ пропавших членов команды обнаружено и помещение для изготовления глиняных фигурок в замену умершим. Из них видно, что все религиозные обряды, т. е. религиозные дела, связанные с погребальными церемониями, собраны в руках жрецов (Аскаров, 2001, с. 16).

Археологические исследования храма Жаркутан позволяют утверждать, что он был построен в XIV в. до н. э., на заключительном этапе существования Джаркутана, на месте древней крепости. В таблицу ниже можно добавить версии периодизации фазы Джаркутан, принадлежащей сапаллинской культуре, разных исследователей.

С этого периода в религиозной жизни живших здесь людей произошли резкие изменения, а это значит, что управление погребаль-

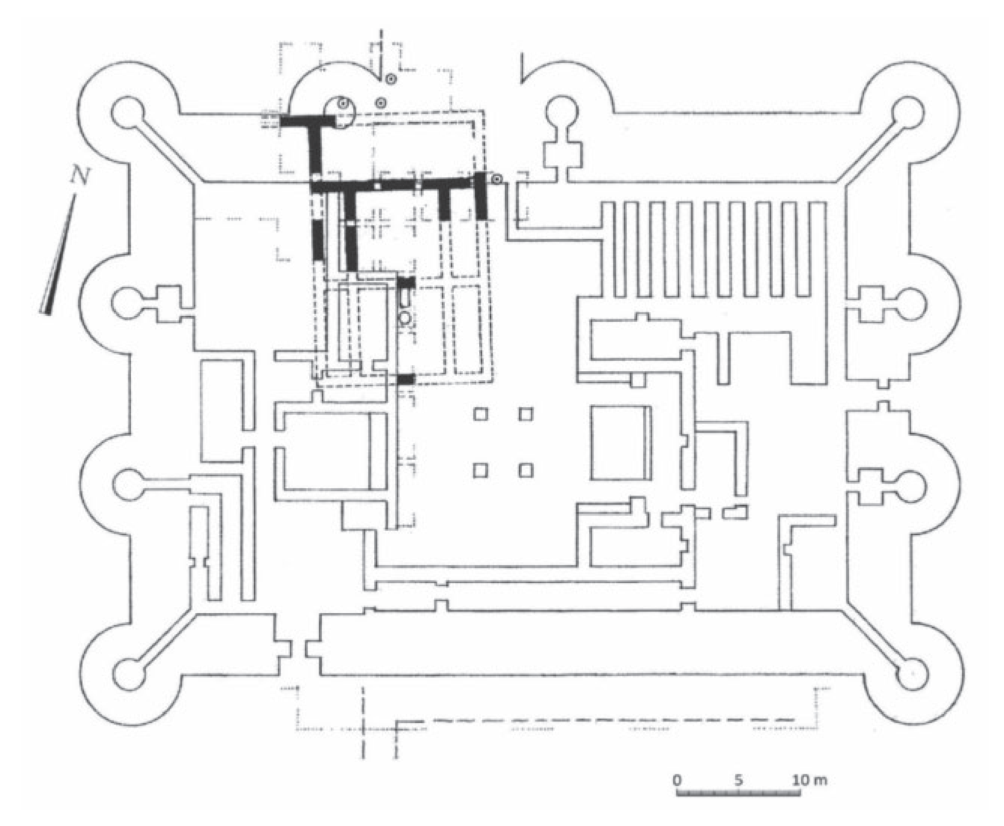

Рис. 7. Джаркутан. Храм. План (по: Huff, 2000, с. 67).
Fig. 7. Dzharkutan. Temple. The plan (according to: Huff, 2000, p. 67).

ными обрядами оказалось целиком в руках жрецов и служителей храма. Теперь мертвых хоронят на специальных кладбищах за пределами города. Некрополь Жаркутан занимает площадь более 20 гектаров. Интересно отметить, что на последнем этапе жаркутанской фазы погребения зафиксированы на естественных холмах между несколькими оврагами (Эсанов, 2007, с. 127).

дей, характерная только для кочевых народов Евразии (Шайдуллаев, Хуфф, 1999, с. 25–31). Центральная часть здания прямоугольной формы (13×31 м), обложена кирпичом. Большинство этих монументальных сооружений имели хранилища. Таким образом, общая форма сооружения типична для культовых построек цивилизации Окса (Muradov, 2020, p. 162).

Названия памятника	Исследователь	Даты	Ссылка
Жаркутан	А.Аскаров	1500-1350 гг.до н.э.	(Аскаров, 1993, с.90-112; Аскаров, Абдуллаев, 1978, с.39-42)
	Д.Хуфф	1950-1600 гг.до н.э.	(Аскаров, Шайдуллаев, 2005, с.36-47)
	Ф.Хиберт	1950-1750 гг.до н.э.	(Аскаров, Шайдуллаев, 2005, с.36-47)

Исследования, проведенные в последние годы у памятника Жаркутан, также предоставили новую информацию по этой теме. В частности, замечено, что жаркутанцы установили культурные контакты с кочевой андроновской культурой не в новейшее время, а со времен Жаркутана. В начальный период строительства храма огня Жаркутан, при раскрытии созвездий, установленных на оборонительных стенах, была обнаружена порода лоша-

Таким образом, анализ вышеупомянутых храмов ярко нам иллюстрирует инновационные процессы в храмах Центральной Азии от эпохи энеолита и на протяжении всего бронзового века, непосредственное влияние на которые оказало архитектурное строительство Месопотамии и Ирана.

Инновационые процессы привели к появлению новых элементов в культовой архитектуре Центральной Азии. Самым ярким

аспектом является появление в каждом храме кругового коридора (Сарианиди, 1996, с. 319–329). Этот факт также свидетельствует о том, что население бронзового века на территории Центральной Азии на высоком уровне владело знаниями в области геометрии и математики. Численность башен в культовых сооружениях составляла четное число – 4, 6, 8, 10 или 12. Это, в свою очередь, позволяет утверждать, что население Центральной Азии в эпоху бронзы строго придерживалось симметричного плана строительства. Культовые сооружения Бактрии и Маргианы очень похожи друг на друга по плану строительства. Поэтому это можно рассматривать как доказательство того, что представители этого региона жили как единый народ в рассматриваемом регионе.

Архитектура, характерная для цивилизации Окса, имела поистине новаторский облик с конца III тыс. до н. э. – начала II тыс. до н. э. Преобладание религиозной функции в храмах периода Цивилизации Окса, как и в Алтынтепе, указывает на то, что представители религиозной элиты играли ключевую роль в управлении производственной деятельностью. Эта элита, возможно, также контролировала дворцовый комплекс Гонур и окружающие его храмы на юге Туркменистана (Masson, 2011, pp. 74– 75). Однако ко второй половине II тыс. до н. э. эта религиозная элита утратила свои позиции, а монументальные храмы пришли в запустение и были заменены внушительными сооружениями дворцового типа. После длительного периода упадка и перемен многие черты этой монументальной архитектуры вновь проявляются в железном веке и позже. Можно предположить, что это был кризис религии, религиозных мировоззрений, существовавших до зороастризма в эпоху бронзы.

ЛИТЕРАТУРА

Аскаров А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент: Фан, 1977, 232 с.

Авдиев В.И. История Древнего Востока. М.: Высшая школа, 1970. 608 с.

Аскаров А., Абдуллаев Б. Раскопки могильника Джаркутан (Результаты работ весной 1975 г.) // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 24 / Отв. ред. А.А. Аскаров. Ташкент: Фан, 1978.С. 39–42.

Аскаров А.А., Ширинов Т.Ш. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Самарканд, 1993. 161. с.

Аскаров А.А, Ширинов Т.Ш. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. Самарканд, 1993. 245 с.

Аскаров А., Шайдуллаев Ш. Хронология культур бронзового и раннего железного веков Бактрии // История Узбекистана в материальной культуре и письменных источниках. Ташкент, 2005. Б. 36–47.

Бокиев А., Шайдуллаев А., Юлдошева З. Цивилизация Окса. Ташкент: Yangi nashr, 2015. 176 с.

Давлатходжа Давуди. Религия Саразма // Саразм – жемчужина таджикской цивилизации (Научнотеоретическая конференция Маводи «Саразм – начало цивилизации детей, ремесел и городской поэзии Таджика» г.Душанбе, 2020. С. 92–102

Исаков А.И. Раскопки третьего сезона на Саразме (1979) // Археологические работы в Таджикистане. Вып. 19 / Отв. ред. Б.А. Литвинский и др. Душанбе: Дониш, 1986. С. 334–350.

Исаков А.И. Саразм — новый раннеземледельческий памятник Средней Азии // СА. 1986. № 1. С. 152–167.

Исаков А.И. Саразм (к вопросу становления древнеземледельческой культуры Зеравшанской долины). Душанбе: Дониш; Адиб, 1991. 244 с.

Исаков А. И., Безенваль Р. М., Раззоков А. Р., Бобомуллоев С.Г. Работы советско-французской экспедиции в 1990 г. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XXVIII. С. 131–149.

Каримова Д.О. Погребальные обряды и верования населения Северной Бактрии (на примере материальной культуры эпохи бронзы). Дисс. ... канд. истор. наук. Ташкент, 2017. 161 с.

Курбонов А.М. Алтын-Депе – древнейшее место культовое место в Средней Азии // Археология Евразийских степей. 2023. № 1. С. 107–110.

Сагдуллаев А. Формирование историко-культурных регионов и проблемы этнической географии в Центральной Азии. Ташкент: Университет, 2020, 236 с.

Массон В.М. Алтын-Депе / Труды ЮТАКЭ. Т. XVIII. Л.: Наука, 1981. 176 с.

Массон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы / МИА. № 73. М.; Л.: АН СССР, 1959. 215 с.

Массон Е.А. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948-1952 гг. // Труды ЮТАКЭ. Т. V / Отв. ред. В.М. Массон. Ашхабад: АН Туркменской ССР, 1955. С. 197–249..

Мукимов Р.С., Мамаджанова С.М. Архитектурно-строительные традиции Центральной Азии в древности, античности и средневековье // ИСТОРИК. 2020.№ 3 (23). С. 142–156.

Пилипко В.Н. Археологический ландшафт Дашлинского оазиса и его историческая интерпретация // ПИФК. 2015. № 1. С. 80–98.

Раззоков А.Р. Саразм (орудия труда и хозяйство по экспериментально трасологическим данным). Душанбе: Эчод, 2008. 136 с.

Раззоков Ф.А. Строительные комплексы древнеземледельческого поселения Саразм в IV–III тыс. до н. э. СПб: НКТ, 2016. 248 с.

Рахимов К.А. Типология огненных приборов и кухонной утвари в памятниках гончарной культуры. Автореф. Дисс. ... канд. истор. наук. Самарканд: Институт археологии АН РУз, 2011. 153 с.

Сарианиди В.И. Древние земледельцы Афганистана / Материалы Советско-Афганской экспедиции. 1969-1974 гг. М.: Наука, 1977. 172 с.

Сарианиди В.И. Протозороастрийский храм в Маргиане и проблема возникновения зороастризма // ВДИ. 1989. № 1. С. 152–154.

Сарианиди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад: Илым, 1990. 314 с.

Сарианиди В.И. Храмы древней Маргианы. Пакистан, 1991

Сарианиди В.И. В поисках страны Маргуш. М. 1993, 362 с.

Сарианиди В.И. Происхождения иранских храмов огня // La Persia e 1'Asia Centrale da Alessandro al X secolo. Roma. 1996. С. 319–329.

Сарианиди В.И. Теменос Гонура // ВДИ. 1997. № 1 (220). С. 148–168.

Сетон Ллойд. Археология Месопотамии. (От древнекаменного века до персидского завоевания). М.: Наука, *1984*. 280 с.

Удемурадов Б.Н. Алтындепе и Маргиана: вопросы связей, хронологии и происхождения. Ашгабад: Институт истории им. Ш.Батырова, 1993. 1471 с.

Шайдуллаев Ш.Б. Этапы возникновения и развития государственности на территории Узбекистана (на примере Бактрии). Самарканд. 2009, 350 с.

Шайдуллаев Ш.Б., Дитрих Хуфф. Некоторые результаты работ Узбекско-Германской экспедиции на городище Джаркутан // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 30 / Отв. ред. Т.Ш. Ширинов. Ташкент: Фан, 1999. С. 25–31.

Шайдуллаев Ш.Б., Дитрих Хуфф. Некоторые результаты работ Узбекско-Германской экспедиции на городище Джаркутан // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 30 / Отв. ред. Т.Ш. Ширинов. Ташкент: Фан, 1999. С. 31–42.

Шайдуллаева Г. Ш., Курбонов А. М. Отражение зороастризма в храмах Средней Азии эпохи бронзового века // Археология Евразийских степей. 2023. № 4. С. 294–301. DOI:10.24852/2587-6112.2023.4.294.301.

Есанов М.Х. Отражение авестийского общества в археологических материалах (на примере памятников материальной культуры бронзового века Древней Бактрии и Маргианы). Дисс. ... канд. истор. наук. Самарканд: АН РУз ИнститутАрхеологии, 2007. 187 с.

Юсифов Ю.Б. Эламские хозяйственные документы из Суз. Транскрипция, пер. и комм. Ю.Б. Юсифова (Баку) (окончание) // ВДИ. 1963. № 3 (85). С. 200–261.

Besenval R. Découvertes récentes à Sarazm (R.S.S. du Tadjiki stan):attestation des relations au IIIe millénaire entre l'Asie centrale, l'Iran du Nord-Est et le Baluchistan // Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Paris, 1987. T. 131. No.2. P. 441–456.

Besenval R., Isakov A. Sarazm et les débuts du peuplement agricole dans la région de Samarcand//Arts Asiatiques. Paris: l'Ecole française d'Extrême-Orient 1989. T. 44. P. 5–20.

Huff, D. 1997. "Deutsch-Uzbekische Ausgrabungen auf dem Džandaulattepe und in Džarkutan, Süd-Uzbekistan, 1993–1995." Mitteilungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte 18: 83– 95.

Huff. D. Djarkutan (Archaeological research on Tepe VI) // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 31 / Ред. Т.Ш. Ширинов. Самарканд: ИА АН РУз, 2000. С. 58–69.

Lyonnet B. (avec la collaboration de A. Isakov et le participation de N. Avanessova). Sarazm (Tadjikistan) céramiques (Chalcolithique et Bronze Ancien). Paris: De Boccard, 1996. 131p. (Mémoires de la mission archéologique française en Asie Centrale. T. 7).

Masson V.M. "Formation and Blossom of a Civilization of Ancient Oriental Type in the South of Turkmenistan." In Historical and Cultural Sites of Turkmenistan, ed. M. Mamedov. Ashgabat: Turkmen State Publishing Service, 2011pp. 74– 75.

Roland Besenval, «Brève notice sur la coopération archéologique franco-tadjike», Cahiers d'Asie centrale [En ligne], 9 | 2001, mis en ligne le 13 janvier 2010, consulté le 19 avril 2019. URL: http:// journals.openedition.org/ asiecentrale/645

Ruslan G. Muradov. The architecture of the Bactria-Margiana Archaeological Culture. "The World of the Oxus civilization". Edited by Bertille Lyonnet and Nadezhda A. Dubova: 2020. P-162.

Schippmann K. Die iranischen Feuerheiligtiimer. (Religionsgeschichtliche Versuche und Vorarbeiten, F), Berlin. 1971.

Информация об авторе:

Курбонов Абдусамад Мелигалиевич, преподаватель, Термезский государственный университет (г.Термез,Узбекистан); Abdusamad_Qurbonov@mail.ru

REFERENCES

Askarov, A. 1977. *Drevnezemledel'cheskaya kul'tura epokhi bronzy yuga Uzbekistana (Ancient agricultural culture of the Bronze Age in the south of Uzbekistan).* Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).

Avdiev, V. I. 1970. *Istoriya Drevnego Vostoka (History of the Ancient East).* Moscow: "Vysshaya shkola" Publ. (in Russian).

Askarov, A. A., Abdullaev, B. 1978. In Askarov, A. A. (ed.). *Istoriia material'noi kul'tury Uzbekistana (History of Material Culture of Uzbekistan)* 24. Tashkent: "Fan" Publ., 39–42 (in Russian).

Askarov, A. A., Shirinov, T. Sh. 1993. *Rannyaya gorodskaya kul'tura epokhi bronzy yuga Uzbekistana (*Early urban culture of the Bronze Age in the south of Uzbekistan). Samarkand (in Russian).

Askarov, A. A., Shirinov, T. Sh. 1993. *Rannyaya gorodskaya kul'tura epokhi bronzy yuga Sredney Azii (The Early Urban Culture of Bronze Age of Southern Uzbekistan).* Samarkand (in Russian).

Askarov, A., Shaidullaev, Sh. 2005. In *Istoriya Uzbekistana v material'noy kul'ture i pis'mennykh istochnikakh (The history of Uzbekistan in material culture and written sources*). Tashkent, 36–47 (in Russian).

Bokiev, A., Shaidullaev, A., Yuldosheva, Z. 2015. *Tsivilizatsiya Oksa (The Oxus Civilization).* Tashkent: "Yangi nashr" Publ. (in Russian).

Davlatkhodzha, D. 2020. In *Sarazm – zhemchuzhina tadzhikskoy tsivilizatsii (Nauchno-teoreticheskaya konferentsiya Mavodi «Sarazm – nachalo tsivilizatsii detey, remesel i gorodskoy poezii Tadzhika» (Sarazm is the pearl of Tajik civilization (Mavodi Scientific and Theoretical Conference "Sarazm – the beginning of the civilization of children, crafts and urban poetry of Tajik").* Dushanbe, 92–102 (in Russian).

Isakov, A. I. 1986. In Litvinsky, B. A. et al. (ed.). *Arkheologicheskie raboty v Tadzhikistane (Archaeological works in Tajikistan).* Dushanbe: "Donish" Publ., 334–350 (in Russian).

Isakov, A. I. 1986. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 152–167 (in Russian).

Isakov, A. I. 1991. *Sarazm (k voprosu stanovleniya drevnezemledel'cheskoy kul'tury Zeravshanskoy doliny) (Sarazm (on the question of the formation of the ancient agricultural culture of the Zeravshan Valley)).*Dushanbe: "Donish", "Adib" Publ. (in Russian).

Isakov, A. I., Bezenval, R. M., Razzokov, A. R., Bobomulloev, S. G. 1990. In *Arkheologicheskie raboty v Tadzhikistane (Archaeological works in Tajikistan*) 28, 131–149 (in Russian).

Karimova, D. O. 2017. *Pogrebal'nye obryady i verovaniya naseleniya Severnoy Baktrii (na primere material'noy kul'tury epokhi bronzy) (Burial rites and beliefs of the Northern Bactria inhabitants (on the*

example of the material culture of the Bronze Age)). Diss. of Candidate of Historical Sciences. Tashkent (in Russian).

Kurbonov, A. M. 2023. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 107–110 (in Russian).

Sagdullaev, A. 2020. *Formirovanie istoriko-kul'turnykh regionov i problemy etnicheskoy geografii v Tsentral'noy Azii (The formation of historical and cultural regions and the issues of ethnic geography in Central Asia).* Tashkent: “Uneversitet” Publ. (in Russian).

Masson, V. M. 1981. *Altyn-Depe (Altyn-depe)*. Series: Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii (Proceedings of the South Turkmenistan Archaeological Integrated Expedition) XVIII. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

Masson, V. M. 1959. *Drevnezemledel'cheskaya kul'tura Margiany (The ancient agricultural culture of Margiana).* Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 73. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Masson, E. A. 1955. In Masson, V. M. (ed.). *Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii (Proceedings of the South Turkmenistan Archaeological Integrated Expedition)* V. Ashkhabad: Academy of Sciences of the Turkmen SSR, 197–249 (in Russian).

Mukimov, R. S., Mamadzhanova, S. M. 2020. In *ISTORIK (Historian)* 23 (3), 142–156 (in Russian).

Pilipko, V. N. 2015. *Problemy istorii, filologii, kul’tury (Journal of Historical, Philological and Cultural Studies)* 1, 80–98 (in Russian).

Razzokov, A. R. 2008. *Sarazm (orudiya truda i khozyaystvo po eksperimental'no trasologicheskim dannym) (Sarazm (tools and farm according to experimental tracological data))*. Dushanbe: “Echod” Publ. (in Russian).

Razzokov, F. A. 2016. *Stroitel'nye kompleksy drevnezemledel'cheskogo poseleniya Sarazm v IV–III tys. do n. e. (The construction complexes of the ancient agricultural settlement of Sarazm in the IV–III thousand BC).* Saint Petersburg: “NKT” Publ. (in Russian).

Rakhimov, K. A. 2011. *Tipologiya ognennykh priborov i kukhonnoy utvari v pamyatnikakh goncharnoy kul'tury (Typology of fire appliances and kitchen utensils in the monuments of pottery culture)*. Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Samarkand: Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan (in English).

Sarianidi, V. I. 1977. *Drevnie zemledel'tsy Afganistana (The ancient farmers of Afghanistan).* Series: Materialy Sovetsko-Afganskoy ekspeditsii. 1969-1974 gg. (*Materials of the Soviet-Afghan expedition. 1969-1974).* Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Sarianidi, V. I. 1989. In *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* 1, 152–154 (in Russian).

Sarianidi, V. I. 1990. *Drevnosti strany Margush (Antiquities of Margush)*. Ashkhabad: “Ilym” Publ. (in Russian).

Sarianidi, V. I. 1991. *Khramy drevney Margiany (Temples of ancient Margiana)* (in Russian).

Sarianidi, V. I. 1993. *V poiskakh strany Margush (In search of the country of Margush).* Moscow (in Russian).

Sarianidi, V. I. 1996. In *La Persia e 1'Asia Centrale da Alessandro al X secolo*. Roma, 319–329 (in Russian).

Sarianidi, V. I. 1997. In *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* 1, 148–168 (in Russian).

Seton Lloyd. 1984. *Arkheologiya Mesopotamii. (Ot drevnekamennogo veka do persidskogo zavoevaniya) (The Archaeology of Mesopotamia. From the Old Stone Age to the Persian Conquest).* Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Udemuradov B. N. 1993. *Altyndepe i Margiana: voprosy svyazey, khronologii i proiskhozhdeniya (Altyn Depe and Margiana: issues of relationship, chronology and origin)*. Ashgabad: Institute of History named after Sh.Batyrova (in Russian).

Shaidullaev, Sh. B. 2009 *Etapy vozniknoveniya i razvitiya gosudarstvennosti na territorii Uzbekistana (na primere Baktrii) (Stages of the emergence and development of statehood in the territory of Uzbekistan (on the example of Bactria)).* Samarkand (in Russian).

Shaidullaev, Sh.B., Huff, D. 2000. In Shirinov, T. (ed.). *Istoriia material'noi kul'tury Uzbekistana (History of Material Culture of Uzbekistan)* 30. Tashkent: “Fan” Publ., 25–31 (in Russian).

Shaidullaev, Sh.B., Huff, D. 2000. In Shirinov, T. (ed.). *Istoriia material'noi kul'tury Uzbekistana (History of Material Culture of Uzbekistan)* 30. Tashkent: “Fan” Publ., 31–42 (in Russian).

Shaidullaeva, G. Sh., Kurbonov, A. M. 2023. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 294–301 (in Russian).

Esanov, M. Kh. 2007. *Otrazhenie avestiyskogo obshchestva v arkheologicheskikh materialakh (na primere pamyatnikov material'noy kul'tury bronzovogo veka Drevney Baktrii i Margiany) (Reflection of the Avestan society in archaeological materials (on the example of the monuments of material culture of the Bronze Age of Ancient Bactria and Margiana)).* Samarkand: Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan (in Russian).

Yusifov, Yu. B. 1963. In *Vestnik drevnei istorii* (*Journal of Ancient History)* 85 (3), 200–261 (in Russian).

Besenval, R. 1987. In Comptes-rendus des séances de l’Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. T. 131. No.2.Paris, P. 441–456.

Besenval, R., Isakov, A. 1989. In *Arts Asiatiques*. Paris: l’Ecole française d’Extrême-Orient T. 44. P. 5–20.

Huff, D. 1997. “Deutsch-Uzbekische Ausgrabungen auf dem Džandaulattepe und in Džarkutan, Süd-Uzbekistan, 1993–1995.” Mitteilungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte 18: 83– 95.

Huff, D. 2000. In Shirinov, T. (ed.). *Istoriia material'noi kul'tury Uzbekistana (History of Material Culture of Uzbekistan)* 31. Samarkand: Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, 58–69 (in English).

Lyonnet, B. 1996. *(avec la collaboration de A. Isakov et le participation de N. Avanessova). Sarazm (Tadjikistan) céramiques (Chalcolithique et Bronze Ancien).* Paris: De Boccard. (Mémoires de la mission archéologique française en Asie Centrale. T. 7).

Masson, V. M. 2011 In Mamedov, M. (ed.). *Historical and Cultural Sites of Turkmenistan*. Ashgabat: Turkmen State Publishing Service, 74–75.

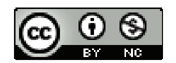
Roland Besenval, «*Brève notice sur la coopération archéologique franco-tadjike», Cahiers d’Asie centrale* [En ligne], 9 | 2001, mis en ligne le 13 janvier 2010, consulté le 19 avril 2019. URL: http:// journals.openedition.org/ asiecentrale/645

Ruslan G. Muradov. 2020. *The architecture of the Bactria-Margiana Archaeological Culture. “The World of the Oxus civilization*”. Edited by Bertille Lyonnet and Nadezhda A. Dubova.

Schippmann, K. 1971. *Die iranischen Feuerheiligtiimer. (Religionsgeschichtliche Versuche und Vorarbeiten, F)*, Berlin.

About the Author:

Kurbonov Abdusamad M. Termez State University, Barkamol avlod at street, 43, Termez city, 190111, Uzbekistan; Abdusamad_Qurbonov@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2024 г.
Статья принята к публикации 01.10.2024 г.

УДК 543.427.4:902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.5.337.349

РЕНТГЕНОФЛУОРЕСЦЕНТНЫЙ АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ ДРЕВНИХ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ПРЕДМЕТОВ ИЗ УЗБЕКИСТАНА

©2024 г. И.А. Шаронов, А.С. Алибеков, А.Х. Атаходжаев, М.А. Реутова, А.М. Музафаров

Представлены результаты элементного анализа некоторых древних металлических артефактов (наконечники стрел, монеты, разные изделия), найденных при проведении археологических раскопок на территории Узбекистана. В образцах выявлено до 30 химических элементов - Ag, Al, As, Au, Ba, Ca, Cl, Co, Cs, Cu, Fe, I, K, Mn, Mo, Ni, Os, P, Pb, S, Sb, Sc, Si, Sn, Tb, Th, Ti, V, Zn, Zr. Определено, что обследованные артефакты сделаны из различных медных сплавов с содержанием меди от ~ 46% до ~ 94% с заметными примесями свинца (до ~29%), олова (до ~7%), цинка (до ~13%). В одной из медных монет обнаружена заметная примесь серебра ~ 6%. Предполагается, что при изготовлении исследованных предметов кроме основного металла мог использоваться также металлический лом из различных отходов металлургического производства, сломанных и забракованных металлических изделий. Определен элементный состав серебряной монеты династии Кунгратов (96% серебра). Элементный анализ выполнен методом энергодисперсионного рентгенофлуоресцентного анализа.

Ключевые слова: рентгенофлуоресцентный анализ, археологические артефакты, пробоподготовка, медные сплавы, монеты, наконечники стрел, металлические изделия, Узбекистан

X-RAY FLUORESCENCE ANALYSIS OF ANCIENT METAL OBJECTS FROM UZBEKISTAN

I.A. Sharonov, A.S. Alibekov, A.H. Atakhodjaev, M.A. Reutova, A.M. Muzafarov

This paper presents the results of elemental analysis of some ancient metal artifacts (arrowheads, coins, various items), found during archeological excavations in Uzbekistan. Up to 30 chemical elements (Ag, Al, As, Au, Ba, Ca, Cl, Co, Cs, Cu, Fe, I, K, Mn, Mo, Ni, Os, P, Pb, S, Sb, Sc, Si, Sn, Tb, Th, Ti, V, Zn, Zr) were detected in the samples. It is assumed that the studied artifacts are made of various copper alloys with copper concentration from ~ 46% to ~ 94% with noticeable admixtures of lead (up to ~ 29%), tin (up to ~ 7%), zinc (up to ~ 13%). In one of the copper coins a noticeable impurity of silver ~ 6% was found. It is assumed that during the manufacture of the studied items besides the base metal could be used also scrap metal from various wastes of metallurgical production, broken and rejected metal products. The composition of the silver coin of the Kungrat dynasty (96% silver) was determined. Elemental analysis was made by energy dispersive X-ray fluorescence analysis.

Keywords: X-ray fluorescence analysis, archaeological artifacts, sample preparation, copper alloys, coins, arrowheads, metal items, Uzbekistan.

На территории Узбекистана археологи находят множество различных артефактов (фрагменты древних настенных живописей, керамики, металлические изделия и др.). Изучение артефактов позволяет археологам делать выводы о возможном происхождении находок, возможных путях их распространения, об уровне используемых древних технологий, о торговых и культурных связях древних народов. Археологами при изучении древних находок давно применяются различные инструментальные методы анализа, которые позволяют определить состав находок. Это нашло отражение во многих научных публикаций, связанных с изучением археологических артефактов, например, (Mantler, Schreiner, 2000; Рузанов Анарбаев, Реутова, 2006; Рузанова, Рощина, 2010; Bottaini et al., 2012; Шубин, 2015; Tur et al., 2016; Рузанова, 2016; Храмченкова и др., 2017; Шайхутдинова и др., 2017; Daly, Fenelon, 2018; Епимахов, 2019; Сабирова, 2019; Мокрушин и др, 2020; Рузанов, 2013, 2021; Бейсенов, Тишкин, 2022; *Young et al., 2023;* Таиров, Блинов, 2024).

Учитывая желательность применения неразрушающих методов анализа при исследовании археологических артефактов нами использовался метод рентгенофлуоресцент-

ного анализа (РФА). Он позволяет проводить анализ веществ с высокой точностью и без разрушения исследуемых объектов. РФА основан на том, что при облучении вещества рентгеновским излучением возникает характеристическое излучение, создаваемое возбужденными атомами вещества. Спектр этого излучения индивидуален для каждого химического элемента, что позволяет определять элементный (атомарный) состав вещества.

Нами использовался энергодисперсионный спектрометр *EDX-7000 SHIMADZU (д*иапазон определяемых элементов ^{11}Na – ^{92}U, определяемые концентрации от *ppm* до 100%). При анализе объектов с неизвестным многоэлементным составом обычно применяют метод фундаментальных параметров, не требующий наличия образцов сравнения и основанный на вычислении содержания элементов путем использования фундаментальных физических параметров (спектральное распределение, вероятность флуоресценции, массовые коэффициенты поглощения рентгеновского излучения), а также характеристик спектрометра и геометрии измерений. В этой статье мы приводим результаты РФА 14 металлических артефактов, найденных в разное время при проведении археологических раскопок на территории Узбекистана:

3 трехлопастных наконечника стрел (AH-1, AH-2 и AH-3). Это типичные образцы стрелкового набора кочевого скотоводческого населения степной зоны Евразии от Северного Причерноморья до Алтая, начиная с I тысячелетия до IV-III вв н.э.

Подвеска (PA). Предполагается, что это часть женского украшения, например, ожерелья. Предположительно датируется X–XII вв н.э.

Маленькая чашечка с ручками и носиком (Bowl-1). Идентифицирована как косметический предмет, используемый для подкрашивания бровей - сурмадон. Предположительно датируется XI вв н.э.

Небольшой стаканчик колоколообразной формы (Bowl-2). Идентифицирован как основа для мерной гири, заполняемая свинцом для получения необходимого веса гири. Предположительно датируется X-XI вв н.э.

Фрагмент ложечки (Sp). Предположительно датируется VII-VIII вв. н.э.

2 монеты династии Кунгратов. Дирхем серебрянный AG и монета CO-1 – Хорезм, конец XIX – начало XX вв. н.э.

Монета CR-2 династии Саманидов. Фергана, 819-1005 гг. н.э.

2 монеты CR-6 и CR-7 династии Чагатаидов. Центральный Мавераннахр, 3-я четверть XI в. н.э.

2 монеты династии Караханидов. CR-1 - Центральный Мавераннахр, 1102-1130 гг н.э. и CR-8 - Узджeнд, 1174-1175 г. н.э.

Фотографии этих артефактов показаны на рисунке 1.

Поверхность наконечников стрел AH-1, AH-2, AH-3, сурмадона Bowl-1, стаканчика Bowl-2, монеты CR-7 была оксидирована. Подвеска PA, фрагмент ложечки Sp, монеты CO-1, CR-1, CR-2, CR-6, CR-8 были покрыты зацементировавшейся землей, под которой обнаружены участки, покрытые твердыми черными наслоениями, очевидно, купритом (трудно растворимая закись меди). Поэтому перед началом испытаний образцы подвергались необходимой механической и химической очистке.

При механической очистке с поверхности предметов снимались наслоения закаменевшей земли и окислов. Операция проводилась осторожно, чтобы не повредить элементы оформления артефактов (изображения, надписи, художественная гравировка и т.п.), которые возможно находятся под счищаемыми наслоениями.

Для химической очистки артефактов использован препарат Трилон-Б, успешно применяемый в реставрационной практике для очистки металлических изделий (Шеманская, 1989; Никитин, Мельникова, 1990). Его действие основано на замещении ионов металла из нерастворимых в воде солей ионами натрия, почти все соли которого растворимы в воде. С помощью Трилон-Б можно растворить практически все нерастворимые в воде продукты коррозии - оксиды, фосфаты, сульфаты и, что важно, куприт, который обладает высокой твердостью и удаляется с большим трудом.

При растворении Трилон-Б в горячей воде повышается его эффективность. Наиболее эффективно продукты коррозии удаляются в горячем 10% растворе (при предельном насыщении раствора), поэтому обработка анализируемых образцов проводилась в нагреваемом термостойком стеклянном сосуде. Для более равномерного протекания и ускорения химической реакции раствор периодически пере-

Рис. 1. Фотографии обследованных археологических артефактов
Fig. 1. Photos of the surveyed archaeological artifacts

мешивался стеклянной палочкой. Очищаемые предметы периодически вынимались из раствора, промывались проточной водой, очищались щеткой от продуктов реакции и, при необходимости, снова помещались в раствор. Очищение образцов проводилось под наблюдением. Это связано с тем, что археологические медные предметы часто поражены межкристаллической коррозией, поэтому при длительной выдержке в Трилон-Б может произойти растравливание металла. Раствор препарата, использованный для очистки одного предмета не использовался для очистки других предметов - химические элементы из растворенных продуктов коррозии от одного образца не должны осаждаться на поверхность другого образца, влияя тем самым на результаты анализа.

На рисунке 2 показан вид монеты CR-2 до и после химической очистки.

При проведении исследований каждый анализируемый предмет рассматривался с разных сторон. На поверхностях предметов были выбраны следующие контрольные точки измерения (точки облучения рентгеновским излучением):

Наконечники стрел – посередине каждого наконечника стрелы, между лопастями, с каждой из трех сторон наконечника (точки AH-1-1, AH-1-2 и AH-1-3, AH-2-1, AH-2-2 и AH-2-3, AH-3-1, AH-3-2 и AH-3-3);

Монеты – середина каждой из сторон монет (точки CR-1-1 и CR-1-2, CR-2-1 и CR-2-2, CR-6-1 и CR-6-2, CR-7-1 и CR-7-2, CR-8-1 и CR-8-2, CO-1-1 и CO-1-2, AG-1 и AG-2);

Рис. 2. Вид монеты CR-2 до и после химической очистки
Fig. 2. View of CR-2 coin before and after chemical cleaning

Сурмадон Bowl-1 и сосуд Bowl-2. Точки Bowl-1-1 и Bowl-2-1 – боковая внешняя сторона, Bowl-1-2 и Bowl-2-2 – дно с внешней стороны;

Фрагмент ложечки (Sp). Точки Sp-1 и Sp-2 – центры вогнутой и выпуклой сторон ложечки, соответственно.

Подвеска PA. Точки PA-1-1, PA-2-1 – центр широкой части подвески с обеих сторон подвески (стороны PA-1 и PA-2, соответственно). PA-1-2, PA-2-2 - центр узкой части подвески, 10 мм от основания кольца (стороны PA-1 и PA-2, соответственно).

Результаты элементного анализа состава артефактов показаны в таблицах 1-3, где приведены средние значения концентраций химических элементов в исследованных образцах. Полученные нами результаты сравнены с результатами исследований подобных предметов, сделанных другими исследователями (табл. 4-6).

Наконечники стрел

В таблице 1 приведены результаты анализа обследованных наконечников стрел. В составе металла наконечников кроме меди было выявлено еще 12 химических элементов - Ag, As, Ca, I, Ni, Pb, S, Sb, Sc, Si, Sn, Th. Элементы I, Ni, Sc, Th, являющиеся малыми примесями с C<0.1% в таблице не показаны.

В металле наконечников AH-1 и AH-3 преобладает медь, её содержание 97% и 98%, соответственно. В металле наконечника AH-2 обнаружены заметные примеси олова и свинца (в среднем 4,9% и 1,9%). Их можно считать легирующими компонентами, вводимыми в медь для получение бронзы.

Во всех трех наконечниках стрел в небольших количествах присутствует мышьяк (от 0.18% до 1.03%). В медных рудах часто содержится мышьяк в количествах 0.8-5%, поэтому допустимо считать такие малые примеси мышьяка природными примесями, а не введенными легирующими компонентами. Обнаруженное в наконечниках AH-1 и AH-2 серебро (от 0.15% до 0.20%) также является природной примесью (содержание серебра в природном сырье может доходить до 0.6%).

Бытовые предметы

В таблице 2 приведены результаты анализа обследованных бытовых предметов. В составе металла этих изделий кроме меди было выявлено еще 22 химических элемента - Ag, As, Ca, Cl, Co, Fe, I, K, Mn, Mo, Ni, Pb, S, Sb, Sc, Si, Sn, Tb, Th, Ti, V, Zn. Элементы Co, Mn, Mo, Sc, V, являющиеся малыми примесями (C<0.1%) и I, K, Tb, Th, Ti (C<1%) в таблице не показаны. Обращает на себя внимание то, что в одном из предметов обнаружено наличие хлора (4.88%) на внутренней стороне ложечки (Sp-1). Считаем это результатом так называемой бронзовой болезни, которая может возникать при контакте медного сплава с хлоридсодержащими веществами в условиях взаимодействия с атмосферной и почвенной влагой и воздухом. В процессе бронзовой болезни на поверхности медесодержащего металла образуется хлорид меди, вызывающей сильную коррозию металла, которая может привести к разъеданию его поверхности. Заметим, что до очистки на внутренней стороне ложечки мы действительно обнаружили каверны, заполненные зеленоватым порошком, что является признаком бронзовой болезни.

Металл, из которого изготовлена ложечка, можно отнести к классу латуней – основной легирующий компонент цинк (в среднем 11.7%), а присутствие олова и свинца заметно меньше (3.5% и 1.4%). Наличие заметного количества цинка (в среднем 2.69%) видно еще только в подвеске PA.

Металл сурмадона Bowl-1, сосуда Bowl-2 и подвески PA можно классифицировать как оловянно-свинцовую бронзу – Bowl Pb 7.7%-23.8%, Sn 5.8%-6.9% и PA Sn 4.8%-5.2%, Pb 2.0%-3.7%.

Монеты

В таблице 3 приведены результаты анализа обследованных медных монет. В составе металла монет кроме меди было выявлено

еще 22 химических элемента - Ag, As, Ba, Ca, Cs, Fe, I, K, Ni, P, Pb, S, Sb, Sc, Si, Sn, Tb, Th, Ti, V, Zn, Zr. Элементы Ba, Cs, I, K, P, Sc, Tb, Th, Ti, V, Zr, являющиеся малыми примесями с C<0.5% в таблице не показаны. Результаты анализа медных монет позволили разделить их металл на 4 группы.

Медь. Монеты CR-6, CR-7 и CO-1 с содержанием в среднем меди 98.6%, 98.9% и 96.0%, соответственно. Малое количество серебра 0.13% и 0.14%, выявленное в медных монетах CR-6 и CR-7, скорее всего можно объяснить незначительными примесями серебра в слитках меди, из которой изготавливались эти монеты. Серебро могло попасть в эту медь в процессе выплавки меди из серебросодержащей руды. Также допустимо предположить, что при изготовлении слитков меди был использован лом, содержащий некоторое количество отбракованных посеребренных монет и другие серебросодержащие изделия.

Бронза свинцово-оловянная. Монета CR-1 с содержанием в среднем меди 51.5%, свинца 25.9%, олова 2.6%. Отличительной особенностью этой монеты являются заметные примеси железа (2.4%), сурьмы (1.3%), мышьяка (1.2%).

Бронза свинцово-оловянно-цинковая. Монета CR-2 с содержанием в среднем меди 67.4%, свинца 12.5%, олова 2.9% и цинка 6.8%. Цинк в этой монете не является основной легирующей примесью, поэтому считаем, что эта монета бронзовая, а не латунная.

Бронза свинцовая. Монета CR-8 с содержанием в среднем меди 77.2%, свинца 8.8%, серебра 6.0%, олово не обнаружено. Мы не считаем, что эта монета сделана из медно-свинцово-серебрянного сплава, так как такие медные монеты (династия Караханидов, Узджанд, Джалал ад-дин Арслан-хакан Ибрагим б. Хусайн) часто делались посеребренными.

Кроме бронзовых монет была обследована монета из серебристого металла (AG). Анализ показал, что это серебряная монета с высоким содержанием серебра (в среднем содержание серебра 95.3%) и незначительными примесями (менее 1%) Au, Ca, Cu, Fe, K, Os, S, Si, Zn. Эта монета была предварительно опознана археологами как серебряный дирхем династии Кунгратов. При анализе монеты на одной стороне (AG-1) неожиданно был обнаружен алюминий - 1.1%. Объяснение этому нашлось после выяснения условий хранения этой монеты. Она долгое время находилась в контакте с алюминиевой пластиной, что, на наш взгляд, вызвало "загрязнение" алюминием стороны AG-1. Это говорит о том, что не следует допускать прямого контакта различных анализируемых предметов, особенно если эти предметы изготовлены из мягкого металла.

Следует сказать о классификации металла медных и бронзовых изделий, применяемой археологами при изучении находок из древних памятников Центральной Азии, Казахстана, Южного Урала (металл древневосточного типа, металл степных племен и др.). Это разделение металла находок на несколько металлургических групп, о которых упоминается в некоторых публикациях, например (Рузанов, 2013; Епимахов, 2019). Это группы: так называемая "чистая" медь; медь мышьяковистая (As 0,1–1,0%); медь серебристая (Ag 0,1–1,0%); бронза оловянная (Sn 0.8-7%); бронза свинцовая (Pb 1-4%); бронза свинцово-оловянная (Sn 0.8-7%, Pb 1-5%); бронза мышьяковистая (As 1-4%); бронза свинцово-мышьяковистая (Pb и As – до 10-12%); бронза оловянно-сурьмяно-мышьяковистая (Sn>10%, Sb>1% и As>1%); бронза никелевая (Ni 1,0–5,0%).

Таблица 1. Элементный состав наконечников стрел (среднее содержание элементов в %)
Table 1. Elemental composition of arrowheads (average elemental concentration in %)

ArH-1-1	96.5	0.19	0.48	0.18	1.3	0.3	0.44		0.58
ArH-1-2	97.6	0.15	0.2	0.15	0.72	0.29	0.38		0.4
ArH-1-3	96.9	0.18	0.18	0.2	1.28	0.28	0.47		0.52
ArH-2-1	91.5	0.15	0.76	0.17	1.62	0.18	0.24	0.62	4.68
ArH-2-2	89.5	0.2	1.03	0.12	2.55	0.42	0.29	0.62	5.09
ArH-2-3	90.9	0.2	0.84	0.13	1.65	0.28	0.22		4.84
ArH-3-1	96.7		0.87	0.12				2.06	0.22
ArH-3-2	98.6		0.77	0.18					0.31
ArH-3-3	98.7		0.91	0.09					0.27
Образец	Cu	Ag	As	Ca	Pb	S	Sb	Si	Sn

Некоторые исследователи иногда упоминают термин "химически чистая медь". Однако надо сказать, что понятие "чистая медь", тем более "химически чистая медь", очень условное, так как практически все изделия с высоким содержанием меди содержат примеси других элементов, например: As (до 3%), Pb (до 3%), Sn (до 0.5%), Ag (до 0.1%) и т.п. (Tylecote, 2002; Рузанов, 2013; Шубин, 2015; Епимахов, 2019; Таиров, Блинов, 2024). Это

связано с тем, что не бывает ни чистой медной руды ни чистой самородной меди. Для примера скажем, что в самородной меди, взятой из различных месторождений Ирана, Родезии, СССР, Турции обнаруживали примеси Ag до 0.6%, As до 1.0%, Pb до 0.3%, Sb до 0.4%, Ni до 0.5%, Zn до 0.1% (Tylecote, 2002). Среднее содержание химических элементов в широко распространенных серых медных рудах может быть: Cu 13.5%, S 23.1%, Fe 19.7%, Sb 5.7%, As 0.9% (от 0.8% до 5%), Zn 1.1% (Tylecote, 2002). В выплавленной меди содержание химических элементов может быть: Cu 90-96%, Fe до 2.4%, S 0.6%, Pb+Sn 0.5% (Tylecote, 2002). Даже в рафинированной меди с содержанием Cu 99.8% могут наблюдаться примеси Fe 0.05%, Sn+Pb 0.04%, Pb 0.05% (Tylecote, 2002). Поэтому вместо термина "химически чистая медь" надо применять термин "технически чистая" медь.

Классификация металла по металлургическим группам давала археологам привязку к рудным источникам, позволяя предполагать место происхождения металла и, возможно, место изготовления металлических изделий. На наш взгляд следует с осторожностью относиться к таким предположениям.

Это связано с тем, что металл в древности имел большую ценность, поэтому древние кузнецы собирали любые металлические отходы плавильного и кузнечного производства, забракованные изделия, обломки орудий труда и оружия, бытовых изделий, поломанные дешевые украшения и прочий лом. Весь этот лом использовался вторично при изготовлении различных металлических изделий. Поэтому металлические находки могут иметь элементный состав, часто не позволяющий однозначно отнести металл к определенным металлургическим

Таблица 2. Элементный состав бытовых изделий (среднее содержание элементов в %)
Table 2. Elemental composition of household goods (average elemental concentration in %)

Bowl-1-1	0.15	0.56	1.25		63.1	1.01	0.14	15.2		0.73	10.6	6.72	
Bowl-1-2		0.32	3.8		46.1	2.28	0.07	23.8		0.67	14.2	5.97	
Bowl-2-1	0.15	1.3	0.33		77.8	0.1	0.51	7.67		0.67	4.18	5.76	
Bowl-2-2		0.83	0.88		59.8	0.67	0.31	21		0.73	7.2	6.92	
Sp-1		0.24	0.11	4.88	77.6			1.44	0.54		0.71	3.66	10.1
Sp-2			0.13		80.1			1.33			1.14	3.36	13.3
PA-1-1	0.2	1.3	0.2		83	0.2	0.2	3	1.3	1	1.2	5	2.9
PA-1-2	0.2	1.4	0.3		84	0.2	0.2	3.2	1.1	1	0.7	4.8	2.8
PA-2-1	0.2	1.3	0.3		85		0.2	2	1	1	0.8	5.3	2.8
PA-2-2	0.3	1.2	0.6		84		0.2	3.7	1	1	0.8	5	2.3
Образец	Ag	As	Ca	Cl	Cu	Fe	Ni	Pb	S	Sb	Si	Sn	Zn

Таблица 3. Элементный состав медных монет (среднее содержание элементов в %)
Table 3. Elemental composition of copper coins (average elemental concentration in %)

CR-1-1		1.21	1.19	51.6	2.25	0.18	28.9		1.31	9.5	2.63	0.59
CR-1-2		1.28	1.62	51.4	2.55	0.16	23		1.33	14.4	2.53	0.57
CR-2-1		0.5	0.67	65.5	0.36	0.06	15.2		0.21	7.48	3.03	6.25
CR-2-2		0.61	0.64	69.4	0.21	0.06	9.8		0.17	7.87	2.71	7.27
CR-6-1	0.22		0.18	98.3		0.06	0.39	0.32	0.22			
CR-6-2	0.12		0.23	97.9		0.07	0.36	0.23	0.2	0.37	0.33	
CR-7-1	0.14		0.11	99.2		0.07	0.26					
CR-7-2	0.14		0.26	98.6		0.07	0.25			0.66		
CR-8-1	6.1	0.4	0.78	70.1	0.28	0.07	11.3		0.51	9.4		
CR-8-2	5.91	0.26	0.22	84.3		0.09	6.34		0.37	2.26		
CO-1-1		0.25	0.22	94.6		0.16	0.22			3.93	0.51	
CO-1-2		0.07	0.18	97.3		0.18	0.27			1.5	0.48	
Образец	Ag	As	Ca	Cu	Fe	Ni	Pb	S	Sb	Si	Sn	Zn

Таблица 4. Элементный состав некоторых древних наконечников стрел (%) (нд – нет данных)
Table 4. Elemental composition of ancient arrowheads (%) (нд – no data)

№	Cu	Sn	As	Sb	Pb	Zn	Fe	Ni	Ag
1	нд	1.83			1.85				
2	нд	10.82		8.0				3.68	
3	нд	2.46	0.50		0.56				
4	81.0	18.7			0.05		0.23		
5	99.8						0.15		
6	нд	4.0	1.0	0.06				0.05	
7	нд					4.33-4.44			
8	нд	1.72-5.57				3.09-6.09			
9	99.92						0.08		
10	99.11						0.89		
11	99.52	0.39					0.09		
12	99.67				0.09		0.24		
13	98.66	0.65			0.09		0.60		
14	93.07	1.91	4.52		0.13		0.16		
15	95.18	0.20	4.26		0.09				
16	97.0	0.50	0.29	0.43	1.10			0.06	0.18
17	90.7	4.87	0.88	0.25	1.94				0.18
18	98.0	0.27	0.85					0.08	

группам и осуществить привязку к рудным источникам.

Наконечники стрел.

В таблице 4 для сравнения приведен состав некоторых наконечников стрел, изготовленных в разные исторические периоды в различных государствах. В этой таблице: 1 – китайский наконечник стрелы, династия Шан, 1401-1122 вв. до н.э.; 2 – китайский наконечник стрелы, династия Хань, 206 г. до н.э. – 220 г. н.э.; 3 – японский наконечник стрелы, VII век н.э. (Tylecote, 2002); 4, 5 – наконечники стрел из Центрального Казахстана, VII–VI вв. до н.э. (Tur, 2016); 6 – наконечник стрелы из степной и лесостепной зон Восточной Европы между Днепром и Уралом, вторая половина II – начало I тыс. до н.э. (Шубин, 2015); 7 и 8 – латунные наконечники стрел из Казахстана, конец VIII – первая половина VI вв. до н.э. (Рузанова, Рощина, 2010); 9-15 – из степной и лесостепной зон Южного Зауралья (9 - вторая половина VI – первая половина V вв. до н.э. (Таиров, Блинов, 2024)); 16-18 - наконечники стрел из Средней Азии, VI-III вв. до н.э. (наши результаты, средние значения).

Сравнение результатов показывает, что медные наконечники стрел №16 и 18, найденные в Самаркандской области Узбекистана, по содержанию меди ближе всего по составу к наконечникам из Северного Казахстана (№5) и степной и лесостепной зон Южного Зауралья (№9-13). Металл таких наконечников археологи относят к условной металлургической группе "чистая медь".

Имеется сходство наконечника №17 из оловянной бронзы с наконечником №6 из степной и лесостепной зон Восточной Европы. Сходство образца №17 прослеживается и с японским наконечником (№3). Имеется существенное различие в содержании олова с бронзовыми наконечниками из Китая (№2, Sn 10.8%) и Северного Казахстана (№4, Sn 18.7%), в которых оно намного выше. Надо заметить, что содержание в бронзе олова порядка 20% обеспечивало максимальную твердость и прочность сплава, а дальнейшее увеличение концентрации олова приводит к снижению прочности бронзы и она становится хрупкой (Tylecote, 2002; Осинцев, Федоров, 2004; Адаскин, 2009).

В самаркандских наконечниках №9 и 10 присутствует примесь свинца (Pb 1.1% и 1.9%), который в схожих концентрациях виден в китайском №1 и японском наконечнике №3.

В обследованных нами наконечниках стрел в небольших количествах присутствует мышьяк (As от 0.3% до 0.9%), видный также в японском наконечнике №3 (As 0.5%) и наконечнике из Восточной Европы №6 (As 1%). Учитывая, что мышьяк в небольших количествах часто может содержаться в медных рудах, допустимо считать такие

Таблица 5. Элементный состав некоторых бронзовых изделий (%) (нд – нет данных)
Table 5. Elemental composition of some bronze items (%) (нд – no data)

№	Предмет	Cu	Sn	Pb	Zn	Fe	Ni	Sb	As	Ag
1	Сосуд	нд	13.07	0.83			0.06			
2	Сосуд	нд	20.32	0.05						
3	Украшение	нд	0.47	0.03		0.21		0,06	0.20	0.01
4	Подвеска	нд							16.2	
5	Подвеска	нд	0.3	0.05				0.04	0.25	
6	Bowl-1	54.6	6.34	19.5		1.64	0.13	0.70	0.44	0.15
7	Bowl-2	68.8	6.34	14.3		0.39	0.41	0.70	1.07	0.15
8	Подвеска PA	83.9	5.01	2.97	2.69	0.23	0.17	0.99	1.28	0.23
9	Ложечка Sp	78.8	3.51	1.38	11.7				0.24	

малые примеси мышьяка природными примесями, а не введенными легирующими компонентами. При этом надо сказать, что мышьяк как и олово делает бронзовый сплав более прочным, улучшает его литейные характеристики и ковкость, поэтому часто использовался в качестве легирующего компонента. Примером могут служить наконечники стрел №14 и №15 из степной зоны Южного Зауралья, сделанные из мышьяковистой бронзы - в них мышьяк является основным легирующим компонентом (Таиров, Блинов, 2024).

Существенное различие самаркандских наконечников стрел видно только с казахстанскими наконечниками стрел №7 и №8, сделанными из латуни. №7 – чистая латунь (Cu+Zn), а №8 - многокомпонентная латунь Cu+Zn+Sn (содержание цинка в образцах №8 было больше содержания олова (Рузанова, Рощина, 2010), то есть цинк является основным легирующим компонентом).

Бытовые предметы

В таблице 5 для сравнения приведем состав некоторых бытовых предметов, изготовленных в разные исторические периоды и в различных государствах. Здесь: 1, 2 - китайские бронзовые сосуды династии Шан, 1401-1122 гг. до н.э.; 3 - украшение, 4 и 5 - подвеска из степной и лесостепной зон Восточной Европы между Днепром и Уралом, вторая половина II - начало I тыс. до н.э. (3-5 из (Шубин, 2015)); 6 - сурмадон Bowl-1, Средняя Азия (XI в. н.э.); 7 - стаканчик Bowl-2, Средняя Азия (XI в. н.э.); 8 - подвеска PA, Средняя Азия (X-XII вв. н.э.); 9 - ложечка Sp, Средняя Азия (VII-VIII вв. н.э.) (6-9 - наши результаты, средние значения).

Сравнивая элементный состав обследованных нами изделий Bowl-1, Bowl-2, PA, Sp с результатами других исследователей можно увидеть следующее.

Сосуды из находок самаркандских археологов сурмадон Bowl-1 (№6) и стаканчик Bowl-2 (№7), сделанные из свинцово-оловянной бронзы, существенно отличаются от китайских сосудов №1 и 2, являющихся изделиями из оловянной бронзы.

Металл подвески PA (№8), представляющий собой многокомпонентную бронзу с заметными примесями олова, свинца, цинка, сурьмы и мышьяка (Sn 5%, Pb 3%, Zn 2.7%, Sb 1%, As 1.3%), также отличается от украшения №3 и подвесок №4 и 5 из степной и лесостепной зон Восточной Европы. Подвеска №4 сделана из мышьяковистой бронзы, украшение №3 и подвеска №5 – из меди с незначительной примесью мышьяка.

Ложечка Sp (№9), сделанная из многокомпонентной латуни (Cu+Zn+Sn+Pb), не имеет аналогий с металлом изделий №1-7.

Исследованные нами предметы Bowl-1, Bowl-2 и PA отличаются от других предметов наличием небольшого количества серебра (0.15-0.23%). Возможно металл представлял собой смесь различных металлов в виде лома, который часто использовался при изготовлении бытовых предметов.

Следует еще раз сказать о хлоре, обнаруженном при анализе ложечки Sp (№9) на одной из её сторон (табл. 2, Sp-1, Cl 4.88%). Встречаются предположения, что повышенное содержание хлора в металле может быть связано с особенностями месторождений медной руды. В таком случае хлор должен выявляться и на другой стороны ложечки. В нашем случае

Таблица 6. Элементный состав некоторых древних медных, бронзовых и серебряных монет (%) (нд – нет данных)
Table 6. Elemental composition of ancient copper, bronze and silver coins (%) (нд – no data)

№	Type	Au	Ag	Cu	Sn	Pb	Zn	Ni	Sb	As	Fe
1	Бронзовая монета			нд	8.3	8.7				0.18	
2	Бронзовая монета			нд	3.2	11.2			0.49	1.5	
3	Бронзовая монета			нд	6.8	21.3		3.04		3.9	
4	Бронзовая монета			нд	1.7	55.4		1.03		0.6	
5	Монета Птолемеев			65.1	5.1	28.8	0.10				
6	Карфагенский фоллис		1.2	81.3	5.5	11.9	0.01				
7	Бронзовая монета CR-1			51.5	2.6	25.9	0.58	0.17	1.32	1.24	2.4
8	Бронзовая монета CR-2			67.4	2.9	12.5	6.8	0.06	0.19	0.56	0.28
9	Бронзовая монета CR-8		6.0	77.2		8.8		0.08	0.44	0.33	0.28
10	Медная монета CR-6		0.13	98.6	0.33	0.31		0.07	0.20		
11	Медная монета CR-7		0.14	98.9		0.26		0.07			
12	Медная монета CO-1			96.0	0.50	0.25		0.17		0.16	
13	Денарий			98.5	1.03	0.51					
14	Денарий	0.53	94.3	4.4	0.23	0.39	-				
15	Греческий статер		94.1	4.0		0.57					
16	Дирхам	0,05	97,6	1,50		0,82					
17	Дирхам	0.18	98.4	1.05		0.13					
18	Дирхам AG	0.67	95.3	0.17			0.07				

хлор не был обнаружен там даже в следовых количествах. Поэтому считаем наличие хлора в ложечке проявлением бронзовой болезни, о чем мы говорили при представлении результатов анализа бытовых предметов.

Монеты

В таблице 6 для сравнения приведем состав некоторых монет, изготовленных в разные исторические периоды и в различных государствах. Здесь: №1 и №2 - японские бронзовые монеты (1835-1870 гг. н.э.); №3 и №4 - китайские бронзовые монеты (770-249 гг. до н.э.); №5 - бронзовая монета Птолемеев, Египет (169-146 гг. до н.э.); №6 - фоллис, Карфаген (307 г. н.э.) (Tylecote, 2002); №7-9 - бронзовые монеты CR-1, CR-2, CR-8 и №10-12 - медные монеты CR-6, CR-7 и CO-1 (наши результаты, средние значения); №13 - медный денарий римского периода (244-249 гг. н.э.), №14 - серебряный денарий римского периода (150 г. до н.э.) и №15 - греческий статер из Коринфа (IV в.) (Tylecote, 2002); №16 и 17 - дирхемы династии Джучидов (Храмченкова и др., 2017); №18 - серебряный дирхем династии Кунгратов (наши результаты, средние значения).

Сравнение результатов наших анализов бронзовых монет CR-1 и CR-2 (№7, 8) с японскими и китайскими монетами, египетской монетой и карфагенским фоллисом (№1-6) показывает, что все эти монеты изготавливались из свинцово-оловянной бронзы с содержанием компонента Pb 8.7% - 55.4% и Sn 1.7% - 8.3%.

Несколько отличается по составу бронзовая монета CR-8 (№9). Она не содержит олова, содержит свинец (Pb 8.8%) и серебро (Ag 6.0%). Можно было бы предположить, что монета изготовлена из медно-свинцово-серебрянного сплава. Однако археологи идентифицировали эту монету как посеребренную медную монету династии Караханидов (Узджанд, Джалал ад-дин Арслан-хакан Ибрагим б.Хусайн). Поэтому мы считаем, что монета изготовлена из свинцовой бронзы.

Состав обследованных нами медных монет CR-6, CR-7 и CO-1 (Cu в среднем 98.6%, 98.9% и 96.0%) сравним с составом динария №13 римского периода (Cu 98.5%).

Анализ хорезмского серебряного дирхама AG (№18) династии Кунгратов показывает его сходство с серебряными дирхамами династии Джучидов (№16 и 17). Некоторое различие видно только с серебряными денарием Романского периода и греческим статером (№14

и 15), в которых прослеживается заметное содержание меди (4.4% и 4.0%).

Небольшие примеси других элементов, включая золото (0.05%-0.67%) в динарии №14 и дирхамах №16-18, допускают предположение, что при изготовлении монет кроме основного металла мог дополнительно использоваться также металлический лом из дефектных монет, отходов монетного производства, обломков недорогих украшений и др.

Подведём итоги исследований

Результаты анализов позволили установить, что наконечники стрел АН-1, АН-2 и АН-3 были изготовлены как из меди (АН-1, АН-3, Cu 97-98%), так и оловянной бронзы (АН-2, Cu 90.7%, Sn 4.9%). Во всех наконечниках стрел был обнаружен мышьяк (As от 0.18% до 1.03%). В медных рудах часто содержится мышьяк в количествах 0.8-5%. Это позволяет допустить обнаруженные примеси мышьяка природными примесями, а не введенными легирующими компонентами. В наконечниках АН-1 и АН-2 обнаружены малые примеси серебра (Ag от 0.15% до 0.20%). Их тоже допустимо считать природными примесями, так как содержание серебра в природном сырье может доходить до 0.6%.

Анализ четырех бытовых предметов из медного сплава (сурмадон, стаканчик для мерной гири, подвеска из комплекта женского украшения и фрагмент ложечки) показали, что первые три предмета изготовлены из свинцово-оловянной бронзы со средним содержанием свинца 19.5%, 14.3% и 3.0%, олова 6.3%, 6.3% и 5.0%. Ложечка была изготовлена из латуни, о чем говорит наличие основного легирующего компонента в виде цинка (содержание в среднем 11.7%), а содержание других легирующих примесей заметно меньше – олово в среднем 3.5%, свинец – 1.4%. Наличие хлора в количестве 4.9% на одной из сторон ложечки свидетельствует о том, что этот предмет был заражен бронзовой болезнью. Высокая доля и разнообразие примесей из железа, никеля, сурьмы, серебра и других химических элементов в сурмадоне, стаканчике для мерной гири, подвеске и ложечке (в среднем до 45%, 31%, 16% и 21%) позволяет допустить, что для изготовления этих бытовых предметов помимо основного металла мог использоваться также металлический лом из бракованных изделий, обломков орудий труда и оружия, сломанных дешевых украшений и пр.

Анализ монет позволил установить, что:

три монеты (CR-1, CR-2, CR-8) сделаны из различных бронзовых сплавов – свинцово-оловянная бронза (CR-1, в среднем Cu 51.5%, Pb 25.9%, Sn 2.6%), свинцово-оловянная-цинковая бронза (CR-2, в среднем Cu 67.4%, Pb 12.5%, Sn 2.9% и Zn 6.8%) и свинцовая бронза (CR-8, в среднем Cu 77.2%, Pb 8.8%);

наличие заметной примеси серебра в монете CR-8 (Ag 6.0%) объясняется тем, что бронзовая монета была при её изготовлении посеребрена;

три монеты (CR-6, CR-7, CO-1) сделаны из условно "чистой" меди (Cu 96%-99%);

монета из серебра (дирхам AG) содержит 95.3% серебра и небольшую примесь золота 0.67%;

наличие алюминия (1.1%) на одной из сторон серебряного дирхама AG объясняется загрязнением монеты, возникшем из-за случайного контакта монеты с алюминиевым предметом;

незначительное количество серебра порядка 0.13%-0.14%, выявленное в медных монетах CR-6 и CR-7, допустимо объяснить природными примесями серебра в медной руде. При этом не следует исключать и того, что такие монеты могли быть изготовлены из смеси меди, бронзы и серебросодержащего лома.

Примечание:

Статья посвящена светлой памяти Муминова Талиба Мусаевича, академика Академии Наук Узбекистана.

ЛИТЕРАТУРА

Адаскин А.М. Материаловедение (металлообработка): учебное пособие. М.: Академия, 2009. 288 с.

Бейсенов А.З., Тишкин А.А. Бронзовый наконечник стрелы из позвонка мужчины, погребенного в тасмолинском кургане Койтас // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 34, № 2. С. 172–185.

Мокрушин И.Г., Красновских М.П., Подосенова Ю.А., Сарапулов А.Н.. Физико-химические методы анализа в археологических исследованиях // Труды КАЭЭ. 2020. Вып. XVII. С. 14–26.

Никитин М.К., Мельникова Е.П. Химия в реставрации. Справочное пособие. Л.: Химия, 1990. 304 с.

Осинцев О.Е., Федоров В.Н. Медь и медные сплавы. Отечественные и зарубежные марки: Справочник. М.: Машиностроение, 2004. 336 с.

Рузанов В.Д. Металлообработка на юге Средней Азии в эпоху бронзы. Самарканд: Институт археологии Академии наук Узбекистана, 2013. 347 с.

Рузанов В.Д. Химико-металлургические особенности изделий из цветных металлов кочевых племен Северной Бактрии в кушанское время // Археология Узбекистана. 2021. № 24. С. 12–24.

Рузанов В.Д., Анарбаев А.А., Реутова М.А. Химико-металлургические характеристики металла Бричмуллинского клада // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 35 / Отв. ред. Ш.Р. Пидаев Ташкент: Фан, 2006. С. 79–82.

Рузанова С.А. Металлопроизводство на территории Северной Бактрии (результаты исследования материалов с поселения Кампыртепа) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 4. С. 20–33.

Рузанова С.А., Рощина С.А. Химический состав металла наконечников стрел из могильника Южный Тагискен // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий / МИАР. Вып. 13 / Отв. ред. М.М. Герасимова, В.Ю. Малашев, М.Г. Мошкова. М.: Таус, 2010. С. 431–437. Доступно по: URL http://archaeologyca.su/?p=1257 (дата обращения 02.02.2024).

Сабирова Т.М. Состав металла фибул Среднего Прикамья (по материалам коллекции УдГУ) // Поволжская археология. 2019. № 1 (27). С. 180–193.

Таиров А.Д., Блинов И.А. Состав металл предметов из случайных находок на территории степной и лесостепной зон Южного Зауралья // Археология Евразийских степей. 2024. № 1. С. 237–255.

Храмченкова Р.Х., Шайхутдинова Е.Ф., Бугарчев А.И., Петров П.Н., Ситдиков А.Г. Сравнительный анализ химического состава и структуры пореформенных серебряных монет Джучидов (по материалам раскопа CLXXIX Болгарского городища) // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2017 года. Москва, 23 и 24 ноября 2017 г. Материалы докладов и сообщений / Отв. ред. Е.В. Захаров. М.: РИА Внешторгиздат, 2017. С. с.

Шайхутдинова Е.Ф., Храмченкова Р.Х., Хасанов Р.Р., Мухаметшин Д.Г. Ситдиков А.Г. Серебро-висмутовая монета X в. эмиров Андарабы. // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2017 года. Москва, 23 и 24 ноября 2017 г. Материалы докладов и сообщений / Отв. ред. Е.В. Захаров. М.: РИА Внешторгиздат, 2017. С.69–74.

Шемаханская М.С. Реставрация металла: методические рекомендации. М: ВНИИР, 1989. 156с.

Шубин Ю.П. К вопросу о химическом составе металлических изделий эпохи энеолита-бронзы Днепро-Донского региона // Сборник научных трудов ДонГТУ. 2015. № 1 (44). С. 76–81.

Южный Урал в начале эпохи металлов. Бронзовый век / История Южного Урала. Т. 2 / Науч. ред. А.В. Епимахов; отв. за выпуск Н.О.Иванова. и др. Челябинск: ЮУрГУ, 2019. 432 с.

Bottaini C.E., A.L.M. Silva, D.S. Covita, L.M. Moutinhob, J.F.C.A. Veloso. 2012. Energy dispersive X-ray fluorescence analysis of archeological metal artifacts from the Final Bronze Age // X-Ray Spectrometry. 41, 144–149.

Daly K., Fenelon A. 2018. Application of Energy Dispersive X-ray Fluorescence Spectrometry to the Determination of Copper, Manganese, Zinc, and Sulfur in Grass (Lolium perenne) in Grazed Agricultural Systems // Applied Spectroscopy. V.72, No.11, 1661-1673.

Mantler M., M. Schreiner. 2000. X-Ray Fluorescence Spectrometry in Art and Archaeology // X-Ray Spectrometry. 29, 3–17.

Tylecote R.F. A history of metallurgy. Second Edition. London: Maney Publishing for the Institute of Materials, 2002. 205 p.

Tur S.S., Svyatko S.V., Beisenov A.Z., Tishkin A.A. 2016. An Exceptional Case of Healed Vertebral Wound with Trapped Bronze Arrowhead: Analysis of a 7th–6th c. BC Individual from Central Kazakhstan // International Journal of Osteoarchaeology. 26(4), 740-746.

Young S.G., J. Valdez, M. Espy, A. Edgar, J. Brett, M.T. Pettes, C. Mathers, M. Barbour, B.M. Patterson. 2023. Analysis of Coronado State Historic Site artifacts using X-rays // X-Ray Spectrometry. *1-14.* https://doi.org/10.1002/xrs.3350.

Информация об авторах:

Шаронов Иосиф Алексеевич, кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник, зав. ядерно-физической лабораторией, Самаркандский государственный университет; (г. Самарканд, Узбекистан); jsharonov@gmail.com

Алибеков Акбар Сувонович, младший научный сотрудник ядерно-физической лаборатории, Самаркандский государственный университет (г. Самарканд, Узбекистан); akbaralibekov@gmail.com

Атаходжаев Анвар Хашимович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, зав. отделом, Самаркандский институт археологии (г. Самарканд, Узбекистан); aakh9208@gmail.com

Реутова Марина Аркадьевна, кандидат химических наук, старший научный сотрудник, зав. лабораторией химико-технологического исследования, реставрации и консервации археологических материалов, Самаркандский институт археологии (г. Самарканд, Узбекистан); mreutova@gmail.com

Музаффаров Амрулло Мустафаевич, доктор технических наук, главный инженер Центральной научно-исследовательской лабораторией Навоийского горно-металлургического комбината (г. Навои, Узбекистан); amrullomuzaffarov@gmail.com

REFERENCES

Adaskin, A. M. 2009. *Materialovedenie (metalloobrabotka) (Materials science (metalworking))*. Moscow: “Akademiya” Publ. (in Russian).

Beisenov, A. Z., Tishkin, A. A. 2022. In *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovanii (Theory and Practice of Archaeological Research)* 34 (2), 172–185 (in Russian).

Mokrushin, I. G., Krasnovskikh, M. P., Podosenova, Yu. A., Sarapulov, A. N. 2020. In *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* 17, 14–26 (in Russian).

Nikitin, M. K., Mel’nikova, E. P. 1990. *Khimiia v restavratsii (Chemistry in Restoration).* Leningrad: “Khimiia” Publ. (in Russian).

Osintsev, O. E., Fedorov, V. N. 2004. *Med' i mednye splavy. Otechestvennye i zarubezhnye marki (Copper and copper alloys. Russian and foreign grades).* Moscow: “Mashinostroenie” Publ. (in Russian).

Ruzanov, V. D. 2013. *Metalloobrabotka na yuge Sredney Azii v epokhu bronzy (Metalworking in the south of Central Asia in the Bronze Age).* Samarkand: Institute of Archaeology, Academy of Sciences of Uzbekistan (in Russian).

Ruzanov, V. D. 2021. In *Arkheologiya Uzbekistana (Archaeology of Uzbekistan)* (24), 12–24 (in Russian).

Ruzanov, V. D., Anarbaev, A. A., Reutova, M. A. 2006. In Pidaev, Sh. R. (ed.). *Istoriia material'noi kul'tury Uzbekistana (History of Material Culture of Uzbekistan)* 35. Tashkent: “Fan” Publ., 79–82 (in Russian).

Ruzanova, S. A.2016. In *Problemy istorii, filologii, kul’tury (Journal of Historical, Philological and Cultural Studies)* (4), 20–33 (in Russian).

Ruzanova, S. A., Roshchina, S. A. 2010. In Gerasimova, M. M., Malashev, V. Yu., Moshkova, M. G. (eds.). *Arkheologiia i paleoantropologiia evraziiskikh stepei i sopredel’nykh territorii (Archaeology and Paleoanthropology of Eurasian Steppes and Adjacent Territories)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and Studies in the Russian Archaeology) 13. Moscow: “Taus” Publ., 431–437 (in Russian).

Sabirova, T. M. *2019. In Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 27 (1), 180–193 (in Russian).

Tairov, A. D., Blinov, I. A. 2024. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 237–2555 (in Russian).

Shaykhutdinova, E. F., Khramchenkova, R. Kh., Khasanov, R. R., Mukhametshin, D. G., Sitdikov, A. G. 2017. In Zakharov, E. V. (ed.). *Numizmaticheskie chteniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya 2017 goda (Numismatic Readings of the State Historical Museum of 2017).* Moscow: “Vneshtorgizdat” Publ., 69–74 (in Russian).

Shaykhutdinova, E. F., Khramchenkova, R. Kh., Khasanov, R. R., Mukhametshin, D. G., Sitdikov, A. G. 2017. In Zakharov, E. V. (ed.). *Numizmaticheskie chteniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya 2017 goda (Numismatic Readings of the State Historical Museum of 2017).* Moscow: “Vneshtorgizdat” Publ., 69–74 (in Russian).

Shemakhanskaya, M. S. 1989. *Restavratsiya metala: metodicheskie rekomendatsii (Metal Restoration: Methodological Recommendations)*. Moscow: “VNIIR” Publ. (in Russian).

Shubin, Yu. P. 2015. In *Sbornik nauchnykh trudov Donbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (Collection of scientific papers of the Donbass State Technical University)* 44 (1), 76–81 (in Russian).

Epimakhov, A. V., Ivanova, N. O. (eds.). 2019. *Yuzhnyy Ural v nachale epokhi metallov. Bronzovyy vek (The Southern Urals at the beginning of the metal age. The Bronze Age).* Series: Istoriya Yuzhnogo Urala (History of the Southern Urals). 2. Chelyabinsk: South Ural State University (in Russian).

Bottaini, C. E., Silva, A. L. M., Covita, D. S., Moutinhob, L. M., Veloso, J. F. C. A. 2012. In *X-Ray Spectrometry*. 41, 144–149.

Daly, K., Fenelon, A. 2018. In *Applied Spectroscopy*. Vol. 72, no 11, 1661–1673.

Mantler, M., Schreiner, M. 2000. In X-*Ray Spectrometry*. 29, 3–17.

Tylecote, R. F. 2002. *A history of metallurgy*. Second Edition. London: Maney Publishing for the Institute of Materials.

Tur, S. S., Svyatko, S. V., Beisenov, A. Z., Tishkin, A. A. 2016. In International Journal of Osteoarchaeology. 26 (4), 740–746.

Young, S. G., Valdez, J., Espy, M., Edgar, A., Brett, J., Pettes, M.T., Mathers, C., Barbour, M., Patterson, B.M. 2023. In X-*Ray Spectrometry*. *1–14.* https://doi.org/10.1002/xrs.3350.

About the Authors:

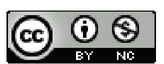
Sharonov Iosif A., Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Senior Researcher, Head of Nuclear Physics Laboratory, Samarkand State University; 15 University Boulevard, Samarkand, 140104, Uzbekistan; jsharonov@gmail.com

Alibekov Akbar S., Junior Researcher, Nuclear Physics Laboratory, Samarkand State University; 15 University Boulevard, Samarkand, 140104, Uzbekistan; akbaralibekov@gmail.com

Atakhodjaev Anvar Kh., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Head of Department, Samarkand Institute of Archaeology; 3 Abdullaev St., Samarkand, 140061, Uzbekistan; aakh9208@gmail.com

Reutova Marina A., Candidate of Chemical Sciences, Senior Researcher, Head of Laboratory of Chemical-Technological Research, Restoration and Conservation of Archaeological Materials, Samarkand Institute of Archaeology; 3 Abdullaeva St., Samarkand, 140061, Uzbekistan; mreutova@gmail.com

Muzaffarov Amrullo M., Doctor of Technical Sciences, Chief Engineer, Central Research Laboratory, Navoi Mining and Metallurgical Combine; 27 Navoi St., Navoi, 210100, Navoi, Uzbekistan; amrullomuzaffarov@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.08.2024 г.
Статья принята к публикации 01.10.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 930.27:94 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.5.350.356

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ КАМЫШЛИНСКОГО РАЙОНА САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2024 г. А.М. Гайнутдинов

Статья посвящена изучению татарских эпиграфических памятников, сохранившихся в Камышлинском районе Самарской области. Как исторический источник они играют важную роль в изучении истории, культуры и языка татарского народа, поскольку содержат информацию, которую невозможно получить из других исторических источников. Арабографичные памятники Камышлинского муниципального района никто из ученых не изучал. Во время эпиграфической экспедиции в этом районе автором было впервые выявлено 107 памятников, датируемые периодом с 1879 г. по 1939 г. В статье приводятся результаты этой работы, описываются и анализируются самые древние эпиграфические памятники, представляющие научный интерес. Новизна исследования заключается в том, что некоторые примеры этого эпиграфического наследия впервые вводятся в научный оборот, приводятся результаты работы по расшифровке арабоязычных и татарских текстов, присутствующих на камнях.

Ключевые слова: татарская эпиграфика, надмогильные камни, эпитафии, Камышлинский район, Самарская область, памятники, историко-культурное наследие.

RESEARCH RESULTS OF EPIGRAPHIC MONUMENTS IN THE KAMYSHLA DISTRICT OF SAMARA REGION

A.M. Gainutdinov

The article is devoted to the study of Tatar epigraphic monuments preserved in the Kamyshla district of the Samara region. As a historical source, they play an important role in the study of the history, culture and language of the Tatar people, since they contain information that cannot be received from other historical sources. Arabographic monuments of the Kamyshla district were not studied by the specialists. During the epigraphic expedition in this area, the author identified 107 monuments dating from the period from 1879 to 1939. The article presents the results of this work, describes and analyzes the most ancient epigraphic monuments of scientific interest. The novelty of the study lies in the fact that some examples of this epigraphic heritage are introduced into scientific discourse for the first time and the results of the work on deciphering the Arabic and Tatar texts present on the stones are given.

Keywords: Tatar epigraphy, gravestones, epitaphs, Kamyshla district, Samara region, monuments, historical and cultural heritage.

В последние годы внимание к историко-культурным памятникам возросло. Различные организации ведут большую деятельность в области сохранения, использования, популяризации культурного наследия народов, проживающих в нашей стране. Некоторую активность стали проявлять и в работе по выявлению и изучению татарских эпиграфических памятников. Однако ситуация в области исследования эпиграфического наследия татар, проживающих за пределами Республики Татарстан, пока оставляет желать лучшего. Поэтому каждый регион, в котором проживают татары, должен быть тщательно изучен учеными, нельзя упускать из виду ни один сохранившийся эпиграфический памятник, и требуется усердная работа в этом направлении.

Древние надмогильные камни Камышлинского района Самарской области до сих пор не были изучены. Некоторые исследователи писали только о памятниках истории Камышлинского края, таких как горы, родники, дороги (Бадртдинов, 2017, с. 67–70), но об эпиграфических памятниках района в научной литературе практически не было ни слова. В мае 2022 года мы отправились в научную экспедицию для выявления и изучения всех эпиграфических памятников, сохранившихся до наших дней на кладбищах татарских населенных пунктов Камышлинского района. В этом нелегком деле нам очень помог

научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ С.Р. Хамидуллин. Таким образом, каждый из памятников с арабскими надписями, установленный на могилах умерших до 1939 года, мы выявили, сфотографировали, сняли размеры и прочитали их тексты. Всего на некрополях девяти сел и деревень нами было впервые обнаружено 107 эпиграфических памятников, имеющих исторический интерес.

В некоторых населенных пунктах Камышлинского района не было найдено ни одного древнего надмогильного камня, а в некоторых селах их число превышало несколько десятков. Нужно отметить, что кладбища некоторых деревень были совершенно непроходимы, так как заросли деревьями, очень густыми кустарниками, большой травой. Но мы все равно, по мере сил, старались все отыскать, ничего не пропускать.

Самое большое количество эпиграфических памятников было обнаружено в Новом Ермаково, так как на его некрополе сохранилось всего 45 арабографичных камней. На втором месте по количеству памятников оказался районный центр Камышла: на двух его кладбищах найдены 23 надмогильные плиты. Также мы выяснили, что на двух некрополях с. Новое Усманово сохранилось 13 эпиграфических памятников, а это значит, что этот населенный пункт имеет право быть на третьем месте по количеству надмогильных камней. В с. Старое Ермаково, Старая Балыкла, Чулпан количество относительно древних эпиграфических памятников достигло шести. Что касается остальных населенных пунктов, то в Татарском Байтугане найдено пять памятников, в Новом Усманово – три, в Давлеткулово – два, в Старом Усманово – один.

Самый древний надмогильный камень, найденный в районе, относится к 1879 году. Этот эпиграфический памятник, обнаруженный на старинном кладбище с. Камышла, был установлен Уразмету, сыну Юнуса. На его лицевой стороне имеется следующая врезная надпись:

«1879...
Уразмәт бине
Юныс бине Габдулла
бине Габделҗәлил бине
Рәхмәтулла зийәрәт
углы Галийулла
1879

Рис. 1. Памятник Уразмету сына Юнуса, с. Камышла
Fig. 1. Monument to Urazmet Yunus's son, Kamyshla

>>».

Перевод на русский язык: «1879 [год], могила Уразмета, сына Юнуса, сына Габдуллы, сына Габдулджалиля, сына Рахматуллы. [Установил] сын Галиулла, 1879 [год] >>».

Размеры камня: 88×44×17 (рис. 1).

Как видно из текста, камень был установлен сыном Уразмета Галиуллой. Там же указаны родовой знак (тамга) и родословная похороненного в этой могиле человека.

Рис. 2. Памятник Бибисабире дочери Рахматуллы, с. Камышла
Fig. 2. Monument to Bibisabira Rahmatullah's daughter, Kamyshla

Также относительно древним является надмогильный камень Бибисабиры, дочери Рахматуллы, умершей в 1890 году и похороненной на том же некрополе с. Камышла. Текст ее памятника гласит:

«189[0]
Рәхмәтулла кызы
Бибисабира».

Перевод на русский язык: «189[0 год], Бибисабира, дочь Рахматуллы».

Размеры камня: 34×32×12 (рис. 2).

На втором кладбище с. Новое Усманово также сохранилась надмогильная плита женщине по имени Разифа, датированная 1890 годом:

«1890
нчы йылда Рәзи-
-фә вафат».

Перевод на русский язык: В 1890 году скончалась Разифа».

Размеры камня: 54×34×9 (рис. 3).

Рис. 3. Памятник Разифе, с. Новое Усманово
Fig. 3. Monument to Razifa, Novoe Usmanovo

В последнем упомянутом населенном пункте также обнаружены памятники, датированные 1893 и 1898 годами. В с. Новое Ермаково же найден эпиграфический памятник, относящийся к 1892 году. До наших дней на некрополе с. Камышла сохранились еще два эпиграфических памятника, относящихся к XIX веку. В Камышлинском районе были, конечно, более древние камни, но, к сожалению, они уже не сохранились. Надписи на сохранившихся тоже были повреждены, но тексты некоторых из них еще выдержали суровые условия природы, даты и имена хоть и с трудом, но можно было атрибутировать.

В регионе сохранился один надмогильный камень, установленный на могиле религиозного деятеля. Таков, например, памятник Шайхулабрара хазрата на втором кладбище с. Камышла, но все же его нельзя назвать древним, т. к. текст на оборотной стороне плиты написан на кириллице. На этом надмогильном камне написаны следующие слова:

«Би-исмиһи Тәгааләә
бу кабердә мәдфүн кари имам
Шәйхеләбрар
1931 нче йылда 50 йәшендә
иннәә лилләәһи вә иннәә иләйһи раажигуун
Зыйа Йәгүдин тарафындан
йәдкәрлик».

Перевод на русский язык: «Именем Всевышнего Аллаха. В этой могиле похоронен чтец Корана, имам Шайхулабрар, в 1931 году в возрасте 50 лет. Поистине, все мы принадлежим Аллаху и, поистине, к Нему вернемся. Памятник установлен Зыей Ягудиным».

Как уже отмечали, мы не изучали памятники с арабскими надписями, установленные умершим после 1939 года, потому что чем новее камень, тем меньше его историческое значение. Камни, полностью расписанные арабской графикой, встречаются в Камышлинском районе даже в 50-е годы XX века.

В XIX – начале XX вв. в Камышлинском крае на могилах устанавливали только песчаники и известняки. Результаты наших исследований показали, что все они добывались из местных каменных карьеров. Все камни имеют примитивную врезную надпись. Во время экспедиции мы не встретили ни одного памятника с рельефной надписью. Их специально не выпиливали и не придавали им какую-либо форму, а просто находили камни треугольной или прямоугольной формы, затем на них писали краткую информацию об умершем человеке и устанавливали на могилы. Обычно качественные памятники, изготовленные профессионально, ставило богатое население,

так как их изготовление обходилось очень дорого. Один камень по цене равнялся стоимости лошади, а за более изящные и красивые памятники приходилось отдавать стоимость нескольких лошадей (Усманов, 2005, с. 56). Поэтому простые крестьяне могли ставить на могилы своих умерших родственников только необработанные, природные, дикие камни или небольшие деревянные столбы и доски. Например, на втором некрополе с. Новое Усманово обнаружены два высеченных знака (тамги) на деревянных столбах. Поскольку они все равно выполняют ту же функцию, что и надмогильные камни, тоже заслуживают внимания.

Процесс написания и росписи на камне был чрезвычайно сложным, требовал от мастера много сил, усердия, терпения, таланта. Поскольку материал обычно добывается из-под земли и легко обрабатывается во влажном состоянии, для резьбы выбирали свежедобытые камни (Әхмәтҗанов, 2012, б. 52). А когда они уже высыхали, вырезать на них надпись, конечно, было труднее. Камни «часто выпиливали в форме квадрата большой пилой длиной около двух метров, обрабатывали топором, писали пером и вырезали с помощью специальной стамески. Если в процессе работы камень высыхал и затвердевал, то становился неудобным для резьбы, тогда его на некоторое время погружали в воду или поливали водой и таким образом камень размягчали и возвращали в прежнее состояние» (Усманов, 2005, с. 55–56).

Сохранившиеся в Камышлинском районе памятники с арабскими надписями имеют небольшие размеры. Самый большой камень высотой не более 90 сантиметров. Средняя же высота эпиграфических памятников составляет всего лишь 45,2 сантиметра. По сравнению с другими регионами Камышлинский район сильно отличается своими небольшими размерами памятников. Например, средняя высота сохранившихся древних надмогильных камней во многих муниципальных районах Республики Татарстан составляет примерно 85–90 сантиметров. Это является показателем того, что жители Камышлинского края были скромными и глубоко религиозными, не соревновались в установке больших и роскошных памятников, не тратили большие деньги на их изготовление и не старались превзойти в этом деле друг друга, как, например, татары, жившие в Заказанье. Известно, что ислам неодобрительно относится к установке дорогих надмогильных плит, монументальных сооружений (Керимов, 2009, с. 75).

Обычно на древних татарских памятниках, помимо сведений об умершем, писались аяты Корана, хадисы – высказывания пророка Мухаммада, молитвы, мудрые слова, стихи, афоризмы. Полное структурное деление булгаро-татарских эпитафий предложил ученый-эпиграфист Дж. Мухаметшин, который разделил их на семь частей (Мухаметшин, 2008, с. 26–27), однако в большинстве случаев не все эти компоненты содержатся в текстах памятников, и поэтому некоторые из них можно рассматривать как единое целое. Мы же считаем правильным разделить древние татарские эпитафии на четыре большие части: введение, основная часть, молитвенная часть и дополнительная часть (Гайнетдинов, 2016, с. 137–138). Во вступительной части памятников помещены религиозные формулы, слова или фразы. Они всегда писались на языке, на котором был ниспослан Коран, т. е. на арабском языке, и содержали имена, атрибуты Бога или аяты Корана и хадисы, а также часто употреблялись слова, напоминающие человеку о смерти, загробной жизни, Аллахе. Во второй, т. е. в основной части древних эпитафий, написаны имя усопшего, отчество (иногда и имя деда или краткая родословная, титул), дата смерти (в некоторых случаях причина смерти) и т. д. Обычно эта часть была на татарском языке, лишь в редких случаях на арабском или на обоих языках. Третья часть эпитафий – молитва за усопшего. Эта часть может быть как на татарском, так и на арабском языках. У каждого мастера-резчика были свои любимые молитвы, и каждый писал по-разному. Также на оборотной, правой и левой сторонах надмогильных плит могли быть написаны дополнительные эпитафические компоненты. В этой дополнительной части часто приводятся поэтические строки.

На большинстве татарских памятников, сохранившихся в Камышлинском районе, указаны только имя обитателя могилы, отчество (в некоторых случаях, если женщина, то и имя мужа) и год смерти (в некоторых случаях и год рождения). Только на надмогильном камне Фатымы, дочери Вакказа, сохранившемся на кладбище с. Старое Ермаково, написано: «аят ал-Курси» (аят из Корана), на втором некро-

Рис. 4. Тамга, с. Новое Ермаково.
Fig. 4. Tamga, Novoye Ermakovo

Рис. 5. Тамга, с. Старое Ермаково
Fig. 5. Tamga, Staroye Ermakovo

поле с. Камышла – слова из Корана: «Инна лилляhи ва инна илейхи раджигун» («Воистину мы принадлежим Аллаху и воистину мы к нему вернемся»), на пяти камнях: «ляя иляха илляллах» («нет божества, достойного поклонения, кроме Аллаха»), на трех камнях написано продолжение этих слов единобожия: «Мухаммадур-расулюллах» («Мухаммад – Посланник Аллаха»). Татарские богословы призывали не писать на памятниках лишних, ненужных слов. Например, великий ученый и богослов Ризаэтдин Фахретдин наглядно описал, как и что должно быть написано на камнях: «Надмогильные камни – это не тетради, в которых записываются доклады и письма, не черные доски, на которых пишутся прекрасные образцы письма и сочинения. Поэтому достаточно правильное написание имени, семьи и фамилии умершего, безошибочного указания даты рождения и смерти» (Фәхретдин, 1913, б. 556).

Что касается особенностей текстов надмогильных плит Камышлинского края, то следует отметить, что в XIX – начале XX вв. иногда наблюдались случаи написания цифр не слева направо, как принято, а справа налево. Поскольку в арабском языке слова и буквы пишутся справа налево, то, видимо, думали, что так же должны быть написаны и цифры. Также было и наоборот: некоторые мастера-резчики, знавшие, что цифры пишутся слева направо, также писали слово «год» справа от цифр, например, вместо «в 1925 году» писали «в году 1925», вместо «в 1928 году» писали «в году 1928», вместо «в 1931 году» писали «в году 1931».

Если не было возможности изготовить памятники с надписями, то вместо них устанавливали на могилах камни с высеченными на них тамгами. На кладбищах Камышлинского района выявлено немало таких родовых тамг, которые, несомненно, относятся к татарам. На двух некрополях с. Камышла найдено 14 тамг, в с. Новое Ермаково – 10 (рис. 4), в с. Старое Ермаково – пять (рис. 5), в с. Новое Усманово – три, в с. Старая Балыкла и Татарский Байтуган – по одной.

Как известно, тамга – это родовой знак, изображающийся или ставящийся на документы, орудия труда, землю, скот. В основном у татар каждый род имел свой знак, но со временем, по мере увеличения представителей рода и со сменой поколений, он незначительно мог меняться. По тамгам на надмо-

гильных камнях можно узнать, к какому роду и семейству принадлежал похороненный человек. Хотя они не совсем характерны для булгаро-татарских памятников XIII–XVIII вв., но в XIX в. татары их стали очень часто изображать на надмогильных плитах. Стоит отметить, что тамги активно использовались не только татарами-мусульманами, но и крещенными татарами, т. е. кряшенами, отошедшими от ислама и оставшимися без арабской письменности. Они ставили на могилах небольшие деревянные столбы, на которых были изображены различные тамги (Макаров, 2000, с. 143–156). Вообще, тамги получили широкое распространение у всех тюркских народов и, конечно, имеют некоторую связь с руническим алфавитом.

В ходе экспедиции в двух селах Камышлинского района были обнаружены надмогильные плиты трех человек казахской национальности. Казахские памятники можно легко отличить, так как, во-первых, их имена отличаются от татарских, во-вторых, казахи указывали на камнях информацию о том, к какому роду, племени принадлежал усопший. В Новом Ермаково в 1932 году были похоронены Куранкул, сын Татембека, и Душхан, сын Имбета, в с. Чулпан в 1925 году – человек по имени Зарман. Они происходили из родов Тана и Алаша, входивших в состав Младшего джуза. Этот факт означает, что некоторые представители казахской национальности тоже проживали в этом регионе и, возможно, ныне проживают в упомянутых населенных пунктах, где жили их предки.

Таким образом, есть основания считать, что все татарские кладбища Камышлинского района Самарской области были нами исследованы в эпиграфическом плане. Мы впервые ввели в научный оборот тексты некоторых ранних памятников, относящиеся ко второй половине XIX в. Татары, проживающие в Камышлинском районе, в вопросе установки памятников строго соблюдали нормы шариата, стремились к экономии средств, ставили простые и маленькие памятники, не писали на них лишних слов, не изображали узоры и орнаменты. В регионе найдено более ста лапидарных памятников, относящихся к 1879–1939 гг. Почти все они выполнены в примитивном виде, имеют небольшие размеры, их тексты врезные, очень короткие, лаконичные, а на некоторых татарских надмогильных плитах имеются только родовые тамги. Вообще, искусство резьбы по камню в Камышинском крае не получило существенного развития. Вероятно, на это повлияло материальное положение местного населения, тем не менее сохранившиеся здесь относительно древние эпиграфические памятники, несомненно, имеют историческое значение и являются частью татарского историко-культурного наследия.

ЛИТЕРАТУРА

Әхмәтҗанов М.И. Татар археографиясенә сәхифәләр. Тарих пәрдәләре күтәрелгәндә: Фәнни-популяр хезмәт. Казан, 2012. 132 б.

Бадртдинов А.Х. Корепанов К.И., Гайфутдинов А.А. История татар в Камышлинском регионе. Казань: Познание, 2017. 136 с.

Гайнетдинов А.М. Борынгы татар эпитафияләренең структурасы һәм эчтәлеге // Актуальные проблемы современной фольклористики. Вып. 1 / сост. Э. Ф. Камалова. Казань: Ихлас, 2016. С. 137–141.

Керимов Г.М. Шариат: Закон жизни мусульман. Ответы Шариата на проблемы современности. СПб.: ДИЛЯ, 2009. 512 с.

Макаров Г. Ыру тамгасы, баш казыгы һәм ташбилге – борынгыдан килгән тарихи хәтер билгеләре // Проблемы изучения истории заселения и образования населенных пунктов Альметьевского региона / Ред. Р.М. Мухаметшин. Казань: Дом печати, 2000. Б. 143–156.

Мухаметшин Д.Г. Татарские эпиграфические памятники. Региональные особенности и этнокультурные варианты / Археология евразийских степей. Вып. 6. Казань: ИА АН РТ, 2008. 132 с.

Усманов В.М. Тарихи ядкәрләр. Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2005. 168 б.

Фәхретдин Р. Габдессәлам мөфтинең хәтер дәфтәре // Шура. 1913. № 18. Б. 555–557.

Информация об авторе:

Гайнутдинов Айдар Марсилевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (г. Казань, Россия), доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); aydargm@yandex.ru

REFERENECES

Akhmatdzhanov, M. I. 2012. *Tatar arkheografiyasenə səkhifələr. Tarikh pərdələre kytərelgəndə: Fənni-populyar khezmət (Pages of Tatar archeography. When the veils of history rise: a popular science work).* Kazan (in Tatar).

Badrtdinov, A. Kh., Korepanov, K. I., Gaifutdinov, A. A. 2017. *Istoriya tatar v Kamyshlinskom regione (History of the Tatars in the Kamyshla region).* Kazan: "Poznanie" Publ. (in Russian).

Gainetdinov, A. M. 2016. *Aktual'nye problemy sovremennoy fol'kloristiki (Current issues of modern folklore).* Kazan: "Ikhlas" Publ., 137–141 (in Tatar).

Kerimov, G. M. 2009. *Shariat: Zakon zhizni musul'man. Otvety Shariata na problemy sovremennosti (Sharia: the law of Muslim life. Answers of Sharia to modern challenges).* Moscow: "Dilya" Publ. (in Russian).

Makarov, G. 2000. In Mukhametshin, R. M. (ed.). *Problemy izucheniya istorii zaseleniya i obrazovaniya naselennykh punktov Al'met'evskogo regiona (Issues of studying the history of settling and formation of settlements in the Almetyevsk region).* Kazan: "Dom pechati" Publ., 137–141 (in Tatar).

Mukhametshin, D. G. 2008. *Tatarskie epigraficheskie pamiatniki. Regional'nye osobennosti i etnokul'turnye varianty (Tatar epigraphic sites. Regional features and ethnic-cultural versions)* Series: Arkheologiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes) 6. Kazan: Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).

Usmanov, V. M. 2005. *Tarikhi yadkərlər (Historical properties)*. Ufa: "DesignPoligraphService" Publ. (in Tatar).

Fakhretdin, R. 1913. *Shura (Meeting)* 18, 555–557 (in Tatar).

About the Author:

Gaynutdinov Aydar M., Candidate of philological sciences, Senior Researcher, Institute of History named Sh. Mardjani, Tatarstan Academy of Sciences, Baturin St., 7A, Kazan, 420100, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; associated professor, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; aydargm@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2024 г.
Статья принята к публикации 01.10.2024 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ X МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ДИАЛОГ ГОРОДСКОЙ И СТЕПНОЙ КУЛЬТУР НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ» ПАМЯТИ Г.А. ФЁДОРОВА – ДАВЫДОВА 14 – 19 МАЯ 2024 Г. Г. ПЕНЗА

В конференции приняли участие более 140 человек — российские и зарубежные археологи, историки, сотрудники музеев, краеведы, представители органов законодательной и исполнительной власти Пензенской области, преподаватели высших, специальных и средних учебных заведений, студенты и школьники.

На пленарном заседании и в ходе работы четырёх секционных заседаний были заслушаны 148 докладов (офлайн – 80, онлайн – 68), объединённые общей темой «Результаты новейших исследований памятников археологии золотоордынского периода как часть объектов культурного наследия народов РФ».

Участниками конференции стали представители восьми стран: Турции, Монголии, Венгрии, Кыргызстана, Узбекистана, Азербайджана, Казахстана и двадцати восьми городов России: Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Пензы, Астрахани, Тамбова, Воронежа, Ставрополья, Симферополя, Уфы, Йошкар-Олы, Ульяновска, Самары, Азова, Краснодара, Волгограда, Саранска, Саратова, Будённовска, Екатеринбурга, Пятигорска, Барнаула, Красноярска, Новосибирска, Томска, Новосибирска, Иркутска, Владивостока.

В рамках конференции в Пензенском государственном краеведческом музее и Музее–заповеднике Наровчатского района Пензенской области были открыты выставка «Улус Мохши. На северо-западной окраине Золотой Орды» и экспозиция полотен Станислава Бородина, члена Санкт-Петербургского отделения Союза художников России, участника Пензенского археологического отряда.

Материалы X Международной конференции опубликованы в научном журнале «Археология Евразийских степей» (№2 и 3 за 2024 г.).

Участники конференции выражают благодарность губернатору и правительству Пензенской области, руководству Института регионального развития Пензенской области, Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Казанского (Приволжского) федерального университета, Марийского государственного университета за организацию и проведение на высоком уровне научного форума.

Участники конференции констатируют:

- археологические исследования памятников Золотой Орды проводятся и будут продолжаться, учитывая постоянно растущий интерес общественности к этой эпохе;

- сделанные в ходе научных экспедиций открытия позволяют лучше изучить историю Золотой Орды и сопредельных государств, их материальную и духовную культуру.

Участники научной конференции памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова поддерживают её дальнейшее проведение и приняли решение провести следующую XI научную конференцию памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова в столице республики Татарстан г. Казани в 2026 году.

В области охраны памятников археологии участники юбилейной

X Международной научной конференции отмечают:

- важность продолжения работы по поляризации исторического прошлого народов РФ;

- действующее законодательство в области охраны объектов культурного наследия, имея ряд юридических недочётов, не позволяет обеспечить сохранность памятников археологии;

- востребованность продолжения работы по археологическому исследованию и реализации программы музеефикации Наровчатского городища;

- необходимость организации на базе раскопок средневекового Наровчатского городища историко-археологический парка.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
АН СССР – Академия наук СССР
АЭБ – Археология и этнография Башкирии
АЭМК – Археология и этнография Марийского края
БашГУ – Башкирский государственный университет
БГИАМЗ (БГИАЗ) – Билярский государственный историко-архитектурный музей-заповедник (Билярский государственный историко-архитектурный заповедник)
БФ АН СССР – Башкирский филиал Академии наук СССР
ВВ – Византийский временник древней истории
ВДИ – Вестник древней истории
ГАИМК – Государственная Академия материальной культуры
ГИМ – Государственный исторический музей
ИА АН СССР – Институт археологии Академии наук СССР
ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук.
ИАК – Известия археологической комиссии
ИА НАНУ – Институт археологии Национальной Академии наук Украины
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН
ИГ СО РАН – Институт географии СО РАН
ИИ АН РТ – Институт истории Академии наук Республики Татарстан
ИИМК РАН– Институт истории материальной культуры РАН
ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ИЯЛИ КФАН СССР – Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР
КазГИК – Казанский государственный институт культуры
КАЭЭ – Камская археолого-этнографическая экспедиция Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета
ККНИИГН ККО АН РУз – Каракалпакский научно-исследова-тельский институт гуманитарных наук Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан
ККО АН РУз Каракалпакское отделение Академии наук Республики Узбекистан
КИО – культурно-историческая общность
КСИА – Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КСИИМК – Краткие сообщения и доклады Института истории материальной культуры АН СССР
КФУ – Казанский федеральный университет
МАРТ – Музей археологии Республики Татарстан ИА АН РТ
МарГУ – Марийский государственный университет
МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (г. Москва).
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МИЦАИ Международный институт центральноазиатских исследований
РА – Российская археология
РАН – Российская академия наук.
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СОИКМ – Самарский областной историко-краеведческий музей имени П.В. Алабина
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
СЭ – Советкая этнография
ТГПИ – Тобольский государственный педагогический институт
Труды КАЭЭ – Труды Камской археолого-этнографической экспедиции
ТХАЭЭ – Труды Хорезмской археологической экспедиции
УЗ ПГУ – Ученые записки Пермского государственного университета
УрО РАН – Уральское отделение РАН

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов регулирующих взаимоотношения автора и издателя представлены на сайте журнала по адресу:

http://evrazstep.ru/index.php/aes/author_guidelines

Порядок приема материалов

№ 1 (февраль) – не позднее 1 декабря

№ 2 (апрель) – не позднее 1 февраля текущего года

№ 3 (июнь) – не позднее 1 апреля текущего года

№ 4 (август) – не позднее 1 июня текущего года

№ 5 (октябрь) – не позднее 1 августа текущего года

№ 6 (декабрь) – не позднее 1 октября текущего года

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

INSTRUCTIONS FOR AUTHORS

All information for authors concerning the submission of papers, the procedure of their examination, review, instructions and recommendations for the execution of materials, issues regulating the communication between the author and the publisher are provided on the journal's website at:

http://evrazstep.ru/index.php/aes/author_guidelines

Manuscripts shall be submitted by the following dates:

Vol.1 (February) – not later than December 1 of the current year

Vol.2 (April) – not later than February 1 of the current year

Vol.3 (June) – not later than April 1 of the current year

Vol.4 (August) – not later than June 1 of the current year

Vol.5 (October) – not later than August 1 of the current year

Vol.6 (December) – not later than October 1 of the current year

Manuscripts not meeting the specified requirements in terms of execution shall not be examined by the editorial board!

These instructions come into effect since their publication in the journal and on the journal's website.

Журнал основан в мае 2017 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77– 79080
от 28 августа 2020 г. выдано Роскомнадзором
Оригинал–макет – *А. С. Беспалова*
420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Дата подписи в печать 25/10.2024
Дата выхода в свет 31.10.2024
Формат 60×84 1/8
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 41,85
Тираж 1000 экз. Первый завод 100 экз. Заказ №
Свободная цена
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии "Orange Key"
г. Казань, ул. Галактионова, 14
16+

